2014

ГОД КУЛЬТУРЫ

ЮГРА

ГОД КУЛЬТУРЫ 2014

THE DEPARTMENT OF CULTURE OF THE KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS OKRUG – UGRA

AI OF KHMAO –UGRA "CENTER OF PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE"

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE NORT

RPA "THE NORTHERN ARCHAEOLOGY - 1"

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

THE INSTITUTE OF HUMANITARIAN SCIENCES AND ARTS OF THE URAL FEDERAL UNIVERSITY

PROBLEMS OF PRESERVATION AND USE CULTURAL HERITAGE:

THE HISTORY, METHODS AND PROBLEMS PROTECTIVE ARCHAEOLOGICAL RESEARCHS

Materials of the VII Scientific-Practical Conference
"Study and conservation of immovable cultural heritage
of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra",
dedicated to the 90th anniversary of the birthday of V. F. Gening
(Nefteyugansk, 14–16 May 2014)

YEKATIRENBURG – NEFTEYUGANSK
2014

ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ ХМАО – ЮГРЫ

АУ ХМАО – ЮГРЫ «ЦЕНТР ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ»

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

НПО «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ – 1»

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК И ИСКУССТВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ:

ИСТОРИЯ, МЕТОДЫ И ПРОБЛЕМЫ ОХРАННЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Материалы VII научно-практической конференции
«Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»,
посвященной 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга
(Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.)

ЕКАТЕРИНБУРГ – НЕФТЕЮГАНСК
2014

УДК 902/904 (571/122)
ББК 63.4

П 78 **Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований:** Материалы VII научно-практической конференции «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвященной 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). – Екатеринбург: Изд-во Горбуновой, 2014. – 344 с.

ISBN

УДК 902/904 (571/122)
ББК 63.4

Научный редактор*: канд. ист. наук. В. А. Борзунов*

Издание осуществлено на средства
Автономного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Центр охраны культурного наследия»
www.iknugra.ru

ISBN

© Коллектив авторов, 2014
© Горбунова М. Б., оформление, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

I. АРХЕОЛОГ ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ ГЕНИНГ – 90 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Овчинникова Б. Б. К 90-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга 8
Овчинникова Б. Б. Основные даты жизни и деятельности профессора В. Ф. Генинга 14
Ашихмина Л. И. Посвящения выдающемуся исследователю Владимиру Федоровичу Генингу 22
Макаров Л. Д. В. Ф. Генинг и история Древнерусской Вятки 27
Молодин В. И. Владимир Федорович Генинг и его Уральская научная археологическая школа. Разработка периодизации древних культур Прииртышья и ее научное значение 31
Генинг В. В. Проблемы периодизации первобытности в поздних трудах В. Ф. Генинга 39
Пачкова С. П. Вспоминая Владимира Федоровича Генинга 68
Иштван Фодор В. Ф. Генинг и венгерская археология 71

II. ИСТОРИОГРАФИЯ ОХРАННЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Векслер А. Г. Спасательная археология Москвы на рубеже XX–XXI веков 76
Руденко К. А. Охранные археологические исследования в ТАССР – Республике Татарстан в 1950-х – 1990-х гг.: их научное и организационное значение для Казанской археологии 80
Мурыгин А. М., Карманов В. Н. Новые археологические открытия в тундрах северо-востока Европы .. 89
Собольникова Т. Н., Кузина А. В., Кениг А. В. Мониторинг объектов археологического наследия Октябрьского района ХМАО – Югры в 2013 г. 93
Сериков Ю. Б. Мониторинг археологических памятников на реке Сосьва 98
Чаиркин С. Е. Археология Свердловской области: реалии, проблемы, перспективы 109
Погорелов С. Н. Проблемы выявления, изучения и сохранения объектов культурного наследия в Свердловской области (на примере «городской» и «торфяниковой» археологии) 112
Бородовский А. П. Итоги археологического изучения южного участка проектируемой трассы магистрального газопровода «Алтай» в 2010–2012 гг. 121
Макаров Н. П. Охранные археологические исследования Красноярского краевого краеведческого музея. 125 лет истории 126
Ишутина П. В. Итоги инвентаризации объектов археологического наследия, расположенных на территории Ачинского, Березовского, Емельяновского и Канского районов Красноярского края 133
Лысенко Д. Н., Тарасов А. Ю. Проблемы сохранения и перспективы исследований археологических объектов на территории города Енисейска 137
Вдовин А. С., Кузьминых С. В. Археологические памятники Сибири в зоне хозяйственного освоения (конец XIX – начало XX в.) 144
Строгова Е. А. Охранная археология в городе Якутске: первые шаги 150

III. РАЗВИТИЕ МЕТОДОВ ОХРАННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АРХЕОЛОГИИ

Гусенцова Т. М. Методы и результаты охранных исследований памятников эпохи камня в регионе Санкт-Петербурга 154
Крыласова Н. Б., Белавин А. М. Комплекс мероприятий по охране Рождественского археологического комплекса в рамках программы противоаварийных исследований в Пермском крае 158
Петров В. Л. Теоретические аспекты изучения культовых комплексов на средневековых поселениях в Пермском Предуралье 163
Глызин И. П., Марков С. О. Археологическое сопровождение проектных работ: опыт ОАО «ТомскНИПИнефть» 168
Зайцева О. В., Пушкарев А. А. Наземная фотограмметрия в археологии: новые возможности высокоточной оперативной полевой 3D фиксации 172

Тюняев А. А. Динамика археологических памятников центральных областей Русской равнины по данным Отдела археологических сводов и карт Института Археологии РАН 175
Пермиловская А. Б. Проблема сохранения и использования культурного наследия на примере исторических ландшафтов Русского Севера 180
Заика А. Л. О проекте музея-заповедника «Шалаболинская писаница» 188
Татаурова Л. В. Проблемы сохранения и исторической реконструкции объектов культурного наследия в границах современного населенного пункта (на примере Такмыкского острога) 194
Карачаров К. Г. Спасательные археологические полевые работы как вариант «черной археологии»... 199
Рожнова О. Ю. Археология и средства массовой информации: проблемы и характер взаимодействия 204

IV. НАУЧНОЕ ОСВОЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОХРАННЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Чемякин Ю. П. Иткульские древности из грабительских раскопок 207
Борзунов В. А. Гамаюнские, иткульские и «гамаюно-иткульские» древности: история изучения и проблема интерпретации 212
Расторопов А. В. Исследования комплекса археологических памятников в бассейне Конды у села Старый Катыш 246
Мингалев В. В., Перескоков М. Л. Результаты охранных раскопок Мокинского могильника III–VI вв. н. э. в Пермском Прикамье 255
Гордиенко А. В. Предварительные итоги раскопок городища Андреевское 4 в Тюменском Притоболье 262
Расторопов А. В. Охранные исследования Кошелёвского городища в Нижнем Прииртышье 269
Перескоков М. Л. Некоторые итоги исследования городища Каштан I в Республике Татарстан в 2013 г. 278
Подосёнова Ю. А. Филигранные ювелирные изделия с территорий Западной Сибири, Республики Коми, Пермского и Удмуртского Предуралья: особенности исследования 285
Сарапулов А. Н. Классификация и хронология железных наконечников пахотных орудий Пермского Предуралья эпохи средневековья 290
Беркович В. А., Егоров К. А. Новые материалы о потомках хана Кучума (по результатам охранных исследований в историческом центре Москвы) 296
Лихтер Ю. А. Новые находки стекла в Москве (раскопки 2013 года) 302
Мишин С. А., Никитин А. Ю. Челябинские бани XVIII–XIX вв. (по материалам археологических исследований) 308
Баранов М. Ю. Культурно-хозяйственный комплекс приобских остяков XVII–XIX вв. (по материалам исследований поселения «Урочище Бала 1») 314
Скоробогатова А. Ю. Результаты археологических раскопок на территории объекта культурного наследия регионального значения «Усадьба П. А. Кайдалова», проведенных в 2013 г. в с. Ларьяк Нижневартовского района ХМАО – Югры 324

VII научно-практическая конференция «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвященная 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). ***Программа*** 328

VII научно-практическая конференция «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвященная 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). ***Резолюция*** 332

Список сокращений 338

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ ГЕНИНГ

10.05.1924 – 30.10.1993

АРХЕОЛОГ ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ ГЕНИНГ – 90 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Б. Б. Овчинникова
г. Екатеринбург
УрФУ

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ФЕДОРОВИЧА ГЕНИНГА

10 мая 2014 г. исполняется 90 лет со дня рождения выдающегося теоретика и практика в области археологии, этнографии, истории первобытного общества, методологии и теории науки, талантливого ученого и педагога Владимира Федоровича Генинга.

В. Ф. Генинг родился 10 мая 1924 г. в семье потомственного земского учителя Фридриха Карловича Генинга, 1896 г. р., мать – Софья Федоровна Роот, 1901 г. р. В 1907 г. семья, согласно реформе Столыпина, выехала из Поволжья на Алтай, а позже проживала в Казахстане.

В 1942 г., по окончании Текелийской средней школы Талды-Курганского р-на Алма-Атинской обл., В. Ф. Генинг был мобилизован РВК в трудовую армию на строительство железной дороги Свияжск – Ульяновск. Тяжелые годы юности прошли в Казани и Ульяновске – в рабочих колониях для советских немцев (июнь 1942 г. – 1945 г.) [*Мельникова, 2003*. С. 57].

«Пермский» период (1945–1954 гг.). В 1945 г. Владимир Федорович был переведен в Красновишерский леспромхоз Молотовской (ныне – Пермской) обл., где с августа 1945 по 1948 гг. работал преподавателем истории, географии и немецкого языка в семилетней школе г. Красновишерска. Именно так начался «пермский» период в творческой биографии В. Ф. Генинга. Работа в школе стала отправной точкой формирования его интереса к археологии. Во время летнего краеведческого похода со школьниками В.Ф. Генинг случайно обнаружил наскальные рисунки у Писаного камня на р. Вишере и скопировал их. Это стало побудительным мотивом к получению профессионального исторического образования. Тогда же, в 1947 г., он поступает на заочное отделение историко-филологического факультета Молотовского (впоследствии – Пермского) университета, а через год переходит на стационарное обучение, специализируясь по археологии. Придя в университет со своим первым археологическим «открытием», В. Ф. Генинг уже летом 1948 г. вместе с группой школьников провел свою первую археологическую экспедицию в районе Писаного камня – по Средней Вишере между деревнями Акчим и Писаной. Под его руководством и лично им было скопировано несколько групп наскальных изображений Писаного камня и проведены разведочные раскопки находящегося рядом жертвенного места. Так в стенах Пермского университета началось формирование Владимира Федоровича как ученого. Методику и технику археологических раскопок он постигал под руководством известного уральского археолога Отто Николаевича Бадера. Тогда помощниками в работе О. Н. Бадера становятся его ученики – однокурсники Владимир Антонович Оборин, Владимир Федорович Генинг, Владимир Петрович Денисов. По воспоминаниям В. П. Денисова, они – «три Володи» – стояли у истоков создания археологического музея на факультете. На протяжении всей последующей жизни их связывала творческая дружба. Сегодня это известные имена в области не только уральской, но российской и зарубежной археологии.

Уже в студенческие годы В. Ф. Генинг проявил незаурядные научные и организаторские способности. После 3-го курса он стал начальником крупного отряда Камской археологической экспедиции (КАЭ), организованной О. Н. Бадером. Следуя научной школе своего учителя, В. Ф. Генинг сумел воспринять от него методику комплексного изучения древностей (особенно применение статистико-типологических подходов к изучению массового материала), а также идею научной организации крупномасштабных полевых археологических работ на новостройках (на примере деятельности Камской экспедиции) [*Денисов, 2000*].

В период обучения в университете будущий археолог активно участвует как в разведках, так и стационарных раскопках памятников, расположенных по берегам рек Камы, Вишеры, Колвы, Сылвы. Изучение разновременных памятников в КАЭ во многом определили общее направление исследовательских интересов молодого ученого – железный век Прикамья. Уже в студенческие годы у него выходит первая научная статья о северной границе ананьинской культуры, опубликованная в центральном специализированном журнале «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР» [*Генинг, 1951*].

Творческая одаренность В. Ф. Генинга проявилась не только в научной сфере. Он всегда принимал активное участие в общественной жизни университета – являлся членом научного студенческого общества и факультетского бюро ВЛКСМ, художником университетской газеты, участником художественной самодеятельности, при этом всегда был душой коллектива. В период учебы и позже, работая сельским учителем, В. Ф. Генинг сотрудничал с Пермским областным краеведческим музеем. На протяжении ряда лет он руководил археологической экспедицией музея, а также выполнял для него художественные работы. До сих пор в музее, в зале «Древнее искусство народов Прикамья» экспонируются написанные им маслом два документальных полотна с изображением наскальных рисунков Писаного камня. После окончания университета (1952 г. – диплом с отличием) в течение двух лет В. Ф. Генинг работает преподавателем средних школ в Кудымкаре и с. Сива Молотовской обл.

«Удмуртский» период (1954–1955 гг.). В 1954 г. по распоряжению Совета министров Удмуртской АССР в целях планомерного и всестороннего исследования археологических памятников была организована Удмуртская археологическая экспедиция, на руководство которой был приглашен В. Ф. Генинг. Затем он был зачислен в Удмуртский республиканский музей на должность заместителя директора по науке. С этого, условно именуемого нами *«удмуртского»* периода, начинаются планомерные исследования в Удмуртии. Первые три года (1954–1956) были посвящены сплошному обследованию Прикамской Удмуртии. Разведочные работы велись по обоим берегам Камы и Ижа. За это время раскопками Удмуртской археологической экспедиции было охвачено 18 памятников. В том числе 8 из них, расположенных в Прикамской Удмуртии, и 3 – в среднем течении реки Вятки – исследовались под руководством В. Ф. Генинга. Всего им здесь было вскрыто 9487 кв. м культурного слоя, обнаружено 10 жилищ, 70 очагов, 389 погребений, 97 хозяйственных и жертвенных ям [*Останина, 2000.* С. 193]. Полученный материал позволил В. Ф. Генингу выделить мазунинскую и азелинскую культуры раннего железного века. В 1957–1958 гг. работы Удмуртской экспедиции переместились на реку Чепцу. Результатом археологических исследований в этом районе стало выделение и характеристика ученым памятников поломской и чепецкой культур начала эпохи железа. Нужно отметить, что эти работы В. Ф. Генинг выполнял, будучи в аспирантуре Института языка, литературы и истории при Казанском филиале Академии Наук (ИЯЛИ КФАН) СССР, куда он поступил в 1955 г. Его научный руководитель – заслуженный деятель науки ТАССР Н. Ф. Калинин.

«Казанский» период (1955–1960 гг.) деятельности Владимир Федорович называл «прекрасными годами» [*Старостин, 2000.* С. 194]. Он увлеченно занимается не только археологией, но и философией. Причем настолько серьезно, что ему предлагают заняться философией профессионально. Видимо, уже тогда для него стало очевидным, насколько археологической науке необходима серьезная теоретическая база [*Там же.* С. 194]. В это время территория археологических исследований В. Ф. Генинга значительно расширилась за счет обследования ряда районов Марийской и Татарской республик. Одновременно он продолжал полевые работы в Удмуртии: на могильниках Чеганда II, Чазевский, Митинский, Мыдлань-Шай и городищах Чеганда I, Осинское, Весья-Карское. Провел небольшие раскопки на городище Алтен-Тау под Пермью. К этому же периоду относятся исследования комплекса памятников около села Рождествено Лаишевского р-на Татарстана. Совместно с А.Х. Халиковым проведены раскопки Большетарханского могильника, оставленного ранними болгарами на Волге. По мнению П. Н. Старостина, это, пожалуй, был один из наиболее плодотворных и успешных периодов научных исследований В. Ф. Генинга [*Там же.* С. 195]. Итоги археологических работ Владимира Федоровича были изложены им в диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме: «Пьянобрская культура на Средней Каме (III в. до н. э. – II в. н. э.)», которую он защитил в 1959 г. в Москве, в Институте археологии АН СССР.

«Свердловский» период (1960–1974 гг.) В 1960 г. В. Ф. Генинг прошел по конкурсу на должность доцента кафедры истории СССР исторического факультета в Уральском государственном университете им. А. М. Горького (УрГУ) и переехал с семьей в Свердловск (ныне Екатеринбург). Начался новый – «*свердловский*» период активной научно-педагогической деятельности ученого. В. Ф. Генинг поставил на научную основу обучение студентов. Под его руководством на историческом факультете была открыта специализация по археологии. В Уральском университете в полной мере раскрылся неповторимый талант В. Ф. Генинга как лектора. Он был «король аудитории» [*Поляковская, 2000.* С. 9]. Была ли это учебная лекция для студентов или выступление с научным докладом на конференции любого уровня – от регионального до международного, В. Ф. Генинг всегда умел привлечь внимание слушателя. Можно сказать, студентам исторического факультета УрГУ в 60-е – 70-е гг. прошлого столетия повезло. Уже с первого курса судьба

подарила им блестящего лектора – обаятельного, артистичного, красивого, а главное, высокопрофессионального педагога. В. Ф. Генинг читал курсы лекций по основам археологии и истории первобытного общества, спецкурсы по археологии Урала и Западной Сибири. Кроме преподавательской деятельности и руководства археологической экспедицией, довольно много времени В. Ф. Генинг уделял общественной работе. Он был то председателем цехкома исторического факультета, то возглавлял группу народного контроля, то жилищную комиссию месткома УрГУ [*Ковалева, 1990.* С. 64]. Он всегда активно участвовал во всех культурных мероприятиях факультета и университета.

Вместе с тем основным делом своей работы в университете, которой В. Ф. Генинг уделял самое большое внимание и время, были студенты, специализировавшиеся по археологи. Он передавал им свой опыт и умение работать как в поле, так и в лаборатории – в процессе камеральной обработки материалов, прививая необходимые навыки при исследовании археологических объектов. Уделяя большое внимание междисциплинарным связям в научном исследовании, ученый находил возможность приглашать для чтения на истфаке спецкурсов ведущих специалистов: Г. Ф. Дебеца (антропология), М. П. Грязнова (археология Сибири), В. Н. Чернецова (этнография и археология Западной Сибири), В. В. Пименова (этносоциологические исследования), Э. С. Маркаряна (теория культур, философия), В. М. Бахта (историческая этнология), Е. Н. Черных (естественные методы в археологии, черная металлургия) и др. Кроме того, для участия в полевых работах Уральской археологической экспедиции с целью профессионального обучения студентов приглашались специалисты в области археологии и антропологии из столичных академических учреждений: Л. Я. Крижевская (ЛОИА АН СССР, неолит), М. Г. Мошкова (ИА АН СССР, сарматский период), М.С. Акимова (ИЭ АН СССР, антрополог) и др.

По инициативе В. Ф. Генинга в 1961 г. на историческом факультете УрГУ была создана единая Уральская археологическая экспедиция (УАЭ), вместо ранее существовавших двух небольших отрядов Средне-Уральской (руководитель – Е. М. Берс) и Южно-Уральской (руководитель – К. В. Сальников) археологических экспедиций. Это дало возможность начать исследования в Зауралье и Западной Сибири, что было давней мечтой ученого. В. Ф. Генинг считал, что компоненты некоторых археологических культур Волго-Камья и Южного Приуралья надо искать именно на обширных лесостепных просторах Зауралья и Западной Сибири. Они в это время археологически были мало исследованы.

За годы руководства В. Ф. Генингом Уральской археологической экспедицией были проведены широкомасштабные исследования на территории Урала и Западной Сибири. Разведками были обследованы бассейны рек Исети, Туры, Тавды, Тобола, Ишима, Иртыша и др. (1961–1974 гг.). Проведена разведка в Новосибирской обл., на территории Барабы (1971 г.). Стационарными раскопками охвачены памятники Тюменской, Челябинской, Курганской, Омской обл. (1965–1975 гг.), возобновлены раскопки в Удмуртии (1968–1972 гг.). Основной задачей этих работ было составление археологических карт, установление хронологии памятников, выделение археологических культур и культурных типов. Все это стало возможным благодаря организаторским способностям и педагогическому дару В. Ф. Генинга. Он сумел вовлечь целую плеяду студентов в очень сложную, трудоемкую профессию – археологию. Его доверие к самостоятельной работе студентов воспитывало ответственность: специализирующиеся по археологии студенты получали свои первые «Открытые листы» на право самостоятельного проведения разведок, а позже – и стационарных раскопок археологических памятников. Именно такое обучение, практикуемое В. Ф. Генингом при подготовке молодых специалистов, позволило проводить в те годы масштабные археологические исследования. Об этом, в частности, свидетельствует и перечень работ, которые приводит в своих воспоминаниях ученик В. Ф. Генинга, ныне доктор исторических наук, археолог В. В. Евдокимов: «…в 1961 г. в УАЭ было сформировано 18 разведочных групп, обследовавших 261 памятник на территории четырех областей (Свердловской, Тюменской, Курганской, Омской). Стационарно в тот год исследовалось 19 памятников, на которых было вскрыто около 4000 кв. м культурного слоя» [*Евдокимов, 2005.* С. 13]. Привлечение В. Ф. Генингом студентов к научной работе не ограничивалось только полем и отчетами. Он инициировал участие студентов в серьезных научных конференциях как регионального, так и всесоюзного масштаба. Более того, он предоставлял им возможность публикации своих изысканий не только в студенческих сборниках, но и в профессиональных научных сборниках – совместно с ним, а порой и самостоятельно.

Не случайно, что в период работы в УрГУ В. Ф. Генинг организовал издание продолжающего сборника «Вопросы археологии Урала» (ВАУ), ныне известного многим археологам страны. При нем вышло 13 номеров (из 26). Здесь публиковались статьи студентов и сотрудников археологической экспедиции, в том числе результаты исследований В. Ф. Генинга в Прикамье. Осмысление прикамских материалов и подготовка их к публикации продолжалась весь период работы ученого в Свердловске.

Хотелось бы отметить, что «свердловский» период в научной деятельности В. Ф. Генинга оказался весьма насыщенным и разноплановым. Именно тогда он начинает работать на междисциплинарном уровне, активно привлекая этнологию, лингвистику, топонимику, социологию, философию, теорию культуры, естественные методы при изучении проблем в области урало-сибирской археологии. Сохраняя приверженность к предшествующей сфере научных интересов, особенно к проблеме Великого переселения народов, он занимался исследованием причины миграции угорского населения на запад, определяя район их исхода. Параллельно ученый начал разработку теоретических проблем археологии: определение понятия археологической культуры (АК), культурной общности (области). Как отмечает В. Д. Викторова, на конкретном материале эпохи разложения первобытного общества В. Ф. Генинг наметил систему доказательств соотнесения археологических культур с этнической общностью и социальной структурой (союзом племен) [*Викторова, 2000.* С. 196]. В 1970-е гг. он публикует ряд фундаментальных работ, в которых выделяет два этапа миграционных процессов на Урале в I тыс. н. э. [*Генинг, 1971а*; *1972*]. Именно тогда В. Ф. Генинг впервые вводит термин *«археолого-этнический тип»* (АЭТ). Кроме того, он одним из первых отечественных археологов обращает особое внимание на этнические процессы в первобытности. Этому вопросу посвящена одна из его монографий [*1970*], в которой он выделил этническое самосознание как важнейший этнический показатель [*Викторова, 2000.* С. 197]. К этой проблеме ученый будет обращаться в своих исследованиях постоянно.

Археологическое изучение Удмуртского Прикамья и принципиально новый, богатейший материал, который был при этом получен, позволил В. Ф. Генингу обозначить основные этапы развития прикамского населения с эпохи бронзы и до позднего средневековья, поставив вопрос о происхождении удмуртов. В. Ф. Генинг пришел к выводу, что основу формирования удмуртского народа составило население бассейна р. Чепцы, появившееся здесь во второй половине V – первой половине VI в.

Особо следует отметить, что В. Ф. Генинг, продолжая дело своего учителя О. Н. Бадера и используя опыт пермской археологии, начинает формировать при Уральском университете хоздоговорную систему исследования в области археологии. Эта система давала возможность не только максимального изучения, сохранения и популяризации историко-культурного наследия коренных и пришлых народов Урала и Западной Сибири, но и формирования большого и долговременного научного коллектива практикующих археологов из состава выпускников университета. В 1968 г. в УрГУ была создана хоздоговорная Лаборатория археологических исследований – для ведения аварийно-спасательных работ в районах новостроек, существующая по настоящий день (ныне – ПНИАЛ УрФУ). Таким образом, В. Ф. Генинг стал новатором внедрения хоздоговорных исследований в области археологии в Урало-Западносибирском регионе. К наиболее крупным «кустам» (микрорайонам) археологических памятников, изучение которых было начато под руководством либо при инициативе В. Ф. Генинга, относятся: комплекс памятников на Андреевском озере (под Тюменью), Черноозерский комплекс в Среднем Прииртышье (Омская обл.), Барсова гора на правобережье Оби (близ Сургута, ХМАО – Югра), а также Синташтинский культурный комплекс на реке Синташте, в верховьях Тобола (юг Челябинской обл.). Исследование последнего привело, со временем, к открытию ныне всемирно известного памятника Аркаим. Работы на Аркаиме – под руководством Г. Б. Здановича, ученика В. Ф. Генинга, – не просто были продолжены: была проведена музеефикация всего этого сложного археологического объекта.

В 1970 г. В. Ф. Генинг обратился к сибирской тематике, впервые представив вместе с учениками культурно-хронологическую периодизацию Ишимо-Иртышской лесостепи от нового каменного века до средневековья [*Генинг, Гусенцова и др., 1970*; *Генинг, Корякова и др., 1970*]. Позже его учениками были обобщены материалы по отдельным культурам, периодам и эпохам, подготовлены диссертационные исследования, изданы монографии.

Важным вкладом в археологию явилась разработка В. Ф. Генингом эмпирических методов исследования. В 1971 г. ученым была предложена разработанная совместно с учениками «Программа статистической обработки керамики» [*Генинг, 1971б*]. В дальнейшем она нашла широкое применение в археологических исследованиях. В конце 1970-х гг. был осуществлен ее перевод на ЭВМ. Археологами и сегодня активно используются разработанные В. Ф. Генингом методики обработки не только керамики [*Генинг, 1973*], но и погребального обряда [*Генинг, Борзунов, 1975*], а также методы социальных реконструкций. Под руководством В. Ф. Генинга, в Свердловске оформилась ***Уральская научная археологическая школа***. Его ученики – В. Д. Викторова, Р. Д. Голдина, В. Т. Ковалева (Юровская), Г. Б. Зданович, В. В. Евдокимов, Л. Н. Корякова, В. И. Стефанов, Н. К. Стефанова, Н. В. Федорова, Л. Л. Косинская, Ю. П. Чемякин, В. А. Борзунов, А. Ф. Шорин и другие – продолжают и развивают дело учителя.

Своеобразным подведением научных итогов «свердловского» периода явилась защита В. Ф. Генинга докторской диссертации по теме «Этническая история Южного Прикамья в I тысячелетии н. э.» на заседании Ученого Совета Института Археологии АН СССР в Москве весной 1974 г.

Особенность научного творчества В. Ф. Генинга заключалась в том, что, не ограничиваясь описанием археологических находок и памятников, он стремился использовать их как источник для воссоздания характера общественных отношений в глубокой древности. Проявляя особый интерес к вопросам методологии и теории науки, он справедливо полагал, что без этого археология не может быть достаточно эффективной. В дальнейшей своей научно-исследовательской деятельности именно теоретическим вопросам археологии он уделял особое внимание, что нашло отражение в его дальнейшей работе уже за пределами Урала.

«Киевский» период (1974–1993 гг.) научной деятельности В. Ф. Генинга начался в 1974 г. В этом году ученый был приглашен на должность заместителя директора по научной работе в Институт археологии Академии наук Украины. Здесь ученый полностью посвятил себя разработке теоретических проблем археологии. По его инициативе в 1978 г. в Институте археологии АН Украины был создан Отдел теории и методики археологических исследований, который он и возглавил. По свидетельству Е. П. Бунятян, ученицы В. Ф. Генинга, в своих взглядах он «… яростно отстаивал статус археологии как самостоятельной исторической дисциплины, специфика которой определяется не только источником, но и теоретическим базисом, логикой и процедурой исследования, а также конечным результатом… С этой целью он обращается к истории археологии (Генинг В. Ф., 1982)…» [*Бунятян, 2000.* С. 182]. Занимаясь проблемами высокого теоретического уровня, В. Ф. Генинг организует работу по созданию банка данных и информационно-поисковой системы по археологическим источникам [*1979*]. Преодоление разрыва между теоретическими и эмпирическими уровнями в археологии ученый видел также в создании исследовательских программ, направленных на решение конкретных задач, главным образом, социологического и этнического характера [*Бунятян, 2000.* С. 182].

Творческое наследие Владимира Федоровича Генинга грандиозно и значимо по сей день. Оно нашло достойных последователей в лице его многочисленных и благодарных учеников.

Авторитет В. Ф. Генинга как выдающегося ученого-археолога достаточно высок не только в России, но и за рубежом. Его публикации и выступления на региональных конференциях, Всесоюзных совещаниях и Международных конгрессах, разнообразные по проблематике, информационно насыщенные и теоретически аргументированные, всегда привлекали внимание коллег и пользовались заслуженным успехом. Научное наследие Владимира Федоровича Генинга насчитывает свыше 200 публикаций, в том числе 20 монографий и научно-популярных книг по археологии, истории первобытно-общинного строя, этнической истории древних народов, философии, социо-археологии, а также проблемам методологии и теории археологических исследований.

Литература

Бунятян Е. П. В. Ф. Генинг – киевский период жизни // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Мат-лы науч. конф. 75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга. – Ижевск: Изд-во ИД «Удмурт. ун-т», 2000. – С. 181–184.

Викторова В. Д. Угры в потоке великого переселения народов // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Мат-лы науч. конф. 75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга. – Ижевск: ИД «Удмурт. ун-т», 2000. – С. 196–200.

Генинг В. Ф. К вопросу о северной границе ананьинской культуры // КСИИМК. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – Вып. XXXVI. – С. 196–199.

Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности: Учеб. пос. – Свердловск: Изд-во УрГУ; Типогр. изд-ва «Уральский рабочий», 1970а. – 128 с.

Генинг В. Ф. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение (по археологическим материалам I тыс. н. э.) // АЭБ. – Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1971а. – Т. IV. – С. 44–54.

Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок: Тез. докл. на секции Пленума по итогам полевых работ. – М., 1971б.

Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – М.: Наука, 1973. – № 1. – С. 114–136.

Генинг В. Ф. Очерки по истории советской археологии (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов). – Киев: Изд-во «Наукова думка», 1982. – 225 с.

Генинг В. Ф., Борзунов В. А. Методика статистической характеристики сравнительного анализа погребального обряда // ВАУ. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1975. – Вып. 13. – С. 42–72.

Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М., Стефанов В. И., Трофименко В. С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века среднего Прииртышья // ПХКПАПЗС. – Томск: Изд-во ТГУ, 1970. – С. 12–51.

Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В. Памятники железного века в Омском Прииртышье // ПХКПАПЗС. – Томск: Изд-во ТГУ, 1970. – С. 203–228.

Денисов В. П. В. Ф. Генинг и Пермская археология // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Мат-лы науч. конф. 75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга. – Ижевск: Изд-во ИД «Удмурт. ун-т», 2000. – С. 189–192.

Евдокимов В. В. Учитель, перед именем Твоим // Археология Урала и Западной Сибири. К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 12–14.

Ковалева В. Т. Генинг и археологическая наука в Уральском университете // Летописцы родного края. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. – С. 59–66.

Мельникова О. М. Свердловская научная археологическая школа В. Ф. Генинга (1960–1974 гг.) (МИ К(В) АЭ. – Т. 9). – Ижевск: Изд-во УдГУ, 2003. – 194 с.

Останина Т. И. Археологические исследования В. Ф. Генинга на территории Удмуртии // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Мат-лы науч. конф. 75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга – Ижевск: ИД «Удмурт. ун-т», 2000. – С. 192–194.

Поляковская М. А. Владимир Генинг: штрихи к портрету // Археология Урала и Западной Сибири. К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 8–10.

Старостин П. Н. Казанский период жизни и научной деятельности В. Ф. Генинга // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Мат-лы науч. конф. 75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга. – Ижевск: ИД «Удмурт. ун-т», 2000. – С. 194–196.

Генинг В. Ф. Про застосування формалізовано-статистичних методів ЕОМ в археології // Вісник АН УРСР. – Київ: Изд-во ІА НАН України, 1979. – № 80 – С. 80–85.

Б. Б. Овчинникова
г. Екатеринбург
УрФУ

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА В. Ф. ГЕНИНГА

Владимир Федорович Генинг родился **10 мая 1924 г.** в с. Подсосново Славгородского уезда Алтайского края.

1942 г. – Окончил среднюю школу Талды-Курганского р-на Алма-Атинской обл.
1942–1945 гг. – Работа в трудармии на строительстве железной дороги Свияжск – Ульяновск.
1945 г. – Переведен на работу в Красновишерский леспромхоз Молотовской (Пермской) обл.
1945–1948 гг. – Преподаватель истории, географии и немецкого языка в семилетней школе Красновишерска Молотовской обл.
1947–1948 гг. – Студент заочного отделения историко-филологического факультета Молотовского (впоследствии – Пермского) государственного университета (МолГУ – ПГУ).
1948 г. Первая самостоятельная археологическая экспедиция на памятнике Писаный Камень (река Вишера, приток Камы).
1948–1952 гг. – Студент стационарного обучения историко-филологического факультета Молотовского государственного университета им. А. М. Горького.
1952 г. – Окончил историко-филологический факультет Молотовского госуниверситета. Получил диплом с отличием по специальности «историк-археолог», присвоена квалификация «научный сотрудник, преподаватель вуза и средней школы».
1952–1954 гг. – Преподаватель средних школ города Кудымкар и села Сива Молотовской обл.
1951–1954 гг. – Начальник археологической экспедиции Молотовского областного краеведческого музея
1954–1955 гг. – Заместитель директора по науке Удмуртского республиканского музея.
1955–1959 гг. – Руководитель Удмуртской археологической экспедиции.
1955–1958 гг. – Аспирант Института языка, литературы и истории при Казанском филиале Академии наук (ИЯЛИ КФАН) СССР.
1958–1960 гг. – Младший научный сотрудник Сектора истории ИЯЛИ КФАН СССР.
1959 г. – Присуждена ученая степень кандидата исторических наук за диссертацию по теме «Пьяноборская культура на Средней Каме (III в. до н. э. – II в. н. э.)».
1960–1974 гг. – Доцент кафедры истории СССР досоветского периода Уральского государственного университета им. А. М. Горького (УрГУ).
1961 г. – Присвоено ученое звание доцента по кафедре истории СССР.
1961–1974 гг. – Основатель и начальник Уральской археологической экспедиции (УАЭ) УрГУ.
1967–1974 гг. – Руководитель Хоздоговорной лабораторией археологических исследований при УрГУ.
1970 г. – Командировка в Японию (Токио).
1974 г. – Защита докторской диссертации по теме «Этническая история Южного Прикамья в I тысячелетии н. э.».
1976 г. – Присуждена ученая степень доктора исторических наук.
1974–1986 гг. – Заместитель директора Института археологии Академии наук Украины (АНУ).
1985 г. – Присвоено ученое звание профессора.
1978–1989 гг. – Научный руководитель Отдела теории и методики археологических исследований Института археологии АН Украины.
1989–1993 гг. Научный консультант Института археологии АН Украины.

Умер в г. Киеве **30 октября 1993 г**. Похоронен в том же городе.

В. Ф. Генинг с сестрой Ирмой Федоровной, дочерью Людмилой и женой Тамарой Карповной. *Казань, 1956 г.*

Семья В. Ф. Генинга: жена Тамара Карповна, дочь Людмила и сын Володя. *Казань, 1960 г.*

Молотовский (Пермский) госуниверситет.
Слева направо: 2-й ряд – В. Оборин, Н. Тихонова, О.Н. Бадер, В. Денисов, В. Генинг.
1949 г.

В. Ф. Генинг среди участников конференции.
Четвертый ряд, первый слева. *Ижевск, 1955 г.*

В разведке по Добрянскому району Молотовской области.
На пароходе, 1951 г.

Раскопки на Боровом озере. Окрестности Молотова (Перми). *1950 г.*

Г. Зданович, В. Е. Стоянов, В. Ф. Генинг.
Свердловск, 1966 г.

Выпуск группы археологов.
Слева направо: 1-й ряд – В. Е. Стоянов, Б. Овчинникова, Л. Шорикова, Е. Мырсина, В. Ф. Генинг;
2-й ряд – В. Евдокимов, Г. Зданович, М. Болотов.
Свердловск, 1966 г.

В. Ф. Генинг разбирает захоронение гунна.
Река Иртыш. Черноозерское I городище.
1970 г.

Река Ишим. Лихачевское городище.
В. Ф. Генинг – первый слева. *1966 г*

В. Ф. Генинг среди участников II Уральского археологического совещания.
Четвертый слева. *Свердловск, 1961 г.*

В. Ф. Генинг среди участников V Уральского археологического совещания.
Первый ряд, крайний справа. *Сыктывкар, 1967 г.*

В. Ф. Генинг. *Киев, 1985 г.*

В. Ф. Генинг. *Киев*

Л. И. Ашихмина
г. Сыктывкар
ИЯЛИ КНЦ УрО РАН

ПОСВЯЩЕНИЯ ВЫДАЮЩЕМУСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЮ ВЛАДИМИРУ ФЕДОРОВИЧУ ГЕНИНГУ

КОНФЕРЕНЦИИ

1. Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье: Междунар. науч. конф. памяти Владимира Федоровича Генинга. Сыктывкар, 7–10 июня 1994 г.

2. 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга. Свердловск, 29 ноября – 2 декабря 1999 г.

3. Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Науч. конф. 75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга. Ижевск, 28–30 марта 2000 г.

4. Сучасні проблеми археології: Пам'яті Володимира Федоровича Генінга. Київ, 26–28 марта 2002 г.

5. VII науч.-практич. конф. «Проблемы сохранения и использования культурного наследия: История, методы и проблемы охранных археологических исследований», посвященная 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга. Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.

СБОРНИКИ

1. Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье / European North: Interaction of Cultures in the Ancient Times and Middle Ages: Междунар. науч. конф. – Тез. докл. – Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 1994. – 122 с.

2. Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье / European North: Interaction of Cultures in the Ancient Times and Middle Ages: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти Владимира Федоровича Генинга. Сыктывкар, 7–10 июня 1995 г. (МАЕСВ. – Вып. 14). – Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 1995. – 210 с.

3. 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга: Мат-лы конф. Екатеринбург, 20 ноября – 2 декабря 1999 г. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. – Ч. 1: Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. – 127 с.

4. 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга: Мат-лы конф. Екатеринбург, 29 ноября – 2 декабря 1999 г. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. – Ч. 2: Новейшие открытия уральских археологов. – 100 с.

5. Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Мат-лы науч. конф. 75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга. – Ижевск: ИД «Удмурт. ун-т», 2000. – 433 с.

6. Сучасні проблеми археології: Збірка наукових праць. Пам'яті Володимира Федоровича Генінга. – Київ: Изд-во ІА НАН України, 2002. – 260 с.

7. Сучасні проблеми археології: Збірка наукових праць. Пам'яті Володимира Федоровича Генінга. – Київ: Изд-во ІА НАН України, 2004. – Ч. 2. – 64 с.

8. Археология Урала и Западной Сибири. К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 256 с.

9. Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы охранных археологических исследований: Мат-лы VII науч.-практич. конф. «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвящ. 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). – Екатеринбург; Нефтеюганск: Изд-во «Магеллан», 2014.

ПЕРСОНАЛИИ, ПУБЛИКАЦИИ

1. *Абашина Н. С., Бунятян К. П., Пачкова С. П.* «Современные проблемы археологии», посвященные памяти выдающегося археолога, доктора исторических наук, профессора Владимира Федоровича Генинга // Сучасні проблеми археології: Збірка наукових праць. Пам'яті Володимира Федоровича Генінга. – Київ: Изд-во ІА НАН України, 2004. – Ч. 2. – С. 5–8.

2. *Алексашенко Н. А.* Археологическая вещь и этнографические древности // Археология Урала и Западной Сибири. К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 42–47.

3. *Ашихмина Л. И.* Владимир Федорович Генинг и уральская археология Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье / European North: Interaction of Cultures in the Ancient Times and Middle Ages: Междунар. науч. конф. – Тез. докл. – Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 1994. – С. 7–9.

4. *Ашихмина Л. И.* Памяти учителя // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье / European North: Interaction of Cultures in the Ancient Times and Middle Ages: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти Владимира Федоровича Генинга. Сыктывкар, 7–10 июня 1995 г. (МАЕСВ. – Вып. 14). – Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 1995. – С. 8–15.

5. *Ашихмина Л. И., Овчинникова Б. Б.* Генинг (Henning) Владимир Федорович // Немцы России / Die Deutschen Russlahds: Энциклопедия. – М: ЭРН, 1999. – Т. 1. – С. 514–515.

6. *Богданов А. В.* Роль В. Ф. Генинга в изучении эпохи великого переселения народов в Прикамье // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Мат-лы науч. конф. 75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга. – Ижевск: ИД «Удмурт. ун-т», 2000. – С. 196–202.

7. *Борзунов В. А.* От редактора: слово о Генинге // Археология Урала и Западной Сибири. К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 5–6.

8. *Бунятян Е. П.* Памяти Владимира Федоровича Генинга // СА. – М.: Изд-во АН СССР, 1994. – № 3. – С. 253–254.

9. *Бунятян Е. П.* Владимир Федорович Генинг и теоретическая археология Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье / European North: Interaction of Cultures in the Ancient Times and Middle Ages: Междунар. науч. конф. – Тез. докл. – Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 1994. С. 9–11.

10. *Бунятян Е. П.* В. Ф. Генинг – киевский период жизни // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Мат-лы науч. конф. 75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга. – Ижевск: Изд-во ИД «Удмурт. ун-т», 2000. – С. 181–184.

11. *Викторова В. Д.* Обращаясь к теоретическому наследию В. Ф. Генинга // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга: Мат-лы конф. Екатеринбург, 20 ноября – 2 декабря 1999 г. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. – Ч. 1: Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. – С. 24–31.

12. *Викторова В. Д.* Угры в потоке великого переселения народов // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Мат-лы науч. конф. 75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга. – Ижевск: ИД «Удмурт. ун-т», 2000. – С. 196–200.

13. *Вышинский Г. Б.* Вступительное слово // Сучасні проблеми археології: Збірка наукових праць. Пам'яті Володимира Федоровича Генінга. – Київ: Изд-во ІА НАН України, 2002. – С. 4.

14. *Генинг В. В.* Проблемы периодизации первобытности в поздних трудах В. Ф. Генинга // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы охранных археологических исследований: Мат-лы VII науч.-практич. конф. «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвящ. 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). – Екатеринбург; Нефтеюганск: Изд-во «Магеллан», 2014.

15. *Голдина Р. Д.* Вспоминая Владимира Федороваича Генинга // Сучасні проблеми археології: Збірка наукових праць. Пам'яті Володимира Федоровича Генінга. – Київ: Изд-во ІА НАН України, 2002. – С. 13–16.

16. *Денисов В. П.* В. Ф. Генинг и Пермская археология // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Мат-лы науч. конф. 75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга. – Ижевск: Изд-во ИД «Удмурт. ун-т», 2000. – С. 189–192.

17. *Евдокимов В. В.* Учитель, перед именем Твоим // Археология Урала и Западной Сибири. К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 12–14.

18. *Журавлева Г. Н.* Вопросы социальных реконструкций в работах В.Ф. Генинга // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Мат-лы науч. конф. 75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга. – Ижевск: Изд-во: ИД «Удмурт. ун-т», 2000. – С. 202–205.

19. *Захарук Ю. Н.* Владимир Федорович Генинг (ученый, научное сообщество, наука) // Сучасні проблеми археології: Збірка наукових праць. Пам'яті Володимира Федоровича Генінга. – Київ: Изд-во ІА НАН України, 2004. – Ч. 2. – С. 25–40.

20. *Ильина Е. В.* В. Ф. Генинг глазами учеников и коллег // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Мат-лы науч. конф. 75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга. – Ижевск: ИД «Удмурт. ун-т», 2000. – С. 220–224.

21. *Казанцева О. А.* Формирование программы исследования древней керамики Прикамья в трудах В. Ф. Генинга (краткий историографический обзор) // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Мат-лы науч. конф. 75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга. – Ижевск: ИД «Удмурт. ун-т», 2000. – С. 202–208.

22. *Климова Г. Н.* Мой школьный учитель // Археология Урала и Западной Сибири. К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 11.

23. *Ковалева В. Т.* Генинг и археологическая наука в Уральском университете // Летописцы родного края. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. – С. 59–66.

24. *Ковалева В. Т.* Свердловская школа В. Ф. Генинга // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга: Мат-лы конф. Екатеринбург, 20 ноября – 2 декабря 1999 г. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. – Ч. 1: Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. – С. 19–24.

25. *Ковалева В. Т.* В. Ф. Генинг и проблема генезиса керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом в Нижнем Притоболье // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Мат-лы науч. конф. 75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга. – Ижевск: ИД «Удмурт. ун-т», 2000. – С. 208–210.

26. *Ковалева В. Т.* Владимир Федорович Генинг // Екатеринбург. Энциклопедия. – Екатеринбург: Изд-во «Академкнига», 2002. – С. 115.

27. *Косинская Л. Л.* Учитель Археология Урала и Западной Сибири. К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 15–17.

28. *Красноперов А. А.* Одежда и украшения населения мазунинской культуры (по материалам раскопок В. Ф. Генинга) // Археология Урала и Западной Сибири. К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 195–200.

29. *Кузьмин В. А.* Вспоминая В. Ф. Генинга // Археология Урала и Западной Сибири. К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 18–19.

30. *Лещинская Н. А.* Некоторые итоги археологического изучения Вятского бассейна в I – начале II тыс. н. э. в связи с исследованиями В. Ф. Генинга // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Мат-лы науч. конф. 75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга. – Ижевск: ИД «Удмурт. ун-т», 2000. – С. 210–215.

31. *Ляшко С.* В. Ф. Генинг как историк науки // Сучасні проблеми археології: Збірка наукових праць. Пам'яті Володимира Федоровича Генінга. – Київ: Изд-во ІА НАН України, 2002. – С. 132–134.

32. *Макаров Л. Д.* Вклад В. Ф. Генинга в исследование славяно-русских памятников Прикамья // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Мат-лы науч. конф. 75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга. – Ижевск: ИД «Удмурт. ун-т», 2000. – С. 217–220.

33. *Макаров Л. Д.* В. Ф. Генинг и история древнерусской Вятки // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы охранных археологических исследований: Мат-лы VII науч.-практич. конф. «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвящ. 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). – Екатеринбург; Нефтеюганск: Изд-во «Магеллан», 2014.

34. *Мельникова О. М.* Феномен лидера научной школы в современной археологии Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье / European North: Interaction of Cultures in the Ancient Times and Middle Ages: Междунар. науч. конф. – Тез. докл. – Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 1994. – С. 11–13.

35. *Мельникова О. М.* Теоретическое наследие В. Ф. Генинга: историографический взгляд // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Мат-лы науч. конф. 75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга. – Ижевск: ИД «Удмурт. ун-т», 2000. – С. 184–189.

36. *Мельникова О. М.* Методологические проблемы историографии археологии (в связи с работами В. Ф. Генинга) // Сучасні проблеми археології: Збірка наукових праць. Пам'яті Володимира Федоровича Генінга. – Київ: Изд-во ІА НАН України, 2002. – С. 148–159.

37. *Мельникова О. М.* Свердловская научная археологическая школа В. Ф. Генинга (1960–1974 гг.) (МИ К(В)АЭ. – Т. 9). – Ижевск: Изд-во УдГУ, 2003. – 194 с.

38. *Мельничук А. Ф., Лепихин А. Н.* Труды В. Ф. Генинга, посвященные изучению гляденовской культуры и современные проблемы исследования // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Мат-лы науч. конф. 75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга. – Ижевск: ИД «Удмурт. ун-т», 2000. – С. 215–217.

39. *Молодин В. И.* В. Ф. Генинг и его уральская научная школа. Разработка периодизации древних культур Прииртышья и их научное значение // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы охранных археологических исследований: Мат-лы VII науч.-практич. конф. «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвящ. 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). – Екатеринбург; Нефтеюганск: Изд-во «Магеллан», 2014.

40. *Овчинникова Б. Б.* Генинг Владимир Федорович. Библиографический указатель. – Екатеринбург: (Типолабор.) УрГУ, 1999. – 30 с.

41. *Овчинникова Б. Б.* Генинг (Henning) Владимир Федорович // Историки Урала XVIII–XX вв. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2003. – С. 81–83.

42. *Овчинникова Б. Б.* Археолог Владимир Фёдорович Генинг. Биобиблиография: К 90-летию со дня рождения / Отв. ред. Л. В. Чижова (Сер.: «Ученые Урала. Биобиблиография»). – Екатеринбург: Изд-во «БКИ», 2014. – 44 с.

43. *Овчинникова Б. Б.* Археолог Владимир Федорович Генинг – 90 лет со дня рождения // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы охранных археологических исследований: Мат-лы VII науч.-практич. конф. «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвящ. 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). – Екатеринбург; Нефтеюганск: Изд-во «Магеллан», 2014.

44. *Овчинникова Б. Б.* Основные даты жизни и деятельности профессора В. Ф. Генинга // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы охранных археологических исследований: Мат-лы VII науч.-практич. конф. «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвящ. 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). – Екатеринбург; Нефтеюганск: Изд-во «Магеллан», 2014.

45. *Останина Т. И.* Археологические исследования В. Ф. Генинга на территории Удмуртии // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Мат-лы науч. конф. 75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга. – Ижевск: ИД «Удмурт. ун-т», 2000. – С. 192–194.

46. *Павленко Ю. В.* В. Ф. Генинг и основные принципы теории этноисторического процесса // Сучасні проблеми археології: Збірка наукових праць. Пам'яті Володимира Федоровича Генінга. – Київ: Изд-во ІА НАН України, 2002. – С. 173–174.

47. *Панина С. Н.* Археология Восточного склона Урала (от В. И. де Генина до В. Ф. Генинга) // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга: Мат-лы конф. Екатеринбург, 20 ноября – 2 декабря 1999 г. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. – Ч. 1: Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. – С. 6–18.

48. *Пачкова С. П.* К развитию методики проблемно-целевых программ для керамики, разработанных В. Ф. Генингом // Сучасні проблеми археології: Збірка наукових праць. Пам'яті Володимира Федоровича Генінга. – Київ: Изд-во ІА НАН України, 2002. – С. 177–178.

49. *Пачкова С. П.* Вспоминая Владимира Федоровича Генинга … // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы охранных археологических исследований: Мат-лы VII науч.-практич. конф. «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвящ. 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). – Екатеринбург; Нефтеюганск: Изд-во «Магеллан», 2014.

50. *Поляковская М. А.* Владимир Генинг: штрихи к портрету // Археология Урала и Западной Сибири. К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 8–10.

51. *Пряхин А. Д.* В. Ф. Генинг и его вклад в развитие археологии // Сучасні проблеми археології: Збірка наукових праць. Пам'яті Володимира Федоровича Генінга. – Київ: Изд-во ІА НАН України, 2002. – С. 11–13.

52. *Пустовалов С. Ж.* В. Ф. Генинг – этноисторик // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье / European North: Interaction of Cultures in the Ancient Times and Middle Ages: Междунар. науч. конф. – Тез. докл. – Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 1994. – С. 13–14.

53. *Пустовалов С. Ж.* Вклад В. Ф. Генинга в развитие отечественной теоретической археологии // Сучасні проблеми археології: Збірка наукових праць. Пам'яті Володимира Федоровича Генінга. – Київ: Изд-во ІА НАН України, 2002. – С. 16–18.

54. *Пустовалов С. Ж.* Концепция археологической культуры (АК) В. Ф. Генинга и современная практика выделения культур // Археология Урала и Западной Сибири. К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 34–38.

55. *Смирнов Н. Г., Кузьмина Е. А.* Динамика экосистем Южного Зауралья в голоцене // // Археология Урала и Западной Сибири. К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 23–33.

56. *Старостин П. Н.* Казанский период жизни и научной деятельности В. Ф. Генинга // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Мат-лы науч. конф. 75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга. – Ижевск: ИД «Удмурт. ун-т», 2000. – С. 194–196.

57. *Томилов Н. А.* Этничность, этнические общности и процессы (в связи с работами Владимира Федоровича Генинга) // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Мат-лы науч. конф. 75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга. – Ижевск: ИД «Удмурт. ун-т», 2000. – С. 15–18.

58. *Томилов Н. А.* Этнические общности и процессы (в связи с работами Владимира Федоровича Генинга) // Археология Урала и Западной Сибири. К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 39–41.

59. *Федорова Н. В.* В. Н. Чернецов и В. Ф. Генинг. в западносибирской археологии // Археология Урала и Западной Сибири. К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 20–22.

60. *Чемякин Ю. П.* Некоторые проблемы в изучении кулайской культуры // Сучасні проблеми археології: Збірка наукових праць. Пам'яті Володимира Федоровича Генінга. – Київ: Изд-во ІА НАН України, 2004. – Ч. 2. – С. 54–57.

61. *Чижова Л. В.* Учитель и отец // Сучасні проблеми археології: Збірка наукових праць. Пам'яті Володимира Федоровича Генінга. – Київ: Изд-во ІА НАН України, 2004. – Ч. 2. – С. 58–62.

62. *Біляева С. А.* Деякі питання моделювання тваринництва Південної Русі X – XIII ст. (у світлі останніх розроботок В.Ф.Генинга) // Сучасні проблеми археології: Збірка наукових праць. Пам'яті Володимира Федоровича Генінга. – Київ: Изд-во ІА НАН України, 2002. – С. 39–40.

63. *Бунятян К. П.* До юбілею Генінга // Археологія: Видавник ІА НАН України. – Київ: НАН України, 1989. – № 4. – С. 154–156.

64. *Бунятян К. П.* Пам'яті Володимира Федоровича Генінга // Археологія: Видавник ІА НАН України. – Київ: НАН України, 1994. – № 4. – С. 3–5.

65. *Бунятян К. П.* В. Ф. Генінг: сторінки життя І творчості // Археологія: Видавник ІА НАН України. – Київ: НАН України, 1997. – № 3. – С. 4–6.

66. *Бунятян К. П.* Володимир Федорович Генінг: життя заради археології // Сучасні проблеми археології: Збірка наукових праць. Пам'яті Володимира Федоровича Генінга. – Київ: Изд-во ІА НАН України, 2002. – С. 6–11.

67. *Бунятян К. П.* Список праць Володимира Федоровича Генинга. Кандидатскі дисертації, виконані під керівництвом В. Ф. Генинга // Сучасні проблеми археології: Збірка наукових праць. Пам'яті Володимира Федоровича Генінга. – Київ: Изд-во ІА НАН України, 2002. – С. 23–32.

68. *Кравченко Н. М.* Епоха І суспільство як визначальні системи у формуванні археологічних культур (наукова естафета: Петров – Брайчевский – Генинг) // Сучасні проблеми археології: Збірка наукових праць. Пам'яті Володимира Федоровича Генінга. – Київ: Изд-во ІА НАН України, 2002. – С. 100–103.

69. *Ричков М. О.* Епоха В. Ф. Генинга в ІнститутІ археології // Сучасні проблеми археології: Збірка наукових праць. Пам'яті Володимира Федоровича Генінга. – Київ: Изд-во ІА НАН України, 2002. – С. 196–198.

70. *Толочко П. П.* Вступне слово // Сучасні проблеми археології: Збірка наукових праць. Пам'яті Володимира Федоровича Генінга. – Київ: Изд-во ІА НАН України, 2002. – С. 5.

Л. Д. Макаров
г. Ижевск
УдГУ

В. Ф. ГЕНИНГ И ИСТОРИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ВЯТКИ[1]

Имя крупнейшего отечественного ученого Владимира Федоровича Генинга занимает достойное место в ряду наиболее востребованных специалистов археологической науки Урала и России в целом. Научное наследие В. Ф. Генинга охватывает множество проблем финно-угорской археологии Волго-Уральского региона и Западной Сибири, вопросы индоиранской проблематики, методы археологических исследований, теорию и методологию этнических процессов и истории первобытности, зарождение производящего хозяйства, ремесел и основ классового общества. Этот перечень показывает, насколько широко простирались научные и познавательные интересы ученого. Даже те темы, которых он касался скорее из производственной необходимости, вызывали его пристальное внимание и соответствующую квалифицированную оценку. В числе таких тем – русская колонизация Прикамья.

Знакомство Владимира Федоровича с русскими древностями произошло еще на студенческой скамье в Пермском университете, когда он в 1949 г. обследовал Искорское городище, которое являлось одним из крупнейших городских и культовых центров Перми Великой [*Оборин и др., 1976.* С. 40]. Кроме того, В. Ф. Генинг, возможно, посещал и «строгановские городки». В 1950 г. им совместно с В. А. Обориным были проведены разведочные работы на Осинском городище (Ново-Никольская слобода), а в 1956 г. – самостоятельные стационарные раскопки в центральной части памятника. При этом были вскрыты мощные культурные напластования XVI–XVII вв., православное кладбище XVIII–XIX вв., оборонительные сооружения, фундаменты жилых домов и следы частоколов по границам усадеб [*Генинг, 1959*. С. 164–173]. Как мы видим, знакомство ученого с русскими древностями Верхнего Прикамья получилось весьма солидным, но не вылилось в обобщающее исследование, поскольку период родановской культуры и русской колонизации исследовался его другом и коллегой – Владимиром Антоновичем Обориным.

В 1954 г. в Ижевске, в основном усилиями В. Ф. Генинга, создается Удмуртская археологическая экспедиция, которая им же и возглавляется. Отряды экспедиции проводят широкие разведочные работы в нескольких районах Удмуртии и Кировской области, в ходе которых были обследованы известные и открыты новые археологические памятники, в том числе и русские. В частности, в 1955 г. в Малмыжском р-не Кировской обл. В. Ф. Генинг исследовал несколько православных погребений XVI–XVIII вв. в с. Гоньба [*Генинг, 1955*. Л. 15–16], а его бывший однокурсник В. П. Денисов открыл мощный русский культурный слой XVII в. в центре г. Малмыжа и менее значительный – на многослойном поселении Буй I [*Денисов, 1955*. Л. 2, 10–14; *1958*. С. 111, 113].

В 1957 г. Вятский отряд экспедиции под руководством Л. М. Еговкиной провел основательную разведку на Средней Вятке, во время которой обследовал хорошо известные со времен П. В. Алабина и А. А. Спицына средневятские городища. В их числе наряду с ранними финно-угорскими пластами подверглись изучению и древнерусские слои (городища Котельничское, Ковровское, Шабалинское, Тороповское, Орловское, Чижевское, Кривоборское), а также исследовались более ранние памятники, на которых были собраны и русские находки (Скорняковское, Вершинятское). В то же время на Орловском городище, кроме поселенческих напластований, выявлены три захоронения позднего православного могильника XVI–XVIII вв. [*Еговкина, 1957*]. К сожалению, отрядом Л. М. Еговкиной не были исследованы Никульчинское городище и Хлыновский кремль: в то время на этих памятниках проводил раскопки отряд Среднерусской экспедиции под руководством Л. П. Гуссаковского.

В. Ф. Генинг, проанализировав материалы, собранные разведгруппой Л. М. Еговкиной, приложил к ее отчету, по существу, монографическую статью «Средне-Вятские городища» [*Генинг, 1957*]. Ученый, опираясь на наблюдения А. А. Спицына и наработки других своих предшественников, разделил средневятские городища на три группы: ананьинскую, раннесредневековую и русскую. Владимир Федорович с присущей ему скрупулезностью провел исследование всех трех культурно-хронологических комплексов и, несмотря на малое количество находок, сделал правильные, научно выверенные выводы.

Что касается русских памятников, то, помимо рассмотрения их топографии, ученый в тот момент мог оперировать только немногочисленным керамическим комплексом. Он выделил четыре типа русских

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ на выполнение базовой части Государственного задания (НИР № 2174) в сфере научной деятельности в 2014–2016 гг.

горшков и единичные экземпляры других морфологических групп, в том числе – миску. Им были составлены три иллюстрации рисунков керамики, происходящей с нескольких памятников (Котельнич, Орлов, Шабалино, Коврово). При этом археолог отметил следующие технологические особенности и другие характеристики рассматриваемой глиняной посуды:

- преобладание емкостей, изготовленных на гончарном круге;
- эпизодическое применение при изготовлении керамики ручного гончарного круга;
- наличие донной подсыпки;
- использование мелкозернистого песка в качестве преобладающего наполнителя в глиняном тесте;
- редкое использование крупнозернистого песка при полном отсутствии других примесей;
- слабый обжиг ранней керамики;
- редкая орнаментированность изделий (и только линейно-волнистая);
- разнообразная цветовая гамма сосудов.

Надо сказать, что русской керамикой до этого случая В. Ф. Генинг, по-видимому, плотно не занимался, а та, которую он получал в ходе раскопок в Пермской области, исследовалась В. А. Обориным. Поэтому неудивительно, что для определения хронологии керамики Вятской земли ученый обратился к хорошо разработанной в русской археологии того времени типологии новгородской посуды [*Смирнова, 1956*. С. 228–248]. Наибольшую близость вятский материал обнаружил с новгородским комплексом керамики типа IV вида «Г», бытовавшем в XI – середине XIII в. [*Генинг, 1957*]. В. Ф. Генинг внимательно оценил степень близости сравниваемых керамических комплексов и пришел к следующим выводам: «Аналогии вятской керамики дают довольно ранние (даты – *Л. М.*), по крайней мере, XIII в., но едва ли этим временем можно датировать собранные материалы, их еще слишком мало. Учитывая полное отсутствие в примесях дресвы, что характерно для русской керамики вплоть до XIII и даже XIV вв., а также в общем все-таки довольно крутой изгиб у плечиков для всех сосудов (у ранних русских форм этот изгиб гораздо меньший) и очень редкую орнаментацию сосудов, наиболее ранняя дата вятского комплекса керамики не выходит, очевидно, за пределы XIV в. Причем по фактуре, формам, цвету керамика Шебалинского, Ковровского и Топорковского (так у автора обозначены первое и третье, как их называли в XIX – первой половине XX в. – *Л. М.*) городищ относится только к самому раннему периоду. Верхние культурные напластования Котельнича и Орлова датируются XVI и XVII вв., что не исключает, конечно, здесь и находок XVIII–XX вв., поскольку остатки этих городищ находятся в центре современных городов» [*Генинг, 1957*. С. 45–46].

Таким образом, начало заселения среднего течения р. Вятки В. Ф. Генинг отнес к концу XIV в. Помимо археологических аргументов, он ссылался на тексты русских летописей, в том числе на первое упоминание в них Вятки под 1374 г. Заметим, что заключение Владимира Федоровича об охарактеризованной им керамике показало, насколько широким научным кругозором и замечательным исследовательским чутьем он обладал. Обратившись к практически мало известному ему археологическому материалу, он, несмотря на это, смог по достоинству проанализировать имевшиеся в его распоряжении находки и достаточно верно их датировать.

Более точно оценить вятские древнерусские материалы позволили только целенаправленные стационарные раскопки, осуществленные в 1956–1960 гг. Л. П. Гуссаковским на Никульчинском городище, в древней Вятке и на территории кремля г. Орлова [*Воронин, Гуссаковский и др., 1960*. С. 92–94; *Гуссаковский, 1960*; *1962*; *1967*]. Ученому удалось исследовать поселенческие комплексы, позволившие сделать вывод о более раннем проникновении русских переселенцев на Среднюю Вятку, а именно: не позднее конца XII – начала XIII в., т. е. в домонгольский период. Это заключение подтвердилось и результатами наших раскопок [*Макаров, 1985*; *2012*]. Относительно керамики, использованной В. Ф. Генингом для выводов по датировке памятников, необходимо отметить, что доступная ему выборка посуды чересчур мала и была в основном собрана с поверхности, из поздних слоев. Ранние культурные напластования оказались доступны лишь при стационарных работах Л. П. Гуссаковского (г. Орлов) и автора (Ковровское, Шабалинское и Котельничское городища) [*Макаров, 1980*. С. 152; *1983*; *1984*]. При этом выяснилось, что среди найденной посуды фрагменты с примесью дресвы в тесте и архаичной профилировкой сосудов составили достаточно большой процент [*Салангин, 1999*. С. 9–11]. Данные показатели, как отмечал и сам В. Ф. Генинг, являются надежным признаком ранней датировки древнерусской посуды.

Судя по всему, ученый был убежден в своей правоте и опубликовал свои выводы о русском заселении Вятского края в книге «Археологические памятники Удмуртии». В частности, он утверждал: «Оплотом русских поселений на Вятке был город Хлынов, возникший в конце XIV в., вероятно, где-то в районе современного гор. Кирова. Хлынов вначале принадлежал Ростово-Суздальскому княжеству, а в 1489 году перешел к Москве. С этого времени начинается интенсивное продвижение русских на восток на Верхнюю Каму и в среду удмуртских племен на Чепцу» [*Генинг, 1958*. С. 116].

О раскопках Л. П. Гуссаковского В. Ф. Генинг, безусловно, был осведомлен, а возможно и встретился с ним в начале лета 1960 г., когда выступил по итогам своих работ в области в Кировском краеведческом музее [*Башмаков, 1960*]. Как раз в это время Лев Павлович готовился к раскопкам в селе Никульчино или уже проводил их. Не исключено, что доводы Л. П. Гуссаковского не убедили Владимира Федоровича, и он остался при своем мнении. Его заключение о принадлежности Вятки в период до 1489 г. Ростово-Суздальскому княжеству проистекало, может быть, под влиянием взглядов ведущих вятских историков П. Н. Луппова и А. В. Эммаусского. Надо сказать, что после археологических раскопок Л. П. Гуссаковского и автора этих строк некоторые выводы по истории ранней Вятки были А. В. Эммаусским пересмотрены [*1996*. С. 27–37].

В. Ф. Генинг обратил внимание на гончарную круговую посуду, изготовленную по русским технологиям, обнаруженную на селищах Удмуртии, а также на памятники с русскими древностями – городища, могильники, клады, местонахождения [*1958*. С. 116–118, 140–186], о чем мне уже приходилось писать [*2005*. С. 239]. В 1970–1972 гг. Удмуртский отряд Нижнекамской экспедиции под руководством В. Ф. Генинга исследовал Зуево-Ключевское I городище, что в Среднем Прикамье. Наряду с находками эпох бронзы и раннего железного века здесь обнаружены следы русского поселения датированного XVI–XVII [*Генинг, 1971*. С. 71] и даже XVII–XVIII вв. [*Ашихмина, Генинг, Голдина, 1972*. С. 183; *Ашихмина, Генинг, 1973*. С. 156]. К русским объектам и материалам на этом памятнике относились два десятка хозяйственных ям и древнерусский вещевой комплекс. Между тем, русская гончарная керамика считалась очень поздней, а потому при раскопках не собиралась. Дополнительный анализ обнаруженных артефактов позволил впоследствии мне удревнить датировку этого русского поселения – вплоть до XIV–XV вв. Близ поселения, также на площадке городища, выявлены следы захоронений: позднеананьинских – с широтной ориентацией и 5 позднесредневековых – с положением умерших головами на ЮЗ. Поздний погребальный материал укладывается в интервал XII–XV вв. [*Ашихмина, 1972*. С. 48; рис. 53 – *4, 5, 8, 9, 12, 13*]. Зафиксированные черты погребального обряда и обнаруженные артефакты позволяют синхронизировать позднюю часть могильника с древнерусским поселением XIV–XV вв. [*Макаров, 2008*. С. 72–74; рис. 10; 11; 12; *2009*. С. 238–239; рис. 3; 4; 5; 6; 7; 8].

Таким образом, благодаря раскопкам, организованным В. Ф. Генингом, удалось получить материалы, скорректировавшие начало русской колонизации Среднего Прикамья.

Источники и литература

Ашихмина Л. И. Отчет об исследованиях Зуево-Ключевского I городища в Каракулинском районе Удмуртской АССР, проведенных летом 1972 г. – Свердловск, 1972. – Архив ИА РАН. – Р-1. – № 4685.

Ашихмина Л. И., Генинг В. Ф. , Голдина Р. Д. Работы Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции // АО 1971 г. – М.: Наука, 1972. – С. 182–183.

Ашихмина Л. И., Генинг В. Ф. Работы Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции // АО 1972 г. – М.: Наука, 1973. – С. 155–156.

Башмаков А. О прошлом земли Вятской // Кировская правда [газета]. – Киров, 1960. – 2 июля.

Воронин Н. Н., Гуссаковский Л. П., Никитин А. В., Раппопорт П. А., Седов В. В. Среднерусская экспедиция // КСИА АН СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Вып. 81. – С. 86–94.

Генинг В. Ф. Исследования Удмуртской археологической экспедиции в среднем течении р. Вятки в 1955 г. – Ижевск, 1955. – Архив НМУР. – Д. 4.

Генинг В. Ф. Средне-Вятские городища // Археологические памятники среднего течения р. Вятки по материалам разведок 1957 г. – Ижевск, 1957. – Архив КОКМ. – НВ-75-40. – Л. 25–46.

Генинг В. Ф. Археологические памятники Удмуртии. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. – 192 с.

Генинг В. Ф. Осинское городище // Отчеты К(В)АЭ. – М.: Изд-во ИА АН СССР, 1959. – Вып. I. – С. 164–195.

Генинг В. Ф. Отчет об исследованиях Зуево-Ключевского I городища в Каракулинском районе Удмуртской АССР летом 1971 г. – Свердловск, 1971. – Архив ИА РАН. – Р-1. – № 4545.

Гуссаковский Л. П. Вятка или Хлынов? // Кировская правда [газета]. – Киров,1960. – 16 января.

Гуссаковский Л. П. Археологические исследования в с. Никульчино Кировской области // ВАУ. – Свердловск, 1962. – Вып. 2. – С. 118–121.

Гуссаковский Л. П. Древнерусский город Орлов (Совр. г. Халтурин) // КСИА АН СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1967. – Вып. 110. – С. 102–105.

Денисов В. П. Отчет за 1955 г. об археологических разведках и раскопках Малмыжской и Буйской стоянок на р. Вятке. – Ижевск, 1955. – Архив НМУР. – Д. 4.
Денисов В. П. Новые археологические памятники на Вятке // СА. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – № 3. – С. 111–119.
Еговкина Л. М. Отчет об археологических разведках на Средней Вятке в 1957 г. // Археологические памятники среднего течения р. Вятки по материалам разведок 1957 г. – Ижевск, 1957. – Архив КОКМ. – 1957. – НВ-75-40. – Л. 1–25.
Макаров Л. Д. Исследование средневековых памятников на Средней Вятке // АО 1979 г. – М.: Наука, 1980. – С. 152–153.
Макаров Л. Д. Исследования древнерусских памятников на Средней Вятке // АО 1981 г. – М.: Наука, 1983. – С. 158.
Макаров Л. Д. Исследования в Котельничском районе Кировской области // АО 1982 г. – М.: Наука, 1984. – С. 156–157.
Макаров Л. Д. Вятская земля в эпоху средневековья (по данным археологии и письменным источникам): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Л., 1985. – 15 с.
Макаров Л. Д. В.Ф. Генинг и славяно-русские древности Прикамья // Археология Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. – С. 237–242.
Макаров Л. Д. Русские в Удмуртском Прикамье: материалы к историко-археологической карте // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Изд-во «Апельсин», 2008. – С. 70–85.
Макаров Л. Д. Среднее Прикамье – объект русской колонизации (XII–XVII вв.) // «100 лет – это повод»: Мат-лы Науч.-практич. конф. «Институт культуры: баланс традиций и инноваций». – Сарапул: Изд-во МИКСП, 2009. – С. 237–249.
Макаров Л. Д. Хронология древностей Вятской земли XII–XV вв. // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. – Ижевск: Изд-во Удмуртский ун-т, 2012. – С. 494–542.
Оборин В. А., Вечтомов А. Д., Голдина Р. Д., Поляков Ю. А. Археологические памятники Пермской области // Памятники истории и культуры Пермской области. – Пермь, 1976. – С. 22–42.
Салангин Д. А. Круговая неполивная посуда Вятского края в XII–XVIII вв. (по археологическим источникам): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Ижевск, 1999. – 17 с.
Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // МИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – № 55. – С. 228–248.
Эммаусский А. В. История Вятского края в XII – середине XIX века. – Киров: Кировская обл. типогр., 1996. – 272 с.

В. И. Молодин
г. Новосибирск
ИАЭТ СО РАН

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ ГЕНИНГ И ЕГО УРАЛЬСКАЯ НАУЧНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА. РАЗРАБОТКА ПЕРИОДИЗАЦИИ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ПРИИРТЫШЬЯ И ЕЕ НАУЧНОЕ ЗНАЧЕНИЕ[1]

В. Ф. Генинг и его уральская научная археологическая школа. Имя Владимира Федоровича Генинга – крупного советского археолога и историка – хорошо известно среди научной общественности. Сегодня, отмечая 90-летие со дня рождения этого выдающегося ученого и организатора науки, уместно обратиться к осмыслению его творческой деятельности. Это имеет значение не только для многих из нас и непосредственных учеников Генинга – тех, кто знал его в общении, но и для современного научного сообщества, молодежи, которая делает в науке первые шаги.

Следует сразу отметить, что анализу многогранной деятельности ученого посвящено большое количество литературы [См. библиографию: *Мельникова, 2003.* С. 184–191], а его творчеству – многочисленные специализированные научные конференции [Российская археология…, 2000; 120 лет…. 1999а; 1999б].

Одним из главных достижений Владимира Федоровича Генинга, несомненно, является создание им уральской (свердловской) научной школы, представители которой и сегодня активно занимаются изучением археологии Урала и Сибири. Несмотря на то, что этому явлению посвящена специальная монография [*Мельникова, 2003*] и серия статей [*Ашихмина, 1994*; *1995*; *Ковалева, 1999*; *Мельникова 1995*; *Овчинникова, 1999*; *Борзунов, 2005*], рискну еще раз обратиться к этому сюжету. Тем более что направления, которые я затрону специально, как будто не анализировались. Кроме того, важно и то, что формирование этой научной школы шло на моих глазах. Все действующие лица ее – это исследователи моего поколения, с которым (так уж сложилась жизнь) меня связывает студенческое и аспирантское прошлое со всей неповторимой аурой, свойственной молодости. Со многими представителями этой школы нас и сегодня сближает творческая, да и чисто человеческая дружба.

Отправным моментом создания этого молодежного коллектива было то, что В. Ф. Генинг взял для специализации довольно большую группу молодежи, обучавшуюся на близких курсах истфака УрГУ и в конечном итоге вывел почти каждого в самостоятельное плавание, сделав классным специалистом. При этом молодежь изначально была ориентирована на различные периоды археологии Урала и Западной Сибири, что называется «от палеолита до Главлита».

В то время (конец шестидесятых – начало семидесятых годов) практически вся эта огромная территория Северной Азии, как и периоды существования многих археологических культур, были еще крайне слабо изучены, что само по себе открывало перед молодыми учеными широкие творческие перспективы. При этом сам наставник должен был обладать весьма масштабным научным багажом, разбираясь в проблематике от периода верхнего палеолита до позднего средневековья включительно. Если же учесть, что территориальный охват руководимых Генингом экспедиций был, поистине, огромен – от Приуралья на западе до Прииртышья на востоке и от южно-уральских степей на юге до Западносибирской тайги на севере, то перед нами предстает человек редкой эрудиции. Таких ученых в семидесятые годы в Советском Союзе можно было пересчитать по пальцам.

Важно подчеркнуть еще и то обстоятельство, что подготовка молодых исследователей (как теоретическая, так и практическая) была у Генинга столь продуманной и качественной, что практически все его ученики, к моменту окончания университета вели не только самостоятельные полевые исследования, но также были способны проанализировать и опубликовать полученные в экспедициях материалы.

Все выше сказанное позволяет дать оценку ***Уральской археологической школе как уникальному научному явлению, по меньшей мере, в масштабах советской археологии***.

Конечно, столь значительный количественно творческий коллектив невозможно было содержать в условиях университета. Тем не менее, к чести Генинга, он нашел возможность обеспечения существования такого масштабного сообщества, создав при университете особую лабораторию, работающую на новостройках Урала и Западной Сибири, функционирующую на «хозновостроечные» деньги.

[1] Работа выполнена в рамках проекта X.100.2.1. «Динамика этнокультурных процессов в Обь-Иртышском междуречье».

Замечательно, что лаборатория дала невероятно быстрый научный эффект, причем не только в плане широкомасштабных разведок и раскопок поселений, городищ и могильников, часто на территориях, где еще не ступала нога археолога, но и, что особенно важно, выполнила ряд монографических исследований и качественных аналитических разработок, многие из которых спустя почти половину столетия не потеряли своей научной значимости.

Проблема характеристики и периодизации древних культур Прииртышья. На двух таких моделях я остановлюсь далее в своем докладе. По сути же, речь пойдет о концепции историко-культурного развития, разработанной В. Ф. Генингом и его учениками – представителями уральской научной школы, для территории лесостепного Прииртышья, обнародованной в виде двух крупных аналитических докладов, а затем опубликованных в виде статей [*Генинг, Гусенцова и др., 1970*; *Генинг, Корякова и др., 1970*]. Вот как сам Владимир Федорович оценивает эти разработки в своей научной автобиографии. «В 1970 году в Томске проводилось совещание по хронологии и культурной принадлежности памятников Западной Сибири. На этом совещании было представлено два наших коллективных доклада, в которых впервые была разработана культурно-хронологическая периодизация Иртыш-Ишимской лесостепи с эпохи неолита до позднего средневековья». [*Генинг, 2003.* С. 172]. Если же учесть, что в 1985 г. данная разработка была дополнена монографией Владимира Федоровича, написанной в соавторстве с его учеником В. Т. Петриным, посвященной верхнему палеолиту данного региона [*Генинг, Петрин, 1985*], то можно констатировать уникальную для своего времени историко-культурную концепцию (от палеолита – до нового времени), разработанную для крайне важного для Северной Евразии района, которым является лесостепное Прииртышье.

Оценивая концепцию, следует подчеркнуть, что она была разработана, как правило, на основе материалов достаточно представительных раскопок, проведенных творческим коллективом, возглавляемым В. Ф. Генингом. Разумеется, с привлечением всех других известных на тот момент источников.

Начну с того, что верхнепалеолитическая эпоха, представленная в регионе материалами стоянки Черноозерье II, до настоящего времени пополнилась новыми данными весьма незначительно. Обстоятельно проанализированные сведения по представительному каменному инвентарю, уникальным костяным предметам (вкладышевый кинжал, браслеты), жилищной конструкции, полученным на памятнике, до сегодняшнего дня являются основополагающими для характеристики финальной стадии палеолитической эпохи Западносибирской равнины. Впоследствии, несколько усиленная В. Т. Петриным концепция [*1986*], по сути, и сегодня является основополагающей для характеристики верхнего палеолита данного региона.

Если оценивать культурно-историческую периодизацию, изложенную в двух докладах В. Ф. Генинга и его учеников, прозвучавших в 1970 г. в Томском государственном университете, то с позиций сегодняшнего дня ее можно охарактеризовать следующим образом.

Авторами концепции совершенно верно намечена периодизация выявленных и/или уже имеющих место) образований от эпохи неолита до периода позднего средневековья (по сути – нового времени) включительно. В конечном итоге, творческими коллективами была создана некая канва, значительная часть ячеек которой была верно намечена и заполнена. Кстати сказать, это отчетливо понимали и авторы исследований, подчеркивая, что работа «не претендует на исчерпывающую характеристику всех периодов» [*Генинг, Гусенцова и др., 1970.* С. 12].

Вторым важным достижением является совершенно обоснованное выделение ряда археологических культур (в первой статье они названы типами). Некоторые комментарии, с позиции сегодняшнего состояния науки, в рамках данного сообщения представляются мне вполне уместными.

Начну с первого доклада. Как полстолетия назад, так и сегодня, ***проблема прииртышского неолита*** не решается однозначно. При этом, несмотря на то, что за истекшие годы объем источников существенно увеличился – и качественно, и количественно. На сегодняшний день можно считать, что выделение творческим коллективом особой среднеиртышской неолитической культуры было вполне оправданным. Другое дело, что оценка ее содержания претерпевает существенные изменения и дополнения, что связано, прежде всего, с пополнением источников базы. Можно, думаю, считать очевидным существование артынской неолитической культуры [*Косинская 1982*; *Бобров, Марочкин, 2011*]. К чести творческого коллектива В. Ф. Генинга материалы артынского типа – в рамках среднеиртышской неолитической культуры – обозначены уже в статье 1970 г. [*Генинг, Гусенцова и др., 1970.* С. 14–15].

С течением времени существенно изменилось отношение к хронологии неолита, в том числе западносибирского. Полученные серии радиоуглеродных калиброванных дат позволяют определять верхние параметры неолитической эпохи не моложе, чем рубеж V–IV тыс. до н. э. В этой связи даты прииртышского неолита, предложенные в докладе В. Ф. Генинга и его молодых коллег (IV тыс. до н. э.), а также в предшествующей работе В. Ф. Генинга и Р. Д. Голдиной (первая половина III тыс. до н. э.) [*1969.* С. 45], сегодня выглядят крайне омоложенными.

Древности эпохи бронзы. Материалы с поселения Черноозерье III [*Генинг, Гусенцова, и др., 1970.* Рис. 1 – *24*, *28*], причисленные к позднему неолиту, сегодня вряд ли можно считать таковыми. Во всяком случае, один из публикуемых фрагментов [*Там же.* Рис. 1 – *24*], судя по рисунку, следует включить в состав материалов одиновской культуры периода развитой бронзы. Вероятно, к этой же культуре относятся и так называемые «поселения с текстильной керамикой», выделенные коллективом В. Ф. Генинга в особую группу [*1970.* С. 19–20]. Впоследствии Л. Я. Крижевской, а затем М. Ф. Косаревым, в том числе на материалах означенных поселений, была выделена одиновская група памятников левобережного лесостепного Прииртышья [*Крижевская 1977.* С. 77, 81, 84–94; *Косарев. 1981.* С. 59–61]. В 1980-е гг. автором этих строк памятники одиновского типа были обнаружены и на правобережье Прииртышье [*Молодин, 1981*]. Сегодня с открытием серии могильников одиновская культура выглядит как мощное образование, бытовавшее на обширных пространствах западносибирской лесостепи в III тыс. до н. э.

Из всего сказанного очевидно, что посылка творческого коллектива В. Ф. Генинга была совершенно оправданной. Другое дело, что обращение в качестве аналогий к центрально-азиатским параллелям сегодня выглядят неубедительно. В настоящее время означенную разработку дополняет выделенная *свита культур периода ранней поры бронзового века*, стратиграфически располагающаяся между неолитическими и одиновскими древностями. К их числу относятся комплексы байрыкского типа с гребенчато-ямочной посудой, неолитоидным каменным инвентарем, однако уже с металлическими предметами, а также памятники усть-тартасской культуры [*Молодин, 2010*].

Несомненно, особо значимым в рассматриваемой концепции является выделение логиновского и кротовского типов памятников *для периода ранней бронзы*.

Обозначение кротовского типа (в последствии – культуры) прочно закрепилось в науке, а поселение Черноозерье IV до настоящего времени является одним из ее опорных памятников [*Генинг, Стефанова, 1982*]. Другое дело, что широкомасштабные исследования ее погребальных и поселенческих комплексов в Барабе и Верхнем Приобье существенно обогатили источниковую базу данной культуры, позволив в полной мере представить облик этого яркого, самобытного и достаточно мощного для своего времени образования.

Сложнее обстоит дело с памятниками логиновского типа, хотя его выделение было также, без сомнения, оправданным. Находки экспедицией возглавляемой В. Ф. Генингом на поселении Черноозерье VI предметов бронзолитейного производства [*Кондратьев, 1974*] уже в то время (1980-е гг.) определяли его позицию во времени. Вместе с тем, до сегодняшнего дня в условиях Прииртышья мы по существу не имеем каких-либо существенных данных, усиливавших наши представления о данном образовании [*Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991.* С. 73].

Как выясняется, чрезвычайно важным оказалось наблюдение авторов доклада о наличии текстильной керамики в кротовских и логиновских комплексах. С позиций наших сегодняшних знаний такое положение вещей можно, по-видимому, объяснить наличием сосуществования носителей одиновской и кротовской (а возможно, и логиновской) культур [*Молодин, 2010*] на определенном этапе исторического развития.

Далее, в анализируемом докладе авторами выделяется и характеризуется «эпоха поздней бронзы», в которой намечено «три хронологических этапа: черноозерский (андроновский), розановский (карасукский) и большеложский» [*Генинг, Гусенцова и др., 1970.* С. 32]. Как мы видим, в основу периодизации положена схема С. А. Теплоухова, разработанная для памятников эпохи бронзы Минусинской котловины, являющаяся в значительной степени основополагающей для последующих периодизаций, по крайней мере, лесостепных и степных районов Западной Сибири [*Теплоухов, 1927*].

Выделение авторами концепции особого, черноозерского, этапа выглядело вполне оправданным для своего времени. Также, как и плодотворная мысль об особом рассмотрении влияния и инфильтрации андроновского субстрата в конкретную культурную среду того или иного региона и, как следствие, вероятность «проследить формирование культуры в каждом отдельном регионе» [*Генинг, Гусенцова и др. 1970.* С. 35]. Этот синтез представляется мне сегодня в означенном и восточном регионе лесостепного Прииртышья как особое этнокультурное образование – позднекротовская (черноозерская) культура [*Молодин, 2014*].

Вместе с тем, в предлагаемой схеме отсутствует классический андроновский (федоровский) этап, который, несомненно, существовал в регионе как особый, пришлый из эпицентра миграции, и какое-то время существовавший в Прииртышье параллельно с позднекротовским населением. Уверен, что в то время это понимали авторы концепции, о чем свидетельствует и текст данного раздела статьи [*Генинг, Гусенцова*

и др., 1970. С. 33–35]. Почему тогда андроновцы «выпали» из схемы»? Может быть, кто-то из творческого коллектива ответит на этот вопрос…

Следующий этап периода поздней бронзы назван авторами статьи «розановским». Выделение данной культурной группы можно считать абсолютно оправданным для региона. Справедливо подчеркивается синкретизм культурных черт в керамике (ирменских, сузгунских) [*Там же.* 42–44]. Возражение – и в то время, и сегодня – может вызывать попытка авторов связать носителей розановской культурной группы с восточными «пришлыми карасукскими племенами», хотя и не являющимися, по утверждению авторов, преобладающими в Среднем Прииртышье [*Там же.* С. 43].

С моей точки зрения, ни о каком проникновении носителей карасукской культуры (из Минусинской котловины на запад) говорить вообще не приходится. Сегодня достаточно очевидно, что огромные пространства западносибирских лесостепей – от Минусинской котловины на востоке до Прииртышья на западе – в период поздней бронзы занимали носители ирменской культуры, синхронной карасукской и не менее мощной (если не более), чем последняя [*Бобров, Чикишева, Михайлов, 1992*; *Молодин, 1985*]. Не вдаваясь в детали обсуждения проблемы происхождения ирменской культуры (эта тема рассматривается в статье творческого коллектива, возглавляемого В. Ф. Генингом), поскольку это потребовало бы написания особого историографического очерка, в русле поставленной задачи можно сказать, что носители ирменской культуры существовали в Среднем Прииртышье [Нижнетарский археологический микрорайон…, 2001; *Стефанов, Труфанов, 1988*], и их хронологическая позиция в предлагаемой схеме должна быть между черноозерской и розановской группами.

Вообще исследования памятников периода поздней бронзы в лесостепном Прииртышье демонстрируют сегодня сложность и мозаичность проживания здесь различных культурных групп. К носителям ирменской культуры, несомненно, следует присоединить представителей сузгунского населения (по крайней мере, южные варианты культуры), а также пахомовской культуры. Учитывая существование в западных от Прииртышья лесостепях еще и носителей бархатовской культуры [*Матвеев, Аношко, 2009*], можно представить себе всю сложность этнокультурной ситуации, сложившейся в регионе в конце II тыс. до н. э. Авторы концепции, отмечавшие в розановских материалах синкретизм разных культурных традиций, несомненно, были правы. Во всяком случае, об ирменском, сузгунском и бархатовском компонентах можно, видимо, говорить вполне определенно.

В этой связи, розановские памятники следует отнести к *самому заключительному этапу финальной бронзы*, если вообще – не к переходному от бронзы к железу времени. Последнее, впрочем, допускают и авторы концепции, говоря о формировании в регионе в конце розановского времени памятников «молчановского типа» [*Генинг, Гусенцова и др., 1970.* С. 44], т.е. переходного от бронзы к железу времени. Кроме того, далее в статье совершенно справедливо отмечается и наличие в керамике последующего, выделяемого коллективом, большеложского типа (по сути переходного от бронзы к железу времени) значительного числа розановских черт [*Там же.* С. 51].

Само выделение большеложского этапа является, без сомнения, справедливым и удачным. Можно лишь добавить, что последующие исследования как материалов городища Большой Лог [*Членова, 1994*], так и синхронных по времени памятников инберенской группы [*Абрамова, Стефанов, 1981*], а также городища Чича 1 в восточном Прииртышье [*Молодин, Парцингер, 2006*], существенно обогатили наши представления об этнокультурных явлениях в регионе, показав сложную, мозаичную картину историко-культурных процессов в западносибирских лесостепях, во многом спровоцированных резким похолоданием климата в Северной Азии [*Молодин, 2010*; *Молодин, Мыльникова, 2011*].

Эпоха железа. Вторая часть рассматриваемой концепции творческого коллектива, возглавляемого В. Ф. Генингом, изложена в статье, также опубликованной в материалах означенной конференции, но уже с другой группой учеников [*Генинг, Корякова и др., 1970*]. Как указывают авторы, в работе намечена предварительная периодизация эпохи железа означенной территории [*Там же.* С. 203]. Не вдаваясь в детали, можно сразу отметить, что намеченная авторами периодизация (как в случае с эпохой бронзы), в целом абсолютно верно отражала общую тенденцию развития историко-культурных процессов от эпохи раннего железа, по сути, до нового времени (сибирские ханства) в лесостепном Прииртышье. Разумеется, последующий более чем полувековой срок археологических изысканий в регионе существенно пополнил и уточнил эту канву, расцветив ее новыми красками.

Для раннего железного века исследовательским коллективом в целом верно выделена особая культура, названная абатской, с двумя последовательными этапами – коконовским и саргатским [*Там же.* Рис. 1]. Авторы отчетливо осознают слабую обеспеченность означенной территории материалом, в связи с чем к построениям активно привлекались источники как с запада (Приишимье и Притоболье), так и с востока

(Барабинская лесостепь), что, впоследствии, оказалось не всегда корректным. Авторы прекрасно осознавали, что даже при таком подходе, в целом для эпохи, имели место как территориальные, так и хронологические лакуны (отсутствие, например, материалов начальной стадии раннего железного века). В конечном итоге, при активном последующем изучении периода раннего железа, как в Прииртышье, так и в соседних районах, оказалось, что эпоха представлена в целом единым культурным образованием (саргатская культура), занимающим огромные пространства западносибирских лесостепей, фактически от Приобья до Зауралья, а хронологически – от раннескифского времени (VII в. до н. э.) до раннего средневековья, включительно [*Могильников, 1992*; *Полосьмак, 1987*; *Матвеева, 1993*]. Одним из наиболее активных разработчиков современной периодизации данной культуры стала Людмила Николаевна Корякова [*1988*], ученица В. Ф. Генинга, одна из авторов первой концепции.

К чести создателей обсуждаемой периодизации, следует добавить, что ими совершенно правильно был выделен особый элемент декора, присутствующий на керамике лесостепного Прииртышья –ямочные наколы, который справедливо связывается с кругом северных культур [*Генинг, Корякова и др. 1970.* С. 214–215]. Действительно, в этой предтаежной зоне Прииртышья впоследствии были выделены новочекинская и богочановская культуры [*Полосьмак, 1987.* С. 104–108; *Данченко, 1991*] с особым колоритом орнаментации керамики, отчетливо прослеженным свердловским творческим коллективом на коконовской посуде.

Следующий период – начала I тыс. н. э. – в рассматриваемой разработке представлен только одним захоронением могильника Черноозерье IV, названный авторами «коридорными гробницами» [*Генинг, Корякова и др., 1970.* С. 215]. Действительно, своеобразие этого захоронения несомненно и сегодня. К сожалению, до настоящего времени существенного пополнения источниковой базы для данного исторического периода пока так и не произошло. Правда, в нескольких десятках метрах к северу этого места, еще в 1970 г. при раскопках вала соседнего Черноозерского I городища эпохи бронзы было обнаружено синхронное погребение мужчины с искусственно вытянутым черепом и характерной костяной пряжкой [*Викторов, Борзунов, 1974.* Рис. 1]. На могильнике Сопка 2 на р. Тартас в Северной Барабе автором раскопано богатое захоронение (№ 688), надежно датированное III–V вв. н. э. [*Molodin, 1995*] и – по ряду параметров – сопоставимое с прииртышскими. Антропологический тип мужчины из Барабы отмечен явными центрально-азиатскими антропологическими признаками [*Молодин, Чикишева, 1990*]. Эти находки могут свидетельствовать о проникновении с юга пришлого населения из Центральной Азии, вероятно, непосредственно связанного с миграционными потоками хунну на запад. В этот перечень можно включить замечательное Тугозвоновское погребение на Алтае [*Уманский, 1978*] и могилу воина на р. Ераська [*Егоров, 1993*]. В целом же к этому периоду сейчас можно причислить пять одиночных гуннских погребений, датирующихся III–V вв., открытых в Среднем Прииртышье, Барабе, Барнаульском Приобье и на Южном Урале – на руинах вала городища Аркаим на р. Синташте [*Боталов, Полушкин, 1996.* С. 184. Рис. 8; *Борзунов, Чемякин, 2012.* С. 232–233].

В последующий период лесостепное Прииртышье занимали носители северного, таежного, круга культур. По справедливому мнению разработчиков концепции, это была потчевашская культура V–VIII в.в. н.э. [*Генинг, Корякова и др. 1970.* С. 215]. В то же время и сегодня можно считать оправданными деление культуры на два этапа – сперановский и горносталевский.

Важно особо подчеркнуть, что предложенная концепция была разработана на довольно-таки обширном материале, в противовес имеющемуся в то время пониманию известных источников, в том числе Потчевашского городища. Оказалось вполне оправданным и отнесение потчевашской культуры к обширной историко-культурной общности, отмечаемой уже в то время на обширных пространствах Западной Сибири [*Там же.* С. 223]. Справедливо и то, что появление носителей культуры в лесостепной зоне связано с миграцией таежного населения. Очевидно, что и генетические корни данного образования следует искать в таежной зоне, где ей предшествует весьма близкая по колориту кулайская историко-культурная общность [*Чиндина, 1984*].

Период позднего средневековья был представлен в то время в лесостепном Прииртышье крайне незначительными материалами. Тем не менее, авторы концепции абсолютно верно атрибутировали их, связав с тюркским миром [*Генинг, Корякова и др. 1970.* С. 225]. Как впоследствии выяснилось, в регионе открыт и исследован существенный массив памятников, свидетельствующий, во-первых, о южном проникновении в регион тюркоязычного населения, во-вторых, об активном взаимодействии пришельцев с носителями аборигенного этноса, потомков потчевашской (вероятно, усть-ишимской) культуры, представителями, скорее всего, южно-угорского населения [Бараба…, 1988]. В результате, на памятниках данного периода в регионе налицо проявление синкретизма носителей сросткинской тюркской археологической культуры, которые проникают глубоко на север, где повсеместно встречаются в таежной зоне у носителей аборигенных (угорских и самодийских) этносов.

Наконец, заключительный раздел рассматриваемой концепции посвящен памятникам, принадлежащим Сибирскому ханству (конец позднего средневековья – новое время). Авторы в целом абсолютно верно характеризуют имеющиеся материалы, справедливо отмечая условность термина «татары», равно как и его этническую окраску [*Генинг, Корякова и др. 1970.* С. 228].

Действительно, целенаправленное изучение археологических памятников позднего средневековья – нового времени в Западной Сибири демонстрирует весьма мозаичную картину проживания здесь различных этнических групп угорской, самодийской и тюркской принадлежности. В лесостепной зоне, в силу известной специфики, несомненно, складывались так называемые «гибридные» этносы, основу которых составляли автохтонные угорские или самодийские компоненты, в среду которых активно вмешивались тюркоязычные племена с юга. Различные доминанты этих составляющих (которые в реальной жизни могли представлять еще более сложный синтез) породили, в конечном итоге, достаточно своеобразные группы сибирских «татар», отличающиеся не только по материальной и духовной культуре, но и по своей этнической принадлежности [*Томилов, 1981*; *Молодин, Соболев, Соловьев, 1990*; *Корусенко, 2003*].

Таким образом, следует сделать однозначный вывод о том, что представленные молодым творческим коллективом уральских ученых разработки явились в высшей степени актуальными для своего времени. Более того, приведенный выше анализ продемонстрировал, что многие положение до настоящего времени не утратили научной значимости.

Отмечая сегодня девяностолетний юбилей Владимира Федоровича Генинга, мы должны отдать должное этому замечательному Ученому и Человеку, так много сделавшему для развития археологии в нашей стране, как теоретика и активного практика, создавшего прекрасную научную археологическую школу в Уральском государственном университете, многие из выпускников которой и сегодня достойно продолжают дело своего Учителя.

Литература

Абрамова М. Б., Стефанов В. И. Памятники инберенского типа (о своеобразии перехода к железному веку в лесостепном Прииртышье) // ВАУ. – Свердловск, Изд-во УрГУ, 1981. – Вып. 15. – С. 92–97.

Ашихмина Л. И. Владимир Федорович Генинг и уральская археология // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 1994. С. 7–9.

Ашихмина Л. И. Памяти учителя // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. – Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 1995. – С. 8–15.

Бараба в тюркское время / Молодин В. И., Савинов Д. Г., Елагин В. С. и др. – Новосибирск: Наука, СО, 1988. – 176 с.

Бобров В. В., Марочкин А. Г. Артынская культура // Тр. III (XIX) ВАС. – Великий Новгород; Старая Русса. 2011. – СПб.; М.; Великий Новгород: Наука, 2011. – Т. I. – С. 106–108.

Бобров В. В., Чикишева Т. А., Михайлов Ю. И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. – Новосибирск: Наука, СО, 1992. – 156 с.

Боталов С. Г., Полушкин Н. А. Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III–V веков // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск: Изд-во «Рифей», 1996. – С. 178–193.

Борзунов В. А. От редактора: Слово о Генинге // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга). – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. – С. 5–6.

Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымское общество таёжного Приобья: некоторые аспекты его генезиса, развития и взаимодействия с соседями // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого.– Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2012. – Вып. 10. – С. 217–261.

Викторов В.П., Борзунов В.А., 1974. Городище эпохи бронзы у села Черноозерье на Иртыше // ИИС. Томск: Изд-во ТГУ, 1974. – Вып.15. – С. 19–23.

Генинг В. Ф. Автобиография научной деятельности // Мельникова О. М. Свердловская научная археологическая школа В. Ф. Генинга (1960–1974) / МИ К(В)АЭ. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 2003. – Т. 9. – С. 145–181.

Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. Поселение Кокуй I // ВАУ. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1969. – № 8. – С. 30–47.

Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М., Стефанов В. И., Трофименко В. С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века среднего Прииртышья // ПХКПАПЗС. – Томск: Изд-во ТГУ, 1970. – С. 12–51.

Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В. Памятники железного века в Омском Прииртышье // ПХКПАПЗС. – Томск: Изд-во ТГУ, 1970. – С. 203–228.

Генинг В. Ф., Петрин В. Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, СО. 1985. – 88 с.

Генинг В. Ф., Стефанова Н. К. Черноозерье IV – поселение кротовской культуры // Археологические исследования севера Евразии. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1982. – С. 53–64.

Данченко Е. М. Ранний железный век южнотаежного Прииртышья: Автореф. дис.… канд. ист. наук. – М., 1991. – 21 с.

Егоров Я. В. Новое исследование погребения воина эпохи Великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1993. – С. 77–78.

Ковалева В. Т. Свердловская школа В. Ф. Генинга // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1999. – С. 24–31.

Кондратьев О. М. Раскопки поселения эпохи ранней бронзы Черноозерье VI в 1970 г. // ИИС. – Томск: Изд-во ТГУ, 1974. – Вып. 15. – С. 17–19.

Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Стефанова Н. К. Культуры бронзового века предтаежного Тобола-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // ВАУ. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1991. – Вып. 20. – С. 70–92.

Корусенко М. А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: Опыт анализа структуры и содержания (Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Т . 7). – Новосибирск: Наука, 2003. – 192 с.

Корякова Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. – 240 с.

Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука. 1981. – 278 с.

Косинская Л. Л. Поздненеолитическая стоянка Артын на Среднем Иртыше // Археологические исследования Севера Евразии. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1982. – С. 18–27.

Крижевская Л. Я. Раннее бронзовое время в Южном Зауралье. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. – 128 с.

Матвеев А. В., Аношко О. М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. – Тюмень: ОАО «Тюменский дом печати», 2009. – 416 с.

Матвеева Н. П. Саргатская культура на среднем Тоболе. – Новосибирск: Наука, СО, 1993. – 175 с.

Могильников В. А. Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20-ти т.). – М.: Наука, 1992. – С. 292–310.

Мельникова О. М. Свердловская научная археологическая школа В.Ф. Генинга (1960-1974). Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Том. 9. Ижевск. 2003.

Мельникова О. М. Научные школы в археологии Урала // Узловые проблемы современного финно-угроведения: Мат-лы I Всерос. науч. конф. финно-угроведов. – Йошкар-Ола: НЦ финно-угроведения. – С. 51–54.

Молодин В. И. Памятники одиновского типа в Барабинской лесостепи // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, СО, 1981. – С. 63–75.

Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, СО, 1985. – 200 с.

Молодин В. И. Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею профессора Т. Н. Троицкой). – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. – С. 61–76.

Молодин В. И. Экологический «стресс» на рубеже II–I тыс. до н. э. и его влияние на этнокультурные и социально-экономические процессы у народов Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск: Изд-во «Аграф-Пресс». 2010. – С. 22–24.

Молодин В. И. К вопросу о позднекротовской (черноозерской) культуре (Прииртышская лесостепь) // АЭАЕ. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2014. –1 (57). – С. 49–54.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н. Северные традиции в керамическом производстве культур переходного от бронзы к железу времени лесостепного пояса Западной Сибири как показатель миграционных потоков // Экология древних и традиционных обществ. – Тюмень: Изд-во Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. – Вып. 1. – С. 101–121.

Молодин В. И., Парцингер Г. Исследование памятника Чича в Барабинской лесостепи (итоги, перспективы, проблемы) // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г. г. Новосибирск). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Том I. – С. 49–55.

Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, СО, 1990. – 260 с.

Молодин В. И., Чикишева Т. А. Погребение воина IV–V вв. н. э. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука 1990. – С. 161–179.
Нижнетарский археологический микрорайон / П. В. Большаник, А. В. Жук, В. И. Матющенко и др. – Новосибирск: Наука, СО. 2001 – 256 с.
Овчинникова Б. Б. Владимир Федорович Генинг – ученый и педагог // Генинг Владимир Федорович. Библиографический указатель. – Екатеринбург: УрГУ, 1999. – С. 5–12.
Петрин В. Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск: Наука, СО, 1986. – 142 с.
Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, СО, 1987. – 144 с.
Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Мат-лы науч. конф. к 75-летию В. Ф. Генинга. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 2000. – 439 с.
Стефанов В. И., Труфанов А. Я. К вопросу о своеобразии ирменской культуры в Среднем Прииртышье (по материалам поселения Сибирская Саргатка I) // Материальная культура древнего поселения Урала и Западной Сибири (ВАУ. – Вып. 19). – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. – С. 75–87.
120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга: Мат-лы науч. конф. – Свердловск: УрГУ, 1999а. – Ч. 1: Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. – 127 с.
120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга: Мат-лы науч. конф. – Свердловск: УрГУ, 1999а. – Ч. 2: Новейшие открытия уральских археологов. – 100 с.
Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае // МЭ. – Л.: Издание ГРМ, 1927. – Т. 1. – Вып. 2. – С. 57–112.
Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западносибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – Томск: Изд-во ТГУ, 1981. – 274 с.
Уманский А. П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, СО, 1978. – С. 129–163.
Чиндина Л. А. Древняя история среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. – Томск: Изд-во ТГУ, 1984. – 255 с.
Членова Н. Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М.: Наука, 1994. – 170 с.
Molodin V. I. Sopka–2, Grab 688: Ein Reiches Hunno-sarmatisches Männergrab in der Westsibirischen Waldsteppe // Trans Europan. Beiträge zur Bronze und Eisenzeit Zwisehen Atlantik und Altai: Festscheift für Margarita Primas. – Antiquitas Reihe 3 (Serie in 4 to). Abhandlungen zur Vor und Frühgeschichte, zur Klassischen und Provinzial. – Rőmishen Archäologie und zur Geschichte des Altertums. – Bonn, 1995. – Band 34. – S. 277–285.

В. В. Генинг
г. Москва
ООО «Археологические изыскания в строительстве»

ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ПЕРВОБЫТНОСТИ В ПОЗДНИХ ТРУДАХ В. Ф. ГЕНИНГА

Убежденный сторонник материалистического понимания истории, Владимир Федорович Генинг всегда считал археологию исторической наукой, познавательная активность которой направлена на изучение обществ прошлого через специфические археологические источники. Уже в ранних его работах 1950-х гг. проявился интерес к проблемам истории первобытного общества, и с тех пор он «красной нитью» в той или иной мере проходил через все его работы. Окончательно ученый сформулировал свое понимание целей и задач археологии как науки в 1983 г. – в монографии «Объект и предмет науки в археологии». В ней он, в частности, писал: «Цель археологического познания – исследование закономерности исторического и социального развития конкретных обществ прошлого... которое... должно базироваться на закономерности отражения жизнедеятельности прошлых обществ в предметном мире, а сам процесс исследования общественных структур должен осуществляться на трех уровнях социальной организации – образа жизни, этно-социальном и формационном» [*Генинг,1983*].

В конце 1980-х гг. одним из направлений его деятельности стало исследование ***проблемы периодизации истории первобытного общества.*** К сожалению, в современной археологии, как и прежде, проблемам периодизации исторического процесса ранних этапов социального развития уделяется слишком мало внимания, особенно на теоретико-методологическом уровне.

Часть труда, посвященного этой теме, так сказать его «выжимку», исследователь опубликовал в виде серии статей в квартальном журнале Украинской АН «Археологія» (Киев, 1989 г. – № 2–4). Из-за публикации на украинском языке, относительно малого тиража журнала, да и вследствие общей сложной ситуации в стране в то время, эти работы не получили широкой известности. Тем не менее, сам В. Ф. Генинг считал данную проблематику очень важной. По этой причине я счел возможным в реферативном виде ознакомить археологическую общественность с содержанием данного труда.

I. Первая из серии статей – «Проблемы формационной структуры первобытности» – посвящена исследованию вопросов стадиального членения первобытнообщинного способа производства. При этом данная структура анализируется на двух уровнях.

На одном – в системе «природа – общество», когда выделяются основные ступени освоения природных богатств и энергии внешней среды разнородными типами техники для удовлетворения общественных потребностей. Это уровень ***«суперформаций»***:

– первичной (первобытной);
– вторичной (классовой);
– третичной (бесклассово-коммунистической).

На другом уровне каждый «суперформационный» способ производства рассматривается в своей социальной эволюции, как стадии становления, расцвета и распада социальных формаций, выделяемых как прогрессивные.

I. 1. Общая характеристика первобытнообщинного способа производства на уровне «суперформации».

По мнению В. Ф. Генинга, перед археологией стоят масштабные задачи – *историзации и социологизации ее знаний, исследование закономерностей социально-исторического развития древних обществ, выявленных по археологическим источникам*. Такие исследования могут быть успешными лишь при достаточно разработанной *теории социального развития и принципов периодизации исторического процесса* тех эпох, которые являются объектами познания археологии. Периодизация вводит ***объект изучения – конкретное общество прошлого*** – в канву целостной концепции социальной системы, обозначает его место в ней и дает основные ориентиры для реализации научно-исследовательского поиска.

В своих работах В. Ф. Генинг вынес на обсуждение некоторые вопросы периодизации первобытнообщинного строя на формационном уровне. Исходным при этом стало представление о *многоуровневой структуре исторической периодизации*, обусловленной уровнем общности социальных параметров, которые в познании обществ призваны наиболее полно отражать богатство и разнообразие исторического процесса.

В марксистской науке, убежденным последователем которой был В. Ф. Генинг, периодизация социально-исторического процесса базируется на материалистическом понимании истории и теории общественных формаций.

К. Маркс, с *одной стороны*, обозначил проблему выделения органичной системы, *с другой стороны* – выделения основ социальных систем, которые бы отражали главный принцип их развития. В этой органичной системе, которая представляет общество как единый социальный организм, *системообразующим фактором является способ производства материальных благ.*

Основное значение этого понятия у К. Маркса – «это **исторически определенная совокупность производственных отношений, экономическая структура общества, которая создает основу общества, скелет его организации**» [Теория..., 1982]. В таком аспекте общество, которое изучается со стороны его производственных отношений, характеризуется как экономическая структура.

В марксистской литературе категория *«социально-экономическая формация» определяется как «исторически-конкретный тип общества».* «*Категория социально-экономической формации обозначает исторически определенную ступень социального развития, исторический тип конкретного общества, социального строя. Ее формирование подчинено разработке материалистического понимания истории*» [Марксистско-ленинская теория..., 1983. С. 59].

Структура общества – центральное звено в материалистическом понимании истории. При этом *выделение здесь способа производства в качестве системообразующего компонента* является изначальным для категории социально-экономической формации. В понятии формации фиксируются наиболее общие, существенные, типичные черты, причем прежде всего в способе производства. Общие черты, характерные для отдельных обществ, которые находятся на одной ступени развития и – в этом значении – представляют собой определенный этап во всемирно-историческом процессе. Этим и определяются объективные критерии периодизации исторического процесса.

Концепция материалистического понимания истории К. Маркса имеет *два аспекта понятия социальной формации.*

1) «Производственные отношения... отвечают определенной ступени развития материальных продуктивных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис» [*Маркс.* Т. 13. С. 6]. Здесь понятие «социальная формация» имеет значение, позволяющее отнести к определенной эпохе совокупность производственных отношений, составляющих реальный базис общества. Это ***тип общества*** определенной эпохи. На основе этого понимания формируется концепция общих закономерностей социального развития – ***теория общества***, в структуре которого К. Маркс отмечает функциональные связи: производительные силы – производственные отношения – политическая надстройка – формы общественного сознания.

2) Иной аспект выступал в определении «формация» в следующем известном высказывании К. Маркса: «В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической социальной формации» [*Маркс.* Т. 13. С. 7]. Здесь высказана идея общих закономерностей исторического процесса, ***теории истории***.

В целом концепция материалистического понимания истории отражает закономерности развития структур общества и исторического процесса. В этом суть теории общества и истории, что обуславливает центральное место в материалистическом понимании истории двух проблем: учения о структуре общества и учения о периодизации исторического процесса.

При этом определяющим моментом является учение о структуре общества. Понятие о социально-экономических формациях, особенно об их последовательной смене, находится на пересечении этих двух аспектов.

Сложнейшей проблемой в теории социально-экономических формаций является единство всемирного и локально-исторического в общем потоке развития истории отдельных регионов и народов, соотношения логического и исторического в смене формационных ступеней социального развития. Разрешить ее невозможно без построения соответствующих теоретических моделей, которые отображают формационные ступени общественного развития в самом общем, «глобальном», виде. При построении модели капиталистической формации К. Маркс опирался на анализ наиболее развитого буржуазного общества, как наиболее «чистой» новой структуры, не усложненной влиянием других социумов. Для других формаций этот путь построения теории весьма затруднен, особенно при получении их теоретического логического отображения соответствующего действующим законам развития каждой формации.

Решение этой проблемы, по мнению В. Ф. Генинга, возможно путем использования метода восхождения от абстрактного к конкретному, разработанного К. Марксом. Между тем, само это восхождение предполагает первоначальное движение от чувственно-конкретного к абстрактно-общему, в котором создается система обобщенных исходных эмпирических данных и теоретических определений. Такой подход может быть использован как отправной при исследовании первобытной формационной структуры. В современной археологии накоплен огромный и уже систематизированный эмпирический материал, отражающий в той или иной мере историческое развитие первобытного человечества практически всей ойкумены.

Классифицируя и «типологизируя» археологические источники как остатки жизнедеятельности отдельных обществ в соответствии с посылками формационной теории, можно опираться на определенные *эмпирические закономерности* их распределения. Это должно стать базой для анализа основной проблемы – сложного единства всемирного и локально-исторического, что и отразилось в археологических источниках. Вместе с тем, этот переход в познании – не прямолинейный и однозначный, однако без него вряд ли можно будет осуществить логичное восхождение к конкретному обоснованию и исследованию первобытной формации как общей ступени в развитии социально-исторического процесса.

В этом случае обосновывается и намечается конкретный путь изучения проблемы. Исходя из общих положений теории общественных формаций, предварительно необходимо обобщить и систематизировать археологические источники, накопленные наукой, рассмотреть их как проявление определенной эмпирической закономерности, и наконец, интерпретировать в свете общей теории социальных формаций на предмет построения теоретической модели первобытной формации, обоснования ее соответствующим эмпирическим базисом. **Это – первая задача, поставленная в работе**.

Вторая, не менее важная задача, связана с современным общим состоянием теории исторического развития. В частности, ее конкретизации – сколько и каких формаций следует выделять во всемирно-историческом процессе? Как известно, основатели марксизма специально не разрабатывали данный вопрос и по этому поводу есть несколько различных высказываний. Не останавливаясь на этом детально, обратим внимание на одну проблему, которая уже упоминалась. К. Маркс употреблял понятие формации неоднозначно. Так в аспекте, характеризующем эксплуататорские общества, было обозначено: «Азиатский, античный, феодальный и... буржуазный способы производства можно определить как прогрессивные **эпохи экономической социальной формации**» (*выделено – В. Ф. Генингом*) [*Маркс.* Т. 13. С. 7]). В этом же плане, вероятно, следует понимать и другое высказывание – про «эпохи, которые последовательно сменяют одна другую» [*Маркс.* Т. 19. С. 399]. Таким образом, о формациях говорится как о *прогрессивных эпохах*, а про их совокупность – как единого целого – «в единой экономической социальной формации».

Очевидно, в концепции социальных формаций вложена идея про ***два ряда основных категорий,*** которые отображают исторический процесс, и она может быть осмыслена как проявление двух уровней общности сути социального развития.

На *одном уровне* находит отображение основная суть социальных структур:

– как ступени развития в системе «природа-общество», связанного с прогрессом материального производства в освоении природных ресурсов для удовлетворения возрастающих потребностей (для социальных систем это способ освоения энергии внешней среды – источника его существования);

– как стадии отношений индивидов (коллективов) в обществе при их равенстве в потреблении продуктов общественного производства.

В таком случае выделяется *три «суперформации»*:

– *первичная* – с ее примитивной ручной техникой и уравнительным потреблением в производственных ячейках;

– *вторичная* – антагонистическая, классовая, производство которой базируется на механической (машинной) технике;

– и, наконец, *третичная* – коммунистическая – на основе электронно-атомной техники и свободного самоуправления социальных систем.

Данная периодизация отражает диалектический закон отрицание отрицания.

На *другом уровне* отображается эволюция «суперформационных» способов производства, как стадий их становления, развития и распада (зарождения и вызревания элементов новой «суперформации»). Каждая такая стадия – социальная формация, сохраняя основную суть «суперформации», отражает ступень развития ее производительных сил и соответственного ей экономического базиса, в котором меняется роль социальных групп в общественном производстве, поэтому смена формаций носит революционный характер.

Проблема формационной структуры первобытности остается еще недостаточно разработанной, поэтому В. Ф. Генинг сосредоточился на данном вопросе.

I. 2. Исходя из известного определения К. Марксом способа производства и диалектической связи его основных компонентов [*Маркс.* Т. 13 – С. 6–7], системообразующим фактором способа производства

являются производительные силы, которым должны соответствовать определенные производственные отношения. Отсюда следует, что ***развитие производительных сил последовательными ступенями*** и ***должно быть главным критерием в формационном членении исторического процесса.***

Далее: какой характер, и какие изменения в развитии производительных сил следует рассматривать как такие, которые изменяют системообразующие факторы, отмечают переход от одной социальной формации и другой?

С позиции общей теории развития систем это должны быть такие изменения, которые носят *невозвратный характер* и приводят к *коренным изменениям* всех элементов и связей социальной системы, в каком бы аспекте она не рассматривалась. Иными словами, не только изменения в системе способа производства, но и, допустим, в системе соотношения базиса и настройки, динамики народонаселения, структуре и форме способе жизнедеятельности и т. п.

Связь человека с техникой в процессе труда «имеет решающее значение при определении основных ступеней развития производительных сил» [*Ильюшечкин, 1986а.* С. 99]. Это следует из того, что процесс развития производительных сил по своей сути является процессом последовательной стадиальной исторически возрастающей замены трудовых функций работников средствами труда. Отсюда определение *«основные ступени развития производительных сил»* дает ответ на вопрос: «какая именно трудовая функция работника заменяется средствами труда»? В свою очередь, понятие *«исторический тип техники»* отвечает на вопрос: «какие средства труда заменяют в данном случае эту функцию?» [*Там же.* С. 99].

Производительные силы – это система субъективных (человек) и вещественных (техника) элементов, которые совершают «обмен веществ» между обществом и природой в процессе производства. При этом субъект труда характеризуется не только физическими навыками, но и знаниями работника, которые он реализует в процессе труда. Вещественный элемент «состоит из средств труда, которые служат проводниками влияния человека на природу, и предметов труда, на которые направлен труд человека» [*Там же.* 396]. Так, выявляя критерии определения понятия «ступень развития производительных сил», следует включать в анализ все три необходимых компонента системы – ***субъект***, ***средства*** и ***предмет труда***.

Включение в анализ предмета труда требует подход к обществу как к иерархической сложноорганизованной системе, которая может существовать лишь за счет *энергии внешней среды.* В социологическом плане это составляет высказывание: «обмен веществ между обществом и природой», и происходит этот обмен через «средства труда». Это взаимодействие социальной системы с природой выступает в сфере географической среды, которая является необходимым компонентом и условием функционирования каждого конкретно-исторического общества. Переход от одной стадии социального развития к другой наступает тогда, когда в предыдущей возникают непримиримые противоречия в способе производства – между ступенью развития производительных сил и формой производственных отношений, в рамках которой они развивались, и которая стала тормозом социального прогресса. Это создает кризисную ситуацию всей социальной системы.

В соответствии с основным законом развития способа производства, новая ступень развития производительных сил зарождается в недрах предшествующей ступени, и лишь достигнув определенного уровня зрелости, становится господствующей, определяя черты новой стадии развития всего способа производства. Это позволяет выделить *переходные этапы* между основными ступенями.

I. 3. Проблему формационной структуры первобытности В. Ф. Генинг рассматривал в разных планах.

В аспекте ***общей теории социального развития*** он представил короткую структурную характеристику первобытнообщинного способа производства как ступени «суперформационной» доклассовой стадии развития общества.

С позиции ***теории общества*** ученый проанализировал разные структурные срезы производительных сил – системообразующего фактора способа производства, акцентируя внимание на выделении качественных прогрессивных ступеней в их развитии.

С позиции ***теории истории***, опираясь на результаты проведенного анализа, исследователь попытался обосновать выделение трех формаций, которые составляют последовательные прогрессивные эпохи в развитии первобытнообщинной «суперформации».

Каждому из этих подразделов В. Ф. Генинг посвятил отдельную статью.

I. 3. 1. Способ производства первобытнообщинной «суперформации». Рассматривая первую «суперформационную» стадию социально-исторического развития, В. Ф. Генинг отмечал, что характеристика многих ее сторон остается пока еще гипотетической, поскольку эта эпоха отдалена от нас не одним тысячелетием. Даже существование сейчас некоторых народов, близких по своей социальной структуре к архаическим формациям, не дает уверенности, что они отражают в своем развитии всемирно-исторические закономерности той давней – прошлой – ступени, поскольку все эти общества в своем развитии являются застойными или сильно деформированными более развитыми системами. По этой причине основная роль в его исследовании отдавалась *археологическим источникам*, дающим возможность достовернее очертить основные вехи социального развития в пространстве и времени.

Приводя общую характеристику первобытнообщинному способу производства, необходимо акцентировать внимание на том, что он охватывает огромную историческую эпоху, связанную с начальными поисками способов освоения энергии природы, что должно было обеспечить существование и прогрессивное развитие социальной системы. Это начало истории человечества, и естественно, что все тут простое, примитивное, особенно в отношении хозяйственной деятельности.

В целом же первобытнообщинный способ производства базируется на использовании примитивных ручных орудий труда, с помощью которых осуществляются преимущественно простейшие механические операции по переработке продуктов природы для человеческих потребностей. Это требовало коллективных усилий людей порождало коллективные формы собственности и определенное социальное равенство.

Воплощением такого типа кооперативного производства стала ***первобытная община*** – основная социально-экономическая ячейка в структуре первобытного общества. Первобытная община – та ячейка, которая обеспечивала экономическим факторам стойкую детерминацию всех сфер общественной жизни, всей структуры первобытной организации общества. Именно она придает всему этому обществу определенную и однообразную для всей формационной стадии *социальную стабильность*. *Община* – такое звено, которое объединяет (и выделяет) в многотысячелетнем всемирно-историческом процессе единую специфическую стадию социального развития – ***первобытнообщинную «суперформацию»***. То, что община продолжает существовать и в последующие эпохи, но уже наряду с иными институтами, является доказательством ее жизнеспособности и подтверждением ее доминирующей роли в социальной структуре первобытности.

Первобытная эпоха – важнейший этап борьбы человечества за существование, за выживание появившегося нового природного качества – *социальной организации*. Борьба направлена с одной стороны на постоянное совершенствование производства, и с другой – на рост населения, что гарантировало его выживание даже в неблагоприятных условиях.

Исходя из сказанного**,** *основная цель первобытного производства* – это освоение, развитие и всестороннее повышение продуктивности труда в *сфере продуктового/пищевого производства для обеспечения расширенного воспроизводства населения.* Такое принципиальное положение вытекает из того, что люди для своего существования, как писал Ф. Энгельс, «прежде всего, должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть способными заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д. ...» [(20)], что в определенной мере может рассматриваться как человеческие потребности, которые исторически последовательно развивались и возрастали. Лишь в этом контексте можно принять положение, что в период первобытности продукт общественного производства приобретает специфическую экономическую форму *необходимого продукта* для поддержания физического существования человека, как работника производства и расширенного воспроизводства населения.

Объективная цель всей первобытной эпохи состоит (вместе с усовершенствованием технологии производства), в первую очередь, *в обеспечении роста населения*, как решающего фактора в системе способа производства, его главного компонента – производительных сил. Поскольку только при наличии определенной численности населения и его плотности первобытный способ производства, с одной стороны, исчерпывает свои возможности прогрессивного развития, а с другой – обеспечивает переход до следующей формации – классового общества. Для такого перехода каждое конкретное общество должно быть способным создавать тот минимум суммарно необходимого и дополнительного/прибавочного продукта, который обеспечивает функционирование новой социальной структуры, в первую очередь, его непродуктивной (непищевой) сферы – ремесла, строительства, жречества, аппарата власти и управления, армии и т. п. Получение такого суммарного дополнительного/прибавочного продукта может быть обеспечено двояко: за счет простой суммы сложения труда множества работников – при низком уровне развития техники, и наоборот, меньшей численностью работников и высокой техникой – при повышении производительности труда. Этим часто (при учете иных факторов) объясняются исторические ситуации, при которых переход к классовым структурам происходил при разных условиях развития техники.

I. 3. 2. Производительные силы первобытного общества. Во всемирно-историческом плане первобытная ступень развития производительных сил может характеризоваться как примитивное коллективное производство, основанное на совокупности простейших ручных операций с использованием простейших,

примитивных орудий труда. Более основательно это раскрывается при рассмотрении каждого элемента производительных сил.

Субъект труда – это человек. В системе производительных сил он выступает в форме определенного *исторического типа знаний и мастерства* (способностей, основанных на опыте) *работника производства*, которые включают:

– элементарные знания (бытовые, основанные на чувственном восприятии) свойств окружающей природы, которые, однако, не поднимаются до осознания законов; при этом знания передаются *традиционно* в процессе личных контактов и включения в процесс деятельности;

– ручной мускульный труд – основная движущая сила в производственной деятельности;

– коллективизм в выполнении большинства трудовых операций на основе простой кооперации мускульных сил;

– освоение разнообразных элементарных приемов механической обработки предметов труда ручной техникой;

– зарождение знаний и навыков в области элементарной тепловой и биологической технологий.

В развитии материальной основы этого компонента – работников производства – основная объективная тенденция заключается в постоянном стремлении к расширенному воспроизводству населения, то есть к количественному увеличению участников трудовой деятельности за счет воспитания нового поколения.

Это безусловно является отражением экстенсивного характера развития производственной деятельности первобытности. С другой стороны, эта тенденция выражает свойства структуры каждого конкретного общества как *системного образования*, усовершенствование которого зависит от интенсивности информационных связей как внутри общества, так и между отдельными обществами. В условиях первобытности функционируют только два канала передачи информации: непосредственный контакт между людьми в процессе общения (передача знаний, обучение в совместной деятельности и т. п.) и предметный обмен орудиями труда, а также иными изделиями, в которых заключен материализованный опыт деятельности отдельных коллективов.

В передаче информации выделяются два типа: диахронный – от поколения к поколению, синхронный – между индивидами и коллективами. Эти информационные связи обеспечивают *координацию* деятельности, освоение и передачу производственного *опыта* и подъем производительных сил. Интенсивность, и тем самым, эффективность информационных связей зависит от количества включенных в них индивидов и частоты реализации связей – *обмена*.

Таким образом, возрастание народонаселения и интенсификация контактов (обмен между социальными группами), становятся решающим фактором социального прогресса первобытности, поскольку на начальных этапах исторического развития и информационный и материальный обмены имеют относительно ограниченный характер.

Предмет труда – как внешний компонент системы – характеризуется историческим типом освоения энергии природы (внешней среды) и включает следующие элементы:

– готовые пищевые продукты природы – дикие растения, животные, рыба;

– одомашненные растения и животные;

– начало систематической эксплуатации почвы и водных бассейнов (интенсивной в земледелии и экстенсивной в скотоводстве и рыболовстве);

– освоение энергии огня;

– исходные материалы (сырье) в ремесленном производстве: камень, кость, дерево, растения, самородный металл, руды и начало освоения процесса выделения из них металлов.

Для первобытности рассмотрение предмета труда имеет первостепенное значение, поскольку через него социальная система взаимодействует с внешней средой. В начале человеческой истории такое взаимодействие сыграло огромную роль в социальном развитии. Это было время постепенного освоения человечеством разнообразия и богатства природных ресурсов для изготовления предметов, способных удовлетворить его постоянно возрастающие потребности. От меры освоения, включения их в производственную деятельность людей зависел, прежде всего, уровень производительных сил.

Когда говорится об огромной зависимости развития общества от природных условий, то главным образом имеется в виду именно природный фактор, как элемент, который определяет предмет труда в системе производительных сил. При этом следует рассматривать две стороны:

– во-первых, те продукты и ресурсы природы, на которые непосредственно направлена трудовая деятельность (мир животных и растений, земля, сырье, водоемы и т. п.);

– во-вторых, опосредованное действие природных факторов – климата, рельефа местности, водного режима и т. д. – на условия развития объектов природы, которые становятся предметом труда: (возможности) занятия земледелием, наличие различных диких животных и растений, и конечно, сами условия жизни людей (холод, тепло, осадки и т. п.). Все это формирует внешний мир, который стал предметом труда человека.

Средства труда характеризуют исторический тип техники и включаются в производительные силы первобытности:

– ручные орудия труда, простейшего составного типа – как основной вид орудий производства;

– преобладание ручной механической техники в изготовлении орудий труда и обработке природного сырья для предметов потребления;

– мускульная энергия человека – как основная движущая сила в производственной деятельности;

– начало использования энергии огня – как способа труда (приготовление еды, распаривание кости, растений, обжиг глины, выплавка металла и т. д.);

– включение земли (почвы) и животных в систему способа производства в экстенсивной форме;

– начало использования тягловой силы животных.

Основная специфика, характеризующая систему первобытного способа производства состоит в том, что на базе использования мускульной силы человека осваиваются практически все основные механические функции обработки природных объектов. Следует отметить, что технологический способ деятельности первобытности базируется на простой схеме прямолинейных последовательных органично связанных операций. При этом между природным сырьем (предметом труда) и готовым изделием таких операций существует сравнительно немного. Кроме того, очень ограниченную роль играют полуфабрикаты – незаконченные изделия длительного хранения. Они «существуют самостоятельно», выступая предметом обмена. Их соединение и доработка приводит к появлению нового, достаточно сложного изделия. Развитие и усовершенствование ручной техники увеличивало эффективность трудовых усилий (производительность труда) в процессе замены двигательно-энергетических функций работника производства.

Первобытность охватывала огромную по продолжительности и значению эпоху в истории человечества. Ее производительные силы, несмотря на всю их примитивность, безусловно, развивались. Причем каждое, даже незначительное открытие или нововведение внедрялось тысячелетиями, но после их освоения они влияли на развитие способа производства. Исходя из этого, учет и всесторонний анализ всех составляющих элементов системы производительных сил может выявить качественные ступени. В свою очередь, рассмотрение их в системе способа производства вместе с производственными отношениями поможет решить проблему стадиального развития первобытной «суперформации», или, как ее называл К. Маркс, «первичной формации». Подобно тому, как во вторичной («суперформации») выделены отдельные формации классовых или сословно-классовых обществ.

I. 3. 3. Производственные отношения первобытного общества являются определенной социальной формой развития производительных сил. Причем производственно-экономические отношения рассматриваются здесь через отношения людей к средствам производства, то есть через отношения собственности, которые пронизывают все сферы жизнедеятельности – производства, обмена, распределения и потребления материальных благ.

Именно это определяет «экономическую анатомию общества», для объяснения которой необходимо выяснить, какую специфическую экономическую форму приобретают продукты общественного производства. Иными словами, при каких социальных отношениях происходит производство, отчуждение и присвоение продуктов производства, особенно его дополнительной части, сверх необходимого продукта. Эта специфическая экономическая форма и определяет ***цель производства*** и господствующий в данном способе производства ***тип производства, отчуждения и присвоения прибавочного продукта***.

«В истории, известны лишь четыре такие специфические экономические формы. Каждая из которых обусловлена соответствующей ступенью развития производительных сил и производства: необходимого продукта, характерная для первобытных обществ; потребительско-стоимостная, характерная для сословно-классовых обществ; стоимостная, свойственная капиталистическому способу производства; непосредственно общественного продукта, свойственная коммунистическому обществу» [*Ильюшечкин, 1986б.* С. 77].

Внимание В. Ф. Генинга обращено к первой (необходимый продукт) и в некоторой мере, к потребительско-стоимостной форме раннеклассовых обществ, поскольку она зарождается и вызревает в недрах первобытного общества.

Для первобытности характерна форма ***необходимого продукта***, который обеспечивает достаточный минимум жизненных средств существования, а главное – расширенное воспроизводство населения. Вместе с тем это не означает, что на протяжении всего времени существует лишь данная специфическая экономическая форма. Развитие производства в любом обществе имеет целью повышение продуктивности

труда, получения и увеличения дополнительного/прибавочного продукта (дополнительного/прибавочного труда), что и определяет его экономическую структуру. В условиях первобытности важно выявить динамику развития необходимого продукта, а еще важнее определить: где, когда, при каких обстоятельствах, на какой ступени развития производительных сил и при каких производственных отношениях появляется ***прибавочный продукт***, в каком соотношении он находится с необходимым продуктом. Кроме того: какую экономическую форму он принимает, как происходит его отчуждение от производителя, распределение и присвоение, наконец, где он приобретает потребительско-стоимостную форму. Последнее особенно важно потому, что именно эта трансформация знаменует собой гибель первобытнообщинных отношений и переход к новому обществу, основанному на отношениях эксплуататорской собственности и частнособственнической эксплуатации.

В первобытном обществе ***отчужденный дополнительный продукт (излишний)*** приобретает социально необходимую форму, поскольку направляется на расширенное воспроизводство самого общества (общины), создавшей этот продукт. Лишь на заключительном этапе этот продукт возрастающими темпами приобретает добровольно-принудительную данническую форму – бесплатное отчуждение у производителей и присвоение его начинающей формироваться первобытной знатью.

Суть производственных экономических отношений проявляется, прежде всего, при рассмотрении структурного единства всех компонентов производительных сил как целостной системы. Необходимо установить, в каких отношениях находятся эти компоненты, каким способом объединяется работник со средствами производства и предметами труда, то есть в каких отношениях собственности они находятся. Производственно-экономические отношения первобытности характеризуются отношениями коллективизма и равноправия, что было обусловлено крайне примитивным состоянием средств труда и составляло основное экономическое содержание коллективной собственности на средства производства и предметы труда.

Далее В. Ф. Генинг рассматривает, как это отражается на отдельных компонентах, которые формируют категорию производственно-экономических отношений.

В сфере производства: субъектом собственности был непосредственный коллектив производителей – община, состоявшая из родичей, сотрудничество которых основано на половозрастном разделении труда. В условиях первобытности происходит первое великое социальное разделение труда – специализация отдельных обществ в узких сферах пищевого производства: рыболовства, земледелия, скотоводства, что впервые обеспечило такое возрастание производительности труда, которое привело к появлению и постепенному возрастанию прибавочного продукта.

В сфере обмена: обмен между обществом и природой преобладает над обменом внутри и между обществами. Преимущественно он ограничивается обменом опытом деятельности в общине и по линии семейно-брачных связей между общинами. Вещественный обмен еще очень ограничен из-за незначительности прибавочного продукта, но тенденция его роста и, тем самым, обмена сильно проявляется на последней стадии развития первобытности.

Распределение и потребление общественного продукта производства происходит на основе равноправия в рамках общины как основной производственной ячейки, что обусловлено возможностями производства ей необходимого и прибавочного продукта.

На последнем этапе первобытности во всех сферах социальных отношений проявляются новые тенденции, которые нарушают принципы первобытного коллективизма и равноправия, в результате чего выделяется привилегированная прослойка, систематически присваивающая прибавочный продукт, накопленный обществом. Зарождается и постепенно формируется специальный аппарат власти и управления – племенная организация. Таким образом, в приведенном обзоре первобытнообщинный строй рассмотрен на наивысшем уровне периодизации исторического процесса, когда в рамках всемирно-исторической целостности выделяются структуры по основным качественным параметрам социальной жизнедеятельности: первобытная (предклассовая); классовая и коммунистическая (бесклассовая) «суперформации». В периодизации – это верхний предел, «абстрактно-логический», свободный от исторической формы и мешающих случайностей, который «раскрывает имманентное движение общества по законам развития и смены общественных способов производства» [Ершов, 1987. С. 72].

Между тем, исследование структуры исторического процесса не ограничивается охарактеризованным уровнем периодизации. Как уже отмечалось, эта периодизация – многоуровневая, а следующий уровень – это рассмотрение исторического процесса внутри первобытнообщинной «суперформации» для того, чтобы очертить этапы перехода от одной прогрессивной ступени к другой, более высокой по своему способу производства.

II. Вторая статья – «Три ступени развития производительных сил первобытнообщинной суперформации». В ней В. Ф. Генинг продолжил исследование формационной структуры первобытности на предмет выделения в рамках «суперформации» доклассового общества отдельных социальных формаций и содержала анализ технологического способа производства первобытности, реконструированного по данным археологии.

Результаты анализа служили эмпирическим основанием выделения *трех качественно отличных ступеней* в развитии производительных сил первобытнообщинного способа производства и тем самым трех социальных формаций:

- кровнородственной семьи;
- родовой общины;
- племенного строя.

II. 1. Исходные принципы исследования. В первой работе была приведена общая характеристика способа производства первобытнообщинной «суперформации» как ступени в периодизации всемирно-исторического процесса. Он рассматривался на абстрактно-логическом уровне, отдельно от исторической формы и случайностей. В этом случае структура общества раскрывается как результат природно-исторического процесса, как его движение по законам развития и смены формационных структур, движение, обусловленное развитием способа производства. Это ***верхний уровень социологической периодизации***.

Во второй работе анализируется социально-исторический процесс на следующем уровне периодизации – ***конкретно-историческом***, который выражает «этапы и направление движения от одной исторической эпохи к другой всего человечества в целом» [*Ершов,1987.* С. 72], когда социально-исторический процесс рассматривается как будто изнутри, согласно со специфическими законами развития способа производства первобытнообщинной «суперформации».

Первичная «суперформация» была чрезвычайно длительным периодом в истории человечества, и эволюция структуры от простейших форм коллективизма и равенства доклассовой организации была достаточно сложным процессом трансформации социальных институтов. Изменения должны были пройти ряд последовательных стадий, чтобы окончательно исчерпать возможности развития первобытной социальной системы и подготовить почву для качественно новой структуры, которая становится противоположностью исходному состоянию.

При постановке проблемы выявления в первобытном строе отдельных формаций основной задачей В. Ф. Генинга был анализ системы способа производства данной эпохи с точки зрения достаточности объективных оснований для выделения в нем таких дискретных периодов, которые можно было бы квалифицировать как отдельные формации. Настолько же правомерным был и вопрос о достаточности знаний и методов адекватного отражения в познании сути отдельных этапов социально-исторического процесса первобытного строя.

Для решения этой проблемы необходимо было установить *исходные принципы* членения исторического процесса на формационные ступени. По мнению В. Ф. Генинга, здесь необходимо опираться на диалектическое понимание ***принципа развития*,** как последовательной смены периодов медленного эволюционного развития революционными периодами, когда происходит коренное перестроение основ всей системы. Если в развитии способа производства первобытнообщинного строя, в развитии его системообразующего компонента – производительных сил – будут выявлены «ступенчатость» и прыжки, которые резко разделяют такие ступени, то есть достаточно оснований, чтобы увидеть смену формаций и пределах первобытнообщинной «суперформации».

На этом уровне исследования общей категории способа производства необходимо было рассмотреть его как совокупность конкретно-исторических способов хозяйственной деятельности и соответствующих им структур социальной организации. Поэтому лучше всего проанализировать хозяйство с точки зрения ***технологического способа производства***.

Для более четкого изложения потребуется исследование эволюции разных элементов, составляющих данную систему. Сначала рассматриваются отдельно производительные силы как системообразующий фактор способа производства. Основное здесь – фиксация эмпирических закономерностей в пространственно-временном расположении археологических фактов и их социальная реконструкция, которые в дальнейшем станут фактологической базой общей концепции формационной структуры первобытнообщинного строя.

Концепция выделения в структуре первобытнообщинной формации трех формаций – кровнородственной общины, родового и племенного строя – в исследовании В. Ф. Генинга опиралась, в первую очередь, на анализ археологических источников. На конкретно-историческом уровне анализа необходимо учитывать

действие закона ***неравномерности исторического развития***, обусловленного огромной зависимостью на ранних этапах развития производительных сил от природного фактора: в какой мере природа может дать обществу достаточное количество продуктов или сравнительно легко добываемых средств к жизни и иное. Это приводит к тому, что одни общества проходят определенные ступени формационного развития быстрее, другие – медленнее. Отсюда – ***третий уровень периодизации*** – в границах отдельных экологических зон. В рамках такого подхода В. Ф. Генинг отмечал, что при рассмотрении отдельных ступеней формационного развития необходимо проводить ***социологическую синхронизацию***, то есть сопоставлять общества со схожими социальными структурами, которые не совпадают с археологическими эпохами или периодами. Таким образом выяснилось, что в одном ряду нередко стояли общества разных археологических эпох.

В целом производительные силы первобытности характеризуют коротко: каменные ручные орудия труда. Это верно лишь настолько, насколько можно, скажем, противопоставить их машинной или компьютерной технике. Ряд ученых уже отмечали, что часто о примитивной первобытной технике существуют такие же примитивные представления. Однако, несмотря на значительные исследования (здесь В. Ф. Генинг ссылается на работы С. А. Семенова и его последователей), основательный анализ развития системы производительных сил не проведен. Действительно ли 30–40-тысячелетний период первобытности является одной ступенью в развитии производительных сил?

Перед анализом В. Ф. Генинг характеризует **метод исследования**.

Общий уровень социально-экономического развития первобытности чрезвычайно низкий: в частности, в ней слабо дифференцированы трудовые функции между отдельными сферами жизни. По этой причине для оценки состояния производительных сил недостаточно рассматривать лишь основную хозяйственную структуру (охота, рыболовство, земледелие, скотоводство), поскольку обеспечение жизни общины в значительной мере зависело от состояния всех сфер деятельности (обеспечение жилищем, одеждой, орудиями труда и т. д.). Это заставляет привлекать к анализу всю *совокупность материальной деятельности во всех сферах, направленную на всестороннее обеспечение жизни первобытной общины.*

Подобный подход соответствует анализу технологического способа производства и даже шире – материальной деятельности, когда она исследуется независимо от социальных форм, как естественное условие человеческой жизни. В таком виде жизнедеятельность одинаково присуща всем социальным формам. Такой подход относится к технологии.

При анализе ***технологического способа деятельности*** выделяют:

- *человека, как субъект труда*;
- *средства и предметы труда*,

а также *связи, которые выступают как организационные* между перечисленными выше компонентами.

С такой точки зрения, в производстве взаимодействуют личностный и вещественный элементы, которые необходимо еще дополнить функциональным, включающим организационное разделение труда, технологическим, отраслевым, территориальным, а также кооперацией, специализацией и иным.

Поскольку исследование системы производительных сил опиралось на археологические источники, начальный анализ проведен на уровне реконструкции способа жизни, то есть технологического способа жизнедеятельности. В качестве основных сфер выделены пищевое и непищевое производство и некоторые подразделения в последнем. В границах этих сфер анализ проводится по технологическим компонентам производительных сил (субъект, средства и предмет труда). На этом уровне анализа решалась ***задача эмпирического обоснования*** концептуальных построений: *фиксация археологических фактов* и *выявление эмпирических закономерностей* распределения социальных явлений в пространстве и времени в эпоху первобытности. Фактологическая база такого анализа всегда может быть проверена и скорректирована новыми эмпирическими данными.

Иной подход в раскрытии сущностной стороны материальной деятельности проявляется при рассмотрении вопросов, связанных с природными ресурсами, которые осваивают люди для обеспечения своих потребностей и с техническими приемами (каков уровень знаний) для их переработки.

Далее В. Ф. Генинг в общих чертах анализирует технологию трудовой деятельности с целью проследить внутреннюю структуру процесса исполнения трудовых операций. При исследовании технологического способа производства главное внимание акцентировалось на том, каким способом, за счет каких знаний и освоения каких ресурсов функционирует определенная техника и технология производства, представляющая собой суть развития производительных сил. Их характеристика является основой для метода восхождения, для философского анализа социальных условий процесса производства, поскольку социальная структура детерминирована определенным технологическим процессом, что как раз и формирует конкретно-исторические целостности.

Для краткости и четкости подачи материала каждый подход проиллюстрирован в работе таблицей и рисунком. Данные в таблице являются результатом систематизации археологических материалов и их обобщения, проделанного согласно с теоретическими посылками формационной концепции развития исторического процесса. В результате анализа выделены три основные ступени в развитии производительных сил, соотнесенных с археологическими эпохами и экологическими зонами (табл. 1).

Таблица 1.

Соотношение исторических эпох (социальных формаций), ступеней развития производительных сил первобытного общества и археологических периодов в различных экологических зонах

Исторические эпохи (социальные формации)	**Кровно-родственной общины**	**Родового строя**	**Племенного строя**
Ступени развития производительных сил	**I ступень** –присваивающих форм хозяйства и ручной ударной техники	**II ступень** –специализированных присваивающих и воспроизводящих форм хозяйства, ручной полиметаллической техники	**III ступень** – комплексных форм хозяйства и техники палеометалла
Экологические зоны	**Археологические периоды**		
Субтропики	Поздний палеолит – мезолит	Докерамический неолит – неолит - энеолит	энеолит
Южно-умеренная зона	Поздний палеолит – мезолит	Неолит – энеолит – ранний бронзовый век	Бронзовый век – ранний железный век
Умеренная и южно-лесная зона	Поздний палеолит – мезолит	Неолит – энеолит – бронзовый век	Позднебронзовый век – железный век
Тайга и циркумполярная зона	Поздний палеолит – мезолит– неолит	Бронзовый век – железный век - современность	

При этом, где было возможно, учитывался опыт как обществ-первопроходцев социального развития, не усложненных какими-либо внешними влияниями, так и обществ, катализатором ускоренного развития которых был исторический опыт обществ первого типа. В подобных исследованиях основной задачей становится выявление в развитии наиболее типичных общих тенденций, которые отражают основное направление движения системы как определенной целостности.

С учетом приведенных замечаний, В. Ф. Генинг анализировал производительные силы первобытности на основании разных подходов и рассматривал их структуру со стороны технологического способа производства.

II. 2. Ступени развития форм материальной деятельности. Материальное производство первобытности рассматривается, в первую очередь, в его конкретно-исторических формах с разделением на пищевое и непищевое. Такой подход должен был выявить в развитии технологического способа производства определенные ступени эволюции производительных сил (табл. 2).

Пищевое производство, связанное с добыванием и переработкой пищевых продуктов, для первобытности является основной отраслью, требующей значительных трудовых усилий общины.

На ***I ступени*** ведущее место занимают позднепалеолитические и мезолитические *формы загонной охоты* (групповые и индивидуальные) и значительно меньшее – *собирательство*. Особенностью этого вида производства является систематический поиск стад животных и растений (присвоение продуктов, сотворенных природой). Для добывания продуктов используются разные метательные и ударные орудия из камня, кости и дерева индивидуального и коллективного («загоны» – отряды) пользования. Подвижность животных обуславливала и постоянные перемещения за ними отдельных общин. Поскольку собирательство возможно и при примитивнейших орудиях и простейших формах организации, то с ним не мог быть связан социальный прогресс.

II ступень. Резкое сокращение стад животных привело охотников к водоемам и «охоте на рыбу» с помощью гарпунов, которая, однако, была удачной только в «определенных местах» – возле перекатов, порогов, водопадов и т. д. Постепенно расширяются и способы рыбной ловли – в соответствии с «топографией

Таблица 2

Исторические ступени развития производительных сил первобытного общества

Сферы производства	Компоненты производительных сил	I ступень	II ступень		III ступень
		Охота, собирательство	***Рыболовство, охота***	***Специализи-рованное земледелие и скотовод-ство***	***Комплексное хозяйство***
Пищевое	Предмет труда (природное сырье)	Стада диких животных, дикие растения	Рыба, дикие живот-ные, водоемы	Земля, луга, одомашнен-ные животные, растения	Земля, луга, одомашненные животные, культурные растения
а) добывание продуктов	Субъект труда (трудовые функции, знания, опыт)	Техника загона и забоя животных, со-бирание растений	Техника рыболов-ства, собирательства, охоты	Техника земледелия и скотоводства	Технология комплексного земледельче-ско-скотоводческого хозяйства
	Средства труда (орудия производства)	Загоны, копья, дротики, бумеранги, лук и стрелы, кайла, палки-копалки и прочее	Ловушки, сети, гар-пуны, крючки, лук и стрелы	Обработанный грунт, пастбища, домашние жи-вотные, мотыги, серпы	Обработанный грунт, пастбища, удобре-ния, топоры, мотыги, серпы, косы, збруя, верховой конь, домашние животные
б) переработка пищевых продуктов	Предмет труда (сырье переработки)	Туши животных, растения, плоды	Рыба, растения, пло-ды, туши животных	Зерно, плоды, овощи, туши животных	Зерно, плоды, овощи, туши животных
	Субъект труда (способы переработки)	Печь, жарить, сушить (вялить)	Варить, коптить	Молоть, варить, коптить	Молоть, варить, коптить
			Длительное хранение продуктов		*Длительное хранение продуктов*
	Средства труда	Огонь, солнечное тепло, ножи	Огонь, солнечное тепло, посуда, топоры, ножи, ступки, зернотерки, зернохранилища		Огонь, солнечное тепло, посуда, печи, то-поры, ножи, зернотерки, зернохранилища
Непищевое	Предмет труда (природное сырье)	Камень, кость, дерево	Камень, кость, дерево, растения, кожа, глина, саморoдный металл, шкуры		Руда, кость, дерево, растения, глина, кожа
а) Изготовление орудий труда	Субъект труда (технология)	Технология обработки камня (раска-лывание, оббивка, ретуширование); кости (раскалывание, скобление, реза-ние); дерева (рубка, обжиг, строгание)	Технология обработки камня, кости, дерева, ковки металла, изготовления керамической по-суды, ниток, тканей, кожи		Технология добычи руды, выплавки ме-талла, обработки мягких пород камня, дерева, кости, изготовления керамической посуды, кожи, ниток, тканей
	Средства труда (орудия производства)	Отбойники, отжимники, ретушеры, резцы, ножи, скребки, струги, абра-зивы	Отбойники, отжимники, ретушеры, резцы, ножи, скребки, струги, абра-зивы, молотки, прясла, устройства для ткачества, дубильные вещества		Горны, литейные формы, кузнечный инстру-мент, абразивы, прясла, ткацкие станки, гон-чарный инструмент, дубильные вещества
б) Изготовление одежды		Шкуры, сухожилья, ножи, скребки, иглы, проколки	шкуры, кожа, ткани, ножи, прясла, иглы, нитки, сухожилья, ткацкие принадлежности, украше-ния		Ткани, шкуры, кожа, ножи. иглы, прясла, ткацкие станки, нитки, красители, металл-лическая гарнитура костюма и украшения
в) Строительство жилищ		Чумы, навесы, кость, дерево, шкуры	Землянки, глинобитные сооружения		Землянки, глинобитные и деревянные дома, крепостные и культовые сооружения
г) Средства транспорта		Волокуши	Лыжи, лодки, повозки, ослы, волы		Повозки, лодки, судна, кони, ослы, волы и т. д.
д) Оружие					Набор индивидуального оружия и защит-ного доспеха, колесницы, верховой конь

водоемов» и поведением рыбы, появляются различные ловушки из прутьев (лозы), сети, крючки. Добывать рыбу можно на протяжении всего года, поэтому у рыболовов не возникает потребность частого переселения. *Рыболовство постепенно становится основной отраслью хозяйства, на основе которого возникает длительная оседлость*, вызывающая не только смену орудий труда и способа жизни, но и иные последствия в самом хозяйстве и развитии мышления первобытного человека. Рыболовство по характеру коллективной производственной деятельности отличается от охоты. При добыче рыбы характер и продуктивность труда зависят, прежде всего, от усовершенствования орудий ловли и правильно (удачно) выбранного места. В этом случае успех обеспечивал не сам процесс ловли, а подготовка к нему. В связи с этим основные усилия людей для улучшения условий жизни направлялись на совершенствование орудий труда и изучение окружающей среды – характеристики водоемов, их наполняемости рыбой, а также поведением самих рыб.

Собирательство в условиях оседлости и рыболовного хозяйства позволило совершить ряд «открытий» в познании жизни растений, в том числе цикличность (сезонность) их плодоношения и воспроизводства. При благоприятных условиях субтропиков в широких заводях, насыщенных илом, занесенные в землю зерна обильно прорастали уже в диком состоянии. Сначала их только собирали, потом начали присматривать за ними и наконец, выращивать. Так зародилась одна из перспективнейших отраслей хозяйства.

Только при условии оседлости смогло зародиться и приручение животных, когда охотники приносили в поселение детенышей животных, где за ними ухаживали женщины и дети. Спонтанная доместикация растений и животных – процесс, который происходил, очевидно, не везде, а лишь в чрезвычайно благоприятных природных условиях и был весьма длительным. Причина этого кроется как в освоении принципиально новой отрасли производства, так и в длительности процесса природного скрещивания, качественного и количественного улучшения, выбора видов растений и животных, которые были значительно продуктивней, чем их дикие предки.

Рыболовство, ранние формы земледелия и скотоводства постепенно переросли ***в узкоспециализированное хозяйство***, которое позволило усовершенствовать технику производства и значительно повысить продуктивность. С мест своего зарождения скотоводство и земледелие стали распространяться в иные климатические зоны, и тут процесс становления производящих форм хозяйства, конечно, происходил быстрее и в несколько иных формах. Чаще всего переселялись отдельные группы скотоводов и земледельцев. Их смешение и тесные контакты с иным населением облегчали и ускоряли расширение производственного опыта.

III ступень наступает при формировании ***комплексного хозяйства***, которое способствовало полному и всестороннему использованию природных ресурсов. В сфере пищевого производства – это прежде всего объединение земледелия с животноводством, а там, где для этого были благоприятные условия, также с охотой и рыболовством. Технология каждой отрасли значительно совершенствуется, но главным было сосуществование разных видов хозяйственной деятельности, что требовало соответствующей организации и приспособления технологий. В зонах зарождения земледелия эта ступень связана, вероятно, с созданием первых простейших ирригационных сооружений и систем, которые регулировали водный режим на полях.

Заметны существенные сдвиги в земледельческо-скотоводческом хозяйстве в зоне умеренного климата. Хронологически этот процесс относится к более позднему периоду: эпохе бронзы – раннему железному веку. В районах вторичного (а в отдельных местах – и третичного) распространения земледелия, из-за менее благоприятных климатических условий и меньшего плодородия почв формируется новая технология: подсечно-огневая форма, где основными орудиями становятся топор, мотыга, плуг, серп и т. п. Скотоводство в этих районах также специфическое: почти полгода животные содержатся в стойле, поэтому для них заготавливается много кормов. В степной зоне скотоводство постепенно переходит от пастушеских форм к кочевым, что позволяло значительно расширять пастбища и стада.

В способах переработки продуктов питания резкая граница проходит, очевидно, между I и II ступенями. Если первоначально природные продукты *жарили, пекли и вялили* (заготовка мяса, сушение ягод и т. д.), то с введением в рацион питания рыбы еду стали чаще *варить и квасить* в изобретенной глиняной посуде. На II ступени шире практикуется сезонная заготовка продуктов и возникает необходимость их распределения на целый год. Продукты земледелия растирали, мололи с помощью ступок, зернотерок, а затем варили и пекли. Значительно усовершенствуются способы переработки и заготовки пищевых продуктов. На III ступени способы приготовления пищи практически мало меняются.

Непищевое (ремесленное) производство связано с переработкой природных ресурсов: для изготовления орудий труда, разных других изделий, построек и всего, что удовлетворяет социально опосредованные природные потребности людей в одежде, жилище, способах передвижения, транспортировке и т.д. Деятельность в этой сфере сильно зависит от природного материала и его обработки.

На ***I и II ступенях*** орудия труда изготавливаются из камня, кости, дерева, которые обрабатываются оббивкой, ретушью, резанием и скоблением, причем специальными орудиями – отбойниками, ретушерами, резцами, ножами скобелями, скребками и другими подобными.

На ***II ступени*** к вышеупомянутым методам обработки добавляются шлифование и сверление, но основным здесь становится открытие технологии получения изделий, которых нет в готовом виде в природе – глиняной посуды, ниток для сетей, кожи. Зарождается ковка самородных металлов.

Существенно изменяется одежда. Из шкур животных изготавливается верхняя одежда. Наряду с этим начинается шитье одежды из кожи, изготовление которой значительно улучшается, и ткани, которую начали изготавливать после открытия способа скручивания нитей с помощью прясел и «плетения» на «простейших станках». На данной ступени фактически были заложены основы строительства – землянки и глинобитные сооружения с деревянно-земляными перекрытиями – достаточно сложные конструкции, которые требовали «проектирования», знаний о качестве материалов и т. п.

Были открыты также первые средства передвижения – лодки, повозки, лыжи. Иногда использовалась тягловая сила животных – быков и ослов.

На II ступени сдвиги в области непищевого производства были достаточно существенные во всех сферах удовлетворения потребностей. Тем не менее, оно, как и ранее, по объему трудовых затрат и значимости было меньшим, чем сфера пищевого производства.

III ступень характеризуется заметными изменениями в ремесле. На юге Евразии, в ранних обществах быстро совершенствуется строительная техника, сооружаются крупные храмовые постройки и мощные укрепления вокруг поселений. Последнее особенно типично для позднейших обществ – социумов (городища с валами, защитными стенами и рвами). Формируются протогорода. При этом особенно заметным стало широкое освоение производства металлов: в ранних обществах – меди и золота, в позднейших – бронзы и железа. Это вытеснило камень как основной материал для изготовления орудий. Орудия стали более эффективными. Технология производства металла и орудий из него – достаточно сложный процесс, который требовал глубоких специальных знаний и навыков. Это породило узкую производственную специализацию, а потом и выделение металлургии как самостоятельной отрасли хозяйства (ремесло). Этот рубеж – *второе великое разделение труда* – отмечает начало последней фазы III ступени. Усовершенствуются также средства передвижения. Широко распространяются повозки, колесницы, судна с простейшим парусом.

Наконец, выделяется массовое производство *боевого специализированного оружия*, преимущественно из металла: мечей, кинжалов, копий, дротиков, луков-стрел и пр. Появляются боевые колесницы и всадники. Все это указывает не только на большие затраты труда, необходимые для изготовления оружия, но и на ту роль, которую приобретает военная организация в новых условиях.

Ремесленное производство на завершающей стадии первобытности занимает уже значительное место в экономике. Впервые оно по объему трудовых затрат если и не превышает, то по крайней мере уравнивается с пищевым производством.

Характеристика отдельных отраслей материального производства свидетельствует, о том, что их развитие не ограничивалось процессом постепенной эволюции. Наоборот, практически везде заметны скачки качественного и количественного характера, благодаря которым рассматриваемый период делится на три ступени.

II. 3. Ступени освоения природных ресурсов и технологий их переработки. Этот подход дает возможность проследить эволюцию производительных сил в общем, абстрактном, виде. Дело в том, что здесь проявляются существенные, принципиально различные технологические процессы, связанные с достижением определенных комплексов *знаний о качествах природы* – климате, цикличности смены (круговороте) природной среды, огне, солнечном тепле, различных неорганических веществах, поведении животных и растений и т. д. Эти знания о закономерностях развития природы первобытный человек должен был осмыслить, обобщить, чтобы регулировать свою деятельность при освоении энергии внешней среды. Этим ступени различаются достаточно четко. Особое внимание стоит обратить на использование готовых продуктов (веществ) природы, которые лишь обрабатывали для потребления и изготовления новых продуктов (табл. 3).

I ступень – человек только потребитель готовых продуктов (природы): диких животных и растений – для пищи; камня, кости, дерева, шкур животных – для изготовления орудий труда и предметов быта. Это начальный этап познания и освоения природной среды.

II ступень – наибольший качественный скачок в освоении природных ресурсов и разработке технологий их обработки – ***люди начинают изготовлять (производить) продукты питания*** (выращивать растения и животных) и ***создают новые материалы***, перерабатывая природное сырье в качественно новые

Таблица 3

Освоение природных материалов и трудовые функции их освоения в первобытном обществе

Материал, функция (энергия) освоения	I ступень	II ступень	III ступень
Природные ресурсы, которые осваиваются:	*Присвоение готовых ресурсов природы*		
	Дикие животные Дикие растения	Мало Мало рыба	Очень мало Очень мало мало
Пищевые		*Производство продуктов*	
		Выращивание культурных растений. Разведение домашних животных	
Непищевые	*Переработка готовых природных веществ*		
	Камень, кость, дерево, шкуры, самородный металл		Кость, дерево, шкуры
Механические функции (энергия мышц человека)		*Создание новых веществ*	
		Глина – керамика, шкуры – кожа, растительные волокна, шерсть – ткани, руды – металл	
	Метательные – ручные, для орудий Ударные – раскалывание, резание, скобление, трение – шлифование, сверление, растирание. Кручение и плетение, ткачество. Дробление разных м атериалов\Рыхление и распашка грунта		
Тепловая энергия Солнца, огня	Вяление и сушка (еды)		
	Жарить, запекать	Сушить – глиняные изделия, шкуры, ткани и т. д. Варить, жарить – пищевые продукты, Распаривать – растения, кость, дерево. Обжигать – глиняные изделия и т. п. Обжигать, плавить, отливать - металлы	
Биоэнергия		Приручение животных, культивация растений	Скотоводство, земледелие, тягловая сила животных

вещества – керамику, кожу и ткань (из растительных волокон и шерсти). Здесь закладываются основы производящего хозяйства, причем не только для получения пищевых продуктов, как обычно это характеризуют, но и в ремесле – производство новых, несуществующих в природе материалов (веществ).

На ***III ступени*** еще больше расширяется сфера использования вновь освоенных материалов и происходят значительные революционные сдвиги, вызванные широким внедрением металлов – сначала меди, а затем железа из руды. Только металл вытеснил камень и его аналоги как основное сырье для изготовления большинства орудий.

Параллельно с внедрением в производство новых материалов происходит поиск *новых способов обработки*. Как правило, сначала приспосабливаются уже известные технологические приемы, копируются уже известные формы, но постепенная рационализация способствует возникновению и специфической технологии. Зарождаются не только специальные приемы, но и более общие принципы прогресса технологии, главная цель которой заключается в увеличении количества продукции и улучшении ее качества при меньших затратах труда.

В эпоху первобытности в технике преобладают, без сомнения, различные механические приемы обработки природных материалов, в которых основной движущей силой является *мускульная энергия человека*.

Постепенно люди познают и используют разные виды ***природной энергии***: огонь, солнечное тепло, воду, ветер и наконец, животных.

На ***I ступени*** преимущественно употребляется мускульная сила человека для выполнения метательных и ударных функций в сферах пищевого и непищевого производств. Отсюда и соответствующая конструкция орудий: последние преимущественно ручные – в прямом смысле, усиливающие действие руки, позволяющие выполнить то действие, которое рука сама по себе не может, например, отколоть камень, пробить череп животного, догнать его (стрела), обработать кость и т. п.

Эти функции обусловлены способами добывания пищи – охотой и собирательством, материалами для изготовления орудий (кость, камень, дерево), которые поддавались лишь механической обработке. Из иных видов энергии на первой ступени использовались только огонь и солнечное тепло для приготовления пищи и обогрева жилища. В целом эту ступень можно охарактеризовать как эпоху *мускульной техники ручного труда*.

II ступень начинается с широкого внедрения комплекса новых приемов обработки материалов, среди которых механические способы играют, как и ранее, основную роль. Используются практически все приемы для обработки твердых тел: удар, кидание, шлифование, сверление, скручивание, растирание, смешивание разных материалов и т. п. Наступает новый этап в применении огня и солнечного тепла для получения качественно новых материалов: сушка и обжиг керамики, распаривание кости и растений и т. д. Появляются первые приспособления для использования течения воды (лодки), тягловой силы животных (повозки). Наконец, земля и вода также становятся орудиями производства [*Маркс.* Т. 47. С. 49]. Особенно это касается производства пищевых продуктов. Их «выращивала» природа при присмотре человека и незначительных трудовых затратах. Появление множества новых орудий с новыми функциями подняло продуктивность труда. Использование огня, ветра и тягловой силы животных дало возможность получить новые материалы и перейти к новым способам трудовой деятельности, которые создавали лучшие условия жизни. Именно на этой ступени были сделаны первые шаги в направлении физического раскрепощения личности и общины от постоянных физических усилий для своего выживания. При этом все это было сделано за счет использования энергии внешней среды – природы.

III ступень – продолжается усовершенствование технологии механических способов обработки природных материалов, что способствовало значительному повышению производительности труда, уменьшению роли мускульной силы человека в производстве. Вместе с тем основное внимание уделяется разработке способов использования энергии органической и неорганической природы (разведение животных, выращивание растений, использование тягловой силы животных, энергии воды, ветра и т. д.). Наиболее революционную роль на этой степени сыграло освоение металлургии меди и железа – специальных производств, которые требовали высокой профессиональной подготовки, поскольку процесс изготовления нового материала скрыт не только от чувственного восприятия, но и от возможности его проверки и объяснения. Лишь сотни и тысячи экспериментов позволили уловить технологию, которая обеспечивала получение более или менее постоянного позитивного результата. Это, без сомнения, стало величайшим техническим достижением эпохи.

II. 4. **Эволюция структуры технологии трудовой деятельности.** В первобытности, как на начальном этапе формирования социального производства, наряду с освоением отдельных приемов выполнения трудовых операций, должна была, по-видимому, прослеживаться и *эволюция общей схемы технологии трудовой деятельности*, как отражение закономерности освоения производственного процесса – самой значимой и самой сложной сферы в жизни людей (рис. 1).

Общая схема структуры процесса труда, включает в себя *субъект труда* (человек, коллектив), который направляет свою активность (деятельность – действие) на *предмет труда* (продукт природы, или сырье) для его обработки с помощью *средств труда*, специально изготовленных человеком для данной операции (рис. 1 – *А*).

II. 4. 1. Характер взаимодействия этих компонентов определяется технологией производства конкретного продукта, а ступени эволюции технологии возможно выделить в зависимости от структурной сложности **технологии процесса получения конечного продукта потребления**. Естественно, что и здесь речь идет о самых общих тенденциях **(**рис. 1 – *Б*).

I ступень – элементарная технология *бинарного акта*: найти (обнаружить) животное – убить; от каменного нуклеуса – снять универсальную заготовку (пластину) и т. п. Звенья каждого акта тесно связаны между собой последовательностью действий, а сам акт представляет собой относительно завершенный этап или процесс действия индивида. Бинарную конструкцию имеют и основные орудия труда: копье (наконечник – древко), нож (лезвие – рукоять) и даже наиболее сложные орудия – лук и стрелы (это также объединение двух бинарных изделий).

Очевидно, распространенный в сознании людей дуализм, как представление о целостности, берет начало от данной структуры первобытной деятельности, в том числе и бинарное сложение корней в словообразовании древнейшего этапа развития современных языковых систем [*Андреев,1986*].

На данной ступени производственная деятельность преимущественно моделировалась исходя из непосредственных визуальных наблюдений. Конечно, люди знали топографию местности, где сосредотачивались животные и растения, но все это – результаты обобщения многоразовых личных наблюдений. Причем, это относится ко всем сферам деятельности, в том числе – производству каменных орудий.

Творческая деятельность развивалась за счет решений, которые принимались в конкретной ситуации.

II ступень – господствующей становится «технологическая цепочка», вызванная внедрением в производство многозвенных, взаимосвязанных четкой последовательностью действий:

1) последние были ранее смоделированы в виде целостного процесса;

2) каждое звено/действие для его реализации обеспечивалось специальными орудиями;

3) каждое последующее звено/действие могло быть выполнено лишь при условии выполнения предыдущего;

4) известен конечный результат деятельности – готовый продукт.

Наиболее явно такая технология прослеживается для основных отраслей хозяйства: рыболовство – выбор места ловли, установка ранее изготовленной снасти (сети, ловушки и т. д.), сбор улова; земледелие – подготовка делянки, посев, присмотр за урожаем, сбор урожая, обмолот и т. д.

Каждое звено – теперь не самостоятельный акт. Отдельные действия разделены определенным временным интервалом, их могут выполнять разные люди, то есть тут намечается процесс *разделения труда внутри общины*.

В целом, на этой ступени в период ее расцвета происходит ***первое великое общественное разделение труда – узкая специализация обществ (социумов) в одном виде хозяйственной деятельности: рыболовстве, земледелии, скотоводстве***.

На II ступени, на качественно новой основе, формируется моделирование производственной деятельности. Рыболовство по характеру организации производственного процесса принципиально отличается от охоты. Охотник непосредственно наблюдал за поведением животного и, исходя из этого, принимал решение о способе его добычи. В рыболовстве такой возможности нет, так как рыбу можно фиксировать только в отдельных местах и только в определенное время суток или года – сезон. Поэтому при моделировании поведения рыбы необходимо было «домыслить» (вообразить) отсутствующие звенья (знания) и решить, какие выбрать место, время, а также орудия лова, наиболее перспективное для добычи рыбы в водоеме. Каждое из этих действий (звеньев) независимо: в одном и том же месте в разное время года (разные сезоны) могли использоваться различные способы ловли. Успех в рыболовстве зависел от знаний, навыка и сообразительности рыбака, которые можно было приобрести лишь путем систематических наблюдений в условиях оседлого быта, постоянного промысла рыбы в определенном месте.

Аналогичные процессы должны были происходить при становлении земледельческой деятельности, причем в самой абстрактной форме, так как отдельные звенья (циклы) применения труда для получения конечного результата существенно отличались друг от друга и были разделены временными интервалами. Таким образом, на второй ступени моделирование производственной деятельности значительно усложняется. В «технологической цепочке» зачастую присутствуют звенья, которые не имеют визуальных коррелятов, или те, которые являются промежуточными при получении конечного результата. Кроме того, часто присутствуют альтернативные решения. Все это значительно расширило творческий, умственный проектно-моделирующий элемент в производственной деятельности.

III ступень – преобладающей становится ***«технологическая схема».*** Она характеризуется двумя моментами: разделение производственного процесса на относительно независимые части (процесс разделения труда) и выделение полуфабрикатов, особенно в ремесленном производстве. Полуфабрикат курсирует в обществе как «завершенный продукт», поэтому включается в обмен. Это хорошо заметно в металлургии. Добыча руды, заготовка угля, строительство горна, выплавка металла – относительно завершенный процесс, продукция которого переходит к иному мастеру – литейщику или кузнецу. Подобное разделение труда происходит и в других отраслях производства, где оно не так ярко выражено. Важно, что конечный продукт, который непосредственно потребляется человеком, является результатом труда многих работников (производителей), независимых один от другого. Таким образом, четко намечается процесс разделения труда как внутри общины, так и между общинами. Это и составляет основу «технологической схемы» – объединения множества простых актов-звеньев для получения конечного продукта.

Наивысший уровень организации технологической схемы присущ комплексному хозяйству: объединение множества независимых видов хозяйственной деятельности в целостном организме – сначала общине, а потом – и в отдельном народе (этносе). Ясно, что в таком плане «независимость» отраслей является довольно жестко обусловленной, и они тесно взаимосвязаны.

Разделение труда между общинами базировалось на особенностях природных богатств отдельных районов. Эти ресурсы добывались в виде полуфабрикатов и включались в обмен между общинами. Разделение труда и специализация были факторами, обеспечивающими усовершенствование технологии и возрастание продуктивности/производительности труда – главных показателей роста производительных сил.

Усложнение структуры производственной деятельности всех сфер жизни изменяло сознание человека, которое обогащалось и, развивая творческий потенциал, приобретало черты комплексного, способного к моделированию сложных действий и процессов сознанию системного мышления.

II. 4. 2. Подводя итог, В. Ф. Генинг отметил, что в общем интегрированном виде техника и технологический способ производства, отражающий способ объединения людей, средств и предметов труда, отмечают состояние и эволюцию организационной структуры производительных сил. Анализ археологических данных в таком аспекте дал возможность выделить *три качественно различных ступени*, которые рассматриваются, соответственно, как ***три социальных формации***.

I ступень – становление технологической системы производства в элементарной форме *«бинарного акта»* на базе внедрения простейших ручных орудий из камня и кости с ударной и метательной функциями при простейшей кооперации силы мышц индивидов, которые входят в общину.

Удовлетворение в сфере пищевых потребностей людей происходит за счет присвоения готовых продуктов природы с помощью охоты и собирательства. Производство средств труда основывается на переработке природного сырья – камня, кости, дерева с помощью простейших механических приемов с ударными функциями. В целом эта ступень представляет собой *первую стадию* ***формирования социального производства.*** Она основывается на коллективных формах труда – простой кооперации в общине с половозрастным разделением труда.

II ступень – технология производства перерастает в элементарный процесс – *«технологическую цепочку»*, которая объединяет ряд последовательных связанных между собой актов. Расширяется сфера коллективной деятельности, особенно при освоении новых форм хозяйства (рыболовство, земледелие, скотоводство), в которых внедряются различные механические приемы выполнения трудовых операций.

Осваивается новая ***воспроизводящая форма*** получения продуктов потребления: в пищевом производстве на основе земледелия и скотоводства с использованием биологической энергии природы; в ремесле – путем создания новых материалов: керамики, кожи, ткани с использованием механической обработки, химических реагентов и энергии огня.

Усложнение процесса производственной деятельности сопровождается специализацией, выделением мастеров и технологическим разделением труда внутри общины, когда производство в каждой «технологической цепочке» выполняется одним мастером либо одной производственной группой. Дополняя одна другую, специализация внутри общины формирует *сложную многоотраслевую структуру социального производства*, которая базируется на коллективных формах труда общины.

Завершает этот процесс ***первое великое разделение труда – специализация отдельных обществ-народов в одном из видов пищевого производства.***

III ступень – внедрение в производство *«технологической схемы»*, структуры комплексной деятельности, которая базируется на кооперации разных простейших «технологических цепочек» при создании продукта одного качества. Это создает условия для уменьшения производственных коллективов, их кооперации и обмена продукцией, в том числе и полуфабрикатами. Новая технологическая схема лежит в основе комплексного хозяйства отдельных общин и их специализации в рациональном использовании локальных природных ресурсов. Разделение труда внутри общины все более перерастает в общественное (социальное) – специализацию в общине отдельных индивидов и групп при производстве разных видов продукции, выполнении социальных функций – власти, управления, идеологии.

Определяющей тенденцией данной ступени является усиление в коллективных формах труда парцеллярных тенденций, которые завершаются экономическим выделением семьи – сначала большой, а затем и моногамной.

Начало III ступени – переворот в технике и технологии производства, особенно орудий труда и оружия, – положил начало освоению металлургии меди и железа. Заключительный этап – ***второе великое общественное разделение труда*** – связан с выделением в экономике металлургии, как самостоятельной отрасли хозяйства, в социальной структуре – аристократии, которая создает аппарат власти и управления, в сфере идеологии – жрецов. Все это – практический шаг к технологическому способу производства, характерному для классового общества.

III. В третьей статье – «Социальные формации первобытности» – В. Ф. Генинг подводит итоги результатам исследования *проблемы правомерности* внутреннего членения способа производства первобытнообщинной «суперформации» на три социальные формации:

- кровнородственной общины;

- родового общества;

- племенного строя.

Исследователь дает краткую характеристику основным признакам общественных отношений каждой социальной формации и переходных (кризисных) периодов между ними.

III. 1. Социальные формации. Условием позитивного решения проблемы выделения социальных формаций первобытности, по мнению В. Ф. Генинга, является выявление ступенчатого характера развития

производительных сил. Первобытная «суперформация» исследовалась им через внутреннее развитие материальной основы ее способа производства – производительные силы. Чтобы иметь целостную картину социально-исторического развития обществ трех выделенных ступеней, необходимо знать, как в условиях новых производительных сил люди изменяли способ производства, способ обеспечения своей жизни [*Маркс.* Т. 4. С. 130], как трансформация производительных сил влияла на возникновение новых производственных отношений [*Маркс.* Т. 13. С. 6], а также требуется установить, какими – на современном уровне развития социально-исторического знания о первобытности – представляются структура и исторический тип отдельных обществ (социумов) прошлого в границах выделенных им трех ступеней развития первобытных производительных сил.

При реконструкции системы производственных отношений возможности археологии более ограничены, чем при анализе производительных сил. Тем не менее, они не совсем безнадежны. Можно выявить ряд несомненных фактов, которые станут общими ориентирами при исследовании такой сложной проблемы.

Так, например, размеры поселений и жилищ определяют, соответственно, размеры общин и семейно-хозяйственных ячеек, а по составу вещей в могильниках можно судить об имущественной и социальной дифференциации, развитию обмена между обществами и общинами, об отделении ремесла в самостоятельную отрасль и т. д. Конечно, конкретизация форм социальных структур и отношений первобытности реконструируется преимущественно гипотетически, на основе данных этнографии, социологии, письменных источников, равно как на понимании общей логики социального развития. Современная наука достигла такого уровня развития знаний о первобытности, который дает возможность создать более-менее удовлетворительную характеристику социальной структуры отдельных эпох и периодов. Эти знания и составляют основу характеристики социальной организации и общей социальной структуры общества, характерные для трех ступеней выделенных В. Ф. Генингом на основании анализа производительных сил.

Далеко не всегда удается обосновать отдельные изменения в социальной организации и логично увязать явления, которые приводили к изменению производительных сил, и как следствие – изменению в производственных отношениях. Не всегда эта связь прямолинейная, чаще она опосредованная, а вероятнее всего – это результат изменения системы в целом. Вследствие сказанного, сосредоточимся на коротком анализе отдельных социальных формаций, как целостных социальных систем (табл. 4).

III. 1. 1. Эпоха кровнородственной общины. Присваивающие формы хозяйства – охота и собирательство – являются основой производства, которое базируется на трудовых усилиях преимущественно в сфере добывания и переработки пищи. Уже на этой ступени развития общины появляется необходимость заготовки запаса еды, особенно в зимний период. Из-за несовершенства орудий, охота чаще всего велась коллективными усилиями всех трудоспособных членов общины.

Переход на новую стадию обусловил возрастание продуктивности труда и рост народонаселения. Численность населения в позднем палеолите не только превысила численность неандертальцев, но и стала причиной освоения новых территорий, в частности в умеренной и холодной зонах. В целом же, дальнейшее повышения продуктивности (производительности) труда было еще весьма ограниченным. Хотя населенность территорий более-менее стабилизировалось, но судя по некоторым этнографическим данным и расчетам биомассы, она не превышала 1 человека на 100 кв. км в умеренной и холодной зонах. На юге этот показатель был выше. Важные сдвиги произошли в развитии сознания, зарождении качественно нового интеллекта человека – способности творчески мыслить, абстрагироваться и художественно отображать окружающую действительность. Об этом свидетельствуют памятники живописи, скульптуры и музыки.

Эпоха кровнородственной общины – это первая стадия существования сформировавшегося социума, которому присущи все законы социального развития. На смену первобытному стаду неандертальцев приходят небольшие первобытные общины позднего палеолита, которые состояли, судя по размерам жилищ и поселений, из 3–5 супружеских (брачных) пар (причем среди супругов были кровные родичи). Общая численность такой общины не превышала 25–30 человек. Основой существования первобытно-семейной кровнородственной общины было единое охотничье хозяйство, которое базировалось на коллективной охоты – загонной форме. Одновременно с 6–7 охотниками мужчинами в загоне участвовали все члены общины (взрослые, подростки, дети – примерно 10–15 человек). Очевидно, дикие плоды и растения тоже собирали все члены общины, особенно когда их готовили в запас.

Община была основной социальной группой, в которой сосредотачивалась вся деятельность людей; она характеризовалась полной тождественностью, единством экономических, социальных, семейных и потребительских отношений. В общине заметным было лишь природное разделение труда – по полу и возрасту, что обуславливало равное распределение продуктов коллективного труда. Возглавлял общину, организуя ее деятельность, старейшина – первый среди равных.

Таблица 4

Структура исторических типов социальных отношений первобытного общества

Формация	Кровнородственной общины	Родового строя	Племенного строя
Экономическая форма продукта общественного производства	Необходимый продукт	Необходимый продукт + прибавочный продукт, потребляемый в общине для расширенного воспроизводства народонаселения и обеспечения возрастающих потребностей общины во всех сферах	Необходимый продукт + прибавочный продукт для потребления внутри большесемейного коллектива для расширенного воспроизводства народонаселения и обеспечения возрастающих потребностей общины во всех сферах – часть прибавочного продукта отчуждается и приобретает потребительско-стоимостную форму.
Форма собственности	Коллективная собственность кровнородственной общины на орудия труда и произведенные продукты	Коллективная собственность родовой общины (рода) на землю (водоемы), домашнее стадо и произведенные продукты. Собственность больших семей на жилище, утварь, мелкие орудия	Коллективная собственность первобытной соседсткой общины на землю (пашня, пастбища, леса, водоемы) и диких животных. Собственность больших семей на орудия труда, произведенную продукцию, животных, усадьбу, жилье, утварь
Тип общины	Кровнородственная община	Родовая община	Первобытная соседская община
Хозяйственная ячейка	Кровнородственная община	Родовая община	Большая семья
Социальные подразделения	Парная семья, община	Парная семья, большая семья, род, община, фратрия, племя (?)	Парная семья, большая семья, род, фратрия, племя, союз (конфедерация) племен
Институт власти и управления	Старейшина общины	Старейшина общины, глава рода, совет рода, совет племени (?)	Глава большой семьи, старейшина общины, Совет племени, военачальник, народное собрание
Основная формация	Коллективная собственность – индивидуализация охоты	Замкнутость натурального хозяйства родовой общины	Коллективная собственность общины на землю и отдельное (выделенное) хозяйство (производство и присвоение продуктов) большой семьей
Основная сфера кризиса социальных отношений	Основная отрасль производства	Сфера межобщинного произ-водственного обмена (общение)	Сфера распределения и потребления продуктов общественного (социального) производства
Структура социально-исторического организма (СИО)	Кровнородственная община – народ (?)	Родовая община – род (племя ?) – народ	Первобытная соседская община – племя – союз племен - народ

Коллективные формы деятельности, особенно в охоте, обусловили коллективную форму собственности общины на орудия труда и пищевые ресурсы (основной предмет труда). Лингвистические данные свидетельствуют, что понятия собственности, в частности на землю, в общине не существовало. Низкая продуктивность (производительность) труда могла обеспечить лишь необходимый продукт, то есть удовлетворить лишь минимальные потребности его производителей, преимущественно для их простого воспроизводства. Несмотря на более или менее регулярное поступление, его постоянное распределение было не принято.

В общине преобладал обмен между природой и обществом. Лишь законы экзогамии обусловили контакты между общинами – брачные отношения. Во время брака обменивались подарками и естественно, знаниями, в частности о производственной деятельности. Именно такие контакты положили начало формированию отдельных обществ как единых ***социально-исторических организмов*** **(СИО)**, в которых накапливался социальный опыт, становившийся источником развития производства и накопления позитивных знаний. Вместе с тем, длительное (20–30-тысячелетий) существование кровнородственной общины как основной социальной ячейки, безусловно, свидетельствует об очень слабых межобщинных контактах. По этой причине первые СИО были весьма аморфными и имели двухчленную структуру: «Община – СИО».

Община в эту эпоху приобрела организационное оформление и стабильный состав, в то время как СИО оставалось простой совокупностью общин, контактировавших между собой, и было не осознанным формированием. Их можно характеризовать как ***прото-народы.*** В языковом отношении они представляли собой лингвистические непрерывности, объединявшие сначала представителей одной большой языковой семьи. В эпоху позднего палеолита, например, индоевропейские и уральские языки составляли еще не дифференцированное языковое единство.

Во всемирно-историческом процессе эпоха кровнородственной общины означала начальную стадию развития социума. Это переходный период от первобытного стада на этапе формирования человека и общества к социуму (обществу), как к сформированной социальной системе в ее первобытном виде – первобытнообщинной формации со всеми качествами, присущими социальной системе в ее начальном состоянии. Для этой формации, с одной стороны, характерна унаследованная от предшествующей системы значительная замкнутость кровнородственных общин, слабая связь между ними, а следовательно, и значительные отличия материальных остатков позднепалеолитических памятников, даже когда они расположены достаточно близко. С другой стороны, эпоха кровнородственной общины выступает первой стадией первобытнообщинной «суперформации», и ей присущи все общие черты этой «суперформации».

Тем не менее, ряд специфических особенностей дают возможность рассматривать ее *как отдельную формацию с собственным способом производства.* Мы можем назвать такие специфические особенности способа производства эпохи кровнородственной общины.

В области ***производительных сил*** характерным является:

для *субъекта труда* – знания о поведении животных и навыки, используемые для охоты; знания и навыки обработки природных материалов простейшими механическими способами (ударная техника); использование огня для приготовления пищи и обогрева;

для *средств труда* – простейшие ручные орудия из камня, кости и дерева с ударными и метательными функциями;

для *предмета труда* – в органической природе – дикая фауна и флора; в неорганической – камень, кость, дерево.

В области ***производственных отношений***:

недифференцированность социально-экономических отношений на базе совпадения родственных, семейных, экономических и социальных отношений, которые обусловили основную социально-экономическую ячейку – *кровнородственную общину*;

равное распределение продуктов произведенных общиной между ее членами;

отсутствие обмена продуктами производства между отдельными общинами.

Продолжительность стадии кровнородственной общины – несколько десятков тысячелетий. В субтропической зоне Южного и Восточного Средиземноморья эта стадия заканчивается около 10 тыс. л. н, в умеренной зоне – около 6–7 тыс. л. н., а на окраинах ойкумены она существовала до нашего времени (Австралия, юг Южной Америки, юг Африки, Северо-Восточная Азия и т. д.). На заключительной фазе этой стадии уже четко обозначилась неравномерность исторического развития обществ в отдельных экологических зонах. Ускоренными темпами развивались общества субтропической зоны. В благоприятных природных условиях здесь раньше, чем в других регионах, были исчерпаны возможности охотничьего хозяйства, что вынудило население осваивать новые формы существования – рыболовство.

III. 1. 2. Проблема первого переходного периода. Чтобы выявить дискретные ступени в развитии производительных сил, следует установить наличие переходных периодов, которые обусловлены кризисом предыдущей системы и вызреванием условий для возникновения новой. Эти два процесса достаточно хорошо прослеживаются в условиях *первого переходного периода* первобытности.

Кризисная ситуация потенциально заложена в самой сути охотничьего хозяйства. Повышение производительности труда связанно с усовершенствованием организации и орудий для охоты. Темпы роста эффективности орудий труда (а значит – и скорость исключения из природы готовых продуктов – животных) и темпы восстановления природой диких животных, как предметов труда, были разными. Эта диспропорция между орудиями и предметами труда привела к резкому сокращению поголовья животных и кризису охотничьего хозяйства. Сначала это отразилось в его ориентации на иные виды животных – меньших и более подвижных, и, соответственно, к смене малоподвижной охоты позднего палеолита на кочевые формы мезолита. Возникает принципиально новый вид орудий – лук и стрелы – первое сложное орудие труда механической конструкции. Между тем, эти изменения только углубили кризис, так как численность животных стала сокращаться еще быстрее. Кроме того, кочевой способ жизни значительно ограничивал возможность создания запасов продуктов питания.

В мезолите широкое внедрение лука и стрел еще более обусловило развитие тенденции индивидуальной трудовой деятельности. Активней она была на юге, в субтропиках, где плотность населения больше и меньше крупных стадных животных, так как здесь они были уничтожены раньше, чем в иных зонах. Крупные табуны диких коней, бизонов, зубров и туров в теплой умеренной зоне, стада диких северных оленей, а также лосей, косуль и других копытных, которые сезонно мигрировали в холодно-умеренной зоне, обеспечили здесь развитие стойких форм коллективной охоты еще на несколько тысячелетий. Частые перекочевки, связанные с обеднением фауны, значительно сузили сферу коллективного опыта и общения, тормозили социальный прогресс и углубляли общий кризис системы кровнородственной общины.

Кризисные явления первого переходного периода коснулись, прежде всего, ***сферы прямого производства пищевых продуктов***, особенно объектов охотничьей деятельности (предметов труда) и способов их добычи. В конечном счете, это привело к застою и упадку охотничьего производства и исчезновению общин с кровнородственными связями.

III. 1. 3. Эпоха родового строя. Рыболовство стало базой оседлости, а оседлость стала предпосылкой зарождения земледелия и скотоводства. Переход к ним принципиально изменил характер пищевого производства. Отдельные участки земли (водоемы) превращаются в постоянные объекты приложения трудовых усилий, становятся предметами и средствами труда. Благодаря этому, первобытный человек значительно расширил свои знания о природных процессах. Земледелие и скотоводство требовало не только знаний о биологии растений и животных, но и об окружающей природе, особенно связанных с цикличностью (агрономия и климат).

Углубляются знания человека о качествах природных веществ, предназначенных для обработки и изготовления новых материалов (керамика, кожа, ткань, металл и т. д.). Каким же образом кардинальные изменения в производительных силах вызвали изменения в социальных отношениях и способствовали формированию нового способа производства?

Переход к оседлости – после освоения рыболовства, а затем и благодаря производящим формам хозяйства, – стал основой для перестройки социальных отношений. Рост материальной обеспеченности расширил состав семьи, которая включала уже 2–3 поколения и превратилась в ***большую семью***.

Родственные связи между этими семьями связывали их в общине, обуславливали совместную хозяйственную деятельность в основной отрасли, что в конечном счете способствовало формированию социальной единицы этой эпохи – ***родовой общины***. Она была основной хозяйственной единицей. Коллективный труд обеспечивал ей полную самостоятельность. В коллективной собственности таких общин находились основные орудия труда, земля, водоемы, домашние стада и произведенная продукция, которую потом распределяли между семьями. Семьи сохраняли собственность на свое имущество, в том числе на жилище и часть продуктов питания. Хотя в такой общине производственные отношения уже не полностью совпадали с половозрастными, родственными, объединение людей в родовой общине, как в едином производственном организме, обеспечивало им ***первобытно-равное распределение и равенство***. Это главная особенность социальных отношений родового общества.

Основное отличие общин новой эпохи от предшествующей формы заключалось не только в количественном росте. В общине все большую роль начинает играть ***институт рода***, сутью которого является *экзогамия* и *тотемное имя*. Оба этих принципа должны были регулировать брачные отношения, исключая из них ближайших родственников. Экзогамная группа складывалась из ближайших родичей, принадлежавших к одному тотему. Вместе с тем, *по обычаю усыновления*, к одному тотему принадлежали не только родичи по крови, но и кровные *«неродичи»*, и между ними также запрещались брачные связи. Следовательно, принадлежность к тотему и родство по крови – понятия достаточно условные. Институт рода, безусловно, возник на базе экономической общности – единства общины. Первоначально род и родовая община совпадали. Тем не менее, быстрый рост общин, обусловленный повышением производительности труда, увеличением прибавочного продукта, привел к процессу их измельчения – отделения и формирования новых общин, которые сохраняли, как правило, предыдущий тотем (родовую принадлежность). Так началось раздвоение данного социального образования: родовая община, как основная хозяйственная единица не совпадает с родом – тотемом, регулятором брачных отношений. Это значительно усложняет систему отношений между общинами. ***Род, как совокупность общин, становится верховным собственником территории обитания***. Такая структура имела и соответствующий орган управления – ***совет рода***, который регулировал отношения между родственными общинами и противоречия между общиной, с одной стороны, и родом, с другой.

Численность родовой общины определяется системой хозяйственной деятельности и природными условиями. Сохранение близких отношений с дочерними родами, а также необходимых связей с неродственными группами (родами) под действием законов экзогамии, приводит в конце эпохи к формированию

фратрий, а возможно и первых ***племен***, в которые разрослись роды. Родами руководят представители родов (совет племени), который регулировал отношения с внешним миром, а внутри – отношения касающиеся распределения угодий. Но эта структура – ***племя на основании родства*** – характерна, очевидно, для тех социумов, где намного увеличилось количество родовых общин, то есть значительно возросла плотность населения и противоречия в отношениях между отдельными группами.

Возрастающие потребности людей постоянно стимулировали социальный прогресс во всех сферах деятельности. На данном этапе (конец мезолита – переход к неолиту) удовлетворение социальных потребностей первобытных обществ, соответственно с их развитием, объективно могло обеспечить, в первую очередь, дальнейшее расширение коллективных форм деятельности. Такие предпосылки были созданы всей совокупностью достижений на второй ступени развития производительных сил, особенно основных отраслей хозяйства – рыболовства, земледелия и скотоводства. Именно большие производственные коллективы при сравнительно низкой продуктивности труда могли выступать гарантами существования самого человека, сохранения людей от случайностей голода и смерти. Эта объективная тенденция социального развития – объединение большой численности людей в пределах одного коллектива – расширяло сферу обмена социальным опытом для усовершенствования производственной деятельности.

Повышение производительности труда в эпоху родового общества впервые обусловило появление ***прибавочного /дополнительного*** продукта, который создается всей общиной за счет коллективных форм труда. Этот продукт остается в общине и обеспечивает ее расширенное воспроизводство. Быстрый рост населения в ранних обществах с воспроизводящими формами хозяйства – наглядное свидетельство возникновения новой системы отношений, в которой впервые значительные трудовые усилия общины направляются в сферу непищевого производства. Все это происходит в пределах одной общины. Она удовлетворяет свои потребности за счет собственного производства, поэтому обмен между общинами еще весьма ограниченный. К тому же формирование племени на принципах эндогамии еще более сужает этот обмен.

В общине начинает расширяться половозрастное разделение труда и специализация отдельных членов общины на выполнении определенных трудовых операций: в земледелии – посев, присмотр (ухаживание), сбор урожая, в скотоводстве – уход за молодняком, выпас, в ремесле – изготовление каменных орудий, керамики, ткани, кожи. Все это углубляет процессы разделения труда и обмена трудом (опытом) в общине. Из-за ограниченного опыта и примитивного состояния орудий труда пищевое производство продолжает специализироваться в рамках узкой отрасли в определенных географических зонах. Эта тенденция уже прослеживалась при формировании рыболовства. Еще больше – при зарождении земледелия в долинах рек, в субтропиках и скотоводства – на плато и равнинах. Фактически это процесс ***первого великого разделения труда***, который, однако, как свидетельствуют археологические материалы, не обеспечил развитие *интенсивного обмена*. Наоборот, отношения между обществами с разными формами хозяйства оставались очень ограниченными. Это можно объяснить, еще слишком незначительной величиной прибавочного продукта и натуральным характером общинно-родового хозяйства, ориентированного на самообеспечение.

Ранние формы земледелия в долинах рек использовали природное плодородие земли, которая ежегодно обновлялась (разливы, ил) и не требовала значительного усовершенствования орудий труда. Продуктивность хозяйства зависела не столько от совершенствования способов обработки земли и орудий труда, сколько от численности работников. Поскольку каждый из них вырабатывал определенное количество продуктов, которое превышало необходимые потребности, то бóльшая величина совокупного прибавочного продукта общины напрямую зависела от ее количественного состава. Чем более значительным он был, тем больше становился объем прибавочного продукта (труда). Это дало возможность общине использовать пищевые ресурсы в целях расширенного воспроизводства населения, а прибавочный труд – в целях развития непищевого *ремесленного* производства. Аналогично развивалось и специализированное скотоводческое хозяйство.

Система отношений и форма хозяйственной деятельности эпохи родового строя обеспечивала преимущественно, лишь *простое, количественное расширение производства*. Она стимулировала рост населения. При этом прибавочный продукт не отчуждался от общины, а потреблялся ей же, как и необходимый продукт, на основе первобытно-равного распределения. Рост народонаселения и плотность его расселения – фактически ***первый демографический взрыв***, произошедший после становления социальной системы. Это хорошо подтверждается археологическими данными: количество и размеры неолитических и энеолитических поселений (площадь, мощность культурного слоя, часто – размеры стационарных жилищ) намного превышают находки эпохи мезолита. Переход к родовому строю обусловил, чуть ли не десятикратное, увеличение численности населения. Выросла не только плотность заселения ранее освоенных территорий, поскольку она теперь не лимитировалась природой, как источником питания, а зависела от продуктивности воспроизводящего хозяйства. Увеличились и территории, заселенные людьми в умеренной и холодной зонах.

Впервые отдельное общество – СИО – приобретает достаточно четкую трехчленную структуру:

1) родовая община – нижнее звено, производственный коллектив;

2) род – верховный собственник территории и автономное подразделение наиболее тесно связанных между собой родовых общин со своим верховным органом – советом рода;

3) СИО – совокупность родов, связанных постоянными брачными и иными отношениями, на базе которых люди осознают свое единство – ***свой народ*** («свои люди»).

Это стало основой выделения этнического сознания и формирования первых четко обособленных этнических общностей, значительная схожесть хозяйства, способа жизни и состава культуры которых, обуславливалась тесными и длительными связями.

Тем не менее, вероятно, не каждую подобную культуру и, соответственно, этническую общность можно интерпретировать лишь как отдельные ветви языковых семей. Например, индоевропейской – славянскую, романскую, иранскую или в финно-угорской – пермскую, угорскую и т. д. Это были, конечно, общности переходного типа – между общностями больших этноязыковых семей и ближайшими пращурами современных народов. Некоторые ветви сформировались как группы близких общностей лишь в последующую эпоху, в результате коренного переоформления всех предыдущих.

III. 1. 4. Второй переходный период. Рыболовство, как основа хозяйства в начале развития родового общества, особенно в экологических условиях лесной полосы Евразии, где не было условий для внедрения раннего земледелия и скотоводства, приобретает застойный характер и сосуществует с охотой и собирательством. Воспроизводящие отрасли (земледелие и скотоводство, в основном на второй ступени) развиваются, как узкоспециализированные, максимально используя местные природные условия. Такая своеобразная монокультура достаточно быстро обеспечила рост производительности труда, но, в свою очередь, ограничила возможности дальнейшего социального развития. Продукты основной отрасли *не могли стать базой для обмена между общинами*. По этой причине фактически сохранялся и преобладал обмен между природой и обществом. Обмен в СИО (археологические культуры) и особенно между ними был чрезвычайно ограничен.

Узкая специализация и замкнутый натуральный характер производства, в конечном счете, привели к кризису родового стоя, упадку его хозяйства. Поскольку система способа производства родового общества не способствовала расширению контактов, обмену материальными продуктами и производственным опытом, то она переживала кризис, прежде всего, в ***сфере обмена***. Во многих обществах с воспроизводящими формами хозяйства началось постепенное «затухание» производственной деятельности и деградация социальной жизни, особенно на окраинах цивилизации. В результате все ранние общества с воспроизводящими формами хозяйства пережили застой и упадок, причем не только в основных, но и во всех отраслях хозяйства. Даже такая сфера, как ранняя металлургия, отрасль с огромным производственным потенциалом, также испытала глубокий кризис: например, цветная металлургия Балкан [*Черных, 1978*. С. 273–276].

В центрах тогдашней цивилизации – на Ближнем Востоке, особенно в долинах рек, кризис удалось быстро преодолеть.

III. 1. 5. Эпоха племенного строя. ***Ступень комплексного хозяйства и палеометалла.*** Принципиально новые сдвиги в области техники и знаний на данной ступени развития были достигнуты только в металлургии меди (бронзы), а потом и железа. Тем не менее, эти достижения очень важны. Кремень, как сырье для изготовления орудий труда, практически вышел из употребления, постепенно стали заменяться металлическими шлифованные орудия, изготовленные из мягких пород камня. Добыча руд и выработка металлов из них была одним из основных направлений деятельности. Большинство орудий труда и предметов вооружения изготавливалось теперь из металла. Именно на этой ступени формируется комплекс вооружения, преимущественно металлический. Военное дело становится органичной частью социальной структуры.

Таким образом, комплексность, комбинирование с пространственно-временным разделением отдельных звеньев трудовой деятельности является общим признаком данной ступени развития производительных сил.

Эпоха племенного строя – это закономерная стадия в развитии первобытности, ступень, которая сформировала предпосылки для возникновения классового общества, переход к новым специфическим формам существования прибавочного продукта – *потребительско-стоимостного.* Последнее, связано с отчуждением прибавочного продукта (труда) от непосредственного производителя и присвоением его отдельными индивидами или группами, которые не принимали участия в его производстве, то есть получали *регулярный нетрудовой доход*. Эта ситуация выросла на первобытных традициях и стала основой эксплуататорской собственности на средства производства и отношений частнособственнической эксплуатации классового общества.

Преодоление кризиса узкоспециализированных хозяйств родового общества стало возможным, благодаря возникновению ***новых технологических форм в комплексной структуре общественного производства.***

Традиции самообеспечения, весьма развитые в родовом обществе, заставляли его всесторонне развивать все отрасли хозяйства – земледелие, скотоводство, даже охоту и рыболовство, а также ремесла. Теперь уже приоритет отдавался *рациональному соотношению разных видов хозяйственной деятельности в соответствии с природными условиями обитания общин*. Произошел своеобразный переход к «микро-специализации». Это дало возможность не только расширить обмен между обществом и природой, но и, что главное, каждой общине (социуму) *производить специфическую продукцию и включать ее в сферу обмена между общинами и СИО*.

Кризис родового строя, социально-экономической ячейками которого были родовые общины (иногда достаточно многочисленные), привел к распаду их на отдельные хозяйственно самостоятельные большие семьи. Этому способствовало усовершенствование орудий труда и новые формы хозяйствования, которые позволяли существовать меньшим производственным коллективам. Вместе с тем, это обособление не означало их полного экономического отделения. Отдельные большие семьи (не только родственные) продолжали существовать на территории одного поселения и совместно владеть землей. В пользовании семей пребывала лишь земля, как предмет труда (пашня), но нередко коллективными усилиями строились и эксплуатировались ирригационные сооружения, расчищался лес, поднималась целина и т. д. При этом коллективным было и перераспределение. Хотя продукция, которую получали с таких делянок, принадлежала только большой семье, как животные, приусадебные участки, жилище с хозяйственными постройками. В коллективном пользовании оставались пастбища, водяные и лесные угодья.

В такой структуре общины нового типа, которую называют ***первобытной соседской общиной*****,** впервые выделяется внутреннее и – в хозяйственном отношении – самостоятельное подразделение – ***большая семья***. Этот *дуализм – коллективная собственность на землю и частное присвоение семьями результатов труда* – составляет *основное противоречие эпохи.* При этом сами семьи – по структуре – еще не были частнособственническими образованиями. Это были нередко достаточно крупные коллективы, в которых, что очень важно, отношения между парными семьями еще не были отношениями частных собственников.

Преодоление этого противоречия составляет основное содержание социально-экономического развития – при переходе от первичной ко вторичной (сословно-классовой) «суперформации» – между коллективной и частной собственностью на основные средства производства, что переносит центр тяжести этого противоречия в сферу ***распределения средств производства и потребления продуктов производства***. С одной стороны, это противоречие снимается путем эволюции большой семьи, выделением из нее отдельных моногамных семей со своим хозяйством, которые воплощают частнособственнические основы. С другой стороны, этот процесс развивался интенсивно, прежде всего, в производстве – за счет усовершенствования орудий труда. В других условиях частными собственниками могли оставаться и большие семьи.

Рост народонаселения в эпоху племенного строя обусловил возникновение новых общин, организованных, прежде всего, на основе территориального единства, единства владения землей – основным источником существования. Это нарушало предшествующий порядок организации – принцип родства. Поэтому институт рода уже не мог выступать верховным собственником территории родовых общин, так как и сами общины уже утратили родовую структуру. Новый тип общины – первобытной соседской – требовал постоянного регулирования отношений между общинами. Объединение нескольких общин создает новую, высшую структуру **–** ***племя***. Его руководящим органом становится совет (или вождь), избираемый из числа старейшин общин либо – по старой традиции – из родов.

Основная функция племени, как ***верховного собственника территории***, заключалась в регулирование отношений с внешним миром, в том числе в разрешении конфликтных ситуаций по поводу нарушения территориального суверенитета или обид и убийств членов племени. Конфликты устранялись путем переговоров, а нередко – и военных столкновений.

Для организации военных походов выбираются военачальники. Появляются и все более широко распространяются средства ведения войны – ***комплекс вооружения***. Дальнейшее социальное развитие усложняет племенную структуру. Появляются *союзы* и *конфедерации племен* и, соответственно, члены их советов, а также иерархия малых и больших военачальников. Иногда высшим органом власти становятся *народные собрания*.

Институт племени изменялся. При этом более четкими становились функции его, как зарождающейся политической надстройки. Органы этой надстройки совершали раздел власти и управления. Институт племени выступает предшественником государственной структуры классового общества.

В целом же, структура отдельного общества (СИО) эпохи племенного строя имела преимущественно трехчленную организацию:

1) низовое звено – первобытная соседская община;

2) среднее звено – племя – верховный собственник территории группы общин, консолидированных в социальной (особенно военной), а также некоторых хозяйственных и культурной сферах;

3) верхнее звено – народ, как СИО, – совокупность племен, объединенных общими интересами владения и защиты территории совместного проживания, экономическими связями, которые возникали на этой основе. Это единство нередко, особенно в период внешней опасности, или наоборот, во время собственных завоеваний, превращалось в союз (конфедерацию) племен. Таким образом, впервые СИО (народ), как автономная суверенная социальная целостность, создает потестарно-политическую организацию – ***союз племен***. В таком значении эту структуру можно рассматривать как прообраз государственности.

Прогресс социального производства и соответствующий рост прибавочного продукта, усложнение социальной структуры и военные столкновения – все это способствовало выделению особой группы людей, наделенных функцией регулирования отношений между коллективами и процесса распределения прибавочного продукта. По традиции она (эта функция) сосредотачивалась в руках старейшин, а затем – и вождей племен. Прибавочный продукт между общинниками уже стал распределяться не весь. В распределении появляется ***традиция обязательного подарка*** излишков продуктов. Военные столкновения, набеги, захват имущества и людей становятся способом перераспределения прибавочного продукта между общинами. Воины, особенно военачальники, содержатся за счет общинников. Более того, с появлением постоянных дружин их военачальники наделяются полной властью над общиной, члены которой лично зависят от них.

Таким образом, в процессе эволюции социальной структуры возникают определенные привилегированные прослойки племенной организации, которые присваивают большую часть прибавочного продукта, получают регулярные нетрудовые доходы, используя их для укрепления своей власти и увеличения богатства.

Для полной характеристики исторического типа производственных отношений эпохи племенного строя следует рассмотреть эволюцию общей экономической формы продуктов труда и производственных отношений, а также процессов отчуждения и присвоения прибавочного продукта.

В целом общественное производство племенного строя постепенно достигает равновесия в обмене между обществом и природой, с одной стороны, и между общинами и социумами, с другой. Поэтому необходимый продукт, как и ранее, составляет значительную (большую) часть результата социального производства, а доля прибавочного продукта возрастает во всех сферах производства.

При этом одна часть прибавочного продукта остается для внутренних нужд большой семьи: для расширенного воспроизводства собственного населения, усовершенствования хозяйственной деятельности, обеспечения возрастающих потребностей. На этой стадии становится престижным наличие украшений. Они являются показателем социального статуса, поэтому их изготовление нередко достигает значительных масштабов, стимулируя производство и обмен в общине.

Другая часть прибавочного продукта, которая отчуждается от общины (наверное, все-таки меньшая), приобретает *потребительско-стоимостную* форму. Она становится предвестником новых социальных отношений классового общества, в котором производство также подчинено еще обеспечению потребностей, то есть направлено на создание потребительских, а не меновых стоимостей [*Маркс*. Т. 46. С. 435, 463].

В целом, для племенного строя характерным является нарушение принципов первобытного равного распределения по труду и равенству, которые были характерны для родового общества.

Впервые четко прослеживается процесс отчуждения части продукта от производителя (общины, большой семьи) и присвоение этой части неродственными группами, иными общинами. Племенному строю присущ специфический ***исторический тип первобытно-коллективного отчуждения***. Основой социального производства продолжают оставаться коллективные формы собственности, но в сфере распределения первобытное равенство нарушается. Причина этого – дуализм основной социально-экономической ячейки – первобытной соседской общины, племенная структура, которая формирует привилегированную прослойку племенной и военной аристократии, регулярно присваивающей нетрудовые доходы. Особенностью данной стадии, на ее раннем этапе, является то, что *структурно* аристократия еще не отделилась от больших семей и даже общины. По этой причине прибавочный продукт нередко попадал не в руки одного индивида, а отходил к большой семье или общине. Таким образом, прибавочный продукт отчуждался от одного, часто большего, коллектива и нередко потреблялся другим, меньшим.

Отчуждение прибавочного продукта возникает на основе специфических форм личной зависимости и внеэкономического принуждения. Личная зависимость рядовых общинников от военачальников и дружин развивается по мере роста (достаточно быстрого) военных столкновений. Воины и их предводители – военачальники – не принимали участие в общественном производстве, жили за счет общины. Защищая общинников от внешней угрозы, они, таким образом, обеспечивали стабильность производственного процесса. С увеличением военных столкновений и переселений (особенно на втором этапе племенного строя),

когда захват новых земель обеспечивался в основном за счет удачных военных действий, военачальники, которые возглавляли эти действия, становятся верховными собственниками захваченных территорий, присваивая тем самым себе право распределения новых земель и угодий между общинами. Все это ставило рядовых общинников в зависимость от военачальников, присваивавших большую часть добычи и, кроме того, получавших от общины определенную часть произведенного ей продукта для себя и своих воинов.

Кроме того, развивается специфическая форма добровольно-принудительного отчуждения – в виде постоянных *обязательных даров продуктов труда общины* племенной аристократии. Эта традиция зародилась еще в родовом обществе, когда прибавочный продукт концентрировался и распределялся родовыми старейшинами среди членов рода. На новой стадии этот продукт сосредотачивается часто в руках племенной аристократии, а сама традиция становится исходным звеном внеэкономического принуждения.

Первобытно-коллективный тип отчуждения на определенном этапе социального развития в недрах племенного общества, основанного еще на коллективных формах производства и собственности, порождает значительную социальную прослойку племенной аристократии. Она получает регулярные нетрудовые доходы и имеет определенную власть над общинами, которые – с переходом к новой стадии развития – используются также для отчуждения в свою собственность земли и взимания дани с населения. В этом заключается основная особенность социальных отношений рассматриваемой формации.

Итак, противоречия племенной стадии концентрируются в основном в сфере распределения и потребления прибавочного продукта, что приводит к неравенству и разделению общества на два противоположных класса.

В развитии племенного строя можно выделить *два основных периода*, которые разграничиваются в начале второго великого разделения труда, не только в производственной сфере, но и во всей социальной жизни. Начинается этот процесс с выделения ремесла из сельского хозяйства. Сначала это происходит лишь в сложнейших отраслях (главным образом, в металлургии, а в ранних обществах юга – также в строительстве), которые превращаются в экономически самостоятельные производства. В них специализируются отдельные большие семьи и общины. Подобное разделение возникает и в социальной структуре. Война становится постоянным фактором, и военачальники выделяются из основной массы общинников. Война для них и их дружин становится постоянным промыслом [*Энгельс*. Т. 21. С. 159]. Именно на этом этапе племенная структура четко приобретает черты и функции, характерные для ранней государственной организации.

На этом же этапе выделяются и «служители культа» – шаманы, жрецы и т. п. Жреческие функции также захватываются отдельными индивидами. Вследствие этого формируется особенный класс, нередко обладающий немалой властью, в частности, в сельскохозяйственной и ремесленной сферах производства.

С началом второго великого общественного разделения труда происходит глобальная перестройка состава СИО, их переоформление в результате массовых переселений. Все народы мира, в какой-то мере переживают на этой стадии своего развития «эпоху великого переселения». Именно в таком аспекте, второе великое социальное разделение труда выступает решающим фактором перехода к новому обществу, когда родоплеменной строй, по словам Ф. Энгельса, «был разрушен разделением труда и его последствием\ – расколом общества на классы» [*Энгельс*. Т. 21. С. 163].

III. 1. 6. Завершающий этап эпохи племенного строя можно обозначить как «военную демократию». Это этап, когда «война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни» [*Энгельс*. Т. 21. С. 159].

Выход из кризисной ситуации родового общества, возникновение и расцвет новых форм хозяйствования и социальной организации племенного строя обусловили бурный рост народонаселения, которое можно охарактеризовать как ***второй демографический взрыв***. Нужно еще понять темпы и масштабы его развития. Вероятно, в начале эпохи расцвета племенного строя численность населения превышала предыдущую эпоху не менее чем в 8–10 раз. После значительных миграций, в период возникновения племенного строя, стабилизируются связи отдельных групп (общин) и возникают новые межгрупповые этнические общности – *«мегрэо»* – в виде больших отдельных племен, связанных тесными брачными и культурными связями, но организационно не оформленных в виде постоянных союзов племен. Этнические формирования той эпохи испытывают немалые изменения, но в целом прослеживается значительная этническая консолидация отдельных групп. В эпоху первобытности эта консолидация достигла вершины, в результате чего различия внутри одного народа стерлись практически полностью.

В начале этапа военной демократии кризисные тенденции – застой в развитии первых примитивных форм комплексного хозяйства (особенно тенденция отделения ремесла от сельского хозяйства, внедрение прогрессивных форм в основных отраслях) и противоречия племенной организации (тенденция выделения военачальников и дружины), а также перенаселение отдельных территорий, – вызвали миграции огромных масс населения.

Началась эпоха «великого переселения народов», а также повсеместного и неоднократного переоформления союзов и конфедераций племен, на базе которых возникали новые народы. Основой их создания были общая собственность на землю, которую, как правило, нужно было завоевать, и общее войско (ополчение). В таких этно-локальных и социально-политических образованиях, как правило, существовали «высшие» и «низшие» племена и родовые группы. Вместе с установлением системы господства и покорения населения завоеванных земель это создавало предпосылки для формирования государства и классовых отношений. Этим и завершается процесс исторического развития первобытнообщинной «суперформации».

Литература

Андреев Н. Д. Раннеиндоевропейский праязык. – Л.: Наука, 1986. – 330 с.

Генинг В. Ф. Объект и предмет науки в археологии. – Киев: Изд-во «Наукова думка», 1983. – 224 с.

Ершов Ю. Г. Маркс о периодизации всемирной истории // Историческое знание и современность. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1987. – С. 65–75.

Илюшечкин В. П. Проблема формационной характеристики сословно-классовых обществ (научная разработка). – М.: Наука, 1986а. – 100 с.

Илюшечкин В. П. Сословно-классовое общество в истории Кита. – М.: Наука, 1986б. – 397 с.

Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: целостность, единство и многообразие, формационные ступени / Ред. кол.: Ф. В. Константинов, Ю. К. Плетников. – М.: Наука, 1983. – 535 с.

Теория общественно-экономической формации / Под ред. В. В. Денисова. – М.: Наука, 1982. – 357 с.

Черных Е. Н. Горное дело и металлургия древнейшей Болгарии. – София: Изд-во БАН, 1978. – 387 с.

Енгельс Ф. Походження сім і, приватноі властності і держіви // Маркс К., Енгельс Ф. – Твори. – Киев: Изд-во «Політвидав Украіни», 1965. – Т. 21. – С. 23–171.

Маркс К. Німецька ідеологія // Маркс К., Енгельс Ф. – Твори. – Киев: Изд-во «Політвидав Украіни», 1965 – Т. 3. – С. 7–521.

Маркс К. Злидненність філософіі // Маркс К., Енгельс Ф. – Твори. – Киев: Изд-во «Політвидав Украіни», 1965. – Т. 4. – С. 162–172.

Маркс К. До критики політичноі економиіі // Маркс К., Енгельс Ф. – Твори. – Киев: Изд-во «Політвидав Украіни», 1965. – Т. 13. – С. 1–162.

Маркс К. Начерк відповіді на лист В. І. Засулич. Другий начерк // Маркс К., Енгельс Ф. – Твори. – Киев: Изд-во «Політвидав Украіни», 1965. – Т. 19.

Маркс К. Критика політичноі економиіі // Маркс К., Енгельс Ф. – Твори. – Киев: Изд-во «Політвидав Украіни», 1965.

Маркс К. Економическій рукопис 1981–1863 років // Маркс К., Енгельс Ф. – Твори. – Киев: Изд-во «Політвидав Украіни», 1965. – Т. 47. – С. 3–466.

Рис. 1. Структура первобытной трудовой деятельности (схема): А – общая схема; Б – ступени развития технологии трудовой деятельности. *По В. Ф. Генингу*

С. П. Пачкова
г. Киев
ИА АН Украины

ВСПОМИНАЯ ВЛАДИМИРА ФЕДОРОВИЧА ГЕНИНГА…

Владимир Федорович Генинг появился в Институте археологии АН Украины в 1974 г., когда Институт занимал первый и второй этажи академического здания по ул. Кирова (ныне ул. Михаила Грушевского). Высокий и красивый, он ходил по длинному коридору второго этажа и доброжелательно всем улыбался, охотно заговаривал с сотрудниками Института, при этом оказывалось, что он знает, какими научными интересами живет каждый из них.

Несколько позже, когда Институт был переселен на территорию Выдубицкого монастыря, я часто видела из окошечка «моей кельи», как в хорошую погоду по монастырским аллеям Владимир Федорович гулял с кем-нибудь из сотрудников, обсуждая их научные и не только научные проблемы, предлагая нестандартные решения тех и других.

В памяти многих сотрудников времени «монастырской жизни» тех лет остался научный семинар, организованный Владимиром Федоровичем. На нем поднимались вечно животрепещущие для археологов вопросы, что такое «археологическая культура», как она формируется, чем отличается от соседних культур, как соотносится между собой этнос и культура и многие другие. В небольшой зал «самого большого» монастырского помещения набивалось более сотни человек, чтобы послушать о раскопках уральских археологов, работу которых в свое время возглавлял В. Ф. Генинг, или обсудить разработки украинских исследователей, которые Владимир Федорович пытался направить в новое русло, или просто обменяться мнениями.

Со временем, в 1979 г. В. Ф. Генингу удалось создать в Институте отдел теории и методики археологических исследований. Большое внимание в отделе уделялось разработке методов анализа массовых археологических материалов, к которым относятся, прежде всего, такие категории, как керамика, погребальный обряд, украшения.

Эти проблемы живо интересовали сотрудников других научных подразделений Института. Благодаря многолетним предвоенным и послевоенным раскопкам, в Институте были сформированы фонды различных категорий многотысячных артефактов. Их организации и систематизации, учету и условиям хранения Владимир Федорович отдал немало времени и сил. Время требовало иных, кроме описательных, подходов к их анализу. Поэтому наработки В. Ф. Генинга по методике анализа массовых археологических материалов, с которыми он приехал в Киев, нашли здесь благодатную почву.

В то время Институт издавал ежеквартальник «Археологія». Однако в нем объем статьи или публикации (включая 2–3 иллюстрации) был ограничен одним печатным листом. И в ежеквартальнике, и даже в научных сборниках, посвященных одной культуре, археологический материал обычно преподносили выборочно, четких фотографий было мало, а рисунки зачастую заменялись простыми схемами. Читателю было трудно составить объективное представление о предмете публикации, тем более что авторы отдавали предпочтение более подробному текстовому изложению своих интерпретаций и выводов. В связи с тем, что доказательная база была недостаточной или вовсе отсутствовала, зарубежные коллеги справедливо сетовали, что по таким статьям и публикациям трудно проверить правильность, сделанных выводов, или же, наоборот, их опровергнуть. Собственно, подобное положение господствовало в археологической науке всей страны. Поэтому появление в Институте В. Ф. Генинга, заинтересованного и пытавшегося заинтересовать других исследователей идеями тщательного обмера и количественной фиксации археологического материала, основанного на однозначных критериях с применением табличных форм, способствовавших большей объективности и доказательности выводов, вызвало среди сотрудников Института своего рода «шквал эмоций», причем, нередко далекий от положительной направленности.

В это время я находилась в своего рода творческом кризисе. Был длительный период сомнений в доказательных возможностях археологических материалов в том виде, в котором они использовались в печатных работах исследователей. Поэтому новации В. Ф. Генинга мне показались заслуживающими внимания. Вместе с В. А. Петрашенко мы обработали и опубликовали керамику древнерусского городища Гринчук, раскопанного нами в среднем течении р. Днестр, по методике В. Ф. Генинга [*1973*]. Это позволило сделать более широкие и достоверные выводы о характере памятника [*Пачкова, Петрашенко, 1983*].

В дальнейшей своей работе В. А. Петрашенко с успехом применяла методику обработки и анализа керамического материала славянских культур и древнерусского времени Поднепровья по В. Ф. Генингу [*Петрашенко, 1992*].

Мои основные научные интересы были сосредоточены на проблемах «латенизированных» культур Средней и Юго-Восточной Европы. На территории Украины материалы этого круга представлены памятниками пшеворской, зарубинецкой и поенешти-лукашевской культур. Последним двум из них я посвятила долгие годы своей трудовой деятельности в Институте археологии АН Украины. Обе культуры благодатны для исследователей в том плане, что их материалы насчитывали тысячи погребений, тысячи целых сосудов и сотни фибул. Немалый материал был получен и на поселениях этих культур. Но широко распространенное описание их было далеко не идеальным. Исключение составляли фибулы, хорошую типологию которых в 1959 г. предложил А. К. Амброз [*1979*]. Интерпретация исторической роли населения в развитии Восточной Европы рубежа н. э., оставившего эти памятники, была, мягко говоря, не совсем убедительной. В отношении вопросов происхождения, хронологии и этнической атрибуции этих культур и населения, их оставивших, высказывались противоположные мнения без приведения достаточных доказательств. Впрочем, подобными погрешностями страдали и исследования других древностей. Со времени открытия памятников этих культур были высказаны две основные и противоречащие одна другой точки зрения: эти культуры являются автохтонными и эти культуры – пришлые. При этом, сторонники миграционной теории рассматривали зарубинецкую культуру как полностью чужеродное явление в Поднепровье, а поенешти-лукашевскую как пришлую в Днестро-Карпатском регионе. Обе они, по представлениям этих исследователей, появились в результате переноса культур в готовом виде выходцами из провинциальных областей ясторфской культуры или Висло-Одерского региона. Вторая точка зрения базировалась на том, что зарубинецкая культура оставлена местным славянским населением – потомками культур поздней бронзы и раннего железного века Поднепровья, а поенешти-лукашевская – наследниками гетов. Сторонники каждой гипотезы при отсутствии достаточной доказательной базы гипертрофировали значимость своих постулатов и полностью не замечали или не придавали значения аргументам своих оппонентов. Так, «миграционисты» не могли указать территории формирования этих культур ни в одном из ясторфских ареалов, но и «автохтонисты» не могли показать генезис местных культур от конца эпохи бронзы до рубежа нашей эры и создания единой культуры – зарубинецкой, так же как и поенешти-лукашевской. Однако «автохтонисты» теоретически как бы и не отрицали участия пришлых, как и «миграционисты» – местных элементов в создании этих культур, но умаляли или просто пренебрегали в первом случае – вкладом пришлых культур, во втором – вкладом культур местного населения.

Владимир Федорович горячо доказывал, что детальный анализ археологического материала с применением статистических методов поможет усилить доказательную базу позиций исследователя, тем более для тех культур, в которых накоплен статистически значимый материал отдельных категорий артефактов. Так с его подачи, я приступила к обработке керамики зарубинецкой культуры по методике, им уже разработанной и опубликованной. Работа была кропотливой, продвигалась медленно, поскольку в обработке находилось много материала, а компьютеров еще не было. Но подогревало любопытство, что же из этого может получиться? Первые результаты, нужно сказать, сильно меня разочаровали. Но Владимир Федорович призывал не унывать, не бросать начатое дело, а искать новые подходы, ставить задачи в иной плоскости, обрабатывать другие категории материалов, сравнивать выводы. Его моральная поддержка имела для меня громадное значение.

Постепенно мне удалось несколько изменить методику обработки глиняной посуды, в частности, границы группировок метрических признаков, и добавить подробное описание морфологических признаков. В основу выделения типологических разрядов одного уровня были заложены одинаковые признаки, в типологии стало применяться сочетание метрических и морфологических признаков. Я убедилась, что для выделения типологического своеобразия большое значение имеет также количественная характеристика и, прежде всего, количественное распределение того или другого явления в различных памятниках одной культуры или в сравниваемых культурах. В связи с этим я стала широко использовать метод тенденции распределения того или иного артефакта или его разряда. Первые результаты применения этой методики нашли отражение в разработке проблемы о соотношении поморско-клешевой и зарубинецкой археологических культур по керамическим материалам [*Пачкова, 1992*; *1995*].

Методика, основанная на тщательном и скрупулезном анализе и систематизации археологических артефактов, таких как керамика, погребальный обряд и фибулы, на сравнительном анализе каждого из них по единой схеме, причем происходящих не только из различных памятников одной культуры, но и синхронных культур, дала, как мне кажется, хорошие научные результаты, что нашло отражение в моих работах [*Пачкова, 1999а*; *1999б*; *2006*].

На творческом пути в археологии меня поддерживали и мне помогали другие талантливые ученые – В. Й. Довженок, В. И. Бидзиля, Е. В. Максимов, В. Д. Баран, Д. Н. Козак и др. Однако Владимир Федорович дал мне путеводную нить, следуя которой, я смогла найти более объективные методы анализа археологического материала. Это позволило по-новому взглянуть на характер «латенизированных» культур

населения Поднепровья и Карпато-Днестровского региона, а также более точно и доказательно определить их роль в истории Юго-Восточной Европы рубежа н. э.

Хочется подчеркнуть, что я ценю Владимира Федоровича Генинга как своего наставника и учителя, благодарна ему и отношусь к его имени с глубоким уважением. Светлая ему память!

Литература

Амброз А. К. Фибулы зарубинецкой культуры // МИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1979. – № 70. – С. 184–190.
Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. М.: Наука, 1973. – № 1. – С. 114–136.
Пачкова С. П. О соотношении поморско-клешевой и зарубинецкой археологических культур по керамическим матеріалам // Ziemie polskie we wchesnej epoce żelaza i ich powiąsania z innymi terenami. – Rzeszów, 1992. – S. 266–287.
Пачкова С. П. Зарубинецька та поморська культури: (порівняльний аналіз керамічних комплексів) // Археологія: Видавник ІА НАН України. – Київ: НАН України, 1995. – № 3. – С. 33–47.
Пачкова С. П. Участь місцевого компонента у формуванні зарубинецької культури // Археологія: Видавник ІА НАН України. – Київ: НАН України, 1999а. – № 2. – С. 6–25.
Пачкова С. П. Участь прийшлого компоненту у формуванні зарубинецької культури // Археологія: Видавник ІА НАН України. – Київ: НАН України, 1999б. – № 4. – С. 24–41.
Пачкова С. П. Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы. Киев. – 2006. – 372 с.
Пачкова С. П. Могильник зарубинецької культури Вишеньки біля Києва. – Видавник ІА НАН України. – Київ: НАН України, 2008. – 167 с.
Пачкова С. П., Петрашенко В. А. Вивчення керамики давньоруського городища біля с. Гринчук // Археологія: Видавник ІА НАН України. – Київ: Наукова думка. 1983. – Вип. 39. – С. 51–63.
Петрашенко В. О. Слов'янська кераміка VIII–IX ст. правобережжя Середнього Подніпров'я. – Видавник ІА НАН України. – Київ: НАН України, 1992. – 167 с.

Иштван Фодор
г. Будапешт
Венгерский Национальный музей

В. Ф. ГЕНИНГ И ВЕНГЕРСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Весьма объемное и многостороннее научное наследие Владимира Федоровича Генинга содержит ряд таких разделов, которые еще не были освещены в литературе о жизни и научном творчестве выдающегося российского ученого, создателя уникальной региональной научной школы в археологии [*Мельникова, 2003*]. Одной из таких деталей мы можем считать связи ученого с венгерской археологией и венгерскими археологами. Хотя В. Ф. Генинг относительно мало контактировал с представителями зарубежной археологии, знание немецкого языка позволило ему получить не только поверхностное представление, но и углубленное знание по некоторым аспектам венгерской археологии. Известно, что до конца XX в. немецкий язык играл ведущую роль в венгерской археологической литературе среди иностранных языков. Достаточно напомнить, что основополагающие работы по раннесредневековой археологии Венгрии были опубликованы на немецком или параллельно – на немецком и венгерском – языках. В качестве примера приведу работы Й. Гампеля, Н. Феттиха и М. Пардуца [*Hampel, 1905*; *Fettich, 1937*; *Párducz, 1941*; *1944*; *1950*].

В возникновении интереса к венгерской археологии у В. Ф. Генинга большую роль, вероятно, сыграло его знакомство с венгерским аспирантом ЛГУ, а ныне известным венгерским ученым, Иштваном Эрдели. Последний учился в 1955–1959 гг. в аспирантуре под руководством М. И. Артамонова и защитил диссертацию по российским аналогиям археологического материала древних венгров X в. [*Эрдейи, 1959*]. Владимир Федорович прочитал его диссертацию, в которой была изложена концепция видного венгерского археолога Дьёрдя Ласло (1910–1998 гг.), профессора Коложварского (ныне – Клужского), а затем – Будапештского университетов. Все это отражено в книге В. Ф. Генинга «Древнеудмуртский могильник Мыдлань-шай». В данном некрополе автор обнаружил материалы, аналогичные находкам из некоторых древневенгерских могильников X в.

При реконструкции древневенгерских семей Д. Ласло предполагал, что в раннем периоде у венгров была распространена исключительно форма больших патриархальных семей. Эту теорию он доказывал планом погребений небольшого могильника в с. Тосабездед. Погребения в нем располагались в один ряд, в середине которого был захоронен глава семьи (самое богатое мужское погребение), слева от него находились мужские погребения, а справа – женские [*László 1944*. P. 128–134, 161–225]. В Мыдлань-шае мужские и женские могилы были также отделены друг от друга, но здесь они образовали отдельные ряды, что отражало такую же социальную (семейную) форму. При анализе могильника В. Ф. Генинг ссылался не только на указанные работы венгерских авторов, но также на статьи Д. Ласло и И. Диенеша [*Генинг, 1962*. С. 94–103].[1]

Сотрудничество И. Эрдели и В. Ф. Генинга не прекратилось и после возвращения первого на родину. Они вместе с Э. Ойтози решили опубликовать раскопанный еще в 1926–1927 гг. А. В. Шмидтом Неволинский могильник, который тогда еще причисляли к поздней стадии ломоватовской культуры. О подготовке монографии двое соавторов сообщили на Первом Международном конгрессе в Будапеште в 1960 г. [*Эрдели, Ойтози, 1963*]. В свою очередь, В. Ф. Генинг в 1965 г. опубликовал статью в археологическом журнале Венгерской Академии наук о месте памятников неволинского типа в истории уральских народов [*Генинг, 1965*]. В ней он, правда, весьма осторожно, первым высказал целесообразность выделения неволинских памятников в отдельную культуру.

Монографическая публикация Неволинского могильника увидела свет в 1969 г. в издании Венгерской Академии наук, в серии «Archaeologia Hungarica» [*Erdélyi, Ojtozi, Gening, 1969*], выходившей до этого в издании Венгерского Национального музея на двух языках[2]. В книге перу Владимира Федоровича принадлежит глава IV и публикация восемнадцати погребений, открытых О. Н. Бадером в 1950 г. В их раскопках принимал участие и Володя Генинг, тогдашний студент О. Н. Бадера. Выход книги вызвал интерес западноевропейских археологов и советских исследователей средневековья Восточной Европы. Об этом свидетельствует большое количество написанных на нее положительных рецензий [см.: *Jakabffy, 1981*. P. 309–310; *Аброз, 1973*]. В самой Венгрии было немало откликов, и они были в основном также положительными, за исключением этнического определения населения могильника, о котором в книге почти ничего не говорилось. Были лишь намеки, по которым можно было определить склонность авторов приписать могильник предкам народа *коми*. Наиболее основательные рецензенты не одобряли это предположение

[1] Надо отметить, что в 1950 г. отчасти и сам Д. Ласло отказался от своего мнения об исключительной роли больших патриархальных семей в древневенгерском обществе. В настоящее время уже неоспоримо, что в тот период венгерское общество представляло собой сложный и многообразный организм, в котором существовали как большие, так и малые семьи.

[2] Академия в то время издавала статьи только на иностранных языках.

и – в осторожной форме – поддерживали высказанную еще А. В. Шмидтом принадлежность данного населения предкам обских угров [*Bakay, 1970*; *Fodor, 1971*; *1973a*, P. 66–69].

Необходимо отметить, что этническая принадлежность неволинского населения в это время была актуальна в венгерской археологии. Дело в том, что Д. Ласло в это время выступил теорией о так называемом «двукратном обретении Родины». Суть этой теории, высказанной еще в конце XIX в. другим венгерским археологом – Г. Надем (Nagy G.), заключается в том, что часть венгров появилась в Карпатской котловине уже в конце VII в. под этнонимом *«авары»*. По представлению Д. Ласло, эта «вторая волна авар» состояла из населения, этническая консолидация которого происходила в Центральной Азии и Прикамье. Мужчины-воины этого населения носили на поясном ремне литые бронзовые накладки, украшенные так называемыми *«грифоно-лозовым»* орнаментом, отчасти напоминающие поясные накладки из неволинского могильника [*László, 1970*][3].

В эти годы В. Ф. Генинг установил тесные связи с венгерскими археологами: Д. Ласло, И. Диенешом, Ч. Балинтом и автором этих строк. Мы постоянно обменивались литературой, так как в то время книги и журналы были еще дешевыми, а почта надежной. Мы регулярно получали выпуски «ВАУ» (г. Свердловск), а также научные издания из Казани, Ижевска и Перми. У нас, в Венгрии, выходили рецензии на эти книги, в том числе – на работы Владимира Федоровича Генинга [см.: *Fodor, 1973б*]. Особенно стала у нас популярной книга В. Ф. Генинга «Археологические памятники Удмуртии» [*1958*]. И. Диенеш ссылался на нее и еще на одну статью В. Ф. Генинга по поводу женских накосных украшений пьяноборского времени Прикамья [*Dienes, 1969*. P. 117; *Генинг, 1958*. С. 68–71]. Д. Ласло в своей книге опубликовал карту В. Ф. Генинга об археологических культурах Прикамья эпохи железа [*László, 1961*. P. 187; *Генинг, 1958*. Рис. 29].

Имя Владимира Федоровича Генинга стало особенно широко известно в Венгрии после того, как он вместе с А. Х. Халиковым был опубликован Больше-Тарханский могильник волжских болгар [*Генинг, Халиков, 1964*]. Как известно, в венгерском языке имеется около 250 древних заимствований из тюркского языка чувашского типа, связанных с земледелием, скотоводством и культурой. Следы такого языка сохранились в надписях надгробий, обнаруженных на территории Волжской Болгарии (Булгарии). Между тем, до открытия этого могильника не было точной хронологической привязки появления болгар на Средней Волге. Кроме этого, очень важным было и то, что в археологическом материале ранних волжских болгар (булгар), особенно в Танкеевском могильнике, было выявлено немало аналогий вещам древних венгров из Карпатской котловины [*Фодор, 2009*]. Новые открытия и наблюдения археологов в Волго-Камье совпали с данными письменных источников и языкознания о древней истории венгров, об их контактах с волжскими болгарами и пребывании их в Магна Хунгарии (*Magna Hungaria*) – Великой Венгрии.

В. Ф. Генинг, в качестве одного из авторов, принял участие в написании советско-венгерского археологического сборника. В большой и содержательной статье он дал критический обзор этнического содержания археологических культур III–VII вв. Приуралья [*Генинг, 1972*]. В это время автор уже имел серьезный опыт в исследовании истории древних этнических процессов. Достаточно упомянуть его книгу о теоретических принципах выделения этносов древности [*Генинг, 1970*] и статью о прародине уральских народов [*Генинг, 1967*]. Поэтому было закономерным, что он включился в работу международных конгрессов финно-угроведов, где, как правило, рассматривались вопросы этнической истории с точки зрения разных наук.

В 1975 г. он приехал в Будапешт на IV конгресс финно-угроведов в составе советской делегации. Это дало ему возможность ближе познакомиться с венгерскими коллегами, а также с археологическими источниками в собраниях музеев. Ученый был избран председателем секции «Обретение венграми Родины и его предпосылки», пленарный доклад которой был прочитан профессором Д. Ласло [*László, 1975*. P. 195–208]. К сожалению, докладчик всячески старался доказать свою гипотезу о «двукратном обретении Родины» венграми и не представил объективную картину о новых результатах исследований древневенгерского археологического материала X в. Он старался внушить свое мнение о том, что у венгров в X–XI вв. существовали две культуры: «простого народа», который поселился в Карпатской котловине еще в аварское время, и верхушки общества, которая во главе с Арпадом в конце IX в. завоевала эту территорию и взяла власть в свои руки. При этом Д. Ласло обошел молчанием исследования венгерских археологов 1950-х гг., которыми (главным образом, Б. Соке) было доказано, что культура венгерской аристократии и простого населения имеет одни корни. Разница в погребальном обряде этих двух групп населения восходит к устаревшим теориям венгерских археологов конца XIX в.

В. Ф. Генинг в своем выступлении в качестве председателя секции не касался этих фундаментальных проблем, причем, на мой взгляд, возможно, только из вежливости. Он лишь подчеркнул важность комплексного подхода при исследовании этнических процессов древних венгров [*Генинг, 1980а*. С. 196–197]. На том же конгрессе Е. А. Халикова представила участникам материалы Больше-Тиганского могильника,

[3] Данная теория к настоящему времени потеряла свое научное значение, однако все еще сохранила свою популярность в самых различных кругах многочисленных дилетантов.

открытого в 1974 г. недалеко от древнего болгарского города Биляра. С этнической точки зрения, она определила этот памятник как древневенгерский. Население, оставившее этот некрополь, в конце IX в. ушло на запад и затем поселилось в Карпатской котловине. Кроме того, Елена Александровна высказала гипотезу о том, что все памятники Камско-Бельского региона с керамикой кушнаренковского тина представляют собой культуру древневенгерского населения Магна Хунгарии [*Халикова, 1980*].

Свое выступление В. Ф. Генинг посвятил двум аспектам, первым из которых был анализ гипотезы Е. А. Халиковой. По его мнению, ни по погребальному обряду, ни по керамике, кушнаренковские и древневенгерские могильники X в. не являются идентичными. «Из всего сказанного – пишет он – следует, что сравнительный анализ кушнаренковских и венгерских могильников не позволяет установить между ними генетическую связь...» [*Генинг, 1980б*. С. 234].[4] В. Ф. Генинг считал, что кушнаренковская керамика является более типичной для Обь-Иртышья, где она была связана с самодийским населением [*Там же*]. Второй аспект касался проблемы происхождения «мадьяр Арпада» [*Там же*. С. 235–236]. Мы не будем излагать его соображения, так как его информация была основана на книге Д. Ласло 1944 г., где предполагались малые могильники с богатым инвентарем, оставленные этносом, отделенным от всего остального народа. Дело в том, что это представление даже в 1975 г. было уже анахронизмом. В заключительном слове В. Ф. Генинг отметил, что дискуссии по разным проблемам финно-угроведения были весьма полезными, и надо бы посвятить отдельные международные конференции именно древневенгерской проблематике.

Из секционных выступлений В. Ф. Генинг отреагировал на две проблемы. Первая: вопрос о сейминско-турбинской бронзовой металлургии. Он обратил внимание на открытие в эти годы на Южном Урале Синташтинского могильника, население которого он считал тогда выходцами из Балканского региона. Далее он предположил, что высокое мастерство металлообработки сейминско-турбинские группы унаследовали от западных мигрантов, то есть от синташтинцев [*Генинг, 1983*. С. 125–126]. Во-вторых, ученый сделал замечания по докладу П. Ваци. Этот исследователь пришел к выводу, что «прародина» древних венгров, согласно письменным источникам, располагалась приблизительно на территории современной Башкирии. Именно здесь этот народ до 840 г. распался на три части: венгров Арпада, башкир и *савардов (савартов)*, которые, по сообщению Константина Багрянородного, ушли в Закавказье [*Váczy, 1983*]. В. Ф. Генинг к этому добавил, что «народ Арпада» проживал где-то между Уралом и Каспием, а этноним *маджар* происходит от названия Мугоджарских гор [*Генинг, 1983*. С. 127].[5]

После конгресса В. Ф. Генинг написал содержательную информацию о работе данной секции. Он подробно изложил точку зрения Д. Ласло и его оппонентов, а также высказал свое мнение о проблеме Магна Хунгарии [*Генинг, 1977*]. По последней проблеме и теории Е. А. Халиковой им была опубликована статья на венгерском языке, в которой он, в сущности, повторил свои критические замечания, прозвучавшие в дискуссии на конгрессе [*Gening, 1978*].[6]

Владимир Федорович Генинг стал популярным исследователем среди венгерских археологов. Как заместитель директора Института археологии АН УССР, он поддерживал сотрудничество венгерских и украинских археологов, равно как их обмен научной информацией. В знак уважения Венгерское археологическое и искусствоведческое общество в 1977 г. избрало его своим почетным членом.

В последние годы своей научной деятельности В. Ф. Генинг написал несколько работ об археологических памятниках Венгрии. Его обзорная статья об археологическом материале сарматских племен в Восточной Венгрии I–IV вв. была опубликована уже после его смерти – в украинско-венгерском сборнике [*Генинг, 1996*]. Им были написаны также обзорные очерки о материальной культуре гепидов и лангобардов в Венгрии. Копию этих очерков он отдал мне, чтобы вместе написать эту работу. Гепиды и лангобарды привлекли его внимание тем, что они производили керамику с фигурно-штампованным орнаментом, которая, по его мнению, была очень близка керамике с таким же декором западносибирских самодийцев. В одной

[4] В. Ф. Генингу тогда еще не было известно, что керамики кушнаренковского типа в древневенгерских могильниках вообще нет. При этом, несмотря на то, что Е. А. Халикова указала на наличие таких сосудов из с. Добоз в коллекции Венгерского Национального музея [Халикова, 1978. С. 298]. Вместе с тем, эти сосуды были найдены на поселении бронзового века.

[5] Хорошо известно, что в арабских источниках встречается этноним венгров в форме *маджар* потому, что в тюркских, персидских и арабском языках нет звука *«д»*. Правда, сейчас в казахском языке этот звук имеется, но он возник под влиянием русского языка.

[6] Автор этих строк также выразил свое мнение в ходе дискуссии об исторической и этнической оценке Больше-Тиганского могильника и кушнаренковской культуры. Я считал, что *«тиганцы»* не переселились в Карпатскую котловину в конце IX в. Дело в том, что, по письменным источникам, венгры провели долгое время на территории Хазарии (Нижнее Поволжье), где у них – под влиянием хазар – возникло государство «хазарского типа» [*Фодор, 1980*; *Fodor, 1985*. P. 194–199]. Сейчас уже ясно, что в Больше-Тиганском некрополе люди хоронились и в X в. В частности, в одном из его погребений найдена арабская монета начала X в. Несмотря на это, большинство археологов до сих пор приписывает Больше-Тиганский могильник восточным венграм, потомков которых в 1236 г. нашел монах Юлиан [*Плетнева, 2003*. С. 10; *Фодор, 2010*]. Самая полная публикация Больше-Тиганского могильника издана Е. А. и А. Х. Халиковыми: [*Chalikova, Chalikov, 1981*].

из статей, говоря о распространении самодийской штампованной керамики, ученый сформулировал свое мнение следующим образом: «...Наиболее западными пунктами их распространения являются памятники гепидов и лангобардов Венгерской низменности и Северной Италии, куда они попали в составе гуннской орды. Во всяком случае, сосуды грушевидной формы с фигурно-штампованными, преимущественно ромбическим, орнаментом, не имеют истоков в Европе, но чрезвычайно близки к прииртышским, особенно типа Бобровского могильника» [*Генинг, Зданович, 1987*. С. 132].

К сожалению, эту концепцию надо было бы серьезно обдумать и изменить, так как керамика этих германских племен имеет европейские корни, а лангобардов, которые жили в Задунавье, еще не было на территории Венгрии во время гуннского нашествия (конец IV – первая половина V в.). Кроме этого, у германцев был совсем иной погребальный обряд и вообще другая материальная культура, чем у самодийцев Сибири [см.: *Bóna, 1976*; *Visy, Nagy, 2003*. P. 293–401]. Эта была главная причина, почему мы с В. Ф. Генингом так и не смогли завершить эту работу.

Все венгерские друзья и знакомые В. Ф. Генинга в свое время получили информацию о его болезни и с большой печалью узнали, что в 1993 г. ученого не стало. В центральном органе венгерской археологии был опубликован некролог о Владимире Федоровиче, в котором было высоко оценено научное наследие Генинга и особо выделено то, что ученый немало сделал и для европейской науки, в том числе для венгерской [*Fodor, 1994*; *1995*].

Литература

Амброз А. К. Рец. на кн.: I. Erdélyi, E. Ojtozi, W. F. Gening. Das Gräberfeld von Newolino. Budapest: Akadémiae Kiadó, 1969, 93 стр., 26 рис. в тексте, 101 табл., 1 карта, 2 плана // СА. – М.: Наука, 1973. – № 2. – С. 88–98.

Генинг В. Ф. Археологические памятники Удмуртии. – Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 1958. – 192 с.

Генинг В. Ф. Мыдлань-шай – удмуртский могильник V–IX вв. // ВАУ. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1962. – Вып. 3. – С. 7–111, 16 л. ил.

Генинг В. Ф. Памятники неволинского типа и их место в истории уральского населения // Acta Archaeologica Hung. – Budapest, 1965. – XVII. – Fos. 1–4. – P. 335–342.

Генинг В. Ф. К вопросу о происхождении уральской этнической (языковой) общности // Вопросы финно-угорского языкознания. – Ижевск: Изд-во «Умуртия», 1967. – Вып. IV. – С. 262–270.

Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности: Учеб. пос. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1970. – 128 с.

Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху (ВАУ. – Вып. 11). – Ижевск; Свердловск: Изд-во УрГУ, 1970. – Ч. II: Археологические памятники чегандинской культуры (III в. до н. э. – II в. н. э.). – 224 с., табл. I–XXX (Приложение).

Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху (ВАУ. – Вып. 10). – Ижевск; Свердловск: Изд-во УрГУ, 1971. – Ч. I: Чегандинская культура (III в. до н. э. – II в. н. э.). – – 160 с., табл. I–XXX (Приложение).

Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров: Сб. статей советских и венгерских археологов. – М.: Наука, 1972. – С. 262–295.

Генинг В. Ф. Проблема происхождения венгров // СА – М.: Изд-во АН СССР, 1977. – № 1. – С. 317–321.

Генинг В. Ф. Die Ungarische Landnahme und Ihre Vorrereignisse (Вступительное и заключительное слово председателя секции) // Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1980а. – Pars II. – P. 196–197, 237–238.

Генинг В. Ф. Die Ungarische Landnahme und Ihre Vorrereignisse (Выступление по докладу Е. А. Халиковой) // Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1980б. – P. 232–236.

Генинг В. Ф. (Выступления по докладам) // Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum. Budapest: Изд. «Акадэмиаи Киадё», 1983. – Pars V. – P. 125–127.

Генинг В. Ф. Сарматская эпоха в Алфельде (Среднее Подунавье в I–IV вв.) // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. – Киев: Изд-во «Наукова думка», 1996. – С. 4–43.

Генинг В. Ф., *Зданович С. Я.* Лихачевский могильник на р. Ишим – памятник потчевашской культуры VI–VIII вв. н. э. // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-во Башкирского ун-та, 1987. – С. 119–133.

Генинг В. Ф., *Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). – М.: Наука, 1964. – 200 с.

Мельникова О. М. Свердловская научная археологическая школа В. Ф. Генинга (1960–1974) (Материалы и исследования КВАЭ. – Т. 9). – Ижевск: Изд-во УдГУ, 2003. – 193 с.

Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века): Учеб. пос. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003. – 248 с.

Фодор И. К вопросу об этнической интерпретации Большетиганского могильника // Congressus Quartus Internatiomalis Fenno-Ugristarum. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1980. – Pars II. – P. 228–232.

Фодор И. Аналогии в археологическом материале древних венгров и волжских болгар и их историческое значение // Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы. – Казань: Изд-во «Школа», 2009. – С. 126–131.

Фодор И. Еще раз о путешествии Юлиана на Среднюю Волгу // УАВ. – Уфа: Изд-во «Гилем», 2010. – Вып. 10. – С. 138–140.

Халикова Е. А. Еще раз о проблеме происхождения венгров (в связи с дискуссией на IV Международном конгрессе финно-угроведов) // СА – М.: Изд-во АН СССР, 1978. № 4. – С. 294–298.

Халикова Е. А. Следы древневенгерской культуры в Восточной Европе // Congressus Quartus Internatuonalis Fenno-Ugristarum. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1980. – Pars II. – P. 220–221.

Эрдейи И. Венгры в Лебеди: Материальная культура венгров IX–X вв.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Л., 1959. – 14 с.

Эрдели И., Ойтози Э. Неволинский могильник ломоватовской культуры // Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum. – Budapest, 1963. – P. 428–431.

Bakay K. Рец. на кн.: Erdélyi – Ojtozi – Gening, 1969 // Acta Archaeologica Hungarica. – Budapest, 1970. – № 22. – P. 449–451.

Bóna I. The Dawn of the Dark Ages: The Gepids and the Langobards in the Carpathian Basin. – Budapest: Corvina, 1976.

Chalikova E. A., Chalikov A. H. Altungarn an der Kama und im Ural: Das Gräberfeld von Bolschie Tigani (Régészeti Füzetek. – Ser. II. – № 21). – Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1981.

Dienes I. Заметки к рукописи Н. Феттиха о погребении в Земплине // ArchÉrt. – Budapest, 1969. – № 96. – P. 116–122.

Erdélyi I., Ojtozi E., Gening, W. F. Das Gräberfeld von Newolino (Archaeologia Hungarica. – XLVI). – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1969. – 93 p.

Fettich N. A honfoglaló magyarság fémművessége: Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn. (Archaeologia Hungarica. – XXI). – Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1937.

Fodor I. Рец.: Erdélyi, Ojtozi, Gening, 1969 // ArchÉrt. – Budapest, 1971. – № 98. – P. 290–293.

Fodor I. Рец.: Генинг В. Ф., 1970–1971 // ArchÉrt. – Budapest, 1973а. – № 100. – P. 288–289.

Fodor I. Vázlatok a finnugor őstörténet régészetéből: Skizzen aus der Archäologie der Finnisch-Ugrischen Urgeschichte (Régészeti Füzetek. – Ser. II. – № 15). – Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1973б.

Fodor I. Archaeology on the Fourth and Fifth Congress of Finno-Ugrists // Acta Archaeologica Hungarica. – Budapest, 1985. – № 37. – P. 191–205.

Fodor I. Vladimir Fjodorovics Gening (1924–1993) // ArchÉrt. – Budapest:, 1994–1995. – № 121–122. – P. 199–201.

Gening V. F. Magna Hungaria és a régészeti emlékanyag: Megjegyzések E. A. Halikova elgondolásához (Magna Hungaria und das archäologische Fundmaterial. Bemerkungen zur Konzeption von E. A. Halikova) // ArchÉrt. – Budapest, 1978. – № 105. – P. 260–263.

Hampel J. Alterthümer des frühen Mitteleltars in Ungarn. – Braunschweg, 1905. – I–III.

Hungarian Archeology at the Turn of the Millennium / *Visy Zs., Nagy M.* (Ed.). – Budapest: Teéeli László Foundation, 2003. – 496 p.

Jakabffy I. A Közép-Duna-medence régészeti bibliográfiája 1967–1977 [Археологическая библиография Среднедунайской котловины 1967–1977]. – Budapest, 1981.

László Gy. Őstörténetünk legkorábbi szakaszai [Древнейшие периоды ранней истории венгров]. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1961.

László Gy. A „kettős honfoglalás”-ról [О двойном завоевании венграми родины] // ArchÉrt. – Budapest, 1970. – № 97. – P. 161–190.

László Gy. Die Ungarische Landnahme und ihre Vorereignisse (Über die Forschungen der Landnahme der Ungarn) // Congressus I Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum. – Budapest, 1975. – Pars I. – P. 195–208.

Párducz M. A szarmatakor emlékei Magyarországon: Denkmäler der Sarmatenzeit in Ungarn (Archaeologia Hungarica. – XXV). – Budapest: Магыар Немзети Мюзеум, 1941. – I.

Párducz M. A szarmatakor emlékei Magyarországon: Denkmäler der Sarmatenzeit in Ungarn (Archaeologia Hungarica. – XXVIII). – Budapest: Магыар Немзети Мюзеум, 1944. – II.

Párducz M. A szarmatakor emlékei Magyarországon: Denkmäler der Sarmatenzeit in Ungarn, (Archaeologia Hungarica. – XXX). – Budapest: Магыар Немзети Мюзеум, 1950. – III.

Váczy P. Die Urheimat der Ungarn auf Grund historischer Quellen // Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1983. – Pars V. – P. 113–117.

ИСТОРИОГРАФИЯ ОХРАННЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А. Г. Векслер
г. Москва
ООО «Археологические изыскания в строительстве»

СПАСАТЕЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ МОСКВЫ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

Москва – город с многовековой, богатой событиями историей – стоит на пластах мощного археологического культурного слоя. Растет город, развертываются большие работы по регенерации его исторического центра, застраиваются окраины. Работы строителей, зондажи реставраторов, специальные научные изыскания обнажают напластования столетий. Обнаруженные археологические находки составляют поистине «овеществленную память» истории города и являются неотъемлемой частью его культурного наследия.

В настоящее время в Москве сформировалась принципиально новая и вполне устойчивая система взаимоотношений между строительным комплексом и археологами, тесно увязанная с проектированием и строительством.

Правительство Москвы, Москомархитектура, Департамент строительства и, разумеется, Мосгорнаследие требуют предварительных археологических исследований в качестве столь же необходимой части «производственного цикла», как геологические или геодезические изыскания.

Связанные с работой в культурном слое структуры (проектные, строительные, инженерные и др.) начали воспринимать постоянное широкое и активное участие археологов в их деятельности как нормальную «штатную» ситуацию.

Отметим, что и сами археологи активно развивают методику охранных работ, включая их проектирование, организацию, финансирование и обеспечение исследований всем необходимым, взаимодействие со строителями, использование новейших технических средств и т. д.

Важнейшим направлением деятельности по сохранению уникального археологического наследия города является разработка проектной документации по организации охранных работ при строительстве и реконструкции объектов на исторически значимых территориях и освоении новых участков хозяйственной деятельности. В проектах предусматриваются необходимое финансирование, методика, сроки, потребность в рабочей силе, оборудовании и технике. Таким образом, памятник изучается на подготовительной стадии строительства, организуются наиболее рациональные охранные исследования.

Историко-археологические опорные планы, проекты и заключения по организации охранных исследований охватили историческую территорию города, а также памятники на его окраинах.

Проведено археологическое зонирование территорий Москвы. В результате этого культурный слой исторического центра в пределах Камер-Коллежских валов – городской черты XVIII в. – теперь имеет юридический статус объекта археологического наследия. Это 20 тыс. га или 12% территории Москвы в пределах ее административной границы. Такой же статус получили еще более ста важнейших объектов за пределами былых валов.

В соответствии с проектной документацией, при научно-методическом руководстве Мосгорнаследия проводятся опережающие исследования, экспресс-раскопки и наблюдения в ходе строительства и реконструкции.

В конце XX – начале XXI в. велись крупномасштабные спасательные археологические раскопки на территории исторического центра города. Исследования проводились в связи с реконструктивными работами на Манежной площади и в самом Манеже, на Старом Гостином дворе, ул. Ильинке, Третьяковском проезде, на Театральной и Арбатской площадях, улицах Волхонке, Большой Никитской, переулках Китай-города, в Замоскворечье, Заяузье.

В ходе работ открыты подклеты домов, ярусы деревянных мостовых, частоколы оград, гончарные горны, остатки литейного и других производств. Получена уникальная коллекция средневековых предметов, насчитывающая несколько десятков тысяч экземпляров. Особо следует отметить обнаруженный на территории Старого Гостиного двора крупнейший клад, в состав которого входили более 95 тыс. монет русской чеканки, 335 западноевропейских талеров, чеканенных от Пиренеев до Скандинавии и 16 сосудов – высокохудожественных произведений мастеров Москвы, Лондона, Гамбурга (Рис. 1).

Расширилась география проводимых исследований. Они распространились не только на исторический центр города, но и на всю территорию в пределах административных границ Москвы, а также на вновь присоединенные территории Новой Москвы. Примером могут служить работы в Митинском парке и д. Губкино, связанные с определением границ памятников для последующего включения в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Получила развитие *парковая археология*. Так, в ходе строительства Третьего транспортного кольца были проведены раскопки на территории Лефортовского парка – первого регулярного парка России. Объектами исследования стали береговые укрепления, облицовки набережных, дренажи, мосты, фонтаны, парковые дорожки, беседки, гроты, подпорные стенки XVIII в.

На территории музея-заповедника «Коломенское» раскопана часть загородной резиденции царя Алексея Михайловича. Выявлена планировка деревянного дворца, музеефицированы каменные фундаменты и погреба Кормового двора XVII в.

Масштабные исследования проведены в зоне комплекса памятников Дьякова городища. Здесь обнаружены артефакты железного века, а также эпохи бронзы и каменного века. В ходе работ обнаружен развал полихромной изразцовой печи – остатки беседки царя Алексея Михайловича.

Масштабные исследования выполнены на территории еще одного дворцово-паркового ансамбля в Царицыне. Здесь была раскрыта планировочная структура Большого дворца постройки Матвея Казакова. Также были прослежены белокаменные фундаменты дворцов Баженова и Дмитрия Кантемира, домов управителя и садовника, остатки хозяйственных построек и корпусов, парковых гротов, оранжерей, оград, дорожек, мостов, пристаней, клумб XVIII в.

Интересные результаты дали работы на территории парка Воронцово. Открыты белокаменно-кирпичные своды моста, ров, два яруса булыжной мостовой, опоры арочных ворот и фундаменты Главного дома усадьбы XVIII–XIX вв.

Следует специально отметить археологические работы, связанные с подготовкой к музеефикации памятников. По завершении археологических работ на Манежной площади был открыт подземный Музей археологии. Основу его экспозиции составили белокаменные опоры Воскресенского моста 1740-х гг., бревенчатые мостовые и срубы XVII в. Большая часть экспонатов музея – это археологические находки из раскопок на Манежной площади.

Другим примером современной археологической музеефикации может служить разрушенная в 1934 г. церковь Живоначальной Троицы в Старых Полях. Раскрытые фундаменты храма были сохранены и музеефицированы под открытым небом. Закрепленные кладки окружают найденные при раскопках средневековые белокаменные надгробия, архитектурные детали, жернова (Рис. 2).

В ходе исследований на Хохловской площади на протяжении 64 м был вскрыт фрагмент стены Белого города. На отдельных участках кладка сохранилась на высоту 1,5 м при ширине до 4,5 м. В кладке стены были обнаружены 4 белокаменные резные детали, датированные временем ранее 80-х гг. XVI в.

На Сухаревской площади в ходе непростой борьбы была изменена трасса подземного перехода и таким образом сохранены для последующей музеефикации фундаменты легендарной Сухаревой башни.

Еще один археологический музей был открыт в реконструированном здании Гостиного двора.

Раскопами здесь было раскрыто более тысячи сооружений XVII–XVIII вв., а в мощных, толщиной до 14 м, напластованиях обнаружено более 3 тыс. артефактов.

На материалах раскопок в специально открытом в здании Гостиного двора музее была создана археологическая экспозиция. Затем витрины начали пополняться материалами других столичных раскопок. Археологи Москвы получили возможность размещать наиболее интересные вещи на выставке «Новых находок», что придало собранию мобильный характер. В результате сформирована представительная коллекция московских древностей. В ее составе находятся предметы вооружения, печные изразцы, белокаменная резьба, клады и предметы импорта, полные керамические формы, элементы деревянной застройки, предметы ремесла и многое другое.

Суммируя то новое, что произошло в московской археологии на рубеже XX–XXI вв., нельзя не отметить такие явления, как:

• возникновение принципиально новой научно-методической системы организации охранных работ, отражающей коренное изменение взаимоотношений археологов с архитекторами и строителями;

• невиданные прежде по масштабам вскрытия широкой площадью, при которых раскопки сохранного культурного слоя древней Москвы сочетаются с наблюдениями и фиксацией механических раскрытий техногена XIX–XX вв.;

• расширение географии проведения археологических исследований, охватывающих практически всю территорию современной Москвы, включая присоединенные территории;

• развитие археологического проектирования, постоянное творческое сотрудничество археологов с градостроительной наукой.

Археологические исследования в Москве продолжаются. Накапливаются новые материалы о возникновении и развитии феодального города, о его ремеслах и торговле, о культуре и быте горожан. Создаются новые археологические экспозиции, в том числе музеи «под открытым небом», зримо представляющие живую связь времен исторического города

Рис. 1. Клад из раскопок 1996 г. в Старом Гостином дворе

Рис. 2. Музеефицированный фундамент церкви Живоначальной Троицы в Старых Полях, исследованной в 1999 г.

К. А. Руденко
г. Казань
КазГУКИ

ОХРАННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТАССР – РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН В 1950-х – 1990-х ГГ.: ИХ НАУЧНОЕ И ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ КАЗАНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Охранные археологические работы на территории Татарстана начались в конце 1930-х гг., когда на 5 лет (1940–1944 гг.) были запланированы исследования в зоне строительства Куйбышевского гидроузла (в пределах территории ТАССР), а также археологический мониторинг на новостройках столицы автономии – г. Казань. Выполнение этих работ было поручено экспедиции Центрального музея ТАССР под руководством казанского краеведа Н. Ф. Калинина и московского археолога, сотрудника ГИМ А. П. Смирнова [*Руденко, 2008а.* С. 124–125].

Своеобразным заделом этих работ стали раскопки крупнейшего средневекового памятника в Татарии – Болгарского городища, проведенные в 1938–1939 гг. при совместном руководстве этих исследователей. Тогда же была отработана новая методика изучения многослойных булгарских городищ, закреплен механизм организации экспедиции и полевых работ, из состава работников Казанского музея сформировано ядро научных сотрудников экспедиции (А. М. Ефимова, Н. Ф. Калинин). К сожалению, начавшаяся Великая Отечественная война не позволила осуществить эти планы.

Вернулись к этому проекту после окончания войны. В 1945 г возобновились раскопки в исторических Болгарах. Работали на городище два отряда: А. П. Смирнова и Н. Ф.Калинина. Николай Филиппович, будучи в это время сотрудником КФ АН СССР и совместителем в КазГУ, параллельно осуществлял разведки с целью составления археологической карты ТАССР. Финансирование охранных исследований по программе Куйбышевской ГЭС началось только в конце 1940-х гг. Для выполнения полевых исследований была создана Куйбышевская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР (ныне ИА РАН), которую возглавил А. П. Смирнов [*Смирнов, 2004*. С. 14–15]. С 1950 по 1955 гг. экспедицией были проведены масштабные исследования, которые были отчасти продолжены в последующие годы, когда ложе водохранилища уже было заполнено [*Халиков, 1989*. С. 154–155].

Охранные раскопки начались в 1950 г. [*Смирнов, 1950*]. Вместе с тем силами только казанских археологов – Н. Ф. Калининым с несколькими аспирантами и студентами – справиться с огромными поставленными задачами, даже в пределах ТАССР, было невозможно. По этой причине в полевых работах, кроме КФ АН СССР, приняли участие другие учреждения – ИИМК АН СССР, ГИМ, ГМТР и КОИКМ. Общее руководство исследованиями 1950–1952 гг. осуществлял А. П. Смирнов [*1952*]. Первый отряд возглавила с. н. с. ГМТР А. М. Ефимова, второй – заместитель начальника КАЭ, к. и. н. – Н. Я. Мерперт, третий – к. и. н. А. Е. Алихова, четвертый – д. и. н. А. В. Збруева и пятый – Н. Ф. Калинин [*Смирнов, Мерперт, 1954*. С. 20]. Практически в том же составе экспедиция работала в 1953 [*Смирнов, 1953*] и 1954 гг. [*Смирнов, 1954*]. Первоочередными задачами были исследования (поиск и – при необходимости – раскопки) археологических памятников в пойменной части Волги и на краю ее надпойменной террасы, которым грозило разрушение при подъеме воды.

В 1954 г. в составе экспедиции была выделена группа по обследованию палеолитических местонахождений под руководством научного сотрудника ИИМК АН СССР З. А. Абрамовой, обследовавшая весь левый берег реки к югу от г. Ульяновска, а также бассейн ее притока – р. Усы. Эти разведки были продолжены в 1957 г. под руководством О. Н. Бадера [*Бадер, Пушкаревский, 1957*].

В 1954 г. в качестве основных объектов раскопок были выбраны городище Шолом у д. Балымеры Куйбышевского р-на ТАССР и один из курганов эпохи бронзы близ с. Кайбелы Чердаклинского р-на близ г. Ульяновска. В этом же году проведены небольшие работы на территории Казанского Кремля, близ Тайницкой башни. Эти исследования были выполнены по указанию Научно-методического Совета по охране памятников культуры при Президиуме АН СССР, в связи с запросом инженерной защиты Казани. Помимо этого были созданы две особые группы: первая – под руководством аспиранта МГУ Б. Б. Жиромского – для раскопок объекта, считавшегося тогда языческим булгарским святилище на городище Шолом, и вторая – под руководством аспирантки ГИМ Т. А. Хлебниковой – для изучения феодальной деревни [*Смирнов, 1954.* С. 3].

В 1957 г. в рамках КАЭ работало три отряда: болгарский возглавила З. А. Акчурина, ульяновский – И. А. Талицкая, палеолитический – О.Н. Бадер. В исследованиях принимали участие студенты КазГУ и

КазГПИ. Кроме того, в качестве коллекторов-землекопов в экспедицию были приняты отпускники, местные жители и школьники [*Смирнов, 1960.* С. 9].

Работами казанского отряда были открыты и изучены десятки археологических памятников по левому берегу Волги и правому берегу Камы в пределах Татарии, которые уже в 1956–1957 гг. оказались затопленными водами водохранилища. Результаты этих исследований, были опубликованы в нескольких томах Трудов КАЭ, вышедших в серии МИА.

Охранные работы в ТАССР стали структурообразующим фактором становления организационных форм археологии в республике. На их базе развивалась академическое направление казанской археологии. Отдельный отряд КАЭ, которым руководил Н.Ф. Калинин, трансформировался в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в самостоятельную Татарскую археологическую экспедицию (ТАЭ) при КФ АН. Ее возглавил ученик Н. Ф. Калинина – А. Х. Халиков, при активном участии В. Ф. Генинга, учившегося в 1955–1958 гг. в аспирантуре КФ АН (научный руководитель – Н. Ф. Калинин). Руководящий состав этой экспедиции (Е. П. Казаков, П. Н. Старостин, Р. С. Габяшев, М. Г. Косменко) в 1960-х гг. стал основой Сектора археологии и этнографии (с 1961 г.), работавшего в рамках ИЯЛИ КФ АН СССР (в 1962–1972 гг. – ИЯЛИ АН СССР, в 1973–1995 гг. – ИЯЛИ КФАН СССР) [*Закиев, 1989.* С. 12–13]. Целью работ его сотрудников, помимо охранно-спасательной деятельности, стало составление археологической карты ТАССР, которое завершилось в 1986 г. [*Халиков, 1989.* С. 152]. Кроме того, в план работы были включены ключевые научно-исследовательские темы: древности каменного века, эпохи бронзы и раннего железного века; раннеболгарская проблема; археология средневекового города [*Халиков, 1989.* С. 157–170]. За каждой из них был закреплен сотрудник Сектора. В результате активной работы ТАЭ количество известных археологических источников по территории Татарии выросло в сотни раз. При этом археологический материал накапливался как в результате исследований по плановым темам, так и процессе разведок и охранных раскопок в зоне Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ [*Руденко, 2008б*. С. 58, 62–63]. Эта ситуация определила на последующие два десятилетия главные направления работ археологических экспедиций ИЯЛИ КФ АН СССР. Это же обусловило и неравномерность археологической изученности территории ТАССР, поскольку основное внимание было сосредоточено на объектах в зоне разрушения береговой полосы водохранилищ Волго-Камского каскада.

Официально существование Сектора археологии и этнографии в ИЯЛИ было оформлено в 1961 г. [*Закиев, 1989.* С. 15–16], когда развернулись работы в зоне строительства Нижнекамской ГЭС (1959 – начало 1960-х гг.).

В 1970-х гг. новый «очаг» археологических изысканий появился в Центральном Закамье (Билярское городище), где начала работу Билярская археологическая экспедиция (1967–1989 гг.): совместный бюджетный проект ИЯЛИ и КазГУ, осуществлявшийся под руководством А. Х. Халикова.

В те же годы в восточных районах Татарии развернула свою деятельность Раннеболгарская экспедиция ИЯЛИ, которую возглавил Е. П. Казаков. Основная часть ее охранных работ проходила на Куйбышевском водохранилище, а также на востоке ТАССР, где выявлялись новые памятники археологии.

В 1986 г. в Секторе археологии и этнографии ИЯЛИ были выделены две лаборатории: археологическая и этнографическая, в 1988 г. преобразованные в самостоятельные отделы [*Закиев, 1989*]. Отчасти это было вызвано необходимостью набора большего числа сотрудников для проведения изысканий на территории планируемой площадки Камской АЭС. В последующие годы рост отдела происходил уже за счет аспирантуры ИЯЛИ. На 1 января 1989 г. Отдел археологии при ИЯЛИ КФ АН СССР насчитывал 13 человек. Кроме этого в аспирантуре по специальности «археология» обучалось 5 человек: с отрывом от производства – 2; заочно – 3 [*Халиков, 1989.* С. 172]. Охранные работы на Куйбышевском и Нижнекамском водохранилищах почти ежегодно проводились в 1980–1990-х гг. сотрудниками ИЯЛИ – Е. П. Казаковым, П. Н. Старостиным, Р. С. Габяшевым, В. Н. Марковым и др. В начале 1990-х гг. под руководством А. Х. Халикова, преимущественно силами сотрудников отела археологии ИЯЛИ, выполнялись охранные работы в г. Казани по проекту «Казметро».

Постановлением КМ РТ от 16 ноября 1995 г. – с целью развития археологических исследований на территории Татарстана, обеспечения сохранности археологических объектов, подготовки специалистов, издания научных трудов – Отдел археологии ИЯЛИ АН РТ был преобразован в Национальный центр археологических исследований ИИ АН РТ. КМ наделил его полномочиями выдавать Открытые листы на проведение археологических исследований на территории РТ [Изучение…, 1997. С. 97–99]. В НЦАИ с середины 2000-х гг. сосредоточились все охранные археологические работы на территории Татарстана. Кроме того, эта реорганизация стала началом к серьезным структурным изменениям в казанской археологии, которые привели в 2012 г. к созданию Института археологии АН РТ.

Отметим, что Казанской университет в 1970-х – 1980-х гг. самостоятельного участия в охранно-спасательных работах не принимал, хотя в соседних регионах, на основе охранных хоздоговорных работ активно развивалась именно университетская археология [*Черных, 2008*. С.235–237]. Исключением стали охранные раскопки Большетиганского могильника IX–X вв., частично разрушенного в результате дорожных работ. Они проводились под руководством Е. А. Халиковой, заведующей Кабинетом археологии истфака КазГУ в 1975–1977 гг. Ситуация изменилась в конце 1980-х гг., когда под руководством д.и.н., профессора КазГУ А. Х. Халикова силами студентов кружка археологии исторического факультета и археологической практики кафедры археологии и этнологии КазГУ были начаты хоздоговорные работы в зоне проектируемого строительства грузового причала у с. Сорочьи горы – в рамках проекта возведения мостового перехода через р. Каму. Впервые в истории казанской университетской археологии студенты стали проводить археологические работы по Открытым листам (К. А. Руденко, Д. Г. Бугров, К. Э. Истомин, В. В. Хабаров): в 1988–1989 гг. разведки в четырех районах ТАССР, в 1990 г. – охранные раскопки в рамках хоздоговора (Сорочьегорское городище) и охранно-спасательные работы в Западном Закамье на разрушавшихся памятниках. Археологи ИЯЛИ в этих работах непосредственного участия не принимали.

После подписания договора КазГУ с ООО «Татавтодор» в 1989 г. в течение трех лет (1989–1991 гг.) велись археологические раскопки городища Сорочьи горы [*Бугров, Руденко, Халиков, 1994*. С. 93–103]. Часть памятника к началу спасательных работ уже была уничтожена карьером для строительства грузового причала. По мнению А. Х. Халикова, научного руководителя раскопок, работы на этом объекте показали, что финал ананьинской «эпохи» на Средней Волге был непосредственно связан с тектоническими процессами в земной коре, эпицентр которых находился в районе Сорочьих гор [*Chalikow, 1992*. P. 53–63]. Данное заключение было особенно актуально в начале 1990-х гг., когда обсуждался проект строительства в Татарии атомной электростанции.

Второй исследованный объект, на котором проводились охранные работы, – это стоянка эпохи бронзы у с. Малые Кокузы (Буинский р-н РТ), исследованная В. В. Хабаровым под руководством А. Х. Халикова. Одновременно, в 1991 г., К. А. Руденко [*Руденко, 2002*] начал охранные раскопки на IV Мурзихинском могильнике раннего железного века, средневековом Мурзихинском селище [*Руденко, 1991а*] и провел разведки в зонах строительных работ [*Руденко, 1991б*. С. 72–73; *1993*; *1994*. С. 117–119]. В 1991–1992 гг. им изучалось VI Алексеевское селище X–XII вв. [*Руденко, 2000*], в 1992–1994 гг. – многослойное поселение Песчаный остров IX–VIII вв. до н. э. и одноименный могильник XIII–XIV вв., находившиеся в зоне строительных работ на о-вах Куйбышевского водохранилища.

Тем не менее, эта археологическая «активность» студентов и сложившийся коллектив хоздоговорной университетской археологической экспедиции не стали поводом ни к расширению Отдела археологии ИЯЛИ, ни к созданию хоздоговорной организации при КазГУ, ни к стимулированию самой университетской археологии. После окончания университета в 1992 г. большая часть студентов-археологов была направлена в различные учреждения Казани, далекие от археологии.

В 1993 г. субподрядчиком, а затем и основным исполнителем охранных исследований в зоне строительства мостового перехода через Каму, вместо КазГУ становится МК РТ. В это учреждение из университета поступили на работу два участника хоздоговорных археологических работ. В связи с этим, при хоздоговорном отделе министерства – Научно-производственном управлении по охране и использованию памятников истории и культуры РТ – была образована внештатная группа по инвентаризации памятников археологии (Приказ № 63 от 17 мая 1993 г.).

За три года (1993–1997 гг.) по спискам, подготовленным сотрудниками Отдела археологии ИЯЛИ КФ АН, на основе опубликованной многотомной «Археологической карты ТАССР», внештатной археологической группой МК была обследована большая часть районов Республики и составлено 11 проектов охранных зон. Отметим, что первоначально списки археологических памятников, в том числе их отдельные паспорта, были подготовлены сотрудниками ИЯЛИ для составления «Свода памятников истории и культуры ТАССР», материалы для которого собирались с 1987 г. К сожалению, эта работа в 1980-х – 1990-х гг. не была завершена, хотя материалы к «Своду» в основном были подготовлены. Исполнителем работ по данному «Своду», начиная с 1997 г., согласно Постановлению КМ РТ № 356, стал ИИ АН РТ [Изучение…, 1997. С. 129–132]. Было запланировано издание – в течение трех лет (с 1997 по 2000 гг.) – многотомного «Свода». Однако 3-й том – «Свод памятников археологии Республики Татарстан» – вышел в свет только в 2007 г. [Свод памятников…, 2007].

Задачей мониторинга памятников археологии была подготовка документов по включению их в реестр охраняемых объектов культурного наследия (ОКН) Татарстана. Мониторинг (руководитель – К. А. Руденко) осуществлялся по двум документам: Открытым листам ИА РАН и специальным разрешениям МК РТ – аналогам Открытым листам, которые выдавались ОПИ НЦАИ ИИ АН РТ с 1995 по 2000 г. для археологических работ на территории РТ. По таким «местным» Открытым листам, вместо общероссийских Открытых листов, выдававшихся в ИА РАН, работало в тот период большинство археологов РТ. Более того, с 2001 г. ОПИ НЦАИ ИИ АН РТ выполняло первичную экспертизу отчетов казанских археологов, а его председатель принимал участие в их рассмотрении в ОПИ ИА РАН (сами Открытые листы теперь получались уже в Москве). Данный мониторинг, к сожалению, не предполагал новых разведывательных маршрутов. Его главной целью был поиск и установление наличия археологических памятников (включая местонахождения керамики), поскольку многие из этих объектов не посещались с момента открытия. В восточных районах РТ научным консультантом мониторинга был д. и. н., в. н. с. НЦАИ ИИ АН РТ, заведующий ОПИ НЦАИ – Е. П. Казаков.

Постановлением КМ РТ от 28 декабря 1995 г. было утверждено Положение о Главном управлении государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры при МК РТ (ГУГКОИПИК), учрежденного Постановлением 6 июля 1992 г. [Изучение…, 1997. С. 99–108]. В этой связи, в 1995 г. внештатная хоздоговорная археологическая группа ГУГКОИПИК была реорганизована в постоянно действующую внештатную хоздоговорную Новостроечную археологическую экспедицию (НАЭ) МК РТ (Приказ №12/1 от 27 февраля 1995 г). Одной из основных ее функцией стало составление проектов охранных зон памятников археологии для включения их в Земельный Кадастр Республики Татарстан. Таким способом осуществлялся перевод территорий археологических памятников в земли историко-культурного назначения, предусмотренный Законами РТ «О земле» и «Об охране и использовании культурных и исторических ценностей». Законодательным обоснованием этих работ стали Закон Республики Татарстан «Об охране и использовании культурных и исторических ценностей», принятый в 1996 г., а также предшествовавшие ему Постановления КМ РТ 1992 г. [Там же. С. 15–35, 41–43].

Кроме того, еще одним постановлением КМ археологическая экспертиза, предусматривающая археологические разведки и раскопки на предпроектной и проектной стадиях строительных работ и при реставрационных мероприятиях, была официально включена в обязательный список согласований [Там же. С. 114–115]. По этой причине с 1995 г. на археологическую группу ГУГКОИПИК со штатом всего три человека были дополнительно возложены все согласования землеотводов на территории РТ и проведение действий экспертного характера. Помимо этих мероприятий, в 1994–1996 гг. археологами ГУГКОИПИК были продолжены раскопки археологических памятников в обширной зоне, прилегающей к основной территории строительно-изыскательских работ: в районе сооружения мостового перехода «Сорочьи горы – Мурзиха». Исследования были сосредоточены на средневековом Мурзихинском селище, Мурзихинских могильниках, а также на памятниках более ранних эпох.

В 1998 г. НАЭ было ликвидирована. Два ее сотрудника были переведены в штат Главка МК. При этом за ними по-прежнему были закреплены археологические исследования, экспертизы, землеотводы и различные согласования.

В 1998–2008 гг. функционировала Средневековая археологическая экспедиция НМ (ГОМ) РТ, под руководством К. А. Руденко, проводившая охранно-спасательные археологические исследования на Остолоповском селище XI–XII вв. в зоне Куйбышевского водохранилища. Раскопки выполнялись за счет бюджетных средств. Материалы исследований использованы в экспозиции НМ РТ по эпохе средневековья [*Руденко, 2006*. С. 42–50; *2007*. С. 124–127; *2008а*. С. 291–300].

Во второй половине 1990-х гг. – при строительстве новых и реконструкции существующих зданий – стали регулярно проводиться мониторинги и охранные археологические исследования в историческом центре Казани. Руководитель работ – А. Г. Ситдиков. В 1993 г., после 16-летнего перерыва, возобновились археологические изыскания в Казанском кремле. Более активно они развернулись в первой половине 2000-х гг., в рамках деятельности экспедиции «Казанский кремль». В середине – второй половине 2000-х гг., в связи с установлением даты возникновения Казани, экспедиция проводила научные исследования на территории кремля и охранные работы на новостройках города.

В 1993 г Татавтодор передал договор на исследования в зоне мостового перехода через Каму от КазГУ к МК РТ. Масштабные охранные археологические работы в университете закончились. Последним большим проектом были раскопки в конце 1990-х гг. III Билярского селища XIII–XIV вв. (Е. А. Беговатов, С. И. Валиулина), пострадавшего при строительстве дороги Билярск – Святой ключ.

Таким образом, охранно-спасательные работы на археологических памятниках в ТАССР – РТ во второй половине XX в. были основой развития археологической науки в Республике, в том числе и определяющих научных направлений. Эти прикладные изыскания способствовали формированию археологических структур и кадров специалистов-археологов в Татарстане. Научные открытия, сделанные в ходе охранных исследований, привели к кардинальной смене ряда научных парадигм, утвердившихся в исторической науке Татарии в первой половине XX в.

Источники и литература

Бадер О. Н., Пушкаревский В. А. Отчет о работах палеолитического отряда Куйбышевской экспедиции, проведенных в июле 1957 г. – Молотов, 1957. – Архив ИА РАН. Р-1. № 1659.
Бугров Д. Г., Руденко К. А., Халиков А. Х. Укрепления Сорочьегорского городища // Памятники древней истории Волго-Камья (ВАТ. – Вып. 1). – Казань: Изд-во ИЯЛИ АНТ, 1994. – С. 93–103.
Закиев М. З. 50 лет поисков и открытий // 50 лет поисков и открытий. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1989. – С. 7–41.
Изучение, охрана, реставрация и использование недвижимых памятников истории и культуры в Республике Татарстан: Информационный вып. № 1: Законодательные, нормативные правовые акты / Отв. ред. Р. Р. Хайрутдинов. – Казань: Изд-во «Фест», 1997. – 144 с.
Руденко К. А. Отчет о археологических работах в Татарии и Ульяновской области в 1990 г. – Казань, 1991а. – Архив ИА РАН. Р-1. № 15725.
Руденко К. А. Работы Первого отряда экспедиции Казанского университета в Татарии // Археологически открытия Урала и Поволжья. – Ижевск: Изд-во УдмИИЯЛ УрО АН СССР, 1991б. – С. 72–73.
Руденко К. А. Отчет о археологических разведках в Татарстане в 1992 г. – Казань, 1993. – Архив ИА РАН. Р-1. № 18489.
Руденко К. А. Исследование средневековых памятников в приустьевом Закамье в 1991–1992 гг. // Археологически открытия Урала и Поволжья. – Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 1994. – С. 117–119.
Руденко К. А. VI Алексеевское селище. – Казань: Изд-во «Репер», 2000. – 107 с.
Руденко К. А. Остров «Мурзиха» и его окрестности. Хронологический атлас археологических коллекций НМ РТ (1991–1999 гг.) Опыт микрорегионального исследования. Каталог археологических коллекций НМ РТ. – Казань: Изд-во «Школа», 2002. – 208 с.
Руденко К. А. Возможности археолого-этнографических реконструкций сельских жилых построек и интерьера эпохи средневековья (XI–XII вв.) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Одесса; Омск: Изд-во ОмГУ; ИД «Наука», 2007. – С. 124–127.
Руденко К. А. Вопросы методики реконструкции жилища XI–XII вв. в музейной экспозиции по археологическим данным // Научные реконструкции в современной экспозиционной и образовательной деятельности музеев (Тр. ГИМ. – Вып. 160). – М.: Изд. ГИМ, 2006. – С. 42–50.
Руденко К. А. Некоторые вопросы использования археологических материалов в музейной экспозиции // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии: Мат-лы Всерос. науч. конф. – Ижевск: Изд-во ОАО «Ижевская республик. типограф.», 2008а. – С. 291–300.
Руденко К. А. Археология Волжской Булгарии. Историография и история изучения (X–XX вв.): учеб. пос. – Казань: РИЦ «Школа», 2008б. – 264 с.
Свод памятников археологии Республики Татарстан / Отв. ред. А. Г. Ситдиков, Ф. Ш. Хузин. – Казань: Изд-во ИИ АН РТ, 2007. – Т. 3. – 528 с.
Смирнов А. А. История отдела охранных раскопок и его роль в фундаментальных исследованиях // 30 лет Отделу охранных раскопок: Тр. Отдела охранных раскопок. – Тула: Изд-во «Гриф и К°», 2004. – Т. 2. – С. 10–26.
Смирнов А. П. Введение // МИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – № 80. – С. 5–9.
Смирнов А. П. Отчет Куйбышевской экспедиции за 1950 г. – М., 1950. – Архив ИА РАН. Р-1. № 463.
Смирнов А. П. Отчет Куйбышевской археологической экспедиции за 1952 г. – М., 1952. – Архив ИА РАН. Р-1. № 680.
Смирнов А. П. Отчет Куйбышевской археологической экспедиции за 1953 г. – М., 1953. – Архив ИА РАН. Р-1. № 815.
Смирнов А. П. Отчет Куйбышевской экспедиции за 1954 г. – М., 1954. – Архив ИА РАН. Р–1. № 944.
Смирнов А. П., Мерперт Н. Я. Введение // МИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – № 42. – С. 5–20.
Халиков А. Х. Археология в ИЯЛИ КФ АН СССР // 50 лет поисков и открытий. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1989. – С. 149–173.
Черных Е.М. Камско-Вятская археологическая экспедиция и охранная археология // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии: Мат-лы Всерос. науч. конф. – Ижевск: Изд-во ОАО «Ижевская республик. типограф.», 2008. – С. 235–241.
Chalikow A. Ch. Vom Einfluss der Aselino-Ananjino-kultur auf die Ethnogenese der Mari // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. – Helsinki, 1992. – Vol. 84. – P. 53–63.

А. М. Мурыгин, В. Н. Карманов
г. Сыктывкар
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В ТУНДРАХ СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ[1]

Район работ и история его исследования. Наиболее ранние известия о древностях Крайнего Северо-Востока Европы появляются еще в конце XVII – XIX в. [*Лепехин, 1805*; *Латкин, 1853*; *Шренк, 1855*; *Вениамин, 1858*; и др.]. В то время как первые достоверные археологические материалы в Малоземельской и Большеземельской тундре были обнаружены только во второй половине XIX – начале XX в. [*Штукенберг, 1875*; *1884*; *Атлас.., 1889*; *Истомин, 1890*; Отчет ИАК, 1893; *Журавский, 1909а*; *1990б*; *Кулик, 1914*; *1915*; и др.]. Впоследствии в тундрах Европейского Северо-Востока было выявлено несколько сотен разновременных памятников археологии, документирующих период от палеолита до позднего средневековья[2]. Между тем заполярные области между Канинским и Югорским п-овами все еще остаются одним из наиболее слабо исследованных районов на археологической карте Европейской части России. Это, несомненно, препятствует решению узловых проблем древней истории региона. В этой связи открытие новых археологических памятников и введение в научный оборот их материалов, пополняющих базу источников по археологии высоких широт Евразии, представляется крайне важной и актуальной задачей.

Интересующая нас территория археологического обследования находится в западной части НАО. Это Канинская тундра, которая является до настоящего времени наименее изученной областью арктической зоны Европейской части России. Археологические памятники, известные по публикациям, расположены на п-ове Канин и на р. Пёше. Коллекции с Канинского п-ова представлены кремневыми наконечниками стрел и отщепами, собранными в двух пунктах геологами в 1959 и 1961 гг. [*Лузгин, 1963*][3]. На р. Пёша в 1973 г., в результате археологических разведочных работ, были открыты два поселения: раннего железного века с жилищами и эпохи бронзы, материал из которых представлен фрагментами керамических сосудов, кремневым инвентарем и остатками плавки металла [*Лузгин, 1974.* С. 20].

В 2013 г. археологи ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар) совместно с работниками Ненецкого краеведческого музея (НКМ, г. Нарьян-Мар) провели в Канинской тундре исследования с целью выявления новых археологических памятников. Археологической разведкой впервые была охвачена долина р. Ома, на участке около 100 км – от устья р. Рубиха (левый приток р. Ома) до нежилой д. Сахарово. Р. Ома протекает с юга на север по низменной заболоченной местности и впадает в Чешскую губу Баренцева моря (рис. 1). Первые сведения о находках археологических предметов на р. Ома относятся к 1970-м гг. В НКМ хранятся два кремневых наконечника стрел эпохи бронзы – листовидной и треугольной формы с выделенным черешком. Они были найдены в 1971 г. Н. В. Кругловым в окрестностях д. Ома на берегу одноименной реки, в местности под названием «Заборье».

В 2007 г. в материалах конференции «Аввакумские (малые) чтения» была опубликована статья, в которой были приведены сведения о том, что в школе д. Ома имеется коллекция археологических предметов из кремня (25 экз.), принесенных в кабинет истории учениками школы. Точные данные о месте сбора этих предметов в издании не приводятся. Указано лишь, что все материалы были найдены «в разное время на правом берегу р. Ома, среди прибрежных камней, на участке длиной примерно 1000–800 м» [*Михеев, 2007*]. Из этого комплекса к археологическим находкам можно отнести не менее 14 предметов. В их число входят наконечники стрел, скребок и крупные отщепы, предположительно датирующиеся энеолитом – эпохой бронзы.

На одном обследованном участке р. Ома – от устья р. Рубиха до д. Ома – археологических памятников не выявлено. Их отсутствие здесь можно объяснить, в частности, тем, что местность на данном участке долины реки, по-видимому, была не вполне пригодна для обитания. Это – очень сырая, заболоченная местность, причем как на низких пойменных местах, так и на поверхности речных террас, где преобладают суглинистые или глинистые почвы. Кроме того, неблагоприятные естественно-географические условия среды обитания

[1] Публикация подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований Президиума УрО РАН «Арктика» (№12-6-9-008-АРКТИКА), Программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», № 12-П-6-1002. Полевые исследования финансировались из средств ДЦП «Сохранение и развитие культуры Ненецкого АО на 2013 г.».

[2] История археологического изучения тундровой зоны Европейского Северо-Востока со второй половины XIX в. по настоящее время изложена в работах Л. П. Хлобыстина [1973. С. 54-57], Г. А. Чернова [1985], А. М. Мурыгина, В. Н. Карманова, М. В. Кленова [2012].

[3] В Ненецком краеведческом музее (г. Нарьян-Мар) хранятся еще два кремневых наконечника эпохи бронзы, происходящих с п-ова Канин. Один из них найден в 2009 или 2010 г., примерно в 30 км южнее дер. Кия, другой – на берегу озера в нижнем течении Щучьей виски (бассейн р. Чеша) в 2006 г.

речной долины ниже д. Ома – расширяющаяся и заболоченная пойма, отсутствие относительно сухих боровых и угнетенно-лесных образований, очень топкая и сильно заторфованная тундра, выходящая непосредственно к берегу реки, значительные приливно-отливные явления, существенно загрязняющие воду и подтопляющие береговую линию, – если и не исключают полностью, то также существенно ограничивают выбор мест для проживания.

На общем неблагоприятном для проживания фоне резко выделяется местность на правобережье р. Ома, примыкающая с юга к вышеупомянутой деревне. Она представляет собой первую надпойменную террасу, протянувшуюся преимущественно в меридиональном направлении узкой полосой, длиной около 5 км. Ее залесенный участок северной оконечностью примыкает к д. Ома, южной – к руслу р. Ома. Восточный край леса подходит к верховым болотам, западный – к руслу реки и древним сегментам ее поймы. Верхняя часть речной террасы в районе обследования сложена песками с высоким содержанием галечника, песчаника, гравия и редкими включениями кремневых желваков и крупных валунов. В двух местах терраса прорезана заболоченными и хорошо разработанными долинами ручьев – Юдовского и Заборского, а также несколькими неглубокими сырыми лощинами. К самому краю террасы проходит грунтовая дорога «Ома – Савино». У южного (прибрежного) края террасы и левого борта руч. Заборский находятся обширные карьеры для добычи песчано-гравийного грунта. Поверхность террасы на обследованном участке относительно ровная, с небольшими впадинами и возвышениями. Вне дорог и карьеров она хорошо задернована.

На террасе найдено шесть археологических памятников – стоянок и местонахождений подъемного материала. Для их местоположения характерно «сопряжение» различных ландшафтов: открытых участков местности с лесотундровым редколесьем или тундрой и территорий, покрытых лесом.

Характеристика памятников. ***Ома I, местонахождение*** (рис. 1 – *1*). Расположено на правом берегу р. Ома (высота прибрежной части – 3–4 м над уровнем моря), в урочище «Взъем» – в 4,5 км к югу от д. Ома и на таком же расстоянии к СЗ от д. Савино. Поверхность террасы здесь сильно повреждена песчано-гравийным карьером, грунтовой дорогой и использованием прибрежного участка в качестве места отдыха.

В трех пунктах – на бичевнике и в обнажениях карьера – был собран подъемный материал: 40 кремневых орудий и продуктов расщепления, а также фрагменты кальцинированных костей. Изделия из камня включают пластину, незавершенный бифас, чешуйку, 12 осколков и столько же отщепов, в том числе – 3 скола оформления бифасов. Заготовка бифаса имеет свидетельства намеренной тепловой обработки для подготовки ее к дальнейшему расщеплению [*Crabtree, Butler, 1964*; *Гиря, 1997*. С. 52–56]. Негативы сколов у бифаса, снятые до термического воздействия, – матовые, поверхность шероховатая, а после тепловой обработки заготовки негативы – глянцевые и гладкие (рис. 2 – *1*). Изделия со вторичной обработкой представлены концевым скребком и четырьмя отщепами с ретушью.

Ома II, стоянка (рис. 1 – *2*). Расположена приблизительно в 3,9 км к югу от д. Ома, 0,6 км севернее местонахождения Ома I, на левой стороне руч. Юдовский. Высота данного участка над уровнем моря – около 10 м. На лесной дороге и прилегающей к ней слабо задернованной поверхности, на площади 25×120 м, собран подъемный материал, представленный 386 кремневыми предметами – орудиями и продуктами расщепления. Они включают 101 чешуйку, 36 термических осколков, 225 отщепов, в том числе 112 сколов оформления бифасов, 6 пластин,7 бифасов на различной стадии расщепления (рис. 2 – *2*; 3 – *4*), 5 концевых скребков на отщепах, 4 отщепа с ретушью и 2 обломка неопределимых орудий. На некоторых предметах зафиксированы следы тепловой обработки (рис. 2 – *2*). Всего изделий со следами применения этого приема в коллекции 129 экз.

Шурф (2×2 м, гл. 20 см) заложен в 6 м к востоку от края грунтовой дороги, на которой производился сбор подъемного материала, и 50 м к северу от южного борта долины руч. Юдовский. Остатки древних сооружений, связанных с деятельностью человека, не обнаружены. В шурфе культурные остатки, залегавшие в слое белесо-подзолистого песка, распределялись относительно равномерно, но с небольшой концентрацией в северо-восточном углу. Находки из шурфа представлены обломками керамических сосудов, кремневыми орудиями и отходами их производства. Всего найдено 98 кремневых предметов: 82 чешуйки, 8 осколков, 39 отщепов, в том числе – 20 сколов оформления бифасов, 5 пластин, незавершенный бифас, 2 скребка, 6 отщепов с ретушью и 2 неопределимых орудия. Керамика представлена четырьмя фрагментами сосудов, возможно, с примесью песка в глине. На одном из черепков прослеживается неглубокая ямка.

Ома III, местонахождение (рис. 1 – *3*). Находится на правом берегу руч. Юдовский, в 220 м к СЗ от шурфа на стоянке Ома II. Высота памятника над уровнем моря – около 10 м. В двух пунктах, расположенных на грунтовой дороге, удаленных друг от друга на 37 м, обнаружены 128 кремневых изделий – орудий труда и отходов камнеобработки.

В пункте 1 собрано 5 незавершенных бифасов (рис. 3 – *2*), 3 пластины, 5 скребков, 11 осколков и 80 отщепов, включая 27 сколов оформления бифасов.

В пункте 2 найдены 2 скребка, 7 осколков и 17 отщепов, в том числе 7 сколов оформления бифасов.

Ома IV, местонахождение (рис. 1 – *4*). Обнаружено в 2,7 км южнее д. Ома, 0,95 км к северу от пункта 1 местонахождения Ома 2 и в 50 м южнее неглубокой сырой лощины с безымянным ручьем. Высота памятника над уровнем моря – около 6 м. Археологический материал, собранный на грунтовой дороге, как и на большинстве других памятников, представлен кремневыми орудиями и отходами их производства. В коллекции – 31 предмет: пластина, два незавершенных бифаса, скребок, 2 выемчатых орудия, 2 осколка и 23 отщепа, включая 13 сколов оформления бифасов.

Ома V, местонахождение (рис. 1 – *5*). Расположено в 1,7 км к ССЗ от д. Ома, на краю невысокой (3–4 м над уровнем моря) правобережной залесенной поймы р. Ома, плавно переходящей в высокую (6–7 м) террасу, по которой проходит дорога в д. Ома. Подъемный материал обнаружен в трех пунктах, на участке протяженностью около 300 м.

Пункт 1 находится приблизительно в 100 м к ЮЗ от основной дороги, на краю террасы, в месте пересечения ее ответвлением грунтовой дороги, в 50 м от уреза воды. Здесь был найден фрагмент кремневого ножа или копья (рис. 4 – *9*), в то время как основная масса артефактов была собрана напротив этого места – на песчаной отмели, на площади около 900 кв. м. Кремневый инвентарь, представленный как отходами камнеобработки, так и целыми изделиями, встречался от осыпи берега (в 20 м к ЮЗ от места находки ножа-копья) вплоть до уреза реки. Всего найдено 96 кремневых предметов: 3 пластины без ретуши и одна с ретушью, 7 скребков (рис. 4 – *1-3, 5, 6*), 15 осколков и 59 отщепов, в том числе 17 сколов оформления бифаса, 4 бифаса на различных стадиях расщепления, в том числе – наконечник стрелы (рис. 4 – *7*), а также 7 отщепов с ретушью и острие на пластине (рис. 4 – *4*).

Пункт 2 локализуется примерно в 150 м к ЮВ от пункта 1. В осыпи обнажения террасы и на отмели собрано 9 отщепов и осколков, наконечник стрелы – бифас с вогнутым основанием (рис. 3 – *1*) и концевой скребок.

Пункт 3 находится в 160 м юго-восточнее пункта 2. В осыпи края берега, на расстоянии около 20 м от уреза воды собрано 7 осколков и отщепов, среди которых имеется скол оформления бифаса.

Случайные сборы археологического материала в окрестностях д. Ома, судя по составу инвентаря и сообщениям жителей деревни, могли быть приурочены к руч. Заборскому, соседнему карьеру и отчасти – к стоянке Ома V.

Ома VI, местонахождение (рис. 1 – *6*). Расположено в 330–400 м восточнее берега р. Ома, на удалении около 100 м к ЮЗ от местонахождения Ома IV. Данное место отделено от реки сырой заболоченной 2–4 м поймой с небольшим озерцом. Высота его над уровнем моря – около 6 м. Археологический материал собран в трех пунктах, с поверхности участка длиной около 400 м – на второстепенной грунтовой дороге, сворачивающей в пойму. Он представлен кремневыми орудиями и отходами их производства. Всего собрано 41 изделие.

В пункте 1 – 3 чешуйки, 3 осколка, 18 отщепов, в том числе – 7 сколов оформления бифасов, незавершенный бифас и 2 концевых скребка.

В пункте 2 найден фрагмент бифаса – наконечник копья или дротика (рис. 3 – *3*).

В пункте 3 обнаружено 3 осколка и 8 отщепов, включая 6 сколов оформления бифасов, незавершенный бифас (наконечник стрелы) и отщеп с мелкой нерегулярной ретушью.

Выводы. Археологические памятники, выявленные в процессе разведки 2013 г., представлены в основном сборами подъемного материала на разрушенной поверхности. Исключение составляют находки из шурфа на стоянке Ома II. Это указывает на перспективность дальнейших обследований и раскопок в долине р. Ома. Собранные коллекции состоят в основном из кремневых изделий (табл. 1). Фрагменты керамических сосудов невыразительные и обнаружены только на стоянке Ома II.

Кремень, использовавшийся для изготовления орудий, на всех памятниках достаточно однороден и представлен сырьем разных оттенков серого цвета. На ряде изделий стоянки Ома II, местонахождений Ома III, IV и V выявлены свидетельства применения тепловой обработки сырья, предваряющей его расщепление. К признакам применения этого приема можно отнести следующие.

- Изменение внутренней структуры кремня сопровождается появлением глянцевого, «жирного» блеска в изломе.

- У многих разновидностей кремня первоначальный цвет приобретает более «теплые» оттенки; особенно это характерно для кремня красного, розового и других цветов, в то время как серый кремень практически не меняет окраски.

- Непременным доказательством тепловой подготовки служит сочетание на одном предмете блестящей поверхности последних сколов и матовой «преповерхности» сколов, снятых до тепловой обработки [*Гиря, 1997*. С. 52–56].

Для коллекций долины р. Ома характерны первый и третий признаки. Цвет изделий после термического воздействия у них значительно не менялся.

В настоящее время материалы археологических памятников данного района документируют северную границу распространения этого интересного явления в технологии расщепления камня в Европейской части России.

Судя по присутствию в коллекциях бифасов в различной стадии расщепления, а также специфических сколов бифасиального утончения, каменная индустрия памятников Ома I–VI направлена на изготовление «тонких» бифасов. Их морфология и состав остальной части орудийных наборов, представленных пока неполно, свидетельствует о бытовании стоянок в рамках энеолита – эпохи бронзы. Уточнение культурно-хронологической атрибуции выявленных объектов станет возможна только после их раскопок.

Несмотря на то, что коллекции этих местонахождений представлены почти исключительно сборами подъемного материала, они дают нам первичные сведения о заселении этого региона в первобытности и адаптации его обитателей к суровым условиям Крайнего Севера.

Литература

Атлас к Тр. IV АС. – Казань: Типогр. ИКУ, 1889. – Табл. А, Б; I–XVI. – 22 с.

Вениамин, архимандрит. Самоеды мезенские // ЭС ИРГО. – СПб.: Типогр. Э. Праца, 1858. – Вып. IV. – С. 19–82.

Гиря Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа древних орудий труда (Археологические изыскания. – Вып. 44). – СПб.: Изд-во «Академ Принт», 1997. – Ч. 2 – 198 с.

Журавский А. В. Результаты исследования «Приполярного» Запечорья в 1907 и 1908 гг.: Предварительное сообщение. Читано в соединенном заседании Отдела Географии Математической и Географии Физической И.Р.Г.О. 2 декабря 1908 г. // Изв. ИРГО. – СПб.: Типогр. ИАН, 1909а. – Т. 45. – Вып. 1–3. – С. 197–231; Изв. ИРГО. – СПб.: Типогр. М. М. Стасюлевича, 1909б. – 35 с. (отд. оттиск).

Истомин Ф. М. Предварительный отчет о поездке в Печорский край летом 1890 года // Изв. ИРГО. – СПб.: Типогр. А. С. Суворина, 1890. – Т. XXVI. – С. 432–459.

Кулик Н. А. Поездка в Большеземельскую тундру летом 1910 г. // Тр. ОЗ ИСПбУ. – СПб.: Типогр. А. Э. Коллинс, 1914. – Т. III. – С. 1–20.

Кулик Н. А. Предварительный отчет о поездке в Большеземельскую тундру летом 1910 г. // Зап. ИМО. – ПТг.: Типо-литогр. К. Биркенфельда, 1915. – Сер. 2. – Ч. LI. – С. 1–56.

Латкин В. Н. Дневник Василия Николаевича Латкина, во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 гг. // Зап. ИРГО. – СПб.: Типогр. ИАН, 1853. – Кн. VII. – 143 с.

Лепехин И. Дневные Записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. – СПб.: Типогр. ИАН, 1805. – Ч. IV. – 457 с.

Лузгин В. Е. Археологические находки на побережье Чешской Губы и полуострова Канин // ИФС. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1963. – Вып. 8. – С. 99–102.

Лузгин В. Е. Разведка в Малоземельской тундре // АО 1973 г. – М.: Наука, 1974. – С. 20.

Михеев К. Стоянка древнего человека на территории с. Ома // VI Малые Аввакумовские чтения: Мат-лы конф. – Нарьян-Мар: Изд-во ООО «Красный город», 2007. – С. 50-53.

Мурыгин А. М., Карманов В. Н., Кленов М. В. Новые археологические исследования в тундрах северо-востока Европы. – Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2012. – 68 с.

Отчет ИАК за 1890. – СПб.: Типогр. ИАН, 1893. – 151 с.

Хлобыстин Л. П. Крайний северо-восток Европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы // МИА. – Л.: Наука, 1973. – № 172: Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита / Под ред. Н. Н. Гуриной. – С. 54–65.

Чернов Г. А. Атлас археологических памятников Большеземельской тундры. – М.: Наука, 1985. – 169 с.

Шренк А. Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам предпринятое по высочайшему повелению в 1837 г. – СПб.: Типогр. Г. Трусова, 1855. – 665 с.

Штукенберг А. А. Отчет геологического путешествия в Печорский край и Тиманскую тундру: Мат-лы для геологии России. – СПб.: Типогр. ИАН, 1875. – Т. VI. – С. 99–110.

Штукенберг А. А. Каменные орудия и бронзовые вещи, найденные в Печорском крае в 1874 г. // Тр. IV АС в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г. – Казань: Типогр. ИАН, 1884. – Т. I. – С. 31–33.

Crabtree D. E., Butler B. R. Notes on Experiment in Flint Knapping: 1. Heat Treatment of Silica Minerals // Tebiwa: The Journal of the Idaho State University Museum. – Pocatello, Idaho, 1964. – Vol. 7. – No 1. – P. 1–6.

Таблица 1

Памятники Ома I – VI. Количественные характеристики коллекций

Памятник и место находки	Чешуйки	Осколки и термические отщепы	Отщепы крупные	Отщепы средние	Отщепы мелкие	Среди отщепов: сколы оформления бифаса	Пластины	Бифасы на различных стадиях расщепления	В том числе преформы	В том числе наконечник стрелы (бифас)	В том числе мелкие обломки	В том числе нож, копье	Скребки	Отщепы с ретушью	Неопределимые орудия	Пластины с ретушью	Выемчатые орудия	ВСЕГО	В том числе со следами тепловой обработки
Ома I, п/м, бичевник	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	3	0	0	0	4	1
Ома I, п/м, борт карьера	1	12	0	2	11	3	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	27	0
Ома I, п/м, дно карьера	0	0	0	1	6	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	9	0
Ома II, п/м	101	36	1	3	221	112	6	7	0	0	3	0	5	4	2	0	0	386	128
Ома II, шурф	33	10	0	2	37	20	5	1	0	0	0	0	2	6	2	0	0	98	1
Ома III, п/м, пункт 1	0	11	0	9	71	27	3	5	2	0	2	1	5	0	0	0	0	104	6
Ома III, п/м, пункт 2	0	7	0	3	14	7	0	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	26	23
Ома IV, п/м	0	2	0	1	22	13	1	2	0	0	2	0	1	0	0	0	2	31	29
Ома V, п/м, пункт 1	0	15	0	24	35	17	3	4	0	1	1	1	7	7	0	2	0	97	31
Ома V, п/м, пункт 2	0	5	0	1	3	0	0	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	11	1
Ома V, п/м, пункт 3	0	6	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	7	0
Ома VI, п/м, пункт 1	3	3	0	2	16	7	0	1	0	0	0	0	2	0	0	0	0	27	5
Ома VI, п/м, пункт 2	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	0
Ома VI, п/м, пункт 3	0	3	0	0	8	6	0	1	0	0	1	0	0	1	0	0	0	13	6
ВСЕГО	138	110	1	48	445	213	19	24	2	2	9	3	26	22	4	2	2	841	231

Примечание: п/м – подъемный материал, сборы с поверхности

Рис. 1. Район проведения разведочных работ 2013 г. (I) и местонахождение выявленных памятников (II):
1 – Ома I; *2* – Ома II; *3* – Ома III; *4* – Ома IV; *5* – Ома V; *6* – Ома VI

Рис. 2. Кремневые изделия. Незавершенные бифасы со свидетельствами применения тепловой обработки заготовок (пунктиром отмечены зоны расщепления после термической обработки):
1 – Ома I; *2* – Ома II.

Рис. 3. Кремневые изделия. Бифасы на различных стадиях расщепления:
1 – наконечник стрелы;
2, 4 – незавершенные бифасы;
3 – наконечник дротика или копья, фрагмент.
1 – Ома V; *2* – Ома III;
3 – Ома VI, пункт 2;
4 – Ома II

Рис. 4. Кремневые изделия. Ома V, пункт 1:
1–3, 5, 6 – скребки; 4 – острие; 7 – наконечник стрелы; 8 – незавершенный бифас, фрагмент; 9 – нож

Т. Н. Собольникова
г. Ханты-Мансийск
ОУИПИР,
А. В. Кузина, А. В. Кениг
г. Новосибирск
ИАиЭ СО РАН

МОНИТОРИНГ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ОКТЯБРЬСКОГО РАЙОНА ХМАО – ЮГРЫ В 2013 Г.

На территории ХМАО – Югры, в рамках реализации ведомственной целевой программы «Историко-культурное наследие Югры на 2011–2013 годы и на период до 2020 г.» в последние полевые сезоны проводился археологический мониторинг, включавший в себя комплекс мероприятий по обследованию, изучению и научному документированию объектов археологического наследия (ОАН).

В рамках настоящей статьи представлены результаты археологического мониторинга, проведенного в полевом сезоне 2013 г. в Октябрьском р-не ХМАО – Югры, в бассейне р. Ендырь (левый приток р. Обь). Основной акцент сделан на ландшафтно-топографические особенности данного микрорайона и археологических объектов, а также, на анализ и интерпретацию материалов, полученных в сборах. Итоги мониторинга, связанные с охранными мероприятиями, их технического состояния изложены в отдельной работе [*Собольникова и др., 2014*].

Основными задачами археологических работ, согласно техническому заданию, подготовленному Службой государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО – Югры, являлись:

- топографо-геодезическая съемка территории памятников археологии;
- установление границ территорий ОАН;
- определение состояния ОАН;
- оформление учетных документов.

Объектами исследований являлись:

- городища Ендырское 1 (Эмдер), Ендырское 2–8;
- селища Ендырское 1–4, 9–11;
- поселения Ендырское 5–8;
- могильники Ендырский 1 и 2.

Археологические памятники на р. Ендырь были обнаружены в 1970-х – 1980-х гг. инженером-геофизиком В. В. Долгановым. В 1993 г. при его участии объекты урочища были обследованы группой археологов УрГУ под руководством С. Ф. Кокшарова. В ходе той разведки В. А. Борзуновым и С. Ф. Кокшаровым выполнены первые съемки ендырских памятников: укрепленного жилища эпохи бронзы, восьми городищ железного века, одиннадцати разновременных селищ и двух средневековых могильников [*Борзунов, Кокшаров, 1993*; *1994*; *Кокшаров*, *1994*; *Борзунов, Кокшаров, Погодин, 1995*; *Стефанова, Борзунов, 2002*. С. 59]. Впоследствии на некоторых из них (городище Ендырское 1, могильники Ендырский 1, 2, поселения Ендырское 7, 8) сотрудниками ИИА УрО РАН и УрГУ под руководством С. Ф. Кокшарова и А. П. Зыкова проведены многолетние стационарные раскопки [*Зыков, Кокшаров*, *2001*. С. 14, 200; *2003*; *2004*; *Зыков, 2004б*; *Кокшаров, Погодин, 2005*; *Кокшаров, 2007*; *2009*; *Кокшаров и др., 2010*; *2012*; и др.].

Не углубляясь подробно в историю археологических исследований, проведенных на территории данного микрорайона, отметим, что он достаточно хорошо изучен, при этом все памятники имеют подробные планы и описания. Данное обстоятельство существенно облегчило выполнение нами археолого-топографических работ и установление границ территории ендырских памятников. Все ОАН были легко идентифицированы на местности по планам 1993 г. По итогам полевых и камеральных работ был создан цифровой план территории расположения ендырского «куста» археологических памятников в масштабе 1:500 м. Он позволяет нам представить детальные ландшафтные особенности данного археологического микрорайона, топографию ОАН, особенности пространственного расположения памятников относительно друг друга.

Все памятники расположены компактно – вдоль левого берега р. Ендырь, приблизительно в 68–72 км к ЮЮВ от г. Нягань. В этом месте река делает «петлю», меняя свое течение с широтного на меридиональное. Затем она поворачивает к СВ. Ширина меридионального отрезка р. Ендырь, вдоль которого собственно и концентрируются памятники, составляет 2,3 км. Рельеф урочища можно охарактеризовать как холмистый, он отличается сильными перепадами. Почти все памятники приурочены к коренному берегу р. Ендырь, на краю террасы располагались городища, с напольной стороны – селища. В центре и юго-восточной части

урочища, также на коренном берегу, на разных высотах находились два могильника (рис. 1). Ширина поймы, обусловленная извилистым характером реки в этом месте, варьируется от 4 до 120 м. Самыми крайними – северо-западными – памятниками микрорайона являются городище Ендырское 1 (Эмдер) и селище Ендырское 1. В 500 м к ЮЗ от них располагаются городище Ендырское 2 и селище Ендырское 2. Через 320 м к ЮВ от последних, в излучине реки – городище Ендырское 3 и селище Ендырское 3. Далее, в 320 м к ЮВ, вдоль берега реки, на протяжении 950 м находятся городища Ендырское 4–6, поселения Ендырское 4–8, могильники Ендырский 1 и 2. Через 500 м к ЮВ от поселения (укрепленного жилища) Ендырское 8 и могильника Ендырский 2 – локализуются селища Ендырское 9, 10 и городище Ендырское 7. В 300 м к ЮВ от них – самые южные (точнее, юго-восточные) памятники в этой группе – городище Ендырское 8 и селище Ендырское 11[1].

Абсолютные отметки высот в пределах микрорайона варьируются от 47 до 85 м. Наиболее высокие участки берега занимают средневековые памятники – городища Ендырское 1 (Эмдер), Ендырское 2 и селища, расположенные с напольной стороны остатков оборонительных сооружений этих укрепленных поселков – Ендырское 1 и 2. Высота берега от поймы составляет 30–39 м. Наибольшее количество ОАН урочища располагаются на участке берега, возвышающегося над поймой на 5–7 м – городища Ендырское 3–6 и селища Ендырское 3–7, могильник Ендырский 1. Датируются они разными хронологическими периодами – эпохой бронзы (время распространения памятников полымьятского, атлымского и лозьвинского типов), ранним железным веком (кулайский этап), ранним средневековьем (карымский, зеленогорский этапы) [*Кокшаров, 1994*. С. 23–33; *2007*; *Кокшаров и др., 2010*. С. 264–266; *2012*. С. 340]. В южной части коренной берег Ендыря постепенно понижается и переходит в пойму. Абсолютные отметки в этом месте составляют 50 м, высота берега от поймы – 2–3 м. На этом узком участке террасы, вытянутом между поймой и болотом, располагаются разновременные памятники – поселение Ендырское 8 и могильник Ендырский 2. Поселение Ендырское 8, почти полностью изучено раскопками, кроме двух крайних объектов – №№ 1 и 16. Оно включает в себя остатки жилых сооружений разных хронологических периодов – неолита, энеолита и раннего бронзового века, в том числе большое неукрепленное жилище (объект № 16), а также большое укрепленное жилище эпохи бронзы (объект № 1), вскрытое только частично [*Каменский, 2008*. С. 171–172; *Кокшаров, 2007*. С. 53–58. Рис. 1; *2008*. С. 217–219]. Могильник Ендырский 2, располагающийся на той же территории что и поселение, датирован поздним средневековьем (XVI – начало XVII в. н. э.). Этот некрополь, также как и могильник Ендырский 1, связан со временем функционирования городища Ендырское 1 (Эмдер) [*Зыков, Кокшаров, 2001*. С. 200]. Минимальные – в пределах микрорайона – абсолютные отметки высот (47–48 м) фиксируются на территории городища Ендырское 8 (объект № 16) и селища Ендырское 11. Высота террасы в этом месте составляет 4 м. Комплекс был датирован С. Ф. Кокшаровым ранним средневековьем (зеленогорский этап, VI–VII вв. н. э.), материалы, полученные в ходе сборов с разрушенных участков в 2013 г., подтверждают эти выводы [*Кокшаров, 1994*. С. 38–39].

В выворотнях и на участках с поврежденным почвенным слоем нами были собраны фрагменты керамики, каменных и металлических изделий. Общее количество находок в коллекции 2013 г. составляет 244 ед. Артефакты, полученные в ходе исследований, переданы на хранение в БУ «Музей природы и человека» ХМАО – Югры (г. Ханты-Мансийск). Подробное описание находок, их фотоснимки и графические изображения представлены в отчете, отправленном в ОПИ ИА РАН [*Собольникова, 2014*].

Подъемный материал, собранный в 2013 г. на городищах Ендырское 1 (Эмдер), 3, 8, поселении Ендырское 7 и могильнике Ендырский 2, позволил подтвердить выводы относительно их культурно-хронологической принадлежности, сделанные предшествующими исследователями. Кроме того, в ходе мониторинга 2013 г. были получены материалы с территорий ранее не датированных археологических памятников. К ним относятся поселение Ендырское 5 и городище Ендырское 6.

На участках с поврежденным поверхностным слоем поселения Ендырское 5 было найдено 24 фрагмента керамики от сосудов слабопрофилированной формы. Толщина стенок емкостей варьируется в пределах 3–6 мм. Керамическое тесто сосудов плотное, в некоторых случаях с естественной примесью песка, мелкой каменной крошки и слюды. Основу орнамента составляют монотонные узоры из горизонтальных рядов волнистых линий, выполненные гребенчатыми штампами, а также оттиски различных фигурных штампов («глазчатые» ромбы, меандровые узоры). В верхней части шеек сосудов, под венчиками расположен поясок ямочных вдавлений округлой формы, иногда – сквозных. Подобные орнаментальные мотивы характерны для керамической посуды карымского этапа раннего средневековья (вторая половина IV – начало VI в. н. э.) В отчете 1993 г. С. Ф. Кокшаров выдвинул предположение, что жилищные впадины данного поселения могут быть отнесены к разному времени, хотя они не перекрывают друг друга [*1994*. С. 26].

[1] Во всех публикациях и отчетах у авторов полевых исследований нумерация памятников дана римскими цифрами: Ендырские I–XI; в официальных списках ОКН Службы государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО – Югры они изменены на арабские. – *Ред.*

Сборы, проведенные в 2013 г. на территории городища Ендырское 6, не так многочисленны: всего 6 фрагментов керамики. Тем не менее, и по этим материалам общее представление об их культурно-хронологической принадлежности получить можно. Это были обломки хорошо профилированных сосудов с хорошо заглаженными стенками толщиной 4–7 мм. На шейке одной емкости сохранился орнамент, представляющий собой пояски разнонаклонных отпечатков штампов. На венчике сосуда нанесен ряд наклонных оттисков гребенчатого штампа, по шейке – ряд глубоких круглых ямочных вдавлений, образующих с внутренней стороны «жемчужины». Такая посуда находит аналогии в материалах белоярской культурой раннего железного века Сургутского Приобья (VII–VI вв. до н. э.).

В заключении отметим следующее. Несмотря на то, что археологический мониторинг на территории ХМАО – Югры проводится в рамках деятельности, связанной с охраной ОАН, он, безусловно, имеет не только практическую, но и научную значимость. В ходе данных работ археологам представляется уникальная возможность существенно пополнять источниковедческую базу по археологии Западной Сибири. Прежде всего, это получение современных геопространственных данных, которые, помимо точной привязки на карте, включают ландшафтно-топографические характеристики археологизированных объектов, особенности их выраженности в современном рельефе, планиграфию ОАН разных эпох в границах микрорайона, расположение относительно речных магистралей и т. д. Все это дает исследователям широкие возможности в плане изучения, как отдельных археологических микрорайонов, так и различных аспектов освоения древним и средневековым населением обширных пространств таежного Приобья.

Источники и литература

Борзунов В. А., Кокшаров С. Ф. В поисках Эмдера // «Вестник Приобья» [газета]. – Нягань, 1993. – № 108 (6851). – С. 3.

Борзунов В. А., Кокшаров С. Ф. Легендарный Эмдер – вымысел или реальность? // Сургут, Сибирь, Россия: Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 400-летию г. Сургута: Тез. докл. – Екатеринбург, 1994. – С. 25–28.

Борзунов В. А., Кокшаров С. Ф., Погодин А. А. Археологические исследования на реках Ендырь и Северная Сосьва // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. Новосибирск: Наука, 1995. С. 52–53.

Зыков А. П. Отчет о рекогносцировочных раскопках городища Ендырского I, проведенных в 1998 г. – Екатеринбург, 1999. – Архив ИИА УрО РАН. Ф. II. Д. 61.

Зыков А. П. Отчет о раскопках городища Ендырского I в Октябрьском районе ХМАО Тюменской области, проведенных летом 2001 г. Екатеринбург, 2002. Архив АУ ЦОКН. Инв. 3858. Д.43.

Зыков А. П. Отчет о НИР: Раскопки могильника Ендырского II в Октябрьском районе ХМАО Тюменской области, проведенные в 2002 году. – Екатеринбург, 2003. – Архив АУ ЦОКН. Инв. 4325. Д. 70.

Зыков А. П. Отчет о НИР: Раскопки Ендырского II могильника и Ендырского VIII поселения в Октябрьском районе ХМАО Тюменской области, проведенные в 2003 г. – Екатеринбург, 2004а. – Архив АУ ЦОКН. Инв. 4714. Д. 81.

Зыков А. П. Раскопки комплекса памятников в большой излучине реки Ендырь // АО 2003 г. – М.: Наука, 2004б. – С. 405–407.

Зыков А. П. Отчет о НИР: Раскопки Ендырского VIII поселения в Октябрьском районе ХМАО Тюменской области, проведенные в 2004 г. – Екатеринбург, 2005. – Архив АУ ЦОКН. Инв. 4974. Д. 118.

Зыков А. П. Отчет о НИР: Раскопки Ендырского VIII поселения в Октябрьском районе ХМАО Тюменской области, проведенные в 2005 году. – Екатеринбург, 2006. – Архив АУ ЦОКН. Инв. 5224. Д. 127.

Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. – Екатеринбург: Изд-во «Волот», 2001. – С. 320.

Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Итоги изучения Эмдера в 2001 г. // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого.– Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том ун-та, 2003. – Вып. 1. – С. 111–136.

Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Раскопки Ендырского VIII поселения в 2004 г. // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том ун-та, 2004. – Вып. 3. – С. 114–134.

Каменский С. Ю. Раскопки поселения Ендырское VIII в Октябрьском районе ХМАО – Югры в 2007 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Тюмень; Ханты-Мансийск: Изд-во «РИФ» КоЛеСо», 2008. – Вып. 6. – С. 171–172.

Кокшаров С. Ф. Отчет об археологических исследованиях, проведенных в Октябрьском районе Тюменской области в 1993 г. (Ханты-Мансийский автономный округ). – Екатеринбург, 1994. – Архив ИА РАН. Р–1. № 18258. 111 л.

Кокшаров С. Ф. Отчет о раскопках городища Ендырского I, проведенных в 1994 г. Екатеринбург, 1994. – Архив ИА РАН. Р–1. № 18771. 34 л.
Кокшаров С. Ф. Отчет о раскопках могильника Ендырского I в 1997 г. – Екатеринбург, 1998. – Архив ИИА УрО РАН. Ф. IIа.
Кокшаров С. Ф. Отчет: Археологические раскопки могильника Ендырского I в Октябрьском районе Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области, 1998 г. – Екатеринбург, 1999. – Архив ИИА УрО РАН. Ф. IIа.
Кокшаров С. Ф. Отчет: Археологические раскопки в Октябрьском районе ХМАО Тюменской области, проведенные в 1999 г. – Екатеринбург, 2000. – Архив ИИА УрО РАН. Ф. II. Д. 70.
Кокшаров С. Ф. Отчет о НИР: Раскопки могильника Ендырского II в Октябрьском районе ХМАО Тюменской области, проведенные в 2000 г. Екатеринбург, 2001. – Архив АУ ЦОКН. Инв. 2914. Д. 6.
Кокшаров С. Ф. Памятник атлымской культуры на реке Ендырь // АЭИЕ. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2007. – № 3 (31). – С. 53–62.
Кокшаров С. Ф. Раскопки Ендырского VII поселения в Октябрьском районе ХМАО – Югры в 2008 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – Вып. 7. – С. 217–219.
Кокшаров С. Ф. Отчет о НИР: Раскопки поселения Ендырское VII в Октябрьском районе ХМАО – Югры Тюменской области, проведенные в 2009 г. – Екатеринбург, 2010. – Архив АУ ЦОКН. Инв. 6204. Д. 1304.
Кокшаров С. Ф., Зимин А. Ф., Казанцева И. А., Кочнев А. В., Мотус А. И. Изучение Ендырского VII поселения в Октябрьском районе ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – Вып. 8. – С. 264–267.
Кокшаров С. Ф., Зимин А. Ф., Казанцева И. А., Мотус А. И. Археологические раскопки на поселении Ендырское VII в Октябрьском районе ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 264–267.
Кокшаров С. Ф., Погодин А. А. Мастерская бронзового века на р. Ендырь // АЭИЕ. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. – № 2 (22). – С. 100–113.
Собольникова Т. Н. Отчет о НИР: Мониторинг объектов археологического наследия в Октябрьском и Нижневартовском районах и археологическая разведка в окрестностях д. Согом в Ханты-Мансийском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, проведенные в полевой сезон 2013 года. – Ханты-Мансийск, 2014. – 2 кн. – Архив АИ РАН. Р–1. – На регистрации.
Собольникова Т. Н., Кузина А. В., Кениг А. В. Результаты мониторинга и установления границ археологических памятников в бассейне р. Ендырь // // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2014. – Вып. 12. – В печати.
Стефанова Н. К., Борзунов В. А. Археология таежного Обь-Иртышья (Хроника полевых исследований на территории Ханты-Мансийского автономного округа). – Екатеринбург: Изд-во «Академкнига», 2002. – 136 с.

Рис. 1. Схема расположения объектов археологического наследия урочища Ендырь, исследованных в рамках мониторинга в 2013 г.:
1 – городище Ендырское 1 (Эмдер); *2* – селище Ендырское 1; *3* – селище Ендырское 2; *4* – городище Ендырское 2; *5* – селище Ендырское 3; *6* – городище Ендырское 3; *7* – городище Ендырское 4; *8* – селище Ендырское 4; *9* – могильник Ендырский 1; *10* – селище Ендырское 5; *11* – селище Ендырское 6; *12* – городище Ендырское 5; *13* – городище Ендырское 6; *14* – селище Ендырское 7; *15* – селище Ендырское 8; *16* – могильник Ендырский 2; *17* – селище Ендырское 9; *18* – селище Ендырское 10; *19* – городище Ендырское 7; *20* – селище Ендырское 8; *21* – городище Ендырское 8

Ю. Б. Сериков
г. Нижний Тагил
ГСПА

МОНИТОРИНГ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА РЕКЕ СОСЬВА

Район исследований. Река Сосьва берет начало в горах восточного склона Урала недалеко от горы Денежкин Камень (высота 1492 м) на севере Свердловской обл. Длина реки 635 км. В нижнем течении Сосьва является низинной рекой. Сливаясь с р. Лозьвой, она образует р. Тавду. На протяжении 115 км от места слияния с Лозьвой автор проводил целенаправленные поиски «кладбищ» плейстоценовых животных. Во время этих работ в местах концентрации остатков древней фауны неоднократно удавалось обнаружить разновременные археологические материалы. Из-за своей труднодоступности район низовьев Сосьвы редко посещается археологами. Учитывая это, автор стал проводить ежегодный мониторинг выявленных местонахождений. Со временем образовалась представительная коллекция находок, анализ которой будет представлен в данной статье.

Краткая характеристика памятников. На обследованном участке Гаринского р-на и раньше были известны археологические памятники. Здесь же случайно местные жители находили отдельные древние предметы. Наибольший интерес из этих находок представляет серебряное блюдо из дер. Оськино (рис. 1 – *1*), а из археологических объектов – известный Махтыльский холм, расположенный у одноименной деревни (рис. 1 – *2*).

Блюдо со стилизованным изображением льва, поверх которого в более позднее время были выгравированы фигуры воинов мансийского эпоса, найдено на одном из огородов бывшей деревни Оськино. Оно неоднократно публиковалось в отечественной литературе [*Чернецов, 1953.* С. 138; *Даркевич, 1976.* С. 170, 179]. В настоящее время этот предмет находится в экспозиции НТМЗ.

Махтыльский холм расположен на левом берегу р. Сосьвы, в 3 км выше по течению дер. Махтыли. В 1950-е и 1960-е гг. на нем проводили исследования В. С. Стоколос, В. Ф. Старков и О. Н. Бадер [*Старков, 1980.* С. 52–53]. Холм является культовым памятником, на котором представлены материалы неолита, энеолита, бронзового и железного веков [*Старков, 1969.* С. 73–77]. В фондах Нижнетагильского музея-заповедника хранится 2536 находок с Махтыльского холма. Подобные древние культовые объекты известны и в других местах Среднего Зауралья. Наиболее детально исследованными из них являются Кокшаровский холм на Юрьинском оз. (Верхнесалдинский р-н Свердловской обл.) [*Шорин, 2001.* С. 151–169; *Шорин и др., 2011.* С. 70–77] и Усть-Вагильский холм на р. Тавде (Гаринский р-н Свердловской обл.) [*Панина, 2008.* С. 137–146; *2011.* С. 91–97].

Стоянка 30-й километр. На 30-м километре дорога, соединяющая поселки Сосьва и Гари, очень близко подходит к левому берегу р. Сосьвы. Обследование в данном месте прибрежной отмели привело к открытию небольшой стоянки (рис. 1 – *4*). Керамика и каменные изделия располагались компактно на участке длиной 10–12 м. В обнажении берега культурный слой не просматривался. Шурфовки памятника не производилось. Всего на отмели было собрано 38 предметов (рис. 2 – *2–5*). Среди них 33 фрагмента керамики, 2 отщепа, обломок каменного диска, лощило из талька и галька со сколами. Шейки сосудов слабо профилированные, по верхнему срезу (венчику) украшены наклонными насечками; ниже орнамент нанесен гребенчатым штампом. На шейках некоторых сосудов прослеживается поясок круглых одинарных наколов. Один из обломков, украшенный бордюром из треугольных фестонов, напоминает орнаментацию керамики зеленогорского типа VI – VII/VIII вв., но на нем отсутствует поясок круглых ямок на шейке, характерный для западносибирской посуды (рис. 2 – *4*). По керамике данный памятник можно предварительно отнести к позднему железному веку (средневековью).

Поселение Артюшка. Памятник выявлен на правом берегу Сосьвы, в 43 км от районного центра пос. Гари[1], на месте уже не существующей дер. Артюшка (рис. 1 – *5*). Остатки древнего поселения располагались на высоком (8 м) коренном берегу. Подъемный материал обнаружен у основания террасы – на береговой отмели, на участке длиной до 20 м. Всего собрано 260 предметов. Среди них – 196 фрагментов керамики, 3 изделия из глины, 37 каменных вещей и 24 кости животных.

Практически все обломки глиняной посуды орнаментированы гребенчатым штампом. Края венчиков обычно прямые, иногда слабо профилированные. С внутренней стороны они часто украшены наклонными оттисками гребенки. Снаружи под венчиками на некоторых сосудах нанесены пояски круглых или овальных наколов. Орнаментальные композиции состоят из сочетания горизонтальных и зигзагообразных поясов, выполненных оттисками гребенчатого штампа (рис. 2 – *6–10*). Данная керамика имеет сходство с энеолитической посудой аятского типа. Кроме того, она аналогична материалам гребенчатого комплекса Усть-Вагильского холма [*Панина, 2011.* С. 91–97, рис. 2 – *1–9*].

Каменные изделия представлены наконечником стрелы, острием, скребком, отбойником, ножами, заготовками орудий, обломками шлифованных орудий, колотой галькой и отщепами с краевой ретушью и без нее.

Над местом сбора подъемного материала на протяжении 2,5 м произведена зачистка берегового склона. Она показала следующую стратиграфию (слои перечислены сверху вниз): 0–3 см – дерн; 3–20 см – светло-желтая супесь; 20–50 см – серо-коричневый суглинок с вкраплениями кусочков глины; 50–64 см – желто-серо-коричневый суглинок с пятнистыми разводами. С последним слоем связаны немногочисленные находки керамики. Ниже залегает горизонт темно-серого суглинка без находок, мощностью 20–30 см. Материк – серо-голубая глина типа алеврита [*Герасименко, 2003.* С. 29–30].

Комплекс находок выглядит достаточно однородным, поэтому памятник предварительно можно отнести к однослойным и датировать эпохой энеолита.

Ниже по течению реки от дер. Артюшка обнаружены немногочисленные археологические материалы (разновременный каменный инвентарь и керамика), находившиеся в местах залегания костей плейстоценовых животных.

На ***местонахождении Дёмин мыс***, расположенном в 21 км от пос. Гари (рис. 1 – *6*), найдены 2 каменных изделия – отщеп с ретушью из халцедона и острие на отщепе из туфопорфирита.

В 14 км от Гарей находится ***местонахождение Евалга*** (рис. 1 – *7*). В размыве берега найдены скребок на отщепе кремнистого сланца, размером 7×3,3 см, а также 2 отщепа.

Местонахождение ОЛП (Объединенный лагерный пункт) находится на юго-западной окраине пос. Гари (рис. 1 – *8*). На нем обнаружено скопление изделий мезолитического облика (35 экз.): нуклеус, технические сколы, отщепы, пластинки с ретушью и без таковой [*Сериков, 2011.* С. 12–13].

На ***местонахождении Гари II*** (рис. 1 – *9*) найдено рыболовное грузило из песчаника, размером 14,5×9,7×3,9 см. Один из боковых концов изделия имеет забитость как у отбойника.

Несколько поздних артефактов собрано на площади палеолитической ***стоянки Гари I*** (рис. 1 – *10*). Это 2 фрагмента венчиков сосудов, украшенных гребенчатым орнаментом, каменные нож и отщеп с ретушью.

Следует также упомянуть о том, что в начале 1970-х гг. местные жители здесь же, на стрелке мыса, в верхнем гумусированом слое, видели старые ***могилы***, обложенные досками хорошей сохранности. Под ними в осыпи находили угли и «черепки с узорами». Возможно, обломки сосудов происходили из этих разрушенных могил.

В 2004 г. у нефтебазы на северной окраине пос. Гари были зафиксированы ***три мезолитических местонахождения (стоянки)***, которым присвоено общее наименование ***«Нефтебаза»*** (рис. 1 – *11*). Они располагаются на соседних мысах берега р. Сосьвы высотой до 4 м. На первом и втором мысах найдено, соответственно, 4 и 16 каменных изделий. На третьем мысу, на площади 6×10 м, собрано 135 каменных предметов, в том числе нуклеусы, технические сколы, резцы, острие, скребок, пластинки с ретушью и без нее, отщепы и осколки. Материалы памятников опубликованы [*Сериков, 2011.* С. 12–16].

Палеолитические изделия стоянки Гари I отличаются от мезолитических материалов памятника Нефтебаза целым рядом характеристик. Для последних характерны небольшие (длиной до 3 см) и почти полностью сработанные нуклеусы без пришлифовки карнизика ударной площадки. На стоянке Гари I преобладают пластинки шириной 0,9–1,7 см (73% от общего их количества), тогда как в комплексах Нефтебазы – пластинки шириной 0,5–0,8 см (66%). Узкие пластинки, шириной до 1,0 см, на Гаринской стоянке составляют 27,4%, на памятнике Нефтебаза – 94,1%. Имеются отличия и в составе минерального сырья, из которого изготовлены каменные орудия. На стоянке Нефтебаза нет изделий из темно-серой яшмы, халцедона, роговика и молочного кварца, зато имеются предметы из лигнита. По всей видимости, в эпоху мезолита у местных первобытных коллективов изменились источники сырья. Люди палеолита, обитавшие на стоянке Гари I, использовали местные галечники: характерную галечную корку здесь имеют 56,5% изделий. «Мастера» мезолита перешли к утилизации плиточного сырья: предметов с плиточной коркой на стоянке Нефтебаза – 34,8%.

Открытие однослойных памятников в бассейне Сосьвы со временем решит проблему истоков местного мезолита, а также поможет выделить мезолитические комплексы из общей массы археологических материалов, найденных на *памятниках смешанного типа*, которые мы по традиции называем многослойными.

Целая серия археологических памятников была обнаружена в окрестностях дер. Рычкова – ***местонахождения (стоянки) Рычкова I–V*** (рис. 1 – *13–17*). Рядом с деревней на размыве берега высотой до 6 м

[1] Здесь и далее расстояния до памятников приводятся по реке.

найдены каменные наконечники дротика и стрелы, 2 скребка и 2 отщепа (памятник Рычкова I). Второй археологический объект (Рычкова II) зафиксирован непосредственно под домами деревни. Берег в этом месте достигает высоты 8–9 м. Среди находок – шлифованное тесло, отщеп и фигурный кремень. Кремневая фигурка изготовлена на отщепе кремнистого сланца при помощи краевой ретуши. Мелкой ретушью с брюшка выделено остроконечное ухо зверя, а «выломом» подчеркнута подчелюстная выемка. Это самая северная находка кремневой скульптуры на территории Среднего Зауралья. Вопрос о ее датировке остается пока открытым [*Сериков, 2012.* С. 217–218]. Следующие три местонахождения зафиксированы ниже по течению от деревни. Они приурочены к устьевым мысам оврагов, разрезающих коренной берег р. Сосьвы высотой до 5 м. На одном из них (Рычкова III) обнаружены фрагмент керамики и каменный наконечник стрелы. На втором (Рычкова IV) собрана коллекция из 16 предметов: 10 обломков от глиняного сосуда раннего железного века, каменные скребло, скребок, пластинка и 3 отщепа. Последнее местонахождение (Рычкова V) представлено осколком керамики, каменным теслом и отщепом. Тесло целое, полностью отшлифованное, имеет форму равнобедренного треугольника высотой 7,8 см. Ширина лезвия орудия – около 6,5 см.

Местонахождение Мелеева. Напротив устья р. Исток, в 14 км от Гарей, рядом с бывшей дер. Мелеева (рис. 1 – *18*) обнаружено шесть фрагментов керамики от сосуда раннего железного века.

Стоянка Балакина. В 17 км вниз по течению Сосьвы от пос. Гари, на западной окраине заброшенной дер. Балакина выявлен многослойный поселенческий памятник (рис. 1 – *19*). Это – самый крупный из числа обследованных нами объектов на р. Сосьве. Он заслуживает более детального описания.

Памятник расположен на коренном мысу вытянутой стреловидной формы высотой до 9 м. Через стрелку мыса проходит проселочная дорога. Шурфовка поверхности выступа и зачистка обнажений на его склонах выявили слабую насыщенность культурного слоя находками. Стратиграфия стоянки следующая (слои перечислены сверху вниз): 0–8 см – гумус; 8–32 см – серо-бурый суглинок; 32–48 см – светло-серая супесь, в которой залегали культурные остатки в виде керамики и каменных изделий. Материк – плотная красно-бурая глина [*Герасименко, 2003.* С. 5–9]. Несмотря на слабую насыщенность культурного горизонта находками, в «размыве» берега собрано 530 фрагментов керамики и около 300 каменных изделий.

Керамический комплекс. Неолитическая керамика (101 фрагмент) относится к двум культурно-хронологическим типам. Большая часть сосудов украшена прочерченной волной, которая в ряде случаев сочетается с неглубокими круглыми наколами. Единичные обломки орнаментированы в технике «отступающей палочки». На внутренней стороне сосудов под венчиком сформован специфический налеп (рис. 3 – *2, 4, 6;* 4 – *1, 2*). С этой же группой посуды связаны два фрагмента плоских днищ, орнаментированных «отступающей палочкой». Плоскодонные баночные емкости с подобным декором известны в материалах кошкинской культуры.

Верхние части неолитических сосудов второй группы слегка наклонены внутрь, имеют плоский край (венчик), орнаментированный овальными наколами. С внешней стороны под венчиком прослеживается узкий и невысокий валик. Стенки емкостей украшены круглыми или овальными наколами (рис. 3 – *1, 3, 5, 7–9*). Данные сосуды можно отнести к керамике сатыгинского типа.

Около 300 черепков характеризуют посуду эпохи энеолита. Можно предположить, что энеолитические емкости были как открытой, так и закрытой формы – со слегка отогнутыми наружу или наклоненными внутрь верхними частями стенок, а также в основном круглодонные. Венчики (верхние срезы емкостей) разных вариантов: приостренные, узкие плоские горизонтальные или широкие резко скошенные внутрь. Верхние края сосудов как горизонтальные, так и волнистые. Орнамент густой, гребенчатый, по-видимому, покрывал всю поверхность сосуда. В верхней части стенок под венчиком у многих емкостей нанесен поясок одинарных ямок или жемчужин. Обратная сторона венчиков часто украшена отпечатками наклонно поставленного гребенчатого штампа. На тулово сосудов орнамент наносился в виде прямых или зигзагообразных линий. Известен орнамент в технике шагающей гребенки. Плоское днище также декорировано гребенчатым чеканом (рис. 4 – *3–8*). Подобная керамика близка или аналогична керамике аятского типа.

Керамика других типов, относящихся к финалу эпохи бронзы (вагильская), первой половине раннего железного века (гамаюнская) и его второй половине (синдейская или «усть-полуйская»), единична. По-видимому, к последней группе относятся около 80 обломков стенок без орнамента.

Каменный инвентарь. Из шести нуклеусов четыре имеют микролитоидный облик. Среди них – два призматических и столько же торцовых. Их высота варьируется от 1,5 до 2,2 см. Ширина негативов составляет 0,3–0,4 см (рис. 5 – *2–5*). Пятый нуклеус изготовлен из кремневой гальки и относится к типу трехсторонних торцовых. Его высота – 2,9 см, ширина негативов – 0,6–0,7 см (рис. 5 – *1*). Еще один нуклеус – торцовый, высотой 4,2 см, выполнен из плитки кремнистого сланца.

Кроме целых экземпляров, найдено четыре расколотых нуклеуса, семь поперечных сколов с нуклеусов и один ребристый, а также шесть ребристых пластин.

Пластинчатый комплекс по ширине пластин и минеральному сырью четко подразделяется на две группы. Большая часть микропластинок (92 экз.) имеет ширину 0,5–0,6 см. Среди них встречаются резчики, пластинки с ретушью (со стороны спинки и с брюшка), а также предметы с отретушированными выемками (рис. 5 – *6–15*). Все они изготовлены в основном из кремнистых сланцев. Во вторую группу входят пластины шириной от 1,0 до 2,5 см (35 экз.). Минеральное сырье более разнообразное: кремнистый сланец, светло-серая яшма, светло-серая слабоокремнелая порода, алевротуф, туфопорфирит. Большая часть пластин обработана ретушью со спинки или с брюшка (рис. 5 – *16–35*).

Скребки представлены изделиями на пластинах (2 экз.) и отщепах (10 экз.). Исходными заготовками двух скребков послужили обломки рубящих шлифованных орудий. Один скребок, изготовленный на пластине светло-серой яшмы шириной 1,6 см, имеет небольшой шип на лезвии. Второй выполнен на пластине правильного гранения шириной 1,1 см.

Единичными экземплярами представлены острия и кресальные кремни – по 2 экз. Оба острия выполнены на неширокиx (0,9 и 1,1 см) пластинках. Обломанный кончик одного из них обработан ретушью со стороны брюшка. Второе острие в плане изогнутое, покрыто мелкой ретушью, как со стороны спинки, так и с брюшка. Кресальные кремни выполнены на отщепах, один край у них сильно сработан.

Комплекс шлифованных изделий представителен. К рубящим орудиям относятся топор и два тесла, а также 10 их обломков. Поверхность топора из туфопорфирита отшлифована частично. Тем не менее, лезвие его сильно залощено, и на нем прослеживаются четкие линейные следы от использования. Тесла также выполнены из туфопорфирита, отшлифованы не полностью, а сквозь шлифовку проступают глубокие негативы сколов (рис. 6 – *1, 3*). В коллекции имеется тесло из кремнистой породы, обработанное только оббивкой (рис. 6 – *2*).

Почти целый шлифованный нож из туфопорфирита имеет длину 12,5 см и толщину 0,6 см. Ширина ножа в тыльной части составляет 4,0 см, к острию он сужается до 1,5 см (рис. 6 – *7*). Поверхность ножа полностью отшлифована на две грани.

Наконечники стрел представлены двумя целыми изделиями и одним обломком. Все изделия полностью отшлифованы. Наконечник длиной 4,7 см имеет ровное основание, ромбическое сечение и слегка поврежденный кончик пера (рис. 6 – *5*). Второй наконечник, длиной 9,4 см, характеризуется овальным основанием и ромбическим сечением (рис. 6 – *4*). От сломанного экземпляра сохранился кончик острия длиной 2,7 см (рис. 6 – *6*).

Уникален гребенчатый штамп для орнаментации керамической посуды, изготовленный из слюдистого сланца. Одна сторона у него плоская, вторая – слегка выпуклая, обе тщательно отшлифованы. Орудие имеет форму трапеции размером 3,5×2,9×0,7 см. На одном краю у него прорезаны крупные зубцы, еще два зубца нарезаны на противолежащей стороне. Остальные края обработке не подвергались (рис. 6 – *8*).

С абразивной обработкой связаны 2 шлифовальные плитки из песчаника, точильный брусок из слюдистого сланца и 9 отщепов, сколотых со шлифовальной плиты. Подобное использование отслуживших свой срок шлифовальных плит может свидетельствовать о нехватке минерального сырья. В эту же группу артефактов следует отнести обломок двулезвийной абразивной плиты и кусок камня со следами пропила.

Единственное рыболовное грузило изготовлено из плоской сланцевой гальки размером 7,9×6,5×2,1 см. С двух сторон камня имеются выемки для его привязывания к сети.

На 9-ти из 115-ти отщепов отмечена краевая ретушь. Больше всего отщепов выполнено из однотонных кремнистых сланцев. Имеются также изделия из туфопорфирита, алевротуфа, светло-серой слабоокремнелой породы, яшмы (сургучной и светло-серой), сланца, известняка и туфовидной породы.

Комплекс каменных изделий стоянки Балакино, безусловно, разновременный. Тем не менее, определить культурную и хронологическую принадлежность большинства представленных в нем орудий довольно трудно. Можно предположить, что микролитический комплекс памятника относится к эпохе мезолита. Во всяком случае, он ничем не отличается от материалов однослойных мезолитических местонахождений бассейна Сосьвы (ОЛП, Нефтебаза). Широкие ретушированные пластины из светло-серой слабоокремнелой породы были широко распространены в эпоху неолита. Учитывая преобладание в коллекции находок керамики энеолитической эпохи, основную часть комплекса каменных изделий (пластины, шлифованные ножи, наконечники стрел, отщепы) также следует отнести к энеолиту.

Итог. В целом на участке береговой полосы р. Сосьвы между деревнями Оськино и Петрова, протяженностью свыше 100 км, выявлено 8 древних стоянок и 15 местонахождений археологических артефактов. Представленные на них материалы датируются от мезолита до средневековья. С учетом ранее известных памятников эпохи палеолита в низовьях Сосьвы (Гари I, Евалга, Дёмин мыс, Рычкова), все это свидетельствует о постоянном заселении края с древнейших времен.

Источники и литература

Герасименко А. А. Отчет об археологической разведке по р. Сосьва на территории Гаринского района Свердловской области в 2003 году. – Нижний Тагил, 2003. – Научный архив Археологической лаборатории НТГСПА. Ф. 2. Оп. 1. – 61 с.

Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. – М.: Наука, 1976. – 198 с.

Панина С. Н. Археологические исследования на Усть-Вагильском холме (2005–2006 гг.) // ВАУ. – Вып. 25. – Екатеринбург; Сургут: Изд-во «Магеллан», 2008. – С. 137–146.

Панина С. Н. Гребенчатый комплекс керамики эпохи энеолита Усть-Вагильского холма // Шестые Берсовские чтения: Сб. статей ВАНПК. – Екатеринбург: Изд-во «Квадрат», 2011. – С. 91–97.

Сериков Ю. Б. Новые находки кремневой скульптуры на территории Среднего Зауралья // Стратегия экономического, политического, социокультурного развития регионов в условиях глобализации: Мат-лы МНПК. – Березники: ООО «ПрессА», 2012. – С. 217–218.

Сериков Ю. Б. Первые мезолитические памятники на р. Сосьва (Среднее Зауралье) // Вестн. ПГУ. – Серия «История». – Пермь: Изд-во ПГУ, 2011. – Вып. 1 (15). – С. 12–16.

Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. – М.: Наука, 1980. – 220 с.

Старков В. Ф. О так называемых «богатых буграх» в лесном Зауралье // Вестн. МГУ. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – № 5. – С. 72–77.

Чернецов В. Н. Бронза усть-полуйского времени // МИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – № 35. – С. 121–176.

Шорин А. Ф. Первые предварительные итоги изучения Кокшаровского холма (по материалам раскопок в 1995, 1997–1999 гг.) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. – С. 162–169.

Шорин А. Ф., Шорина А. А. Хроностратиграфия неолитических комплексов святилища Кокшаровский холм // АЭАЕ. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – № 3 (47). – С. 70–77.

Рис. 1. Археологические памятники и местонахождения артефактов в бассейнах Сосьвы и Тавды:
1 – Оськино; *2* – Махтыльский холм; *3* – у Махтылей; *4* – 30-й километр; *5* – Артюшка; *6* – Дёмин мыс; *7* – Евалга; *8* – ОЛП (Объединенный лагерный пункт); *9* – Гари II; *10* – Гари I; *11* – Нефтебаза (три местонахождения-стоянки); *12* – Рычковский мыс; *13* – Рычкова I; *14* – Рычкова II; *15* – Рычкова III; *16* – Рычкова IV; *17* – Рычкова V; *18* – Мелеева; *19* – Балакина; *20* – Петрова; *21* – Усть-Лозьва; *22* – Запань; *23* – Болтышева; *24* – Шабурово

Рис. 2. Местонахождение у д. Махтыли (*1*), стоянка 30-й километр (*2–5*), поселение Артюшка (*6–10*). Керамика (*1–4, 6–10*), изделие из камня (*5*)

Рис. 3. Стоянка Балакина. Керамика эпохи неолита (*1–9*).

Рис. 4. Стоянка Балакина. Керамика эпохи неолита (*1–2*) и энеолита (*3–8*).

Рис. 5. Стоянка Балакина. Изделия из камня:
1–5 – нуклеусы; *9–15* – микропластинки; *16–35* – пластины

Рис. 6. Стоянка Балакина. Изделия из камня:
1–3 – рубящие орудия; *4–6* – шлифованные наконечники стрел; *7* – шлифованный нож; *8* – гребенчатый штамп

С. Е. Чаиркин
г. Екатеринбург
ГБУК СО НПЦ

АРХЕОЛОГИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕАЛИИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Реалии. В настоящий момент на территории Свердловской обл. зафиксировано 269 объектов археологического наследия (ОАН) федерального значения и 1403 выявленных объекта археологического наследия.

Не только региональное, но, пожалуй, общероссийское, значение и мировую известность, имеют следующие категории ОАН области:

- поселения и святилища мезолита – эпохи бронзы на Шигирском, Горбуновском и Карасьеозерском торфяниках (древних заторфованных озерах);
- древние наскальные рисунки (*писаницы*) на прибрежных скалах рр. Тагил, Реж, Нейва;
- загадочные «богатые бугры» каменного и медно-каменного веков – Кокшаровский, Усть-Вагильский, Махтыльский «холмы»;
- разновременные святилища в Камне Дыроватом на р. Чусовой, а также в Шайтанской, Лаксейской и Лобвинской пещерах;
- комплекс археологических памятников, начиная от мезолита и заканчивая XVII в. (более 100), в верховьях р. Исеть;
- места древних металлургических производств иткульской и петрогромской археологических культур, представляющих Зауральский очаг металлургии раннего и позднего железного веков.

Типологическое распределение археологических памятников Свердловской обл., по данным электронной базы ГБУК СО НПЦ, выглядит следующим образом:

- памятники поселенческого типа – 1332 (в том числе: стоянки – 507, поселения – 519, селища – 195, городища – 11)[1];
- места древних металлургических и металлообрабатывающих производств – 15;
- древние некрополи (грунтовые могильники – 14; курганы и курганные группы – 25);
- культовые памятники (святилища) – 27;
- наскальные изображения (писаницы) – 36;
- историко-археологические памятники – 8;
- местонахождения – 252.

На территории Свердловской обл. выявлено только 8 памятников наиболее древнего периода – палеолита, что, впрочем, свидетельствует не о бедности древнейшего пласта историко-культурного наследия области, а скорее – об отсутствии специализированных программ и исследований по палеолиту. От мезолита до бронзового века число памятников постепенно увеличивается (мезолит – 103, неолит – 272, энеолит – 318, бронзовый век – 529), а в эпоху железа уменьшается (ранний железный век – 325, поздний железный век – 263). При этом не определена датировка почти у пятой части археологических памятников, что опять же связано, по большей части, не с бедностью их материалов, а с недостаточной степенью изученности самих памятников. Абсолютные даты (по C^{14}) имеют не более 1% всего корпуса источников (ОАН).

Данные памятники в основном (более 70%) являются многослойными или полихронными (разновременными), представленными материалами двух и более эпох. Это является следствием невысокой скорости процессов осадконакопления и формирования культурного слоя в регионе, особенно в подзоне горно-лесного Зауралья. Последнее создает дополнительные трудности для изучения их объектов и разделения материалов различных эпох и культур.

Раскопками исследовано не более 5% памятников. Наиболее высока их концентрация (плотность), – как выявленных, так и вскрытых раскопами, – на территориях, прилегающих к двум археологическим центрам – гг. Екатеринбургу и Нижнему Тагилу. Здесь же находятся практически все исследованные раскопками памятники. Наименее изучены труднодоступные и удаленные р-ны – Ивдельский, Тугулымский, Новолялинский, Серовский. Есть такие места, где еще не ступала нога археолога или не обнаружено ни одного археологического памятника (гг. Качканар, Асбест).

В целом изученность (исследованность) Свердловской обл. на фоне других территорий УрФО достаточно высока. Обращает на себя внимание лишь незначительное количество погребений и могильников.

[1] Согласно давней и весьма странно составленной рекомендацией Минкульта РФ, поселения – это неукрепленные поселенческие памятники неолита – бронзового века, селища – это неукрепленные поселенческие памятники железного века. По археологической классификации, остатки древних поселений подразделяются на три типа: стоянки (кратковременные поселения, места обитания человека), городища (остатки поселений, имевших укрепления) и селища (долговременные неукрепленные поселения). В соответствии с последней систематикой, в Свердловской обл. известных стоянок – 507, селищ – 714, городищ – 11. – *Ред.*

Впрочем, это объясняется, по-видимому, спецификой погребального обряда древнего населения лесной зоны Урала, а именно: наличием преимущественно наземных, водных или даже воздушных (на ветвях деревьев) захоронений. Необходимо отметить, что усилиями специалистов-археологов этот редкий для нашей области вид археологических памятников в настоящее время постоянно пополняется.

Безусловно, положительным моментом в развитии археологии региона является продолжение исследований по таким приоритетным и важным темам (типам ОАН), как древнее наскальное искусство, торфяниковые поселения и стоянки, культовые памятники. Результаты раскопок и анализа таких археологических объектов обобщены в последних сборниках и монографиях, к сожалению, пока еще немногих [Древности Горбуновского торфяника …, 2010; *Широков, Чаиркин, 2011*; *Дубровский, Грачев, 2011*; *Чаиркина, 2011*; ВАУ, 2011]. Настоящим прорывом в изучении генезиса древней цветной металлургии и зарождения новых специфических культов на восточном склоне Урала является недавнее открытие уникального, даже по меркам России, жертвенного комплекса эпохи бронзы Шайтанское озеро II [*Сериков и др., 2009*; *Корочкова, Стефанов, 2010*; *Сериков, 2013.* С. 60–100].

К сожалению, в последние два десятилетия недостаточно активно изучаются широко известные объекты цветной и черной металлургии железного века горнолесного Зауралья.

В Екатеринбурге и Нижнем Тагиле базируется более десятка государственных (бюджетных) учреждений и частных предприятий, которые проводят археологические исследования. Вместе с тем, непосредственно на территории Свердловской области в настоящее время постоянно работают только три организации: Институт истории и археологии УрО РАН, Свердловский областной краеведческий музей, ГБУК СО НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры. Отдельные разведки и раскопки в области выполняют археологи УрФУ (бывш. – УрГУ) и НТГПИ – НТГСПА. Остальные учреждения проводят археологические исследования в основном в ХМАО – Югре, ЯНАО и Челябинской обл.

Проблемы. В числе наиболее актуальных из них выделим следующие.

1. В Свердловской обл. нет каких-либо региональных программ по выявлению, сохранению, изучению и популяризации ОАН. Попытки создания таких программ в 1996, 2004, 2011 гг. так и не были реализованы. Археологическая тематика, за исключением спасательных хоздоговорных исследований, не учитывается при проведении работ по реставрации памятников архитектуры, равно как в программе «Развитие туризма в Свердловской области на 2011–2016 годы» и Областной государственной целевой программе «Развитие культуры в Свердловской области на 2011–2015 годы».

2. Более 80% археологических памятников в области открыто и/или исследовалось в 1950-е – начале 1990-х гг. Их современное техническое состояние, точное местоположение, землевладелец или землепользователь земельного участка, на котором они расположены, а также культурно-хронологические позиции неизвестны. Ежегодно сотрудниками ГБУК СО НПЦ проводится осмотр сорока ОАН и мониторинг еще десяти, причем без выделения территории памятника в отдельный кадастровый земельный участок и подготовки необходимого пакета документов для внесения памятника в госреестр. На выявленные ОАН в Свердловской обл. бюджетные средства не выделяются, и какого-либо внимания к ним не ощущается. Между тем, в соответствии с ФЗ-73, выявленные объекты культурного наследия (ОКН) находятся в ведении субъекта РФ.

3. В Свердловской обл. не существует специальной программы, и не выделяются средства на спасательные раскопки археологических памятников, разрушаемых в результате природных процессов. Для сравнения, в соседнем Пермском крае на эти цели ежегодно расходуется порядка 2–6 млн. руб.

4. В областном законе от 21 июня 2004 г. № 12-ОЗ «О государственной охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) в Свердловской области» все вопросы, так или иначе связанные с археологическими памятниками, имеют отсылочный (к ФЗ-73) характер. Других вариантов нет.

5. Далеко не все отводимые для хозяйственного освоения земельные участки согласовываются с государственным органом охраны памятников. При этом лишь часть связанных с этой процедурой документов направляется сотрудниками МУГИСО на проведение специального натурного археологического обследования. В результате, при освоении разными пользователями и владельцами новых земельных участков, так и официально не обследованных профессиональными археологами, происходит разрушение еще не выявленных памятников. Например, в г. Камышлове, при сооружении несанкционированного автодрома, было уничтожено около 1500 кв. м культурного слоя поселения периода поздней бронзы Камышловское 1. На территории ОАН Аятское 1 разрушено поселение, расположенное у истока р. Аять, в районе Аятского оз. в Невьянском городском округе. Этот список можно продолжить.

6. Практически бесконтрольно и в массовом порядке происходит разрушение культурного слоя исторических городов региона, особенно Екатеринбурга

7. При МУГИСО создан Общественный совет по охране памятников истории и архитектуры, и что характерно: в его составе нет ни одного археолога. Аналогичного органа по археологии в Свердловской обл. вообще нет.

8. В Уральском регионе процветает деятельность «серых» и «черных» археологов. Противодействие им со стороны органов власти и правоохранительных органов сводится к периодическим и безрезультатным рабочим совещаниям в МУГИСО с участием представителей УВД и ФСБ Свердловской обл. Реальных дел нет.

Перспективы. Для позитивного изменения негативной ситуации, сложившейся в Свердловской обл. в деле выявления, охраны, исследования и популяризации археологического наследия, на наш взгляд, необходимо в ближайшее время предпринять следующие действия.

1. Провести рабочее совещание с участием специалистов МУГИСО, ГБУК СО НПЦ, всех учреждений и организаций, которые ведут археологические исследования на территории области, на котором обсудить основные направления и принципы работы по выявлению, изучению, сохранению и государственной охране объектов археологического наследия (ОАН).

2. Создать Научно-методический и Экспертный советы по ОАН Свердловской обл., в ведение которых будут входить разработка научно-методических рекомендаций и программ по выявлению, изучению, сохранению и охране археологического наследия региона, а также экспертная оценка археологических исследований и земельных участков, отводимых под хозяйственное освоение.

3. Разработать и принять долгосрочную (2015–2025 гг.) Региональную программу по выявлению, изучению, сохранению и охране археологического наследия Свердловской обл., предусматривающую:

- исследование приоритетных в научном плане памятников;
- проведение спасательных археологических раскопок разрушающихся ОАН;
- создание действенной системы мониторинга ОАН региона;
- проведение эффективной борьбы с «черными» и «серыми» археологами;
- проведение полного цикла работ по обследованию ОАН Уральского региона, включая определение границ, выделение и утверждение охранных зон памятников археологии, определения землевладельца или землепользователя земельного участка, на котором он расположен, заключение с ним охранного обязательства, выделения территории памятника в отдельный кадастровый участок, подготовка пакета документов, необходимого для внесения объектов археологического наследия в государственный реестр;
- финансирование работ по популяризации археологического наследия региона, возобновление печати сборника «Охранные археологические исследования на Среднем Урале», подготовка и издание научно-популярных книг по археологии Свердловской обл., создание в г. Екатеринбурге археологического парка.

4. Активизировать работу по обмену опытом государственных органов охраны ОКН Урало-Сибирского региона по вопросам выявления, сохранения, исследования и популяризации археологического наследия; созданию межрегиональных программ по приоритетным научным направлениям, изучению важнейших опорных памятников.

Выполнение таких программ может принести пользу каждому конкретному региону и даже отдельному району. Например, археологическая изученность приуральской горнолесной части Березовского муниципального р-на ХМАО – Югры очень низкая. Между тем, есть данные, что на этой территории имеются культовые пещеры, а также святилища на озерах и вершинах гор. Вполне вероятно, что там есть и наскальные рисунки: по крайней мере, в бассейне р. Северная Сосьва существует много рек со скалами. В выявлении и изучении таких памятников археологам ХМАО – Югры могут оказать помощь специалисты из соседних регионов.

Литература

ВАУ. – Екатеринбург; Сургут: Изд-во «Магеллан», 2011. – Вып. 26. – 264 с.

Древности Горбуновского торфяника. Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Изд-во «БКИ», 2010. – 198 с.

Дубровский Д. К., Грачев В. Ю. Уральские писаницы в мировом наскальном искусстве. – Екатеринбург: Изд. ООО «Грачёв и партнёры», 2010. – 216 с.

Корочкова О. Н., Стефанов В. И. Культовый памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2008 г.) // РА. – М.: Наука, 2010. – № 4. – С. 120–129.

Сериков Ю. Б. Шайтанское озеро – священное озеро древности. – Нижний Тагил: Изд-во НТГСПА, 2013. – 408 с.

Сериков Ю. Б., Корочкова О. Н., Кузьминых С. В., Стефанов В. И. Шайтанское озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // АЭАЕ. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – № 2. – С.67–78.

Чаиркина Н. М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культовой площадки Скворцовская гора V). – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2011. – 224 с.

Широков В. Н., Чаиркин С. Е. Наскальные изображения Северного и Среднего Урала. – Екатеринбург, 2011. – 182 с.

С. Н. Погорелов
г. Екатеринбург
ГБУК НПЦ СО

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ, ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ «ГОРОДСКОЙ» И «ТОРФЯНИКОВОЙ» АРХЕОЛОГИИ)

Становление «городской» археологии Свердловской области. Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области (НПЦ СО) до 2001 г. являлся государственным органом по охране объектов культурного наследия (ОКН) в Свердловской обл. Некоторая независимость от местной власти позволяла неплохо справляться с проблемами выявления, изучения и охраны ОКН. В 2001 г. функции госоргана были «взяты» областным Министерством культуры (МК). В 2002 г. памятники архитектуры, перешедшие с нашего баланса в МК области, «ушли» под начало Министерства по управлению государственным имуществом (МУГИ) Свердловской обл. Наконец, в 2013 г. случился очередной «казус» – госорганом стало областное МУГИ.

В НПЦ Свердловской обл. в 1990-х гг., благодаря появлению новых законодательных актов и проведению полевых научных работ в Верхотурье, стало складываться особое отношение к истории городов XVII–XIX вв.

В 1998 г. было создано подразделение по «Городской археологии». Наличие археологического культурного слоя в 15 исторических населенных местах Свердловской области [Постановление…, 1990.] стало основой для развертывания мониторинга, изысканий и исследований в них. К сожалению, желание иметь «городскую археологию» в области не основывалось на создании министерских программ, целевого финансирования и т. д. Но задача с «нуля» «пробить» новое направление «голыми» руками отозвалась в сердцах бывших «советских» археологов.

К 275-летнему юбилею Екатеринбурга (1998 г.) городская Администрация решила проложить ряд коммуникаций по сохранившейся Плотине Екатеринбургского завода (1720–1723 гг.), расположенной в историческом центре города, и пробить в ней – по месту расположения восточного ларя – пешеходный тоннель. Реализация этого плана должна была неминуемо разрушить часть головного сооружения памятника истории и архитектуры федерального значения «Екатеринбургский завод – Монетный двор» (Постановление Совета Министров РСФСР № 624 от 04.12.1974 г.). На наше предложение провести здесь до начала строительных работ научные изыскания и музеефицировать исторический объект городские чиновники ответили грубым отказом. По их приказу рабочие экскаватором снесли сотни кубометров культурного слоя, разрушили бревенчато-плаховые конструкции Плотины XVIII в. и каменные выкладки XIX в. После этого наше отношение к проблеме спасения памятников в исторических городах окончательно сформировалось [*Волков и др., 1999*].

Мы стали осуществлять постоянный мониторинг в зоне застройки XVIII–XIX вв. Екатеринбурга [*Кузнецова и др., 2002*], т. е. фактически в «Зоне охраны памятников истории и культуры г. Свердловска» (Решение Свердловского облисполкома «О мерах по улучшению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры» от 25.11.88 г., № 446).

Проблемная ситуация в «городской» археологии Екатеринбурга и Свердловской области. Конец 1990-х и 2000-е гг. стали «смертельными» для памятников археологии, истории и архитектуры Екатеринбурга, временем расцвета строительства коммерческого жилья, офисных и торгово-развлекательных центров. Администрация города в этом деле достигла 1-го места в России. Несмотря на наличие законов об охране памятников и утвержденных зон охраны ОКН города, развернулась массовая застройка исторического центра мегаполиса и прилегающих территорий, перешедшая с годами в сплошную точечную. Мы не будем говорить о проблемах, возникших при этом в городе, но понятно, что последствия этого «развития» еще десятилетиями будут сказываться на нас.

Одновременно с Екатеринбургом и Верхотурьем мы впервые стали проводить мониторинг в исторических городах области: Туринске, Ирбите, Алапаевске, Невьянске, Нижнем Тагиле, Камышлове, Каменск-Уральске и др. [*Погорелов, 1998б*; *2008б.*; *2011а*; *2011б*; *2013а*; *2013г*; *2013д*; *Погорелов, Святов, 2002*; *Погорелов, Попов, Святова, 2011*; *Погорелов, Попов, 2012*]. Количество нарушений законодательства по охране памятников, особенно в Екатеринбурге, зашкаливало. «Отличился» 2004 г. когда мы зафиксировали 98 объектов незаконного строительства в охранной зоне памятников города [*Погорелов, 2005а*]. Строители «новой жизни» действовали отработанными методами. Например: выселяли жильцов из старых особняков – памятников истории и культуры, «устраивали» в них «бомжатники»; после этого происходили поджоги заброшенного ОКН, а затем – его «случайный» снос «неизвестным» экскаваторщиком. Вот – памятника культуры и нет. В завершении, если «договоренность» с областным МК о снятии ОКН с государственной охраны затягивалась, стройка начиналась по «беспределу». Ведь «освобожденная» земля была оплачена в Администрациях. На то, что земля и исторические памятники принадлежали городу, области или имели федеральное значение, уже никто не обращал внимания. В том числе и на отсутствие разрешений от «Архстройнадзора». В это время перед горожанами в средствах массовой информации периодически разыгрывался «спектакль» о «доброй» или «злой» городской и областной власти, представители которой борются друг с другом, «спасая или разрушая» памятники. При этом в этой «драматической» пьесе часто «герои» обменивались ролями, переходя то на одну, то на другую сторону. Легализация криминала и криминализация власти шли рука об руку к «новой жизни».

Тем не менее, мы старались использовать все доступные нам возможности для решения уставных и законодательных задач. Выявляли место незаконной стройки, устанавливали фигурантов, составляли акты о нарушении законодательства с требованиями приведения ситуации к соответствию законам. В том числе указывали на обязательность проведения археологических обследований. Если это не помогало, выписывали законодательное предписание о приостановке строительных работ, и далее нависала угроза суда. Без какой-либо юридической и финансовой поддержки, а также без необходимого в таких случаях снаряжения и оборудования, в постоянном преодолении сопротивления застройщиков, администраций и прочего, ежегодно нам удавалось не только фиксировать нарушения и докладывать об этом по инстанциям, но и проводить надзоры, разведки, археологические раскопки. Причем поначалу в нашем «городском» штате был только один сотрудник, затем их стало три.

Мы поставили перед собой задачу по наращиванию контроля за нарушениями законодательства в деле охраны памятников истории и культуры, а также по проведению большего количества натурных археологических исследований. Все это, равно как работа с властями, представителями бизнеса, «пропаганда и агитация» во всех СМИ, формировало новое отношение всех слоев общества к «городской археологии», к памятникам истории и архитектуры Родного края.

Следующим направлением стала работа с вузами и общественными организациями. Мы проводили археологическую практику, обучая и воспитывая молодежь. На кафедры с исторической специализацией были поданы темы курсовых работ по «городской археологии», и студенты писали по ним работы. Кроме того, мы постоянно взаимодействовали с Уральским обществом краеведов (УОК), Уральским церковно-историческим обществом (УЦИО), Свердловским обществом охраны памятников (СРО ВООПИК) и другими общественными организациями. Коллекции из первых раскопок, проведенных в черте города, передавали в местные музеи, а также организовывали в них выставки этих находок.

Многолетние «городские» историко-археологические исследования позволили нам приступить к разработке Охранных зон культурного слоя исторических городов области. После долгого сопротивления Администрация города предложила нам войти в 2003 г. в состав рабочей группы по разработке «Генерального плана развития г. Екатеринбурга до 2025 г.». Были определены исторические зоны города, а в 2004 г. они были согласованы с Министерствами культуры СО и РФ. Это оказалось высшей точкой наших достижений.

Между тем представители власти и бизнеса возмутились такой ситуацией, и задались вопросом: как в таких условиях проводить застройку исторического центра города. И поняли – пора кончать с этой «городской археологией». Документы с согласованными охранными зонами власти Екатеринбурга сунули «под сукно», издав в 2007 г свои регламенты землепользования и городской застройки [Правила…, 2007], в которых значительно были урезаны охранные зоны ОКН, а археологические объекты отсутствовали вообще. Кроме того, новое МК и Туризма (МКиТ) Свердловской области совершило, по сути дела, мошенничество, «переименовав» памятники истории и архитектуры с выделением новых «предметов охраны». В результате этого, например, от комплексов усадеб остались единичные здания, от здания – фасад, от всего убранства – отдельные элементы. Этим они открыли дорогу массовому сносу памятников, десятилетиями стоявших на государственной охране. В этих условиях все новые «Реестры», «Законы» и «Правила» спускаются с самого «верха», вероятно, с целью добить систему охраны памятников, «развязав руки» крупному региональному бизнесу.

В целом же массовое уничтожение ОКН в нашей области и за ее пределами похоже на «Программу» по уничтожению истории и культуры всей страны. Приведем некоторые примеры «достижений» «власти и бизнеса» по уничтожению исторического слоя г. Екатеринбурга и связанным с ним историко-культурных объектов за период с 1998 по 2013 гг.

1. Уничтожение в ходе строительных работ культурного слоя старого Екатеринбурга:

• на территории Екатеринбургского завода и Монетного двора;

• на большей части Главного Командирского двора Г. В. де Геннина и В. Н. Татищева;

• на правом берегу р. Исеть с бревенчатой и гранитной набережной Заводского городского пруда XVIII–XIX вв.;

• на участках пяти Командирских дворов Екатеринбурга XVIII в. и многих усадеб XIX в.;

• на участках фортификационных линий Первой и Большой Екатеринбургских крепостей XVIII в.;

• на большей части Купеческой слободы Екатеринбурга XVIII–XIX вв.;

• десятка кварталов с историческим культурным слоем в зоне застройки XVIII–XIX вв.

2. Уничтожение погребений старого Екатеринбурга:

• первых строителей и жителей Екатеринбургской крепости на некрополе «Заречном»;

• иностранцев на российской службе на «Первом Немецком кладбище»;

• православных поселенцев на «Первом Богоявленском кладбище» (XVIII в.);

• екатеринбургских евреев, католиков и лютеран на «Втором Немецком кладбище»;

• многих горожан на некрополе «Зеленая роща» XIX – нач. XX в.;

• до 500 могил на Старообрядческом Рязановском кладбище с погребениями 14 городские голов («мэров») Екатеринбурга XVIII–XIX вв., т. е. половины из всех избранных руководителей города до 1917 г.

Когда уничтожают самые святые и самые знаковые исторические места в городе, остается только сказать: «Для этих варваров и вандалов ничего святого нет».

Показательная «победная» экзекуция над памятниками, нами и вообще – екатеринбуржцами – была осуществлена в 2012 г., объявленном президентом РФ Д. А. Медведевым «Годом истории России». МУГИ Свердловской области продало очередной памятник истории и архитектуры областного значения (Постановление Облиспокома Совета народных депутатов от 18 февраля 1991 г. № 75) – Здание «Товарной биржи 1916–1925 гг.». Данный ОКН, кроме всего прочего, был известен посещением его многими историческими личностями. Кроме того, именно в нем проектировали знаменитый Магнитогорский металлургический комбинат. Само здание биржи строилось по проекту известного архитектора К. Т. Бабыкина, включало элементы в стиле конструктивизма и неоклассики. Согласно «разрешительному» заключению ряда федеральных (!) экспертов, городскими застройщиками ОКН был полностью снесено. От него остался только один фасад и примыкающая внутренняя лестница.

С нами чиновники и нувориши боролись не менее цинично – напрямую через областное МК. Изменили и свели наш Устав по правам и обязанностям почти к нулю. На какое-то время нам запретили составлять не только акты о нарушениях и соответствующие предписания, но и даже акты осмотра памятников историко-культурного наследия. А это уже – нарушение конституционных прав граждан РФ! Работу наших сотрудников, добивавшихся от Застройщиков исполнения законов и проведения археологических обследований на территории планируемых строительных объектов, расположенных в историческом центре города, также сводили к нулю. Областное Министерство культуры таким застройщикам давало (или «продавало») разрешительные согласования без проведения научных изысканий, а также «перенаправляло» уже готовые наши хоздоговора на частные археологические фирмы. «Халявная» халтура несколько раз «соблазнила» некоторых наших «коллег»-археологов, и также способствовала развалу системы многолетних действий по постоянному мониторингу, полной фиксации и ежегодно нарастающему числу аварийных научных исследований, к сбою в городской практике для студентов. Приказами, в том числе и внутренними, нам было запрещено информировать общественность о новых фактах уничтожения ОКН и о важных научных изысканиях, выступать на общественных слушаниях и т. д. Наконец, вместо ранее выдававшихся «грамот и дипломов», наши руководители – с подачи вышестоящих инстанций – перешли к вынесению нам регулярных выговоров и приказов на увольнение. Отдельно стоит упомянуть неоднократные попытки представителей бизнеса засудить нас и даже МК Свердловской области за действия по охране культурного наследия города. Судебные следствия в отношении дел по некоторым ОКН (Заречный и Рязановский некрополи) воистину были фарсом. Были и прямые угрозы нашим работникам со стороны бандитов-«бизнесменов», а также попытки подкупа, которые ни разу не увенчались успехом.

Кроме того, печально и то, что сейчас областным отделением ВООПИК и УОК фактически руководят не общественники, а чиновники.

В связи с этим, Решение ФЗ-245 от 23 июля 2013 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии», объявить слой « заселенной почвы» старше 100 лет – культурным слоем, выглядит как явно циничное.

К сожалению, приходится признать, что некоторые представители современной власти и бизнеса нашей области все успешнее уничтожают объекты «городской» археологии вместе с памятниками архитектуры. Следующим планомерным шагом «элиты» стало снятие с ***лесопарков Екатеринбурга*** федерального статуса «Особо охраняемых природных территорий» и перевод их в разряд «земель под застройку». Ну, здесь уже не поздоровилось и памятникам «классической» археологии.

Приведем некоторые негативные факты по другим городам области, связанные с проблемой охраны и использования ОКН.

• В Невьянске была уничтожена большая часть археологического культурного слоя на территории Первой Невьянской крепости и Демидово-Яковлевского завода с остатками их деревянной и каменной усадеб первой половины XVIII в.

• Там же снесена половина первого православного некрополя и первой Спасопреображенской церкви (1710 г.).

• В Каменск-Уральском разрушили значительную часть культурного слоя на территории первой Каменской крепости и погоста с остатками первой Святотроицкой церкви (1701 г.).

• В Ирбите проложили массу коммуникаций и построили ряд новых зданий на территории крепости и Ирбитской ярмарки XVII–XIX вв.

• В Ревде полностью снесли старообрядческое кладбище Ревдинской крепости-завода XVIII в. и остатки Михайлоархангельской церкви с родовыми склепами Демидовых.

• В Нижнем Тагиле уничтожили большие участки культурного слоя с остатками старого Демидовского завода XVIII в. (памятник федерального значения) и т. д.

Охранно-спасательные мероприятия. В противоположность этому, приведем несколько положительных примеров, а именно: проведение нашим подразделением охранно-спасательных «городских» аварийных исследований.

1. Четырехлетние исследования территории двух командирских дворов Екатеринбургской крепости, где располагались усадьба Командира Уральских и Сибирских заводов Н. С. Клеопина XVIII в. и Горнозаводская аптека XVIII–XIX вв. [*Погорелов, 2007*] При этом мы не дали проложить через памятник трубы коммуникаций в гараж губернатора области.

2. Трехлетние исследования территории Ипатьевской усадьбы с выявлением ряда сохранившихся ее архитектурных объектов. Собрана коллекция артефактов, насчитывающая 64 000 ед., в том числе вещи членов Царской семьи. Удивительно, но до сих пор она никому не нужна. Тем не менее, мы не дали окончательно уничтожить материалы, связанные с местом убийства семьи последнего Российского императора [*Погорелов, 2013б*; *2013е*].

3. Многолетние исследования на территории Первой Екатеринбургской крепости, в результате которых были выявлены «юго-западный полубастион и участок частокольной стены» крепости начала XVIII в., «Обыскательная», «Амбар готовой продукции», медеплавильный цех Монетного двора XVIII в. и другие исторические объекты.

4. Девятилетнее изучение территории Купеческой слободы с остатками дворов и усадеб XVIII–XIX вв., а также попытка спасения одного из первых десяти каменных зданий Екатеринбурга конца XVIII в., принадлежавшего знаменитым купцам Рязановым (ул. Щедрина 18). Кроме того, здесь была проведена реставрация одного из двух остававшихся участков гранитной тротуарно-водосборной линии старого Екатеринбурга по ул. Добролюбова [*Погорелов, 2005а*]. Впоследствии дом и гранитная трасса современными строителями были уничтожены.

5. Исследования в течение 12 лет некрополей Екатеринбурга (XVIII–XX вв.): православных «Заречного» и «Богоявленского»; погостов у первых Екатерининского и Богоявленского храмов; «Успенского» и «Монастырского» некрополей Ново-Тихвинского монастыря. В процессе раскопок были найдены разрушенные и утерянные могилы многих известных деятелей, например ученого Н. К. Чупина, городских голов М. А. Нурова и А. А. Черкасова, главного горного архитектора М. П. Малахова, минцмейстеров Екатеринбургского Монетного двора и заместителей Главных горных Начальников И. Ф. Фелькнера и И. И. Ленартцена, горных деятелей из династии Граматчиковых, матери и других родственников Д. Н. Мамина-Сибиряка, всех четырех игумений – настоятельниц монастыря, включая основательницу – Таисию, и др.

6. Двухлетние работы по изучению остатков Максимилиановской церкви (Большой Златоуст). Здесь была обнаружена и восстановлена на историческом месте могила единственного на то время у нас Митрофорного протоиерея – И. Д. Знаменского (ум. +1910 г.), а также захоронение «неизвестного первостроителя» Екатеринбурга (после 1720 г.?) [*Погорелов, 2005б*; *2009*; *2010б*; *2012б*; *2012г*; *2012д*; *2014б*; *Погорелов, Попов, 2005*].

7. Поиск и обнаружение останков Цесаревича Алексея и Великой княжны Марии Романовых и последующие пятилетние исследования участка Старой Коптяковской дороги под г. Екатеринбургом. Защита этих мест от застройки новым кладбищем и коттеджами [*Погорелов, 2008а*; *2010г*; *2013в*; *Погорелов и др., 2007*; *Ерохин и др., 2008*]. Разработан проект историко-ландшафтного музея-заповедника «Место уничтожения и сокрытия тел членов царской семьи Николая II и их приближенных в районе Старой Коптяковской дороги». К большому сожалению, властями всех уровней он пока игнорируется.

8. Трехлетнее изучение места расположения Уктусского завода – первого в районе Екатеринбурга казенного железо-медного завода петровских времен (1702 г.) и в последствии первого в России «золотопромываленного» предприятия (1749 г.). При обследовании мы обнаружили деревянные конструкции периода реконструкции завода В. Н. Татищевым [*Погорелов, 2012а*]. Разработан проект создания историко-архитектурного промышленно-туристического музейного комплекса – «Первые казенные заводы петровских времен на Урале» (игнорируется).

9. В 2010 г. на действующем Ивановском некрополе г. Екатеринбурга нам удалось изучить могилы и частично реставрировать памятник Брусницыным [*Погорелов, 2010в*; *2014в*]. Напомню, что речь идет о семье Льва Ивановича Брусницына – первооткрывателя россыпного золота в России. По сохранившемуся черепу Л. И. Брусницына тюменским антропологом Е.А. Алексеевой был воссоздан облик исторической личности – «Колумба Российского россыпного золота» [*Алексеева, 2011*; *2013*]. Великое открытие в 1814 г. россыпного золота в Российской империи, вывело нашу страну уже к середине века с последних на первое место в мире по добыче драгоценного металла и способствовало развитию всей державы.

О печальной участи «городских» археологических коллекций. В дополнении к теме сохранения и музеефикации ОКН заметим, что собранные за 15 лет городские археологические коллекции, насчитывающие до 200 тысяч ед., теперь никому не нужны. Они «хранятся» фактически на улице! Настоящий позор для нашего мегаполиса, чей центр застроен стеклянными высотками с многочисленными арендными помещениями! Только малое количество наших находок с великим трудом удалось «пристроить» в три государственных учреждения: Музей истории Екатеринбурга, Музей истории ювелирного и камнерезного искусства Урала, Музей сада Казанцева.

В связи с этим, Решение ФЗ-245 от 23 июля 2013 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии», объявить слой « заселенной почвы» старше ста лет – культурным слоем со всеми вытекающими последствиями, выглядит как явно циничное.

Следующим планомерным шагом «элиты» стало снятие с ***лесопарков Екатеринбурга*** федерального статуса «Особо охраняемых природных территорий» и перевод их в разряд «земель под застройку». Ну, здесь уже не поздоровилось и памятникам «классической» археологии.

Археологическое изучение торфяников Среднего Зауралья. Переходя к данной теме, заметим, что упомянутое выше открытие нашим земляком Л. И. Брусницыным россыпного золота имело и другие последствия. В частности, оно привело к еще одному мировому открытию: обнаружению в Зауралье первых «торфяниковых» памятников – на Шигирском озере [*Толмачев, 1913*. С. 195–200]. Об уникально сохранившихся с каменного и бронзового веков (мезолит – эпоха бронзы) предметах, изготовленных уральскими аборигенами из дерева, коры, кости и рога, узнали во всем мире. Это позволило более точно и правдоподобно реконструировать историю этих древних этносов. Искусно вырезанная из органических материалов коллекция первобытной зоо- и антропоморфной скульптуры каменного века поражает всех своей реалистичностью и глубоким философским смыслом. «Бренд» этой коллекции – многоликий «Шигирский идол», имеющий «возраст» около 9 тыс. лет. Всем известны и открытия на Горбуновском торфянике, начавшиеся с 1908 г. [*Клер, 1909*; *Эдинг, 1940*]]

С 1985 г., целенаправленно занимаясь темой археологического изучения торфяников Зауралья, автор открыл 14 памятников с органическими артефактами не только на упомянутых выше торфяниковых памятниках, но и на других заболоченных озерах – Шувакиш, Ельничное, Вашты, Гальянское, Первое Карасье [*Погорелов, 1988*; *1989*; *1990*; *1999*; *Погорелов, Савченко, 1990*; *Чаиркина и др., 1999*. С. 54–76]. Среди прочих найденных артефактов можно выделить:

- скульптуру антропоморфного божества «Инь – Янь», вырезанную из рога лося;
- разнотипные ковши-дуршлаги и другую деревянную посуду, украшенную резными головами водоплавающих птиц, раскрашенную краской или покрытую резным орнаментом;
- первую деревянную скульптуру медведя;
- большое ритуальное весло с головой гуся, вырезанной на конце рукояти;
- весло, покрытое красочным орнаментом;

- сложные двухсоставные весла без декора [*Погорелов, 1998а*; *2002а*; *2002б*; *2002в*; *2006*; *2010а*; *2013ж*].

Еще в 1980-х гг. было намечено создание уральской лаборатории по консервации древних изделий из органики, системное выявление и сохранение редких торфяниковых памятников, продвижение информации о российских открытиях по миру и прочее. К большому сожалению, эта тема не получила областной и федеральной поддержки, тем не менее несколько исследователей продолжают удерживать ее на плаву [*Чаиркина, 2005*; *Жилин и др., 2007*].

Главная задача в такой ситуации: сохранить уникальные «торфяниковые» объекты для будущего. Проводить новые раскопки сложно и опасно, а сохранить уже найденное почти невозможно. К примеру, официальные обращения в течение 15 лет к МК Свердловской обл. о выделении средств на консервацию 250 редчайших изделий из дерева, бересты, кости и рога только с одного памятника привели к разовому выделению мизерной суммы, хватившей на обработку только 40 предметов.

Еще хуже обстоят дела с охраной самих «торфяниковых» памятников. Судьба всемирно известного объекта «Шигирское озеро» (Шигирский торфяник) катастрофична. Вот уже десятки лет его котловина заполняется канализационными стоками и отходами медеплавильного и химического комбинатов г. Кировграда. Даже сохранявшиеся до последнего времени археологические памятники в «закрытых» торфяных заливах озера сейчас посезонно затапливаются. После этого становится все опаснее для здоровья проводить там археологические раскопки. Сами же артефакты из органики быстро разрушаются из-за влияния химически агрессивной среды. Кроме того, древние долины рек Шигирского торфяного массива уничтожаются в ходе сплошной выработки при добыче золота.

Оз. Шувакиш – сильно заторфованный древний водоем, расположенный в западной части Орджоникидзевского р-на г. Екатеринбурга (Уралмаш). Вокруг него открыто более двух десятков разновременных археологических памятников, датирующихся от энеолита до нового времени, в том числе шесть торфяниковых поселений. Оно еще мало известно специалистам, но уже открыло нам свои уникальные древние вещи (составные и раскрашенное весла, новые типы деревянной посуды, в том числе ковш-дуршлаг). В последние годы озеро практически полностью отравлено канализационными и химическими сбросами, идущими от предприятий Орджоникидзевского и Железнодорожного р-нов (Сортировка), в том числе шестивалентным хромом – из могильника, расположенного на южном берегу. Старые раскопы затоплены зараженной жидкостью. Рядом с ними опасно даже дышать. Археологические школьные отряды, много лет работавшие здесь в 1980-х – 1990-х гг., и никто другой, уже никогда не будут вскрывать пропитанные ядовитыми веществами культурные слои ряда шувакишских памятников.

Очередной акт вандализма был совершен недавно – на Первом Карасьем озере, расположенном между бывшим районом птицефабрики и аэропортом Кольцово. Это место не только первой археологической находки в г. Екатеринбурге (1873 г.), но и своеобразный Екатеринбургский «Шигир», на котором открыто пять торфяниковых археологических памятников. Представители органов власти и бизнеса так хотели попасть в призеры проведения Международной выставки «ЕХРО–2020», что проигнорировали историческое значение озера для науки города и края, требования соответствующих законов, а также наличие здесь 12 уже известных памятников археологии. Напомним, что с ***Карасьеозерского лесопарка*** чиновники тоже «сняли» федеральный статус «Особо охраняемой природной территории». При этом «забыв», что заболоченное и залесенное озеро входит в цепь проточных озер (Шарташ и Малый Шарташ), воды которых через р. Исток впадают в Исеть. Самосвалами, экскаваторами и бульдозерами менее чем за год, строители завалили озеро скальной породой и глиной. Одновременно с этим они раздавили все торфо-сапропелевые отложения с древними артефактами, вывезли на свалку тонны культурного слоя, а на новом «острове» построили ангары «ЕХРО». Почти сразу «новострой» стал тонуть в котловине озера. Тогда «строители будущего» решили новые «сто» ангаров построить ***на территории другого «отмененного» лесопарка*** с археологическими памятниками, то есть на южном берегу главного водохранилища города – Верх-Исетского пруда. Согласно проведенному опросу, 70% горожан были против проведения в Екатеринбурге «ЕХРО». Слава Богу, что Екатеринбург не выбрали! Тем не менее заинтересованные «энтузиасты»-чиновники и нувориши все равно рвутся к «прогрессу». Они хотят подать новую заявку на проведение очередной выставки через пять лет.

Вместо итога. Таким образом, даже на приведенных немногих примерах из «городской» и «торфяниковой» археологии Свердловской области можно понять, как обстоят у нас дела с выявлением, изучением, охраной, сохранением и музеефикацией ОКН [*Погорелов, 2012в*; *2014а*]. Самое простое и далеко не полное определение: катастрофическое.

Конечно, «отдельные пиры во время чумы» также никто не отменял.

Источники и литература

Алексеева Е. А. Отчет о проведенной работе по реконструкции (восстановлению) лица по черепу Брусницына Льва Ивановича (1784–1857 гг.). – Тюмень, 2011. – Архив ИПОС СО РАН. – 3 с.
Алексеева Е. А. Пластическая антропологическая реконструкция: восстановление лица по черепу Л. И. Брусницына (1784/1786–1857 гг.) // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи: Мат-лы Всерос. науч. археолог. конф. (Сургут, 1–4 октября 3013 г). – Екатеринбург: Изд-во «Магеллан», 2013. – С. 339–343.
Волков Р. Б., Морозов В. М., Погорелов С. Н. К проблеме сохранения историко-культурного наследия г. Екатеринбурга // ОАИСУ. – Екатеринбург: Изд-во «БКИ», 1999. – Вып. 3. – С. 222–229.
Ерохин Н. Г., Курлаев Е. А., Погорелов С. Н., Ражев Д. И. Сокрытое захоронение в Поросенковом логу // Вест. УрО РАН. – Екатеринбург: ИД «Автограф», 2008. – № 1 (23): Наука. Общество. Человек. – С. 47–55.
Жилин М. Г., Антипина Т. Г., Зарецкая Н. Е., Косинская Л. Л., Косинцев П. А., Панова Н. К., Савченко С. Н, Успенская О. Н. Чаиркина, Н. М. Варга 2. Ранненеолитическая стоянка в Среднем Зауралье. (Опыт комплексного анализа). – Екатеринбург: ООО «Режевской печатный дом», 2007. – 98 с.
Клер М. О. Заметки о деревянном мосте каменного века в Горбуновском болоте близ Нижне-Тагильского завода // ЗУОЛЕ. – Екатеринбург: Типогр. В. Н. Алексеева, П. Н. Галина и К^0, 1909. – Т. XXIX. – Вып. 1. – С. 1–13.
Кузнецова Е. В., Погорелов С. Н. Археологические исследования в г. Екатеринбурге // Пермский регион: история, современность, перспективы. – Березники: ОГУП ИД «Типография купца Тарасова», 2002. – С. 79–83.
Погорелов С. Н. Отчет об археологической разведке в окрестностях г. Свердловска, в Верхне-Пышминском, Кировградском, Невьянском и Березовском районах Свердловской области в 1987 г. – Екатеринбург: 1988. – Архив ПНИАЛ УрФУ (бывш. – КА УрГУ). Ф. II. Д. 461.– 25 с.
Погорелов С. Н. Отчет об археологической разведке в окрестностях г. Свердловска, в Верхне-Пышминском, Кировградском, Невьянском и Березовском районах Свердловской области в 1988 г. – Екатеринбург, 1989. – Архив ПНИАЛ УрФУ. Ф. II. Д. 466. – 31 с.
Погорелов С. Н. Деревообработка в эпоху неолита и бронзы на Урале. – Свердловск, 1990. – Архив ПНИАЛ УрФУ. Ф. III. Д. 321. – 52 с.
Погорелов С. Н. Весла из торфяниковых памятников Среднего Урала // ВАУ. – Екатеринбург: ОАО «Полиграфист», 1998а. – Вып. 23. – С. 228–240.
Погорелов С. Н. Археологические памятники Верхотурского района // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. – Екатеринбург: Изд-во «БКИ», 1998б.– С. 134–137.
Погорелов С. Н. Исследования торфяниковых памятников на восточном склоне Среднего Урала // ОАИСУ. – Екатеринбург: Изд-во «БКИ», 1999. – Вып. 3. – С. 77–83.
Погорелов С. Н. Некоторые особенности деревообработки в эпоху неолита-бронзы на Среднем Урале. // САК: тез. докл. – Ханты-Мансийск: Изд-во «Академкнига», 2002а. – С. 270–272.
Погорелов С. Н. Деревянная посуда из торфяниковых памятников Среднего Урала // УИВ. – Екатеринбург: Изд-во «Академкнига», 2002б. – № 8: Древние и средневековые культуры Урала в евразийском культурном пространстве. – С. 123–141.
Погорелов С. Н. Культовая деревянная посуда из торфяниковых памятников Среднего Урала. // ВАУ. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002в. – Вып. 24. – С. 151–144.
Погорелов С. Н. Отчет. Археологические изыскания в г. Екатеринбурге в 2004 г. – Екатеринбург, 2005а. – Архив ИА РАН. Р–1. – 95 с.
Погорелов С. Н. Охранные исследования захоронений Ново-Тихвинского женского монастыря // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005б. – С. 204–211.
Погорелов С. Н. Деревянные лопатообразные орудия из торфяниковых памятников Среднего Урала // УИВ. – Екатеринбург: Изд-во УЦАО, 2006. – № 14: Мат-лы ко II Междунар. САК. – С. 92–98.
Погорелов С. Н. Археологические исследования Командирских дворов церковной стороны Екатеринбургской крепости // ОАИСУ. – Екатеринбург: Изд-во «БКИ», 2007. – Вып. 5. – С. 188–193.
Погорелов С. Н. Отчет об исследовании места сокрытия костных останков, обнаруженных на Старой Коптяковской дороге за Поросенковым логом в Железнодорожном районе г. Екатеринбурга в 2007 г. – Екатеринбург: 2008а. – Архив ГБУК НПЦ СО; Архив СК Генпрокуратуры РФ. – 60 с.
Погорелов С. Н. Отчет о НИР по объекту: Захоронение – Ротонда представителей семьи Эристави и Кокшаровых в г. Березовский. – Березовский, 2008б. – Архив РОФ СО «Мир золота». – 17 с.
Погорелов С. Н. Прошлое будущего // ОИУ– Екатеринбург: Изд-во «БКИ», 2009. – Вып. 51: Урал в зеркале тысячелетий (V тыс. до н. э. – XXI в. н. э.). – С. 213–222.

Погорелов С. Н. Скульптурные навершия из органики (по материалам торфяниковых памятников Среднего Урала // ОАИСУ. – Екатеринбург: БКИ, 2010а. – Вып. 6: Древности Горбуновского торфяника. – С. 182–185.
Погорелов С. Н. Архитектурно-археологические исследования культовых объектов в исторических городах Свердловской области // Православие в судьбе Урала и России: История и Современность. – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбургская Епархия», 2010б. – С. 29–33.
Погорелов С. Н. Отчет о НИР по объекту: «Захоронение – памятник Л. И. Брусницына и И. Л. Брусницына на Ивановском кладбище г. Екатеринбурга». – Березовский, 2010в. – Архив РОФ СО «Мир золота». – 19 с.
Погорелов С. Н. Некоторые проблемы изучения и сохранения объектов культурного наследия, связанных с царской семьей Романовых в Екатеринбурге // Двенадцатые Романовские чтения. – Екатеринбург: ООО «Изд-во РЕАЛ-МЕДИА», 2010. – С. 84–89.
Погорелов С. Н. Некоторые итоги архитектурно-археологических исследований Невьянска в 2000–2010 годах // Мат-лы науч.-практ. конф. «Пятые Невьянские исторические чтения». – Невьянск: ИП Чумаков И. В., 2011а. – С. 186–192.
Погорелов С. Н. Приобщение народа к культуре, или Кому эти памятники… В преддверии юбилея исторического Невьянска? // Веси. – Екатеринбург: Изд-во «БКИ», 2011б. – № 6. – С. 41–47.
Погорелов С. Н. Прародитель Екатеринбурга. Как Уктусский завод из железного стал золотым (по материалам последних научных исследований) // Уральский рынок металлов. – Екатеринбург: Изд-во ООО «Эзапринт», 2012а. – № 1 (166). – С. 62–67.
Погорелов С. Н. Возрождение из небытия (идентификация останков исторических личностей из екатеринбургских некрополей) // XI УРК. – Екатеринбург, 2012б. – В печати.
Погорелов С. Н. Проблемы «Городской археологии», или комплексного научного изучения исторических населенных мест на территории Свердловской области. – Екатеринбург: 2012в. – Архив Филиала МК РФ по УрФО. – 15 с.
Погорелов С. Н. Архитектурно-археологические исследования на месте старого храма Большой Златоуст: Докл. – Екатеринбург, 2012г. – Архив УЦИО.
Погорелов С. Н. Элитный некрополь Ново-Тихвинского монастыря (некоторые итоги исследований старых погостов г. Екатеринбурга) // Веси. – Екатеринбург: Изд-во «БКИ», 2012д. – № 3–4. – С. 7–13.
Погорелов С. Н. Проблемы выявления, изучения и сохранения исторических, архитектурно-археологических объектов г. Невьянска // Мат-лы науч.-практ. конф. «Седьмые Невьянские исторические чтения». – Невьянск: ОАО «ИПП «Уральский рабочий», 2013а. – С. 215–218.
Погорелов С. Н. Предварительные итоги исторических исследований территории Ипатьевской усадьбы в 2000–2001 годах // Православие на Урале. Вехи истории: Мат-лы Второй межрегион. науч.-практ. конфн. – Екатеринбург: ООО «Изд-во УМЦ УПИ», 2013б. – С. 189–205.
Погорелов С. Н. Секретное захоронение детей императора Николая II у Поросенкова лога на Старой Коптяковской дороге // Романовы в истории Урала: Мат-лы науч.-практ. конф. – Верхотурье: ИПЦ УрФУ, 2013в. С. – 132–149.
Погорелов С. Н. Новые исследования некрополей в Екатеринбурге и других исторических поселениях. // XII УРК. – Екатеринбург, 2013 г. – В печати.
Погорелов С. Н. Исторические и архитектурно-археологические исследования в г. Верхотурье в 2011 г. // Вест. истории Верхотурского уезда. – Верхотурье: 2013д. – В печати.
Погорелов С. Н. Некоторые итоги архитектурно-археологических изысканий в 2000–2001 гг., на месте убийства Царской семьи Николая II // Четырнадцатые Романовские чтения. – Екатеринбург: 2013е. – В печати.
Погорелов С. Н. Деревянные изделия хантов Каюковых и аналогии из материалов торфяниковых памятников Среднего Урала // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: Мат-лы III науч.-практ. конф. – Сургут, 2013ж. – В печати.
Погорелов С. Н. Проблемы музеефикации объектов истории и археологии // Восьмые Невьянские исторические чтения: Мат-лы науч.-практ. конф. – Невьянск: 2014а. – В печати.
Погорелов С. Н. Новые исследования некрополей в Екатеринбурге и других исторических поселениях. // XVIII УРК. – Екатеринбург, 2014б. – В печати.
Погорелов С. Н. Л. И. Брусницын – первооткрыватель россыпного золота России (новые открытия и исследования в теме золота) // Культура русских в археологических исследованиях: Мат-лы V Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. – Тюмень, 2014в. – В печати.
Погорелов С. Н., Попов В. А. Культовая атрибутика из погребений Ново-Тихвинского женского монастыря г. Екатеринбурга. // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – С. 212–221.

Погорелов С. Н., Попов В. А. Серебряные нательные кресты с раннехристианской символикой из погребений Верхотурья и Туринска. // Девятые Татищевские чтения: Всерос. науч.-практ. конф. – Екатеринбург: ООО «Изд-во УМЦ УПИ», 2012. – С. 335–340.
Погорелов С. Н., Попов В. А., Святова Е. О. Археологические исследования исторического города Туринск в 2004 и 2007 гг. // Тр. КАЭЭ. – Пермь: Изд-во «Книжный формат», 2011. – Вып. VII. – С. 130–148.
Погорелов С. Н., Ражев Д. И., Курлаев Е. А., Ерохин Н. Г. Эхо цареубийства: открытие на Старой Коптяковской дороге // УИВ. – Екатеринбург: Изд-во УЦАО, 2007. – №17. – С. 115–120.
Погорелов С. Н., Савченко С. Н. К вопросу об истории исследования археологических торфяниковых памятников лесного Зауралья // Проблемы исследований памятников археологии Северного Донца. – Луганск, 1990. – С. 23–27.
Погорелов С. Н., Святов В. Н. Захоронения первопоселенцев г. Верхотурья и Каменска-Уральского // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. – С. 118–121.
Постановление Коллегии МК РСФСР от 19.02.1990 г. № 12, Коллегии Госстроя РСФСР от 28.02.1990 N 3, Президиума Центрального совета ВООПИК от 16.02.1990 № 12 (162) «Об утверждении нового списка исторических населенных мест РСФСР».
Правила землепользования и застройки городского округа – муниципального образования «Город Екатеринбург»: Решение Екатеринбургской городской Думы от 13 ноября 2007 г. № 68/48.
Толмачев В. Я. Древности Восточного Урала // ЗУОЛЕ. – Екатеринбург: Типогр. В. Н. Алексеева, П. Н. Галина и К^0, 1913. – Т. XXXII. – Вып. 2. – С. 195–200.
Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. – 312 с.
Чаиркина Н. М., Ерохин Н. Г., Панова Н. К., Хижняк В. А., Погорелов С. Н., Чаиркин С. Н. Археологическое исследование торфомассива Водяное-Глухое» // ОАИСУ. – Екатеринбург: Изд-во «БКИ», 1999. – Вып. 3. – С. 54–76.
Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала. Из истории звериного стиля // Тр. ГИМ. – М.: Изд. ГИМ, 1940. – Вып. X. – 104 с.

А. П. Бородовский
г. Новосибирск
ИАЭТ СО РАН

ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЮЖНОГО УЧАСТКА ПРОЕКТИРУЕМОЙ ТРАССЫ МАГИСТРАЛЬНОГО ГАЗОПРОВОДА «АЛТАЙ» В 2010–2012 гг.

Одним из масштабных проектов настоящего времени по выявлению объектов археологического наследия Южной Сибири стало исследование в 2010–2012 гг. участка проектируемой трассы магистрального газопровода «Алтай» на территории целого ряда административных субъектов юга Западной Сибири. Такие работы были проведены Новосибирской и Алтайской археологической экспедициями ИАЭТ СО РАН в Новосибирской обл., Алтайском крае и Республике Алтай под руководством автора. В исследованиях приняли активное участие специалисты алтайских государственных университетов (АГУ и ГАГУ).

Разнообразие ландшафтных зон (от южной тайги до высокогорной тундры), рельефа (равнины, предгорья, низкогорья, среднегорья и высокогорья), долин малых, средних и магистральных рек (Уени, Ини, Берди, Оби, Песчаной, Урсулы, Чуи, Катуни, Ак-Алахи) во многом определило высокую концентрацию разнотипных, разновременных и разнокультурных археологических памятников, не известных на стадии архивного изучения.

В конце полевого сезона 2010 г. начались предпроектные полевые изыскания по южному участку трассы магистрального газопровода «Алтай» [*Бородовский, Горохов, 2013в*]. Было обследовано несколько потенциальных вариантов трассы в Колыванском, Мошковском, Новосибирском сельском, Тогучинском, Искитимском Маслянинском районах. По трассе газопровода на левом берегу р. Оби были исследованы разновременные погребения эпохи средневековья на курганной группе Чучка 9. У самого края высокой обской террасы было обнаружено грунтовое погребение раннесредневековой верхнеобской культуры (Чучка 9а). Этот вариант захоронений для первой половины I тыс. н. э. является достаточно редким. Для Новосибирского Приобья можно привести еще только один пример – грунтовое захоронение раннего средневековья верхнеобской культуры из могильника Умна 6. Сопроводительный инвентарь грунтового погребения из Чучки 9а представлен комплектом поясной фурнитуры из округлых блях со шпеньком на обороте и резной роговой пластиной с зооморфными протомами на одном из краев. Роговое изделие имеет широкие территориальные и историко-культурные аналогии: от материалов святилища Усть-Полуй до древнетюркских косторезных изделий Горного Алтая и Центральной Азии.

Металлические детали пояса из верхнеобского грунтового погребения Чучки 9а демонстрируют явную «дотюркскую» принадлежность. Они аналогичны предметам поясной фурнитуры из символического погребения кургана 1 могильника Крохалевка 13, которое содержало сасанидские монеты Кавада I (518 г.) и Хосрова I Ануширавана (552 г.) [*Сумин и др. 2013*].

Следует подчеркнуть, что достаточно любопытной деталью сопроводительного инвентаря Чучки 9а является включение в него части бронзовых стремячковидных раннескифских удил с подтреугольными окончаниями. Такие детали конского снаряжения имеют явное минусинское происхождение и датируются VIII–VII вв. до н. э. [*Шульга, 2013*. С. 120. Рис. 28]. Такой факт следует рассматривать в рамках так называемых «хронологических парадоксов», выявленных в погребальном инвентаре скифского времени на Горном Алтае и в Новосибирском Приобье [*Бородовский, 2004*]. Разница во времени предметов в грунтовом захоронении из Чучки 9а составляет более одной тысячи лет, что иллюстрирует хорошо известную по этнографическим материалам на севере Западной Сибири традицию использования раритетов. Не менее значимым является и то обстоятельство, что деталь стремячковидных удил из Чучки 9а входит в круг немногочисленных, но достаточно репрезентативных предметов раннескифской эпохи Новосибирского Приобья. Среди этих вещей представлены почти все характерные категории вещей этой эпохи (пекторали, наконечники стрел, поясная фурнитура, украшения конской узды и каменные изваяния). С другой стороны, немногочисленность таких находок на территории севера Верхнего Приобья лишний раз подтверждает ограниченность импорта раннетагарских металлических изделий на эту территорию [*Бородовский, 2002*]. Важность исследованного грунтового погребения Чучка 9а, заключается еще и в том, что этот погребальный комплекс является одним из хроностратиграфических объектов верхнеобского региона. Дело в том, что раннесредневековое грунтовое погребение Чучка 9а перекрывал курган Чучка 9 с не потревоженным захоронением, датирующийся второй половиной I тыс. н. э. В состав сопроводительного инвентаря этого погребения входил целый ряд железных предметов. Среди них – наконечник копья, кельт, нож, фрагменты удил, а также роговой кочедык.

На прилегающих участках проектируемой трассы, проходящей по территории Колыванского р-на, был обнаружен бронзовый кельт эпохи раннего железа (Чучка 12) и бронзовый нож на ирменском поселенческом комплексе Чучка 8а. Первый предмет также можно рассматривать в «рамках» немногочисленного импорта тагарских бронз на территорию Новосибирского Приобья со среднего Енисея.

При исследовании мысового участка соседнего памятника Чучка 8, на котором располагались оборонительные сооружения (ров, вал), выявлен насыщенный культурный слей периода поздней бронзы (ирменская культура). Это позволяет интерпретировать его как одно из ранних городищ на севере Верхнего Приобья. Ранее к памятникам такого типа относилось Батурино 2 и, возможно, Абрашино 1. Подчеркнем, что выявление ранних городищ актуально в масштабе всего западносибирского региона.

На высоком правом берегу р. Ини в зоне пересечения ее магистралью газопровода (Мошковский р-н) было обнаружено несколько ранее неизвестных поселений (Инской ключ 1, Инской ключ 2) периода поздней бронзы (ирменская культура).

В целом в 2010 г. на территории Новосибирской обл. при обследовании проектируемой трассы газопровода «Алтай» было обследовано 22 археологических памятника, из которых 4 ранее были неизвестны.

В 2011–2012 гг. работы на трассе проектируемого магистрального газопровода «Алтай» археологическими отрядами ИАЭТ СО РАН велись преимущественно на территории Республики Алтай. Центрально-Алтайским археологическим отрядом Алтайской археологической экспедиции (АЭЭ), возглавляемой автором, были проведены работы на территории Онгудайского р-на. В ходе этих исследований на трассе газопровода протяженностью 205 км было обследовано 207 памятников, из которых 183 были выявлены впервые. На прилегающих к коридору газопровода территориях в р-не с. Озерное было обнаружена целая серия не известных ранее чашечных камней в урочищах Верх-Барбок и Булундк. Среди последних выделяется камень, на котором нанесено 64 искусственных углубления (памятник Верх-Булундык 12). Помимо этого удалось обнаружить каменоломню с незаконченным чашечным камнем (Верхняя Кекса 1), а также несколько петроглифических местонахождений (Малые Бугачи), расположенных на значительном расстоянии от основного скопления наскальных изображений у с. Озерное. Такие факты позволяют расширить зону распространения петроглифов с. Озерного на всю долину р. Теньга, вытекающей из оз. Теньгинского. Кроме того, в среднем течении этой реки отмечается «соседство» «чашечных камней», установленных у погребальных комплексов периода «развитой» бронзы с петроглифическими плоскостями, на которые нанесены чашечные углубления (Малые Бугачи). Все это позволяет рассматривать окрестности с. Озерного Шебалинского р-на как один из основных центров распространения и производства чашечных камней Горного Алтая. Другой перспективный – в археологическом отношении – участок трассы проектируемого газопровода был обследован на правобережной террасе р. Катунь, у западного склона хребта Сальджар [*Бородовский, 2013б*]. Эта территория, вследствие своей естественной изолированности, редко посещается археологами. В створе трассы картографировано 75 разновременных и разнотипных памятников (петроглифические местонахождения, курганные группы, каменные изваяния, «оборонительные» стены, оросительные каналы). Особое внимание следует обратить на следы ритуалов (фрагменты от разбитых керамических сосудов ранней бронзы и раннего железа), обнаруженные у петроглифов различных периодов скифского времени (Кор-Кобы 3, Кара Корум и Убан-Кобы), а также на предметы средневековой торевтики, зафиксированные на разновременных наскальных изображениях Аныяха.

На левом берегу р. Катунь, в урочище Булан-Кобы, выявлено несколько петроглифических композиций эпохи палеометалла со сценами охоты на маралов (Булан-Кобы 1 и 4).

Проведение исследований на протяжении трех полевых сезонов позволило не только тщательно обследовать все участки планируемой газотрассы, с учетом ее возможной корректировки, но и получить новые материалы для перспективных научных исследований.

В результате обследования почти 800-километрового участка, расположенного на юго-востоке Западной Сибири, удалось установить плотность концентрации на нем археологических памятников, причем как общую, так и локальную (для отдельных административных субъектов и их р-нов). Более того, при помощи методов статистики и картографии выявлена тенденция значительного увеличения плотности археологических памятников по мере приближения к Саяно-Алтайской горной стране, т. е. с ССВ на ЮЮЗ. Такой единовременный археологический «срез» был выполнен впервые, что можно рассматривать в качестве нового качественного «скачка» в расширении корпуса археологических источников Западной Сибири. Не менее значимым было получение новых данных по актуальным проблемам изучения и культурно-хронологической атрибуции целого ряда памятников (городищ, поселений, грунтовых и курганных могильников, петроглифов, каменных изваяний), а также по вопросам, связанным реконструкцией процесса импорта предметов и культурных связей различных регионов юга Западной Сибири.

По результатам работ, проведенных в зоне трассы проектируемого магистрального газопровода «Алтай» и на прилегающих к ней участках, оперативно издана целая серия научных статей. Тематика данного обширного списка публикаций достаточно разнообразна. Она включает:

- описание общих результатов археологического изучения трассы;
- публикацию археологических карт отдельных обследованных участков трассы;
- характеристику отдельных видов вновь выявленных памятников;
- характеристику моделей освоения обследованной территории;
- учебно-методические публикации.

В системе общего обследования вышеупомянутой трассы особое место занимают работы по характеристике и микрогеологическому районированию значительной части горного маршрута, выполненные д. г.-м. н. И. Д. Зольниковым. Взаимодействие представителей разных наук вывело наши исследования на новый, более высокий, междисциплинарный, уровень. Корреляция данных археологии и геологии – в данном конкретном случае – позволила облегчить поиск новых археологических памятников и правильно интерпретировать их пространственное распределение [*Зольников и др. 2013*].

Другим итогом наших изысканий стали подробные археологические карты, аккумулирующие сведения не только о новых памятниках, но и об археологических объектах предшествующих исследований [*Кубарев, Слюсаренко 2011*; *Славинский и др., 2011*; *Соёнов и др., 2011*; *Соёнов и др., 2013*; *Папин и др., 2013*; *Кубарев, 2013*; *Бородовский, Горохов, 2014*].

Следует также подчеркнуть, что многие обследованные территории изучались нашими предшественниками крайне выборочно либо не посещались совсем. В районах с высокой концентрацией археологических памятников, последние фиксировались с помощью современных средств GPS-навигации. Это делалось как для всего памятника, так и для его отдельных объектов.

В горной местности наиболее продуктивным был прием тотального обследования всей горной долины, особенно вдоль русел малых рек: для выявления и учета всех археологических памятников с рельефными признаками, что нашло отражение в публикациях. Качественное обновление картографии и описания целого ряда исследованных археологических памятников позволило получить материалы для составления их учетной документации на современном уровне.

Особое внимание было уделено изданию материалов по характеристике монументальных археологических объектов, таких как, каменные изваяния, петроглифы, чашечные камни и керексуры (погребально-поминальные конструкции).

На горном Алтае в ходе обследования трассы газопровода «Алтай» и прилегающих к ней территорий было выявлено около десятка каменных изваяний. Особого внимания заслуживает объект, открытый в низовьях р. Чуя, на ее левом берегу, в урочище Апшияхта [*Кубарев, 2012б*]. Во-первых, это пока единственное известное изваяние с выбивкой двух личин – мужской и женской. По своей неординарности оно вполне сопоставимо с известным Кудыргинским валуном. Во-вторых, этот объект относится к раннему периоду истории древних тюрок (V–VI вв.), археологические материалы которого крайне редки и очень значимы.

Еще одним научным результатом, который может быть «оперативно» получен в ходе археологических изысканий по хоздоговорным работам, является предварительная публикация вновь выявленных петроглифических местонахождений [*Кубарев, 2012а*]. Полное издание материалов всех петроглифов требует куда большего времени. Между тем, введение в научный оборот сведений о ранее не известных наскальных изображениях крайне важно для корректировки их общей картографии. Результатом археологического обследования трассы магистрального газопровода «Алтай» стало существенное уточнение данных по петроглифам Центрального Алтая. При этом успехи были достигнуты как на участках тщательно обследованных ранее (окрестности с. Озерного Шебалинского р-на Республики Алтай, нижнее течение р. Чуи), так и территориях, ранее не обследовавшихся системно для учета реального количества петроглифов (западный склон хребта Сальдьяр) [*Бородовский, Горохов 2013б*].

Аналогичная ситуация была характерна и для изучения чашечных камней Центрального Алтая. На трассе газопровода и прилегающих к нему участках в пределах известного археологического «куста» памятников у с. Озерное нам удалось обнаружить несколько чашечных камней, один из которых оказался уникальным, а также каменоломни для их изготовления. Таким образом, для этой разновидности археологических памятников впервые был установлен практически полный «производственный цикл»: от мест получения исходного сырья до его транспортировки на другие памятники (курганные группы). Для полноты картины следует упомянуть, что на исследуемой территории выявлены практически все варианты существования «чашечной» традиции, включая нанесение лунок на отделенные от каменоломен плиты,

перемещенные на погребальные памятники-мегалиты, а также на плоскости с наскальными рисунками [*Бородовский, Горохов 2012а*; *2012б*; *2013а*].

В Кош-Агачском р-не Республики Алтай обнаружен и предварительно обследован один из типичных монументальных объектов для Центральной Азии – *керексур*. Разновременный подъемный материал с территории этого сооружения, датирующийся от раннего железного века (медные стремячковидные удила) до средневековья (железная упряжная пряжка со щитком), красноречиво свидетельствуют о культурно-хронологической последовательности посещения этих многофункциональных объектов [*Богданов, Бородовский, 2012*; *Богданов, 2013*].

Для отдельных уникальных предметов из цветного металла раннескифского времени, найденных в урочище Кур-Кечу, на основании их химического анализа, удалось получить данные о составах сплавов. Это дополнило материалы о типологическом своеобразии данных изделий и круге их аналогий [*Бородовский, Тишкин, 2014*].

Не менее значимыми стали попытки построения моделей освоения пространства в эпоху палеолита, на основе археолого-геологического обследования трассы магистрального газопровода «Алтай». Полученные результаты позволяют создать для Горного Алтая геоинформационную модель, имеющую не только научное, но и методическое значение [*Зольников и др., 2013*]. Это существенно оптимизирует процесс поиска археологических памятников каменного века в ходе как локальных, так и широкомасштабных археологических исследований, включая хоздоговорные и охранно-спасательные работы. В настоящее время готовится коллективная монография, посвященная результатам археологического исследования проектируемой трассы магистрального газопровода «Алтай» на территории Республики Алтай.

Следует подчеркнуть, что в рамках хоздоговорных исследований особое значение имеет подготовка и издание учебно-методических публикаций [*Бородовский, 2011*]. Это не только гарантия высокого научного уровня проводимых работ, но и обобщение опыта, накопленного в полевых условиях.

Вместе с тем, в ходе подготовки и осуществления мероприятий по обследованию проектируемой трассы газопровода «Алтай» пришлось столкнуться с особой проблемой – активным пропагандистским противодействием, которое имело место даже на уровне подготовки предпроектных работ. Во многом это было своеобразным «отголоском» противостояния «общественности» и сибирских ученых после сенсационных раскопок ИАЭТ СО РАН на высокогорном плато Укок в начале 1990-х гг. По этой причине вместе со специалистами Сибирской академии государственной службы (САГС) было подготовлено и издано учебно-методическое пособие, посвященное особенностям интеграции археологического наследия в современные процессы становления национального самосознания [*Михайлов, Бородовский, 2012*]. Актуальность этого издания заключается в том, что специфика современных политических процессов ставит перед археологами всего мира задачу организации работы с общественностью на основе научно обоснованных принципов. Залогом позитивного взаимодействия всех заинтересованных сторон в отношениях археологии и национального самосознания является продуманная организация работы ученых с государственными органами, в том числе просветительская работа с будущими чиновниками. Именно в этом русле было подготовлено указанное выше пособие. В настоящее время оно активно интегрировано в учебный процесс исторических факультетов не только сибирских вузов, но и САГС.

В целом, такая оперативная публикация материалов и самых важных итогов археологических исследований, проведенных по хоздоговорным работам, реализует не только потребность своевременного ввода в научный оборот новых данных, но и является средством для разработки наиболее адекватных мер по сохранению сибирского археологического наследия.

Литература

Богданов Е. С. Работы Южно-Алтайского отряда в 2011 году в Кош-Агачском районе Республики Алтай // СИКНАК. – Барнаул: Изд-во «Азбука», 2013. – Вып. XVIII–XIX. – С. 283–286.

Богданов Е. С., Бородовский А. П. Новые данные по керексурам Горного Алтая // ПАЭАССТ: Мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 426–430.

Бородовский А. П., Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2002. – Вып. 6. – 207 с.

Бородовский А. П. Хронологические парадоксы вещевого комплекса Быстровского некрополя эпохи раннего железа // Евразия. Культурное наследие древних цивилизаций.– Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004. –Вып. 3. – С. 98–101.

Бородовский А. П. Археологическое наследие Горного Алтая. – Новосибирск, 2011. – 82 с.

Бородовский А. П. Мероприятия по выявлению и сохранению объектов археологического наследия в ходе работ по проектированию магистрального газопровода «Алтай» // ДСЦА. – Горно-Алтайск: РИО ГАГ, 2013а. – № 6 (18): Межкультурный диалог на евразийском пространстве. – С. 41–52.

Бородовский А. П. Петроглифы на каменных погребальных конструкциях афанасьевского некрополя Сальдьяр 1 // СИКНАК. – Барнаул: Изд-во «Азбука», 2013б. – Вып. XVIII–XIX. –С. 88–94.

Бородовский А. П., Горохов С. В. Результаты археологических исследований по трассе магистрального газопровода «Алтай» в 2011 г. (Алтайский край, республика Алтай) // ПАЭАССТ: Мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012а. – Т. XVII. – С. 372–373.

Бородовский А. П., Горохов С. В. Вновь выявленные чашечные камни окрестностей с. Озерное (Онгудайский район Республики Алтай) // АЮС. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 2012б. – Вып. 26. – С. 131–135.

Бородовский А. П., Горохов С. В. Результаты археологических исследований по трассе магистрального газопровода «Алтай» в 2010 г. (Новосибирская область) // ПАЭАССТ: Мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012в. – Т. XVIII. – С. 369–372.

Бородовский А. П., Горохов С. В. Чашечные камни окрестностей села Озерное (Онгудайский район Республики Алтай). // Вест. НГУ: Серия: История, филология. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2013а. – Т. 12. – Вып. 5: История, филология. – С. 182–195.

Бородовский А. П., Горохов С. В. Археологические исследования западного склона хребта Сальджар на Алтае // ПАЭАССТ: Мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013б. – Т. XIX. – С. 185–190.

Бородовский А. П., Горохов С. В. Археологические памятники долин р. Шибелик и Кулдуайры у южного склона Семинского хребта // СИКНАК. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2014. – Вып. 20. – С. 64–70.

Бородовский А. П., Тишкин А. А. Раннескифский чекан из урочища Кур-Кечу на р. Катунь // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул, 2014. – В печати.

Зольников И. Д., Постнов А.В., Лямина В. А., Славинский В. С., Чупина Д. А. Гис-моделирование условий обитания древнего человека в горах Алтая // ДСЦА – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2013. – № 6 (18): Межкультурный диалог на евразийском пространстве. – С. 21–28.

Кубарев Г. В. Петроглифы Сырнах-Гозы // ПАЭАССТ: Мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 195–200.

Кубарев Г. В. К вопросу о женских древнетюркских изваяниях на Алтае // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями.– СПб: Изд-ва ИИМК РАН; «Периферия», 2012б. – Кн. 1. – С. 339–343.

Кубарев Г. В. Археологические работы в долине р. Чуи на Алтае // СИКНАК. – Барнаул: Изд-во «Азбука», 2013. – Вып. XVIII–XIX. – С. 340–345.

Кубарев Г. В., Слюсаренко И. Ю. Археологическая разведка в долине р. Чуи на Алтае // ПАЭАССТ: Мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 409–413.

Михайлов Д. А., Бородовский А. П. Национальное самосознание и археология. – Новосибирск: Типогр. «Апостроф», 2012. – 156 с.

Папин Д. В., Редников А. А., Федорук А. С., Грушин С. П., Семибратов В. П., Фролов Я. В. Работы Североалтайского археологического отряда в зоне проектируемого строительства магистрального газопровода «Алтай» в 2011 году // СИКНАК. – Барнаул: Изд-во «Азбука», 2013. – Вып. XVIII–XIX. – С. 286–304.

Славинский В. С., Постнов А. В., Марковский Г. И. Басова Н. В., Зольников И. Д., Рыбин Е. П. Результаты разведки памятников палеолита в Алтайском крае и Республике Алтай в 2011 году // ПАЭАССТ: Мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 469–472.

Соёнов В. И., Трифанова С. В., Константинов Н. А., Соёнов Д. В., Штанакова Е. А., Эбель А. В. Археологические памятники верховьев р. Песчаной // ДСЦА – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2012. – № 4(16). – С. 27–69.

Соёнов В. И., Трифанова С. В., Константинов Н. А., Соёнов Д. В., Константинова Е. А., Эбель А. В. Археологическое обследование участка, испрашиваемого под проектируемый магистральный газопровод «Алтай» на территории Шебалинского района Республики Алтай (км 2035 – км 2120) // СИКНАК. – Барнаул: Изд-во «Азбука», 2013. – Вып. XVIII–XIX. – С. 314–321.

Сумин В. А., Ефтеева Е. М., Ануфриев Д. Е., Росляков С. Г. Археологические памятники Коченевского района Новосибирской области: Мат-лы «Свода памятников истории и культуры народов России». – Новосибирск: Изд-во НПЦ СИКН Новосибирской области, 2013. – Вып. 8. – 272 с.

Шульга П. И. Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – 150 с.

Н. П. Макаров
г. Красноярск
КККМ

ОХРАННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЕВОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ. 125 ЛЕТ ИСТОРИИ

В феврале 2014 г. Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ) торжественно отметил свое 125-летие.

Ко времени образования Красноярского музея в Енисейской губернии были открыты археологические памятники всех эпох от палеолита до средневековья. Первые консерваторы музея П. С. Проскуряков, А. С. Еленев и М. Е. Киборт активно занимались изучением древностей региона, положив начало его археологическому отделу [*Макаров, 1989.* С. 131–189]. Уже в первые годы существования Красноярского городского музея А. С. Еленев демонстрировал наиболее интересные находки, прежде всего из Бирюсинских пещер под Красноярском, на выставках в Москве Восьмого археологического съезда (1890 г.) и Всемирном конгрессе антропологов и археологов (1892 г.). Тогда же, на конгрессе, была выставлена коллекция палеолитических орудий И. Т. Савенкова, собранная им в выемках кирпичного завода на Афонтовой горе в г. Красноярске. По существу, работы И. Т. Савенкова на месте земляных карьеров были предшественниками современных охранно-спасательных работ.

В 1901 г. музей перешел в ведение Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Правителем дел КрПВСО РГО был избран А. В. Адрианов, который начинает активно пополнять археологические фонды Красноярского музея. В 1902–1903 гг. он, совместно с В. И. Анучиным, раскапывает курганы у с. Частоостровское и Сухобузимо, а также проводит спасательные раскопки почти полного скелета мамонта.

В эти годы в Красноярск поступило сообщение о проломе сгнившего потолка древнего кургана у горы Оглахты и расхищении из него местными жителями предметов погребального инвентаря. Выехав на место, А. В. Адрианов выкупил у населения все находки из могилы. Убедив Археологическую Комиссию в необходимости раскопок, он получает средства и организует охранно-спасательные работы. В итоге Красноярский музей пополнился уникальной по сохранности коллекцией изделий двухтысячелетней давности могильника Оглахты. 8 и 31 октября 1903 г. Адрианов выступает в Красноярском подотделе РГО с докладом о проведенных исследованиях, демонстрируя погребальные лицевые маски, человекоподобные манекены, одежду, глиняную и деревянную посуду, а так же зерна проса, скопления которого также были найдены в захоронениях [Изв. КрПВСО РГО…, 1904. С. 125–135].

В 1911 г. возникла необходимость проведения комплекса охранно-спасательных мероприятий в результате обнаружения уникального Ишимского клада. При первой распашке небольшого островка на болоте близ д. Ишимка, в северной части Ачинского уезда, было найдено около 100 предметов из бронзы, железа и серебра. Клад тут же разошелся по рукам местных жителей, участвовавших в его обнаружении и самодеятельных раскопках. Узнав об этом, помощник консерватора Красноярского музея А. П. Ермолаев направляет письмо Ачинскому уездному исправнику с детальным вопросником о кладе, условиях находки и информации о персоналиях авторов находок отдельных предметов коллекции [Русское географическое общество … 2001. С. 67–68]. При этом, пристав, которому было поручено выяснение всех деталей, представил подробный отчет с информацией, где и в каком виде были найдены предметы клада [*Малицкая, 2014.* С. 31–32]. Сам А. П. Ермолаев, осматривая местонахождение клада, обнаруживает еще несколько обломков бронзовых изделий, серебряные пластинки, кусочки дерева и угли, а также несколько фрагментов орнаментированной керамики. Вещи из состава клада, собранные жителями, он выкупает для музея. Коллекция оружия была представлена мечами, кинжалами, наконечниками стрел. В наиболее выразительной части клада – высокохудожественные бронзовые антропо- и зооморфные изображения, бляхи и зеркала. В итоге, музей публикует полученные материалы, открыв этим выпуском серию изданий его наиболее ярких археологических коллекций [*Ермолаев, 1914*].

Многогранная личность А. П. Ермолаева еще недооценена в археологии Сибири. Ранняя смерть в годы гражданской войны прервала его активную деятельность. Тем не менее, он успел организовать археологические исследования на памятниках Северного Приангарья, в Красноярско-Канской лесостепи, Туве и Хакасии. А. П. Ермолаев является автором-составителем археологической карты окрестностей оз. Шира, на которой нанесено около 250 курганов и несколько писаниц, скопированных исследователем [*Баташев, Вдовин, Макаров, 2010.* С. 387–390].

В письме 1914 г. в Московское археологическое общество А. П. Ермолаев пишет: «Закончу свое письмо покорнейшей просьбой не отказать обратить внимание кого следует на печальную судьбу древностей, находящихся в районе постройки новой железной дороги. По крайней мере следовало бы организовать приобретение и скупку всего находимого при земляных работах, а то если теперь за границу идут десятки и сотни пудов минусинской бронзы, то что же будет, когда вскроют земляными работами тысячи могил и сотни квадратов земли в полосе отчуждения. Страшно подумать, какое расхищение грозит единственному в своем роде древнему культурному уголку …» [НА КККМ. №. 7886, Д. 210. Л. 271]. В этом же письме он упоминает об аналогичных просьбах А. А. Спицину.

При этом сотрудники музея не ограничились только призывами к центральным научным учреждениям, а организовали несколько охранно-спасательных экспедиций. Еще в 1913 г. А. П. Ермолаев в местности Ярки раскапывает разрушенные курганы бронзового века, отнесенные впоследствии к окуневской и андроновской культурам [*Вадецкая, 1986.* С. 38]. В 1914 г. А. Я. Тугаринов и С. М. Сергеев организуют разведочные работы в зоне строительства железной дороги Минусинск – Ачинск. В результате была собрана значительная коллекция археологических предметов, найденных при земляных работах [*Вдовин, Кузьминых, 2009.* С. 25–36]. Особый интерес для науки имели раскопки разрушенного железной дорогой могильника у д. Андроновой, где были обнаружены глиняные сосуды с необычной орнаментацией [*Тугаринов, 1926.* С. 153–158]. В 1916 г. С. М. Сергеев и Н. А. Пикулевич доставили в музей несколько сосудов из разрушенного Енисеем могильника у с. Новоселово (КККМ. Колл. 101). При сопоставлении, керамика Андроновского могильника оказалась идентичной посуде Новоселовского кургана. Оригинальная орнаментация и форма сосудов, в сочетании с бронзовыми коллекциями, позволила С. А. Теплоухову и Г. К. Мергарту, на основе своих и А. Я. Тугаринова, А. П. Ермолаева и С. М. Сергеева находок, выделить андроновскую культуру, об особенностях которой они докладывали на заседаниях коллегии музея весной и осенью 1921 г. [Протоколы заседаний…, 1921. Л. 15–42].

В 1918–1921 гг. в Красноярском музее работают сразу три археолога – Н. К. Ауэрбах, Г. П. Сосновский и австрийский подданный Г. К. Мергарт, заброшенный в Сибирь в годы Первой мировой войны. Масштабные разведочные и раскопочные работы по изучению палеолита в окрестностях Красноярска и палеометаллических культур Енисея хорошо известны. На большей части археологических памятников, разрушаемых в результате воздействия различных природных явлений, этими исследователями были проведены сборы подъемного материала, а в ряде случаев и раскопки [*Ларичев, 1969.* С. 144–178; *Вадецкая, 1973.* С. 91–159]. Кроме того, в 1924 г. сотрудниками музея А. Н. Соболевым, М. А. Дмитриевым и А. Н. Широковой был раскопан разрушенный тагарский курган напротив с. Анашенского (КККМ. Колл. №№ 148, 149).

Эпизодические исследования разрушаемых археологических памятников являются одной из особенностей музейной археологии. До сих пор малоизвестными остаются исследования разрушенного неолитического могильника Афонтовой горы в Красноярске. Одно из первых захоронений этого могильника, согласно картотеке музея, было раскопано в 1924 г. Н. К. Ауэрбахом, Г. П. Сосновским и М. М. Герасимовым. В сопроводительном погребальном инвентаре – костяные гарпун, острие, проколка, украшения-подвески [*Макаров, 1989б.* С. 95–97].

В 1932 г. археологом А. Ф. Катковым, а в 1937 г. В. И. Нешумаевым и А. П. Окладниковым, были раскопаны еще три разрушенных погребения с костяками покойных, торчащими из обнажения оползня лессовой толщи Афонтовой горы. В могилах были найдены глиняный сосуд и вещи из кости – скульптурное изображение человека, подвески в виде уточек, иглы, украшения-бусины [*Окладников, Нешумаев, 1937.* Л. 1–10]. При сопоставлении красноярских находок с материалами Ангары инвентарь погребений Афонтовой горы был датирован поздним неолитом – энеолитом [*Окладников, 1949.* С. 7–13].

Еще один разрушающийся могильник – у Часовенной горы в Красноярске – был раскопан сотрудниками музея совместно с археологом С. А. Теплоуховым в 1927 г. Его богатейшие захоронения с обилием предметов конской сбруи и поясной гарнитуры, серебряными ковшом, кубком, вазой, а так же обкладкой седла, были датированы XIII–XIV вв. [Отчет ГМПК…, 1928. Л. 4].

В конце двадцатых – начале тридцатых годов XX столетия археологом Красноярского музея становится В. Г. Карцов. Наряду с энергичной деятельностью по исследованию памятников разных эпох в Красноярской лесостепи и Минусинской котловине [*Карцов*, 1929; *Макаров, Вдовин, 2010.* С. 138–144], он пытался наладить регулярную работу по охране археологических памятников. Совместно с археологами В. П. Левашовой из Минусинского музея и П. И. Чернявским из Ачинского музея им проводятся масштабные археологические разведки. В 1928 г. организуется Временная комиссия по охране и учету памятников доисторической археологии и старины.

В. Г. Карцов неоднократно обращается к П. И. Чернявскому за помощью в составлении археологической карты региона, а также с целью публикации результатов совместных исследований в Ачинске. В свою очередь, П. И. Чернявский, как начинающий археолог, неоднократно обращается за советом к более опытным В. Г. Карцову и Н. К. Ауэрбаху. В сентябре 1928 г. он сообщает: «В отношении охраны, я некоторые шаги предпринял, добился издания окрисполкомом обязательного постановления об охране археолог. памятников. С избами-читальнями тоже договорился в этой части. Затем еще вопрос, это после

прочтения моего отчета, указать недочеты и упущения и если возможно определить по форме курганов принадлежность к той или иной культуре и сделать вообще ряд соответствующих замечаний. И последний вопрос – это указать мне литературу, где и как достать, за это время я кое что почитал. Жду от Вас дальнейших информаций и советов». В итоге, совместными усилиями в Ужурском, Березовском, Чебаковском и Боготольском районах Приенисейского края было описано и зарегистрировано 562 памятника, а 10 курганов раскопано [НА ККМ, 1671. Оп. 1. Д. 428. Л. 54].

В архиве музея сохранилось удостоверение, в котором обозначено: «Удостоверение № 272 (25/VIII–33). Дано настоящее тов. Карцову Вл. Ген. Научному сотруднику музея в том, что ему действительно поручено ведение переговоров со Стройкрасмашем по вопросу охраны исторических памятников находящихся на территории строительства. Директор музея» [НА КККМ. 1671 Оп. 2. Д. 5]. Вероятно, с этим строительством и были связаны раскопки В. Г. Карцова на средневековых Ладейском и Ермолаевском городищах, расположенных на близких к Стройкрасмашу территориях.

В 1934 г. активная охранно-спасательная деятельность Красноярского музея прерывается на несколько лет в связи с отъездом из Красноярска В. Г. Карцова и трагической гибелью А. Ф. Каткова.

В предвоенные годы от Красноярского музея начинает проводить археологические исследования З. К. Глусская. Совместно с Минусинским и Абаканским музеями, в 1940, 1941 и 1946 г., она участвует в охранно-спасательных раскопках дворца наместника гуннов близ Абакана. Вслед за З. К. Глусской археологом музея становится Э. Р. Рыгдылон. В его активе раскопки археологических памятников от палеолита до средневековья, в том числе исследование в годы войны разрушенного перепашкой карасукского погребения у с. Ладейское близ Красноярска [*Рыгдылон, 1955.* С. 129–134] .

После переезда Э. Р. Рыгдылона в г. Минусинск обязанности археолога Красноярского музея берет на себя его директор З. К. Глусская. В 1947 г. она раскапывает разрушенное земляными работами средневековое погребение у д. Миндерла Сухобузимского р-на, где были обнаружены фрагменты керамики, наконечники стрел, стремена, удила и украшения конской сбруи (КККМ, кол. № 208). В пятидесятые годы XX в. З. К. Глусская раскапывает погребения финального неолита – ранней бронзы у дач ГОРОНО и лога Гремячего в Красноярске, также случайно обнаруженные в ходе земляных работ [*Глусская, 1963а*; *1963б*. С. 29–48].

В 1955 г. сотрудником музея становится выпускник МГУ Р. В. Николаев. Наряду с плановым научным изучением курганов бронзового века и тагарской культуры в Минусинской котловине, археолог организует охранно-спасательные работы в зоне строительства Красноярского алюминиевого комбината. В сезонах 1955–1957 гг. здесь были выявлены памятники разных эпох – от палеолита до средневековья. У с. Коркино были раскопаны курганы тагарской культуры, а у пос. Иннокентьевский, совместно с сотрудником музея И. Б. Николаевой, вскрыто разрушенное земляными работами погребение XVI–XVIII вв. [*Николаев, 1963*. С. 93–103].

В 1958 г. этими же археологами проведены охранно-спасательные раскопки на территории Красноярского острога. В траншеях, заложенных строителями, были выявлены погребения русского кладбища XVIII – начала XIX в. Кроме того, как полагают исследователи, в ходе раскопок была вскрыта южная башня крепостной стены. Археологический материал представлен большим количеством керамики, пушечными ядрами, железными орудиями и фрагментами тиглей для выплавки металла [*Николаева, 1963.* С. 115–123].

В том же году небольшие охранно-спасательные работы были проведены музеем в зоне строительства коммунального моста через Енисей в Красноярске. На Перевозинской стоянке были обнаружены отщепы и керамика железного века [*Николаева, 1958.* Л. 27–31].

В 1959 г. Р. В. Николаев провел осмотр местонахождения клада бронзовых изделий тагарской культуры, найденного на пашне у с. Есаульское [*Николаев, 1961.* С. 281–284].

В 1960–1962 гг. Красноярский, Минусинский, Абаканский и Ачинский краеведческие музеи проводят очередные охранно-спасательные археологические работы на трассе строительства железной дороги Абакан – Тайшет. Под руководством Р. В. Николаева здесь было раскопано 20 тагарских и 63 кыргызских кургана [*Николаев, 1972.* С. 198–205].

С 1963 по 1972 г. археологические исследования Красноярского музея организует Н. В. Нащекин. Среди наиболее известных комплексов, введенных исследователем в научный оборот, стали находки уникального Косогольского клада, обнаруженного при земляных работах на строительстве дамбы оз. Большой Косоголь Ужурского р-на. Хотя в раскопе, заложенном на месте находок, каких-либо артефактов обнаружить не удалось, у местного населения и начальника геологической партии Г. М. Еханина удалось собрать практически все вещи клада, составившего коллекцию из 200 предметов. К ним относятся бронзовые котлы, антропоморфные и зооморфные изображения, пряжки, ложечковидные застежки, полушарые бляшки, солярные и многие другие украшения [*Нащекин, 1967.* С. 163–165].

Среди памятников, открытых Н. В. Нащекиным на Енисее и в Причулымье [*Макаров, 1989а.* С. 161–163], значительная часть могильников и поселений оказалась разрушенной строительными земляными работами и различного рода природными явлениями. Именно на таких памятниках исследователем, в первую очередь, проводились охранно-спасательные раскопки. В их числе – стоянка неолита – бронзового века с находками каменных топоров, скребков, наконечников стрел и керамики, открытая на территории нижнего склада Хиндичетского леспромхоза Абанского р-на. Масштабные работы проведены на разрушающихся в результате распашки и закладки лесополосы могильниках бронзового века Соленоозерная I, III, IV Ширинского р-на Хакасии. Среди основных находок – богато орнаментированные глиняные сосуды, бронзовые шилья, кольца и полушаровидные бляшки, отнесенные к андроновской и карасукской культурам. В Причулымье Н. В. Нащекиным исследована разрушающаяся стоянка неолита – бронзового века в местности Промбор [*Нащекин, 1966*; *1969*].

Определенные особенности имели работы Н. В. Нащекина близ д. Соленоозерная у оз. Тус. Здесь археологом были выявлены скалы с древними рисунками, которые он скопировал вместе с А. Н. Липским. При этом часть рисунков оказалась под угрозой уничтожения. На рисунке камня № 2 поверхностная корка почти полностью отслоилась и осыпалась. В процессе спасательных работ вся отслоившаяся часть камня Н. В. Нащекиным была собрана, упакована и доставлена в Красноярский музей. Уже в наши дни, когда писалась данная статья, эти фрагменты были восстановлены археологом А. Л. Заикой, и на них обозначился сюжет охоты всадника на косуль и лошадей [*Ануфриева, Пахомова, Дорохина, 2014.* С. 274–278].

В 1971 г. деятельность Н. В. Нащекина в Красноярском музее характеризуется охранными раскопками пещеры в Саянском р-не на р. Пезо. Культурный слой здесь был сильно нарушен несанкционированными раскопками черных археологов и туристов, но исследователю все же удалось найти остатки луков, детали берестяного туеса и насторожку для самолова [*Нащекин, 1971.* Л. 1].

В 1972 г. Н. В. Нащекин завершает свою деятельность в музее, успев принять участие в охранно-спасательных раскопках афанасьевских и окуневских курганов могильника Красный Яр экспедицией ЛОИА АН СССР в зоне затопления Красноярской ГЭС [*Вадецкая, 1972.* С. 3].

Вслед за Н. В. Нащекиным, в охранно-спасательных работах АЭ ЛОИА от Красноярского музея вновь принимает участие Р. В. Николаев. В 1976 г. – в составе Минусинского отряда – он проводит раскопки карасукских могил у д. Комарково и таштыкских погребений в урочище Песчанка. Спустя год, археолог исследует разрушенное средневековое погребение у д. Юксеево. В сопроводительном инвентаре последнего выделяются железный палаш, нож, тесак и детали конской сбруи X в. [*Николаев, 1982.* С. 131–135].

С 1973 г. основные охранно-спасательные работы археологи Красноярского музея проводили в Северном Приангарье – в зоне затопления Богучанской ГЭС. Экспедициями музея под руководством Н. И. Дроздова, Н. П. Макарова, В. И. Привалихина на поселениях и могильниках Усть-Кова, Кода, о. Сергушкин, Толстый мыс, а также на других археологических памятниках, были найдены десятки тысяч артефактов всех эпох, от палеолита до средневековья [*Макаров, 1989.* С. 163–189]. Одним из наиболее значимых результатов работы экспедиций музея стало выделение самобытной цэпаньской культуры раннего железного века (VIII–II вв. до н. э.) [*Привалихин, 2011.* С.161–183]. Колоссальный массив археологических источников был получен в ходе охранно-спасательных работ отрядами Богучанской экспедиции ИАЭТ СО РАН в сезонах 2007–2012 гг. В этих исследованиях приняли активное участие и вышеупомянутые археологи. Экспедицией Красноярского музея, а так же Временным и Мысовым отрядами Богучанской экспедиции, в 2009–2010 гг. были исследованы стоянки Проспихинская шивера, Временный и Толстый мыс 2 с культурными горизонтами неолита – железного века [*Макаров, Быкова, Баташев, 2010.* С. 546–549]. В итоге всех этих работ Северное Приангарье стало одним из наиболее хорошо изученных районов Сибири [*Коровушкин, 2010.* С. 466–470].

В конце XX в. масштабные охранно-спасательные раскопки были начаты Сибирской экспедицией ЛОИА АН СССР в зоне строительства объектов КАТЭК. В сезонах 1979–1981 гг. в работах Сибирской экспедиции под руководством Э. Б. Вадецкой принимал участие археолог Красноярского краевого музея Н. П. Макаров. В эти годы в Шарыповском р-не были исследованы тагарские курганы и поселение ранней бронзы на Кадатском водохранилище.

Плановые исследования древних поселений, начатые в окрестностях Красноярска в 1982–1983 гг., пришлось прервать и переключить работу археологической экспедиции музея на охранно-спасательные раскопки стоянки Ладейская 2. Этот памятник почти полностью был уничтожен складом деревообрабатывающего завода. На небольшом (250 кв. м) участке стоянки, не поврежденном строительными работами, были вскрыты жилище и культурный горизонт раннего железного века с обилием остеологического и керамического материала [*Макаров, 1984.* С. 216].

В 1987 г. Н. П. Макаров провел раскопки на месте обнаружения Новопятницкого клада бронзовых изделий тагарской культуры. В обвалившемся в р. Рыбную грунте были найдены бронзовые фрагменты

котла, шило и обломок навершия с зооморфным изображением. Основные находки клада – бронзовые кинжалы, ножи, кельты, чеканы – были ранее собраны местным населением, но, в итоге, были переданы в Красноярский музей [*Макаров, 2012*. С. 68–76].

Организовав в 1980-е – 1990-е гг. раскопки многочисленных памятников в окрестностях Красноярска, музей оказался перед выбором первоочередности объектов раскопочных работ. Краевой центр всегда был окружен плотным кольцом пригородных и дачных поселков, разрушающих археологические памятники. В этой ситуации была найдена золотая середина, определенная научной значимостью памятников и степенью угрозы их уничтожения. Охранно-спасательные работы были проведены на стоянках Усть-Мана и Большая Слизнева, расположенных в центре одноименных поселков. Научная значимость этих многослойных памятников определялась наличием культурных горизонтов всех эпох – от палеолита до средневековья. Аналогичной ситуацией характеризовались раскопки стоянок Усть-Караульная, Караульный Бык и пещеры Еленева, расположенных на территории дачного поселка Известковый. Строительство одной из дач было остановлено и проведены раскопки многослойной стоянки с культурными горизонтами голоценовых культур от мезолита до железного века [*Демиденко, Макаров, 1989*. С. 86–88]. Тогда же в Красноярске Н. П. Макаровым были проведены охранно-спасательные раскопки стоянки Музейная эпохи бронзы и раннего железного века, выявленной при строительстве административного здания КККМ.

Особые усилия потребовались для организации охранно-спасательных раскопок пещеры Еленева. Данный памятник, находящийся на территории дачного поселка, постоянно посещался местными жителями и характеризовался наличием многочисленных грабительских ям в верхних культурных горизонтах. В 1986–1998 гг. памятник ежегодно изучался экспедицией Красноярского музея при участии специалистов США (К. Г. Тернер), Великобритании (Н. Г. Ивлевой), Белоруссии (В. И. Назарова), Грузии (В. М. Чхиквадзе), а также отечественных ученых Н. Д. Оводова, Н. В. Мартыновича, О. В. Андренко, В. Г. Кольцовой, Л. А. Орловой, Е. А. Цепкина, В. П. Чеха, А. Ф. Ямских, Г. Ю. Ямских [*Макаров, Мартынович, Оводов, 2009*. С. 81–105]. До тридцати культурных слоев и горизонтов залегания археологического материала пещеры, выявленные в ходе исследований, характеризовались многочисленными находками всех эпох, от палеолита до средневековья, что позволило предложить региональную периодизацию древних культур от 13 тыс. л. н. до рубежа I–II тыс. н.э. [*Макаров, 2005*. С. 149–171].

В 2001 г., по инициативе автора статьи, Красноярский музей разработал предложения Министерству культуры РФ и был включен в федеральную программу «Развитие культуры и сохранение культурного наследия России» (2001–2005 гг.). Реализация этой программы была успешно начата охранными раскопками уникальной многослойной стоянки Бобровка в Большемуртинском р-не Красноярского края, имеющей 13 культурных слоев – от мезолита до эпохи средневековья. Казалось бы, успех в реализации этой программы был обеспечен, но она была неожиданно прервана, в связи с определенными политическими событиями в Красноярском крае. В те годы вместе с генералом А. И. Лебедем, возглавившим Красноярский край, к власти пришли политические прилипалы, занявшие высокие посты, но не всегда компетентные на своих должностях. Показательна в этом отношении реакция чиновников Краевого управления культуры администрации Красноярского края. Когда в г. Красноярск поступили денежные средства на продолжение работ, они были возвращены в Москву с пометкой, что в крае нет специалистов, способных квалифицированно выполнить работы по программе. Дальнейшие исследования памятника осуществлялись уже за счет других средств и энтузиазма исполнителей [Археология и палеоэкология…, 2003. С. 4].

В 2006 г. сотрудники отдела археологии и этнографии музея оказались задействованными на весь полевой сезон в охранно-спасательных раскопках поселения Мостовое под г. Красноярском. В изучении данного памятника объединили свои усилия ИИМК РАН и МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) г. Санкт-Петербурга, ООО «Свод», Красноярский краевой и Хакасский республиканский краеведческие музеи. В общей сложности было вскрыто 2445 кв. м. площади памятника. В результате столь масштабных раскопок в фонды КККМ была передана выразительная коллекция древних изделий позднего палеолита, неолита и эпохи бронзы [*Макаров, Баташев и др.,* 2007. С. 77–79].

Осенью 2007 г. Служба по охране ОКН администрации Красноярского края инициировала приостановку земляных строительных работ при реконструкции Большого концертного зала (БКЗ) в Красноярске, разрушающих некрополь Красноярского острога. Возникла острая необходимость, не смотря на зимнее время, провести охранно-спасательные раскопки некрополя. Для решения поставленной задачи вновь объединили свои усилия специалисты нескольких археологических центров Красноярска: СФУ, КККМ, ООО «СВОД» и Службы по охране ОКН. В строительном котловане, общей площадью около 450 кв. м, было вскрыто 156 захоронений XVII–XIX вв. Их них два погребения были связаны с особым ритуалом погребения воинов, погибших при защите Красноярского острога. Во рту покойных были найдены свинцовые пули, а в черепе и грудной клетке – железный и костяной наконечники стрел [*Макаров, Фокин, 2011*. С. 119].

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что Красноярский краевой краеведческий музей на протяжении всей своей 125-летней истории регулярно участвовал в охранных раскопках археологических памятников Приенисейского края. В тоже время, система охранно-спасательных мероприятий по отношению к памятникам археологии, в целом по России, как и в Сибири, еще не сложилась окончательно. Научные учреждения работают в этом направлении большей частью спонтанно, в авральном режиме, вынужденно подстраиваясь под сроки строительных работ. Спецификой музейной охранной археологии было и остается оперативная реакция на внезапные сообщения о случайных находках кладов и каких-либо археологических памятников, разрушаемых в ходе несанкционированных земляных работ. Основной задачей, попрежнему, остается плановое археологическое обследование территорий хозяйственного освоения, обеспеченное достаточным финансированием, а также составление учетной документации в органы охраны памятников истории и культуры.

Источники и литература

Ануфриева Е. И., Пахомова Т. А., Дорохина А. А. Результаты исследования петроглифов на озере Тус // Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии: тез. докл. LIV Региональной (X Всерос. с междунар. участием) археол.-этнографич. конф.студентов, аспирантов и молодых ученых, посвящ. 130-летию открытия палеолита на Афонтовой горе и 100-летию первых раскопок памятников андроновской культуры. Красноярск, 25–28 марта 2014 г. / Отв. ред. П. В. Мандрыка. – Красноярск: Изд-во СФУ, 2014. – С. 274–278.

Археология и палеоэкология многослойного поселения Бобровки на Среднем Енисее / П. В. Мандрыка, А. А. Ямских, Л. А. Орлова, Г. Ю. Ямских, А. А. Гольева. – Красноярск: Изд-во КГУ, 2003. – 138 с.

Баташев М. С., Вдовин А.С., Макаров Н. П. Археолого-этнографические исследования А. П. Ермолаева // Культура как система в историческом контексте (Опыт ЗСАЭ): Мат-лы XV Междунар. ЗСАЭК. – Томск: Изд-во «Аграф-Пресс», 2010. – С. 387–390.

Вадецкая Э. Б. К истории археологического изучения минусинских котловин // Изв. ЛАИ. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1973. – Вып. 6. – С. 91–159.

Вадецкая Э. Б. Отчет о раскопках 1972 года под горой Оглахты (левый берег Енисея). – НА КККМ. № 706. Оп. 5. Д. 101. Л. 1–23.

Вдовин А. С., Кузьминых С .В. Археология и Министерство путей сообщения (на материалах Сибири конца XIX – начала XX в. // РА – М.: Изд-во ИА РАН, 2009. – № 4. – С. 25–36.

Глусская З. К. Женщина негроидного типа в неолите под Красноярском // МИАЭИКК. – Красноярск: Кн. изд-во, 1963а. – С. 29–38.

Глусская З. К. Новое в искусстве неолита на Енисее // МИАЭИКК. – Красноярск: Кн. изд-во, 1963б. – С. 39–48.

Демиденко Г. А., Макаров Н. П. Исследования культуровмещающих отложений стоянки Усть-Караульная // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев: Тез. докл. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1989. – С. 86–88.

Ермолаев А. Ишимская коллекция: Описание коллекций Красноярского музея. Отдел археологический. – Красноярск: Типогр. М. И. Абалакова, 1914. – Вып. 1. – 27 с.

Изв. КрПВСО РГО. – Красноярск: Енисейская губ. типогр., 1904. – Т. 1. – Вып. VI. – С. 125–135.

Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района: Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический. – Красноярск, 1929. – 62 с.

Коровушкин Д. Г. Богучанская археологическая экспедиция (трехлетние итоги) // ПАЭАССТ: Мат-лы итоговой сессии ИАиЭ СО РАН, 2010. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 466–470.

Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1969. – Ч. 1. – С. 144–178.

НА КККМ. Ф. 7886. Д. 210. Л. 271.

Макаров Н. П. Работы на Среднем Енисее и Нижней Ангаре // АО 1982 г. – М.: Наука, 1984. – С. 216.

Макаров Н. П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. – Красноярск: Кн. изд-во, 1989а. – С. 131–189.

Макаров Н. П. Материалы эпохи неолита – ранней бронзы из раскопок Афонтовой горы // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев: Тез. докл. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1989б. – С. 95–97.

Макаров Н. П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Изв. ЛДТ. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Вып. 3. – С. 149–171.

Макаров Н. П. Археологические исследования А. Я. Тугаринова // Аркадию Яковлевичу Тугаринову посвящается: Сб. науч. статей. – Красноярск: Изд-во КККМ, 2011. – С. 9–19.

Макаров Н. П. Художественная бронза раннего железного века в фондах Красноярского краевого краеведческого музея // АЮС: К 80-летию А. И. Мартынова. – Кемерово: РИО КемГУ, 2012. – Вып. 26. – С. 68–76.
Макаров Н. П., Баташев М. С., Грачев И. А., Паульс Е. Д., Тарасов А. Ю., Фокин С. М. Исследования стоянки Мостовое // Этноистория и археология Северной Азии: теория, методология и практика исследования / Под ред. А. В. Харинского. – Иркутск; Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ, 2007. – С. 77–80.
Макаров Н. П., Быкова М. В., Баташев М. С. Исследования стоянки Толстый Мыс 2 в зоне затопления Богучанской ГЭС // ПАЭАССТ: Мат-лы итоговой сессии ИАиЭ СО РАН, 2010. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 546–549.
Макаров Н. П., Вдовин А. С. В. Г. Карцов (1904–1977) – исследователь древностей Красноярского края // ЕП. Альманах КГПУ. – Красноярск: Изд-во «Литера-Принт», 2010. – Вып. 5. – С. 138–144.
Макаров Н. П., Мартынович Н. В., Оводов Н. Д. Пещера Еленева – многослойный голоценовый памятник на среднем Енисее: Краткие итоги изучения // Пещеры: охрана, история исследований, культура, туризм, современное состояние и перспективы научных исследованиях в пещерах на территории бывшего СССР: Мат-лы науч.-практич. конф. – Красноярск: Типогр. ООО «Поликом», 2009. – С. 81–105.
Макаров Н. П., Фокин С. М. Археология в Красноярском краевом музее. 1989–2009 // ВВП: Сб. науч. статей КККМ. – Красноярск: Изд-во КККМ, 2011. – С. 114–122.
Малицкая А. А. Первое описание археологической коллекции Красноярского музея // Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии: тез. докл. LIV Региональной (X Всерос. с междунар. участием) археол.-этнографич. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, посвящ. 130-летию открытия палеолита на Афонтовой горе и 100-летию первых раскопок памятников андроновской культуры. Красноярск, 25–28 марта 2014 г. / Отв. ред. П. В. Мандрыка. – Красноярск: Изд-во СФУ, 2014. – С. 31–32.
НА КККМ. №. 7886. Д. 210. Л. 271.
Нащекин Н. В. Косогольский клад // АО 1966 г. – М.: Наука, 1967. – С. 163–165.
Нащекин Н. В. Отчет о полевых археологических исследованиях летом 1966 года. – Красноярск, 1966. – НА КККМ. № 702. Оп. 5. Д. 97. Л. 1–58.
Нащекин Н. В. Отчет о полевых археологических исследованиях летом 1969 года. – Красноярск, 1969. – НА КККМ. № 2102. Оп. 5. Д. 159. Л. 1–47.
Нащекин Н. В. Отчет – докладная записка археолога Н. В. Нащекина о поездке в Саянский район для обследования пещеры в бассейне р. Пезо. 1971 г. – Красноярск, 1971. – НА КККМ. № 713. Оп. 5. Д. 107. Л. 1–2.
Николаев Р. В. Есаульский клад // СА. – М.: Наука, 1961. – № 3. – С. 281–284.
Николаев Р. В. Курганы тагарской эпохи у Красноярска // МИАЭИКК. – Красноярск: Кн. изд-во, 1963. – С. 93–103.
Николаев Р. В. Средневековые курганы близ железнодорожной станции Минусинск // СА. – М.: Наука, 1972. – № 2. – С. 198–205.
Николаев Р. В. Кыргызское погребение в Большемуртинском районе Красноярского края // Археология Северной Азии. – Новосибирск: 1982. – С. 131–135.
Николаева И. Б. Раскопки на территории бывшего Красноярского острога // МИАЭИКК. – Красноярск: Кн. изд-во, 1963. – С. 115–123.
Николаева И. Б. Отчет о полевой археологической работе КККМ в 1958 г. – Красноярск, 1958. – НА КККМ. Оп. 5. Д. 73. Л. 27–31.
Окладников А. П. Неолитические погребения на Афонтовой горе // КСИИМК. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Вып. 25. – С. 7–13.
Окладников А. П., Нешумаев В. И. Афонтова гора. Погребение 2-е. – Красноярск, 1937. – НА КККМ. № 2015. Оп. 01. Д. № 677. Л. 1–10.
Отчет ГМПК за 1927–1928 гг. – Красноярск, 1928. – ГАКК, Ф. 795. Оп. 1. Д. 42А. Л. 4. Рис. 4.
Привалихин В. И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья: История открытия, результаты и перспективы исследований // ВВП: Сб. науч. статей КККМ. – Красноярск: Изд-во КККМ, 2011. – С. 161–183.
Протоколы заседаний коллегии Красноярского музея. – Красноярск. – ГАКК, 1921. № 705. Оп. 1. Д. 5. Л. 41–42.
Рыгдылон Э. Р. Заметки о карасукских памятниках из окрестностей Красноярска // КСИИМК. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Вып. LX. – С. 129–134.
Русское географическое общество в Красноярске (1901–1937) / Вдовин А. С., Гуляева Н. П., Макаров Н. П., Баташев М. С., Васильев А. Д., Выдрин Е. В. – Красноярск: РИО КГПУ, 2001. – 120 с.
Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. – Л.: Изд. ГРМ, 1927. – Т. 3. – Вып. 2. – С. 77–101.
Тугаринов А. Я. Андроновские могилы // СЖС. – Иркутск: Изд. ВСО РГО, 1926. – Вып. 1. – С. 153–158.

П. В. Ишутина
г. Красноярск
ООО «Красноярская Геоархеология»

ИТОГИ ИНВЕНТАРИЗАЦИИ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ, РАСПОЛОЖЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ АЧИНСКОГО, БЕРЕЗОВСКОГО, ЕМЕЛЬЯНОВСКОГО И КАНСКОГО РАЙОНОВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Предпосылки, причины и этапы проведения инвентаризации объектов археологического наследия. Одной из проблем в сохранении историко-культурного наследия является отсутствие современных достоверных данных о состоянии и местонахождении многих памятников археологии. Меняются границы населенных пунктов, появляются новые, и исчезают с карт старые населенные пункты, строятся дороги, вследствие чего, становятся абсолютно неприменимыми те привязки и ориентиры, которые указывали исследователи 20–40, а то и 100 лет назад. Даже у тех объектов, которые стоят на государственной охране, нет точного адреса, а имеющиеся данные порой позволяют отнести их к территории, протяженность которой будет составлять не один километр.

В полевом сезоне 2013 г. сотрудниками ООО «Красноярская Геоархеология» по заказу Министерства культуры Красноярского края была проведена инвентаризация объектов археологического наследия расположенных в Ачинском, Березовском, Емельяновском и Канском р-нах. В общей сложности был обследован 81 объект археологического наследия.

Практически все объекты, попавшие в список инвентаризации – это памятники, поставленные на государственную охрану по итогам многолетней планомерной работы отряда по паспортизации КГПИ (ныне – КГПУ им. В. П. Астафьева), работавшего на территории Красноярского края в конце 1980-х – 1990-х гг. Несмотря на наличие полного набора документации (отчеты, паспорта), имеющиеся данные касательно местонахождения объектов слабо коррелируются с современной ландшафтно-топографической ситуацией.

Перед началом работ нами был собран полный объем информации из отчетов (их список приведен в конце статьи), паспортов, а также из устных свидетельств исследователей, работавших на этих объектах в 1980-е – 1990 гг. По словам бывших сотрудников КГПИ (КГПУ), на момент начала проведения работ зачастую у них не было качественных картографических материалов, что объясняет очевидные несовпадения при привязке объектов к населенным пунктам и грубые погрешности при определении расстояния до них. Ряд объектов был найден только благодаря консультативной помощи, оказанной Л. В. Новых, В. И. Привалихиным и В. А. Погудиным.

Затем для каждого археологического памятника – на основании выкопировок из дистанционного зондирования Земли – была определена зона возможного его нахождения. В редких случаях на основании имеющихся топографических и ситуационных планов были определены конкретные места расположения объектов. В большинстве случаев зона поиска памятника составляла от 0,2 до 2 км. При составлении предварительного плана учитывались погрешности, характерные для того или иного исследователя. На предварительном этапе было установлено, что погрешности касаются не только расстояний, но и ориентировок памятников по сторонам света (от 10° до, в редких случаях, 180°). Путаница касается и топонимики. Так, например, памятники Малый Арей -1 и -2, расположенные в Емельяновском р-не и приуроченные их первооткрывателями к р. Малый Арей, в действительности находятся на р. Большой Арей. В ходе полевых работ наиболее ценным источником информации для поиска археологических объектов оказались фотографии.

В итоге работ была проведена фотосъемка современного состояния каждого памятника и места его расположения, а также составлены подробные описания всех объектов. Кроме того, все памятники были привязаны к системе географических координат (WGS-84).

Перечень и привязка археологических памятников, распределение их по районам.

Ачинский р-н (7 археологических памятников).

Городище Ачинское-2. 1,7 км севернее пос. Мазуль, на берегу Канонеровского оз. (старица р. Чулым). Это единственный объект, оказавшийся вне зоны хозяйственной деятельности. Видимых нарушений культурного слоя памятника не зафиксировано.

Поселение Канонеровское-1. 1,5 км севернее пос. Мазуль и 0,48 км к северу от Чулым, восточный берег Канонеровского оз. Культурный слой памятника частично разрушен дорогой и пашней.

Поселения Белоярское-1 и Белоярское-2. Левый берег р. Чулым, юго-восточная и северо-западная части с. Белый Яр. Памятники значительно разрушаются в ходе распашки и строительства хозяйственных объектов.

Поселение Зерцалы-1. 1,8 км к ЮЗ д. Зерцалы, на берегу старицы р. Чулым, в 1,9 км севернее современного русла реки. Как большинство археологических памятников, данное поселение разрушается распашкой и проселочными дорогами.

Поселение Старые Айдашки-1. 6,5 км западнее окраины г. Ачинск, 0,1 км к югу бывш. д. Старые Айдашки, берег старицы р. Чулым. Рельеф местности сильно изменен, культурный слой памятника нарушен пашней.

Курганная группа Зерцалы (2 кургана) – единственный памятник, который обнаружить не удалось. Ранее он находился недалеко от пос. Зерцалы. Вероятнее всего, курганные насыпи были уничтожены в процессе распашки.

Березовский р-н (19 археологических памятников).

Стоянки Есауловка, Есауловка-1, -2, -3, -5, -6 располагаются по обоим берегам р. Есауловка, от пос. Бархатово до дороги Красноярск – Сосновоборск. Все эти памятники разрушаются распашкой, дорогами и прогрессирующими оврагами.

Стоянка Есауловка-7 находится на правом берегу р. Есауловка севернее дороги Красноярск-Сосновоборск. Памятник обнаружен благодаря устному сообщению В. А. Погудина, автора открытия памятника.

Стоянка Есауловка-8 сейчас находится на территории строящегося поселка Терентьево-2. На площади памятника размечены участки под огороды и усадьбы. С восточной стороны стоянки уже ведутся строительные работы.

Стоянки Батой-1–5 располагаются на левом берегу р. Батой, между деревнями Вознесенка и Челноково. Стоянка Батой-1 находится в плохом состоянии, в связи с постоянной ветровой и водной эрозией почв. Остальные памятники постепенно разрушаются прогрессирующими оврагами и осыпями.

Стоянка Верхняя Базаиха расположена в центре одноименного поселка. Находится в аварийном состоянии.

Стоянка и могильник Няша. Правый берег р. Енисей, к СВ от моста. Находятся в аварийном состоянии.

Селище Березовка. Район пос. Березовка. Разрушается пашней.

Стоянка Злобино. Район пос. Березовка. Разрушается пашней.

Емельяновский р-н (38 археологических памятников).

Стоянка Минжуль, располагается в устье р. Минжуль, на левом берегу, в 2,6 км на ЗСЗ от устья р. Мана. На территории памятника размечены земельные участки и вкопаны столбы.

Стоянка Боровое-1. 2,1 км к западу от дачного пос. Боровое, 1,6 км к востоку от устья р. Минжуль.

Стоянка Боровое-3. 1,2 км к ЗЮЗ от пос. Боровое, напротив устья р. Маны. Состояние двух последних памятников оценивается как удовлетворительное. Единственную угрозу для них представляет проходящая по памятникам грунтовая дорога.

Стоянки Боровое-2 и *Караульная* находятся у края террасы р. Маны, на территориях дачных поселков Боровое и Известковый. Памятники заняты участки с домами, края террас разрезают съезды к реке. Состояние стоянок аварийное.

Стоянка Усть-Собакина. Локализуется в устье р. Собакина (Пионерская), на территории активно развивающегося мкр. Удачный (бывш. пос. Удачный). Полноценный осмотр современного состояния памятника оказался невозможным. В восточной части подъезд к стоянке перегорожен бетонными заборами коттеджей. Западная часть ОКН сильно разрушена спуском к реке и жилыми постройками.

Поселения Бугач-1-6 располагаются на левом берегу р. Бугач. Они занимают практически весь край террасы левого берега р. Бугач от оз. Мясокомбината до дороги Минино – Дрокино. Новых разрушений на территории объекта не фиксируется. Угрозу разрушения памятникам несет коттеджный поселок, проектируемый в непосредственной близости от памятников.

Стоянки Солонцы-1,-3 находятся в непосредственной близости от пос. Солонцы. Оба памятника находятся в зоне активного хозяйственного освоения. Рядом со стоянкой Солонцы-3 уже появляются новые дачные участки.

Стоянка Солонцы-2 находится недалеко от одноименного поселка, но пока изолирована от антропогенного воздействия.

Стоянки Дрокино-1, -2, -5, -6 на момент паспортизации были юго-восточнее пос. Дрокино. До недавнего времени значительных нарушений культурного слоя на них не фиксировалось. Сейчас все они находятся на территории активно разрастающегося поселка. В случае, если меры по охране данных памятников археологии не будут приняты, разрушения будут все значительнее.

Стоянки Емельяново-3 и Творогово расположены на территориях одноименных поселков, обнаружены благодаря старым фотоснимкам. Состояние памятников аварийное. Ранее составленные топографические планы уже не могут дать информации об их местонахождении.

Стоянки Дрокино-3, -4 находятся на противоположном берегу реки от пос. Дрокино. Недавно их состояние было практически идеальным. Сегодня на территории памятников строится новый коттеджный

поселок. Особенно пострадала стоянка Дрокино-4: ее культурный слой сильно нарушен в результате прокладки дорог к поселку.

Одиночный курган Дрокино-1. 1,7 км к западу от северной окраины д. Дрокино, 1,5 км в том же направлении от дороги Емельяново – Красноярск. Согласно данным публичной кадастровой карты, размещенной на сайте Росреестра, на территорию памятника попадает сразу несколько участков.

Стоянки Творогово-1, Малый Арей-1,-2. Левый берег р. Кача, между поселками Дрокино и Емельяново. Памятник Творогово-1 частично разрушен дорогой, которая подрезает его с западной стороны. Культурный слой стоянок Малый Арей-1, -2 ежегодно подвергается разрушению во время распашки полей.

Стоянки Емельяново-1, -2, -4 расположены северо-западнее пос. Емельяново, на пашнях. Разрушаются при распашке, а стоянка Емельяново-4 – еще из-за прогрессирующего оврага.

Стоянка Замятино-1 расположена южнее пос. Замятино. Ее пересекает несколько линий электропередач, столбы от которых установлены на территории памятника.

Поселение Частоостровское-1 находится на территории сельского пос. Частоостровское. На памятнике расположены распахиваемые земельные участки и два карьера. Один из карьеров – действующий. По сравнению с 2008 г., утрачено около 5 % площади памятника.

Поселение Куваршино-1 находится в 2,3 км к ЗЮЗ от сельского пос. Куваршино и 4,7 км севернее сельского пос. Частоостровское. Памятник частично разрушен пахотой. В 2013 г. его удалось найти благодаря устному свидетельству Л. В. Новых, автора его открытия.

Поселение Серебряково расположено на левом берегу р. Серебряковка, северо-восточнее сельского пос. Частоостровское. Состояние памятника плохое. Разрушается не только естественным путем (прогрессирующий овраг), но и под влиянием антропогенного фактора (пашня, дорога, осыпь от неукрепленных стенок раскопа).

Курганная группа Куваршино-1, одиночные курганы Куваршино-1, -2, -3 находятся севернее сельского пос. Частоостровское, в непосредственной близости от кладбища пос. Куваршино. На момент открытия памятников В. Г. Карцевым фиксировалось семь курганов. Паспортизировано только пять. По свидетельству местных жителей, курганы могли быть снивелированы в процессе распашки. Все объекты имеют следы грабительских раскопок, что отмечалось еще при работах В. Г. Карцева.

Канский р-н (17 археологических памятников). Практически все они в той или иной степени разрушаются. При этом наиболее сложная ситуация обстоит с ОКН.

Стоянка Стрижева Гора. На момент открытия памятник находился в стороне от современных поселков. Сейчас он находится в центре одного из микрорайонов г. Канска.

Стоянки Красный Курыш-1, -2 («Насосная станция») располагаются в непосредственной близости от одноименной деревни. Оба памятника разрушаются в результате осыпей и ветровой эрозии. В центре стоянки Красный Курыш-1 находится действующий карьер.

Стоянка Пермяково. Правый берег р. Кан, 1,8 км к западу от д. Пермяково. Через памятник в широтном направлении проложена дорога. Северная часть стоянки распахивается.

С*тоянка Озерная-1.* Левый берег р. Кан, 3,9 км к востоку от д. Красный Курыш, 4,5 км к западу от д. Терское. На памятнике фиксируются многочисленные нарушения культурного слоя – ямы, спуски к реке, вкопанные столбы, оставшиеся, по-видимому, от детского экспедиционного лагеря.

Стоянка Терское-1 находится на левом берегу р. Кан, в д. Терское. На памятнике возведены современные жилые и хозяйственные постройки, остальная территория стоянки распахивается.

Стоянка Харлова. Правый берег р. Кан, 19,3 км к западу от г. Канск, 6,4 км к востоку от д. Пермяково, территория бывш. д. Харлово. Рельеф местности сильно изменен.

Стоянка Белоярск. Правый берег р. Кан, 0,1 км к востоку от окраины д. Белоярск. Состояние памятника аварийное: он рассечен прогрессирующими оврагами, глубиной 10–12 м.

Стоянка Анцирь. Правый берег р. Курыш, восточная окраина д. Анцирь, к северу от дороги Анцирь – Канск. Культурный слой стоянки местами нарушен в ходе установки опор ЛЭП. Территория памятника на данный момент исключена из хозяйственной деятельности.

Стоянка Большая Уря. Правый берег безымянного ручья, 2,63 км к северу от д. Большая Уря. По территории стоянки проложена грунтовая дорога, культурный слой стоянки размывается паводковыми водами. Памятник удалось найти только благодаря старым фотографиям и устным сообщениям местных жителей. Его местонахождение было неверно указано на плане, содержащемся в паспорте объекта.

Стоянка Малая Уря. Правый берег р. Большая Уря, 0,23 км к югу моста через реку, территория пос. Малая Уря. Памятник находится в аварийном состоянии, так как край террасы, на котором он расположен, ежегодно разрушаются паводковыми водами.

Стоянка Бражное-1 находится на территории одноименного поселка, вследствие чего она сильно повреждена.

Стоянки Бражное-2-4 расположены вблизи одноименного поселка, на пашне. Памятники постоянно разрушаются

Стоянка и могильник Попиха находятся на правом берегу р. Кан, возле старицы реки (оз. Попиха), в труднодоступном районе, что обеспечило им достаточно хорошую сохранность.

Итог. В результате работ, проведенных в 2013 г., выяснилось, что большинство памятников археологии находится в плохом или даже аварийном состоянии. Прежде всего, бросается в глаза катастрофическая ситуация с уничтожением объектов в ходе строительства новых и расширения существующих дачных и коттеджных поселков.

Из 81 обследованного объекта нарушения культурного слоя фиксируются у 77 памятников (95 %). Наблюдается динамика разрушения, по сравнению с ранее проведенными исследованиями, у 63 из 77 объектов (81 %). Антропогенный фактор (строительство поселков, прокладка дороги, периодическая или постоянная распашка) является причиной разрушения у 72 объектов (87 %).

Работа по инвентаризации охватила лишь малую часть известных объектов археологического наследия (ОАН). Необходимо продолжение планомерной инвентаризации памятников археологии и актуализация их путем включения координат поворотных точек границ объектов в государственный кадастр недвижимости.

Источники

Акимова Е. В. Отчет о полевых исследованиях в Новоселовском, Балахтинском, Березовском и Сухобузимском районах Красноярского края в 1986 году. – Красноярск, 1987. – Архив ИА РАН. Р–I. № 11190.

Акимова Е. В. Отчет об археологических исследованиях в окрестностях Дивногорска и Березовском районе Красноярского края в 1990 г. – Красноярск, 1991. – Архив ИА РАН. Р–I. № 14919.

Блейнис Л. Ю. Отчет об археологической разведке в Канском и Иланском районах Красноярского края в 1987 г. – Архив ИА РАН. Р–I. № 12209.

Блейнис Л. Ю. Отчет об археологических работах в 1989 году. – Красноярск, 1990. – Архив ИА РАН. Р–I. № 14568.

Ишутина П. В. Отчет о результатах археологической разведки в Емельяновском районе Красноярского края в 2008 г. – Красноярск, 2009. – Архив ЛА СФУ. Р–1. № 68.

Леонтьев В. П. Отчет в полевой комитет за 1985 год. – Красноярск, 1985. – Архив ИА РАН. Р–1. № 11067.

Новых Л. В. Отчет о разведочных работах в 1988 г. в Емельяновском, Ачинском, Назаровском и Шарыповском районах Красноярского края. – Красноярск, 1989. – Архив ИА РАН. Р–I. № 13246.

Макаров Н. П. Отчет по разведкам и раскопкам археологической экспедиции Красноярского краевого Музея в Емельяновском, Сухобузимском, Северо-Енисейском районах Красноярского края в 1980 году. – Красноярск, 1981. – Архив ИА РАН. Р–1.

Макаров Н. П. Отчет о проведении предварительного археологического обследования зоны отвода земель в Емельяновском районе Красноярского края под карьер Красноярского метрополитена (стоянки Бугач-1) в 2001 г. – Красноярск, 2002. – Архив КККМ. Оп. 01. № 2568.

Максименков Г. А. Археологическая разведка в районе г. Красноярска летом 1956 г. – М., 1956. – Архив ИА РАН. Р–1. № 1350.

Нащекин Н. В. Отчет о полевых археологических исследованиях летом 1964 года. – Красноярск, 1964. – Архив КККМ. Оп. 05. № 96.

Новых Л. В. Отчет о разведочных работах в Емельяновском и Березовском районах Красноярского края, проведенных в 1987 г. – Красноярск, 1988. – Архив ИА РАН. Р–1. № 12153.

Новых Л. В. Отчет о разведочных работах 1988 г. в Емельяновском, Ачинском, Назаровском и Шарыповском районах Красноярского края. – Красноярск, 1989. – Архив ИА РАН. Р–1. № 13248.

Новых Л. В. Отчет о разведочных работах в Емельяновском районе Красноярского края в 1991 г. – Красноярск, 1992. – Архив ИА РАН. Р–1. №. 16249.

Решение Исполнительного комитета Красноярского краевого Совета народных депутатов от 24.12.1986 № 345 «О неотложных мерах по охране, реставрации и использованию памятников истории и культуры».

Решение Исполнительного комитета Красноярского краевого Совета народных депутатов от 16.06.1980 № 384-15 «О мерах по улучшению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры в свете Закона СССР и Закона РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» в крае».

Решение Исполнительного комитета Красноярского краевого Совета народных депутатов от 05.11.1990 № 279 «Об утверждении дополнительного списка памятников истории и культуры местного значения».

Д. Н. Лысенко
г. Красноярск
ООО «Красноярская Геоархеология»,
А. Ю. Тарасов
г. Красноярск
МК Красноярского края

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА ЕНИСЕЙСКА

Енисейск является одним из старейших городов Восточной Сибири и одним из первых русских поселений на р. Енисей. Образованный в 1619 г., за время своего существования он пережил много ярких моментов в своей истории. Основанный как военный форпост, он за короткое время превратился в административный и экономический центр Восточной Сибири, откуда происходило движение русских землепроходцев на восток – «встречь солнцу». На данный момент город удален от центральных магистралей и крупных промышленных центров Красноярского края. Благодаря этому на его территории сохранилась практически нетронутой планировочная структура и основной фонд исторической застройки XVIII–XIX вв. В историческом центре расположено более 120 зданий-памятников федерального и регионального значения, а сам город включен в список исторических городов-памятников. В настоящее время органами исполнительной власти Красноярского края проводится комплекс мероприятий, направленных на реализацию туристического потенциала города посредством эксплуатации историко-культурного наследия в рамках выполнения государственной программы «Подготовка к 400-летию города Енисейска в 2019 году». Данные мероприятия (проведение ремонтно-реставрационных работ, модернизация инженерной инфраструктуры и т.д.) затрагивают аспекты сохранения памятников археологии на территории города.

Первые документированные находки, случайно обнаруженные на территории г. Енисейска, стали поступать в фонды Красноярского краеведческого и Енисейского музеев в конце XIX в.

Первые археологические исследования в городе (в устье р. Мельничная) проведены в 1958 г. сотрудником Красноярского краеведческого музея Р. В. Николаевым. Им была собрана небольшая коллекция русской керамики на разрушаемых участках приустьевого мыса [*Николаев, 1959*]. В 1983 г. на территории Спасо-Преображенского мужского монастыря сотрудником КГПИ В. П. Леонтьевым было зафиксировано и изучено разрушенное погребение русского времени [*Леонтьев 1987*. С. 116].

В 2004 г. Комитетом по охране и использованию памятников истории и культуры администрации Красноярского края были проведены разведочные работы по исследованию археологического потенциала города. Было заложено более 40 разведочных шурфов вдоль кромки коренных берегов Енисея и р. Мельничной, а также обследована территория ряда памятников архитектуры. Исследования позволили зафиксировать хорошую сохранность культурного слоя русского времени, практически не потревоженного поздними перекопами и имеющего перспективы дальнейших исследований. При разведочной шурфовке территории Спасо-Преображенского монастыря были выделены горизонты, относящиеся к эпохе неолита, и составлена первичная учетная документация на выявленный объект археологического наследия (ОАН) «Енисейск. Поселение 1» [*Тарасов, 2006*].

Начиная с 2008 г. и по настоящее время, в городе разрабатываются и постепенно реализуются проекты, связанные с реставрацией памятников архитектуры. В связи с этим остро встал вопрос о планировании и проведении мероприятий по обеспечению сохранности объектов археологического наследия.

В 2008 г. на территории руинированной надвратной церкви святых Захария и Елизаветы, входящей в комплекс Спасо-Преображенского монастыря, проведены первые архитектурно-археологические исследования. Церковь является единственным надвратным храмом за всю историю становления Енисейской губернии. В раскопе (16×19 м) исследован бутовый фундамент храма, а также культурные напластования, образовавшиеся в результате его функционирования, датирующиеся XVIII – началом XX в. Кроме того, в слое бурой супеси зафиксированы материалы, относящиеся к выявленному ранее объекту археологического наследия «Енисейск. Поселение-1» эпохи неолита [*Веженко, 2008*].

В 2010–2012 гг. архитектурно-археологические исследования проведены на территории первого каменного здания города – Богоявленского собора.

Целями работ 2010 г. являлись аварийно-спасательные раскопки, архитектурно-археологические исследования и консервация захоронений русского времени, разрушенных в ходе проведения ремонтно-реставрационных работ.

При проведении демонтажа бутового фундамента алтаря храма строительным котлованом было разрушено более 20 захоронений XVII–XVIII вв. Раскопом, заложенным по периметру четверика и алтаря храма, с учетом контуров строительного котлована, изучено 62 целых и фрагментированных захоронения, совершенных в дощатых гробах, колодах и склепах (рис. 1). Погребения фиксировались ярусами (количеством до 8), глубина залегания которых варьировалась от 0,5 до 4 м от уровня современной поверхности. Погребальный инвентарь представлен нательными крестами, фрагментами кожаной обуви, золочеными и серебряными позументами, басонными пуговицами. Исследования на некрополе ограничились изучением разрушаемых захоронений с последующей консервацией нижних ярусов погребений.

Тогда же проведены архитектурно-археологические исследования со стороны западного фасада здания. Раскопом вскрыто основание крыльца церкви, сложенное из прямоугольных плит песчаника. Изученные архитектурные элементы показали несоответствие проекта реставрации восстанавливаемого крыльца с реальным обликом.

При осмотре существующих обнажений со стороны южного фасада здания зафиксировано основание мраморного памятника, обнаружен обломок оклада иконы и нумизматический материал.

Работы на территории собора были продолжены в 2012 г. Основными задачами охранных мероприятий являлись установление границ некрополя собора, выявление памятников археологии различных типов и проведение архитектурно-археологических исследований для корректировки раздела проекта по реставрации ОКН.

На территории и внутри собора заложено 18 шурфов и 5 разведочных траншей общей площадью 122 кв. м. Во внутренней части собора зафиксированы частично разрушенные поздними перекопами культурные слои ОАН «Стоянка Богоявленская» с материалами, датирующихся неолитом – ранней бронзы.

При установлении границ некрополя собора зафиксировано наличие перекопов могильных ям внутри самого здания: со стороны северного, восточного и южного фасадов. В алтарной части собора, в борту строительного котлована, изучено три поврежденных захоронения. На основании полученных материалов была составлена учетная документация на ОАН «Богоявленский некрополь».

Внутри здания собора зафиксированы хорошо сохранившиеся культурные слои, относящиеся к первым этапам существования Енисейского острога середины XVII в. В северном приделе храма и его алтарной части обнаружены обугленные конструкции, возможно, имеющие отношение к периоду существования деревянного собора Богоявления, построенного в начале 1620-х гг. и сгоревшего в 1703 г. В северо-западном приделе, в слое темно-бурой супеси с углистыми прослоями, обнаружена серебряная монета – *«чешуйка»* – с плохо отчеканенной надписью, костяной свистунок от стрелы, игольник из трубчатой кости и медная пряжка.

Архитектурно-археологическими исследованиями выявлен ряд проблемных моментов в архитектурной истории собора и установлен реальный контур исторической ограды собора, построенной в 1826 г.

После составления учетной документации на памятники археологии, расположенные на территории собора, проектные организации уже не могли игнорировать факт их наличия и ответственность, предусмотренную законодательством за их разрушение. В целях обеспечения сохранности данных памятников были изменены основные проектные решения по перечню земельных работ, проводимых при реставрации собора, в пользу их существенного уменьшения. В связи с получением новых данных об архитектурной истории собора, изменен проект восстановления кирпичной ограды на устоях.

В том же году проведено предварительное археологическое обследование ОКН (памятников архитектуры) «Дом Дементьева, I пол. XIX в.» и «Дом Бородкина, 1861 г.». На их территории зафиксирован культурный слой мощностью до 2 м, датирующийся XVIII–XIX вв. В большинстве шурфов – из-за многочисленных, перекрывающих друг друга жилых и хозяйственных конструкций, – раскопки до материка не доведены [*Веженко, 2009*].

Продолжены работы по уточнению границ памятников археологии на территории комплекса Спасо-Преображенского монастыря. В 2012 г. на его территории было заложено 9 шурфов общей площадью 36 кв. м. Основная цель работ заключалась в уточнении границ некрополя собора, отдельные погребения которого были выявлены еще в 2006 г [*Лысенко, 2013*].

Несмотря на активизацию археологических исследований в последнее десятилетие, у исследователей и органов охраны памятников отсутствовала информация о границах распространения, мощности, возможностях сохранения и изучения культурного слоя русского времени в пределах исторической части города. Эти вопросы приобрели особую актуальность, в связи планируемыми полномасштабными работами по восстановлению и реставрации памятников архитектуры в 2014–2019 г. и проблемой обеспечения сохранности памятников археологии в ходе этих мероприятий.

В 2013 г. МК Красноярского края были организованы полномасштабные разведочные работы в исторической части города. При их проведении было необходимо решить следующие задачи:

- уточнить границы распространения культурного слоя русского времени;
- составить на него учетную документацию;
- выявить и поставить на государственную охрану ранее неизвестные памятники археологии;
- провести поиск укреплений Енисейского острога, часовни святого праведника Сибирского Даниила Ачинского;
- найти утраченные памятники архитектуры – Преображенскую церковь, Гостиный двор, Христорождественскую церковь;
- выделить перспективные для музеефикации участки культурного слоя.

Охранными исследованиями был охвачен большой участок исторического центра города. Общая площадь заложенных шурфов, траншей и раскопов составила около 1000 кв. м.

В результате работ были установлены границы распространения культурного слоя города и составлена учетная документация на выявленный ОАН «Енисейск. Енисейское городище», площадь которого составляет порядка 3 102 000 кв. м. На территории Енисейского городища было выявлено два различающихся между собой варианта культурного слоя.

Первый вариант характеризуется наличием традиционного для русских памятников в данных широтах «сухого» культурного слоя, имеющего *компрессионный* характер. Данный слой покоится на сухих песчаных и супесчаных почвах, приуроченных к положительным формам рельефа – дюны, край первой надпойменной террасы. Эти участки характеризуются высоким уровнем фильтрации почв и хорошей аэрацией органических остатков, в связи с чем постоянно происходило разрушение основных формообразующих элементов русского культурного слоя – щепы и навоза. В результате за почти 400 лет мощность накоплений в исторической части города на разных участках варьируется от 0,2 до 0,5 м. Сам культурный слой включает практически разложившиеся органические остатки – щепу, навоз и т. д., в заполнении которых встречаются многочисленные артефакты.

Второй вариант представлен *обводненным* культурным слоем с хорошей сохранностью изделий из органических материалов – кожи, дерева, ткани. Мощность слоя – до 3 м, глубина его залегания от уровня современной поверхности – 4,5 м. Слой приурочен к отрицательным формам исторического рельефа (низины, западины, заболоченные участки). В этих местах грунты представляют собой оглеенные суглинистые почвы с крайне низкой влагопроводностью и близким уровнем залегания грунтовых вод. Формирование культурного горизонта и его слоев на данных участках происходило путем заполнения низин хозяйственным и строительным мусором, навозом, остатками построек различного назначения. Наиболее интенсивно данные процессы протекали в XVII – первой половине XVIII в.

Для оценки возможностей изучения данного вида культурного слоя, на пересечении ул. Ленина и пер. Партизанский, заложен раскоп размерами 3×10 м. В последнем выявлен культурный слой мощностью до 2 м, залегавший на глубине 1,7–2,0 м от уровня современной поверхности. Изучение стратиграфической и планиграфической ситуации в раскопе позволило вычленить отдельные культурные горизонты, имеющие надежные хронологические привязки и датирующиеся серединой XVII – началом XVIII в. К XVII в. относится обнаруженный в нижней части культурного слоя комплекс находок, представленный многочисленными изделиями из дерева (ложки, веретена, обувные колодки и т. д.), кожи (обувь различных типов, наборные каблуки, ножны и т.д.), ткани (носки, детали костюма и т.д.), металла и кости (рис. 3; 4). Из него необходимо выделить развал «рейнского» сосуда, изготовленного из сероглиняной керамики с узким горлом и характерным рельефным изображением «бородача» на шейке.

По всей северной стенке раскопа зафиксирован двойной ряд бревен диаметром до 35 см, представлявший собой основание тыновой стены Енисейского острога (рис. 2). Аналогичный ряд бревен зафиксирован в шурфе, заложенном 25 м восточнее раскопа.

К середине XVIII в. относятся элементы благоустройства города – ливневая канализация, выкладки фашинника и хряща, фиксируемые в верхней толще отложений.

Кроме уточненных границ Енисейского городища на территории города зафиксированы и поставлены на учет следующие археологические объекты:

- «Стоянка Татарская» (эпоха средневековья);
- «Стоянка Троицкая» (неолит-бронза);
- Абалакский, Иверский, Троицкий, Преображенский некрополи, датирующиеся XVIII–XIX вв.

Архитектурно-археологическими исследованиями охвачено 12 объектов культурного наследия (ОКН), расположенных в исторической части города. На всех их обнаружены культурные слои Енисейского городища различной мощности. Кроме того, на территории ОКН «Троицкая церковь, 1772–1782 гг.» зафиксированы ОАН «Троицкий некрополь» и «Стоянка Троицкая». На территории памятника архитектуры «Татарская мечеть, 1892 г» выявлена «Стоянка Татарская».

Материалы, полученные при проведении данных работ, легли в основу разработки разделов проектов по обеспечению сохранности ОАН при проведении ремонтно-реставрационных работ.

Проведен поиск архитектурных остатков утраченных памятников архитектуры с целью их восстановления. К сожалению, поиск архитектурных элементов церкви Преображения Господня, построенной в 1747–1787 гг., не увенчался успехом. В слое перекопа зафиксированы демонтированные куски бутового фундамента храма и захоронения некрополя церкви, частично разрушенные поздними перекопами.

На пустыре, расположенном западнее ул. Диктатуры Пролетариата, обнаружен бутовый фундамент Каменного гостиного двора, первого каменного строения Восточной Сибири. Шурфом вскрыт юго-западный угол объекта. При его расчистке собрана интересная нумизматическая коллекция и артефакты, относящиеся к «дорусскому» периоду (каменный наконечник стрелы, лепная керамика).

На территории Христорождественского монастыря расчищен каменный фундамент соборной церкви Рождества Христова (постройки 1755–1778 гг.), считавшейся полностью утраченной (рис. 4). Западнее и севернее церкви обнаружены захоронения некрополя монастыря («Иверский некрополь»). Севернее церкви, шурфом 2×2 м вскрыта часть кирпичного фундамента и некая обугленная конструкция. На сгоревшем дощатом полу найдена культовая посуда – фарфоровая лампадка, керамические вазы и медная чаша. Данные материалы, возможно, относятся к сгоревшей в 1869 г. часовне Даниила Столпника, возведенной в 1859–1860 гг.

Таким образом, за более чем десятилетний период активного археологического изучения г. Енисейска на его территории выявлено и поставлено на учет 11 археологических объектов, относящихся к различным хронологическим этапам.

Выявление ОАН наложило ряд ограничений на земляные работы при проведении ремонтно-реставрационных мероприятий и разных видах строительства на памятниках архитектуры. В связи с этим, в проектах по модернизации инженерной инфраструктуры и реставрации ОКН проектировщики начали включать разделы по обеспечению сохранности этих объектов.

Тем не менее, проведение охранно-спасательных раскопок на участках, попадающих в зону строительных работ, на данном этапе сталкивается с рядом трудностей технического и методического характера. Примером сложной ситуации, возникшей при проведении археологических исследований в зоне ведения хозяйственной деятельности, является проект по прокладке ливневой и хозяйственно-бытовой канализации в историческом центре города. Общая площадь запроектированных археологических раскопов составляет здесь порядка 25 000 кв. м. Такой объем археологических работ, предусмотренных в течение нескольких полевых сезонов, делает актуальной проблему консервации, обработки и хранения артефактов, большая часть из которых состоит из органических материалов. К сожалению, ни один из музеев Красноярского края не готов принять объемные коллекции археологического материала и обеспечить их хранение в надлежащем качестве.

Источники и литература

Веженко А. В. Отчет о выполнении разведочных работ на территории объектов культурного наследия памятников архитектуры «Успенская церковь», «Троицкая церковь», «Богоявленский собор», «Спасский монастырь, Надвратная церковь Захария и Елизаветы», в г. Енисейске, Енисейского района, Красноярского края, проведенных в 2008 году. – Красноярск, 2009. – Архив МК Красноярского края. № 1231.

Веженко А. В. Отчет по результатам выполнения предварительного археологического обследования на территории объектов культурного наследия «Дом Бородкина, 1861 г.», «Дом Дементьева, I пол. XIX в.» в г. Енисейске, Енисейского района, Красноярского края, проведенных в 2012 году. – Красноярск, 2013. – Архив МК Красноярского края. № 1321.

Леонтьев В. П. Разведка в низовьях Ангары и в среднем течении Енисея // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока – Новосибирск, 1987. – С. 116–117.

Лысенко Д. Н. Отчет о археологической разведке на территории Богоявленского собора и Спасского мужского монастыря в г. Енисейске Красноярского края в 2012 г. – Красноярск, 2013. – Архив МК Красноярского края. № 1201.

Лысенко Д. Н. Отчет о археологических раскопках некрополя Богоявленского собора в г. Енисейске Красноярского края в 2010 г. – Красноярск, 2012. – Архив МК Красноярского края. № 1299.

Николаев Р. В. Археологические находки на севере Красноярского края // СА. – М.: Наука, 1960. – № 1. – С. 254–256.

Тарасов А. Ю. Археологические исследования в г. Енисейске // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 244–246.

Рис. 1. Богоявленский некрополь. Погребения в раскопе. Вид с запада

Рис. 2. Енисейский острог. Тыновая стена в раскопе 2013 г. Вид с юга

Рис. 3. Енисейское городище. Находки из культурного слоя XVII в.: *1–9, 11* – дерево, *10* – железо: *1* – веретено; *2, 3* – фрагмент неопределенного изделия; *4* – бирка; *5* – шахматная фигурка?; *6* – веселка; *7* – бондарная клепка; *8* – обломок томара; *9* – пуговица; *10* – обломок кинжала; *11* – крышка от туеса

Рис. 4. Енисейское городище. Обувь и ее фрагменты из культурного слоя XVII в.:
1 – кожа, береста; *2–6* – кожа

Рис. 5. Христорождественская церковь. Фундамент церкви в раскопе. Вид с юга

А. С. Вдовин
г. Красноярск
КГПУ им. В. П. Астафьева
С. В. Кузьминых
г. Москва
ИА РАН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СИБИРИ В ЗОНЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ (конец XIX – начало XX в.)

Конец XIX – начало XX в. ознаменованы для Сибири бурным развитием всех сторон жизни, что было обусловлено вовлечением восточных окраин империи в общероссийские экономические и культурные процессы, связанные с развитием капитализма. Необходимость экономического освоения новых территорий приводит к массовому переселению, расширению городов и появлению новых населенных пунктов, увеличению площади пахотных земель, строительству сети шоссейных и железных дорог, развитию горного дела и золотодобычи. Это нашло свое отражение в проведении широкомасштабных строительных работ. Особенно важно то, что в связи с проведением изыскательских экспедиций, строительством Сибирской (СЖД) и Минусинской (МЖД) железной дорог, Обь-Енисейского канала и оросительных систем, а также в результате активной разработки полезных ископаемых (прежде всего, золота), в поле зрения частных лиц, специалистов, музеев и научных учреждений все чаще стали попадать памятники археологии и отдельные древние артефакты [*Ковешникова, 1992*; *Ожередов, 1992*; *Сунчугашев, 1989*].

Вместе с этим изменяется и культурная среда сибирского общества. Открываются школы, училища, гимназии, семинарии, библиотеки, музеи, первый сибирский университет в Томске, создаются научные общества и общественные организации.

Археологические памятники в огромном количестве попадали в зону хозяйственного освоения. Именно поэтому они все чаще привлекали внимание наиболее образованной части сибирского общества. Экономическое развитие региона диктовало необходимость всестороннего изучения восточных окраин России. Не случайно, что многие экспедиции по исследованию Сибири были организованы и профинансированы сибирскими купцами и золотопромышленниками. Этим, вероятно, во многом объясняется увеличение количества археологических исследований и выдвижение из среды сибиряков видных представителей отечественной археологической науки.

При этом довольно часто археологические объекты раскапывались и исследовались организациями и учреждениями, далекими от проблем археологии и охраны памятников (Министерство земледелия, Главное гидрографическое управления и др.) [*Свинин, 1991.* С. 112].

В конце XIX – начале XX в., наряду с активно проводимой переселенческой политикой правительства, по заданию Переселенческого управления составляются топографические карты разных районов Сибири, на которых зафиксированы «чудские» курганы и другие археологические памятники. В этой связи документы Переселенческого управления требует, несомненно, специального изучения со стороны современных археологов.

В рамках почвенно-географических и гидрологических исследований Сибири экспедициями А. П. Стакевича (1909 г.), Л. И. Прасолова (1910 г.), В. А. Гейко (1913–1915 гг.) обследовались писаницы и древние оросительные каналы [*Сунчугашев, 1989.* С. 12; Притоки Енисея…., 1914], а также проводились археологические раскопки [*Марсадолов, 1996.* С. 16].

Летом 1913 г. во время поездки в Абаканскую степь на р. Уйбат, «в местность откуда начинается из него оросительная канава, для осмотра выкопанной при рытье канавы, на глубине 7 четвертей каменной плиты со знаками, при осмотре плита оказалась покрытою фигурами и знаками, но не буквами, длина плиты 3 аршина и ширина 1 1/2 аршина (часть этой плиты доставлена в [Минусинский] музей)» [Отчет…, 1914. С. 19].

Вместе с тем, миграционные процессы имели и обратную, отрицательную, сторону для сохранности древних историко-культурных объектов. «С увеличением населения в виде переселенческого потока, – писал археолог А. В. Адрианов, – начало усиливаться и истребление древних памятников, не имеющих никакого значения в глазах невежественного населения и столь же невежественной администрации, не способной принять какие-либо действенные меры к их охране» [*Дэвлет, 1963.* С. 8]. В связи с этим, многие сибирские исследователи опасались, что реализация столыпинской аграрной реформы приведет к массовому уничтожению археологических памятников. Именно поэтому в 1910 г. И. Т. Савенков, являвшийся

в тот период директором Минусинского музея, в письме к графине П. С. Уваровой, известному научному и общественному деятелю, председателю Московского археологического общества, обратился с просьбой привлечь крестьянских начальников, которые могли бы сообщать о случайных находках в музей. Особое внимание обращалось на выделение участков для вновь организуемых населенных пунктов и новых распашек. Кроме того, все полученные сведения он предлагал наносить на археологическую карту [ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 568. Л. 48а].

Значительная часть археологических памятников (прежде всего, прекрасно видных на поверхности курганов и городищ) находилась в степных и лесостепных районах, а потому очень часто попадала в зону активного земледельческого освоения и на глаза крестьянам. Складывается представление, что крестьяне занимались разграблением курганов с целью обогащения. С другой стороны, для новых земледельцев (в отличие от местных скотоводов) древние бугры, безусловно, были «помехой», поэтому курганы раскапывались, нивелировались, а распаханные площади выравнивались. Другое дело – случайные находки, которые массово попадались при распашке. О них имеется немало сведений на страницах старых сибирских газет.

В частности, случайно, в 1890 г. крестьянами у д. Верхнее Метляево, на р. Ангаре, севернее г. Иркутска, был обнаружен Верхне-Метляевский клад, состоявший из 18 бронзовых предметов, завернутых в бересту [*Савинов, 2002*]. В 1899 г. сельский староста Егоров сообщил рапортом в Статистическое бюро при Главном управлении Алтайского округа о находке крестьянина Г. В. Конева в долине р. Белый Ануй каменного изваяния, лежавшего под слоем земли. Через некоторое время изваяние было вывезено в Томск [*Кубарев, 1984.* С. 7]. Крестьянин д. Зыковой Тихон Зыков, копая во дворе ямы под столбы, нашел на глубине 4–5 четвертей 12 медных старинных ножей [ВО, 1900]. В 1902 г. при рытье ямы в д. Тюхтяты на правом берегу р. Казыра были найдены медные, золотые и железные предметы. Комплекс известен как «Тюхтятский клад» [*Длужневская, 2002*]. Еще один клад – Елыкаевский – представляет собой коллекцию предметов бронзового культового литья и вооружения, выпаханных в 1905 г. у с. Елыкаева (ныне Кемеровский р-н Кемеровской обл.) [*Плотников, 1987*]. Некто Пономарев в 1908 г. у с. Терехино близ г. Кузнецка нашел клад, состоящий более чем из 200 золотых предметов, который в настоящее время хранится в Государственном Эрмитаже [*Кулемзин, Бородкин, 1989.* С. 8]. В газете «Сибирь» от 18 ноября 1916 г. сообщалось, что Иркутский музей получил нефритовый топор, найденный крестьянином Ф. недалеко от с. Качул во время корчевки леса под пашню [Сибирь, 1916. № 250]. В ходе распашки целины был найден и знаменитый Ишимский клад [*Ермолаев, 1914*]. Этот список сведений, полученных из сибирских газет, можно расширить.

К сожалению, увеличение количества случайных находок, полученных в результате расширения крестьянской распашки, стимулировало оборот древностей, цены на которые в тот период значительно поднялись. Это, в свою очередь, привело к тому, что все меньше предметов стало попадать в фонды музеев и все чаще пополняло частные коллекции.

В 1909–1912 гг. Управлением водных путей и шоссейных дорог были проведены изыскания русловых участков притоков Енисея. Партией исследования Верхнего Енисея, возглавляемой Н. Хрусталевым, были изучены гидрологические характеристики р. Маны, правого притока Енисея, определена навигационная обстановка реки, обозначены перспективы лесосплавных участков. В ходе работ изыскатели обратили внимание на древние писаницы. В опубликованном отчете Н. Хрусталев ограничился выборочной информацией (в виде копий и описаний рисунков), почерпнутой из статьи А. В. Адрианова [*Адрианов, 1913*; *Заика, 2006*].

Во время засухи, разразившейся в Минусинском крае в 1910 г., в разгар массового переселения крестьян, было опубликовано выступление Д. А. Клеменца, который, привлекая археологические данные, попытался обосновать необходимость использования искусственного орошения. Он подчеркивал, что Хакасско-Минусинская котловина орографически и гидрологически представляет собой местность, самой природой предназначенной для искусственного орошения. Эти ее особенности, подчеркивал исследователь, были известны и использовались еще в древности. От того времени сохранились следы каналов протяженностью до 50 верст [*Клеменц, 1910.* С. 14, 15].

Среди сотрудников переселенческого управления было немало образованных и любознательных людей, которые занимались археологией. Так, С. М. Сергеев открыл в 1912 г. в Красноярске ныне известную палеолитическую стоянку «Переселенческий пункт». Позднее он провел раскопки у дд. Сухая Ерба и Биря в зоне строительства Ачинско-Минусинской железной дороги [*Вдовин, Кузьминых, 2006*]. И. И. Берников в г. Канске провел раскопки курганов на оз. Долгом. Исследователь оставил «приличные труды о Канском округе» (возможно, и по археологии), но после 1920 г. его бумаги были утеряны [НА КККМ. Оп. 1. Д. 428. Л. 27].

Древние предметы часто находили при разработке золотых приисков. При поиске полезных ископаемых геологи нередко прибегали к сведениям о «чудских копях». Так, например, А. Сборовский считал

наличие их вернейшим признаком медных месторождений [*1896*]. О древних копях писали многие горные инженеры, работавшие в Сибири [*Лавров, 1874*; *Тучинский, 1903*]. «В 1848–1851 гг. на Алтае проводил геологические изыскания горный инженер Влангали. Он неоднократно встречал «чудские» курганы с поставленными на них каменными изображениями людей» [*Кубарев, 1984.* С. 5; *Семенов, Потанин, 1877.* С. 136]. Н. Ф. Сергеева в монографии, посвященной древнейшей металлургии Восточной Сибири, упоминает не только места древних выработок, а также приводит свидетельства их использования в XIX в. В том числе она пишет: «Отставной майор Медин разрабатывал и выплавлял на месте («чудских» разработок в Забайкалье – *авт.*) медь. Им было добыто около 1000 пудов меди» [*Сергеева, 1981.* С. 50].

В 1898 г. начальник Алтайского горного округа сообщил в письме, направленном в Императорскую Археологическую комиссию, о находке в 1857 г. урядником Черновым и писцом Серебрянниковым двух серебряных сосудов в одном из 20 выявленных курганов в окрестностях Гурьевского завода Кузнецкого уезда. Алтайское горное правление запросило подробные сведения о находке. Салаирская горная контора в рапорте представила план местности и место находки сосудов, хотя не сообщила об обстоятельствах обнаружения этих предметов. Сосуды первоначально хранились в музее Алтайского округа, но после 1898 г. следы их теряются [РА ИИМК. Ф. 1. 1883 г. Д. 46. Л. 339, 339об].

Во время поездок по золотым приискам горный инженер И. С. Боголюбский фиксировал курганы «с каменными оградами» по дороге из Усть-Ербы в Перевозную по направлению к р. Коске на протяжении «3 верст» [МГА. Ф.104. Д. 64. Л. 1], а также писаницы на рр. Мана, Туба (Шалоболинская), Арбат и Бидилик [*Там же.* Л. 3]. Боголюбский, как геолог, интересовался вопросами появления горного дела на Енисее и Чулыме и пришел к выводу, что это произошло в глубокой древности. Люди, по его мнению, были искусными в проведении подземных выработок с целью добывания металлов [*Там же.* Д. 44, л. 9]. Несмотря на это, у него, признанного специалиста в области геологии, горного дела и золотопромышленности, были достаточно наивные представления о древности. Так, он связывал находки медных, каменных и костяных вещей в золотоносных песках с находками мамонтовых костей. Из чего следовало заключение о том, что «мамонты жили в медный век» [*Там же.* Д. 46, л. 1]. Казалось бы, для человека, хорошо знакомого с палеонтологией и геологией того времени, немыслимы подобные ошибки. Тем не менее, говоря о “золотом веке” человечества, исследователь отмечал, что древние люди «...были современниками... гигантским земноводным ящерам: Megalosarus, Archaegosaurus, Palorosaurus и пр.» [*Там же.* Л. 6, 7].

В 1900 г. Н. Садовский, техник Нижне-Харлампиевского прииска, расположенного в верховьях Томи, на р. Балыксу, сообщил в Красноярский подотдел РГО о находке древних медных предметов (обломок стрелы, рыболовный крючок, бляшка, нож), обнаруженных в процессе промывки. Автор записки попытался объяснить происхождение этих артефактов. «Находки эти, – писал он, – вероятно, принадлежали древнему народу Чуди и современны Чудским копям, по которым Акинф Демидов в 1726 году открыл медный Воскресенский рудник, а затем и серебряный Змеиногорский рудник, но находятся в пласте, состоящем из окатанных галек; они (древние предметы – *А.В., С.К.*) вероятно вместе с гальками были принесены сюда водою» [Библиотека КККМ, 571 (09). № 481. Л. 1, 2].

По мере экономического освоения Сибири увеличивался грузопоток, и вскоре возникла необходимость в сооружении Обь-Енисейского канала. При его строительстве неоднократно находили археологические материалы, большая часть которых, начиная с 1885 г., стала передаваться в Археолого-этнографический музей Томского университета. Создатель этого музея, В. М. Флоринский, 15 октября 1885 г. написал письмо инженеру Б. А. Аминову, в котором, в частности, говорилось: «Изыскивая средства для обогащения формирующегося археологического музея Сибирского университета местными древностями и предполагая возможность нахождения таковых предметов во время производства Вами работ при сооружении Кето-Енисейского канала, позволю себе обратиться к Вам, Милостивый Государь, с покорнейшей просьбою, не признаете ли Вы возможным находимые в районе Ваших работ археологические предметы пожертвовать в археологический музей Сибирского университета» [РГИА. Ф. 174. Оп. 1. Д. 1782. Л. 2]. Идя навстречу просьбе известного сибирского деятеля науки и просвещения, барон Б. А. Аминов обратился в Департамент шоссейных и водных сообщений с просьбой «разрешить мне в случае нахождения при производстве работ каких либо древностей или вообще археологических находок передавать их в музей Сибирского Университета» [*Там же.* Л. 1]. Со стороны Департамента данное предложение получает поддержку, от министерства отправляется соответствующее письмо в ИАК за подписью директора департамента Фадеева: «Деп[артамент] ш[оссейных] и в[одных] п[утей] с[ообщений] покорнейше просит Императорскую Археологическую Комиссию не отказать по сему предмету» [*Там же.* Л. 3].

По мнению В. М. Флоринского, передача древностей в музей Сибирского университета была бы более полезной, чем помещение этих предметов в столичные музеи, где они имели бы характер неполных

и разрозненных коллекций [РА ИИМК. Ф. 1, 1886 г. Д. 50. Л. 37]. В ответе на обращение Флоринского председатель ИАК граф А. А. Бобринский заметил, что Комиссия «вполне сочувствует прекрасной мысли» попечителя, но «на основании Высочайше утвержденного Положения 1863 г. ИАК обязана следить за всеми открытиями древностей и важнейшие из них предоставляет на воззрение Императора, а затем с изволения которого предметы предаются в Эрмитаж или другие места. Поэтому древности, которые могут быть найдены при сооружении канала, должны предварительно быть присланы в ИАК» [*Там же.* Л. 38]. Соответствующее письмо было отправлено и в Департамент шоссейных и водных путей сообщений.

Однако ИАК не могла обеспечить наблюдение за ходом строительства, поэтому, несмотря на предупреждения Комиссии, находки расходились по рукам, раскупались и в основном оказывались у частных владельцев. Так, наиболее крупная и интересная коллекция была собрана вышеупомянутым бароном Б. А. Аминовым, руководителем строительных работ на канале. Основная часть его коллекции в итоге все же поступила в археологический музей Томского университета. Один из деятелей сибирского областнического движения, Н. М. Ядринцев, отмечал, что «с проведением канала Обь-Енисейского сделано несколько находок, между прочим, найдены каменные орудия, затем кольчуга, которые поступили в коллекции Енисейского общественного музея…» [*1887.* С. XVI]. В 1908 г. на канале проводил археологические исследования С. М. Чугунов [*Ожередов, 1992.* С. 76, 77]. Подробное описание этих находок можно найти в публикациях В. М. Флоринского, В. Н. Чернецова и А. П. Дульзона [*Чиндина, Яковлев, Ожередов, 1990.* С. 226].

В 1908 г. В. М. Родевич провел обследование р. Абакан с точки зрения судоходности, в ходе которого были промерены глубины реки и произведено ее картографирование. Наряду с природными достопримечательностями были описаны быт местного населения, культовые места и курганы [*Родевич, 1911*].

Еще в 1862 г. ИАК направила письмо в Главное управление путей сообщения и публичных зданий (впоследствии МПС) и в Инженерный департамент с просьбой о предоставлении сведений «о предстоящем производстве дорог и других строительных работах, могущих повлечь разрушение археологических памятников, с целью своевременной организации археологических работ» [РА ИИМК. Ф. 1, 1862 г. Д. 26. Л. 1–5]. В 1891 г. было принято решение о постройке Сибирской железной дороги до г. Владивостока. Следом последовал Приказ по МПС об обязательности археологического надзора, осуществляемого ИАК, о производстве раскопок в случае обнаружения находок, а также о включении в договоры на строительство пунктов об охране археологических древностей [*Там же.* Л. 94]. Более того, министерство пошло на передачу в ИАК карт с проектами трасс железных дорог. С того времени в проектной документации появляется понятие «полоса отчуждения», столь важное для организации экспертных разведочных исследований. Вплоть до 1914 г. ИАК ведется активная переписка с местными учреждениями, причем Комиссия требует от чиновников железнодорожного ведомства перед уничтожением памятника описать его и нанести на карту, а также принять меры к сохранению находок. Осуществляется археологический надзор при строительстве. В зоне проектирования и строительства Сибирской железной дороги были открыты и раскопаны многие археологические памятники [*Вдовин, Кузьминых, 2008*; *2009а*; *2009б*].

В целом же Российское правительство в конце XIX – начале XX в. не смогло организовать деятельную охрану археологических памятников. Особенно это касалось объектов, попадавших в зону хозяйственного освоения. В этих условиях все попытки местных организаций – без материальной поддержки из центра – были малоэффективны. Кроме того, следует иметь в виду, что научных сил, заинтересованных в охране археологических объектов, было не столь много, тем более огромных пространствах Сибири. Кроме того, государственные органы, отвечающие за охрану объектов историко-культурного наследия края, в реальности не были созданы. Правительство на протяжении нескольких десятков лет обсуждало законодательство по этому вопросу, но практически не реагировало на предложения с мест. Местные деятели науки и культуры действительно могли организовать такую работу, естественно, при финансовой поддержке правительства. Однако государство не собиралось расставаться со своей монополией в области контроля за находимыми материальными ценностями и над научными исследованиями. Это негативно влияло на отношение сибирских административных органов к археологическим памятникам. Некоторые государственные служащие сами были не прочь нажиться на древностях. Нередко они пополняли свои коллекции во время проведения строительных работ или организовывали собственные мародерские раскопки археологических памятники без всяких научных целей.

В ходе массового переселения людей на восток, в Сибирь в данный период, и связанного с этим расширения площади пахотных земель, а также вследствие активизации добычи полезных ископаемых, строительства шоссейных и железных дорог, многие археологические памятники были разрушены, а находки разошлись по частным коллекциям, в том числе были вывезены за границу.

Археологи должны извлечь урок из печального опыта прошлого. Только совместные усилия государства, деятелей науки и культуры, как в центре, так и на местах, способны организовать более успешную работу по выявлению, фиксации, охране и научному изучению объектов культурно-исторического наследия, особенно в зонах хозяйственных работ и новостроек. Эта проблема требует к себе постоянного внимания и в наши дни. Кроме того, в последнее время исследователи все чаще обращаются к материалам, ранее не включенным в научный оборот: картам и отчетам различных министерств и ведомств Российской империи, на которых нередко можно найти дополнительные сведения об археологических памятниках, не зафиксированных в иных источниках. Безусловно, требуют внимания периодические издания, которые также могут содержать информацию о древних памятниках.

Литература

Адрианов А. В. Писаницы по р. Мане // ЗОРСА. – СПб.: РАО, 1913. – Т. 9. – С. 1–13.
Вдовин А. С., Гуляева Н. П., Макаров Н. П., Баташев М. С., Васильев А. Д., Выдрин Е. В. Русское географическое общество в Красноярске (1901–1937 гг.). – Красноярск: РИО КГПУ, 2001. – 120 с.
Вдовин А. С., Кузьминых С. В. Сергей Михайлович Сергеев (1879–1947): начало научной деятельности // АЮС. – Кемерово: Изд-во «Летопись», 2006. – Вып. 24. – С. 168–174.
Вдовин А. С., Кузьминых *С. В.* Железнодорожное строительство в Сибири и археология // История и практика археологических исследований: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР, проф. А. А. Спицына. – СПб.: ИД СПбГУ, 2008. – С. 232–235.
Вдовин А. С., Кузьминых С. В. Археология и Ачинско-Минусинская дорога // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: история, современное состояние, перспективы: Мат-лы Междунар. науч. конф. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2009а. – Т. 1. – С. 62–64.
Вдовин А. С., Кузьминых *С. В.* МПС и археология (на материалах Сибири) // РА. – М.: ИА РАН, 2009б. – № 4. – С. 24–37.
Вдовин А. С., Кузьминых С. В. Хозяйственное освоение Сибири и археология в конце XIX – начале XX в. (Обь-Енисейский канал) // Первые Ядринцевские чтения: Мат-лы Всерос. науч. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Николая Михайловича Ядринцева (1842–1894). – Омск: Изд-во ОГИКМ, 2012. – С. 28–30.
«Восточное обозрение» [газета] / Ред. Н. М. Ядринцев. – Иркутск, 1900. – 14 октября.
Длужневская Г. В. Является ли кладом «Тюхтятский клад»? // Клады: состав, хронология, интерпретация: Мат-лы Тематич. науч. конф. – СПб.: Изд-во Элексис Принт, 2002. – С. 234–239.
Дэвлет М. А. Д. А. Клеменц как археолог // СА. – М.: ИА АН СССР, 1963. – № 4. – С. 3–9.
Дэвлет М. А. К истории исследования памятников тагарской культуры // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1976. – С. 16–33.
Заика А. Л. История исследования манских писаниц // ЕП. – Красноярск: РИО КГПУ, 2006. – Вып. 2. – С. 128–149.
Катанов Н. Ф. Отчет о поездке в Минусинский уезд Енисейской губернии, совершенной по поручению историко-филологического факультета Императорского Казанского университета летом 1899 года. – Казань: Изд-во ИКУ, 1900. – Отдел. оттиск. – 58 с.
Клеменц Д. А. К переселенческому вопросу // СВ / Ред. В. П. Сукачев. – № 3. – СПб.: Типогр. А. Ф. Альтшулера, 1910. – С. 14–15.
Ковешникова Е. А. Историография археологии Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1992. – 128 с.
Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, СО, 1984. – 232 с.
Кулемзин А. М., Бородкин Ю. М. Археологические памятники Кемеровской области. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1989. – Вып. 1. – 156 с.
Лавров Н. О древнем горном производстве в горах Колываново-Воскресенского горного округа, в горах Нерчинского горного округа, на Урале и в Екатеринославской губ. // ЗСПбМО. – СПб.,1874. – Сер. 2. – Ч. 9. – С. 120–142.
Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Азия и проблема родины человека: (История идей и исследования). – Новосибирск: Наука, СО, 1969. – Ч. 1. – 390 с.
Марсадолов Л. С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н. э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). – СПб.: Изд-во «Вичи», 1996. – 100 с.
Материалы для описания русских рек и истории улучшения их судоходных условий. – СПб.: УВШСиТП (ОВиШС), 1914. – Вып. 54: Притоки Енисея, реки Кемь, Кан, Мана и Оя / Сост. по мат-лам 1909–1912 гг. партий Управления внутрен. водн. пут. и шосс. дор. по исследованию реки Енисея; изд. под ред. Бюро исследований водных путей. – 62+VIII с., 18 л. карт.
Ожередов Ю. И. Археологические находки и памятники на Обь-Енисейском канале (обская часть) // ПАИКЭПК. – Красноярск: Изд-ва КГУ; КККМ, 1992. – Т. 2. – С. 76–77.
Отчет по Минусинскому Мартьяновского музею, состоящему под покровительством ИАН и по общественной библиотеке за 1913 г. – Минусинск, 1914. – 36 с.
Плотников Ю. А. «Клады» Приобья как исторический источник // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, СО, 1987. – С. 120–135.
Родевич В. М. Абакан: Краткое описание реки и ея бассейна // Материалы для описания русских рек и история улучшения их судоходных условий. – СПб.: Типогр. МПС, 1911. – Вып. XXVII. – 104 с.
Савинов Д. Г. К вопросу о датировке и историко-культурной интерпретации Верхне-Метляевского клада // Клады: состав, хронология, интерпретация: Мат-лы тематич. науч. конф. – СПб.: Изд-во Элексис Принт, 2002. – С. 222–229.
Сборовский А. Материалы к изучению горного дела в степных областях Западной Сибири и Тобольской губернии // ЗЗСОРГО. – СПб.,1896. – Т. 16. – Кн. XIX. – 186 с.
Свинин В. В. Археологические памятники Байкала и их исследователи // Древности Байкала: Сб. науч. тр. – Иркутск: Изд-во ИрГУ, 1991. – С.111–133.
Семенов П. П., Потанин Г. Н. Алтайско-Саянская горная система в пределах Российской империи и по китайской границе по новейшим сведениям 1832–1876 годов. – СПб., 1877. – Т. 4. – 752 с.
Сергеева Н. Ф. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, СО, 1981. – 152 с.
Сибирь [газета]. – Иркутск, 1916. – № 250 (18 ноября).
Сунчугашев Я. И. Памятники орошаемого земледелия в древней Хакасии. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1989. – 98 с.
Тугаринов А.Я. Андроновские могилы // СЖС. – Иркутск, 1926. – Вып. 1. – С.153–158.
Тучинский К. Н. Возобновление медного дела в Минусинском уезде Енисейской губернии // Изв. ОГИ. – СПб., 1903. – № 1–2.
Чиндина Л. А., Яковлева Я. А., Ожередов Ю. И. Археологическая карта Томской области. – Томск: Изд-во ТГУ, 1990. – Т. 1. – 338 с.
Ядринцев Н. М. Отчет о поездке в Восточную Сибирь в 1886 г. для обозрения местных музеев и археологических работ // Зап. ИРАО. – СПб.,1887. – Т. 3. – С. II–XXVI, 1 л. карт.

Е. А. Строгова
г. Якутск
ИГИиПМНС СО РАН

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ В ГОРОДЕ ЯКУТСКЕ: ПЕРВЫЕ ШАГИ

Охранная археология в г. Якутске делает первые шаги и совсем не потому, что наш город молод. Якутск – один из старейших городов Восточной Сибири. Почти за четыреста лет своего существования он мог бы сохранить немало свидетельств своей славной истории, если бы не одно странное обстоятельство: наследственное равнодушие к прошлому. Словно неизвестный науке вирус, оно поражает якутских градоначальников независимо от времени и социального строя.

Первый этап исследований. Еще в середине XIX в. русский писатель, этнограф и краевед Н. С. Щукин, первым охарактеризовавший остатки Якутской крепости как исторический памятник, с горечью заключил: «Корыстолюбивое невежество не уважает остатков старины! Еще десять лет и на месте где была Якутская крепость останется несколько догнивающих бревен» [*1844.* С. 130]. Переживания просвещенного человека вполне понятны: Якутская крепость к этому времени оставалась единственной деревянной крепостью во всей Российской империи и представляла большую ценность для науки. Однако якутским градоначальникам это было безразлично. Более того, они сами довершили разрушение памятника старины: из его бревен построили клуб и забор у дома городничего [*Там же.* С. 134]. И это притом, что Строительным уставом Российской империи провозглашалось: «Строжайше воспрещается разрушать остатки древних замков, крепостей, памятников и других зданий древности, под ответственностью за нарушение сего Губернаторов и местной полиции» [СЗРИ, 1912. Т. XXII. С. 218].

Пройдет семьдесят четыре года и другой исследователь остатков Якутского острога – Н. В. Султанов – напишет: «Начиная с 70-х годов прошлаго столетия, местныя власти, во имя ложно понимаемаго городскаго «благообразия», начинают делать неоднократныя и весьма настойчивыя представления о сломке этих остатков. Императорская Археологическая Комиссия до сих пор довольно успешно сопротивлялась подобному вандализму, но что будет дальше, — сказать трудно» [*1907.* С. 2].

В этот период произошло одно знаковое событие: преподаватель Якутской прогимназии и действительный член ВСО РГО Н. Г. Сарычев провел первые археологические исследования на территории г. Якутска. В июле 1888 г. он раскопал «курган шарообразной формы» с древнеякутскими погребениями XVII в. [*Сарычев, 1889*]. Данный археологический памятник, известный у местного населения как «Тыгынов курган», располагался в 69 квартале Якутска, на северной окраине старичного озера Тыгын ойбоно. Останков легендарного Тыгына Н. Г. Сарычев не нашел, но зато обнаружил пять якутских погребений, изымать которые не стал [*Явловский, 2004.* С. 132, 320; Якутия…, 2002. С. 268–269]. Охранных целей эти раскопки, конечно, не преследовали, но они стали «первой ласточкой» якутской «городской» археологии.

Смена государственного строя в октябре 1917 г. не внесла изменений в эту область городской жизни. Несмотря на издание 5 октября 1918 г. Декрета СНК от «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» остатки Якутской крепости были разобраны на дрова. В 1925 г. на месте крепостной стены без всякой попытки археологического обследования был построен диспансер ЯНИИТ. В 1939 г. возведено несколько жилых домов Наркомата культуры ЯАССР. При этом работники *культуры* даже не вспомнили о том, на каком месте для них строят здания.

Второй этап исследований. В этот период серьезным шагом в изучении древностей Якутска стала работа Ленской историко-археологической экспедиции, организованной ЛО ИИИМК АН СССР и НИИК при СНК ЯАССР (1939–1946 гг.), возглавляемой А. П. Окладниковым. На территории Якутска ученым были открыты и изучены пункты, относящиеся к различным этапам неолита, эпохи палеометалла и средневековья: Тир, Лог, Областная больница, Богородицкая, Никольская, Мучен-Крест, Чочур-Муран I-III, Хатынг Юрях, Белое озеро [*Окладников, 1950*; *1955*]. В результате этих работ А. П. Окладников создал пусть схематический, но очень полезный для последующих исследований «Общий план расположения древних памятников в районе г. Якутска и в его ближайших окрестностях». Район Якутска и его окрестностей А. П. Окладников называл «… одним из самых богатых древними памятниками областей Якутии» [*Там же.* С. 86]. Опубликованные ученым материалы тем более ценны, что все эти археологические объекты к настоящему времени полностью уничтожены городским и частным строительством.

К этому же времени относятся раскопки некоторых древнеякутских могил различными исследователями. Еще в 1930-е гг. древний «Тыгынов курган» был превращен в глиняный карьер, и в 1936 г. на его

месте случайно обнаружили разрушенную могилу женщины в кожаной одежде с медными украшениями и стеклянными бусами. В 1941 г. известный местный писатель Н. Г. Золотарев (Николай Якутский) совместно с В. Н. Чемезовым и Г. М. Васильевым, повторно раскопали этот некрополь [*Золотарев, 1945*]. Исследователи вскрыли шесть погребений XVII–XVIII вв., разрушенных рабочими карьера, а также одну целую могилу. В ней находился гроб, покрытый берестяным полотнищем, а под ним – на железном щите – был захоронен знатный воин с богатым погребальным инвентарем. В 1940 г. в черте Якутска, на месте строительства клуба Якутторга М. М. Носовым и сотрудниками краеведческого музея были произведены раскопки погребения XVII в., «времен якутских восстаний». Из погребального инвентаря особо отмечен лишь колчан с орнаментикой, которую исследователи сравнивают со скифской [Якутский музей…, 1941. С. 66, 111].

Третий этап исследований. После работ ЛИАЭ в археологическом изучении г. Якутска наступил большой перерыв. Третий этап исследований начался в конце 1950-х гг. В 1958 г. С. А. Федосеева провела подъемные сборы археологического материала на стоянке Областная больница. К сожалению, находки так и не были опубликованы. В 1961 г. на берегу Талого озера в Якутске открыто женское погребение XVIII в. Оно было случайно обнаружено местным жителем И. Д. Аносовым при рытье погреба в доме по ул. Пояркова [*Сизых, 1961.* С. 4]. Раскопки провел научный сотрудник краеведческого музея им. Ем. Ярославского И. Г. Березкин. В этом же году И. Д. Новгородов обследовал погребение, предположительно датированное XVII в., случайно найденное рабочими в Ботаническом саду ЯФ СО АН СССР на берегу оз. Ытык-Кюель [*Новгородов, 1961*]. В 1970-х гг. Якутским отрядом ПАЭ ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР повторно обследованы памятники, открытые А. П. Окладниковым: Санаторная (Тубсанаторий), Племхоз, Сергелях, Лог, Тир, Областная больница, Хатынг Юрях, Белое озеро, [*Багынанов, 1976*; *Мочанов, Федосеева, 1980*]. Систематических исследований на территории города не проводилось.

Развитие города шло своим чередом и, несмотря на издание закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» (1976), аналогичного закона РСФСР (1978) и Положения об охране и использовании памятников истории и культуры (1982), существование реестра памятников г. Якутска, составленного в 1974 г., охранные разведки и раскопки на территории г. Якутска не проводились.

Четвертый этап исследований. Выросшее и окрепшее к середине 1990-х гг. молодое поколение археологов Якутского госуниверситета стало уделять пристальное внимание археологическим памятникам, расположенным в черте города. Справедливости ради надо сказать, что активизации интереса к городским древностям способствовала не только возросшая «сознательность» молодых археологов, но и вполне материальные причины. В эти годы университетские археологи, не имея материальной возможности выезжать в экспедиции и вывозить студентов на практику, стали искать приемлемые в таких условиях «малобюджетные» варианты. Таковыми оказались археологические работы в долине Туймаада и в самом г. Якутске. В 1996 г. при АЭ ЯГУ был создан постоянно действующий Якутский отряд под руководством В. М. Дьяконова. Его наиболее значительным открытием стал обнаруженный в 1999 г. археологический комплекс «Вилюйское Шоссе», в котором наибольшую ценность представляло уникальное парное ярусное захоронение. Радиоуглеродная дата этого объекта: 3290±60 л. н. [*Дьяконов, 2000*]. Раскопки на Вилюйском шоссе, начавшиеся как рядовые научные полевые работы, быстро превратились в охранно-спасательные, так как эта территория вскоре была выделена под застройку.

В 2006 г., в целях археологического исследования территории городской застройки и составления археологической карты г. Якутска, был образован Городской отряд АЭ ЯГУ. В июле 2007 г. сотрудники отряда провели обследование места якутского захоронения, которое уже было разрушено владельцем участка, вызвавшим археологов. По сопроводительному инвентарю погребение было датировано XVIII в.

Именно этому отряду принадлежит «пальма первенства» проведения первых охранных раскопок в Якутске. В 2007 г. по личной инициативе предпринимателя и краеведа А. А. Высоких были предприняты раскопки на территории усадьбы и дома Сыроватской XIX в., расположенных по адресу: ул. Чернышевского (бывш. Набережной), строение 10. Дом расположен в исторической части г. Якутска, где находился посад Якутского острога, построенного в 1643 г. воеводой П. П. Головиным, и, возможно, сохранились культурные слои XVII–XIX вв.

Отрядом под руководством М. В. Максимовой исследован котлован разобранного под реставрацию дома и прилегающий к дому участок. Исследование культурных слоев в городских условиях очень затруднено. Старинные дома расположены близко друг к другу, а участки вокруг новых домов полностью заасфальтированы. По этой причине подобные участки с домами, предназначенными под снос, представляют ценность для археологических исследований.

Проведенные работы заключались в зачистке борта котлована, оставшегося от дома, и обследовании отвалов из котлована. В ходе этих работ были обнаружены следующие артефакты: голубая бусина-*одекуй*

диаметром 0,9 см; торцовая муфта-обойма рукояти ножа из бивня мамонта овальной формы, зауженная к низу размерами 3,4×2,2×1,9 см; три заготовки гребней из бивня мамонта; кусочек слюды. Найденная здесь же керамика – русская гончарная (6 фр., включая венчик и придонную часть) и якутская лепная (58 фр.). Это обломки принадлежат, как минимум, семи сосудам. Среди якутской глиняной посуды особый интерес представляет часть орнаментированного сосуда. Его шейка была украшена пояском оттисков «отступающего» елочного штампа, шириной 0,6 см. Ниже нанесена горизонтальная прочерченная линия, отделявшая ряд арочного орнамента.

Датировка находок – XVIII–XIX вв. – М. В.Максимовой была установлена на основе сравнительно-типологического анализа археологического материала. Датировка XVIII в. все же вызывает сомнения, так как глубина исследованного котлована составила всего 50 см. Согласно указаниям самой М. В. Максимовой [*2008.* С. 22], а также по опыту последующих работ на территории Якутского острога, глубина залегания слоев XVII–XVIII вв. составляет 1,5–2,0 м.

После завершения археологических исследований «дом Сыроватской» был восстановлен А. А. Высоких и сейчас является украшением ул. Чернышевского.

В том же 2007 г. Городским отрядом АЭ ЯГУ были проведены работы по фиксации и мониторингу состояния памятников археологии, расположенных в городской черте, в том числе объектов, открытых А. П. Окладниковым в 1940–1946 г., а также старинных городских кладбищ. Результатом этих работ стала оценка современного состояния памятников, которое было признано неудовлетворительным, и первая карта археологических и культурно-исторических памятников г. Якутска [*Там же.* Табл. 57].

В 2010 г. при Правительстве Республики Саха (Якутия) был создан Комитет по охране объектов культурного наследия, который возглавил А. И. Емельянов. В следующем году Комитет был упразднен, и с 2012 г. начал работу Департамент по охране культурного наследия при Министерстве культуры и духовного развития РС (Я). Тем не менее, за короткий срок существования Комитета А. И. Емельянову удалось создать коллектив молодых специалистов, которые, уже работая в рамках Департамента, стали активно поддерживать охранные археологические работы в г. Якутске.

В 2012 г. впервые в истории археологических исследований в Якутске, при поддержке А. А. Высоких, Городским отрядом АЭ ИГИиПМНС СО РАН под руководством Е. А. Строговой была проведена археологическая разведка в 64 квартале города. Ранее здесь находился Якутский острог, построенный в 1682 г. воеводой И. В. Приклонским. Расположение и внешний вид крепости хорошо известны по историческим картам, описаниям современников и даже фотографиям. В 1707 г. на месте сгоревших за семь лет до этого церкви, приказной избы и отрезка крепостных стен московскими мастерами были возведены первые каменные строения Якутска – Троицкий собор и воеводская канцелярия. Последняя стала основным объектом археологической разведки. В 1990 г. этот памятник архитектуры республиканского РСФСР значения был снесен с ведома руководства Министерства культуры ЯАССР.

Основной целью археологических работ 2012 г. было выявление остатков памятника для их последующего изучения и музеефикации. Кроме того, предполагалось, что поскольку никаких данных о глубине залегания культурного слоя нет, то остатки здания, дата постройки которого известна, послужат своеобразным маркером при интерпретации стратиграфии участка и выработке тактики дальнейших исследований. В процессе разведки были заложены два шурфа, один из которых располагался внутри исследуемого объекта, а второй – поперек одной из его стен. В шурфе 1 обнаружен конструктивный элемент здания – лага пола, представляющая собой бревно, толщиной 25 см, конец которого входил в кладку стены в шурфе 2. В шурфе 2 выявлена часть стены, оказавшаяся ниже дневной поверхности к моменту сноса здания. Высота сохранившейся части – 0,9–1,0 м. Стена представляет собой трехрядную кирпичную кладку толщиной 95 см на известковом растворе. На глубине 1,4 м от поверхности были выявлены некрупные обтесанные камни светло-серого цвета: предположительно, цоколь постройки. Согласно историческим источникам, ленточный фундамент здания был сложен из бутового камня. Участок, на котором проводились разведочные работы, активно эксплуатировался в течение трехсот лет. Всем, кто работал в городских кварталах, хорошо известны сложности и малоприятные «сюрпризы» таких территорий.

В 2013 г. тем же Городским отрядом АЭ ИГИиПМНС СО РАН под руководством Е. А. Строговой была проведена археологическая разведка в западной части 64 квартала, которую городские власти выделили под строительство жилого дома. На участке площадью 2224 кв. м. было заложено 8 шурфов – с целью обнаружения остатков Якутской крепости. К большому сожалению, достичь этой цели не удалось. Долгих три недели поиски были безрезультатны. Исключением стала находка развала печи и погреба дома, который сгорел в начале 1930-х гг. В этом месте были обнаружены фрагменты русской гончарной керамики, советские монеты довоенного времени, часть резного наличника. Обломки керамической посуды разных размеров и качества встречались практически по всей исследуемой площади. Тем не менее, их количество было невелико: собрано около трех десятков.

Наконец, наши усилия увенчались успехом. В шурфе 6, заложенном в восточной части исследуемого участка, удалось зафиксировать культурный пласт общей мощностью до 1,0 м. Его слои отражают историю участка на протяжении XVIII–XX вв. Под дневной поверхностью сохранился культурный горизонт, сформировавшийся с 1939 г. до начала 1990-х гг. Он содержит культурные остатки этого времени, в том числе следы строительства Театра оперы и балета 1980–1982 гг. Толстый слой щепы маркирует постройку здания диспансерного отделения ЯНИИТ в 1925 г., снесенного в 2003 г., а также деревянных домов Наркомата культуры ЯАССР по генплану Якутска 1939 г., разобранных перед началом археологических работ. Под погребенной дневной поверхностью 1939 г. прослеживались следы мощного пожара, которые подстилает небольшая прослойка суглинка и слой древесной щепы, лежащий на еще одной погребенной почве. Эта пачка слоев относится к истории деревянного двухэтажного здания Областного правления, которое было построено в 1895 г. и сгорело в 1916 г., после чего участок долго пустовал. Под тонким слоем «гумусированного» суглинка прослеживаются три слоя: кирпичного боя, щепы и снова – битого кирпича, но со следами известкового строительного раствора. Предположительно, эта пачка слоев имеет отношение к остаткам дома воеводы, построенного в начале XVIII в. и разрушенного в середине XIX в.

Итог. Несмотря на постоянные находки памятников археологии, наличие хорошо известных общественности и властям исторических территорий, г. Якутск развивался без учета их существования. Проводившийся время от времени мониторинг памятников каменного века, открытых еще А. П. Окладниковым, никак не сказался на их участи. К концу 1990-х гг. относится первый опыт охранных археологических работ в Якутске. В настоящее время охранная археология является для города и его исследователей новым направлением, развивающимся, несмотря на трудности и проблемы, характерные и для других российских регионов.

Источники и литература

Багынанов Н. Г. Работы Якутского отряда Приленской экспедиции // АО 1975 г. – М.: Наука, 1976. – С. 217–218.

Дьяконов В. М. Мезолит долины Туймаады // Мат-лы Междунар. конф. студ. и асп. по фунд. наукам «Ломоносов». – М.: Изд-во МГУ, 2000. – Вып. 4. – С. 302–303.

Дьяконов В. М. Археологические памятники долины Туймаада // Город Якутск: история, культура, фольклор. – Сер.: Улусы Республики Саха (Якутия). – Якутск: Изд-во «Бичик», 2007. – С. 36–49.

Золотарев Н. Г. Погребение на «Тыгынов кургане». – Якутск, 1945. – Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 157.

Максимова М. В. Отчет о работе Городского отряда археологической экспедиции ЯГУ на территории г. Якутска Республики Саха (Якутия) в полевой сезон 2007 г. – Якутск, 2008. – Архив МАЭ СВФУ.

Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. Основные итоги археологического изучения Якутии // Новое в археологии Якутии (Тр. ПАЭ ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР). – Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1980. – С. 3–19.

Новгородов И. Д. Кыргыс буойуна // «Кыым» [«Искра» – газета]. – Якутск, 1961. – 30 июля. – С. 4.

Окладников А. П. Ленские древности. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Вып. 3. – 242 с.

Окладников А. П. История Якутской АССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. I. – 430 с.

Сарычев Н. Г. Результаты раскопки кургана около г. Якутска (Письмо г. Сарычева от 14 декабря, 1888 г.) // Изв. ВСО РГО. – Иркутск, 1889. – Т. 20. – № 2. – С. 31–32.

СЗРИ – СПб., 1912. – Т. XXII. – Ст. 76. – С. 218.

Сизых С. Оригинальное захоронение // «Молодежь Якутии» [газета]. – Якутск, 1961. – 11 ноября. – С. 4.

Строгова Е. А. Отчет о разведочных работах на территории ГО «Город Якутск» в полевой сезон 2012 г. – Якутск, 2013. – Архив Сектора археологии ИГИиПМНС СО РАН.

Строгова Е. А. Итоговый научно-технический отчет о разведочных работах по договору № 18/13 от 10 июля 2013 г. «Многоквартирный жилой дом с социальными помещениями в 64 квартале г. Якутска». – Якутск 2013. – Архив Сектора археологии ИГИиПМНС СО РАН.

Султанов Н. М. Остатки Якутского острога и некоторых других памятников деревянного зодчества в Сибири // Изв. ИАК. – СПб., 1907. – Вып. 24. – 124 с.

Щукин Н. С. Поездка в Якутск. – СПб., 1844. – 230 с..

Явловский П. П. Летопись города Якутска от основания до настоящего времени (1632–1914 гг.). – Якутск: Изд-во «Якутский край», 2004. – Т. II. (1801–1914 гг.). – 352 с.

Якутия: Хроника. Факты. События. 1632–1917 гг. / Комиссия гос. архивной службы при Правительстве РС (Я). Сост. А. А. Калашников. – Якутск: Изд-во «Бичик», 2002. – Изд. 2-е, доп. – 496 с.

Якутский музей имени Ем. Ярославского / Сост. Г. Д. Федоров. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1941. – 112 с.

РАЗВИТИЕ МЕТОДОВ ОХРАННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АРХЕОЛОГИИ

Т. М. Гусенцова
Санкт-Петербург
АНО НИИ КПН

МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ОХРАННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ КАМНЯ В РЕГИОНЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА[1]

Большинство известных памятников эпохи камня в регионе Петербурга приурочено к северо-восточному побережью Финского залива: стоянки на Сестрорецком разливе, Тарховская, Лахтинская, Сосновая гора и др. Они были открыты и изучены, в основном, в первой половине XX в., и практически не сохранились [*Герасимов, 2003*]. Слабая исследованность региона обусловлена геолого-геоморфологическими условиями формирования береговой линии Финского залива под влиянием трансгрессивных и регрессивных изменений Литоринового моря. В последние годы поиск и исследование памятников проводился с применение новых методов и технологий, существенно расширивших возможности как полевых и лабораторных работ, так и анализа получаемой информации.

В 2008 г. в центре Санкт-Петербурга, на Охтинском мысу, при охранных раскопках шведских крепостей Ландскрона (XIII в.) и Ниеншанц (XVII в.) был обнаружен культурный слой эпохи неолита и периода раннего металла, обозначенный как ***памятник Охта 1***. Он относится к редким объектам Восточной Балтики с многочисленными хорошо сохранившимися деревянными конструкциями конца V – начала III тыс. до н. э., находящимися под мощным (до 1,5 м) слоем песчано-алевритовых отложений.

Основной проблемой при раскопках памятника было определение процесса формирования и сохранности его культурного слоя: был ли он перемыт, переотложен или находился in situ. Установленные в 2008–2009 гг. – в ходе раскопок экспедиции под руководством П. Е. Сорокина – особенности микрорельефа памятника, его стратиграфия, планиграфия находок и археологических объектов, позволили выделить раннюю прибрежную промысловую зону, расположенную на берегу мелководного залива Литоринового моря, и вторую – более позднюю промысловую и жилую, связанную с речными протоками [*Гусенцова, Сорокин*, 2011; *2012*]. Определены две основные толщи культурных слоев, сложенные алевритами с тонкими песчаными прослойками, разделенные слоем крупнозернистого песка, связанного с проточными условиями. Исследования показали, что неоднократно заселявшаяся площадь памятника содержит несколько культурно-хронологических комплексов эпохи неолита и периода раннего металла. Стратиграфии слоев и комплексы разновременных находок подтверждаются серией (более 160) радиоуглеродных дат, полученных из различных лабораторий по разным типам материалов – дерева, угля, пищевого нагара с сосудов и иной органики [*Кулькова и др., 2010*; *Kulkova et all*, *2012*]. Археологические наблюдения дополнены результатами комплексных естественнонаучные исследований, которые включали литологический, минералого-геохимический, спорово-пыльцевой и диатомовый анализы, проведенные в лабораториях в лабораториях Российского государственного университета им. А. И. Герцена, Института Озероведения РАН, Лаборатории морской геологии ВСЕГЕИ (СПб.).

По данным естественнонаучных исследований, культурные слои Охты 1 сформировались в субаэральных условиях (пляж), разделяются периодами трансгрессий и накопления отложений при увеличении уровня воды в условиях мелководного залива. Формирование отложений и связанных с ними остатков материальной культуры происходило в основном in situ, в результате процессов *седиментогенеза*. Можно отметить незначительные процессы перемывания уже образовавшихся слоев отложений, которые проявляются по площади их распространения в результате подъема уровня воды. Палеоклиматические условия осадконакопления (относительная влажность, среднегодовая температура, изменение уровня воды в водоеме, антропогенное влияние) были оценены с помощью определенных геохимических индикаторов. Результаты естественнонаучных исследований позволили реконструировать ландшафтно-климатические условия в период существования памятника [*Кулькова и др., 2010*]. По абсолютным отметкам, полученным

[1] Исследования проведены при поддержке РФФИ, проекты № 13-06-00548-а, 12-06-00348-а, 12-05-01121-а.

в ходе раскопок, была восстановлена палеоповерхность кровли нижней пачки слоев, а с помощью программы трехмерного моделирования «3ds max 9.0» реконструирован палеорельеф поверхности северного участка раскопов 2008–2009 гг. Анализ литературных источников и материалов, собранных в процессе археологических раскопок на Охтинском мысу, показывает, что рассматриваемый район в период после максимальной фазы первой Литориновой трансгрессии представлял собой береговую зону лагуны. Последняя была отделена от открытой части Литоринового моря так называемой Лиговской косой, но имела постоянную связь с морем в районе современного русла р. Невы [*Сергеев и др., 2013.* С. 501–525].

Для сооружений жилой зоны и остатков погребений были выполнены геохимические анализы состава культурного слоя. Наряду с современным, технологическим, загрязнением окружающей среды, антропогенное влияние на древние четвертичные отложения проявляется в увеличении биогенных элементов в местах древних стоянок. Следует подчеркнуть, что еще недавно применение геохимических методов исследования в археологии ограничивалось только определением общего содержания фосфатов в почвах – для установления мест древних поселений. В последнее время, с развитием высокоточных аналитических методов исследования вещества, появилась возможность проведения «многоэлементного» анализа минерального и химического составов отложений, которые накапливались при участии древнего человека. Каждая фаза антропогенной активности на поселении изменяла свойства и состав почв, оставляя свой геохимический след в отложениях. Главными химическими элементами, которые могут характеризовать антропогенное воздействие, являются фосфор, кальций, стронций, а также калий и рубидий. Так, аномальные, по сравнению с фоновыми, значения P_2O_5 (%), кальция – $CaO/(CaO+Na_2O)$(%) могут быть связаны с зонами накопления костных остатков и зубов. В свою очередь, аномальные значения показателя $K/(K+Na)$ характеризуют места расположения очагов и очажных ям [*Нестеров и др., 2010.* С. 171–173]. Реконструкция функциональных зон Охты 1, выполненная по данным геохимического анализа, подтвердила наличие антропогенного воздействия на участки, связанные с остатками погребений и с заполнением котлована жилища [*Гусенцова, Сорокин, 2010.* С. 168].

В ходе раскопок были открыты многочисленные деревянные конструкции: вбитые и упавшие колья (около 400), скопления обработанных реек и планок. Методика работы со скоплениями реек включала послойную расчистку, фотосъемку и фиксацию на их плане, в том числе с применением лазерного электронного тахеометра и трасологического исследования. Определены приемы обработки концов реек и способов крепления изделий из них – вершей или загородок для ловли рыбы при помощи «лыка» из коры черной ивы. Для выяснения характера обработки и длины предметов, практически все вбитые колы были предварительно вынуты из плотного слоя алеврита [*Гусенцова, Сорокин, 2012*]. Затеска концов колов, иногда филигранная, указывает на довольно высокую технологию обработки дерева сланцевыми теслами русско-карельского типа [*Тарасов, Гусенцова, 2012*]. Диаметр кольев варьируется от 4 до 16 см; единичные изделия достигают 18–22 см в диаметре. Длина сохранившихся фрагментов от 0,5 до 2,5–4,0 м. Для большей части колов определены породы древесины: сосна, ольха, ель, ива, береза, можжевельника и рябина. По результатам дендрохронологического и радиоуглеродного анализа спилов кольев получено 40 дат, которые распределяются в интервале 5550–4650 кал. л. н. (3300–2700 cal. BC). По данным радиоуглеродного анализа многочисленные остатки конструкций из реек были изготовлены в разное время. Наиболее древние из них, приуроченные к западной части мыса, относятся к эпохе неолита 6296–5562 кал. л. н. (5209–4683; 4261–3640 cal. BC). Другие, как и большинство колов, относятся к периоду раннего металла [*Гусенцова и др., 2013.* С. 176–180]. Особенности расположения колов и реек на площади раскопа, а также время их бытования, позволили проследить последовательность и локальные особенности устройства деревянных конструкций.

В 2012 г. были начаты совместные геоархеологические исследования в р-не Сестрорецкого разлива – искусственного озерного водоема, возникшего в результате возведения в 1723 г., по указу Петра I, плотины на р. Сестре. Сестрорецкий разлив, окружающее его одноименное болота и низовья Сестры находятся в пределах так называемой Сестрорецкой низины, образовавшейся на месте лагуны Литоринового моря. От современной акватории Финского залива низина отделена поясом высоких песчаных дюн, возникших в результате эоловой переработки крупной аккумулятивной форма (косы, бара) Литоринового моря. На дюнах в зоне природного заповедника была обнаружена стоянка ***Сосновая Гора 1***. Древняя береговая терраса на месте археологического памятника повреждена противопожарной траншеей, обнажившей культурный слой мощностью 0,4–0,5 м. В нем были обнаружены остатки двух периодов: среднего неолита (культура гребенчато-ямочной керамики), датированного концом V – началом IV тыс. до н. э., и раннего металла (культура пористой и асбестовой керамики) конец IV – начало III тыс. до н. э. Для выявления мощности песчаной толщи и определения положения кровли ледниковых отложений в районе памятника выполнено *георадиолокационное профилирование*. Этот современный геофизический

метод позволяет получить информацию о характере залегания, внутренних границах и текстурах, мощности отложений верхней части геологического разреза субаэральной части береговой зоны. Кроме того, с его помощью можно выявить пачки слоев, сформировавшихся на различных этапах развития территории, а также установить формы палеорельефа и седиментационные пачки, в которых можно предполагать наличие археологических материалов. Проведенные геолого-геофизические исследования в районе стоянки Сосновая гора 1 показали, что для дальнейших археологических исследований наибольший интерес представляет комплекс, образовавшийся после регрессии Литоринового моря. При этом артефакты можно будет зафиксировать не только на поверхности нижней террасы («пляжа»), но и на вершинах палеодюн. В ходе разведочных работ для культурного слоя были выполнены минералого-литологические и геохимические анализы высокого разрешения, позволившие реконструировать палеоклиматические условия. По данным изысканий, в границах культурного слоя зафиксировано два уровня с различной антропогенной активностью. Максимальная антропогенная активность регистрируется внизу слоя, где концентрируется комплекс гребенчато-ямочной керамики. Климатические условия этого периода характеризуются как влажные и сравнительно теплые. В верхней части слоя зафиксировано увеличение показателей, свидетельствующих о влажном и умеренно-прохладном климате [*Гусенцова и др., 2014.* С. 189–197].

Новый этап исследований памятников эпохи камня начался на ближайшей к региону Санкт-Петербурга территории Южного Приладожья. В конце XIX в. здесь были открыты знаменитые ***Приладожские стоянки***, материалы которых были изучены с привлечением специалистов различного профиля [*Иностранцев, 1882*].

Другим известным памятником, исследовавшимся на протяжении нескольких лет Н. Н. Гуриной, является многослойная стоянка ***Усть-Рыбежна 1***. Она заселялась на протяжении раннего – позднего неолита и энеолита [*Гурина, 1961*]. В 2008 г. для стоянки была уточнена стратиграфия и выполнена реконструкция природной среды микрорегиона. В культурном горизонте памятника выделено два слоя, соответствующих двум этапам функционирования стоянки в разные периоды неолита и начала энеолита (VI–III тыс. до н. э.), разделенные толщей трансгрессивных отложений Ладоги. По содержанию основных породообразующих элементов и микроэлементов отложений было установлено изменение гидродинамических условий в районе стоянки, которая была покинута населением из-за увеличения уровня воды в водоеме и затопления мыса, вероятно, не позднее середины III тыс. до н. э. [*Кулькова и др., 2008*].

В 2012 г. начаты исследования на новой стоянке – ***Подолье 1***, расположенной в 4 км от современного берега Ладожского озера. Это первый памятник в регионе Приладожья, где культурный слой сложен песчано-торфяными отложениями, разделенными прослоем глинистых песков. Так же как на Охте 1, на стоянке Подолье 1 сохранились остатки деревянных предметов: вбитые и упавшие колы, рейки от рыболовных конструкций. Среди редких находок – остатки узелковой сетки. С материалами памятника Охта 1 у стоянки Подолье 1 сходны некоторые типы керамики, орудий и украшений, в том числе гребенчато-ямочная, пористая и асбестовая посуда, каменная индустрия, янтарные украшения [*Гусенцова, 2013.* С. 46–49]. В процессе раскопок было выявлено русло палеоводоема, возле которого находилась стоянка. Для определения границ и характера древнего водоема (русло реки, лагуна?) на площади памятника было проведено георадарное профилирование и интерпретационное бурение, выявившие различные литологические слои. На основе полученных данных, изучения картографического материала и анализа цифровой модели рельефа с использованием инструментов геообработки ArcGIS было выполнено моделирование палеоводоема, существовавшего к востоку от современной береговой линии южного побережья Ладожского озера. Комплексные естественнонаучные исследования (геохимический, споропыльцевой, диатомовый анализы) позволили реконструировать некоторые этапы изменения палеогеографических условий микрорегиона. Геохимические исследования отложений установили изменения гидродинамических условий района стоянки Подолье 1, повлиявшие на степень сохранности культурного слоя. Наибольшая антропогенная активность на памятнике приурочена к культурному слою, сформировавшемуся, вероятно, во второй половине субатлантического периода. Радиоуглеродный возраст памятника: конец 5500–4200 кал. л. н. (4200–3300–2580 cal. BC) [*Гусенцова и др., 2013.* С. 176–180].

Вывод. Современную археологию невозможно представить без активного участия в разработке ее проблем специалистами естественнонаучных дисциплин. Междисциплинарный подход к решению вопросов освоения древним человеком обширного и малоизученного региона северо-восточного побережья Финского залива Южного Приладожья позволил получить уникальные данные, уточняющие и детализирующие закономерности развития региона в эпоху камня. Важным фактором является использование при выполнении исследований современных лабораторно-аналитических методов и цифровых аппаратурных геолого-геофизических комплексов, моделирование палеорельефа и палеоводоемов.

Литература

Герасимов Д. В. История изучения, хронология и периодизация памятников эпохи неолита юга Карельского перешейка // Археологическое наследие Санкт-Петербурга / Ред. П. Е. Сорокин. – СПб.: Изд-во СЗ НИИ Наследия, 2003. – Вып. 1. – С. 12–24.

Гурина Н. Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // МИА. – М.; Л: Изд-во АН СССР, 1961. – № 87. – С. 450–597.

Гусенцова Т. М. По следам древних культур Южного Приладожья: молодежная археологическая экспедиция // Геология в школе и вузе: геология и цивилизация. – СПб.: Изд-во РГПУ. 2013. – Т.1. – С. 46–49.

Гусенцова Т. М., Сорокин П. Е. Культурно-хронологические комплексы археологического памятника Охта 1 в Санкт-Петербурге // ГГЭГ / Ред.: Е. В. Нестеров. – СПб.: Изд-во РПГУ, 2010. – Вып. X. – С. 164–170.

Гусенцова Т. М., Сорокин П. Е. Охта 1 – первый памятник эпох неолита – раннего металла в центральной части Петербурга // РАЕ. – СПб.: УИС «Юридическая книга», 2011. – Вып. 1. – С. 421–451.

Гусенцова Т. М., Сорокин П. Е. Первый памятник эпох неолита и раннего металла (Охта 1) в Санкт-Петербурге // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2012. – С. 182–199.

Гусенцова Т. М., Кулькова М. А., Рябчук Д. В., Сергеев А. Ю., Холкина М. А. Геоархеология памятников первобытной эпохи Приневского региона // ГГЭГ. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2014. – Т. XII. – С. 189–197.

Гусенцова Т. М, Кулькова М. А., Сорокин П. Е. Радиоуглеродный возраст и хронология памятников эпохи раннего металла Приневской низменности // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Мат-лы Тематич. науч. конф. – СПб.: Изд-во «Скифия-принт». 2013. – С. 176–180.

Иностранцев А. А. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. – СПб.: Типогр. М. М. Стасюлевича, 1882. – 243 с.

Кулькова М. А. Кулькова М. А., Козин Н. А., Мурашкин А. И., Герасимов Д. В., Юшкова М. А. Геоэкологические особенности неолитической стоянки Усть-Рыбежна 1 // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке / Ред. Г. А. Хлопачев. – СПб.: Наука, 2008. – С. 201–220.

Кулькова М. А., Сапелко Т. В., Лудикова А. В., Кузнецов Д. Д., Субетто Д. А., Нестеров Е. М., Сорокин П. Е., Гусенцова Т. М. Палеогеография археологических стоянок эпох раннего металла – неолита в устье реки Охты (г. Санкт-Петербург) // Изв. РГО. СПб.: Изд-во РАН, 2010. – Вып. 6. – С. 13–31.

Нестеров Е. М., Кулькова М. А., Егоров П. И., Маркова М. А., Нестеров Д. А. Анализ антропогенных отложений эпохи неолита на памятнике Охта 1 (раскоп 7/2) по данным геохимического картирования // ГГЭГ / Ред.: Е. В. Нестеров. – СПб.: Изд-во РПГУ, 2010. – Вып. X. – С. 171–172.

Сергеев А. Ю., Гусенцова Т. М., Рябчук Д. В., Сорокин П. Е., Кулькова М. А, Нестерова Е. Н., Жамойда, Спиридонов М. А. Реконструкция палеорельефа береговой зоны Литоринового моря в районе археологического памятника Охта 1 // РАЕ / Под ред. Л. Вишняцкого. – СПб.: УИС «Юридическая книга», 2013. – С. 421–451.

Тарасов А. Ю., Гусенцова Т. М. Рубящие орудия поселения Охта 1 в Санкт-Петербурге (из раскопок 2008–2009 гг.) // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. – СПб.: ИИМК РАН, 2012. – С. 207–214.

Kulkova M., Gusentsova T., Nesterov E., Sorokin P., Sapelko T. Chronology of Neolithic – Early Metal Age Sites at the Mouth of Okhta River (St. Petersburg) // Radiocarbon: USA, 2012. – № 54 (3–4). – P. 1049–1063.

Н. Б. Крыласова
г. Пермь
ПНЦ УрО РАН
А. М. Белавин
г. Пермь,
ПГГПУ

КОМПЛЕКС МЕРОПРИЯТИЙ ПО ОХРАНЕ РОЖДЕСТВЕНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА В РАМКАХ ПРОГРАММЫ ПРОТИВОАВАРИЙНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПЕРМСКОМ КРАЕ[1]

Общая характеристика и история разрушения комплекса. Одним из ключевых памятников эпохи средневековья в Пермском крае является Рождественский археологический комплекс, расположенный на берегу р. Обва в окрестностях с. Рождественск (Рождественское сельское поселение) Карагайского р-на. Комплекс включает Рождественское городище с неукрепленным посадом, Филипповское городище-крепость и два обособленных территориально могильника – мусульманский и языческий. По сравнению со многими другими средневековыми памятниками Прикамья, данный комплекс находится в относительно удовлетворительном состоянии. Между тем, впечатление это – кажущееся.

Благодаря тому, что памятник давно находится в поле зрения исследователей, имеется возможность проследить историю его разрушения.

Рождественское городище, согласно имеющимся данным, опустело в первой половине XIV в., после чего началось постепенное руинирование оставшихся построек. Впервые оно упоминается в переписи князя Ф. Ф. Бельского 1678–1679 гг.: «… на Сискоре городище на р.Обва…». Под именем *Сискор* (*Сисикар*, *Сыкыскор*) в документах XVII – первой половины XIX в. фигурирует починок, а позже д. Постаногово, а также само Рождественское городище. Топоформант «кор» – «город, городище» – указывает на относительно позднее и коми-пермяцкое происхождение данного названия. *«Сісь»*, *«сіска»* по-коми-пермяцки означает *«гниль»*, *«гнилой»*. Таким образом, *Сискор* можно понимать как «гнилое, старое городище или город» [*Белавин, Крыласова, 2008.* С. 14]. Вероятно, коми-пермяки, вновь поселившиеся в этом месте (как показывают результаты раскопок, в XVI в.), застали Рождественское городище как уже заброшенное, руинированное, но все еще хорошо заметное. Обосноваться непосредственно на нем не позволяли идеологические соображения («чудское поселение»), поэтому починок был основан за пределами вала – на площадке языческого могильника, который, очевидно, к тому времени уже в рельефе не выделялся.

В 1770 г. капитан Н. П. Рычков, совершавший по заданию Академии наук путешествие по ряду местностей России, составил следующее описание объектов Рождественского археологического комплекса: «Первое и самое лучшее из них (*городищ*) есть то, которое находится за две версты не доезжая до с. Рождественского на восточном берегу р. Обвы. Кроме возвышенных валов, хотя там нет никаких остатков древности, однако внутри укрепления сего видимо множество дикаго камня, кирпича и муравленых плит, которые видно составляли какое-нибудь каменное здание. Сказывают, что 50 лет от сего времени находились среди валов врата из дикаго камня сооруженные, по чему можно заключить, что в сем месте было жилище владетелей древнего народа…». «Отсель прошед западное укрепление сего достопамятного городища, находятся глубочайшие каменные расщелины, а позади оных на высоте той же горы видимо другое валами укрепленное место, которых твердость по ныне еще непоколебима; и сей по без сомнения был замок древнего селения. Он сделан на подобие круга, имеет с западной стороны осыпавшиеся земляные врата, ведущие внутрь градского укрепления. Вошед в оные найдешь там множество камней и муравленых плит, но достопамятных развалин никаких там не находится. Пространство оного замка весьма малое ибо вся окружность его не составляет более 50 сажен, напротив того первое укрепление занимает место близь версты» [*Рычков*, 1772. С. 74–78]. Таким образом, к XVIII в. следов деревянных сооружений уже не осталось. Описание развалин каменных строений вызывает огромный интерес, но в процессе раскопок эти сведения пока никак не подтверждаются. Небольшие фрагменты белого камня и кирпичей в культурном слое встречались, а при раскопках могильника в основании деревенских построек выявлены тесаные камни. Таким образом, можно предположить, что жители деревни воспользовались для своих нужд этим редким для данных мест строительным материалом, но фрагментов упомянутой «муравленой» черепицы пока не попадалось.

[1] Статья подготовлена в рамках проекта 029-аФ ПСР ПГГПУ.

В донесении от 22 октября 1848 г. учителя Соликамского уездного училища И. Любимова, командированного в с. Рождественск для осмотра урочища и сбора о нем сведений у местных жителей, упоминается, что «… крестьяне д. Пастаноговой с давних времен обратили место это в рабочее поле для посева хлеба, который конечно родится в изобилии и гораздо больше, чем в окружающих местах» [Донесение учителя… Л. 20]. Можно предполагать, что до начала распашки площадка городища была очищена от остатков каменных развалин. Тогда же могли быть сооружены проезды на площадки Рождественского и Филипповского городищ, разрушившие участки валов, о которых неоднократно упоминается в документах XIX в.

Во второй половине XIX в. крестьяне начали проявлять повышенный интерес к находкам, очевидно, не только собирая их во время распашки, но и проводя незаконные раскопки. Часть вещей приобреталась членами семьи известных лесоводов, ученых, краеведов и коллекционеров Теплоуховых, работавших в пермском майорате графов Строгановых, но доставалось им далеко не все. На страницах рукописного «Дневника Теплоуховых», который хранится в архиве ИИМК РАН, отразились масштабы утрат средневековых древностей. А. Е. Теплоухов под июнем 1874 г. записал в «Дневнике», что купец П. А. Степанов из с. Ильинского специально ездит в с. Рождественск для скупки старых вещей из серебра и золота. Одновременно Александр Ефимович дал пояснение о судьбе предметов, приобретенных купцами: «Находимые в Пермской губернии серебряные вещи привозили в Вятку, где, как сказал И. Кривощеков, братья Агафоновы в иной год перерабатывали до 30 пудов серебра и 20 пудов золота на разные образки и прочие вещи» [Дневник Теплоуховых… С. 194]. Позднее Н. Н. Новокрещенных указал в отчете: «Наследники Хатинского – теперь Полежаева – жиды, поселившиеся в Рождественском селе в виде управляющих смотрителей, скупают «найдушки» и отправляют для продажи в Нижний. Один из этих жидов говорил мне, что купил «найдушек» на 25 копеек, а передал в Нижний за 3 рубля» [*Новокрещенных, 1898*. С. 13]. Федор Александрович Теплоухов, сын А. Е. Теплоухова, распорядился продавать «найдушки» исключительно ему, причем, чтобы у крестьян не пропал интерес поставки находок с городища, покупал даже незначительные обломки, не представляющие никакого интереса. Борьбе Ф. А. Теплоухова за сохранность находок с городища и могильников стала активно помогать местная общественность, в том числе, в лице представителей полиции. В фонде ИАК имеется копия письма от 16 февраля 1898 г. за подписью графа Бобринского, направленного на имя Пермского губернатора, в котором по просьбе Н. Н. Новокрещенных объявлялась благодарность полицейскому уряднику Л. Е. Короваеву, проживающему в с. Рождественск, за ревностную охрану им местных городищ от незаконных раскопок [РА ИИМК. Ф. 1. Д. 90. Л. 18].

Кроме антропогенных факторов, способствующих постепенному разрушению комплекса, свою роль в этом процессе играет и природа. Река, изгибающаяся петлей у подножия городищ, периодически меняет русло, подмывая берег. Н. Н. Новокрещенных отметил в своем отчете, что р. Обва «… в весенний разлив сильно вспучивается и делая изгиб против городища обрывает его берег настолько, что на памяти стариков оборвало уже до 70 сажен. Этим старикам много доверять нельзя, их так много расспрашивали, что догадки они принимают за истину… Для меня важно лишь то, что Обва сильно убавила городище, которое далеко вдалось в сторону реки» [*Новокрещенных, 1898*. Л.11]. Сравнение планов XIX в. с чертежами середины и конца XX в. показывает, как заметно уменьшалась площадка Рождественского городища [*Белавин, Крыласова, 2008.* Рис.1; 5; 8; 9]. «В 1975 г. после очередного обвала в 8–12 м от уровня бичевника в коренной породе обрыва открылся кусок лаза. По сообщениям местных жителей, лаз выходил в овраг, по которому тек ручей из родника. Длина открывшегося участка лаза составила 3–4 м при высоте 70–90 см и такой же ширине. Лаз имел огнивший крепеж из плах и бревен и ступенчатый пол. На полу лаза лежал костяк человека с железным наконечником стрелы в черепе. Перед скелетом находился разбитый глиняный кувшин. Чуть позже, летом того же года, открывшийся участок лаза обвалился, и слои, перекрывавшие его, также опустились, образовав провал на поверхности площадки городища» [*Белавин, 1991*. С. 7]. Негатив подземного хода наблюдался еще некоторое время, пока верхние слои полностью не погребли подземный ход, о котором теперь напоминает только провал. В 1992 г. на раскопе V был изучен вход в подземный ход, выкопанный на краю площадки городища [*Белавин, Крыласова, 2008.* С. 51–52]. Помимо размыва рекой края площадки городища, на ней постепенно углубляются водостоки, что приводит к образованию оврагов, разрушающих культурный слой. Есть и иные факторы разрушения. К примеру, летом 1992 г. прошедший ливень буквально «сжег» все посадки картофеля жителей с. Рождественск, отчего экспедиция в следующем сезоне испытывала трудности в закупке продовольствия. Вероятно, этот же дождь повлиял на сохранность вещей, залегавших близко к поверхности культурного слоя городища. Так, например, у бронзовых предметов, найденных в 1993 г., отшелушивался верхний слой «благородной патины», а некоторые тонкие изделия рассыпались сразу после выемки из земли.

Исследование и охрана Рождественского комплекса. В 1990-х гг. Пермскую область охватила волна браконьерских раскопок, которые с каждым годом приобретали все больший размах. В 2005 г. по инициативе А. М. Белавина и Р. Ф. Вильданова, главного археолога Пермского областного центра охраны памятников, местным Министерством культуры была запущена «Программа противоаварийных исследований памятников археологии», которая предусматривает ежегодное финансирование раскопок наиболее значимых активно разрушающихся объектов. В 2008–2013 гг. в рамках этой программы исследовался и Рождественский археологический комплекс. В первую очередь, в 2008 г. был заложен раскоп в западной части площадки данного городища, где начал формироваться овраг. После окончания раскопок были проведены работы по укреплению склона, вследствие чего дальнейшее развитие оврага пока приостановлено. В последующие годы раскопы закладывались преимущественно в местах скопления браконьерских «вкопов», которые, к счастью, нарушили только верхний пахотный слой городища. Всего на Рождественском городище за указанный период археологами было вскрыто 870 кв. м, изучено 3 жилища, 2 крупных металлургических комплекса и ряд других интереснейших объектов бытового и производственного назначения. Собрана коллекция, включающая более 2,5 тыс. индивидуальных вещевых находок, а также богатейший массовый материал – кости животных, осколки глиняной посуды, шлаки, куски обожженной глиняной обмазки и обломки кирпичей. Благодаря финансовым возможностям, появившимся с началом работы «Программы», выполнен полный анализ остеологических материалов (ИЭРЖ УрО РАН), получена серия почти из трех десятков радиоуглеродных дат (ИИМК РАН), проведена видео и фотосъемка памятника с дельтолета и составлен новый инструментальный план памятника. Параллельно проводились раскопки могильников. На языческом некрополе в 2008–2013 гг. раскопано 645 кв. м, вскрыто 101 погребение, а также зафиксированы ямы, связанные с поминальной обрядностью, и остатки построек д. Постаногово. На мусульманском кладбище исследованы 3 погребения (всего их раскопано 26) и канавка, отделявшая одну семейную группу захоронений.

Проведение раскопок – это только одна из мер, направленная на получение максимальной информации о памятнике, особенно о тех его частях, которые неминуемо будут утрачены (край обрыва, места образования оврагов и пр.).

Важнейшей задачей является создание условий, препятствующих дальнейшему разрушению Рождественского археологического комплекса. При несовершенной системе законодательства и недостатке финансов, главный упор ученые и представители государственных структур по охране культурного наследия делают на привлечение местной общественности к сохранению археологических достопримечательностей края. Для того чтобы местные жители почувствовали особое отношение к этому месту и ощутили ответственность за него, потребовалась долгая работа. Еще в 1990-х гг. в период раскопок данного комплекса была достигнута договоренность с руководством колхоза о прекращении распашки неукрепленного посада. В результате – поле за городищенским валом длительный период не пахалось. Особое значение имело сотрудничество археологов с местным участковым, подполковником милиции М. А. Горбуновым. Представитель власти не только сам регулярно осматривал памятник в тот период, когда археологические работы на нем не велись, но и наладил действенную систему надзора, при которой каждый, кто видел на городище посторонних, сразу сообщал ему об этом. В итоге удалось предотвратить масштабное разграбление археологического памятника, которое наблюдается на многих средневековых объектах. Михаилу Анатольевичу приходилось противостоять даже организованным группам браконьеров. Однажды такой преступной группой, вооруженной не только металлодетекторами, но и огнестрельным оружием, руководил человек в форме и с документами сотрудника московской милиции. После трагической гибели М. А. Горбунова по налаженной им системе за городищем продолжают присматривать сменившие его участковые. Уже в период раскопок 1990-х гг. сотрудники экспедиции регулярно проводили лекции в сельском клубе, рассказывая о результатах раскопок, демонстрируя новые находки, пропагандируя важность и значимость памятника. В 2000-х гг. просветительская работа вышла на новый уровень, обусловленный не только большей активностью со стороны специалистов, но и существенно возросшим интересом местных жителей. Регулярными стали экскурсии, проводимые в период раскопок, которые пользуются большой популярностью. Так, в 2012 г. на экскурсию собралось более 80 человек со всего Карагайского района. Вскоре после этого ее пришлось еще дважды повторить – по просьбе местных жителей, которые не смогли присутствовать на первой, в том числе работников сельских магазинов и их семей. В библиотеке образовалась очередь из желающих прочитать монографию «Древняя Афкула» [*Белавин, Крыласова, 2008*], не смотря на то, что это издание ориентировано на специалистов. Местная общественность стала больше внимания уделять экологическому состоянию своего любимого места отдыха, которое здесь называют «Постаноговский угор». Жители соседних сел контролируют качество рекультивации археологических раскопов, помогают

в вывозе мусора и уборке территории после окончания полевого сезона. По нашей просьбе во время традиционных весенних походов на памятник, организуемых Рождественской и Фроловской школами, краеведческим кружком при клубе и туристической секцией при муниципальном музее п. Карагай, на городище проводится осмотр линии обрыва, при необходимости проводятся мероприятия по ее укреплению, на склоне высаживается кустарник и т. д.

Кроме того, удачным оказалось сотрудничество археологов с пермским муфтиятом, в результате которого сделаны первые шаги в развитии религиозного туризма. Воспользовавшись информацией о том, что на Рождественском городище проживали мусульмане – выходцы из Волжской Булгарии (купцы, ремесленники), которые оставили кладбище домонгольского времени, – муфтият организовал на территории памятника ряд мероприятий, объединенных идеей «Тысячелетия вхождения ислама на Пермскую землю». В течение четырех лет на городище проводились праздники, в программе которых были торжественные намазы, концерты, угощение, а также встречи с чиновниками и учеными, направленные на организацию сотрудничества в развитии мусульманской культуры. В 2010 г. муфтият получил финансирование от Фонда поддержки мусульманской культуры, благодаря которому удалось обследовать часть площадки и вал Рождественского городища методом электроразведки [*Журбин,* 2012], а также провести научную конференцию в рамках Форума мусульманской культуры [Ислам…, 2012]. Идеи дальнейшего использования Рождественского городища были велики. Для этого планировалось оборудовать подъезд к памятнику, родник в урочище, установить памятный знак на площадке мусульманского могильника. Эти идеи были настолько привлекательными, что проект новой кафедральной мечети в Перми получил имя «Новая Афкула» по одному из наименований Рождественского городища, зафиксированных в письменных источниках. К сожалению, после смены муфтия в 2013 г. интерес к этой теме иссяк. Тем не менее, был получен богатый опыт включения памятника в культурную жизнь.

По нашему убеждению, чем место будет больше «на виду» и чаще будет посещаться, тем больше оно будет находиться «под присмотром». Поэтому включение Рождественского археологического комплекса в туристические маршруты является перспективным направлением. Это, разумеется, работа не легкая и не быстрая. Для того чтобы памятник был интересен туристам, необходимо наличие на нем каких-то привлекательных объектов. Вместе с тем какое-либо строительство на городище пока невозможно, так как раскопы покрывают менее 10% его площади, в основном, вдоль линии обрыва. Туроператоры, которым со стороны КАЭЭ ПГГПУ оказывается консультативная помощь, продумывают возможности использования памятника для туристического показа. В свою очередь, местная общественность также проявляет инициативу, разрабатывая собственные проекты. Пока наиболее удачным опытом с их стороны было участие в молодежном проекте. В ходе его реализации было получено небольшое финансирование, позволившее построить на «Постаноговском угоре» (в месте, выбранном после консультации с археологами, где отсутствует культурный слой) стол с навесом для проведения праздников. В 2013 г. администрация Рождественского поселения проводила здесь чествование ветеранов в День Победы.

Итог. В завершении хотелось бы отметить, что в задачи российских археологов вовсе не входит *охрана* историко-культурного наследия какого-либо района, края, республики и страны в целом. Все, что в наших силах – это проведение исследований «на опережение» разрушения памятников, хотя такая мера тоже сомнительна.

Помнится, в 1980-х гг. перед археологами страны была поставлена основная задача: исследование только тех участков памятников, которые размывались или попадали под строительство. Это делалось с тем, чтобы в будущем можно было на новом уровне, в том числе с привлечением прогрессивных методик и современной техники, провести более качественные исследования. Увы, такой подход привел к безвозвратной потере множества археологических объектов, особенно средневековых могильников, которые сейчас немилосердно грабятся браконьерами. Археологи могут только дать научное обоснование, оказать консультативную помощь, принять участие в популяризации памятников археологии, а действенной охраной историко-культурных объектов должно заниматься государство, его официальные представители разных структур и уровней.

В частности, в Пермском крае разработана Государственная программа «Культура Пермского края», рассчитанная на 2014–2016 гг., в которой предусмотрена отдельная подпрограмма «Государственная охрана, сохранение, использование и популяризация наследия Пермского края». Хочется надеяться, что ее реализация приведет к наведению порядка в области охраны культурного наследия нашего региона.

Источники и литература

Белавин А. М. Отчет о раскопках Рождественского городища на р. Обва в 1990 г. – Пермь, 1991. – Архив МАЭ ПГГПУ. – Ф. 1. № 18.
Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПФ ИИА УрО РАН, 2008. – 603 с., ил.
Дневник Теплоуховых . – РА ИИМК. – Ф. 48. Д.1–2. Тетрадь V.
Донесение учителя Соликамского уезда Ильи Любимова. – ГАПК. – Ф. 672. Оп.1. Д. 248.
Журбин И. В. Геофизические исследования планировки и оборонительных сооружений Рождественского городища // Тр. КАЭЭ. Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации. – Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2012. – Вып. VIII. – С. 306–312.
Ислам в Волго-Камье и Предуралье: ранние страницы истории. Мат-лы Всерос. научн. конф. с междунар. участием в рамках Третьего Форума мусульманской культуры «Мусульманский мир – 2012». – Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2012. – 80 с.
Новокрещенных Н. Н. К исследованиям Пермской губернии (отчет за 1898 г.). – РА ИИМК. – Ф. 1. 1898 г. Д. № 29.
Рычков Н. П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова в 1769–1770 гг. – СПб.: Изд-во ИАН, 1772. – Ч. 2. – 190 с.

В. Л. Петров
г. Пермь
ПГГПУ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТОВЫХ КОМПЛЕКСОВ НА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ В ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ[1]

Практически любое исследование начинается с изучения теории, формирования историографической базы и понятийного аппарата, анализа работ предшественников и всего опыта, накопленного по изучаемой теме. В данной статье будут рассмотрены основные понятия в их взаимосвязи, которые могут пригодиться в связи с изучением культовых практик на средневековых поселениях Пермского Предуралья и других территорий.

Общие понятия. Первоначально хотелось бы рассмотреть именно их, так как без их определения невозможно объяснить культурную ситуацию в средневековом Пермском Предуралье.

Начнем с понятия ***мифологического мышления***. Как известно, для средневекового населения, в том числе Пермского Предуралья, было характерно мифологическое мышление. Так что же это такое и почему его определение настолько важно?

Мифологическое (от греч. *μυτηοσ – mythos* – речь, слово, рассказ, повествование, сказание, предание) мышление – это разновидность мыслительной деятельности, архаическая форма мышления, в которой синкретически соединены первобытные верования, художественное освоение мира, зачатки эмпирических знаний [Справочник-словарь… Электрон. ресурс]. Мифологию считают исторически первой формой духовной культуры, так как она была общей почвой, на которой произрастали и религия, и философия, и искусство, которые первоначально еще не разграничивались. Миф – это наиболее ранний феномен духовной культуры, ее зародыш. Именно мифологическое мышление связывают с архаическим, первобытным мышлением, потому в трудах историков и культурологов эти понятия смыкаются [*Шкуратов, 1997.* С. 456–457].

«Первобытное мышление» – собирательный термин, претендующий на обобщение интеллектуальных навыков целой эпохи. Разумеется, эти навыки не так-то легко обобщить, что связано с тем, что сама эта эпоха уже прошла и не существует. Первобытное мышление – мышление вполне культурное, полноценное, но предельно отдаленное от современного. Этнографы, которые имеют дело не со свидетельствами прошлого, а с живыми «примитивами», утверждают, что современные первобытные люди мыслят полноценно и отнюдь не одними мифами, как мы можем себе представить. Мифологическое мышление часто олицетворяет интеллектуальный склад «доистории». Это происходит потому, что миф – центр ее духовной организации, и по каналам исторической памяти из дописьменного прошлого нам передались именно мифы. Иной духовный опыт оттуда или мифологизировался, или не дошел вовсе [*Там же.* С. 456–457].

Итак, мифологическое мышление – это обобщение интеллектуальных навыков первобытного общества. Главным свидетельством дописьменного прошлого для нас является миф, записанный, естественно, позже, уже после изобретения письменности. С позиций историка, мышление, разворачивающееся в мифе, не просто интеллектуальный навык или индивидуальный мыслительный тип, но тот способ, которым эпоха создает свою картину мира, способ познания, который дошел до нас в столь причудливой форме. На основе космогонических, теогонических и других преданий, дошедших до нас из древности или записанных этнографами, ученые выделили такие признаки мифологического повествования, как образность и присутствие общих понятий, безразличие к логическим противоречиям, отсутствие разграничения между естественным и сверхъестественным, персонализация сил природы, архетипичность (*миф* – первообразец человеческого существования и художественных сюжетов) и т. д. [*Там же.* С. 457].

«Причины, по которым вообще должны были возникать мифы (т. е. ответ на вопрос, почему восприятие мира должно было принять такую своеобразную и причудливую форму, как мифотворчество), следует, по-видимому, искать в общих для того уровня культурно-исторического развития особенностях мышления» [*Мелетинский, Токарев, 1987.* С. 12]. Иначе говоря, историки хотят найти причины и объяснение фантастической образности изучаемых ими текстов в самих текстах или отчасти за их пределами.

Французский философ и этнолог Л. Леви-Брюль (1857–1939), автор теории *пралогического мышления*, утверждал, что практические навыки и мифологические представления в первобытном уме сосуществуют, не смешиваясь, как масло и вода. Миф связывает образы не на основе логики, а посредством эмоциональных ассоциаций (так называемых *партиципаций*). Миф дает объяснение, а логика помогает выжить в мире реальных вещей [*Леви-Брюль, 1980.* С. 130–140].

[1] Статья подготовлена в рамках проекта 029-аФ Программы стратегического развития ПГГПУ.

Иначе представляет мифологическое мышление К. Леви-Стросс, соотечественник и коллега Леви-Брюля. «Логика мифологического мышления, – утверждает он, – так же неумолима, как логика позитивная и, в сущности, мало от нее отличается. Разница здесь не столько в качестве логических операций, сколько в самой природе явлений, подвергаемых логическому анализу... В мифологическом мышлении работает та же логика, что и в научном, и человек всегда мыслил одинаково «хорошо». Прогресс – если этот термин по-прежнему будет применим – произошел не в мышлении, а в том мире, в котором жило человечество, всегда наделенное мыслительными способностями, и в котором оно в процессе долгой истории сталкивалось со все новыми явлениями» [*Леви-Стросс, 1983*. С. 206–207].

По Леви-Строссу, миф – это язык, работающий на самом высоком уровне, когда смыслу удается отделиться от языковой основы, на которой он сложился. Но миф является еще и речью, деятельностью произнесения. Это и придает первобытным сказаниям вечный динамизм, с трудом постигаемый рассудком. Рост мифа непрерывен, он постоянно двигается, но остается некое изначальное ядро. В нем дана некая модель разрешения противоречий, собственно, логико-мыслительная функция мифа.

Мы не будем углубляться в изучение как такового явления мифологии и первобытного мышления. Нам лишь важно показать, что именно мифологическое мышление являлось основой миропонимания и миропознания средневекового человека. Именно мифология выступает в образном виде тем языком, который доносит до нас память прошлого. Ведь только благодаря образности мифа, мы можем представить духовную жизнь людей в дописьменный период.

В целом же, *несмотря на некоторую алогичность мифа, с современной точки зрения он является важным источником для реконструкции жизни древних людей, в том числе и культовой*.

Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод, что в мифологическом сознании древних людей рождались культы, которые играли очень большую роль в жизни средневекового населения Пермского Предуралья.

Далее определимся с ***понятием «культ»***. Это слово достаточно известно и распространено в повседневной жизни. Между тем, в наше время под ним понимаются в основном разнообразные явления духовной жизни (культ как часть религии; культ как поклонение чему-то или кому-то, в том числе яркие примеры – культ личности, культ денег и т.д.). По этой причине разные группы исследователей предлагают свои определения этого термина. В частности, одно толкование мы видим у психологов, другое – у социологов.

Как пример, можно привести типологию подходов к понятию «культ» старшего научного сотрудника Центра апологетических исследований Дмитрия Розета. Он предлагает четыре подхода.

Популярный подход – это подход журналистов и политиков. Не будучи специалистами в данном вопросе и преследуя популистские цели, приверженцы подобного подхода действуют по принципу: «Культ – это все, с чем я не согласен».

Психологический подход, в основе которого лежит убеждение, что культы насильственно изменяют мышление человека, и что любой человек, при определенных условиях, может стать жертвой такого влияния.

Социологический подход. Социологи, как правило, всегда давали определение культа, исходя из образа жизни, методов привлечения новых членов и авторитарности руководства, а не из особенностей вероучения или каких-либо критериев ортодоксии.

Богословский подход, который основан на «Священном Писании» [*Розет*… Электрон. ресурс]. Хотя правильнее, на наш взгляд, было бы его назвать религиозным или теологическим.

Пожалуй, одно из самых распространенных пониманий слова «культ» связано именно с теологией и религией. Тем не менее, и в данном аспекте существуют различные точки зрения. Так, слово «культ» можно понимать как секту или что-то, что противоречит нашим убеждениям. Эту точку зрения атеисты не могут принять потому, что данная область не входит в круг их интересов, да и интересов нашей археологии, как светской науки в целом. При этом, однако, не будем забывать, что на Западе как очень мощное направление существует и «библейская археология», по сути, теологическая разновидность современной археологии.

Для нашего случая важно иное и, наверное, самое оригинальное значение термина «культ». Слово «культ» происходит от латинского слова *«cultus»*, которое дословно означает *«поклонение»*, *«почитание», «насаждение», «возделывание»*, *«попечение»* и т. д. В средние века люди именно *поклонялись* силам природы, языческим богам, духам, почитали души предков и тотемы. Это являлось важной частью жизни средневекового населения на Урале. Со временем эти культы не ушли совсем. С приходом русского населения и христианизации аборигенов края они были «вплетены» в христианство и вместе с ним создали абсолютно новый образец духовной культуры. Этот пример показывает, насколько большую роль играли различные культы в жизни древних народов Урала.

Культовые практики сопровождались определенными церемониями, ритуалами. Ритуал мог состоять из нескольких действий, как вербальных, так и невербальных. Одно из самых значительных и известных культовых действий – это жертвоприношение.

Жертвоприношение – форма религиозного культа, существующая в большинстве религий с глубокой древности. Она преследует цель установления или укрепления связи личности или общины с богами или другими сверхъестественными существами путем принесения им в дар предметов, обладающих реальной или символической ценностью для жертвователя. Жертвоприношение – очень сложное явление, и корни его разнообразны. Возникновение жертвоприношения связывают с обычаем кормления умерших (поминальная трапеза) либо с традициями задабривания и умилостивления духов, с верой в колдовскую силу жертвенного животного и пр. Э. Б. Тайлор выделил: *теорию дара*, *теорию чествования* и *теорию лишения, или отречения* [*1989.* Электрон. ресурс].

Теория дара, естественно, занимает первое место. Этот чисто детский способ приношения без всякой определенной мысли о том, как примет дары, и что сделает с ними принимающий. Она представляет собой первобытную и самую зачаточную форму жертвоприношения [*Там же*]. Люди просто преподносили божеству некий дар, который должен был его умилостивить и задобрить.

Кормление (чествование) идолов имеет, по-видимому, лишь чисто формальное значение. Во всяком случае, как следует из этих и других данных, предполагалось, что божество, так или иначе, поедает жертвенные яства. Подобный вывод, конечно, очень мало вяжется со свойственным даже первобытным людям воззрением на божество, как на существо бестелесное и духовное. Тем не менее, представление, будто это божество может потреблять материальную пищу, все-таки встречается. Если признается, что божество действительно принимает приносимые ему яства или другие предметы, то это нужно понимать так: оно потребляет дух или душу приношений. Вещественная же сторона приносимого в жертву предмета может умереть, быть уничтоженной, изъятой, разрушенной или даже остаться *нетронутой [Там же]*.

Смысл жертвоприношения по теории лишений заключается не в том, что божество получает дар, а адепт жертвует им. Здесь главное – не сама жертва, а готовность к ее осуществлению. Согласно теории лишений, жертва тем ценнее, чем значимей она не в абсолютном эквиваленте, а непосредственно для жертвователя [*Там же*].

По Тайлору, все эти стадии следовали одна за другой.

Постепенно в практике жертвоприношений наблюдается тенденция имитации, замены целого его частью. Так, повсеместно распространилось правило при заклании в честь богов животного оставлять себе его мясо, и лишь часть туши предназначалась божеству [*Там же*].

Культовые сооружения. Это сформировало облик культового сооружения, в центре которого непременно должен был находиться жертвенник – объект поклонения, имевший утилитарно-сакральное назначение. Кроме того, здесь должна существовать зона для трапезы и иметься предметы для проведения ритуала, которые выступают в роли посредников [*Чагин, 2009.* Электрон. ресурс]. Последние могут быть вещами неутилитарного назначения и другими предметами, не связанными с повседневной жизнедеятельностью людей, а также изделия, которые могут иметь утилитарное назначение (пряслица, ножи, наконечники стрел и т. п.). В последнем случае сосредоточение этих предметов в определенном месте (например, в производственном металлургическом комплексе), а также их особое почитание, свидетельствует об отправлении обрядов, сопровождающихся жертвоприношениями (вотивные изделия либо обычные, но предварительно специально сломанные – «умертвленные» предметы) [*Петров, 2013.* С. 155]. Таким образом, можно заключить, что культовый комплекс – это культовое сооружение (жертвенник), сопровождаемое вещественным материалом (культовые вещи или остатки жертвы).

Зачастую культовые комплексы были привязаны к каким-либо выдающимся естественным, природным, объектам, таким как горы, причудливые скалы, пещеры, особые камни и т. д. Чаще всего, они были связанны с возвышенными местами [*Изосимов, 2007.* С. 8]. Также распространены случаи расположения культовых комплексов рядом с производственными сооружениями на поселенческих памятниках [*Петров, 2013.* С. 155]. В культовых местах совершались разные способы обрядового очищения. В этих обрядах видную роль играли огонь и вода, как действенные и очищающие силы [*Чагин, 2009.* Электрон. ресурс].

По известным археологическим материалам и памятникам у населения средневекового Приуралья можно выделить несколько типов культовых сооружений.

- Отдельные жертвенные ямы (Опутятское городище, V–VI вв.; Назаровское городище, VII–IX вв.; Рождественское городище, IX–XIV вв.).

- Глинобитные площадки-жертвенники с очагами (городище Анюшкар, XII–XIV вв.; селище Володин Камень, VIII – начало X в.; Городищенское городище, X–XIII вв.),

- Глинобитные площадки с деревянными культовыми постройками (Искорское городище, IX–XV вв.) [*Шутова, 2004.* С. 10–11].

Молитвы. Жертвоприношение появляется, по-видимому, в столь же ранний период культуры и берет начало в той же анимистической системе, как и молитва, с которой оно остается в самой тесной связи в течение столь долгого периода истории [*Тайлор, 1989*. Электрон. ресурс]. Именно молитвы (приговоры, заговоры, песнопения и прочее) являлись прямым обращением – *в вербальной форме* – к божеству и сопровождали обряды. В форме молитвы люди обращались к духам и просили благ для себя. В отличие от жертвоприношения, молитва не требовала особого места для свершения, но древние всегда отдавали предпочтения священным местам. К сожалению, о наличии у древних жителей подобных вербальных практик мы можем судить лишь по данным этнографии, так как в каких-либо других источниках подобную информацию не найти. Возможно, что в Пермском Предуралье эти обращения принимали какую-нибудь другую форму или их не было вовсе. Тем не менее, по данным этнографии современных коренных жителей Предуралья, можно предположить, что подобные практики все же существовали.

Шаман. И, наконец, в культовом обряде присутствовал шаман – особый человек, наделенный исключительными способностями общаться с духами и сверхъестественными силами. Он служил посредником в общении между человеком (людьми) и духом. Достигалось это благодаря его способности входить в экстаз. Редкие находки на территории Пермского Предуралья позволяют предположить, что у народов, населявших эту территорию в средневековье, также были люди, выполнявшие функции шаманов. Так, на Редикорском городище были найдены «шаманский» костяной жезл с головой коня и пластина от костюма шамана [*Шутова, 2004.* С. 5–35]. А. А. Спицын связывал находки *пермского звериного стиля* с шаманизмом, и считал их поделками религиозного характера [*1906.* С. 1]. А. П. Смирновым подобные артефакты трактуются как помощники шамана или вотивы, связанными с шаманским культом [*1952.* С. 223].

Понятие поселенческого памятника – последнее, на чем хотелось бы остановиться в нашем исследовании. Данное определение всем понятно и не представляет сложности. К поселенческим памятникам мы относим места проживания древнего и средневекового населения, такие как городища (бывшие укрепленные поселения) и селища (неукрепленные поселения). Тем не менее, возникает вопрос: почему мы все же рассматриваем это явление и связанный с ним термин?

Дело в том, что некоторые археологические памятники, определяемые как городища, являются остатками не только бывших поселений, но и культовых мест. В Приуралье к таковым, например, относится Искорское городище, которое исследователи считают святилищем. Иными словами, возможно, целый памятник являлся культовым местом. Другой случай – Филипповское городище, которое находится рядом с известным Рождественским. По предположению исследователей, данное укрепление в прошлом использовалось в основном как укрытие на случай нападения [*Белавин, Крыласова, 2008.* С. 82]. Хотя оба памятника относятся к типу поселенческих, на них не обнаружено следов длительного проживания средневекового населения. Соответственно, если культовые практики на них имели место, то они не носили характер повседневных.

Для нашего же исследования особый интерес представляет связь культов с повседневной жизнью населения. По этой причине главными объектами и предметами нашего анализа являются материалы памятников, которые являлись местами постоянного и концентрированного проживания людей в средние века.

Общий вывод. Таким образом, мы определились с основными понятиями исследования культовых практик на поселенческих памятниках. Под культом мы будем понимать поклонение кому-либо или чему-либо, а также связанные с этим действия. Культовым комплексом является особое сакральное сооружение (жертвенник) с соответствующим вещественным материалом (вотивные вещи, остатки жертвоприношения). Кроме того, мы назвали основные элементы культа, такие как жертвоприношение, молитва, шаман, а также дали определение поселенческого памятнику – как месту длительного обитания людей, материалы из раскопок которого дают основную информацию для изучения культовых практик.

Литература

Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: Изд-во ПГУ, 2008. – 603 с.

Изосимов Д. А. Культовые памятники населения горно-лесной полосы Среднего Предуралья. – Дис. … канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2007. – 207 с.

Леви-Брюль Л. Первобытное мышление // Психология мышления / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и В. В. Петухова. – М: Изд-во МГУ, 1980. – С. 130–140.

Леви-Стросс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. – М.: Изд-во «ЭКСМО–Пресс», 2001. –512 с.

Мелетинский, Е. М., Токарев С. А. Мифология // Мифы народов мира. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1987. – Т. 1. – С. 4–20.

Петров В. Л. Культовые комплексы на средневековых поселениях в Пермском Предуралье: обзор источников // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение (ВТП. – № 10). – Тамбов: Изд-во «Грамота», 2013. – С. 154–158.

Розет Д. Определение и признаки культа // Центр апологетических исследований [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.apologetika.ru/win/index.php3?razd=1&id1=41.

Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья // МИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – № 28. – 276 с.

Спицын А. А. Шаманские изображения // ЗОРСА. – СПб., 1906. – Т. 8. – Вып.1. – С. 29–145.

Мифологическое мышление // Справочник-словарь «Религия» [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://sr.artap.ru/mythological.htm.

Тайлор Э. Б. Первобытные культуры / Пер. с англ.; предисл. А. И. Першица. – М.: Госполитиздат, 1989. – 573 с.

Чагин Г. Н. Культовые памятники Пермского края как экскурсионные объекты // КНТ РГО, 2009 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.knt.org.ru/konf-Sakr-dokl-Chagin-mart-2009.htm.

Шкуратов В. А. Историческая психология: Учебн. пособие. М.: Изд-во «Смысл», 1997. – 2-е изд. – 505 с.

Шутова Н. И. Средневековые святилища Камско-Вятского региона // Культовые памятники Камско-Вятского региона. – Ижевск: Изд-во УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – С. 5–35.

И. П. Глызин, С. О. Марков
г. Томск
ОАО «ТомскНИПИнефть»

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОЕКТНЫХ РАБОТ: ОПЫТ ОАО «ТОМСКНИПИНЕФТЬ»

Система организации охранных археологических работ в ОАО «ТомскНИПИнефть». Наше предприятие является одним из немногих проектно-изыскательских институтов в системе дочерних обществ ОАО «НК Роснефть», выполняющим весь комплекс инженерных изысканий. Для выполнения социально-экономических и историко-культурных работ в 2007 г. в составе Департамента экологии ОАО «ТомскНИПИнефть» был образован сектор историко-культурных изысканий (ИКИ).

Со времени создания сектор ИКИ провел десятки исследований по объектам обустройства ОАО «Томскнефть» ВНК, ОАО «Востсибнефтегаз», ЗАО «Ванкорнефть», ОАО «Газпромнефть-Восток», ОАО «Верхнечонскнефтегаз», ООО «РН-Юганскнефтегаз», ООО «РН-Пурнефтегаз», ЗАО «РН-Шельф Дальний Восток».

География работ сектора довольно обширна. Основной регион проведения исследований – это Западная Сибирь (Томская обл., ХМАО, ЯНАО). Кроме того, получен определенный опыт работы на территории Восточной Сибири (Красноярский край, Иркутская обл.) и на Дальнем Востоке (Сахалинская обл.).

В задачи сектора ИКИ входит выполнение полного комплекса работ по проведению историко-культурных изысканий, от предпроектной проработки до разработки мероприятий по сохранению выявленных объектов культурного наследия (ОКН).

На стадии предпроектной проработки сектором ИКИ рассматриваются варианты размещения проектируемых объектов, разработанные профильными отделами, и осуществляется их согласование. Для выполнения этой процедуры в составе Базы геоинформационных данных проектно-изыскательских работ (БГД ПИР) ОАО «ТомскНИПИнефть» (разработана в геоинформационной системе *ArcGIS*) сектором ИКИ ведется раздел «Историко-культурная среда». В данный раздел загружается вся информация по ИКИ, имеющаяся в распоряжении нашего института: контуры историко-культурного зонирования (ИКЗ), координаты и границы ОКН, контуры территорий, на которых выполнены полевые археологические работы. Наполнение БГД ПИР ведется из различных источников, таких как, материалы изысканий, выполненных собственными силами, информация, переданная Заказчиками работ и полученная от Государственных органов охраны культурного наследия, а также результаты полевых работ субподрядных организаций. Кроме того, на Оперативном ситуационном плане (ОСП ПИР) каждого месторождения (в формате *AutoCAD*) сектором ИКИ ведется слой «Историко-культурные изыскания», куда загружаются данные по ОКН и ИКЗ. Это позволяет профильным отделам учитывать данную информацию при проектировании промышленных объектов и сооружений, размещая их с учетом планировочных ограничений.

При размещении проектируемых объектов на территории, перспективной для выявления ОКН, сектором ИКИ проводятся полевые археологические работы по обследованию участков, подлежащих хозяйственному освоению. При выполнении данных работ субподрядной организацией сектором осуществляется контроль качества выполняемых работ (разработка Технического задания, полевой контроль, проверка отчетной документации).

В случае выявления на территории, подлежащей хозяйственному освоению, и в непосредственной близости от нее ОКН, сектором ИКИ выполняется разработка мероприятий по обеспечению сохранности выявленных ОКН и подготовка раздела проектной документации «Сохранение объектов культурного наследия».

К настоящему времени ОАО «ТомскНИПИнефть» накоплен определенный опыт, как в части выявления ОКН, так и в области разработки мероприятий по их сохранению.

Полевые исследования. В 2009 г. в ходе обследования территории, испрашиваемой под обустройство НПС-4 на трассе магистрального нефтепровода «Ванкорское месторождение – НПС «Пурпе», на левом берегу р. Айваседапур (Пуровский р-н ЯНАО) С. А. Терехиным выявлены два ОКН: селища «Есереяха» 1 и 2 (ранний железный век, кулайская культурно-историческая общность). В итоге разработки мероприятий по сохранению этих памятников, площадка НПС-4 была перемещена за их границы [Расширение обустройства…, 2009].

В этом же году сектором ИКИ разработаны мероприятия по сохранению памятников археологии, выявленных в Тайшетском р-не Иркутской обл. экспедицией ООО «Раритет» под руководством С. А. Дзюбаса

в процессе обследования трассы магистрального нефтепровода «Кучеткан – Тайшет». В том числе: стоянок Синякино (поздний палеолит – мезолит), Большая Тайшетка 1 и 2 (мезолит), Малая Тайшетка (финальный мезолит), Имени Генералова (неолит – бронзовый век) [Система магистральных нефтепроводов…, 2009].

В полевом сезоне 2011 г. при обследовании участка, испрашиваемого под карьер грунта на трассе проектируемого магистрального нефтепровода «Кучеткан – Тайшет», обнаружен обломок каменного наконечника стрелы. Шурфовка данного места и соседних участков признаков культурного слоя не выявила. Находка отнесена к разряду случайных, а само местонахождение обозначено как «Токачетская находка» (Тайшетский р-н Иркутской обл.) [Система магистральных нефтепроводов…, 2011].

В ходе полевых работ 2013 г. в Каргасокском р-не Томской обл. открыты три памятника археологии: селища Егольях 1–3 [ПС 35/6 кВ Карасевской группы…, 2013]. В проектную документацию по объекту «ПС 35/6 кВ Карасевской группы месторождений с внешними сетями» внесен раздел, предусматривающий мероприятия по сохранению выявленных ОКН [ПС 35/6 кВ Карасевской группы…, 2013а].

В этом же году в МО «городской округ Охинский» при обследовании трассы проектируемого автозимника выявлено селище Невельское 3 [Зимняя автодорога…, 2013]. В проект строительства автозимника внесены корректировки, предусматривающие обход выявленного ОКН и мероприятия по обеспечению его сохранности [Зимняя автодорога…, 2013а].

Основные методы и проблемы проведения охранно-спасательных археологических работ. При разработке мероприятий по сохранению ОКН специалистами ОАО «ТомскНИПИнефть» приоритет отдается неразрушающим методам:

- корректировке размещения проектируемых производственных объектов и сооружений с учетом границ выявленных ОКН;
- установке на местности информационных знаков и ограждений, обозначающих наличие ОКН и его границ;
- своевременному информированию Заказчика и подрядных организаций, осуществляющих строительство, о наличии ОКН в зоне их хозяйственной деятельности.

Аварийные раскопки рассматриваются как «крайняя» мера, когда другие возможные варианты исчерпаны. Связано это с тем, что в большинстве случаев неразрушающие методы сохранения более экономичны в плане финансовых и временных затрат. Кроме того, проведение спасательных археологических раскопок в сжатые сроки, которые, как правило, обусловлены проектами строительства, неизбежно отражается на качестве выполняемых работ.

Некоторый опыт, накопленный ОАО «ТомскНИПИнефть» при проведении ИКИ и в ходе разработки мероприятий по сохранению ОКН, позволяет обозначить ряд проблемных вопросов.

Основная проблема, с которой сталкивается сектор ИКИ при предпроектной проработке вариантов размещения промышленных объектов и сооружений – это отсутствие достоверных сведений о местонахождении уже выявленных ОКН. В большинстве случаев в распоряжении исследователя имеется текстовое описание местонахождения памятника и его топографический (как правило, глазомерный) план, зачастую не привязанный к государственной геодезической сети или характерным ориентирам на местности. Для части ОКН известны географические координаты (в системе *WGS-84*), как правило, точечные и определенные при помощи «туристических» *GPS*-навигаторов, допускающих погрешность до нескольких десятков метров. Наибольшие затруднения вызывает обработка материалов полевых работ, выполненных до 1990-х гг. На основании таких данных точно привязать ОКН на ситуационный план проектируемого объекта практически невозможно, что значительно осложняет разработку планировочных ограничений в камеральных условиях.

В последние годы в данном направлении наметились положительные изменения после разработки методики определения границ археологического наследия [Отчет…, 2011] и выхода нового «Положения о порядке проведения полевых археологических работ…», которое обязывает исследователя при выявлении объекта археологического наследия (ОАН) определить его границы [Положение о порядке проведения …, 2013. П. 3.5]. Кроме того, в ряде регионов Западной Сибири (ХМАО, Томская обл.) ведется работа по установлению границ известных памятников археологии, инициированная региональными органами исполнительной власти, уполномоченными в сфере охраны ОКН.

В настоящее время для большинства месторождений, для которых ОАО «ТомскНИПИнефть» выполняет проектные работы, разработано так называемое историко-культурное зонирование (ИКЗ), результаты которого используются для определения историко-культурной ценности территории. Степень достоверности выполненных работ в каждом конкретном случае зависит, как от квалификации исследователей, разработавших зонирование, так и от качества исходных данных. Очевидно, что камеральные исследования,

выполненные на черно-белых копиях картматериалов масштаба 1:100 000 – 1:200 000 и подготовленные в Геоинформационных системах (ГИС) на цифровых топографических картах с привлечением космосъемки и ландшафтных карт, различаются по степени достоверности. Вопрос о необходимости нормативного закрепления рекогносцировочного обследования результатов камерального зонирования, обязательного рецензирования или даже введения лицензирования подобных работ уже поднимался в литературе [*Шатунов, 2003*]. В настоящее время не существует нормативных документов или утвержденных методик проведения камерального ИКЗ. В тоже время результаты такого «кабинетного» зонирования, являющегося, по сути, авторской разработкой, зачастую воспринимаются как раз и навсегда утвержденные нормативные документы, причем как недропользователями, так и государственными органами охраны ОКН.

Предложения по совершенствованию методики организации и проведения охранных археологических работ. Принятая в настоящее время методика проведения полевых археологических работ по обследованию земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению [Положение о порядке проведения …, 2013], на наш взгляд, нуждается в дополнении. В существующем Положении отсутствует понятие зоны обязательного осмотра для землеотвода. По этой причине обследование прилегающей к нему территории, фактически, остается на усмотрение исследователя. Было бы целесообразным установить зону обязательного осмотра в пределах 25–50 м по периметру планируемого землеотвода, что может соответствовать минимальной охранной зоне потенциального археологического памятника. Подобная поправка поможет минимизировать возможный ущерб ОКН, расположенным на сопредельной землеотводу территории. Кроме того, введение подобного норматива позволило бы организациям, выполняющим изыскания, аргументировать расширение зоны обследования перед Заказчиками работ. В настоящее время, все археологические изыскания, выполняемые за пределами испрашиваемой к отводу территории, осуществляются, как правило, за счет Исполнителя работ.

В области разработки мероприятий по сохранению ОКН также существует некоторая законодательная и методическая неопределенность. Существующий «Свод реставрационных правил», в основном, декларирует принципы проведения спасательных археологических раскопок, практически не уделяя внимания неразрушающим методам сохранения [СРП-2007.2].

Федеральное законодательство предписывает разработку разделов проектной документации по сохранению ОКН только в случае их наличия на испрашиваемой к освоению территории [Федеральный закон…, ст. 36]. Экспертиза качества данных документов четко не регламентирована. С одной стороны, кажется очевидным придание им статуса проектов охранных зон, которые подлежат государственной историко-культурной экспертизы. С другой стороны, если ст. 36 Федерального Закона № 73-ФЗ трактовать буквально, для придания им легитимности достаточно «положительного заключения экспертизы проектной документации». Вместе с тем, как показывает опыт практической работы, в ФАУ «Главгосэкспертиза России», осуществляющем государственную экспертизу проектной документации (ГГЭ), как правило, отсутствуют эксперты, аттестованные в области сохранения культурного наследия.

В этой связи, логичным видится введение в структуру ФАУ «Главгосэкспертиза России» экспертов, аттестованных в области сохранения культурного наследия. Это позволит не только оценивать качество проектов по обеспечению сохранности ОКН (они разрабатываются не так часто), но и проводить оценку результатов полевых ИКИ, выполненных по территории, отводимой под проект (при условии включения данных работ в состав проектной документации). Тем более что, согласно нормативной документации [СП 47.13330.2012], ИКИ являются частью инженерных изысканий (в составе инженерно-экологических работ), результаты которых предоставляются на ГГЭ одновременно с проектной документацией, для подготовки которой они выполнены. Согласно же Положению о ГГЭ, «предметом государственной экспертизы проектной документации является оценка ее соответствия требованиям технических регламентов, в том числе… требованиям государственной охраны объектов культурного наследия» [Положение о порядке организации…, 2007].

Источники и литература

Зимняя автодорога для бурения скважин Южно-Астрахановская № 1 и Южно-Астрахановская № 2 на ЛУ «Астрахановское море – Некрасовский»: технический отчет по результатам историко-культурных изысканий / ОАО «ТомскНИПИнефть». – 2921-П-039.005.000-ИКИ-01. – Томск, 2013. – Архив ОАО «ТомскНИПИнефть». – Инв. № 95057.

Зимняя автодорога для бурения скважин Южно-Астрахановская № 1 и Южно-Астрахановская № 2 на ЛУ «Астрахановское море – Некрасовский»: Обеспечение сохранности объектов культурного наследия / ОАО «ТомскНИПИнефть». – 2921-П-039.005.000-ОСОКН-01 – Т. ДМ. – Томск. 2013а. – Архив ОАО «ТомскНИПИнефть». – Инв. № 97503.

Отчет о выполнении Государственного контракта № 2023-01-41/05-11 от 27 июля 2011 г. по разработке методики определения границ территорий объектов археологического наследия / ИА РАН; отв. исп. И.А. Сапрыкина. – Москва, 2011 (рекомендована к применению с 1 января 2012 года (письмо Министерства культуры РФ № 12-01-39/05-АБ от 27 января 2012 г).– [Электрон. ресурс]. Режим доступа:URL: http://mkrf.ru/dokumenty/585/detail.php?ID=215944.

Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации / Утверждено Постановлением БОИФН РАН от 27 ноября 2013 г. – № 85. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.archaeolog.ru/media/2014/Polozhenie_opi_12-02-14.doc (08.04.2014 г.).

Положение о порядке организации и проведения государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий / Утверждено Постановлением Правительства РФ от 5 марта 2007 г. – № 145. – [Электрон. ресурс]. Режим доступа:URL: http://base.garant.ru/12152341/

ПС 35/6 кВ Карасевской группы месторождений с внешними сетями: полевые историко-культурные изыскания / ОАО «ТомскНИПИнефть» – 2733-ИКИ2. – Томск, 2013. – Архив ОАО «ТомскНИПИнефть». – Инв. № 90149.

ПС 35/6 кВ Карасевской группы месторождений с внешними сетями: обеспечение сохранности объектов культурного наследия / ОАО «ТомскНИПИнефть». – 2733-ОСОКН – Т. ДМ. – Томск, 2013а. – Архив ОАО «ТомскНИПИнефть». – Инв. № 92670.

Расширение обустройства Ванкорской группы месторождений с системой внешнего транспорта нефти и сооружениями узла подключения к системе магистральных нефтепроводов ОАО «АК «Транснефть». НПС-4: отчет об историко-культурных изысканиях / ОАО «ТомскНИПИнефть» – 2102-33-140000-ИКИ1.– Томск, 2009. – Т. ДМ. – Архив ОАО «ТомскНИПИнефть». – Инв. № 36856.

СРП «Рекомендации по проведению научно-исследовательских, изыскательских, проектных и производственных работ, направленных на сохранение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации». – Ч. 2: «Рекомендации по проведению спасательных археологических полевых работ» (СРП-2007.2). – 4-я ред. (Рекомендована письмом Минкультуры России от 11.01.2012 № 3-01-39/10-КЧ).

Система магистральных нефтепроводов Юрубчено-Тохомское месторождение (ЮТМ) – Тайшет. Магистральный нефтепровод Кучеткан – Тайшет: историко-культурные изыскания / ОАО «ТомскНИПИнефть» – 2148-5.3-ИКИ. – Томск, 2009. – Т. 1. – Архив ОАО «ТомкНИПИнефть», инв. № 40361.

Система магистральных нефтепроводов Юрубчено-Тохомское месторождение (ЮТМ) – Тайшет. Магистральный нефтепровод Кучеткан – Тайшет. Карьеры ОПИ. Карьер грунта (Карьер ОПИ, км 437,1): технический отчет по историко-культурным изысканиям / ОАО «ТомскНИПИнефть» – 2148/25-02-ИКИ. – Томск, 2011. – Т. 2. – Архив ОАО «ТомкНИПИнефть». Инв. № 66871.

СП 47.13330.2012 Инженерные изыскания для строительства. Основные положения. Актуализированная редакция СНиП 11-02-96: СП (Свод правил) от 10.12.2012 № 47.13330.2012.

Федеральный Закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ (в ред. 23.07.2013) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». – [Электрон. ресурс]. Режим доступа:URL: http://base.garant.ru/12127232/1/.

Шатунов Н. В. О достоверности камерального выделения историко-культурных зон // САК: Тез. докл. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд-во «Академкнига», 2002. – С. 431 – 432.

О. В. Зайцева,
А. А. Пушкарев
г. Томск
ЦКП «Артефакт» ТГУ

НАЗЕМНАЯ ФОТОГРАММЕТРИЯ В АРХЕОЛОГИИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВЫСОКОТОЧНОЙ ОПЕРАТИВНОЙ ПОЛЕВОЙ 3D-ФИКСАЦИИ[1]

За последние 15 лет специалистами из разных российских археологических научных центров независимо друг от друга были разработаны способы усовершенствования полевой методики, приведшие к заметному увеличению точности и скорости фиксации [*Васильев, Городилов, Бочкарева, 2010*; *Гарбуз, Прохорова, 2013*]. Это стало возможным благодаря сочетанию цифровой тахеометрической съемки и цифровой ортофотосъемки с последующей обработкой полученных данных в различных CAD-программах. Пока еще, вероятно, рано говорить о повсеместном переходе на электронную фиксацию, но осознание того, что этот процесс неизбежен, произошло.

Основными препятствиями внедрению этих новых методов являются высокая стоимость техники и программного обеспечения, а также необходимость дополнительного обучения специалистов, ответственных за фиксацию и последующую камеральную обработку данных. Между тем, кроме этих вполне преодолимых трудностей, есть и другие более серьезные проблемы – методического характера. Чертежи, выполненные по «растянутым» по контрольным точкам фотографиям, намного точнее чертежей, выполненных с помощью «ручных замеров», но только при условии, если фиксируется относительно плоская поверхность. Перепад высот даже в 10 см очень существенно искажает изображение, получаемое на чертеже.

При значительном перепаде высот на объектах со сложной геометрией даже при условии многократной переустановки прибора и выноса большого количества реперных точек объективную картину получить невозможно. У авторов статьи был опыт фиксации катакомбных погребений, в процессе которой говорить об увеличении скорости фиксации с применением цифрового тахеометра и ортофотосъемки вообще не приходилось. Съемка недоступных точек со смещением проекции и ортогональной фотофиксации – для составления ректифицированных планов – весьма трудоемка. Кроме того, она нисколько не выигрывает по времени у традиционных «ручных замеров», хоть и приводит к увеличению точности фиксации.

Таким образом, при исследовании таких объектов, как остатки архитектурных сооружений, погребений, котлованов жилищ сложной конструкции и т. д., причем как при «традиционном», так и при «электронном» способе фиксации, неизбежны серьезные искажения и потери информации.

Существующая практика выполнения на чертежах всех необходимых разрезов, безусловно, позволяет в дальнейшем «представить» исследованный объект трехмерным. Несмотря на это, в последнем случае наше «представление» о нем будет всегда неполным и неточным. С неизбежными упрощениями и искажениями оно передаст лишь общую геометрию и форму раскопанного объекта. Субъективность при выполнении чертежей, определении необходимого количества выполняемых при их создании замеров, а также выборе угла зрения и детальности при фотофиксации, к сожалению, неизбежны.

Осознание этих фактов привело к пониманию того, что археологические объекты должны фиксироваться и отображаться не двухмерными плоскостными чертежами, а их трехмерными моделями. Создание таких моделей до недавнего времени было возможно только при участии высококлассных специалистов по 3D-моделированию, использовавших сложное программного обеспечение, а сам процесс был колоссально трудозатратным, долгим и не исключал субъективных искажений при полевых измерениях.

Совершенно новые технические возможности 3D-фиксации и документации результатов археологических раскопок появились с началом использования лазерных сканирующих систем и появления принципиально нового программного обеспечения для наземной фотограмметрии. Оба этих направления – лазерное сканирование и фотограмметрия – в последнее десятилетие активно внедряются в практику полевых исследований зарубежных ученых и демонстрируют прекрасные результаты, позволяющие говорить о «3D-революции в археологии» [*Fisher, Dakouri-Hild, 2008; Farjas, 2009*; *Doneus, Verhoeven…, 2011*; *Kjellman, 2012*]. Известно и о российском опыте использования этих двух «революционных» способов фиксации, правда, пока только по кратким предварительным публикациям [*Матвеев, 2013*; *Старовойтова, Лунева, 2013*].

[1] Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B.25.31.0009)

В полевом сезоне 2013 г. специалистами Центра коллективного пользования (ЦКП) «Артефакт» были проведены первые работы по применению лазерного сканирования и наземной фотограмметрии на разных типах археологических объектов в Томской обл. и на территории ЯНАО.

С помощью сканирования и фотограмметрии возможно получение «фотореалистичных» трехмерных моделей раскопанных археологических объектов, на основе которых можно выполнять любое количество необходимых измерений в любой плоскости. Кроме того, неоспоримыми преимуществами фотограмметрии являются следующие.

- Отсутствие необходимости покупки дорогостоящего оборудования. Для получения данных достаточно простой цифровой камеры. В то время как рыночная цена сканеров в настоящее время колеблется в пределах от 0,8 до 5 млн руб.
- Программное обеспечение для фотограмметрии стоит в несколько раз дешевле, чем для обработки данных лазерного сканирования. Более того, существуют бесплатные пакеты для обработки данных фотограмметрии.
- Фиксация с помощью фотограмметрии более оперативна и проста. Для сравнения: на фиксацию одного погребения с помощью оптического ручного бесконтактного сканера «CreaformVIUscan» ушло около трех часов, а на получение необходимых для фотограмметрии серии снимков – около пяти минут.
- Значительно более быстрая обработка данных. Так для получения трехмерной модели погребения на основе данных лазерного сканирования нам потребовалось 12–15 часов, а на обработку данных фотограмметрии – не более двух.
- Использование фотограмметрии не требует привлечения специально обученных специалистов по 3D-фиксации. Алгоритм получения данных настолько прост, что его способен самостоятельно освоить любой археолог.

Единственным недостатком фотограмметрии остается более низкая детализация получаемых моделей, при сравнении их с моделями, полученными на основе сканирования. Для сравнения: модель погребения, выполненная на основе 3D-сканирования, имела разрешение до 0,2 мм. В то время как фотограмметрическая модель погребения при обработке данных в бесплатном пакете «Autodesk 123D Catch» имела разрешение до 5 мм. Те же данные, обработанные в другом пакете – «AgisoftPhotoScanPro», позволили получить трехмерную модель погребения с разрешением 1–2 мм (в зависимости от детальности съемки).

Принимая во внимание существующие реалии отечественной археологии, видится целесообразным использование дорогостоящего и трудоемкого трехмерного сканирования только при работе с уникальными археологическим объектами. Например, такая «сверхточность» была абсолютно оправдана при исследовании погребений с органическими артефактами и частично мумифицированными останками на могильнике Зеленый Яр в 2013 г.

Освоение и использование фотограмметрии позволит значительно повысить оперативность и точность существующей практики археологической фиксации, что в частности, важно при масштабных охранных раскопках. Для получения высокоточной трехмерной «фотореалистичной» модели археологического объекта требуется получить серию снимков, сделанных по определенному алгоритму. Фотосъемка должна осуществляться со всех сторон, под разными углами и таким образом, чтобы зоны фотографирования на каждом последующем снимке перекрывались не менее чем на 1/3. Вначале производится фотографирование всего объекта целиком, далее – с постепенным приближением снимаются все его детали. Фотосъемку необходимо производить при равномерном освещении, без контрастных теней, поэтому часто необходимо использование тента. Для дальнейшей привязки модели к системе координат раскопа в зоне съемки нужно расположить не менее трех маркеров, координаты которых зафиксированы тахеометром. После съемки полученные фотографии загружаются в программу для дальнейшей обработки.

Так, в бесплатной программе «Autodesk123D Catch» фотографии загружаются через сеть интернета на специальный сервер, который производит их автоматическую обработку. Далее программа выдает с сервера готовую модель.

В другой программе – «AgisoftPhotoScanPro» – все вычисления проводятся без использования внешних серверов. Обработка фотографий в данной программе максимально автоматизирована. Пользователь лишь указывает основные параметры 3D-модели (разрешение, вид текстуры и т.п.), которую необходимо получить. На следующем этапе производится масштабирование модели и ее привязка к системе координат раскопа.

Программа «Autodesk123D Catch» позволяет только установить реальный масштаб модели. Привязку к системе координат раскопа необходимо производить в других программах. В свою очередь, программа «AgisoftPhotoScanPro» позволяет произвести полноценную привязку полученной модели к системе

координат раскопа. Для этого на модели указываются маркеры, и им присваиваются координаты, зафиксированные тахеометром.

На заключительном этапе 3D-модель сохраняется в необходимом формате. Например, в «WavefrontOBJ» – для создания видеороликов в 3DsMax, в 3D-PDF – для электронной публикации, в «Autodesk DXF (DWG)» – для дальнейшей обработки в CAD-программах.

На основе полученных трехмерных моделей можно создавать любые плоскостные планы и разрезы, лишенные искажений, которые неизбежны при создании ректифицированных планов на основе простых «растянутых» по нескольким привязанным точкам фотографиям.

Необходимо отметить, что описанный выше метод фиксации идеален для небольших объектов – погребений, хозяйственных ям, остатков архитектурных сооружений. Получаемые «фотореалистичные» трехмерные модели археологических объектов создают фактически полный «эффект присутствия» на раскопках. При нем любой исследователь может во всех деталях и ракурсах увидеть то, что видел автор раскопок в поле. Впоследствии – на основе этих моделей – можно выполнять любые необходимые измерения и плоскостные чертежи. При этом устраняется неизбежная при всех других типах фиксации субъективность, и сохраняется на порядок больше информации, чем при любом другом существующем способе фиксации.

В заключении авторы хотят отметить назревшую необходимость создания для археологов и этнографов специального *электронного учебно-методического пособия* с возможностью полноценной демонстрации фотограмметрических трехмерных моделей археологических и историко-культурных объектов, а также с пошаговой инструкцией для получения необходимых для их создания данных.

Литература

Васильев С. А., Городилов А. Ю., Бочкарева М. А. Электронная фиксация полевых данных на охранных археологических раскопках // Бюлл. ИИМК РАН. – СПб.: Изд-во ИПК «КОСТА», 2010. – № 1: Охранная археология. – С. 175–180.

Гарбуз И. А., Прохорова А. В. Применение методики электронной фиксации при археологических исследованиях могильника римской эпохи Скалистое–III в Юго-Западном Крыму (работы 2011–2012 гг.) // Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования: Тез. науч. конфер. молодых ученых СПб. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2013. – С. 11–12.

Матвеев В. Н. Полевая фиксация архитектурных объектов методом построения трехмерных моделей (на примере раскопок церкви Рождества Христова на Песках) // Там же. – С. 14–16.

Старовойтов А. В., Лунева О. В. Фотограмметрические и GNSS методы геодезического обмера как часть инфраструктуры пространственных данных для ведения археологических исследований // Там же. – С. 16–18.

Doneus M., Verhoeven G., Fera M., Briese C., Kucera M., Neubauer W. From Deposit to Point Cloud: A Study of Low-Cost Computer Vision Approaches for the Straightforward Documentation of Archaeological Excavations // XXIIIrd International CIPA Symposium. Prague, 12–16, September 2011 (Geoinformatics. – Vol. 6). – Prague: CTU, FCE, 2011. – P. 81–88.

Farjas M. Digital Photogrammetry: 3D Representation of Archaeological Sites. 2009 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://ocw.upm.es/ingenieria-cartografica-geodesica-y-fotogrametria/3d-scanning-and-modeling/Contenidos/Lectura_obligatoria/photogrammetry1.pdf/view.

Frischer B., Dakouri-Hild A. (Eds.). Beyond Illustration: 2D and 3D Digital Tools for Discovery in Archaeology // BAR. – International Series. – Oxford: Archaeopress, 2008. – № 1805. – 192 p.

Kjellman E. From 2D to 3D – A Photogrammetric Revolution in Archaeology? – Tromso: University of Tromso, 2012. – 88 p.

А. А. Тюняев
г. Москва
ВЦ им. А. А. Дородницына РАН

ДИНАМИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ РУССКОЙ РАВНИНЫ ПО ДАННЫМ ОТДЕЛА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СВОДОВ И КАРТ ИСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН

В предыдущем своем докладе [*Тюняев, 2010а.* С. 242] мы впервые обратились к теме изучения динамики археологических памятников. Для анализа была выбрана Русская равнина – ввиду того, что по этой территории Отдел археологических сводов и карт ИА РАН выпустил многотомное научно-справочное издание «Археологическая карта России (по областям)» (далее – АКР). На сегодняшний день в ней хранятся паспорта на 42 тыс. памятников археологии из 66-ти регионов России.

В АКР памятникам по каждой области РФ посвящен отдельный выпуск. Каждый выпуск содержит в сжатой форме сведения о памятнике: его название, тип, местоположение, история обнаружения и исследования, характер и особенности, датировка и культурная принадлежность, основные находки, современное состояние, интерпретация, места хранения коллекций (для памятников, изучавшихся стационарными раскопками), литературные и архивные источники. Основные источники для написания книг серии АКР – публикации, архивные материалы, паспорта памятников.

Для полноты картины к исследованию привлечены также материалы II (XVIII) и III (XIX) ВАС, проведенных ИА РАН, а также другими научными учреждениями России, участвующими в этом научном изыскании. Почерпнутые из этих источников сведения о памятниках раннего – верхнего палеолита включены в итоговую таблицу. Это дополнение позволило точнее сформировать палеолитические пласты нашего исследования.

Распределение памятников не является равномерным. Во-первых, из 42 тыс. памятников, зарегистрированных в 66-ти регионах России [Археологическая карта России…, 1993–2005], более половины, а именно 57% (24090) памятников было обнаружено всего в 11-ти (17% от их общего числа) регионах Центральной России. Во-вторых, при средней общероссийской плотности 636 памятников на регион максимальная доля – 5700 памятников (14% от всех) находится в Тверской области Центрального района Европейской части России, то есть в центре Русской равнины.

По данным опубликованных источников [Археологическая карта России…, 1993–2005; Труды III (XIX), 2011] сформирована таблица 1. В ней представлены памятники, распределенные по областям РФ и по времени датировки памятника. Полученная таблица имеет несколько измерений: *1* – глубина по временной оси для каждого региона; *2* – дислокация каждого географического региона в реальном пространстве поверхности Земли; *3* – количество памятников в конкретную эпоху в конкретном регионе РФ.

Таблица 1

Археологические памятники Центральных областей России: распределение по хронологическим периодам

Область	Хронологическая периодизация									
	Ашель	Мустье	Верхний палеолит	Мезолит	Неолит	Бронза	Ранний железный век	Средневековье		
								Раннее	Развитое	Позднее
Брянская	0	10	22	29	132	221	252	63	363	18
Владимирская	0	0	5	57	176	67	37	62	286	149
Ивановская	0	0	0	19	108	40	24	9	144	173
Калужская	1	0	7	87	94	32	132	233	182	346
Костромская	0	0	0	57	235	63	35	31	102	71
Курская	1	1	16	5	59	315	446	279	213	142
Московская	2	1	12	173	371	171	329	276	895	1170
Орловская	0	0	2	1	16	28	106	38	74	93
Рязанская**	0	0	8	75	306	589	376	150	385	960
Смоленская	0	0	4	21	167	29	273	233	512	161
Тверская	0	0	5	390	950	157	244	382	414	319
Тульская	2	0	3	23	61	78	267	152	203	1164
Ярославская	0	0	3	180	690	194	220	308	470	182
Всего	6	12	87	1117	3365	1984	2741	2216	4243	4948

Анализируя табл. 1, прежде всего, отметим: за время, которое охвачено границами табл. 1, количество археологических памятников, приуроченных к Русской равнине, росло. Вместе с тем, в некоторых областях исследуемого региона РФ наблюдались локальные спады. Кроме этого, между областями исследуемого района данные о памятниках одного и того же периода сильно разнятся. Так, например, в мезолите Московской области отмечено 173 памятника, а в мезолите Курской – всего 5.

Различна динамика памятников не только по исследуемой площади, но и по периодам. Например, «проигрывая» в мезолите по количеству памятников Московской области в железном веке Курская область уже обогнала ее: 446 памятников против 329.

На рис. 1 представлены графики динамики памятников по областям. Очевидно, что развитие (а, следовательно, и заселение) регионов в разные времена шло разными темпами. Наиболее динамично развивающимся регионом в мезолите–неолите была Тверская область, но в бронзе и железном веке она заметно обезлюдела. С чем связаны эти процессы – разбираться нужно специалистам по этой области.

Аналогичная картина заселения и последующего спада количества памятников наблюдается в Ярославской, Рязанской и Московской областях. Сложная ситуация в Брянской, Владимирской, Ивановской и др. областях. Здесь высокой динамики не наблюдается, хотя, например, Владимирская область является привлекательным районом для заселения человеком.

Графическое изображение развития того или иного региона наглядно показывает, как заселялся регион и в какие сроки. Однако плоские графики не отражают полноты всей картины. Поэтому нами был разработан вариант объемных графиков (рис. 2), для создания которых та же самая статистическая информация была переработана следующим образом. «Подошва» каждого графика соответствует исследуемому географическому региону. Здесь цифры означают: по одной оси 51–58 ° с. ш., по другой оси 31–43° в. д.

Из рис. 2 видно, что заселение центра Русской равнины в мезолите происходило более активно в северной части территории (Тверская и Ярославская области). В направлении юга эта активность спадала. В средних широтах она падала примерно наполовину, а в южных широтах региона сходила практически к нулю. Такое расположение памятников, на наш взгляд, демонстрирует предпочтительность охотничьих угодий перед степными просторами. Что для мезолита естественно: не было скотоводства, не было земледелия, хозяйство было основано на охоте, рыбной ловле и собирательстве, то есть на «лесном» промысле.

В неолите ситуация несколько изменилась. Наблюдается высокая концентрация памятников (и населения) в Ярославской области. Наблюдается пиковое значение плотности, в десятки раз превосходящее среднее. Соседние с Ярославским регионы демонстрируют средне-высокие значения плотности археологических памятников. А в направлении юга эти значения падают опять практически до нуля. Некоторая активность отмечается в Курском регионе.

В эпоху бронзы ситуация меняется коренным образом: наиболее привлекательным для жизни выглядит Рязанский регион. В Ярославле количество памятников падает. В Москве тоже. Сильно уменьшается количество памятников на северо-западе региона. А вот на юге наблюдается огромный всплеск количества памятников, а следовательно, и численности населения. Практически аналогичная картина сохраняется в железном веке. В раннем средневековье южные регионы еще более выдаются вверх по количеству памятников, а в развитом средневековье центром всеобщей активности становится Москва.

Для объяснения ситуации, связанной с динамикой памятников в эпоху бронзы – развитом средневековье, обратимся к данным по Северному торговому пути. Его фрагменты – как по времени и территории, так и по ассортименту товара – были изучены разными авторами. Торговлей янтарем бронзового века в Центральных областях Руси и соседних с ней регионах занималась М. Гимбутас. В последние десятилетия эти данные были основательно пополнены новыми находками янтаря в центре Русской равнины.

Выявленные М. Гимбутас торговые «янтарные» связи бронзового века проходили через центр Руси, доходили до Камы и далее на восток, на западе доходили до Англии, на севере – до Скандинавии, на юге – до Микен. Наши собственные исследования [*Тюняев, 2010б*. С. 267–272; *2012*], в которых мы рассмотрели также движение нефрита и лазурита, подтвердили маршруты, выявленные М. Гимбутас [*Гимбутас, 2004*].

Эти торговые отношения как раз очень активно затрагивали Рязанскую область, в которой мы отметили всплеск количества памятников. В частности, в 2003 г. близ Старой Рязани на высоком холме у слияния двух рек – Оки и Прони – археологи обнаружили «святилище», которое следующая экспедиция (2005 г.) идентифицировала с пригоризонтной обсерваторией. Следует отметить, что таких обсерваторий бронзового времени как в западном, так и восточном направлении открыто несколько (восточные – Ахуново, Бакшай, Аркаим и др.).

В железном веке торговые пути продолжали действовать. Кроме названных товаров, на исследуемых территориях стали популярны «китайские» зеркала и шелк. Исследованием последнего занимался

Е. И. Лубо-Лесниченко: некоторые европейские образцы шелка железного века датированы на четыре века раньше, чем начал функционировать Великий шелковый путь. В том же железном веке Русь продолжала активно торговать со Средиземноморьем. Об интенсивности этой торговли, в частности, свидетельствуют находки монет [*Кропоткин, 1967*]. Количество кладов и отдельных находок увеличивается от Москвы, через Курск в направлении юга. То есть наблюдается та же динамика, которая выражена графиком плотности археологических памятников железного века (рис. 2).

Раннее средневековье на графике (рис. 2) предстает тремя отчетливыми «горбами» плотности памятников. Первый «горб» приурочен к району Ярославля. Второй – к Московскому региону. Третий – в Курскому. Произошло расслоение зон оседлости, однако существенного значения это, видимо, не имело, поскольку движение товаров препятствий не испытывало. Например, янтарные бусы обнаружены на северо-западе – в Старой Ладоге (IX в.), Новгороде (X–XII вв.), Полоцке, Пскове, Старой Руссе; на северо-востоке – в погребениях могильников Верхнего Прикамья (XI в.); на востоке региона – в Беловежском могильнике (X в.), а также в южном направлении – в могильнике Белой Вежи в Болгаре, кургане на Полтавщине, могильниках Крыма и Черноморского побережья Кавказа VIII–IX вв. и др.

Уверенные торговые связи с Византией отражались на количестве поселений в Курской области [*Тюняев, 2011*. С. 213–215]. Исследованиями шелка в раннем и развитом средневековье занималась М. В. Фехнер. Согласно ее данным, наибольшее количество находок археологического шелка X–XIII вв. относилось к Владимирской, Нижегородской, Ивановской, Тверской, Костромской, Московской, Рязанской, Ярославской областям. То есть к тому району, который на рис. 2 соответствует среднему и северному «горбам» увеличения плотности памятников [*Фехнер, 1982*].

Для раннего средневековья обширный материал для сравнения также дают карты распространения дирхемов. Эти монеты в VIII в. большей частью были распространены в Московском регионе и имели тенденцию к востоку – через Волжский путь на юг (восток) [*Кропоткин, 1967*. С. 104–125]. Обилие кладов этого времени и двух-трех последующих веков подтверждает и объясняет высокую плотность населения в Московском регионе и к востоку от него в раннем средневековье.

Выводы. Подводя итог изложенному материалу, отметим следующее.

1. Количественный анализ археологических памятников, элементы которого приведены в докладе, позволяет:

– сформировать свой, особый пласт новых данных, проливающих дополнительный свет на археологическую и историческую ситуации. Особенно это касается Центрального региона России, относительно которого бытует предубеждение о его бедности в контексте археологии, что противоречит реальному положению дел;

– увидеть многие неравномерности заселения обширного региона древним человеком, в частности, выявить территории, которые традиционно были густо заселены. Эти знания могут помочь оптимизации дальнейших усилий археологов;

– отчетливо обнаруживать также корреляции с данными интерпретаций, в том числе, с теорией Северных торговых путей. Действительно, маршруты торговых путей можно выявлять, и определяются они нами по точкам, которыми служат конкретные археологические находки. При этом такие находки, как правило, приурочены к памятникам, в связи с чем график количества памятников и график торгового пути, построенного по находкам, совпадают.

2. Наличие реальных археологических объектов, зафиксированных в реестрах и научных статьях и приуроченных к конкретным территориям, демонстрирует расселение человека по Русской равнине с глубокой древности до средневековья. Последнее, в свою очередь, показывает непрерывность такого заселения. В контексте с генетическими и антропологическими данными это объективно свидетельствует о том, что население исследуемого региона было автохтонным.

Литература

Археологическая карта России (по областям) – М.: Изд-во ИА РАН, 1993–2005.

Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря / Пер. с англ. С. Федорова; авт. предисл. Ф. С. Капица. – М.: Изд-во «Центрполиграф», 2004. – 222 с.

Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н. э. – М.: Наука, 1967. – 136 с.

Труды III (XIX) ВАС. Великий Новгород – Старая Русса / Отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. – СПб.; М.; Великий Новгород: Изд-во ИИМК РАН, 2011. – Т. I. – 424 с.

Тюняев А. А. Динамика памятников Русской равнины: количественный подход // Человек: его биологическая и социальная история: Тр. Междунар. конф., посвящ. 80-летию академика РАН В. П. Алексеева

(Четвертые Алексеевские чтения). – М.: Изд-во АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный институт», 2010а.

Тюняев А. А. Древние торговые пути русских земель (по комплексным данным археологии, антропологии, генетики и мифологии) // Мат-лы IX Санкт-Петербургских этнографич. чтений «Традиционное хозяйство в системе культуры этноса». – СПб.: Изд-во РЭМ, 2010б.

Тюняев А. А. Византино-древнерусские торговые связи // Российское византиноведение: традиции и перспективы. Тез. докл. XIX Всерос. науч. сессии византинистов. – М.: Изд-во МГУ, 2011.

Тюняев А. А. Скандинавский этап древних торговых путей. «Янтарный» путь, его маркеры, география и связи // Скандинавские чтения 2012. МАЭ им. Петра Великого РАН (Кунсткамера). – СПб.: Изд. МАЭ, 2012.

Фехнер М. В. Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе // СА. – М.: Изд-во АН СССР, 1982. – № 2. – С. 67–70.

Рис. 1. Динамика археологических памятников по центральным областям России

Рис. 2. Динамика археологических памятников по Центральному району России в период с мезолита по развитое средневековье

А. Б. Пермиловская
г. Архангельск
ИЭПС УрО РАН

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛАНДШАФТОВ РУССКОГО СЕВЕРА

В мировой практике *территория наследия* – это пространство, ограниченное географическими и этнографическими параметрами, где сохранились объекты историко-культурного наследия (ОИКН), не всегда верифицированные как таковые, сконцентрированные в силу многих причин и вопреки вмешательству техногенных сил в определенной степени изоляции. *Русский Север* сохранил именно такие специфические ареалы с определенными старинными артефактами и является *особой территорий наследия* [*Пермиловская, 2010*; *2013*].

«*Культурный ландшафт* – природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящий из характерных сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности» [*Веденин, Кулешова, 2004.* С. 15–16].

В качестве определения *исторического поселения и ландшафта* мы используем положения Федерального Закона РФ № 73 от 2002 г. «Об объектах культурного наследия». *Это – территория, в границах которой «расположены объекты культурного наследия: памятники, ансамбли, достопримечательные места, а также иные культурные ценности, созданные в прошлом, представляющие собой археологическую, историческую, архитектурную, градостроительную, эстетическую, научную или социально-культурную ценность, имеющие важное значение для сохранения самобытности народов РФ, их вклада в мировую цивилизацию*».

На Русском Севере до настоящего времени сохранились традиционные ландшафты и поселения, являющиеся объектами культурного наследия (ОКН). Автором на протяжении длительного времени были комплексно исследованы исторические ландшафты, где сохраняется культурный и природный ландшафт, архитектурная среда, культовые ансамбли, гражданская, хозяйственная, инженерная, торговая народная архитектура XVIII – начала XX вв., традиционная культура [*Пермиловская, 2010*; *2013*].

В качестве репрезентативного ОКН в данной статье представлено ***с. Черевково, Красноборского р-на, Архангельской обл.***, расположенное в бассейне р. Северной Двины. Поселение характеризует сохранившийся исторический этнокультурный ландшафт, памятники культовой, жилой и хозяйственно-торговой архитектуры XVIII–XX вв., наличие корпуса местных легенд о первых поселенцах, истории возникновения, происхождении названия, семантики этнонимов и топонимов, почитание местного святого – Петра Черевковского, бытование традиций старообрядчества.

По документам РГАДА Черевковская волость впервые упоминается в 1519 г.: «11 августа 1519 года писцы великого князя дали грамоту Михалю Кузьмину сыну Пинегину да Проне Елеину на Боровикову роспашь да Ильину Едому в Черевковской волости» [РГАДА. Троице-Гледенский монастырь. Оп. 1. Ф. 1187. Ч. 2. Ед. хр. 3237. Л. 1; *Щипин, 2008.* С. 15].

Черевково и деревни Черевковской волости расположены на протяжении 30 км на высоком берегу Северной Двины. От реки их отделяет широкий пойменный заливной луг шириной 2–4 км с многочисленными мелкими озерами.

Предание о происхождении названия *«Черевково»* гласит, что напротив высокого правого берега Северной Двины была возведена деревянная церковь. Для ее строительства использовался лес из поймы реки. Место, где рубили лес на постройку, получило название *Церковник.* Село стало называться *Черепково*, потому что бревна для церкви вывозили в село в конце зимы, *по «черепку»* (от слова – лед-черепок). Впоследствии название погоста переименовали в *Черевково* [*Пермиловская, 2010.* С. 87–99]. Другой более распространенный вариант названия происходит от слова *«черево»* – изгиб, излучина реки [*Подвысоцкий, 2009.* С. 545]. Третье предание связано с именем священника – местного святого Петра Черевковского, который принял в 1613 г. мученическую смерть за веру от *«шайки литовских воровских людей»* [*Пермиловская, 2010.* С. 87–88].

Первое комплексное описание Черевковской волости дает Писцовая книга 1626 г. писца Никиты Вышеславцева и подъячего Аггея Федорова» [РГАДА. Ф. 1209. Оп.1. Д. 507. Л. 47, об]. Данная территория значится как место торгово-купеческой жизни региона, где существовали традиции ежегодных ярмарок. На Двине в это время существо более 20 погостов и селений. *Погост* – административный и церковный центр волости, место сходов, судов, совершения сделок, торга, сбора податей. Черевковская волость Великоустюжского уезда объединяла в это время 193 деревни. Это были небольшие поселения от

1 до 9 дворов. В соответствии с Писцовой книгой 1626 г., на центральном Погосте проживали *«…пономарь Безсонко Федоров Чюбаров, трапезник Федка Васильев, просвирница Авдотьица. Да на погосте три кельи, а в них живут нищие старицы, питаюца от церкви Божией. Да нищей же старице Сундулее дано под келью местечко порозжее меж проскурницына двора и старицыных келий»*. В той же волости находился 31 «бобыльский двор» *(«дворец»)* [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 507. Л. 1]. *Бобыли* – это крестьяне, не имевшие земли. Они работали по найму или были ремесленниками, торговцами, лоцманами, кормщиками-рулевыми на реке. От крестьянских домов *дворцы* отличались меньшими размерами, отсутствием хозяйственных служб.

В XVII в. на Черевковском погосте стояла пятиглавая деревянная Никольская церковь с тремя приделами (сгорела в 1657 г.). Через 20 лет на этом месте была построена другая церковь – шатровая «о девяти главах» с приделами. Рядом – теплая церковь Афанасия Великого и Кирилла, колокольня с восемью колоколами. Около церкви находилось *старо кладбище.* В 1658 г. на погосте была построена деревянная часовня, посвященная местному святому Петру Черевковскому (рис. 4). Часовня – «клетского» типа – со временем обветшала и дважды реставрировалась: в 1859 и в 1991 гг. Это довольно просторное помещение «клетского типа». В настоящее время к основному помещению пристроен алтарь. Часовня имеет статус храма, где ведется богослужение. В алтарной части установлена рака Святого Петра Черевковского, но рака пуста. Захоронение находится в земле под полом, в этой части часовни. Сейчас в Черевкове, кроме часовни, сохранилась каменная Троицкая церковь (постройки 1727 г.) с двумя поздними приделами. Этот тип храма был распространен в г. Великом Устюге, с которым Черевковскую волость связывали прочные экономические отношения. В основе церкви – ярусная композиция типа «восьмерик на четверике», ведущая происхождение от деревянных храмов. При строительстве храма использовано 50 видов кирпичной кладки.

С. Черевково до 1930-х гг. оставалась главным оплотом старообрядчества в Сольвычегодском уезде. Носителями веры были «беспоповцы» филипповского толка, приверженцы наиболее строгого течения за те высокие требования, которые духовные наставники предъявляли к себе и к своей пастве. В Черевкове была жива память о массовых самосожжениях местных жителей в XVII–XVIII вв. В частности, в челобитной от 25 марта 1690 г., адресованной Государям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу, значилось: «*В Устюжском де уезде в Черевковской волости в доме Стенки Чайкина Марта в 25 день в третьем часу дня церковные раскольники сожглись сами мужеска и женска полу и младенцев – Черевковской волости – 183 человека*» [РГАДА. Ф. 163. Оп.1. Д. 11; *Щипин, 2008*. С. 28].

В 25 км от Черевково существовал «Завальский скит», который в течение 150 лет определял всю духовную жизнь старообрядцев-филипповцев Черевковковской и соседних волостей, а также Тотемского уезда. Скиты располагались в таежных дебрях и, как правило, тяготели к водоразделам рек, т. е. к наиболее труднодоступным местам. Скит представлял собой небольшую деревеньку, включавшую от одного до пяти дворов. Здесь ставилась часовня, в которой велись церковные службы. Со временем на некотором удалении от скита появлялись новые поселения старообрядцев. Скиты были религиозными центрами округи, ядром своеобразных старообрядческих приходов. Они были тесно связаны с окрестным крестьянством, жили его поддержкой, служили убежищем старообрядческих вождей во время карательных акций властей. Такой тип организации религиозной жизни, при котором крестьянским *миром* возводились монастыри, а крестьянская община, по сути дела, выступала в роли их *ктитора* (т. е. жертвователя средств на строительство храма, его попечителя и старосты), издавна существовал на Русском Севере [*Юшков, 1913.* С. 91–92].

В 1906–1907 гг. на речке Тядим (Тядима), левом притоке Северной Двины, возник своеобразный филиал «Завальского скита» – «Тядимский скит». На Тядиме старообрядцы имели *молельный дом* (в доме А. Н. Морозовой), рядом с которым располагались старообрядческие богадельня и кладбище. *Моленная (молельная)* – это большое здание с куполом и крестом. *Богадельня* же состояла из нескольких маленьких двухкомнатных домиков, в которых была одна небольшая комната, маленькая проходная кухня, небольшой сарайчик для дров и необходимого инвентаря. В кельях поселились монахи-филипповцы, а также определенное число немощных стариков и старух, которые находились на иждивении старообрядческой общины (т.е. здесь существовала старообрядческая богадельня). В доме А.Н. Морозовой работала старообрядческая школа [*Пономарев, 2002*. С. 109]. Богослужения проводились в домах наставников, которые часто и проводили службы. Помещения моленной имели один или несколько рядов икон, перед которыми устраивался вид *аналоя. Аналой* (по-гречески: подставка под книгу) – это высокий четырехгранный столик с наклонной доской для удобства чтения книг или прикладывания к иконам, положенным на него. На нем лежали старообрядческие книги и четки-лестовки, подвешенные около икон [Отчет о деятельности …, 1904. С. 7–8].

В XIX в. социальная дифференциация крестьянства была характерна для всего Русского Севера, и особенно для Подвинья с его активной экономической и торговой жизнью. В конце XIX в. на погосте с. Черевково было четыре ряда торговых лавок, принадлежавших разным торговцам. Часть их находилась на церковной земле и принадлежала церкви. Историко-экономическое развитие Черевково сформировало архитектуру этого торгового села.

Приведем описание Черевково, оставленное известным русским художником В. В. Верещагиным, который посетил эти места в конце XIX в.: «Вся Черевковская волость, очень зажиточная, вытянулась вдоль левого берега реки, имея село в середине. По праздникам бывает тут большое движение, торг, собирается много народа с этой и соседних волостей. В селе немало богатых крестьянских домов, разукрашенных вычурной манерою, до которой охотники все разбогатевшие лавочники и, к сожалению, большинство духовенства. Дом и лавка одного из здешних богачей особенно изобилуют такими украшениями; на беду ими же покрыта и недавно переделанная, большая, старая, очень интересная церковь, о которой я слышал еще в Москве – ревнители благолепия сломали древние украшения XVII века, заменивши их ярко раскрашенными, раззолоченными новыми; пробили новые окна затейливого вида и даже на диво толстый сосновый лес в трапезе церкви густо выкрасили белою масленою краской… Прихожане, между которыми много раскольников, пытались спасти старину, но причт настоял на своем и привел старую постройку «в порядок». Лавочник Пирогов – имя богача- радетеля» [*Верещагин, 1896.* С. 53–54].

Черевковский погост – центр торговли: среди сельских торжков уезда он занимал первое место. Двинские крестьяне не только поставляли продукты своего труда на местный рынок, но и покупали привозные товары: соль, треску, палтус, мед, пряники, а также орудия сельского труда, одежду, посуду. Богатые семьи приобретали заграничные товары: сукна «аглицкие», шелк, булавки, бисер, гребни слоновые. Мелкие товары по деревням разносили разносчики-*офени – «кузовники»* (пешие торговцы с кузовами). На ярмарках ходили шарманщики, гадальщики с попугаями, китайцы с игрушками, водили медвежонка на цепи.

Торговыми днями в Черевкове были воскресные и праздничные дни. 22 июля и 19 декабря проходили большие «торжки». Кроме торговли в лавках развертывалась торговля с возов. Крестьяне-кустари продавали гончарную посуду (горшки, чашки, кринки, корчаги), деревянные ушаты, шайки, бочонки, сани, а также грибы и ягоды. В воскресенье Великого поста с возов продавали гороховый кисель, горячие оладьи, жареную телятину. На торжке в июле проводился наем рабочих: *казаков, казачих, нянь.* В определенном месте устраивался *скотний базар*. В праздничные дни бойко торговали питейные заведения. В летнее время товары в Черевково завозились пароходами и баржами. Из Архангельска привозили соленую и сушеную морскую рыбу, из Устюга – промышленные товары, водку и вино. Зимой торговцы отправляли в Устюг большие обозы за товаром. В Черевкове жили и имели лавки несколько крупных торговых семей. Около 1894 г. А. И. Пироговым было построено первое в селе каменное торговое здание. На первом этаже находилась лавка для торговли «красным товаром» (мануфактурой).

В настоящее время Черевково сохранило облик торгово-крестьянского исторического поселения. Комплекс лавок, амбаров, складских помещений, построенных в традициях русского деревянного зодчества, как, например, амбар-лабаз, использовавшийся как лавка-склад, принадлежавший А. И. Пирогову (1916 г.). Это не лишенное изящества торговое здание в виде пропорционального четырехстенка с большими воротами на главном фасаде (рис. 2). Двухэтажная торговая постройка состоит из четырех отсеков, каждый из которых имеет дверь, закрывающуюся специальным прочным запором как изнутри, так и снаружи. На главном фасаде находится трехстворчатая дверь с фигурными жиковинами, которые объединены единым запорным механизмом. Дверь закрывалась сверху и снизу на два замка. Длина амбара – 20 м. На боковом фасаде – длинная двухэтажная галерея с точеными столбиками-*балясинами*, на нее выходят отдельные складские помещения. На главном фасаде второго этажа – контора приказчика. Особую красоту амбару придают великолепные резные, в стиле барокко, наличники окон первого и второго этажей и мезонина, окрашенные в белый цвет. Рядом находятся торговые ряды, принадлежавшие также А. И Пирогову (1906 г.). Они имеют четыре секции, в каждой из которых находились дверь, а также два окна со ставнями и прочной системой замков. Помещение использовалось как магазин (лавка), часть его сдавалась в аренду.

На окраине поселения сохранился амбар-*магазея*. Это большое солидное помещение для хранения зерна было построено черевковскими крестьянами в 1927 г. на общественные деньги. Два двухэтажных прямоугольных сруба поставлены рядом, перекрыты четырехскатной кровлей. Тип рубки – «в обло», нижние венцы сруба находятся на мощных камнях-валунах. Помещение имеет два отдельных входа, один из которых – вход-въезд. На боковом фасаде, на втором этаже – двери и окно со ставнями. По уровню второго этажа под кровлей по всему зданию устроены прямоугольные, вытянутые окна-продухи, напоминающие окна-бойницы. Амбар-магазея имеет четкие пропорциональные линии, отличается добротностью исполнения и хорошей сохранностью.

В 1896 г. на территории Черевковской волости было более 50 торговых заведений. На Становой горе насчитывалось 30 торговых лавок, 2 трактира, 3 винных и 1 пивная лавки. На Черевковском погосте было 20 торговых лавок. В Черевковской волости существовали хорошие традиции приготовления солонины. В 80-е гг. XIX в. центр мясосоления всей Вологодской губернии из Великого Устюга переместился в Черевково. Главными заготовителями мяса и поставщиками его на экспорт – в Англию, Голландию и Германию – были братья Михаил Семенович и Иван Семенович Гусевы. Они забивали в год до одной тысячи голов скота. Гусевы отправляли в Архангельск свои баржи с мясом, кожами и маслом, а в Черевково завозили морскую рыбу. Семейное дело развивалось быстро: за 6 лет (с 1901 по 1907 гг.) годовой оборот семьи вырос более чем в 2 раза – с 50 650 до 123 000 руб. В 1908 г. оба сына М. С. Гусева, которые ранее помогали отцу в должности приказчиков, уже владели собственными торговыми заведениями. «Богатые люди, крестьяне Гусевы, владеющие большим капиталом, но их дома не имеют задорных украшений, покрывающих хоромы Пирогова. Это высокие, длинные постройки, две трети которых заняты товарными складами, а остальная треть, в несколько этажей, комнатами. Последние выкрашены снаружи яркою зеленою краскою, «а внутри убраны так, что никаким городским не уступят». Гусевых несколько семейств …и у всех дома одного типа, одного размера; даже у всех жилые помещения выкрашены тою же зеленою краской, с белыми ставнями» [*Верещагин, 1896.* С. 54–55].

Черевково, как традиционное поселение, сохранило народную архитектуру Подвинья, отразившуюся в торгово-крестьянских домах и лавках. Значительный интерес представляют фамильные дома Гусевых – подлинные памятники деревянного зодчества. В конце XIX – начале XX в. семье принадлежало восемь домов, в настоящее время сохранилось только три постройки. Дом М. С. Гусева (1886 г.) стоит недалеко от дороги (д. Овсянниковская) и является своеобразной визитной карточкой Черевково (рис. 1; 3). Гусевы – пример большой торгово-крестьянской семьи. Михаил Семенович и Анна Федоровна имели четырех сыновей и двух дочерей. Родовой дом состоит из 14 жилых комнат на двух этажах. На главный фасад выходят 13 окон, на боковые фасады – по 24 окна. Первый этаж – пятистенок, второй – шестистенок с заулком. Обшивка дома имитирует кирпичную кладку. Подлинное великолепие представляет собой уникальная резьба главного фасада, декор крыльца. На главном фасаде – балкон полуовальной формы с шестью колонками. Они украшены рельефной резьбой растительного характера и поддерживают арочный балкон. Его верхняя лицевая часть имитирует резной балдахин с кистями. Над чердачным окном расположен полукруглый солнечный диск с расходящимися лучами. Особую ценность дому придает редкая по красоте резьба подбалконной плоскости, представляющая собой сложный растительно-вьющийся орнамент. Резьба сохранила окраску в красный и синий цвета. Великолепно выполнена резьба крыльца, расположенного с бокового фасада. Крыльцо прямоугольной формы с двумя окнами, внутри перекрыто двускатной арочной кровлей, которая украшена резными причелинами. Последние состоят из трех накладных досок, нижняя из которых напоминает резной балдахин с кистями. Резьба дома Гусева выполнена на высоком профессиональном уровне, в традициях резных деревянных барочных иконостасов Русского Севера. Судя по качеству исполнения и декору, она была выполнена церковными резчиками. Интерьер сеней – лестницы и двери – украшает геометрический резной орнамент, состоящий их ромбов и цветочные розеток.

Рядом с этим зданием находится дом брата И. С. Гусева. Это двухэтажный шестистенок с 14-ю окнами по главному фасаду. Оба дома, вероятно, построены одной плотницкой артелью. Подтверждение этому – обшивка**,** имитирующая кирпичную кладку, а также общие приемы декора: форма и резьба балкона с декорацией резным балдахином и кистями, наличники и причелины. Наружная решетка балкона кованая. Второй балкон выходит на задний фасад, где сохранились следы примыкания взвоза. Третий дом принадлежал двоюродному брату М. С. Гусева. В настоящее время это здание известно как «Дом Заборского». Дело в том, что когда первый хозяин умер, его жена вышла замуж за Заборского. Третье сооружение повторяет планировку родового дома, но значительно скромнее по декоративному решению. Остальные дома принадлежали братьям и сыновьям семьи Гусевых. Семья Гусевых повторила печальный путь многих крестьянских семей в России. В 1930 г. Гусевых раскулачили, лишили избирательных прав. Старших Гусевых выгнали из дома.

В собраниях Черевковского и Красноборского краеведческих музеев представлена традиционная культура Подвинья: расписная мебель, прялки, предметы интерьеров крестьянско-торговых домов.

На окраине с. Черевково, на берегу р. Лудонги, неподалеку от д. Мыс, сохранился ***памятник природы*** – кедровая роща XIX в. Это искусственная роща сибирского кедра (его ботаническое название – «сосна кедровая»), посаженная в 1883 г. крестьянином Ф. С. Мокеевым. До наших дней сохранились 40 этих могучих деревьев. Однако, несмотря на то, что роща находится под охраной государства, из-за вырубок она постоянно разрушается. В частности, по моим подсчетам, с 2005 по 2010 гг. в ней было утрачено 7 кедров.

С. Черевково – торгово-крестьянское историческое поселение Русского Севера, которое необходимо включить в список ОКН Архангельской области. В настоящее время на местной охране находятся только амбар-*магазея* (постройки 1927 г.), лабаз А. И. Пирогова (1916 г.), памятник природы кедровая роща (1883 г.). На федеральной охране – Троицкая каменная церковь (1727) и Петровская деревянная часовня (1658 г.). Тем не менее, этого явно недостаточно. В сохранении, с обязательной постановкой на муниципальную категорию охраны, нуждаются все сохранившиеся уникальные жилые дома семьи Гусевых – памятники гражданского зодчества XIX в.

Результаты исследования [*Пермиловская, 2010*; *2013*] позволяют сделать вывод о том, что с. Черевково, являясь значимым объектом историко-культурного и природного наследия Русского Севера,

способно приносить практическую пользу не только культурно-просветительного, но и экономического характера.

Для этого требуется:

- активное вовлечение местного населения в процессы сохранения и использования историко-культурного наследия своего села;
- предоставление приоритета местным жителям при создании рабочих мест;
- развитие системы самоуправления, а также формирование органов правопорядка и местной охраны, как условие цивилизованного туризма;
- продолжение системных научных исследований по оптимизации туристического потока.

Автор рассматривает традиционные поселения в качестве ресурса для социально-экономического развития региона, для возрождения сельских территорий, народной культуры, развития туризма, строительства объектов туристической инфраструктуры.

Это можно и необходимо осуществить без ущерба для историко-культурного наследия и памятников архитектуры. Развитие данного ресурса – возможность сформировать адекватную систему защиты традиционных поселений как ОКН, предложить пути их развития и освоения, вдохнуть жизнь в сельские территории, создать дополнительные рабочие места, увеличить ценность и значимость территории для ее жителей. Сельский туризм способствует развитию депрессивных территорий путем обеспечения дополнительных форм занятости, сокращения уровня миграции и естественной убыли населения.

Наследие Архангельской обл. в форме сельских поселений может и должно восприниматься как шанс и ключ для развития территории, духовный очаг в культурном пространстве региона. Включение понятия «наследие» в систему деятельности государственных, правовых и общественных структур означает смену парадигмы в отношении к прошлому, к исторической памяти, дает возможность говорить *не только о сохранении, но развитии и освоении культурного наследия региона*.

Историко-культурное наследие – это не только «раритет» и дополнительная забота местной администрации, а один из факторов, стимулирующих социально-экономическое развитие региона и – в ряде случаев – тот ресурс, который может определить его хозяйственную деятельность. С учетом этого наследие становится фундаментальным понятием, которое отражает жизненность многих аспектов современного общества и его надежды на будущее. Для долгосрочного развития села на основе использования историко-культурного наследия необходимо решить и социальные проблемы, в первую очередь связанные с естественной сменой поколений, поддержкой и развитием традиций, закреплением молодежи на селе. Исследование подтвердило низкую вероятность его саморазвития за счет только внутренних резервов. Требуется система охраны и программа развития уникальных исторических поселений и ландшафтов как объектов национального наследия *со стороны государственной власти* на уровне района, региона и нашей страны в целом.

Источники и литература

Веденин Ю. А., Кулешова М. Е. Понятие «культурный ландшафт» // Культурный ландшафт как объект наследия. – М.; СПб.: Типогр. «Дмитрий Буланин», 2004. – 617 с.
Верещагин В. В. По Северной Двине: по деревянным церквам. – М., 1896. – 121 с.
Отчет о деятельности Великоустюжкого православного Стефано-Прокопьевского братства за 1903–1904 г. // «Вологодские епархиальные ведомости» [газета]. – Вологда, 1904. – № 20. – С. 7–8.
Пермиловская А. Б. Русский Север как особая территория наследия. – Архангельск: ОАО «ИПП «Правда Севера»; Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2010. – 552 с.
Пермиловская А. Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН; Архангельск: ОАО «ИПП «Правда Севера»; Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; 2013. – 608 с.
Подвысоцкий А. О. Словарь областного Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – М.: Изд-во ОГИ, 2009. – 576 с.
Пономарев В. А. История Черевковской волости: краеведческие материалы. – Архангельск: Изд-во ПомГУ, 2002. – С. 109.
РГАДА. Троице-Гледенский монастырь. Оп. 1. Ф. 1187. Ч. 2. Ед. хр. 3237. Л. 1.
РГАДА. Ф. 1209. Оп.1. Д. 507. Л. 47, об.
РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 507. Л. 1.
РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 507. Л. 52, об.,53–54.
РГАДА. Ф. 163. Оп. 1. Д. 11.
Щипин В. И. История Черевковской волости. – Красноборск: Котласская типогр., 2008. – 235 с.
Юшков С. В. Очерки по истории приходской жизни на Севере России в XV–XVII вв. – СПб.: Типогр. М. А. Александрова, 1913. – 134 с.

Рис. 1. Дом М. С. Гусева (1886 г.). С. Черевково (д. Овсянниковская), Красноборский р-н, Архангельская обл.
Фото А. Б. Пермиловской. 2010 г.

Рис. 2. Амбар-лабаз А. И. Пирогова (1916 г.). С. Черевково (д. Погост), Красноборский р-н, Архангельская обл.
Фото А. Б. Пермиловской. 2010 г.

Рис. 3. План дома М.С. Гусева (1886 г.). С. Черевково (д. Овсянниковская), Красноборский р-н, Архангельская обл.
Научная информация А. Б. Пермиловской; обмеры Н. А. Подобиной. 2010 г.

Рис. 4. Часовня Святого Петра Черевковского (1632 г.). С. Черевково (д. Погост), Красноборский р-н, Архангельская обл.:
А – схема генплана (без масштаба); *Б* – план часовни.
Научная информация А. Б. Пермиловской; обмеры Н. А. Подобиной. 2010 г.

А. Л. Заика
г. Красноярск
КГПУ им. В. П. Астафьева

О ПРОЕКТЕ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ШАЛАБОЛИНСКАЯ ПИСАНИЦА»

Древнее искусство, а наскальная живопись в особенности, является одним из самых загадочных явлений в истории человечества. В Енисейском регионе на обширной территории от Эвенкии до Тувы встречаются многочисленные памятники древней наскальной живописи, разнообразные как по форме, так и по содержанию. В их числе: скульптурные изваяния Хакасско-Минусинской котловины, многофигурные панно речных утесов Енисея, Ангары, Тубы, Маны, росписи свода пещер и изображения на могильных плитах, поминальных камнях и прибрежных валунах.

Шалаболинский культовый комплекс: основные черты. Самым уникальным и значимым объектом древнего наскального творчества на территории Красноярского края является Шалаболинская писаница. И это не случайно.

Во-первых, памятник поражает своей масштабностью. Шалаболинские петроглифы расположены на правом берегу р. Тубы (правый приток р. Енисей) на высоком (до 200 м), крутом береговом скальном массиве, сложенным девонскими песчаниками, который имеет протяженность в северо-восточном направлении около 3 км. Береговые утесы начинаются в 0,6 км к ЮВ от д. Ильинка и заканчиваются выше по течению р. Тубы в устье р. Шушь, что в 5 км к ЮЗ от с. Шалаболино Курагинского р-на.

Во-вторых, данный памятник отличается от других высокой насыщенностью петроглифов и значительными пространственно-высотными их характеристиками. К настоящему времени насчитывается порядка 500 плоскостей с рисунками, которые встречаются на всем протяжении скального массива на различных высотах – от 1,5 м до 150 м – от августовского уреза воды.

В-третьих, Шалаболинские писаницы характеризуются разнообразием технических приемов исполнения изображений: минеральными красителями (охрой), черным красящим пигментом (битумная тушь), использованием выбивки, шлифовки, полировки, гравировки и др. Нередки случаи комбинирования техник при выполнении рисунка.

В-четвертых, Шалаболинские петроглифы, в отличие от других местонахождений, охватывают широкий временной диапазон: от эпохи камня (8–6 или, возможно, 12–9 тыс. л. н.) до нового времени (конец XIX – первая половина XX в.). На примере сюжетов наскального творчества ярко прослеживаются основные вехи местной, отечественной и мировой истории: послеледниковый период, неолитическая революция, волны индоарийской миграции, возникновение скотоводства и освоение металла, скифская культура, гуннская экспансия, Великое перенаселение народов, возникновение письменности, образование раннефеодального Хакасского государства, монгольское нашествие, миссионерская деятельность православной церкви среди местных сибирских народов, политическая ссылка XIX–XX вв. и др.

В-пятых, а скорее, в первую очередь, поражает разнообразие сюжетов и живописность образов. Это многофигурные панно с участием лосей, медведей, маралов, кабанов, диких быков и лошадей эпохи камня. Экзотичные «личины» фантастического облика и мифические чудовища периода ранней бронзы. Батальные сцены и скотоводческие сюжеты железного века. Резные рунические знаки и монгольские надписи эпохи средневековья. Тамговидные родовые автографы тубинцев и православные кресты нового времени и др.

В-шестых, привлекает содержательный аспект древних композиций. Иллюстрации древних мифологем каменного века с участием зооморфных объектов поклонения. Сложные мировоззренческие модели мироустройства зоо-антропоморфного вида периода ранней бронзы. Абстрагированная символика космических циклов, культ колеса в петроглифах эпохи металла. Культ коня и приоритеты военной идеологии в композициях железного века. Культ гор и родовых предков в эпоху средневековья. Идеи шаманизма сибирских народов и т. д.

Все это вместе взятое свидетельствуют о том, что *Шалаболинские петроглифы являются не просто древней художественной галереей, а древним и средневековым культовым комплексом*. Своего рода храмом под открытым небом: со своим алтарем и иконостасом в виде мифических сюжетов и древних объектов поклонения. Более того, учитывая факты нахождения на территории этого памятника человеческих захоронений в скальных нишах, можно говорить как о человеческих жертвоприношениях, так и своего рода архаичных формах церковного «погоста». Прилегающая к писанице территория, на которой зафиксированы как погребальные, так и поселенческие комплексы, подтверждают культовый статус памятника, имевшего популярность в течение длительного времени.

История изучения и современное состояние комплексного памятника. Необходимо отметить, что Шалаболинские петроглифы, в силу своей уникальности, имеют богатую историю изучения. Они привлекали различных исследователей, как минимум, с середины XIX в.). Первое упоминание о них принадлежит Минусинскому окружному начальнику, известному этнографу Н. А. Кострову, который и назвал данные петроглифы Шалаболинскими. Сообщения Н. А. Кострова впоследствии были опубликованы Г. И. Спасским, в то время дворянским заседателем Красноярского уездного суда [*Спасский, 1857*]. В конце XIX – начале XX в. наскальные рисунки изучались финской экспедицией под руководством И. Р. Аспелина, сибирскими исследователями А. В. Адриановым, Л. Ф. Титовым, И. Т. Савенковым, позже – Э. Р. Рыгдылоном, Р. В. Николаевым, столичными археологами А. А. Формозовым, Я. А. Шером и др. [*Дроздов, Заика, 2005*]. В 1970-х гг. писаница была обследована экспедицией КемГУ под руководством Б. Н. Пяткина [*Пяткин, 1980*; *Пяткин, Мартынов, 1985*]. В состав отряда входил красноярский художник В. Ф. Капелько, который разработал и опубликовал оригинальный метод копирования наскальных изображений на микалентную бумагу [*Капелько, 1986*]. С 2001 г. Шалаболинские петроглифы исследуются археологическим отрядом КГПУ им. В. П. Астафьева под руководством А. Л. Заики [*Заика, Дроздов, 2005*; *2008*; *Заика и др., 2006*; *2008*; *Гиря и др., 2012*].

Исследования последних лет показали, что петроглифы находятся в аварийном состоянии. Под воздействием естественных процессов эрозии плоскости с писаницами растрескиваются и осыпаются. Некоторые ранее существовавшие рисунки (к счастью, опубликованные) уже уничтожены. Нижние ярусы скалы с рисунками ежегодно разрушаются от паводковых вод, отчасти они погребены под осыпями скальных пород или мощными напластованиями наносного грунта. Крайний, наиболее доступный юго-восточный участок писаницы сильно пострадал от котлованов и осыпей технического происхождения, появившихся с целью выемки природного камня для строительных работ [*Заика, 2007*]. Более того, возросшая популярность объекта привлекает массу посетителей. В результате неконтролируемого туризма в большом количестве появляются современные надписи, причем на плоскостях с существующими композициями, поверх древних рисунков. В итоге нарушается не только эстетика древнего творчества, но страдают сами рисунки, разрушаются их силуэты, контуры и детали изображений. Впоследствии даже специалисту будет невозможно восстановить изначальную конфигурацию древних образов. Кроме того, вследствие активного антропогенного воздействия на петроглифы, применение современных методов абсолютного их датирования сводится к нулю [*Заика, 2010*].

Предложения по охране, музеефикации и популяризации комплекса. Соответственно, требуются неотложные меры по сохранению и музеефикации данного масштабного памятника древнего наскального творчества. В противном случае мы рискуем потерять для потомков уникальный комплексный объект историко-культурного наследия (ОИКН).

Шалаболинская писаница декларативно была поставлена на охрану как археологический памятник республиканского значения в 1976 г. Фактически работы по паспортизации писаницы и постановке ее на учет, как памятника истории и культуры федерального значения, были произведены в 2001 г. В связи с новыми требованиями, в 2010 г. на памятник, как «объект культурного наследия федерального значения, представляющего собой историко-культурную ценность» была составлена внушительная по объему учетная карта (8 с. текста, 260 л. ил.). С целью музеефикации Шалаболинской писаницы теперь необходимо поэтапно выполнить на формальном и фактическом уровне следующую процедуру, которая, к сожалению, может растянуться не на один год.

Провести мероприятия по выявлению, учету и принятию на государственную охрану объекта культурного наследия – достопримечательное место «Шалаболинская писаница».

Отнести данное достопримечательное место к историко-культурным заповедникам регионального (и федерального) значения.

Шалаболинская писаница и прилегающие к ней археологические объекты другого характера (могильники, стоянки) настоятельно требуют музеефикации с «заповедным» ограничением окружающей местности. С этой целью летом 2013 г. при поддержке Краевого фонда науки Красноярского края совместно со студентами кафедры музееведения исторического факультета КГПУ им. В. П. Астафьева были проведены работы по проекту музея-заповедника «Шалаболинская писаница» [*Заика и др., 2014*; *Дорохина и др., 2014*]. Во время натурных обследований окружающей местности участниками проекта, исходя из природно-ландшафтных характеристик местности, была определена территория проектируемого музея-заповедника. Границы планируемой территории Музея-заповедника «Шалаболинская писаница» охватывают правобережный участок р. Тубы, прилегающий к д. Ильинка Курагинского р-на Красноярского края. Юго-западная граница намечена по правому берегу р. Тубы: от верхнего оголовка о-ва Кожевня (на востоке) до устья протоки Инза (на западе). Северо-восточная граница проходит по широкой ложбине (Еремеев лог) – от устья р. Инзы (на юге) до подножия северного склона горы Гусеевской (на севере). Северо-восточная граница, примыкающая с севера к полям, проложена вдоль северного склона возвышенности: от горы Гусеевской (на западе) до правого берега р. Шушь, напротив с. Шалоболино (на востоке). Юго-восточная граница проходит вдоль р. Шушь и правого берега р. Тубы: от участка правого берега р. Шушь, напротив с. Шалаболино (на севере) до верхнего оголовка острова Кожевня (на юге) (рис. 1).

На территории планируемого заповедника выявлены следующие ОИКН: 24 известные стоянки и поселения эпох палеолита, неолита, бронзы, раннего железного века и средневековья. Курганные могильники Усть-Шушь – 1–4, одиночные курганы – 1, 2; курганные могильники Ильинка–1, 2. Новые объекты: Курганный могильник раннего железного века («могильное поле» размерами 1000×200–400 м) на горе Березовая; грунтовые средневековые захоронения на вершине горы Ильинской; средневековое городище на вершине горы Сыпучей и др. Проведена картография данных археологических объектов (рис. 1).

На наш взгляд, также перспективно включение в состав заповедника *филиалов-кластеров* с охраняемой территорией (курганные могильники, стоянки, поселения, писаницы Георгиевская, Ильинская), которые находятся в радиусе 10 км.

На проектируемой территории музея-заповедника «Шалаболинская писаница» планируется проложить сеть маршрутов: автомобильных, водных, пешеходных и конных (верхом на лошадях, на гужевом транспорте). Их траектория ориентирована на местные достопримечательности и археологические объекты.

На маршрутах предполагается наличие мест для отдыха, временных стоянок для транспортных средств и пунктов питания. Визит-центр (*Reception*), экспозиционный (музейный) зал, долговременная стоянка для транспортных средств, стационарные пункты питания, гостиничные номера предполагается разместить в д. Ильинка и ее окрестностях. Палаточный туристический лагерь и юртовый жилой комплекс удобнее разместить на северной оконечности о-ва Кожевня, вдоль правого берега р. Тубы. Полевой лагерь для проведения научно-исследовательских работ будет находиться на традиционном месте проведения археологических экспедиций – в 300 м севернее западной оконечности Шалаболинской писаницы. В восточной части о-ва Кожевня предполагается создать постоянный музейный объект – реконструированное стойбище аборигенного населения Южной Сибири. В северной оконечности д. Ильинка будет находиться этнографический комплекс «Сибирская деревня» (рис. 2).

Заповедный статус территории, музейная сохранность ее объектов, квалифицированная экскурсионная деятельность, контролируемый специалистами туризм, а также регламентированная научно-исследовательская деятельность могут быть гарантированы только при создании соответствующего официального учреждения культуры со штатом профессиональных работников. В роли такового должен выступить историко-культурный заповедник «Шалаболинская писаница». Только при его наличии, сотрудники которого обеспечат контроль над охраняемой территорией, может быть результативным комплекс противоаварийных, консервационных и реставрационных работ на Шалаболинских петроглифах. Соответственно, необходимо также организовать (на основе созданного историко-культурного заповедника) краевое учреждение культуры – Археолого-этнографический музей «Шалаболинская писаница».

Учитывая, что музей должен функционировать круглый год, ему необходимо отапливаемое просторное и удобное для работы помещение. Оптимальный вариант – использовать с этой целью имеющееся каменное здание клуба в д. Ильинка, расположенное на перекрестке центральной улицы и единственной дороги в сторону писаницы (музея-заповедника).

Планировка этого здания позволяет разместить на широкой площади (зрительный зал) напольное экспозиционное оборудование и настенные выставочные материалы, в частности, широкие панно с копиями наскальных рисунков Шалаболинской писаницы;

- широкий экран и кинобудка предполагают продуктивное транслирование кино-, видео- и слайд-фильмов, использование мультимедийных технологий;
- сцена клуба подходит для лекционного вещания, театрализованных действий реконструктивного характера, выступления творческих коллективов;
- подсобные помещения удобны для хранения экспонатов и оборудования, организации научных кабинетов, а также для приема гостей и размещения их на временный отдых.

Кроме того, прилегающая к клубу парковая зона в летний период может использоваться для экспозиционно-выставочной деятельности, проведения больших культурно-массовых мероприятий: праздников, фестивалей народного творчества, выступления фольклорных ансамблей и др. В музейно-экскурсионную зону может быть включена вся территория д. Ильинка и с. Шалаболино, в которых сохранились традиционные постройки, промыслы, этнографические материалы и народный сибирский фольклор русских переселенцев XIX – начала XX в.

В перспективе предполагается сооружение более комфортабельного здания (визит-центр), которое бы включало офис музея-заповедника, экспозиционную площадь, научно-исследовательский и учебный комплекс. Важным направлением работы этого «визит-центра» будет обеспечение на высоком уровне научно-исследовательских работ, связанных с изучением, консервацией и реставрацией памятников наскального искусства, сохранения природной и историко-культурной территории заповедника специалистами различных направлений. Более того, для посетителей предлагаемый визит-центр, в отличие от традиционных природных и заповедных территорий, будет представлять собой своеобразный *социальный институт* – место встреч и общения, проведения семинаров, научных конференций, реализации обучающих программ, практических занятий для студентов вузов, проведения досуга.

Успешное решение проблемы организации историко-культурного заповедника и археолого-этнографического музея «Шалаболинская писаница» позволит решить насущные задачи научного, образовательного, воспитательного, просветительского характера.

Более того, активное вовлечение в работу музея местного населения (возрождение народных промыслов, рейнджерская деятельность, гостиничные и другие бытовые услуги, обеспечение продовольственными продуктами крестьянского хозяйства, прогулочные мероприятия на традиционных видах транспорта и многое другое) поможет решить актуальные задачи современности социального характера: возрождение российской «глубинки», сибирской деревни, занятости населения, возвращение молодежи в село.

Соответственно, создание музея-заповедника «Шалаболинская писаница», несомненно, поднимет престиж Приенисейской Сибири не только на общероссийском, но и международном уровне, создаст определенные условия для решения ряда задач социального, экономического и культурного развития региона.

Литература

Гиря Е. Ю., Дроздов Н. И., Дэвлет Е. Г., Макулов В. И. Шалаболинская писаница: опыт трасологического исследования // Вест. КГПУ. – Красноярск: Изд-во КГПУ, 2012. – № 1. – С. 308–331.

Дроздов Н. И., Заика А. Л. История исследования Шалаболинской писаницы // Мир наскального искусства: Сб. докл. Международ. конф. / Под ред. Е. Г. Дэвлет. – М.: Изд-во ИА РАН, 2005. – С. 72–74.

Дорохина А. А., Ануфриева Е. И., Пахомова Т. А. Проект музея-заповедника «Шалаболинская писаница»: Результаты исследования петроглифов на озере Тус // Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии: Тез. докл. LIV Регион. (X Всерос. с междунар. участием) археолого-этнографич. конференции – Красноярск: Изд-во СФУ, 2014. – С. 254–257.

Заика А. Л. Петроглифы из-под руин. Шалаболинская писаница // ЕП: Альманах. – Красноярск: Изд-во КГПУ, 2007. – Вып. 3. – С. 24–38.

Заика А. Л. Шалаболинская писаница (общая характеристика, современное состояние изученности, перспективы музеефикации памятника) // The Journal of Korean Petroglyph. – Seoul, 2010. – Vol. 13. – P. 65–84 (на рус. и корейском яз.). (5)

Заика А. Л., Дроздов Н. И. Шалаболинская писаница (результаты исследования 2001–2004 годов) // Мир наскального искусства: Сб. докл. Междунар. конф. / Под ред. Е. Г. Дэвлет. – М.: Изд-во ИА РАН, 2005. – С. 111–115.

Заика А. Л., Дроздов Н. И., Березовский А. П. Результаты исследования Шалаболинской писаницы в 2005–2006 годах // ПАЭАССТ (Мат-лы Годовой сессии ИАЭт СО РАН. 2006 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2006. – Т. XII. – Ч. I. – С. 331–335.

Заика А. Л., Березовский А. П., Матвеев В. Е., Техтереков А. С. Результаты исследований Шалаболинской писаницы в 2007 г. // МКЧ. – Красноярск: РИО КГПУ, 2008. – Вып. V. – С. 46–51.

Заика А. Л., Дроздов Н. И. Новые петроглифы Шалаболинской писаницы // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. – М.: Изд-во ИА РАН, 2008. – Т. III. – С. 28–30.

Заика А. Л., Дорохина А. А., Кочкина Е. И., Пахомова Т. А., Ануфриева Е. И. Шалаболинская писаница (вопросы музеефикации) // Вест. КГПУ. – Красноярск: Изд-во КГПУ, 2014. – № 1 (27). – С. 184–187.

Капелько В. Ф. Эстампажный метод копирования петроглифов // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, СО, 1986. – С. 105–111.

Пяткин Б. Н. Ранние петроглифы Шалаболинских скал // АЮС. – Кемерово, 1980. – № 11. – С. 27–44.

Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1985. – 192 с.

Спасский Г. П. О достопримечательных памятниках сибирских древностей // ЗВОРАО. – Красноярск, 1857. – Кн. XIII. – С. 153.

Шалоболино
Притубинский
Тесь
Курганчики
Пионерлаг Солнечный
Пионерлаг
Верхний
Ильинка
Усть-Шушь
Березовый
Ярок-Березовый
Большой
Малый
Ярок-Шалоболинский
Ниж. Шушь
Ниж. Ильинка
Ур. Степь
Ур. Холодный Ключ
Ур. Сосновый
Ур. Березовая
Ур. Ильинка
Ур. Ниж. Ильинка
Ур. Ниж. Шушь
Ур. Ниж. Ильинка
Ур. Ниж. Шушь
Ур. Ниж. Ильинка
Ур. Ниж. Шушь

Л. В. Татаурова
г. Омск
ОФ ИАЭТ СО РАН

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ГРАНИЦАХ СОВРЕМЕННОГО НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА (НА ПРИМЕРЕ ТАКМЫКСКОГО ОСТРОГА)

Такмыкские слобода и острог в истории Сибири. Заселение Сибири в XVII в. началось со строительства острогов и городов, а затем – сельской структуры вокруг них. Выбор места населенного пункта был обусловлен, прежде всего, военно-стратегической необходимостью (для городов) и удобными природными угодьями (для сел и деревень). Эти критерии, во многом, повлияли и на дальнейшую судьбу многих населенных пунктов. В частности, когда с изменением политической ситуации укрепленные городки из столичных превращались в провинциальные, теряли свой статус и значение. Так произошло и с Такмыкским острогом.

До начала строительства Омской крепости самым южным русским поселением в Западной Сибири была Татмыцкая (Такмыкская) слобода, основанная в 1682 г. Первые сведения о ней содержатся в Дозорной книге 1701 г., являющейся одним из самых ранних источников по истории Сибири. Этот документ был составлен по указу царя Петра московским дворянином Иваном Родионовичем Качановым и представляет собой перепись мужского населения города Тары и окрестных деревень. О Такмыке в ней говорится следующее: «… Слобода Такмыкская Шипицына та ж над рекою Иртышем на горе, от города Тары во шестидесяти верстах. В слободе острог забран в столбы. В остроге церковь деревянная … во имя Преображения Господня со всякою церковною утварью. В остроге ж два государева амбара … с пороховою казною да с хлебными запасами, да двор приказчичий…» [*Кабакова, 2012*]. В остроге башня угловая да башня глухая. А около дворов вал земляной да ров с надолбы. Да от слободы в четырех верстах в степи отъезжий караул на речке Бызовке…» [*Брычков, 2008*]. Подробно описывает Дозорная книга местоположение слободы, называет дату начала ее постройки – «…заведена строить … с 190 (1682) года…» [*Кабакова, 2012*], а также указывает имя «заводчика» слободы – Митка Шипицын. Всего в документе за 1701 г. перечислено 151 семейство, включавших ружников, беломестных казаков, пашенных крестьян, вновь приверстанных в крестьяне из беломестных казаков, пушкарей, затинщиков и пр., вновь приверстанных в бобыли из беломестных казаков и захребетников. На долю беломестных казаков приходилось наибольшее количество жителей Такмыкской слободы – 94 семейства (62%). В то время как крестьян было только 45 (30%) семей, а бобылей – 9 семей (6%).

Гарнизон (около сотни человек) был сформирован из тарских беломестных казаков, служивших с пашни без жалования: семьи Ложниковых, Калашниковых, Решетниковых, Кубриных и др.

Кочевавшие на верхнем Иртыше калмыки делали частые набеги на русские владения, грабили и захватывали в плен встречавшихся им в лесостепи татар-звероловов и русских крестьян [*Колесников, 1964*]. В 1693 г. кочевники напали на Такмыкскую слободу. Взять они ее не смогли, но от начавшегося тогда пожара сгорели некоторые строения. В 1695–1696 гг. татмыцкие казаки защищали от барабинских татар и Бергамацкую слободу [*Брычков, 2008*].

В начале XVIII в. слобода пополнилась переселенцами из Устюга, Поморья, Москвы, Арзамаса. Пленные и купленные у Ямышева озера калмыки поначалу служили дворовыми людьми у зажиточных казаков. Затем они постепенно были переведены в крестьянское сословие. Развивающееся в крае земледелие нуждалось в черноземных землях лесостепи. Тем не менее, из-за постоянной угрозы со стороны степняков эти пространства оставались недоступными для пришельцев-хлебопашцев. Только после возведения Иртышской и Новой линии военных укреплений открылась возможность для заселения лесостепи. В 1716 г. была основана Омская крепость.

Для связи Омской крепости с Тарой и Тобольском по правому берегу Иртыша была проложена сухопутная дорога, на ней основаны деревни Пустынная, Качесова, Карташова и др. Деревни и слободы обносились заплотами, рвами и надолбами [*Колесников, 1964*]. С 1740 г. в дополнение к укрепленным деревням начинается строительство форпостов по левому берегу Иртыша – Воровского, Бетеинского, Кушайлинского, Инберенского, Большереченского и др. Иртышская военная линия продолжена вниз по Иртышу – до Татмыцкой слободы.

Со временем значение Такмыцкого острога, как пограничного военного пункта, было утрачено. Острог был срыт, а слободская его часть разрослась, заняв удобный высокий иртышский берег к северу, западу и югу от бывшего острога. На месте острожной церкви Преображения Господня в 1868 г. построили новую,

кирпичную. Таким образом, вместо стратегического военного пункта появилось большое село, которое – с постройкой Московско-Сибирского тракта – стало играть значимую экономическую роль [*Демешко, Матвеев, 2014*].

Село существует и сегодня, являясь административным центром муниципального образования «сельское поселение Такмыкское».

Современное состояние и история изучения остатков Такмыкского острога. В 2012 г. омский предприниматель и краевед В. Е. Щипицин, а также глава администрации Такмыкского сельского поселения Ю. В. Петров, выступили с инициативой археологического изучения территории Такмыкского острога, входящей в планиграфию современного села. Конечными целями работ были:

- постановка данного памятника истории и культуры на государственный учет – в органах по охране историко-культурного наследия (ИКН) Омской обл.;
- выявления фундамента церкви Преображения Господня и построение графической модели историко-археологического комплекса (ИАК);
- перспективной целью инициаторов проведения исследований была идея строительства на территории памятника модели острога XVII в. для использования ее в целях развития туризма.

Для решения первой задачи исследования проведены в 2012 г. аспиранткой ОФ ИАЭТ СО РАН И. Д. Кромм [*2013*] с участием Л.В. Татауровой, для решения второй – в 2013 г. – автором данной статьи.

Главными сложностями археологического изучения территории памятника было:

- ее многочисленное разновременное использование после прекращения существования острога;
- располагавшееся некогда здесь церковное кладбище, которое функционировало, примерно, до 80- х – 90-х гг. XIX в.

Сам же Такмыкский острог занимал часть высокого (около 15 м) мысовидного выступа коренной террасы, ограниченного со всех сторон, кроме западной, поймой Иртыша.

Территория острога была ограничена с севера и юга спусками к Иртышу. Следов фортификационных сооружений – рвов, валов, остатков башен и ворот – на сегодняшний день на обследованной территории не зафиксировано. С запада мыс ограничен дорогой, которая сегодня идет по улице. Ранее она, возможно, проходила за пределами острога, переходя в северный и южный спуски.

На мысу, к востоку от дороги, прослеживаются остатки строений советского периода – цементные фундаменты, груды кирпича и части бетонных стен. Самое большое сооружение находилось в юго-восточной части памятника – у южного спуска. По информации местных жителей, это строение являлось сельским клубом, возведенным на бетонном фундаменте в 1974 г., во время комсомольских субботников, взамен разрушенного деревянного клуба, располагавшегося в здании бывшей церкви.

По свидетельству местного краеведа Р. А. Левкиной, в ходе сооружения котлована для фундамента клуба в большом количестве выкапывали человеческие кости и черепа. Впрочем, построенный клуб вскоре тоже был разрушен, а стены разобрали на кирпичи. Для местных детей это был своего рода «бизнес»: им давали по 2 копейки за кирпич.

На южной окраине мыса, за клубом, находилось еще одно здание, представлявшее собой большой деревянный дом. До 1924 г. в нем размещалось волостного правление, после 1924 г. – восьмилетняя школа. Здание полностью разрушено. На поверхности остатки его сейчас не видны. Близ этого места, на южном склоне мыса, по свидетельству Р. А. Левкиной, местные дети находили монеты XVIII в.

В северной части мыса, напротив магазина «Пайщик», зафиксированы следы кирпичного сооружения. В конце XIX – начале XX в. здесь находилась «молоканка» купца Дудикова. После революции в здании был обувной магазин со складами позади него, потом еще какой-то магазин, а затем здание тоже разрушили.

В центральной части мыса, ближе к его восточному краю, установлен памятник воинам-землякам, участникам Великой Отечественной войны. Ближе к дороге, на месте предполагаемой церкви, в 2007 г. был поставлен памятный крест.

Со стороны деревни в северо-западном направлении территория мыса ограничивается проезжей дорогой, на другой стороне которой расположен вышеупомянутый магазин «Пайщик» и жилые дома.

С севера и юга мыс ограничен двумя спусками. Северный, современный, спуск (или «взвоз») на сейчас имеет ширину около 3 м. Более ранний южный спуск представляет собой пешеходную тропинку шириной около 1 м. По нему когда-то проходила дорога. Сегодня он известен как «цыганский», так как внизу спуска был дом цыгана, занимавшегося кузнечным ремеслом.

Исходя из современного состояния памятника, решить поставленные задачи было достаточно сложно в силу того, что масштабных раскопок на памятнике проводить не предполагалось по нескольким причинам:

- из-за очень большой площади мыса;
- из-за сильной разрушенности памятника остатками современных и поздних строений;
- из-за обширного погребального комплекса (он занимает более половины территории мыса);
- по причине отсутствия должного финансирования на охранно-спасательные работы.

Поставленные задачи стало возможным решить тремя другими способами:

- с помощь этнографических данных о месте расположения церкви и кладбища;
- методом георадарных исследований предполагаемой территории острога и церкви;
- закладкой разведочных археологических шурфов.

Археологические исследования по выявленным остаткам фундамента позволили локализовать местоположение церкви Преображения Господня. Она располагалась к югу от поставленного памятного креста. В дополнение к данным археологии были использованы результаты георадарных исследований.

Строительство церкви Преображения Господня было начато в 1868 г. Причем на месте первой церкви, построенной в остроге, так как к середине XIX в. острог давно утратил свое значение, а деревянная церковь, вероятно, стала ветхой и не отвечала требованиям времени. Место расположения острожной церкви и окружающая территория позволяли возвести здесь новый просторный храм. Этому способствовало и географическое положение мыса – он ориентирован по сторонам света.

Здание было ориентировано по сторонам света. Вход на колокольню находился с северной стороны, а вход в церковь – с западной, ибо по христианским канонам алтарь всегда находится у восточной стены.

По своему прямому назначению церковь использовали до 1938 г. После этого колокола с нее сняли, а церковь закрыли. Еще 10 лет она стояла с куполами, потом их также убрали.

После закрытия церкви в ее помещении разместили сельский клуб. При этом здание было частично перестроено: убран второй этаж, добавлено помещение у входа в церковь, которое служило кинобудкой, для всего здания сооружена общая четырехскатная крыша. Клуб просуществовал в этом здании до середины 1970-х гг., затем его тоже разрушили.

Задача поиска границ фундамента церкви сильно упрощалась тем, что его фрагменты прослеживались на поверхности. Это было ориентиром для закладки двух археологических шурфов. Благодаря этому, георадарограммы распределения аномалий строить не потребовалось. Оказалось достаточным – по аналогичным изменениям сигнала при переходе среды «фундамент-грунт» – зафиксировать его границы. Это позволило составить схему фундамента в масштабе 1:100 см[1]. Учитывая наличие точных координат реперов, это дало возможность точно привязать фундамент церкви к геодезической схеме памятника. В итоге графическая реконструкция фундамента церкви 1868 г. была сделана по сохранившимся фотографиям и результатам археологических и георадарных исследований (рис. 1).

Локализовать положение острога, построенного в 1682 г., по данным археологическим исследований оказалось сложнее. Единственным репером для нас стали остатки деревянного сооружения, угол которого был обнаружен в шурфе № 2 под кирпичным фундаментом церкви 1868 г. Это строение мы связали с остатками деревянной острожной церкви. Согласно письменным источникам, церковь находилась внутри острога. Изучение рельефа местности и георадарные исследования позволили уточнить эти сведения.

Задача обнаружения следов острога с помощью георадара была сильно осложнена большим количеством поздних перестроек, что обусловило сильные искажения на георадарограммах. Для обнаружения остатков рва и частокола Такмыкского острога нами было построено несколько георадарограмм (с шагом 50 см). Параллельно изучалась стратиграфия слоев, зафиксированная в археологических шурфах. Обнаруженные системные аномалии, совпадающие по ожидаемой глубине и расположенные на одной прямой, позволили сделать предположение о местоположении рва и вала острога. Для выполнения графической реконструкции мы воспользовались сведениями, полученными из письменных источников.

По данным исторических источников известно, что в «слободе острог забран в столбы», то есть имел тын (частокол или деревянную ограду). Кроме того, «у острога – башня угловая проездная, да башня глухая» [РГАДА. Ф 214. Оп. 1. Д. 1182]. В связи с тем, что остроги в Сибири строили по «типовым» планам, то эти башни могли располагаться и выглядеть, как показано на рис. 1.

К сожалению, установить точные размеры острога и его планиграфию пока невозможно: из-за многократного использования территории мыса под более позднее строительство. По этой причине в нашей реконструкции мы использовали характерные черты острогов, выявленных при исследовании других сибирских «городков» – Умревинского, Илимского и т. д. (рис. 1). Примерная площадь самого острога установлена на основании данных о численности местного гарнизона.

[1] Георадарные исследования выполнены к. т. н. САДА г. Омска П. В. Орловым, данные расшифрованы к. г.-м. н. Санкт-Петербургского Горного университета С. М. Данильевым. Автор выражает благодарность исследователям.

Итог. Таким образом, археологические и георадарные исследования позволили установить следующее.

Первое: по найденным остаткам фундамента удалось локализовать местоположение церкви Преображения Господня, построенной на месте острожной церкви в 1868 г. Она располагалась к югу от современного памятного креста. На основе этих данных, этнографических материалов и по сохранившимся фотографиям была сделана графическая реконструкция фундамента церкви 1868 г.

Второе: определено местонахождение острога, построенного в 1682 г. Репером стали остатки деревянного сооружения, угол которого был обнаружен в шурфе № 2 под кирпичным фундаментом церкви 1868 г. Георадарные исследования дополнили археологические сведения. Размеры и планиграфия острога смоделирована на основании характерных черт других сибирских острогов.

Источники и литература

Брычков П. На реке Большой [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.bk55.ru/magazine/archive/2008/97/9094/print.

Демешко В. Н., Матвеев А. В. Поиск маршрутов Московско-Сибирского тракта XVIII–XX вв. на территории Омского Прииртышья экспедицией Омского отделения РГО в 2013 г. // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск; Тюмень, 2014. – В печати.

Кабакова Н. В. Жители Такмыцкой слободы Тарского уезда Тобольской губернии: XVIII век // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. – Омск: Изд-во ИД «Наука», 2012. – Ч. II. – С. 94–99.

Колесников А. Д. Заселение русскими лесостепи Прииртышья в XVIII в. // Изв. Омского отд. ГО СССР. – М., 1964. – Вып. 6 (13) – С. 67–68.

Кромм И. Д. Отчет об археологической разведке на территории Большереченского и Тарского районов Омской области в 2012 году. – Омск, 2013. – Архив МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII–1. Д. 38–1 – 115 с.

РГАДА. Ф 214. Оп. 1. Д. 1182.

Рис. 1. Топографический план памятника с возможным видом башен и церкви Преображения Господня в Такмыкском остроге 1682 г.
Реконструкция автора

К. Г. Карачаров
г. Екатеринбург
Индивидуальный предпринимател

СПАСАТЕЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЛЕВЫЕ РАБОТЫ КАК ВАРИАНТ «ЧЕРНОЙ АРХЕОЛОГИИ»[1]

Объекты археологического наследия: проблемы их сохранения и изучения. Понятия «черная археология» и «черные копатели» вошли в обиход в связи с небывалым развитием в последние годы незаконного извлечения артефактов из археологических памятников, как правило, с применением металлоискателей и иных современных технических средств. Урон, наносимый объектам археологического наследия (ОАН) и историко-культурного наследия (ОИКН) от этой деятельности огромен. Дело в том, что в результате таких действий утрачиваются не только ценные предметы, но и происходит разрушение памятников как совокупности археологических источников и научных фактов.

Вместе с тем, следует признать, что нередко и законные работы, то есть выполняемые на основании Открытого листа, официально выданного государственными органами тому или иному профессиональному археологу, приводят к тем же результатам, что и деятельность «черных копателей». Чаще всего это касается спасательных археологических полевых работ, объем которых также значительно вырос в последнее время. Именно в процессе выполнения этих «спасательных мероприятий» наиболее заметно проявляются тенденции, характерные для «черной археологии»:

- удовлетворение, прежде всего, своих личных, узконаправленных, познавательных интересов с полным или частичным игнорированием всего остального, в особенности, интересов сохранения ОКН как целостного явления;
- превалирование корыстных интересов;
- дилетантский уровень проведения работ;
- презумпция собственной непогрешимости.

Спасательные полевые археологические работы в России признаются единственным способом сохранения ОАН при условии невозможности обеспечения его физической сохранности [Закон 73-ФЗ. Ст. 40. П. 2]. В большинстве случаев спасательные полевые археологические работы подразумевают проведение археологических раскопок, цель которых определена действующим Законодательством как изучение и сохранение объектов археологического наследия [Федеральный закон… Ст. 45.1. П. 7. ПП. 2].

К сожалению, действующая нормативно-правовая база, в числе прочего, не определяет: 1) что же именно сохраняется при проведении раскопок, которые сами по себе приводят к физическому уничтожению археологического памятника; 2) что становится предметом охраны после «сохранения» археологического объекта «посредством земляных и связанных с ними работ».

Специфика спасательных археологических полевых работ такова, что не исследователь определяет объект своего исследования, сообразуясь со своими научными интересами. Объект исследования определяется потребностью провести ту или иную хозяйственную деятельность на конкретной территории. Видимо, именно отсутствие заинтересованности в научных результатах полевых исследований приводит к снижению качества их проведения, по сравнению с работами в рамках «научных интересов» и научных программ.

При анализе отчетов и публикаций по результатам проведенных спасательных археологических исследований на севере Западной Сибири, а также в беседах с выполнявшими их археологами, мной был установлен целый ряд негативных явлений. Приведу только некоторые из них.

- в процессе охранно-спасательных полевых работ зачастую допускалось снижение качества их проведения, особенно на частично разрушенных или поврежденных ОАН;
- раскапывались в основном только выраженные в рельефе остатки сооружений;
- в территорию спасательных раскопок часто не включались участки с поврежденным («изрытым») почвенным покровом либо перекрытые грунтом; в результате этого, без каких-либо подтверждений, культурный слой на них считался утраченным (уничтоженным);
- в пределах раскопа оставлялись неисследованными небольшие по размерам, но значительные по количеству участки, что обычно оправдывалось наличием крупных деревьев либо участков, перекрытых

[1] При написании этой статьи я опирался, прежде всего, на свой, далеко не всегда положительный опыт. Предвосхищая возможные обиды, хочу подчеркнуть, что цель данной статьи заключается не в поиске правых и виноватых. Она призвана подвести всех нас к осознанию непростой ситуации, сложившейся в настоящее время в спасательных археологических полевых работах. Группа исследователей, с которой я работаю многие годы, прошла через большинство рассматриваемых здесь заблуждений, соблазнов и ситуаций некомпетентности. Кроме того, еще многое нам предстоит преодолеть и осознать.

тяжелыми предметами, сооружениями или постройками; при этом общая площадь не раскопанных участков нередко достигала 20% от «списываемой» под хозяйственную деятельность территории памятника;

• археологами вскрывалась меньшая площадь, чем было оговорено в проекте спасательных мероприятий, а также в договоре с хозяйствующим субъектом;

• нередко исследовалась не вся толща культурных напластований, а только верхние горизонты;

• в коллекцию собирались не все находки, причем предпочтение отдавалось так называемым «индивидуальным предметам» и вещам хорошей сохранности; значительная часть артефактов, особенно поздних, рядовых и массовых, преднамеренно или неосознанно выбрасывалась в отвал, либо раздавалась участникам раскопок и «гостям» в качестве сувениров.

При этом из уст людей, считающих себя профессиональными археологами, звучали такие заявления:

• есть интересные и неинтересные археологические памятники;

• неинтересные археологические памятники можно копать упрощенно, собирая только некоторые наиболее интересные находки хорошей сохранности;

• нет необходимости копать весь аварийный участок памятника; ведь для того, чтобы его «понять» достаточно раскопать только наиболее «выразительную» его часть; остальное же, скорее всего, можно проигнорировать, так как оно не представляет научную ценность;

• неиспользованные средства и запланированные объемы работ могут быть перекрыты раскопками «интересных» памятников, которые находятся за пределами зоны землеотвода – на соседних и более удаленных территориях;

• исследователь должен «понять» памятник во время раскопок; именно это мнение является единственно правильным, так как только в ходе полевых работ археолог видел ОАН вживую, поэтому только это мнение должно быть представлено в графических и текстовых материалах;

• получать и представлять в отчете информацию, по которой можно провести повторные наблюдения и измерения, проверять и оценивать качество выполненных полевых работ – это лишняя трата времени и сил, подмена науки инженерией и т. д.

Здесь, касаясь проблемы добропорядочности исследователей, я все же склонен исходить из презумпции искренних заблуждений, нежели говорить о злонамеренности таких действий[2]. Тем более, что описанная тенденция воспроизводится и развивается под влиянием объективных факторов: экономического, компетенции и нормативного. Рассмотрим их.

Экономический фактор. Спасательные полевые археологические работы, начиная с советских времен, проводились по «хозяйственным договорам». Еще в те времена сложилась система, при которой основным оцениваемым показателем этой деятельности являлась прибыль.

В настоящее время ситуация усугубилась. В условиях чрезвычайно скудного финансирования фундаментальных исследований, перманентных реформ вузовской и академической науки, которые довели ее до состояния, напоминающего предсмертную агонию, многие профильные учреждения видят в хозяйственных договорах, в том числе на спасательные археологические работы, источник получения средств для поддержания «чистой науки».

Появилось множество негосударственных предприятий, которые проводят археологические исследования. Их можно разделить на две категории:

Первые – это предприятия, созданные людьми, которые не смогли адаптироваться в чрезвычайно неповоротливой системе государственных учреждений, но ведут деятельность, сообразуясь с представлениями о научных принципах и интересах. Прибыль, получаемая в этих предприятиях, обычно тратится на исследования «по научным темам», научную издательскую деятельность, проведение научных форумов и т. д.

Вторые – это предприятия, нацеленные исключительно на получение прибыли. Они зачастую не имеют штата постоянных научных и технических сотрудников. Привлекаемые ими кадры, как правило, отличаются низкой квалификацией и «расширенной» трактовкой понятия добросовестности.

Несмотря на кажущуюся разницу между всеми вышеупомянутыми государственными и негосударственными организациями, основным критерием оценки выполнения работ в них является экономический эффект. Это значит, что качество выполнения спасательных работ входит в противоречие со стремлением сократить прямые и косвенные затраты, и, прежде всего, сократить время на их выполнение. Иными словами, реальной экономической заинтересованности в качественном выполнении работ ни у государственных учреждений, ни у частных организаций нет. По этой причине выполнение изыскательских и охранно-спасательных работ, равно как и составление научного отчета по их результатам, зачастую не отвечают критериям научности, а также интересам получения и сохранения научного знания о памятнике. Такие полевые изыскания призваны лишь удовлетворять весьма непритязательные требования рецензентов Отдела полевых исследований ИА РАН, из года в год выполняющих «повинность» по анализу направляемых им отчетов об археологических полевых работах.

[2] «Never attribute to malice that which can be adequately explained by stupidity» (Hanlon's Razor) – англ.: «Никогда не приписывай преступному намерению то, что может быть адекватно объяснено недомыслием» (Бритва Хэнлона).

Существующая система конкурсов, тендеров, котировок при заключении договоров на спасательные археологические полевые работы решающим условием победы в них выдвигает единственный и не главный для квалифицированного изучения ОАН критерий: наименьшую цену. Такая ситуация даже добросовестных исследователей в большинстве случаев ставит в неловкое и крайне невыгодное положение, при котором объем средств по выигранному контракту не позволяет выполнить работы качественно и без угрызений совести. Дело в том, что Заказчикам работ, как правило, глубоко безразлична судьба археологических и иных историко-культурных памятников, находящихся на отчуждаемых ими территориях. Тем более, когда речь идет об экономии средств.

Фактор компетентности. На сегодняшний день в России не существует системы профессиональной подготовки квалифицированных инженерных кадров для проведения научных полевых археологических работ. То есть специалистов, искусных в своем «ремесле», владеющих достаточными научными знаниями и практическим опытом их применения, не лишенных воображения и изобретательности.

Нет единого стандарта подготовки специалистов, а заявленные программы подготовки «археологов», как правило, не включают даже базовые курсы по таким ключевым направлениям, как прикладная геодезия, фотограмметрия, ГИС, почвоведение культурных отложений, полевая консервация археологических находок и т. д. Получение высших квалификационных степеней кандидата и доктора наук также не подразумевает того, что соискатель владеет профессиональными знаниями и навыками, ведения археологических полевых работ.

Знания и навыки полевой практики приобретаются археологами в большинстве случаев на уровне некого цеха, где они передаются «из уст в уста», а также отличаются высокой степенью дилетантизма, отсутствием гибкости и неспособностью адаптироваться к «непривычным» условиям.

Степень дилетантизма порой доходит до неумения отличить научный факт от домысла, неспособности осознать и признать собственную некомпетентность в каком-либо вопросе. Такая ситуация поддерживается довлеющим априорным подходом в археологических исследованиях, в том числе и напрямую не связанных с полевой практикой, когда предмет исследования подменяется понятием, которое создается сообразуясь в большей степени с интуицией, без твердой опоры на факты. Поэтому профессиональный научный подход, прежде всего, возможность верификации результатов полевых исследований, становится серьезной помехой в сохранении «незыблемого идеального образа».

Фактор нормативный. «Порядок проведения археологических полевых работ, методы научных исследований объектов археологического наследия, состав и структура научного отчета о выполненных археологических полевых работах, требования к профессиональным знаниям и навыкам исследователя определяются Российской академией наук при осуществлении научной регламентации[3] археологических полевых работ» [Федеральный закон… Ст. 45.1. П. 10].

При этом на сегодняшний день единственным относительно официальным нормативным документом, в котором сделана слабая попытка хоть как-то регламентировать методику археологических полевых работ и составление научного отчета, остается анонимное (не имеющее авторства) Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации, последняя редакция которого принята 27 ноября 2013 г. Постановлением БОИФН РАН (далее – Положение) [Положение…]. Вместе с тем, отрывочные, не обоснованные и не согласованные между собой требования этого документа в реальности не устанавливают нормы и правила как систему. В большинстве случаев в документе не представлено целеполагание излагаемых требований, что позволяет выполнять их формально, когда низкий – хотя и формально соответствующий требованиям – уровень выполнения работ сводит на нет смысл их выполнения. Чего стоят, например, нивелировочные планы в большинстве отчетов по раскопкам.

В целом же, «отдав на откуп» Академии наук регламентацию археологических полевых работ, законодатели «забыли» создать механизм контроля за выполнением возложенной на нее функции.

Не отвечают интересам сохранения археологического наследия и некоторые положения действующих «профильных» нормативных документов. Например, вызывает недоумение пункт 2 статьи 40 «Закона об охране культурного наследия…» [Федеральный закон…], который определяет, что, в случае невозможности обеспечения физической сохранности ОАН, допускается проведение спасательных археологических полевых работ с частичным изъятием археологических предметов из раскопов. Таким образом, допускается физическое уничтожение оставляемой на месте части ОИКН.

Более того, пункт 4.4 «Положения о порядке проведения археологических полевых работ…» может быть истолкован таким образом, что при проведении спасательных археологических полевых работ часть

[3] Регламентация – это совокупность норм, правил, стандартов и процедур, ограничивающих и определяющих формы деятельности

археологических предметов не изымается из раскопов именно «в целях их сохранения и получения научных знаний». Пункт 4.31 того же «Положения» дает разъяснение, что «в зависимости от степени изученности и сохранности объекта археологического наследия и характера материала исследователь вправе отобрать часть массового археологического материала, которая может быть оставлена на месте полевых работ. Указанный материал должен быть сфотографирован, зафиксирован в дневнике, представлен в научном отчете и закопан на исследованной территории объекта археологического наследия с точным указанием этого места на плане» [Положение…].

Иными словами, действующая нормативная база наделяет одного человека (опирающегося только на свое и только свое, «единственно правильное мнение») правом распоряжаться культурным наследием, государственной собственностью, определять степень ценности и массовости материала, а также оставлять или закапывать обнаруженные на памятнике артефакты, где – в случае проведения спасательных работ – они будут неминуемо утрачены в процессе хозяйственной деятельности.

Перечисленные положения «Закона» и «Положения» очень напоминают принципы работы «черных копателей». Только действия профессионального археолога узаконены, и он собирает при раскопках чуть больше предметов, кроме того, согласно п. 6.4 «Положения», некоторые (!) из находок когда-нибудь будут переданы в музей. «Частичное изъятие» и выборочная передача на хранение археологических материалов позволяет еще больше оптимизировать выполнение работ, а именно: сократить затраты на обработку, реставрацию, организацию хранения и передачу коллекций [Положение…].

Совершенно не урегулирован вопрос сбора образцов для различных анализов. Никакими документами не оговаривается состав и полнота этих образцов, ни даже обязанность археолога вообще их собирать. Здесь опять приходится уповать на компетентность и добросовестность исследователя. Конечно, не всегда бывает возможность провести анализы, но наличие таких образцов в коллекции дает возможность провести их в будущем. Ведь раскопки приводят к физической утрате памятника, и возместить этот пробел постфактум уже невозможно.

Согласно вышеупомянутым «Закону» и «Положению», разрешения на право проведения археологических работ (Открытые листы), выдаются физическим лицам, обладающим научными и практическими знаниями, необходимыми для проведения археологических полевых работ и подготовки научного отчета [Закон… Ст. 45.1. П. 4; Положение… П. 1.9]. По «Положению» руководство археологическими полевыми работами осуществляется исследователями, имеющими специальную подготовку, владеющими современными методами ведения археологических разведок, археологических раскопок, археологических наблюдений и фиксации их итогов в форме научного отчета [Положение… П. 1.10]. При этом нигде не дается хотя бы перечень дисциплин, по которым исследователь должен иметь «специальную подготовку», а также список «современных методов», которыми он должен владеть. Нет ссылок и на документы, в которых бы излагались стандарты, инструкции, нормы и правила ведения археологических полевых работ и специфические (соответствующие применяемым методам) требования к подготовке научного отчета по этим работам… Их просто не существует!

В 80-е гг. прошлого века в ИА АН СССР под редакцией Д. Б. Шелова было выпущено два сборника «инструкций» по методике выполнения археологических полевых работ – разведкам и раскопкам [Методика…, 1983; Методика…, 1989с. Тогда же увидело свет второе издание учебного пособия «Полевая археология СССР» Д. А. Авдусина [*1980*].Эти издания наглядно отразили уровень развития на тот момент полевой археологии. Представленные в них статьи в большей степени описывали богатую полевую практику авторов, чем отвечали жанру инструктивных документов. Тем не менее, этот опыт был крайне необходим. Он показал, что компетентность даже «самых опытных и квалифицированных археологов» соответствует лишь уровню увлеченных любителей [Методика…, 1983; Методика…, 1989]. К сожалению, работа над развитием нормативно-методической базы и выведением ее на профессиональный уровень не получила продолжения.

Конечно, обозначенные выше проблемы, в том числе отсутствие экономической заинтересованности в качестве проведения полевых работ, низкая квалификация полевых археологов, отсутствие развитой нормативно-методической базы, касаются не только спасательных археологических полевых работ, но и полевых работ в целом. Однако при проведении работ в рамках научных тем эти негативные факторы отчасти компенсируются познавательным интересом. Тогда как спасательные работы все больше скатываются на уровень «черной» археологии, когда порой их разделяет только тончайшая грань в виде Открытого листа.

Есть ли выход? Очевидно, что раскапывая археологический памятник, исследователь, прежде всего, должен создать научный факт или систему научных фактов, фиксирующих эмпирическое знание об этом памятнике. Обязательным условием при этом является возможность верификации полученного знания, то есть возможность отличить факты от домыслов.

Полевое археологическое исследование – как эмпирическое научное познание – должно отвечать следующим критериям:

• объективность – исключение или сведение к минимуму влияния субъекта познания на объект познания, что обеспечивается применением соответствующих методик, приборов и т. д.;

• полнота – обеспечение максимально полного представления объекта познания, в том числе сбор и описание фактов, которые не поддаются на сегодняшний день анализу;

• избыточность – избыточность в наблюдениях и измерениях позволяет производить оценку правильности их фиксации и точности, а в будущем даст возможность применять иные или новые методы обработки данных (например, стереофотограмметрические); этот же принцип лежит в основе подхода к сбору артефактов и образцов для анализов;

• проверяемость – возможность проверки и оценки точности, проведенных наблюдений и измерений;

• повторяемость – возможность повторного проведения наблюдений и измерений.

Доступные на сегодняшний день научные методы археологических раскопок и фиксации, прежде всего фотограмметрические методы и методы лазерного сканирования, позволяют получить достаточно информации для повторной «виртуальной раскопки» памятника; они позволяют повторить бо́льшую часть наблюдений и измерений, оценить точность работ, проверить достоверность информации и правильность выводов. Вместе с тем, объем данных и время на их обработку в этом случае увеличивается в несколько раз по сравнению с так называемым «классическим» подходом к исследованиям.

В условиях неготовности «научного сообщества» взвалить на себя «лишнюю» работу возникает необходимость введения – на уровне органов государственной власти – нормативов, обеспечивающих сохранение знания и материальных свидетельств об утрачиваемых ОАН (ОИКН). В системе этих регламентов, на мой взгляд, в первую очередь, необходимо:

• законодательно определить предмет охраны ОАН после проведения на нем археологических полевых работ (научный отчет как изложение эмпирических знаний об объекте исследования, полевые – первичные – материалы, коллекции артефактов, палеозоологические и антропологические коллекции, коллекции образцов для различных анализов и т. д.);

• разработать и ввести нормы, инструкции и правила проведения археологических полевых работ;

• создать эффективный механизм согласования методики археологических полевых работ, прежде всего раскопок, причем до начала проведения последних, а равно – и механизм контроля за исследованиями на всех его этапах;

• определить перечень дисциплин, по которым полевой археолог должен иметь «специальную подготовку» и набор современных методов, которыми должен владеть;

• наладить профессиональную подготовку полевых археологов путем введения соответствующих обязательных для изучения дисциплин в ВУЗах и создания системы переподготовки и повышения квалификации для действующих археологов;

• качество археологических полевых работ и интересы сохранения объекта культурного наследия должны стать основными критериями при проведении конкурсов на их выполнение.

Учитывая стагнацию в развитии нормативно-методической базы на федеральном уровне, на первый план выступает активная позиция органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Региональная нормативная база должна конкретизировать и развить основные положения действующих (чрезвычайно куцых) федеральных норм, она должна попытаться устранить противоречия в действующих федеральных нормативных документах и учесть региональную специфику. То есть на региональном уровне обеспечить предусмотренную законодательством государственную гарантию сохранности объектов культурного наследия в интересах настоящего и будущего поколений многонационального народа Российской Федерации [Федеральный закон… Ст. 7. П. 1].

Источники и литература

Авдусин Д. А. Полевая археология СССР: Учебн. пособие. – М.: Изд-во «Высшая школа, 1980. – 2-е изд., перераб. и доп. – 335 с.

Методика полевых археологических исследований / Отв. ред. Д. Б. Шелов. – М.: Наука, 1983. – 80 с.

Методика полевых археологических исследований / Отв. ред. Д. Б. Шелов. – Л.: Наука, 1989. – 104 с.

Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации / Утверждено Постановлением БОИФН РАН от 27 ноября 2013 г. – № 85. Официально не опубликовано [Электрон. ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.archaeolog.ru/media/2014/Polozhenie_opi_12-02-14.doc (08.04.2014 г.).

Федеральный Закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ (в ред. 23.07.2013) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. (01.07.2002 г.) – М., 2002. – № 26. – Ст. 2519 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.szrf.ru/doc.phtml?nb=edition00&issid=2002026000&docid=59 (08.04.2014).

О. Ю. Рожнова
г. Бийск
ФГБОУ ВПО АГАО

АРХЕОЛОГИЯ И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ХАРАКТЕР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Наука – это сфера, требующая специфических форм организации и поддержки системы информационного обеспечения. Существует ряд особенностей взаимодействия науки и средств массовой информации (далее – СМИ). Особый подход к формированию информационного пространства требует и археология. Отношения этой отрасли научного знания со СМИ имеют два аспекта. В данной статье это нашло отражение на примере особенностей взаимодействия ученых с журналистами, а также посредничества СМИ между научным археологическим сообществом и современными грабителями археологических памятников – так называемыми «черными копателями» или «черными археологами».

Ученые и журналисты. СМИ, специализирующиеся на передаче научной проблематики и жизни научного сообщества, занимают отдельное место в общей системе информирования. Они выступают одним из главных способов популяризации науки, привлечения внимания к ней широкого круга читателей, не обладающих специальными знаниями и пользующихся в повседневной жизни специальной научной терминологией в той или иной области знаний. Возможность выхода на большую аудиторию, которой обладают СМИ, равно как и адаптация научного материала к уровню восприятия рядового читателя, имеют крайне важное значение для научного сообщества. Модели взаимодействия науки и СМИ выстраиваются в зависимости от ряда факторов.

В первую очередь, следует отметить деление информационного пространства между ученым и журналистом. Информация, подаваемая обеими сторонами в различной печатной продукции, интернете, теле- и радиоэфире, по сути дела одна и та же, но подход к обработке и трансляции научных сведений различен. Публицистический стиль изложения материала журналистом и соответствующая адаптация научного аппарата делают новую информацию доступной для широкого круга читателей. Вместе с тем, в этом случае возможны некоторые расхождения в понимании журналистом научной проблемы, исследуемой ученым, отход от ключевых позиций темы или вообще неправильная ее трактовка. Для журналиста одной из главных целей, помимо донесения обществу новейших научных разработок, является привлечение как можно большего круга читателей. Между тем как научный аппарат, используемый ученым, становится барьером для большей части аудитории. Вследствие этого интерес к специальной научной или научно-популярной статье зачастую не возникает либо быстро исчезает. Преодоление «языкового» барьера, нахождение компромисса между точностью и ясностью, простое и доступное изложение сложного материала являются основными задачами для журналиста, специализирующегося по научной тематике. В то время как качественный результат выполнения этих задач определяется уровнем его профессионализма.

Говоря о проблеме качества научных СМИ, следует выделить две характерные негативные ситуации, в результате чего происходит подмена или искажение истинного смысла публикуемой информации. Первая – это случай, когда с целью обеспечения высокой степени популярности нового источника, в погоне за сюеминутной известностью и сенсацией, факты, представляемые ученым, осознанно фальсифицируются им самим или же противоположной стороной. Кроме того, довольно часто журналисты, не имеющие специальных знаний в разных областях науки, в том числе в истории и археологии, не понимая сути обсуждаемого предмета, неосознанно искажают предоставленную им научную информацию. Таких примеров довольно много. В связи с этим, на мой взгляд, научных журналистов желательно готовить из ученых.

Общественное мнение о науке формируют как сами ученые, так и научные СМИ. В этой связи, при создании положительного имиджа отечественной науки, тем более заслуженного, большая ответственность возложена на обе стороны. От их умения вести диалог, устанавливать различные формы взаимодействия и сотрудничества зависит конечный результат этих усилий, в том числе общее настроение, создаваемое вокруг любой научной отрасли.

Ученые, СМИ и «черные археологи». Археология, как и любая другая область научного знания, нуждается в популяризации своих результатов. Характер взаимодействия археологии и СМИ имеет некоторую особенность, которая подразумевает «двойственность» в их отношениях. Вектор взаимодействия СМИ и археологии выстраивается в рамках двух позиций: взаимопомощь и недоверие, проявляющееся в стремлении изменить правовое положение друг друга. Открытый доступ СМИ к деятельности археологического сообщества носит дифференцированный подход. С одной стороны – популяризация науки через СМИ, с другой – популяризация СМИ через науку. В отношениях археологии и СМИ последнее приобрело

широкое распространение. Таким образом, вполне оправдано, что археологическое сообщество в последнее время обращает внимание на установление правовых ограничений в отношении деятельности СМИ. Особенно потому, что речь идет о посредничестве СМИ между постоянно конфликтующими сторонами: учеными-археологами и так называемыми «черными копателями» или кладоискателями. Для выявления характера этого посредничества следует обратиться к конкретным примерам.

В настоящее время одной из важных проблем отечественной археологической науки является действенное сохранение археологического наследия.

После развала СССР и прекращения действия его законодательства, в условиях практически полной безнаказанности новоиспеченных мародеров и формальном исполнении различными современными государственными органами законов об охране памятников истории и культуры Российской Федерации, грабительские раскопки приобрели небывалый размах. На прилавках антикварных магазинов появилось большое количество археологических раритетов. Преступная и варварская по форме добыча артефактов из объектов археологического наследия превратилась в хорошо организованное и приносящее прибыль дело, в которое оказались вовлеченными сотни людей. Несанкционированным массовым раскопкам подверглись скифские курганы на юге России, городища железного века в Верхнем Поволжье, финские могильники Прикамья и античные склепы Причерноморья. В среде «черных копателей» практикуется издание собственных журналов. В интернете созданы «кладоискательские» сайты, расширяющие возможности организации сбыта незаконно добытых предметов, установления связи между структурными объединениями «черных археологов». На региональных и общероссийских телеканалах в рамках популяризации исторического прошлого народов нашей страны рекламируются «съезды» поисков-кладоискателей. Из таких, на первый взгляд единичных фактов, формируется картина массового истребления памятников древности.

Незаконные раскопки можно установить разным способом. Во-первых, по состоянию археологических памятников (поселений, могильников и т.д.), т. е. по наличию на них не засыпанных грабительских ям и не разровненных выкидов–отвалов. Во-вторых, по количеству и составу археологических предметов, представленных на антикварном рынке. В-третьих, по большому числу сайтов кладоискателей, размещенных в интернете. Полных сведений о нелегальных раскопках не имеется, однако указанные каналы дают достаточно оснований для того, чтобы определить характер и размах этого явления, его организацию.

Расхищение археологического наследия в России приобретает новое качество. Новые кладоискатели и их спонсоры через ручное «депутатское лобби» и общественное мнение пытаются узаконить свои преступные действия, придать законный статус мародерским раскопкам и разведкам, классифицировав их как одно из направлений сохранения культурного наследия.

Возвращаясь к первой части данной работы, отметим, что СМИ располагают не только возможностью формирования общественного мнения и его оценок, но и создают информационную обеспеченность в различных сферах общества. С одной стороны, СМИ частично помогают решить проблему обеспечения государственной охраны и сохранения объектов культурного наследия (ОКН). Наряду с археологами, государственными и общественными организациями СМИ участвуют в мероприятиях, направленных на пресечение деятельности «черных копателей». Этой цели служат научно-практические конференции, посвященные проблеме действенной охраны памятников истории и культуры России, а также обращение археологов и журналистов – через газеты, телевидение, интернет – к широкой общественности на незаконные действия «любителей истории». Тем не менее, есть и обратная сторона «медали»: когда некоторые СМИ – с целью привлечения внимания к своему источнику и повышения рейтинга издания, телевизионной передачи и т.д. – усугубляют ситуацию популяризацией кладоискательства. Причем это явление характерно не только для деятелей «желтой» прессы. Некоторые СМИ, даже вполне респектабельные и общероссийские, нередко освещают коллективные мероприятия кладоискателей, выставки коллекций, добытых в ходе незаконных раскопок, берут интервью у «черных» археологов и их покровителей. В интернете даже созданы специальные сайты и форумы для подобных обсуждений. Например, сайт «Кладоискательство. Все о нем!» ([Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.shop-detect.ru/page_586.html), «Союз кладоискателей и археологов России» ([Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://sklr.ru).

В последние годы все чаще в СМИ стали появляться статьи и заметки о так называемых «черных» и «серых» копателях, под которым подразумеваются не только люди, уничтожающие культурное наследие, но и обычные якобы «законопослушные» кладоискатели. Археологи, опираясь на опыт ряда других стран, стали настаивать на принятии новых законов, которые бы запрещали кладоискательство и незаконные поиски археологических предметов с помощью металлоискателей.

Созданию в СМИ и у общественности романтического благородного образа вокруг нелегалов способствует избранное ими самоназвание «кладоискатели», получившее широкое распространение в прессе, интернете и на телевидении. Это слово, как, впрочем, и термины «поисковая деятельность», «черная археология», «черные копатели», «серые археологи» скрывают настоящую суть деятельности нелегалов,

создавая впечатление, что самовольные раскопщики занимаются сбором отброшенных наукой предметов древности. В действительности добычу тех, кто называет себя «кладоискателями», в массе своей составляют не клады, а древние вещи, выкапываемые из могил и культурного слоя поселений уже известных археологических памятников, состоящих на государственной охране. СМИ в этой системе взаимоотношений между археологическим сообществом и кладоискателями являются посредником. Принятие в этом жестком противостоянии чьей-либо стороны может происходить на основании профессиональной этики журналистов, участвующих в разрешении конфликта между научным археологическим сообществом и мародерскими группами так называемых «любителей истории». За привлекательным названием последних зачастую скрывается не интерес к истории и древностям, усиленный ореолом романтики самого процесса поиска, а обращение к этому занятию с целью низменного обогащения любой ценой.

Не буду подробно останавливаться на образе всемирно известного благородного романтика-кладоискателя Индианы Джонса, навязываемого американской кинематографией. За эти персонажем, если подходить к нему объективно, скрывается не историк-археолог, а обычный мародер, бесчинствующий в странах третьего мира. Более того, своими незаконными действиями он порочит образ первых любителей-археологов, большей частью «бессеребренников» и подвижников-романтиков, открывших нам мир древностей за рамками библейских мифологических преданий.

В связи с этим, российские ученые убедительно настаивают не только на запрете самого незаконного «кладоискательства» и связанной с этим нелегальной коммерческой деятельности, но и на том, чтобы на законодательном уровне установить запрет на проведение в России любых рекламных акций и мероприятий, прославляющих нелегальные археологические раскопки и добытые при этом археологические материалы. Равно как установить ответственность за использование средств массовой информации в целях совершения уголовно наказуемых деяний.

Итог. Мы привели только один пример взаимодействия ученых-археологов и СМИ, наиболее ярко отражающий «двойственный» их характер общения. Наука – эта сфера, требующая специфических форм организации и поддержки системы информационного обеспечения. Когда же речь идет об археологии, то представителям СМИ следует освещать, в первую очередь, наиболее характерные особенности жизнедеятельности и достижения отечественного археологического сообщества, его открытия и результаты работы. При этом нельзя забывать о том, что условия соблюдения требований российского законодательства, последовательного, объективного и умеренного по стилю изложения научного материала, а также определение прогноза использования полученных из СМИ сведений, могут стать главными в выстраивании плодотворного дальнейшего сотрудничества профессионалов-археологов и СМИ. Последнее, в конечном итоге, направлено на организацию и осуществление органами власти системы действенных мероприятий по защите и научному изучению объектов историко-культурного наследия, а также на создание возможности для широкой российской аудитории сохранить свое законное право объективного взгляда на историю.

Источники и литература

Кладоискательство. Все о нем! [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.shop-detect.ru/page_586.html.
Союз кладоискателей и археологов России. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://sklr.ru.
ФЗ № 245 от 23.07.2013 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» // РГ. – 2013. – № 6139; [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.rg.ru/2013/07/26/arch-dok.html.

НАУЧНОЕ ОСВОЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОХРАННЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ю. П. Чемякин
г. Екатеринбург
УрГПУ

ИТКУЛЬСКИЕ ДРЕВНОСТИ ИЗ ГРАБИТЕЛЬСКИХ РАСКОПОК[1]

Иткульская культура, сегодня известная, в первую очередь, как культура металлургов, выделена К. В. Сальниковым на материалах Южного Зауралья эпохи раннего железа [*1960*. С. 14; *1962*]. Позже В. Е. Стоянов [*1969*] не без оснований включил в иткульский ареал и памятники исетской культуры, выделенной Е. М. Берс [*1954*] для Среднего Зауралья. Исследование иткульской культуры было продолжено Г. В. Бельтиковой, уделившей большое внимание металлургии [*1997*]. Ею были проанализированы 115 памятников с находками иткульских материалов, в первую очередь, керамики, из которых 74, по ее утверждению, – достоверно иткульские (23 городища, 49 поселений, клад на горе Азов и Гумешевский рудник). На 41 из них были обнаружены остатки металлургии (представлены поселениями, в том числе укрепленными, производственными площадками и рудником). На 18 памятниках зафиксировано около 80 оснований печей и горнов. На многих обнаружены куски руды, шлаки, слитки металла, литейные формы (19 памятников и случайные находки), медные вещи (оружие и орудия труда, украшения, культовые изделия — на 23 памятниках) [*Бельтикова, 2005*].

Сегодня общее количество иткульских памятников, а также их число с находками металлических изделий, следами металлургии и металлообработки, благодаря новым открытиям археологов, выросло, но незначительно. Исключением является восточный ареал иткульской культуры, выделенный на территории Тюменской области [*Зимина, Зах, 2009*]. Однако непонятно, на каком основании тюменскими археологами граница между восточным и западным вариантами проведена почти посередине между Челябинском и Курганом. Таким образом, в восточный ареал оказались включены низовья рр. Миасс и Исеть в пределах Курганской области [*Зах, Зимина, 2004*. Карта], в то время как на карте на этой территории не обозначено ни одного памятника [*Зимина, Зах, 2009*. Рис. 1], а бассейн Исети до впадения в нее Миасса Г. В. Бельтиковой рассматривается как собственно иткульский [*2005*. Рис. 1] (то есть западного варианта иткульской культуры – по О. Ю. Зиминой и В. А. Заху). Отмечу, что на памятниках восточного варианта почти не найдено металлических вещей, но выявлены следы цветной металлообработки в виде глиняных тиглей и их фрагментов, капель и пластинок меди.

Одним из ярких признаков (элементов) иткульской культуры является культовое литье, среди которого преобладают орнитоморфные (птицевидные) образы. В. Д. Викторова пишет: «Круг образов в металлической пластике иткульской культуры, с одной стороны, достаточно представителен – 22 экз. антропоморфных и свыше 50 орнитоморфных изображений, с другой, состав образов невелик. Кроме уже упомянутых к ним принадлежат фигуры волка в различных вариантах», а также «неопределимого вида звери» и, в одном случае, образ змеи [*2004*. С. 170]. В своей публикации, посвященной иткульским орнитоморфам, я отмечал, что, по разным источникам, с территории иткульской культуры происходит около 120 только птицевидных фигурок, большая часть которых (свыше 90) представляет собой случайные, в основном дореволюционные, находки. О многих из них сохранились лишь упоминания с примерным указанием места обнаружения и количества предметов. Мной были собраны изображения 84 изделий, из которых лишь 17 происходили из документированных раскопок, и еще 20 входили в клад на Азов-горе [*Чемякин, 2006*]. Спустя пять лет, в совместной с С. В. Кузьминых работе мы собрали уже 203 изображения орнитоморфов из иткульского ареала, причем без учета тех, о которых имелась лишь информация [*Чемякин, Кузьминых, 2011*]. Из них 23 происходят из раскопок, 24 – из клада на Азов-горе, 59 – это случайные находки. И практически половина поделок (97) оказалась «добычей» современных грабителей! За последующие три года наша база увеличилась на 178 фигурок, из них 8 были найдены при раскопках Скворцовской горы [*Чаиркина, 2011*], остальные 170 происходят из грабительских раскопок.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке проекта № 14-06-00287а «Металлургия горно-лесного Урала в раннем железном веке».

Таким образом, мы имеем дело с тремя группами источников, различающихся по условиям обнаружения.

Во-первых, это артефакты, найденные в ходе научных исследований – в культурных слоях известных археологических памятников, при этом с сопровождающим материалом. Сегодня известно не менее 31-го такого орнитоморфа (55 – вместе с «азовскими»). Условия обнаружения позволяют судить о времени их изготовления, культурной принадлежности, в ряде случаев – об источниках металла, его химическом составе, а также помогают установить тип памятников и реконструировать духовные представления древнего населения Урала.

Вторая группа – случайные находки, хранящиеся в музеях. Они менее информативны, чем предыдущие, но часто содержат сведения о местонахождении и позволяют производить анализы металла. Это делает возможным их включение в исторический контекст.

Что касается 267 вещей из грабительских находок (в реальности – намного больше), то в этом случае нанесен непоправимый урон и науке, и культуре. Учитывая, что подобные изделия, как правило, связаны с культовыми комплексами или могильниками, а такие памятники в иткульском ареале почти не исследованы, следует признать, что мы лишились основного массива источников по духовной культуре коренного населения Урала начала эпохи железа.

Увы, это происходило на протяжении многих лет при полном безразличии государственных структур к национальному культурному и историческому наследию. И это притом, что Интернет был наводнен предложениями о купле–продаже зачастую уникальных изделий и рекомендациями по поисковой технике, а открытый обмен опытом грабительских раскопок происходит не только в Интернете, но и в других СМИ.

Появляющиеся время от времени на кладоискательских сайтах в Интернете фотографии иткульских (и не только) металлических вещей или информация о них, как правило, не содержат сведений ни о регионе (тем более, о памятнике), ни об условиях обнаружения вещей, ни о сопровождающем инвентаре. Но, судя по скудным данным, более 100 поделок (есть информация о нескольких сотнях) найдены на берегах оз. Иткуль (рис. 1; 2). Большое количество изделий, включая наконечники стрел, кельты, зеркала, антропо- и зооморфные фигурки, происходят из бассейна Исети в Курганской обл. (рис. 3). Это территория, где иткульские памятники археологам практически неизвестны: здесь выявлены только 10–11 поселений, из которых частично раскопаны одно городище и два селища. Собранные на них материалы по своей представительности не идут ни в какое сравнение с коллекциями металлических изделий из разграбленных памятников!

Судя по предлагаемым в Интернете коллекциям, разорены крупные святилища, сравнимые с Кулайкой и Усть-Полуем, возможно, имевшие общеплеменное или даже межплеменное значение (если они действительно происходят из указываемых мест). Но наборы вещей, выставляемые на продажу, далеко не всегда выглядят однородно. Так, среди поделок, предлагаемых одним продавцом и найденных якобы в Курганской обл., в бассейне Исети, кроме иткульских изделий есть одно явно кулайское (рис. 3 – *16*), более позднее, и серия средневековых предметов, характерных для кучиминского и кинтусовского этапов обь-иртышской культурно-исторической общности. Однако до сих пор ни кулайских, ни кучиминских или кинтусовских вещей в Курганской обл. практически не было «замечено» (исключение – Прыговский 2 могильник, где найдена аналогичная бляшка с «близнецами» [*Шарапова, 1994*]). Поэтому насколько можно доверять той убогой информации, какую выкладывают торговцы древностями? И здесь возникает несколько вопросов.

Первый: откуда у кладоискателей появляется информация о подобных объектах историко-культурного наследия (ИКН), если ее нет даже у профессиональных археологов, или же такая информация содержится только в научных отчетах, хранящихся в архивах государственных организаций? Причем, как правило, в отчетах о разведках, с минимальным вскрытием культурного слоя (шурфовкой) или вообще без такового, с небольшим количеством рядовых находок (об уникальных научное сообщество вряд ли не знало бы). И если для горно-лесного Урала еще можно выявить какую-то закономерность в расположении культовых мест, то для равнинного лесостепного Зауралья – без ярко выраженных внешних ориентиров – это трудно представить.

Второй: чем объяснить появление в *разные годы* на кладоискательских сайтах изделий, отлитых в одних и тех же литейных формах или выполненных по одним (одинаковым) моделям, причем нередко происходящих из *разных* (когда это удается установить) памятников? Учитывая, что иткульским мастерам были известны каменные (тальковые) литейные формы [*Бельтикова, 1993*], следует признать возможность многократных отливок, так же, как и возможность литья по моделям (образцам). Более того, известны серии таких отливок, обнаруженные до революции на горе Караульной [*Чемякин, Кузьминых, 2011.* Табл. 7 – *1–16*] и у оз. Куяш (Огневского) [*Там же.* Табл. 8 – *10–11, 14–17, 18–19*], в 1940 г. – на Азов-горе [*Там же.* Табл. 5 – *1–4, 5–6, 7–9*; 6 – *4–5, 8–9, 10–11, 13–14*], в окрестностях оз. Таватуй и при раскопках Е. М. Берс на оз. Аятском [*Там же.* Табл. 3 – *10–11, 12–15*], и в других местах. Во всех этих случаях подобные отливки входили в состав одного комплекса («клада») либо были найдены на незначительном расстоянии друг от друга (например, в окрестностях озер Аятское и Таватуй). Выявление ареалов распространения однотипных изделий и центров (мастерских) их производства – важная задача при реконструкции образа жизни древних обществ, однако она практически не решаема при столь больших масштабах уничтожения археологических памятников (если допустить, что мы имеем дело с подлинными вещами).

Третий вопрос, отчасти связанный со вторым: чем объяснить тот факт, что многие предметы, выложенные на кладоискательских сайтах, являются копиями уже известных, опубликованных поделок, происходящих как из раскопок, так и из музейных фондов (рис. 4)? Чем объяснить, что в ряде подобных собраний присутствуют «копии» изделий, обнаруженных в свое время в разных частях иткульского ареала (в том числе и современными «бугровщиками»)?

Мне и моим коллегам уже приходилось писать, что, по крайней мере, в начале XX в. существовала практика изготовления копий различных вещей, и обмена ими между музеями и коллекционерами [*Чемякин, 2006.* С. 73, 77; *Яковлев, 2004*]. Я не исключаю и даже считаю, что значительное число, если не большинство, «иткульских» вещей являются современными новоделами, или подделками. Интересно в этом плане птицевидное изображение, появившееся не так давно на кладоискательских сайтах и являющееся копией изделий, найденных в окрестностях озер Аятское и Таватуй, в том числе из раскопок Е. М. Берс (рис. 4 – *14–16*), но отличающееся от них бóльшими размерами (рис. 4 – *17*). Незначительные расхождения в размерах можно объяснить искажениями, возникающими при масштабировании фотоснимков (рис. 4 – *5, 6*), но в любом случае они не могут превышать 0,5, а тем более, 1 см.

Решить же проблему атрибуции и подлинности вещей из «любительских коллекций» можно лишь при условии, что информация о разграбленных памятниках станет доступна профессиональному сообществу, а сами вещи будут подвергнуты спектральному и иным анализам, без чего их подлинность будет всегда оставаться под сомнением.

И, безусловно, необходимо сделать все, чтобы остановить уничтожение археологических памятников. Необходимо, чтобы Закон РФ № 245-ФЗ от 23.07.2013 о пресечении незаконной деятельности в области археологии не остался только на бумаге.

Источники и литература

Бельтикова Г. В. Литейные формы иткульского очага металлургии (VII–III вв. до н. э.) // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. – С. 38–75.

Бельтикова Г. В. Зауральский (иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1997. – 23 с.

Бельтикова Г. В. Среда формирования и памятники зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга). – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. – С. 162–186.

Берс Е. М. Археологические памятники Свердловска и окрестностей. – Свердловск: Кн. изд-во, 1954. – 84 с.

Викторова В. Д. Клады на вершинах гор // Культовые памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – С. 158–173.

Зах В. А., Зимина О. Ю. Об ареале иткульской культуры // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2004. – Вып. 4. – С. 103–106.

Зимина О. Ю., Зах В. А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. – Новосибирск: Наука, 2009. – 232 с.

Сальников К. В. Некоторые итоги и проблемы изучения древней истории Урала // Из истории Урала. – Свердловск: Кн. изд-во, 1960. – С. 7–17.

Сальников К. В. Иткульская культура (К вопросу о «Зауральском ананьине») // Краеведческие записки. – Челябинск: Кн. изд-во, 1962. – Вып. 1. – С. 21–46.

Стоянов В. Е. Ранний железный век западносибирской лесостепи (Опыт классификации и периодизации): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1969. – 17 с.

Чаиркина Н. М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культовой площадки Скворцовская гора V). – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2011. – 224 с.

Чемякин Ю. П. Случайная находка в окрестностях Коркино // Пятые Берсовские чтения. – Екатеринбург: Изд-во «КВАДРАТ», 2006. – С. 71–77.

Чемякин Ю. П., Кузьминых С. В. Металлические орнитоморфные изображения раннего железного века Восточной Европы, Урала и Западной Сибири (лесная и лесостепная зоны) // Тверской археологич. сб. – Тверь: ООО «Изд-во «Триада»», 2011. – Вып. 8. – Т. II: Мат-лы IV Тверской археологич. конф. и 12-го заседания науч.-методич. семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / Под ред. И. Н. Черных.– С. 43–74.

Шарапова С. В. Бронзовая антропоморфная плакетка из Прыговского 2 могильника // Сургут, Сибирь, Россия. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 400-летию города Сургута: Тез. докл. – Екатеринбург, 1994. – С. 226–228.

Яковлев Я. А. В копилку урало-сибирской художественной металлопластики железного века // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – Вып. 2. – С. 91–124.

Рис. 1. Комплекс медных иткульских изделий. Южное Зауралье, Челябинская обл., оз. Иткуль (?). Кладоискательский сайт

Рис. 2. Часть комплекса медных иткульских изделий. Южное Зауралье, Челябинская обл., оз. Иткуль (?). Кладоискательский сайт

Рис. 3. Медные изделия. Нижнее Притоболье, Курганская обл., бассейн р. Исети (?). Кладоискательские сайты

Рис. 4. Иткульские медные орнитоморфы («птицевидные идолы») Среднего Зауралья: *1, 2, 5, 9, 10, 12, 14–16* – материалы раскопок, музейные коллекции; *3, 4, 6–8, 11, 13* – грабительские раскопки, кладоискательские сайты.
1, 14 – Аятское I, поселение и святилище (*по Е. М. Берс*); *2* – Средний Шихан (*по Ю. Б. Серикову*); *5* – Караульная гора (*по А. А. Спицыну*); *9, 10* – Азов-гора (*по В. Д. Викторовой и С. Н. Паниной*); *12* – Палатки I, поселение (*по В. Д. Викторовой*); *15* – оз. Таватуй (*архив В. Я. Толмачева*); *16* – оз. Аятское (*архив В. Я. Толмачева*); *3, 4, 6–8, 11, 13* – горно-лесное Зауралье

В. А. Борзунов
г. Екатеринбург
УрФУ

ГАМАЮНСКИЕ, ИТКУЛЬСКИЕ И «ГАМАЮНО-ИТКУЛЬСКИЕ» ДРЕВНОСТИ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

1. Краткая история открытия культур конца бронзы – начала железного века Зауралья и Притоболья. До недавнего времени *в горнолесном Зауралье* выделяли две культуры раннего железного века (точнее, его первой половины – РЖВ I или, по другой версии, переходного периода от эпохи бронзы к железному веку): ***гамаюнскую*** и ***иткульскую***. Обе они исследовались целенаправленно и системно. Результаты последних изысканий представлены в двух диссертациях, монографии и серии публикаций, малая часть которых приведена в конце этой статьи [*Бельтикова, 1969*; *1977*; *1981*; *1982*; *1993а*; *1993б*; *1997*; *1998а*; *1998б*; *2002*; *2005*; *2008*; *Борзунов, Стоянов, 1981*; *Борзунов, 1982*; *1984*; *1988; 1990*; *1992*; *1998б*; *2008*], а другую можно найти в списках литературы к данным работам.

Помимо материалов разведок и стационарных раскопок, выполненных авторами этих работ, источниками для написания вышеупомянутых исследований послужили результаты более чем двухвековых (начиная с XVIII в.) сборов археологических артефактов и полевых изысканий, проведенных столичными учеными и местными любителями старины, в первую очередь, участниками первых Академических экспедиций и деятелями УОЛЕ, а также целой плеядой профессиональных уральских и западносибирских археологов.

В двух опубликованных археологических картах учтено 154 памятника с гамаюнскими материалами [*Борзунов, 1992.* Рис. 1] и 115 – с иткульскими [*Бельтикова, 2005.* Рис. 1]. С учетом случаев дублирования одних и тех же наименований в обоих списках, речь идет о 225 памятниках.

В действительности, таковых значительно больше. Это покали новые системные полевые исследования, в основном рекогносцировочные, начатые в 1990-х гг. и продолжающиеся по сей день. Я имею в виду сплошное археологическое обследование южных территорий Свердловской обл., северных р-нов Челябинской обл., а также Тюменского и Курганского Притоболья, с целью выявления, мониторинга и паспортизации археологических памятников; проведение экспертных работ в зонах новостроек – главным образом, на трассах проектируемых автодорог; определение охранных зон с высокой концентрацией объектов историко-культурного наследия (ОИКН).

Инициаторами новых полевых работ выступили представители Свердловского и Челябинского ПНЦ по охране памятников истории и культуры, а также заинтересованные работники вузов и археологических центров Зауралья и Притоболья (ИИА УрО РАН, УрГУ–УрФУ, УрГПУ, НТГПИ–НТГСПА, ЮУрФ ИИА УрО РАН, ЮУрГУ, АВКОМ, ТюмГУ, ИПОС СО РАН и др.). Кроме того, список интересующих нас памятников пополнился благодаря случайным находкам современных любителей-поисковиков, включая учителей, подвижников-краеведов и «серых археологов».

Из-за недостатка средств речь пока не идет о возобновлении *системных* раскопочных работ зауральских поселений РЖВ, прежде всего с объектами древней металлургии и металлообработки.

Новые накопленные материалы требуют повторной систематизации. Более того, *назрела острая необходимость издания общей археологической карты Свердловской области* взамен уже сильно устаревшей [*Берс, 1963*], правда, недавно зачем-то переизданной [*Берс, 2012*].

На 44 памятниках гамаюнские и иткульские древности залегали вместе – в одних культурных, почвенных и геологических слоях. Последнее является характерной чертой не только остатков эпохи железа, но материалов других периодов и эпох.

Причиной этого, с одной стороны, является высокая концентрация разновременных древних и средневековых остатков в одних и тех же местах. Прежде всего, вследствие относительно небольшой площади самого горнолесного Зауралья, а главное – минимума на его территории наиболее благоприятных для заселения мест – побережий рек и озер. Напомним, что из-за относительно малого количества водотоков и водоемов либо полного их отсутствия огромные пространства, общей шириной от 200 до 400 км, расположенные в водоразделах по оси Уральского хребта, в древности были мало заселены. В том числе – в его средней и южной частях, не говоря уже о северной высокогорной территории, труднодоступной для человека и характеризующейся суровым климатом.

С другой стороны, ситуация совместного залегания разновременных остатков в одних и тех же слоях определяется малой мощностью последних на горах и возвышенностях со скальной основой. В свою

очередь, это объясняется медленным приростом гумуса и подзолов в таежных сосновых лесах, активным «промывным режимом», эрозией почв, а также сильным антропогенным воздействием вокруг городов, поселков, садово-огородных участков, вдоль трасс коммуникаций и в многочисленных зонах отдыха близ водоемов. На скальных грунтах и в их тонких покровах археологические остатки сильно деформируются, дробятся, опускаются до твердого основания и даже в расщелины скал.

По-видимому, именно такая ситуация послужила причиной ошибки группы археологов в определении хронологии «крестовых» (гамаюнских) керамических комплексов, недавно обнаруженных при исследовании древних мегалитических объектов о-ва Веры (оз. Тургояк, верховья р. Миасс, Южное Зауралье). Дело в том, что немногочисленные фрагменты тальковой керамики начала эпохи железа – с характерным фигурно-штампованным «крестовым» орнаментом – залегали на скалах в основании культурного горизонта, причем вместе с обломками энеолитической посуды. Первоначально авторы раскопок отмечали, что исследованные слои с материалами периода неолита-энеолита и гамаюнской культуры были, как правило, потревожены более поздними посещениями [*Васина, Григорьев, 2004.* С. 32]. Впоследствии, в погоне за сенсацией и сомнительной славой, исследователи мегалитов без тщательного анализа находок (которые, кстати, до сих пор не опубликованы) и изучения работ предшественников, опровергая сложившиеся стереотипы, предложили передатировать гамаюнские древности энеолитом [*Григорьев и др., 2008.* С. 2004–2006; *2009*; *2010*]. Следует подчеркнуть, что ни один из этих ученых не раскопал до этого ни одного гамаюнского или гамаюно-иткульского поселения и не является специалистом в археологии лесной полосы Зауралья и Западной Сибири эпохи железа.

Забегая вперед, отмечу следующее. Если отнести гамаюнские материалы и гамаюнскую культуру к медно-каменному веку Зауралья, как предлагают критики, то вслед за этим придется изменить хронологию всего массива урало-западносибирских культур фигурно-штампованной («крестовой» и волнисто-прокатанной) керамики XII–VI вв. до н. э., частью которого являлась гамаюнская, изменить дату памятников вагильского типа (северных гамаюнских), таежных культурных образований периода поздней бронзы, послуживших основой формирования гамаюнских комплексов Зауралья (лозьвинская культура бассейнов Тавды и Конды, атлымская – Нижнего Приобья), а также позднебронзовых культур межовско-ирменского пласта (бархатовская, позднеирменская и др.), с которыми контактировали носители гамаюнской и прочей «крестовой» керамики, равно как и удревнить до энеолита иткульские комплексы Зауралья, генетически связанные с гамаюнскими («гамаюно-иткульские», «иткульско-гамаюнские»). Как понимаете, это – нонсенс и явно дилетантский подход.

В свое время даже известный исследователь энеолита Зауралья Л. Я. Крижевская пыталась отнести гамаюнскую культуру «… не к раннему железному веку, как это представлялось ранее, а ко времени развитой бронзы. Об этом, – по ее мнению, – свидетельствует и весь комплекс находок и то, что остатки гамаюнской культуры постоянно залегают непосредственно на слое бронзового века» [*1967.* С. 110]. Между тем ошибочность хронологической стыковки поселений энеолита и ранней бронзы с каменогорскими (гамаюнскими) материалами отмечалась еще К. В. Сальниковым. Он объяснял их топографическое совпадение, точнее расположение на возвышенностях при отсутствии остатков ранней бронзы, сходными климатическими условиями, существовавшими в энеолите и начале железного века, характеризовавшимися повышенной влажностью.

Гамаюнские и иткульские древности целенаправленно изучались и были выделены практически одновременно двумя исследователями – Е. М. Берс и К. В. Сальниковым. Елизавета Михайловна с 1934 по 1960 гг. проводила исследования в Среднем Зауралье [*Борзунов, 1986*; *1992.* С. 12–17] и систематизировала коллекции СОКМ [*Берс, 1959*], наследовавшего музей УОЛЕ, где были собраны находки из всего Зауралья и с прилегающих территорий. Константин Владимирович с конца 1920-х гг. работал на Южном Урале, а с конца 1930- х годов – в Южном Зауралье и лесостепном Притоболье. Е. М. Берс назвала зауральские культуры РЖВ Зауралья гаманской и исетской [*1954.* С. 46, 49; 1960; *1963.* С. 69–84], К. В. Сальников, соответственно, каменогорской и иткульской [*1960.* С. 13–14; *1962.* С. 20–46]. Отдавая дань уважения обоим ученым, В. А. Борзунов и Г. В. Бельтикова закрепили в своих публикациях определения *гамаюнская* и *иткульская культуры*.

При характеристике гамаюнских древностей Е. М. Берс использовала материалы как четко стратифицированных многослойных памятников (Шайдурихинское городище), так и разнокультурных «смешанных», где гамаюнские и иткульские остатки залегали в одном культурном горизонте. Последних в Зауралье большинство, в то время как однослойных – единицы. В результате общий облик гамаюнской культуры был сильно искажен. В свою очередь, К. В. Сальников и его коллега Н. П. Кипарисова уделяли основное внимание изучению материалов иткульской культуры, а каменогорские (гамаюнские) памятники и материалы исследовались по большей части попутно. При этом все исследователи считали гамаюнскую (каменогорскую) культуру пришлой, не имевшей местных корней, а иткульскую (исетскую) – автохтонной.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. К. В. Сальников по материалам раскопок и разведок в бассейнах Тобола, Исети, Синары, Багаряка и Караболки выделил первую культуру РЖВ лесостепного Притоболья – ***гороховскую***, датированную им второй половиной I тыс. до н. э. [*Сальников, 1940*; *1947*; *1951*; *1956*; *1959*; *1962*; *Полосьмак, 1986*; *Могильников, 1992*; *Ковригин, 1998.* С. 157; *Корякова, 1998.* С. 158]. В системе общей периодизации бронзового века Южного Урала и Зауралья ученый охарактеризовал позднебронзовую ***черкаскульскую культуру*** [*Сальников, 1967*; *Обыденнов, Шорин, 1994*], а также зафиксировал оригинальный тип посуды на Бархатовском (Бархатово-Заречное) поселении в низовьях р. Исеть. Впоследствии по этой керамике получила название ***бархатовская культура*** конца эпохи бронзы [*Стефанов, Корочкова, 1984.* С. 85, 88; *Матвеев, 1996.* С. 72; *Аношко, 2006*]. В начале 1980-х гг. из состава черкаскульских древностей была выделена ***межовская культура,*** сменившая собственно черкаскульскую [*Косарев, 1981*; С. 133; *Обыденнов, 1981*].

В середине 1960-х –1970-х гг. А. Х. Пшеничнюк открыл в бассейне р. Белой ***памятники с керамикой гафурийского типа***, датированные им V–II вв. до н. э. На основании наличия в гафурийской посуде примеси талька, ученый предположил зауральское происхождение населения, оставившего эти древности [*1964.* С. 99; *1967*; *1971*; *1973*; 1983]. Впоследствии гафурийские поселения были зафиксированы и частично раскопаны оз. Аргази, в верховьях Миасса *[Борзунов, Нохрина, 1981*; *Бельтикова, 1988.* С. 103; *Обыденнов, Шорин, 1995*. С. 103–104, рис. 38, 67; *Борзунов, Шорин, 2004*].

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. В. Е. Стоянов уточнил ареал и хронологию (V–II вв. до н. э.) гороховской культуры [*1970.* – С. 245], а также выявил, картографировал и охарактеризовал еще три группы памятников первой половины РЖВ (VII/VI – IV/III вв. до н. э.), локализующиеся в лесном Притоболье и лесостепном Тоболо-Ишимье: с керамикой ***носиловского***, ***воробьевского*** и ***баитовского типов***. В западной части ареала зауральских памятников конца бронзового и начала железного веков – в горнолесном Зауралье и на прилегающей равнинной лесной территории – исследователь поместил поселения с иткульской керамикой и зауральские комплексы с посудой, орнаментированной штампованным крестом [*1969.* С. 60; *1970*; *1973.* С. 236–238; *1975.* С. 124–136, рис. 6, 7]. Позднее, в академическом издании «История Урала», Владислав Евгеньевич объединил воробьевские и иткульские памятники – на правах локальных вариантов – в рамках единой ***исетской*** культуры оседлых металлургов, охотников и скотоводов. Гороховские поселения, по его представлениям, возникли одновременно с исетскими и первоначально существовали на южных сопредельных и глубоко взаимопроникающих территориях. Кроме того, он установил, что около IV–III вв. до н. э. гороховские племена мигрировали к северу и северо-западу – в лесостепь, на юг лесной зоны и в горнолесное Зауралье [*1989.* С. 98–99].

В первой половине 1990-х гг., на основании сходства керамических комплексов, а также происхождения и системы хозяйства их носителей, Л. Н. Корякова – вслед за В. Е. Стояновым – включила воробьевские памятники наряду с иткульскими, носиловскими, а также более поздними ***зеленомысскими*** бассейна рр. Ницы и Туры [*Викторова, 1969*], в состав «исетской (иткульской) ассоциации» («линии развития»). Принимая точку зрения Г. В. Бельтиковой [*Бельтикова, Борзунов, Корякова, 1991.* С. 108–109], Людмила Николаевна отметила, что «… появлению отмеченных групп способствовало разделение межовско-бархатовской субстратной основы путем сегментации в ведущих отраслях: металлургию, скотоводство, охоту и рыболовство» [*Корякова, 1993.* С. 29–30, 33–34]. Баитовскую линию развития она связала с «сузгунско-бархатовской генерацией», а гороховскую определила как результат «генетического процесса, при котором часть местного населения, принадлежавшего исетской общности, но имевшего саргаринско-межовские корни, под влиянием ряда причин природно-климатического, экономического и политического характера, переходила к подвижному скотоводству» [*Корякова, 1993.* С. 31–32]. При этом оформление новых самостоятельных образований «предсаргатского этапа», по ее мнению, происходило на базе культур межовско-бархатовской и сузгунско-бархатовской генераций в VII–VI/V вв. до н. э. [*Корякова, 1993.* С. 33; *1997.* С. 138–140].

В середине 1990-х гг. М. Ф. Обыденнов и А. Ф. Шорин выделили в составе межовской культуры два «подрегиона» – приуральский и зауральский. В интересующем нас зауральском «подрегионе» А. Ф. Шорин обозначил три локальных варианта – кокшаровский, невьянско-миасский и притобольский. Для территории Притоболья он обозначил как характерную черту «значительное взаимодействие двух культурных традиций – юго-лесной межовской и степной саргаринско-алексеевской», а для Среднего Зауралья – определенное влияние «нижнетобольского компонента» – сузгунского населения и их потомков, давление которого на средне-зауральское началось еще в «позднечеркаскульскую эпоху» [*Обыденнов, Шорин, 1995.* С. 97–101]. В развитии межовской культуры Зауралья Александр Федорович выделил два этапа: межовский (XII–IX вв. до н. э.) и березовский (VIII – начало VII вв. до н. э.). По его мнению, основанному на результатах анализа керамической посуды, именно позднемежовские (березовские) комплексы приняли участие в формировании не только иткульской культуры (в качестве основного компонента), но также зауральских памятников гафурийского типа, а также – зауральских и притобольских гороховских. Последние он предлагал датировать, начиная с VII в. до н. э., сосредоточив усилия на поиске недостающих памятников VII–VI вв. до н. э. [*Там же.* С. 104].

Поддерживая позицию А. Ф. Шорина об участии межовско-березовского компонента в оформлении гороховского и гафурийского, А. В. Матвеев предлагал три варианта: поиск ранних гороховских и гафурийских памятников (старше VI в. до н. э.); омоложение межовско-березовских древностей до V–IV вв. до н. э.; признание переходного периода от бронзового века к железному в пределах VII–V вв. до н. э., когда сосуществовали обе культурные традиции – межовско-березовские и формирующиеся на их основе новые (при участии других компонентов) [*Матвеев, 1996.* С. 24]. В частности, для гороховских древностей, как мы сейчас знаем, это были традиции потомков ***саргаринско-алексеевского*** населения урало-казахстанских степей.

В настоящее время, после новых фундаментальных полевых и камеральных исследований, проведенных археологами ТюмГУ и ИПОС СО РАН (г. Тюмень), бархатовские и баитовские памятники возведены в «ранг» археологических культур. [*Матвеев, 1996*; *Аношко, 2006*; *Зах, 2007*; *Цембалюк, 2008*; *Зимина, 2012*; и др.]. В рамках бархатовской культуры выделены два этапа – щетковский (конец II тыс. до н. э.) и красногорский (начало I тыс. до н. э.). На последнем этапе происходила инфильтрация гамаюнских групп в зону расселения бархатовских общин. В лесостепном Зауралье бархатовская культура постепенно трансформировалась в ***баитовскую***. В северных районах ареала бархатовской культуры, в результате взаимодействия отдельных бархатовских коллективов с гамаюнскими, сформировалась «особая в культурном отношении группа населения, оставившая памятники карагай-аульского типа переходного от бронзы к железу времени, исследованные В. А. Захом и О. Ю. Зиминой в Нижнем Притоболье. Карагай-аульский компонент лег в основу вак-куровских или «лесных баитовских» древностей», которые отличались типами жилищ и глиняной посуды [*Аношко, 2006.* С. 20–23]. Сами же исследователи этих памятников определили их ***восточным вариантом иткульской культуры*** с тремя этапами – иткульским, карагай-аульским и вак-куровским [*Зимина, Зах, 2009*].

После детального сравнительного анализа воробьевских и гороховских материалов Н. П. Матвеева предложила считать ***воробьевские памятники*** ранними гороховскими и датировала VII/VI–V вв. до н.э. [*1991*; *1996.* С. 83–85].

Последнее суждение, правда, не поддерживается всеми археологами, прежде всего сотрудниками Лесостепной экспедиции ИИА УрО РАН (г. Екатеринбург). Эта группа исследователей много лет целенаправленно изучает памятники РЖВ Курганского Притоболья и отмечает различие ареалов ***воробьевской*** и ***гороховской*** культур, их типов посуды, поселений, жилищ и могильников, а также происхождения, хозяйственной деятельности и социальной стратификации населения, оставившего эти памятники [*Корякова, 1997*; *Борзунов, Викторова, Корякова, 1998*; *Ковригин, 1998.* С. 157; Среда, культура и общество…, 2009. С. 267–268]. У меня же вызывает сомнение предложенная Н. П. Матвеевой верхняя дата воробьевских комплексов (V/IV вв. до н. э.). В свое время воробьевская керамика была обнаружена на второй укрепленной площадке Зотинского II городища [*Борзунов, 1992.* Рис. 25 – *19*] и у границ соседнего городища Красный Камень (Зотинское I) [*Борзунов, 1977*; *1978*]. Первый памятник (точнее, его 1-я площадка) – гамаюнский с небольшим иткульскими комплексом, второй – иткульский с единичными обломками гамаюнской и иткульско-гамаюнской посуды. По иткульским медным наконечникам и кельту данные укрепления датируются VI–IV вв. до н. э. Наиболее вероятная дата воробьевских поселков-«посадов» у с. Зотино – IV в. до н. э. В то время как основная масса воробьевских поселений и могильников появляется значительно раньше: вероятно, одновременно с ранними гороховскими (VI/V вв. до н. э.). Появление их в горнолесном Зауралье ближе к финалу гамаюнской (V/IV вв. до н. э.) и иткульской (III/II вв. до н. э.) культур можно рассматривать как следствие общей миграции на запад части туземных общин Притоболья под давлением первой волны саргатских племен, переселявшихся из центра западносибирской лесостепи.

Первые ***саргатские*** и гетерогенные ***саргатско-гороховские общины*** фиксируются в Нижнем Притоболье в V–III вв. до н. э. [*Корякова, 1988.* с. 165; *1993.* С. 37–51*; 1997.* С. 142–154; *Матвеева, 1993*; *1996.* С. 88; *Ковригин, 1998.* С. 157; *Пантелеева, 2006.* С. 18–22; Среда, культура и общество…, 2009; и др.]. При этом, по данным Л. Н. Коряковой, «на западе провинции на основании тесных хозяйственных, культурных и иных связей шло поглощение гороховским союзом соплеменностей исетской (иткульской) общности…» [*1993.* С. 40]. В свою очередь, в горнолесных районах Южного Урала, пришлые гафурийские коллективы были постепенно ассимилированы местным ананьинским населением, в результате чего сформировалась единая ***кара-абызская культура*** [*Пшеничнюк, 1964*; *1971*; *1973*; и др.].

В целом же, согласно последним исследованиям, на основе позднебронзовых лесостепных и южно-таежных культур межовско-ирменского историко-культурного пласта Урала и Западной Сибири [Косарев, *1981*; *1987*], практически одновременно, около VII в. до н. э. (по традиционной хронологии) или VIII/VII вв. до н. э.

(по немногочисленным радиокарбонным анализам), зарождается и развивается новая система культурных образований начала железного века.

Предпосылки и причины такой трансформации имели не узколокальный, а более обширный, «трансконтинентальный» характер. Иными словами, переход в IX–VII вв. до н. э. от эпохи бронзы к РЖВ был характерен для большей части обществ Евразии. Главными причинами этих изменений были глобальное изменение климата, повлекшее за собой активные миграционные процессы – в поисках привычных для первобытных коллективов экологических ниш, трансформация в новых природно-климатических условиях видов хозяйственной деятельности, образование гетерогенных обществ и, безусловно, переход к новому черному металлу, в значительной части изменивший общий орудийный комплекс и систем взаимосвязей древнего населения континента. Большое количество новых культурных образований в Зауралье и южной части Нижнего Притоболья, кроме указанных выше обстоятельств, обусловлено многообразием на этих территориях относительно небольших экологических ниш. Именно узколокальная хозяйственная специализация потомков *относительно* однородных и более обширных по ареалу обитания позднебронзовых коллективов с комплексной экономикой в условиях массовой миграции таежных западносибирских коллективов привела к «пестроте» зауральско-притобольских культур первой половины РЖВ (VIII/VII – IV/III вв. до н. э.).

Уместно также заметить, что почти все эти аборигенные и пришлые коллективы вступили в этот период, будучи знакомыми только с металлургией либо металлообработкой меди (бронзы). Начиная с V–IV вв. до н. э., они постепенно начали осваивать чуждую им технологию производства оружия и орудий из черного металла. В этой связи, данные общества можно с уверенностью охарактеризовать как переходные, то есть рубежа бронзового и железного веков. Правда, у пришлых гамаюнских коллективов собственных металлических изделий из меди и бронзы было крайне мало. Переход от скромного меднолитейного производства к обработке черного металла у них весьма проблематичен и предположительно зафиксирован только на Палкинском левобережном поселении V–IV вв. до н. э. в верховьях Исети [*Борзунов, 1982.* С. 105, 109; *1992.* С. 67–69, 141].

Иткульские, воробьевские, гороховские, гафурийские и прочие культурные образования, несмотря на значительное сходство, все же различались по хозяйственной специализации, локализации, размерам ареалов обитания и – отчасти – по времени существования. При этом ряд общин, принадлежавших к разным этносам, мог проживать на одних территориях «чересполосно». Основной ареал гамаюнских и иткульских коллективов тяготел к восточным склонам Уральских гор, а гетерогенных гамаюно-иткульских и иткульско-гамаюнских – к лесным зауральским равнинам. Ранние гафурийские поселения находились в верховьях Миасса, а гороховские – на юге Нижнего Притоболья. Воробьевские памятники зафиксированы в основном в нижнем и отчасти среднем течении р. Исети, ближе к горно-таежной зоне – чуть севернее (северо-западнее) гороховских и северо-восточнее гафурийских. Баитовские лесостепные памятники локализовались в низовьях Исети, Курганском Притоболье и Приишимье, лесные северные (вак-куровские) и предшествующие им карагай-аульские – главным образом в Тюменском Притоболье. Всем этим обществам присуще хозяйство комплексного типа с преобладанием тех или иных производящих и присваивающих отраслей – разведение и содержание скота, металлообработка, домашние производства, рыболовство, охота, собирательство и т. д. Кроме того, практически все они были оседлые. Подвижное (отгонное) скотоводство, вероятно, было присуще только части южных гороховских коллективов (не говоря уже о южных саргатских). В связи с этим, предполагаются летние сезонные кочевки гороховских и гороховско-саргатских коллективов в урало-казахстанских степях, а саков Северного Приаралья – в западносибирской лесостепи. Более того: включение части южно-уральских номадов в состав гороховского этноса, заимствование последним элементов социальных структур у развитых степных обществ [*Стоянов, 1969*; *1977*; *1989*; *Корякова, 1988*; *1993*; *1996*; *1997,* с. 140; *Бельтикова, 1977*; *1998*; *2005*; *Бельтикова, Борзунов, Корякова, 1991*; *Борзунов, 1982*; *1992*; *Матвеева, 1991*; *1996*; *1997*; *2000*. С. 113, 294–295, рис. 22; *Ковригин, 1998*; *Борзунов, Шорин, 2004*; *Зах, Зимина, 2009*], а также участие неких зауральских групп с тальковой посудой (гороховских?) в формировании сарматских племен Южного Урала [*Мошкова, 1972*. С. 45–48; *1989,* С. 209].

Серьезным прорывом в изучении таежных культур северной периферии Зауралья стала разработанная В. Д. Викторовой периодизация археологических памятников бассейна р. Тавды, открытых и частично раскопанных во второй половине 1960-х гг. археологами УАЭ УрГУ (г. Свердловск). В рамках этой систематики были выделены поселения с глиняной посудой конца бронзового века, украшенной различными фигурными штампами: ***лозьвинской*** (ямочно-волнисто-прокатанной, ямочно-волнисто-гребенчатой), некой ***ранней крестовой*** и сменившей их ***вагильской***. К началу бронзового века были отнесены памятники с керамикой ***кульминского*** типа, а также поселения с ***синдейской*** керамикой. Последние сменили вагильские и по некоторым элементам орнаментики посуды были близки ***кашинским*** низовьев Тавды. Сходство

вагильской керамики с гамаюнской позволило Валентине Дометьяновне определить вагильские памятники как северный вариант «гамаюно-каменогорской» культуры. Сама же вагильская посуда, по ее представлениям, сочетала черты местной лозьвинской и некой пришлой крестовой [*1969*; *1970*].

Позднее будет установлено, что основной ареал лозьвинской культуры приходился на бассейн р. Конды и отчасти – на юг Нижнего Приобья [*Борзунов, 1992.* С. 87–90; *Захожая, 1999*; *Кокшаров, 1991.* С. 98–99; *2006.* С. 53]. Кроме того, самые северные лозьвинские поселения были обнаружены в Приполярье, в бассейне р. Печоры, и названы ***коршаковскими*** [*Стоколос, 1988*. С. 159–187. Рис. 30. Табл. 47, 48]. К востоку от Тобола и низовий Иртыша лозьвинская и вагильская посуда не известна. Так называемая «ранняя крестовая» керамика бассейна р. Тавды – это посуда северных мигрантов – охотников и рыболовов ***атлымской культуры*** Нижнего Приобья [*Васильев, 1982*]. Она, также как ***молчановская, гамаюнская, белоярская, красноозерская, карьковская, завьяловская, тургайская, ымыяхтахская, чаркабожская, вятская и прочая «крестовая» керамика***, характеризует обширный ареал «культур фигурно-штампованной керамики», раскинувшийся от Вятки до Енисея и порожденный последствиями миграций приобских охотников и рыболовов конца бронзового – начала железного веков [*Косарев, 1981.* С. 81; *1987*; *Борзунов, 1986*; *1987*; *1992*. С.100–115, 139–140].

Поселения с вагильской посудой датируются концом эпохи бронзы (X–VIII вв. до н. э.) и синхронны позднейшим лозьвинским памятникам Конды. В первой половине РЖВ (VIII/VII–IV вв. до н. э.), после миграции массы таежных коллективов на юг, в данном районе исчезают характерные для лозьвинской культуры мощные укрепленные жилища и волнисто-прокатанная керамика. Тогда же в бассейнах Конды, Лозьвы, Сосьвы и верховьях Тавды появляются поселения с гребенчато-ямочной керамикой кульминского типа [*Борзунов, Чемякин, 2006*. С. 81. Рис. 1 – *1–9*; *Чемякин, 2005.* С. 159], сходной с «иткульской второго типа» и карагай-аульской. Во второй половине РЖВ кульминские комплексы сменяются ***синдейскими*** – местным вариантом кулайских.

Впоследствии, при комплексной характеристике гамаюнских древностей, я попытался разделить гамаюнские и иткульские материалы, происходящие со «смешанных» памятников. Своеобразными «реперами» при этом послужила керамика памятников вагильского типа, а также посуда укрепленных иткульских металлургических центров. Ниже приведены краткие версии интересующих нас культур Зауралья и Притоболья, далее – их критический анализ и характеристики новых культур.

2. Традиционная характеристика гамаюнской и иткульской культур. ***Гамаюнская культура лесного и лесостепного Зауралья*** сформировалась в процессе миграции на юг и последующего взаимодействия разнородных западносибирских таежных коллективов периода поздней бронзы (XII–VIII вв. до н. э.): атлымских Нижнего Приобья (с ямочно-гребенчато-крестовой керамикой) и лозьвинских бассейна Конды и верховьев Тавды (с ямочно-волнисто-прокатанной). Данная миграция являлась одной из первых волн массовых переселений рыболовов-охотников Нижнего и Среднего Приобья на запад, юг и юго-восток, происходивших на рубеже бронзового и железного веков, причиной которых послужил очередной плювиал («гумидный период»).

Гамаюнская культура возникла в X–VIII вв. до н. э. на южных границах расселения лозьвинских племен – в бассейнах Сосьвы, Лозьвы и Тавды (памятники вагильского типа). Подобно тому, как на юго-восточных границах того же ареала в результате слияния лозьвинских и позднесузгунских групп на юге Нижнего Прииртышья общины с ***керамикой лучкинского типа***.

Окончательно гамаюнская культура оформилась в IX–VII вв. до н. э., в процессе продвижения гамаюнских коллективов из низовьев Сосьвы через верховья рр. Туры и Салды в горнолесное Среднее, а затем – Южное Зауралье. Именно здесь гамаюнское население при производстве керамики стало добавлять толченый тальк, отличительный признак зауральской посуды всех эпох. В это же время небольшие группы мигрантов с ранней гамаюнской тальковой посудой по р. Чусовой проникли в Среднее Прикамье, занятое племенами ***ерзовской культуры*** финала бронзового века. Часть ранних гамаюнских групп из Зауралья проникла в Нижнее Притоболье, заселенное поздними бархатовскими коллективами. В лесном Зауралье поздние гамаюнские поселения датируются VI–IV вв. до н. э.

Выделяется 7 локальных вариантов гамаюнской культуры: вагильский (северный), тагильский, верхнеисетский, ирбитский (центральные), каслинско-синарский, миасско-аргазинский (южные), тюменский (восточный). Эти социо-территориальные образования различаются по количеству, характеру и длительности функционирования поселений, этнокультурному составу и хозяйственной специализации их населения, а также по связям носителей гамаюнской культуры с окружающими родственными и инокультурными общинами. Наиболее долговременные поселения сосредоточены в вагильском, верхне-исетском и каслинско-синарском вариантах. Единичные гамаюнские памятники (пункты находок гамаюнской керамики) открыты за

пределами этих территорий – в Нижнем Притоболье, Среднем Прикамье, низовьях Чусовой, верховьях Печоры и на Южном Урале.

Основной ареал обитания гамаюнских общин – восточные склоны Уральских гор от верховьев рр. Тагила, Исети и Пышмы до верховьев Миасса. На данной территории и прилегающей с востока равнине носители гамаюнской культуры вступили во взаимодействие с позднебронзовыми бархатовскими общинами. Об этом свидетельствуют следы пребывания мигрантов в бархатовских поселках (городища Красногорское, Усть-Утякское 1, Миасское I, поселения Щетково 2, Заводоуковское IX, Ново-Шадрино II), а также глиняная посуда, сочетающая в своей орнаментике черты бархатовского и гамаюнского декора (Усть-Утякское 1, Миасское I). При этом явных следов взаимодействия пришельцев с межовским населением края не зафиксировано. Возможно, последнее частично мигрировало к югу, а оставшиеся коллективы находились на стадии трансформации в этносы начала железного века (иткульские, воробьевские, гафурийские и др.). Между тем, главным для развития гамаюнского общества стали тесные контакты с формирующимися и более поздними иткульскими коллективами – наследниками позднемежовских (межовско-березовских) племен, с которыми они проживали чересполосно, практически на одних и тех же территориях. Первоначально взаимоотношения между пришельцами и аборигенами носили напряженный характер, о чем свидетельствует первое массовое распространение укрепленных поселений в Зауралье и Притоболье. Кстати, именно в горнолесном Зауралье у гамаюнского населения наряду с традиционными большими укрепленными жилищами появились городища – мысовые и береговые с мысовой традицией. Вероятно, это произошло под влиянием бархатовских общин. В дальнейшем отношения стали более мирными. Гамаюнские коллективы вступили в систему общественного разделения труда, возникшую в среде племен Зауралья и Нижнего Притоболья в начале эпохи железа, в том числе на правах поставщиков продовольствия иткульским металлургам. Это привело к формированию целой системы смешанных гетерогенных гамаюно-иткульских (иткульско-гамаюнских) общин, о которых речь пойдет ниже. Благодаря взаимодействию с туземцами, пришельцы освоили основы производящей экономики. Они научились разводить и содержать небольшое количество лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, но все же продолжали практиковать охоту на лесных копытных и рыболовство. Правда, последнее, на озерах и реках Зауралья было не таким результативным, как у их предков в Западной Сибири.

Судя по редким обломкам керамики с примесью талька, в Тюменское Притоболье – из горнолесного Зауралья по рр. Исети, Пышме и, возможно, по Режу, Нице и низовьям Туры – проникли только единичные и малочисленные гамаюнские группы.

В Зауралье сформировались основные типы гамаюнских фортификаций, поселений, жилищ, посуды и орудий труда. Гамаюнская культура известна только по поселенческими памятниками: укрепленными жилищам, городищам, селищам и стоянкам. Орудийный комплекс представлен в основном изделиями из камня (наконечники стрел, скребки, скребла, стамески, сверла и т. д.). Значительно меньше было предметов из кости (наконечники стрел, мотыжки, проколки) и глины («пряслица», штампы для орнаментации глиняной посуды, литейные формочки и «пуговицы» из черепков). Меднолитейное производство было незначительное и довольно примитивное. Цветной металл обычно расплавляли в неспециализированных емкостях – обычных тонкостенных горшках. Предметов из меди и бронзы – единицы (круглые петельчатые бляхи и бляшки-пуговицы). Не исключено, что гамаюнское население пользовалось сырьем и продуктами литейной продукции иткульских мастеров. В пользу этого говорят постоянные находки иткульских изделий на гамаюнских поселениях.

Вагильская (северная гамаюнская) посуда, как правило, слабопрофилированная и толстостенная, горшечной и горшечно-баночной формы, с примесью песка и шамота. Сосуды с прямой отогнутой наружу шейкой без утолщения и плоским скошенным венчиком. Также встречаются дуговидные вогнутые шейки, аналогичные атлымским. Днища – округло-приостренные, округлые, единично – уплощенные. Южная гамаюнская керамика меньших размеров, более четко профилированная, с примесью талька, часто обильной. Сосуды горшечные, горшечно-баночные и чашевидные. Для них характерны средней высоты прямые и дуговидные шейки, резко отогнутые наружу, плоские скошенные венчики, выпуклые плечики и зауженные придонные части. У отдельных шеек с внутренней стороны прослеживается утолщение. Днища округлые, округло-приостренные, уплощенные и плоские. Самая богато и тщательно орнаментированная посуда – северная (вагильская). По мере продвижения к югу количество элементов орнамента резко сокращается, но техника их нанесения остается неизменной.

По орнаментации гамаюнская керамика подразделяется на четыре типа: 1) ямочно-волнисто-прокатанную (основной тип), 2) ямочно-крестовую, 3) смешанная ямочно-волнисто-прокатанно-крестовую (единичные емкости), 4) с обедненным ямочно-насечковым декором. На укрепленных поселениях эти

типы обычно встречаются вместе. Исключения составляют стоянки («местонахождения керамики»), где представлен один или два типа гамаюнской посуды. Довольно часто гамаюнская керамика встречается на одних памятниках с «иткульской второго типа». Отсутствие гребенчатых узоров – отличительная черта гамаюнской орнаментики. Псевдогребенчатые оттиски нанесены зауженным и скругленным концом универсального глиняного штампа (в виде овала, сердечка и четырехлопастного креста), которым наносился волнисто-прокатанный и змейчатый декор. Все это свидетельствует о том, что с начала зарождения гамаюнская культура представляла собой фратриальное (дуальное экзогамное) общество с лидирующей ролью потомков лозьвинского населения и чуть меньшим значением выходцев из атлымского Нижнего Приобья. Судя по доминированию сосудов с волнисто-прокатанным декором и меньшей доле крестового орнамента, а также по наличию характерных больших укрепленных жилищ, гамаюнские древности являются своего рода продолжением развития лозьвинской культуры. В дальнейшем принцип дуальной экзогамии был перенесен на взаимодействие мигрантов с туземцами. В IV в. до н. э. остатки гамаюнских коллективов были окончательно ассимилированы местными этносами [*Борзунов, 1982*; *1984*; *1986*; *1990*; *1992*; *2008*; и др.].

Иткульская культура и Зауральский (иткульский) очаг металлургии (по версии Г. В. Бельтиковой). В конце 1970-х гг., начиная систематизацию иткульских древностей, Г. В. Бельтикова опубликовала краткую история изучения иткульской культуры и ее характеристику, выполненную по результатам раскопок П. А. Дмитриева, Е. М. Берс, К. В. Сальникова, Н. П. Кипарисовой, В. Е. Стоянова, В. И. Липского и других исследователей. В статье были учтены данные о 40 известных на тот момент поселениях с иткульскими материалами (городища, селища, стоянки – местонахождения керамики). Очерчен ареал распространения данных поселений, которые тянутся узкой полосой примерно в 150 км вдоль восточного склона Уральского хребта, а отдельные локализуются в низовьях Пышмы. Представлены описания нескольких памятников – городищ и селищ с остатками жилищ и объектов металлургического производства, а также намечены их локальные группировки. По результатам статистического анализа 14 керамических коллекций дана общая характеристика иткульской посуды, а также выделены два ее основных типа: первый (I) и второй (II). На одном поселении (Чебаркуль IV) отмечено наличие «керамики переходного облика», сочетавшей черты двух основных типов. Посуда лепная, горшечная, круглодонная с примесью талька, изредка – дресвы, слюды, шамота, песка и органики. Первый тип представлен емкостями с плоским (реже – округлым и чуть утолщенным) венчиком, прямой отогнутой наружу шейкой, выпуклым туловом и круглым дном. Узоры покрывают половину сосуда, как исключение – только шейку. Они довольно простые – концентрические линии, наклонные и горизонтальные оттиски, сетка, «шагающий» декор, вертикальная елочка и др., нанесены гребенчатым штампом со средней величины зубцами. Второй тип отличают невысокие дуговидные отогнутые наружу шейки с характерным утолщением изнутри емкости, заостренные и тонкие округлые венчики, мелкогребенчатый и ямочный декор, в том числе сдвоенные ямки по основанию шейки и взаимопроникающие треугольные зоны на плечиках. Ямочный орнамент – типичный элемент «гамаюно-каменогорской» посуды, отражает влияние гамаюнской культуры на иткульскую, а потому, по мнению Галины Викторовны, должен быть ранним и предшествовать первому. Наличие в обоих типах горизонтальных зигзагов, решетки, шагающей гребенки, взаимопроникающих треугольников, лопастей столбиков, горизонтальных и наклонных параллелей находит полную аналогию в традициях местных лесных племен III–II тыс. до н. э. На основании изучения многослойных стратифицированных памятников и комплекса иткульских находок (медные наконечники стрел, ножи, кельт, круглые петельчатые зеркала, бляхи, шило, наконечник копья, железные ножи, каменная форма для отливки кельта и др.), Г. В. Бельтикова определила хронологический диапазон бытования иткульских поселений VII–III вв. до н. э. [*1977*].

В дальнейшем она сосредоточила основные усилия на раскопках иткульских памятников с остатками металлургического производства (городища Думная гора, Иткульские I и II, Большегорское, Синарское I, поселения Вишневый остров, Каменные Палатки I, II и др.), а главное – на характеристике выделенного ей Зауральского (иткульского) очага металлургии. Последний, по представлениям ученого, полностью совпадал с иткульской культурой. Точнее говоря, «Зауральский очаг металлургии (или, во всяком случае, его ядро) функционировал на территории и хозяйственно-экономической базе иткульской культуры, и рассматривается как ее фракция» [*Бельтикова, 2005.* С. 162].

Г. В. Бельтиковой учтено 115 пунктов находок иткульской керамики, включая 74 «достоверно иткульских памятника», из них 41 – с остатками металлургии, а также дана общая характеристика очага [*Бельтикова, 1981*; *1997*; *1998б*; *2002*; *2005*; *2008*; и др.]. Проведен системный анализ укрепленных и неукрепленных металлургических центров, жилых, производственно-жилых и производственных построек, объектов металлургии, вещевого, в том числе орудийного, комплекса, представлена характеристика литейных форм, создана классификация медных иткульских наконечников стрел [*Бельтикова, 1982*; *1993а; 1993б; 1997*;

1998а; 2002; *2008*; *Бельтикова, Стоянов, 1984*; *Бельтикова, Викторова, Панина, 1993*; и др.]. Бесспорных иткульских могильников неизвестно, но учтено несколько погребений с иткульскими материалами [*Бельтикова, 2005.* С. 162]. На одном памятнике, расположенном на вершине скалы (Палатки I), зафиксированы остатки культового сооружения [*Бельтикова, 2008.* С. 179; *Бельтикова, Викторова, Панина, 1993*. С. 157]. Хронологические рамки культуры и очага оставлены практически прежними: VII–III (II) вв. до н. э. [*Бельтикова, 1993а*. С. 95; *2002.* С. 254; *2005.* С. 186; *2008*; и др.]. Иткульские металлургические объекты (12 – с фортификациями, 27 – без таковых), располагались на плато холмов или каменных палаток; равнинных участках на мысах; равнинных участках террас; останцах надпойменной речной террасы с каменными палатками. Их площади, с учетом притобольских городищ, варьировались от 250 до 3600 кв. м, чаще – до 1400 кв. м. Городища одноплощадочные, береговые, мысовые и кольцевые на вершинах гор и склонах озерных террас. Производственные объекты и производственно-жилые помещения обычно располагались на периферии укрепленного поселка, а его центр оставался относительно свободным. Жилые и производственно-жилые постройки наземные, прямоугольные и овальные, разной площади (от 3 до 58 кв. м), с углубленным (от 5 до 50 см) или неуглубленным полом с земляным, глинобитным или комбинированным покрытием. Селища с остатками металлургического или литейного производства, как и городища, обычно занимали высокие места. Из производственных объектов выделяются глинобитно-земляные горны и печи, подсобные земляные ямы, глинобитные площадки для обработки металла, отдельные кострища за пределами помещений. В горнолесной части Зауралья предполагается наличие иткульских медных рудников [*Бельтикова, 2008.* С. 185].

Генезис иткульской культуры и Зауральского очага металлургии связан с выделением из общей массы позднебронзовых коллективов Зауралья большесемейных общин и кланов, специализировавшихся на производстве цветного металла, проживавших изолированно от других производственно-хозяйственных групп, но поддерживавших экономические отношения с соседями [*Бельтикова, Борзунов, Корякова, 1991.* С. 108–109; *Бельтикова, 2005*. С. 170]. Первоначально это произошло на севере иткульского ареала – в верховьях Исети (юг Свердловской обл.) В дальнейшем металлургические центры возникли на южных и восточных территориях (север Челябинской обл., Тюменское Притоболье). При этом металлургия полного цикла (от добычи руды и выплавки металла до изготовления изделий) фиксируется только на поселениях горно-уральской зоны, длиной 270, шириной 140 км. Всего же на территории очага выделено 7 гнезд поселений с остатками металлургического производства: пять – в восточных предгорьях Урала (Аятское, Исетское, Иткульское, Иртяшское, Полевское), два – на Западносибирской равнине (Багарякское и Андреевское). Предполагается, что памятники Андреевского гнезда, на которых вырабатывали железо (некое Андреевское городище), датируются не ранее V в. до н. э., хотя здесь зафиксирована только ранняя иткульская керамика (второго типа). Еще в четырех пунктах фиксируется по одному памятнику: селище Юдинское на оз. Осиновом (бассейн р. Ницы, притока р. Туры), поселение на о-ве Вишневом на оз. Тургояк, стоянка Чебаркуль на оз. Чебаркуль и городище Серный Ключ в верховьях р. Уфы. В гнездах – от 2 до 9 памятников, расстояния между гнездами – 30–90 км. Только поселения на оз. Андреевском удалены на 300 км к востоку. С V–IV вв. до н. э. у иткульских металлургов, специализировавшихся на производстве цветного металла, отмечен постепенный переход к собственной металлургии и обработке железа. Обработка железа отмечена на 9 памятниках во всех гнездах. Производство черного металла и изделий из него – на половине (14) площадок. Поиск и разработка руд, выплавка меди и железа имели сезонный характер. Об остальной производственно-хозяйственной деятельности носителей иткульской культуры говорить трудно. Можно предполагать гончарное, косторезное производство, рыболовство, охоту (в основном на мясных животных), скотоводство (разведение лошадей, крупного и мелкого рогатого скота). Предполагается, что роль охоты в иткульском хозяйстве была выше в горнолесных районах, по сравнению с лесостепными. Между тем, состав костных остатков не совсем точно отражает систему хозяйственной деятельности горняков, металлургов и литейщиков. Дело в том, что многие животные на иткульских поселениях могли появиться в результате продуктообмена, а часть костных остатков, связанных с охотой, вообще не попадала сюда [*Косинцев, 1986.* С. 88; *Бельтикова, Борзунов, Корякова, 1991.* С. 106–109; *Бельтикова, 1993.* С. 98; *1997*; *2002*; *2005.* С. 164–171; *2008*].

Исходными коллективами для формирования иткульского населения Г. В. Бельтикова, по-видимому, считает, межовские, но при этом отмечает воздействие пришлых гамаюнских. В частности, она пишет, что иткульские остатки на многослойных поселениях фиксируются выше межовских, гамаюнских и носиловских материалов. О гамаюнском влиянии свидетельствует факт заимствования «иткульцами» гамаюнских элементов орнамента. В целом же Галина Викторовна отмечает «… существование иткульско-гамаюнских контактов на этапе появления гамаюнского населения в Зауралье и дальнейшую его ассимиляцию иткульским населением» [*1993а.* С. 93–94]. О влиянии местных бархатовских традиций, существовавших с эпохи бронзы, Г. В. Бельтикова упоминает только один раз и то попутно: в связи с анализом керамики и глиняных тиглях на черепках поселений Андреевского гнезда [*1993.* С. 98]. О широких связях иткульского населения с соседями и даже носителями удаленных культур, по данным исследователя, свидетельствуют находки иткульской керамики на красноозерских и большереченских памятниках, а также обломки ананьинской посуды в одном слое с иткульской на поселении Палатки I [*1993а.* С. 95; *1999.* С. 301–302].

Восточный вариант иткульской культуры выделен В. А. Захом и О. В. Зиминой по материалам собственных раскопок и результатам полевых исследований археологов УрГУ (1960-е – начало 1970-х гг.), ТюмГУ и ИПОС СО РАН (1990-е – 2000-е гг.). Итоги детального анализа изложены в серии статей и прекрасно иллюстрированной монографии. В последней книге, помимо прочего, представлена сравнительная характеристика иткульских памятников Зауралья и Притоболья [*Зах, Зимина, 2001*; *2005*; *2006*; *Зимина, Зах, 2009*; и др.].

Ареал распространения иткульских памятников восточного варианта – юг Тюменского и север Курганского Притоболья – южная кромка тайги, подтаежная зона и северная лесостепь [*Зимин, Зах, 2009*. Рис. 2]. Ранее на части этой территории, в низовьях Пышмы и Туры, выделяли памятники тюменского варианта гамаюнской культуры [*Борзунов, 1992*] и Андреевское гнездо поселений иткульской культуры [*Бельтикова, 2006*].

К новому культурному образованию отнесены 69 памятников: 32 городища и 37 неукрепленных поселений, стоянок, местонахождений керамики. Погребений не обнаружено. По материалам городищ Юртоборовского археологического микрорайона (дер. Юртобор, Ярковский р-н, Тюменская обл.), выделено три этапа развития культуры: иткульский (конец VIII – первая половина VII в. до н. э.), карагай-аульский (вторая половина VII в. до н. э.) и вак-куровский (VI в. до н. э.). Периодизация основана на анализе планиграфии поселений, изучении керамических комплексов и результатах радиоуглеродного датирования [*Зимина, Зах, 2009*. С. 210–211]. Итоги анализа трансполированы на весь ареал памятников восточного варианта иткульской культуры. В целом же периодизация данных памятников отражает динамику иткульского культурного стереотипа в Притоболье, его постепенную трансформацию и замену баитовским [*Там же.* С. 213]. Памятники большей частью однослойные. По этапам укрепленные и неукрепленные поселения распределяются следующим образом: иткульский – 27 и 14, карагай-аульский – 1 и 0, вак-куровский – 4 и 14. На последнем этапе рядом с укреплениями появляются «посады» и резко увеличивается доля селищ [*Там же.* С. 147, 157, 167, 213].

Остатки фортификаций и жилищ в рельефе прекрасно выражены. Городища и селища располагаются достаточно далеко от современных водоемов, в глубине первой и второй надпойменных террас, на относительно невысоких и плоских участках местности (песчаные гривы, края озерных и речных террас, площадки в глубине берега). Укрепления в основном правильные кольцевые (25), с замкнутой системой валов и рвов, часто со сдвоенными или расположенными неподалеку друг от друга (50–200 м) укрепленными округлыми и овальными площадками, на которых найдены разнотипные керамические комплексы. На первом этапе – это, например, восьмеркообразное двухплощадочное Андреевское городище, на первой площадке которого (№ 5) найдена гамаюнская (ямочно-крестовая) и иткульско-гамаюнская гребенчато-ямочно-крестовая посуда, на второй (№ 7) – керамика «иткульского второго типа». На втором этапе – городище Карагай Аул 1 с иткульскими (площадка А) и карагай-аульскими материалами (площадка Б). На третьем – городище Вак-Кур 2 – с иткульскими, гамаюно-иткульскими (площадка Б) и вак-куровскими материалами (площадка А). Такая ситуация, по-видимому, является следствием дуально-экзогамной (клановой) структуры общества, включавшего потомков местных (бархатовских) и пришлых (гамаюнских) коллективов финала эпохи бронзы. Кроме того, такая планировка поселков, по-видимому, объяснялась сохранением у каждого клана обособленной собственности [*Зах, Зимина, 2005*; *2006*; *Зимина, Зах, 2009.* С. 183–184, 196].

В северной части ареала преобладали обширные городища с овальными площадками (15 000–64 000 кв. м). Округлые городища меньше (1000–8000 кв. м) и встречаются по всей территории. По остальным характеристикам они сходны и все слабо укрепленные. По данным О. Ю. Зиминой и В. А. Заха, раскопанные участки «фортификаций» (городища Андреевское 7, Карагай Аул 1, Карагай Аул 4, Вак-Кур 2) представляли собой сложенные супесью невысокие (до 0,5 м) и средней ширины валы (3,0–4,5 м), по верху которых, возможно, проходил частокол из вертикально вкопанных бревен либо заградительная стена («забор») из укрепленных столбами горизонтально уложенных бревен, остатки которых зафиксированы в основании валов. Снаружи от насыпи располагался неглубокий (0,3–1,35 м) ров шириной 1,0–1,75 м. Скорее всего, данная канава имела не оборонительное, а чисто утилитарное назначение – в качестве места для забора грунта с целью укрепления основания ограды. Жилища на укрепленных поселениях в обычно располагались по кольцу вдоль оборонительных сооружений в один, иногда в два ряда. В этих же постройках зафиксированы меднолитейные комплексы. Основная часть городищенской площадки оставалась свободной. Значительно

реже остатки жилищ прослеживаются в центре поселения (Пламя Сибири 6, 7, Рафайловский «городок»), в том числе на обоих самых поздних памятниках (Юртобор 6, Караульный Яр 4). При этом на одном из них дома выстроены в подобие линии (Юртобор 6). На селищах, судя по данным внешней фиксации, постройки располагались довольно кучно, без видимой системы, изредка в подобия линии или кольца. Количество жилых объектов на неповрежденных городищах варьировало от 4 до 42, на селищах – от 2 до 17. Жилые и производственно-жилые помещения на поверхности представлены круглыми, овальными и подпрямоугольными песчаными площадками, слегка приподнятыми (0,1–0,3 м) над окружающей поверхностью и окруженными глубокими ямами-карьерами. Это остатки наземных сооружений каркасно-столбовой конструкции, площадью около 60 кв. м без углубленного пола. Грунт для присыпки стен брался из соседних ям-карьеров [*Зимина, Зах, 2009.* С. 148–151, 156–170, 184–185]. Судя по реконструкции С. А. Кухтерина [*Там же.* Рис. 106], стены домов были невысокие вертикальные, полностью засыпаны песком; перекрытия четырехскатные, покрыты пластами дерна. Снаружи такое сооружение выглядело как заросший травой высокий песчаный холм. В целом же данная домостроительная традиция не характерна для поселений предшествующей бархатовской культуры.

Керамика «второго иткульского типа» Притоболья сходна по форме и основным элементам орнамента с зауральской. Это круглодонные горшки с широким устьем, выпуклыми плечиками, дуговидными или прямыми отогнутыми наружу шейками, в том числе с характерными утолщениями, а также с плоскими, округлыми или скошенными наружу венчиками. Притобольская «иткульская» посуда – с примесью песка, шамота, реже слюды, талька и органики. Узоры покрывают верхние две трети поверхности сосудов, реже – только шейку. Основная техника орнаментации – гребенчатая и ямочная. Гребенка использовалась для нанесения обычных зубчатых оттисков, так и мелкоструйчатых (змейчатых) узоров. Элементов орнамента немного, и они простые: многорядные горизонтальные линии, «волны», ряды наклонных оттисков, пояски ямок (обычно в основании шейки), единично – взаимопроникающие фигуры, сетка, ряды вдавлений, наклонные линии, заштрихованные ленты, лесенки, меандр. Ямки выстроены в одну или две линии (в шахматном порядке), они округлые, овальные, ромбические, треугольные. Композицию завершают одна-две горизонтальные линии или зигзаги, горизонтальные линии в сочетании с пояском неглубоких вдавлений или наклонных оттисков гребенки. *Карагай-аульская посуда*, наследующая «иткульскую второго типа», близка ей, но имеет некоторые черты, более характерные для бархатовской керамики эпохи бронзы. В первую очередь, это – преобладание в ямочном декоре жемчужин. Кроме того, в качестве примеси к глиняному тесту используются только традиционные песок и шамот, единично – слюда. Больше становится сосудов с обычной прямой, отогнутой наружу шейкой. Приблизительно до трети увеличивается доля сосудов с обедненной орнаментацией (как у сосудов журавлевского этапа богочановской культуры Тоболо-Ишимья). Больший процент сосудов украшен волнистым декором и каплевидными ямками. *Керамика вак-куровского типа* (этапа), которую можно рассматривать и как «лесной вариант» баитовских древностей, продолжает сохранять черты местных иткульского и карагай-аульского комплексов. Новое в ней – большее разнообразие форм, оригинальные дополнительные элементы орнамента и более разряженный декор. Посуда в основном тонкостенная и круглодонная, с прямой шейкой, плоским венчиком и слабопрофилированными плечиками. Встречаются горшки со слегка отогнутой или даже наклоненной внутрь емкости шейкой. Орнаментируются только верхняя треть сосуда. Обязательные элементы узора на шейках – поясок ямок и/или жемчужин, наклонные оттиски и горизонтальные линии, нанесенные гребенчатым штампом. На плечиках преобладают орнаменты из одного-двух рядов наклонных оттисков гребенки или «волны». Кроме того, встречаются пояски оттисков, нанесенных углом лопаточки, а также гребенчатая сетка, ряды вертикальных оттисков, столбики из горизонтальных оттисков, гребенчатые зигзаги в один-три ряда, взаимопроникающие фигуры, двойной ряд неглубоких ямок, заштрихованные треугольники вершинами вниз, горизонтальная елочка и т. д. [*Там же.* С. 152–161, 163–166, 174–181].

Малое количество керамики на памятниках Притоболья «…может указывать на недолговременное функционирование поселений, особенно в связи с предполагаемым использованием центральной части огражденных площадок в качестве загонов для скота» [*Там же.* С. 152]. Единичные находки костей и зубов животных (лошадь – Андреевское № 7; лошадь, корова, собака – Вак-Кур 2; мелкий рогатый скот, лось – Карагай Аул 1/Б) указывают на возможные отрасли хозяйства притобольского населения, но не дают целостной его картины. По вещевому комплексу и остатками производства достоверно реконструируются только домашние производства: керамическое, обработка дерева, камня, выделка шкур, ткачество, бронзолитейное [*Там же.* С. 46–92, 119, 188].

Относительно генезиса притобольского населения рубежа бронзового и железного веков О. Ю. Зимина и В. А. Зах высказали следующую гипотезу. Данный переходный период, как и все аналогичные, совпал с заметными природно-климатическими изменениями и связанными с этим миграциями населения. «В такие периоды все культурно-исторические процессы протекают в ускоренном ритме, происходит взаимодействие двух или нескольких этносов» [*Там же.* С. 141]. В очередной гумидный период, накануне раннего железного века – в начале I тыс. до н. э. или чуть раньше – на территорию, заселенную носителями бархатовской культуры, начали проникать отдельные гамаюнские коллективы. Здесь они заняли привычную для себя экологическую нишу – подтаежные районы, что соответствовало их хозяйственно-культурному типу рыболовов и охотников на лесных копытных. Пути миграций гамаюнского населения в Притоболье, скорее всего, пролегали по долинам рек Исети, Туры и Пышмы, берущих начало в предгорьях Урала. Начало взаимодействия местных позднебронзовых бархатовских и пришлых гамаюнских коллективов документируется по синкретичным комплексам керамики городищ Усть-Утяк 1 в Курганском Притоболье и Миасское 1 в Южном Зауралье. Эти комплексы могли стать основой формирования иткульской культуры, а именно поселений со вторым типом керамики, распространенным значительно шире, чем только районы горнолесного Зауралья. Таким образом, памятники восточного варианта иткульской культуры сформировались при участии бархатовской и гамаюнской культур, возможно, при некотором доминировании орнаментальных традиций последней на ранних этапах генезиса. При этом население с позднесузгунской керамикой не было задействовано в этом процессе. Около IX в. до н. э. оно покинуло подтаежное Притоболье и, переселившись на восток, стало одним из субстратов при формировании красноозерских комплексов Приишимья и Прииртышья. Вместе с тем, судя по немногочисленным обломкам красноозерской посуды на бархатовско-гамаюнских и ранних гамаюнских городищах (Усть-Утяк 1, Миасское 1, Зотинское IV), контакты между гамаюнским и красноозерским этносами сохранялись. Единичные фрагменты посуды, орнаментированные жемчужинами, разделенными вертикальными насечками или уголками, найденные на городище Усть-Утяк 1, ассоциируются с позднеирменской керамикой. В свою очередь, находка журавлевского (раннего богочановского) сосуда на городище Карагай Аул 1 (площадка А с иткульской керамикой) предполагает еще один вектор связей – северо-восточный [*Там же.* С. 141–145, 211, рис. 36 – *1*]. В целом же «три этапа развития иткульской культуры в Притоболье отражают процесс постепенной ассимиляции пришлого населения примерно до становления баитовской культуры, т.е. в рамках конца IX–VI вв. до н. э.» [*Там же.* С. 145].

3. Новые данные по характеристикам и интерпретации культур начала железного века Зауралья и Притоболья.

Гамаюнская культура – это культура мигрировавших с севера племен бассейна Конды и Нижнего Приобья, вступивших во взаимодействии с представителями аборигенных этносов горнолесного и равнинного лесного Зауралья. Новые разведки и повторный анализ отчетной документации позволили увеличить количество ранее учтенных гамаюнских памятников [*Борзунов, 1992.* Рис. 1] более чем на четыре десятка: главным образом, за счет кратковременных стоянок и мест находок керамики на инокультурных поселениях. Вместе с тем, характеристика культуры принципиально не изменилась. Из новых объектов можно выделить укрепленные жилища Иткуль 26 (оз. Иткуль) и Иртяшское 7 – Козий остров (оз. Иртяш), а также места находок гамаюнской посуды на стоянках и поселениях Балакина, Исток III, Нижнее Озеро III (бассейн р. Сосьвы), Остров Репный (оз. Шитовское), Шайтанская Гора I (оз. Шайтанское в верховьях р. Нейвы), Рябиновый Лог, Шокурово I (верховья р. Уфы), Исетская XIV (оз. Исетское), Чебачья Поляна, мыс у р. Решетки, Перегон V, Исетская правобережная III, Верхнеисетская I (верховья р. Исети), Коровий мыс, Песчаный мыс (оз. Чебаркуль), Тургояк IV, XII (оз. Тургояк), Березки Va, VIII, Перевозный III (оз. Аргази), культовом памятнике Остров Веры (оз. Тургояк), пещерных святилищах – гротах Дождевом, Денежном, Котел, Пещере Туристов – Камень Дыроватый I (р. Чусовая), Усть-Койвинской пещере (низовья р. Чусовой, Среднее Прикамье), городищах Шигирское (оз. Шигирское), Теплая Гора, Синарское (Снежинское) I – мыс Петушок (оз. Синара), Иртяшское II, Иртяшское 6 – Беседка, Иртяшское 10 и 11 – Шатанов I и II, Иртяшское 12 – Толстый мыс (оз. Иртяш), Большая Нанога II (оз. Большая Нанога), Суварышском – Борок (низовья р. Исети), Андреевском 9 (низовья Пышмы и Туры), Вак-Кур 2/Б, Усть-Утяк 1, Красногорское – Лизуново, поселениях Черемуховый Куст, Песьянка 5 и 7, Ново-Шадрино II (Нижнее Притоболье) и др. Исключительно гамаюнская принадлежность известного кольцевого Андреевского городища № 5 сейчас вызывает сомнение. Данный памятник помимо посуды с крестовым орнаментом содержит комплекс ямочно-крестово-гребенчатой и ямочно-гребенчатой керамики, близкой «второму иткульскому типу» (исетскому). Вместе с соседним городищем № 7 его вполне можно включить в состав поселений «восточного варианта иткульской культуры» (юртоборских). Кроме того, появились новые гипотезы о появлении кольцевых укреплений в Притоболье, связанные с тем, что такие оборонительные системы собственно гамаюнскому этносу не характерны.

Что же касается выделенного нами *андреевского локального варианта* гамаюнской культуры, то он может быть расширен до низовьев Исети и даже переименован в *притобольский*. Хотя суть от этого не изменится. В бассейне Тобола, как и на его левом притоке р. Миасс, гамаюнские памятники представлены кратковременными стоянками (местонахождениями керамики), а также поселениями с бархатовско-гамаюнскими материалами – тремя селищами (Щетково II, Ново-Шадрино II, Заводоуковское IX) и тремя городищами (Красногорское-Лизуново, Усть-Утяк 1, Миасское 1). На периферийных восточных и южных территориях северные пришельцы – как самостоятельный этнос – существовали недолго и вскоре были ассимилированы аборигенами края. При этом собственно гамаюнских групп с тальковой крестовой и особенно с волнисто-прокатанной керамикой (потомков лозьвинских племен), в составе мигрантов в Притоболье было крайне мало, и переселились они сюда из горнолесного Зауралья. Комплекс волнисто-прокатанной керамики найден только на городище Усть-Утяк 1. На двух других памятниках (городище Вак-Кур 2/Б, поселение Черемуховый Куст) зафиксированы только отдельные черепки с таким декором. Убедительных данных, что лозьвинское или вагильское население прошло сюда прямо по Тавде, от ее верховьев, пока нет. Остальные притобольские «крестовые» комплексы, как будет показано ниже, связаны не только с гамаюнскими, а какими-то иными западносибирскими группами.

На нескольких стоянках, относящихся к миасско-аргазинскому варианту, также обнаружена гамаюнская посуда с ямочно-крестовым орнаментом, хотя ранее утверждалось, что для этой территории она не характерна [*Борзунов, 1992*. С. 125].

Пользуясь случаем, отмечу, что топор из туфопорфирита, найденный в разведочном шурфе и отнесенный ошибочно к гамаюнским [*Борзунов, 1992*. С. 73, рис. 19 – *12*], датируется энеолитом и связан с остатками селища липчинской или кысы-кульской культуры, залегавшими под иткульским и петрогромским слоями городища Серный Ключ [*Борзунов, 1998а*].

Иткульская археологическая культура, на мой взгляд, это культура местных металлургов горнолесного Зауралья с керамикой первого иткульского типа.

Она в корне отлична от гетерогенной культуры пришельцев и аборигенов лесного Зауралья с так называемой керамикой «второго иткульского типа». Вторую культуру и «керамику второго иткульского типа» я предлагаю назвать, как прежде, *исетской*, но наполнить ее новым содержанием.

Мысль о разделении разнотипных «иткульских» комплексов с отличными друг от друга генетическими корнями, как минимум, на две относительно независимые культуры (в рамках некой культурной общности или области) мне приходила давно. Независимо от этого, практически к таким же выводам – о необходимости выделения двух различных культур с керамикой так называемого «первого и второго иткульского типов» – пришла В. Д. Викторова[1]. Вместе с тем, долгое время я был вынужден использовать традиционную характеристику иткульской культуры без существенных корректив [*Борзунов, 1992*. С. 91–96; и др.]. Дело в том, что уважаемая Галина Викторовна, фактически монополизировав «иткульскую тематику», крайне болезненно относилась к моим робким попыткам интерпретации иткульских материалов, оставляя мне только право анализа гамаюнских древностей. При этом, несмотря на продолжительные совместные полевые работы на памятниках Урала и Западной Сибири, а также при учете того, что в 1976–1996 гг. мной были обследованы десятки поселений РЖВ в бассейнах Исети, Пышмы, Синары, Багаряка, Тобола, Уфы, Сосьвы и Камы, а также раскопан десяток *опорных* памятников с иткульской, гамаюнской и гамаюно-иткульской керамикой (городища Мелкое Озеро, Красный Камень, Зотинские II, III, IV, Колпаковское, Уфа VI, Серный Ключ), на которых было вскрыто и изучено более двух десятков иткульских глинобитных горнов-печей и площадок для обработки металла. Такая ситуация кажется еще более абсурдной при учете того, что гамаюнские и иткульские материалы на подавляющем количестве зауральских памятников встречаются вместе.

После публикации первичной характеристики иткульской культуры [*1977*] Галина Викторовна, сосредоточила основные усилия на изучении Зауральской (иткульской) металлургии. Между тем характеристика данного очага, даже очень детальная [*2005*; и др.], это не одно и то же, что комплексный анализ иткульской культуры. В исследованиях Г. В. Бельтиковой пока отсутствует детальный анализ керамических комплексов, системы хозяйственной деятельности зауральских металлургов, их взаимодействия с соседями и окружающими этносами, углубленный анализ проблем происхождения иткульских древностей и т. д. По этой причине, в частности, до сих пор не опубликовано точных данных о количественном соотношении типов «иткульской» посуды на раскопанных памятниках РЖВ Зауралья. В этом можно легко убедиться, ознакомившись со статьями Г. В. Бельтиковой. Кроме того, порученный

[1] Позиция В. Д. Викторовой высказана в беседе, состоявшейся в 2006 г. в Отделе археологии ИИА УрО РАН во время предварительного обсуждения докладов ко II САК. Сейчас эту точку зрения поддерживает и К. Г. Карачаров.

в 1990-х гг. Н. В. Хрущевой (Короне), ученице Галины Викторовны, анализ зауральской иткульской керамики до сих не опубликован и не включает материалы исследованных мною иткульских памятников.

Сейчас, с известной долей вероятности, можно предположить, что к памятникам собственно иткульской культуры – преимущественно с посудой первого типа – можно отнести городища Большегорское, Думная гора, Иткульское I, Дальнее Багарякское, Зотинское III, Серный Ключ, возможно, Шигирское, Шайдурихинское (средний горизонт), Красный Камень (Зотинское I), Синарское I, Иртяшские I, II, поселение на о-ве Вишневый остров, металлургический комплекс на горе Петрогром и некоторые другие изученные раскопками объекты.

В пользу разграничения иткульской и исетской культур, до сих пор объединенных в рамках одного иткульского комплекса, свидетельствует следующее.

Как уже упоминалось, гамаюнская культура была выделена Е. М. Берс и К. В. Сальниковым (последним – под названием «каменогорская») преимущественно по памятникам *со смешанными* гамаюно-иткульскими материалами. Аналогичным образом была охарактеризована К. В. Сальниковым иткульская культура (по Е. М. Берс – исетская). Два Иткульских (Даутовских) городища РЖВ на оз. Иткуль, исследовавшиеся в разные годы Н. П. Кипарисовой, К. В. Сальниковым и Г. В. Бельтиковой, давшие название культуре, содержали в разном соотношении керамику двух «иткульских» типов, выделенных Г. В. Бельтиковой. То же наблюдалось при раскопках других памятников, в том числе городищ Шигирское, Шайдурихинское, Думная гора, Большегорское, Дальнее Багарякское, Красный Камень, Зотинское II (1-я площадка), Синарское I, Большое Наногское, Иртяшские I и II, Абселямовской стоянки, поселений Малый Вишневый остов, Палатки I и II и др. [*Бельтикова, 1977*; *2002б*; *Бельтикова, Стоянов, 1984*; *Борзунов, 1977*; *1978*; *1981*; *Бельтикова, Викторова, Панина, 1993*; *Гаврилюк, Наумов, 2004*; *Бельтикова, Борзунов, 2008*]. По этой причине Г. В. Бельтикова, следуя за предшественниками, включила оба типа керамики в состав древностей единой иткульской культуры (иткульского очага металлургии РЖВ) и следует этому принципу до сих пор [*1977*; *1997*; *2008*; и др.]. При этом керамику «второго иткульского типа» с бесспорными следами гамаюнской орнаментальной традиции она всегда считала более древней, чем иткульскую посуду «первого типа» [*1977*. С. 125].

Возможно, Галина Викторовна отчасти права. Керамика «второго типа» и связанные с ней отдельные поселения (например, на горе Шаманиха и Мыс Толстик на оз. Исетском) могли появиться в Зауралье раньше, чем городища с посудой первого иткульского типа.

Тем не менее, основная масса поселений с посудой первого и второго «иткульских» типов синхронна. Керамика «второго типа» встречается на многих иткульских и иткульско-гамаюнских памятниках, в том числе – на самых поздних (V–IV/III вв. до н. э.): Красный Камень (Зотинское I), Зотинское III (Левобережное), Палатки I [*Борзунов, 1978*; *1981*; *Бельтикова, Викторова, Панина, 1993*]. Во-вторых, датировка всех горно-уральских «иткульских» объектов построена только на анализе вещей из цветного металла и не учитывает радиоуглеродные датировки, которые пока не проводились, что отчасти дает расхождение в хронологии памятников с керамикой первого и второго «иткульских» типов. В-третьих, керамика первого типа связана в основном с долговременными стационарными поселениями горнолесного Зауралья, как правило, укрепленными и расположенными на высоких, естественно защищенных местах. Ее крайне редко находят на зауральских лесных стоянках, как в горах, так и на равнине, в том числе на побережьях озер. Более того, посуды «первого типа» нет на памятниках за пределами Зауралья. Исключение – несколько черепков, найденных на Баитовском (Чортовом) городище, расположенном на р. Караште, правом притоке Тобола. Наконец, самое главное: *керамика первого иткульского типа принципиально отлична от посуды «второго иткульского типа» (хотя имеет некоторые общие зауральские элементы формы, технологии изготовления и декора) и, безусловно, формируется не на ее основе*. Хотя Г. В. Бельтикова выстраивает единую линию развития и распространения иткульских памятников: от ранних, северных (верхне-исетских) с посудой «второго типа» к поздним – южным и восточным, с керамикой «первого типа».

В действительности только «первый иткульский тип» входит в круг сходных *исетских (по версии В. Е. Стоянова – Л. Н. Коряковой)* керамических комплексов, объединяющих также воробьевские, гафурийские и отчасти – гороховские материалы. Все эти типы керамики *в основном* продолжают линию развития местной межовской (межовско-березовской) посуды. Учитывая это и отсутствие бесспорного «переходного звена» между межовскими и иткульскими комплексами «первого типа», я предполагаю *«прямое перерастание»* позднебронзовых межовских комплексов в ранние иткульские (с керамикой «первого типа») начала железного века, притом без всякого инокультурного воздействия. При этом допускаю, что древнейшие иткульские городища зауральских горняков-металлургов – после проведения радиокарбонных тестов – могут быть датированы концом VIII или началом VII в. до н. э. Формирование кланов с посудой «первого иткульского типа», как справедливо отметила Г. В. Бельтикова, явилось результатом размежевания

первичного коллектива на группы по производственно-экономическому принципу, а именно: выделения из общей массы позднебронзового населения кланов или общин, специализировавшихся на изготовлении металла [*Бельтикова, Борзунов, Корякова, 1991.* С. 108–109]. Верхние хронологические границы иткульской культуры, судя по материалам городищ Думная гора, Красный Камень, Зотинское III, Серный Ключ [*Борзунов, 1976; 1977;1981*; *Бельтикова, 2008.* С. 184–186, рис. 6], могут быть установлены в пределах IV–II вв. до н. э.

После открытия городища Оленьи Ручьи на р. Серга, правом притоке Уфы, западная граница ареала иткульской культуры должна быть перемещена ближе к Уральскому хребту. На севере зона расселения общин иткульской и исетской культур ограничивалась бассейнами рек Тагила и Ницы, где зафиксированы и самые северные межовские поселения. Дело в том, что памятники низовьев Сосьвы и верховий Тавды, причисленные ранее к иткульским [*Бельтикова, 2005.* Рис. 1 – *№№ 1–5*], в действительности, таковыми не являлись, и могут быть охарактеризованы как южные кульминские.

Что же касается ***Зауральского очага металлургии***, то в него, на наш взгляд, входили поселения, как минимум, двух разных этносов – *иткульского* и *исетского*, имевших несколько отличные друг от друга зоны обитания (рис. 1), системы хозяйственной деятельности и другие характеристики.

Костяк Зауральского очага металлургии, бесспорно, составляли укрепленные поселения (городища) и большие неукрепленные поселения (производственные площадки) местных иткульских металлургов, на которых превалировала керамика первого иткульского типа (рис. 2) и зафиксировано производство цветного и черного металла полного цикла.

Поиск, добыча и обогащение руд, выплавка металла и производство металлических изделий у кланов рудознатцев и металлургов, базировавшихся в этих укрепленных центрах, занимали практически всю теплую часть года. В этот период мясо и другие продукты питания, а также, возможно, древесный уголь, им могли поставлять ближайшие гамаюнские и гетерогенные (исетские) общины, с которыми они поддерживали постоянные товарообменные связи. Тем не менее, находки грузил от сетей, костяного наконечника гарпуна, а также рыбьих костей и чешуи, на некоторых городищах и неукрепленных металлургических площадках [*Бельтикова, 2005.* С. 168; *Борзунов, 1998а.* С. 18] указывают на то, что металлурги и члены их семей сами могли периодически заниматься рыболовством. Поздней осенью и зимой часть населения этих поселков могла переселяться с заснеженных и продуваемых всеми ветрами гор в более неудобные для проживания места – в глубь леса или в приозерно-речные низины. Зимой металлурги занимались, по-видимому, преимущественно охотой на лесных копытных, а поздней осенью и ранней весной – заготовкой рыбы. Кроме того, как показывает практика коллективов таежного Приобья конца эпохи бронзы – РЖВ (атлымских, барсовских, белоярских, калинкинских, кулайских), плавка цветного металла и производство из него изделий могли осуществляться в зимних жилищах. Наличие на городищах иткульских металлургов небольшого количества керамики «второго иткульского типа» (исетской), равно как и гамаюнской, является следствием товарообменных связей и межэтнических браков.

На это же указывают находки здесь редкой иткульской посуды «смешанного типа» (рис. 3), а в гамаюнских поселках – керамики гамаюнского четвертого типа (обедненной ямочно-насечковой).

На городищах иткульских металлургов (Зотинское III, Серный Ключ, Думная гора и др.) помимо специализированных мелких керамических форм (глиняные тигли, сопла, литейные формочки) найдены *обломки больших производственных емкостей*. Это толстостенные слабопрофилированные горшечно-баночные сосуды без орнамента с обильной примесью талька. Один такой треснувший сосуд был даже скреплен плоской медной скобкой (городище Серный Ключ), что предполагает его особую ценность. По общему облику производственная посуда более близка первому типу иткульской бытовой (столовой) керамики. За пределами Зауралья и городищ металлургов ее также нет.

В заключении еще одна важная деталь: производственные комплексы (горны, металлургические площадки, ямы) могли занимать не только периферию укрепленного поселка, но и практически всю его территорию. Это показали наши раскопки на миниатюрном (1000 кв. м) городище Серный Ключ [*Борзунов, 1998а.* Рис. 1]. Правда, я не настаиваю, что все глинобитные печи-домницы (а их уже сейчас раскопано два десятка) на нем «дымили» одновременно. Такое себе трудно даже представить. Скорее всего, они функционировали некоторое время, а затем заменялись другими, новыми.

Исетская культура – гетерогенная культура пришельцев и аборигенов лесного Зауралья с так называемой керамикой «второго иткульского типа» (далее – исетской). Ее памятники многочисленны и распространены на более обширной территории, чем поселения иткульских металлургов, «прижимающихся» к восточным склонам Уральских гор (рис. 1). Общее количество поселений с исетской керамикой пока точно не известно. Для этого нужна ревизия всех выявленных зауральских поселений РЖВ.

Г. В. Бельтиковой собраны данные о 74-х «иткульских» памятниках без следов металлургии [ср.: *Бельтикова, 2005.* Рис. 1; 2]. Из этого списка следует исключить северные памятники бассейна Тавды, Лозьвы и Сосьвы (скорее всего, кульминские), а также притобольские поселения так называемого «восточного варианта иткульской культуры». Кроме того, на основании анализа отчетов по разведкам и раскопкам сотрудников УрГУ и НТГПИ, хранящихся в архиве ПНИАЛ УрФУ, мне известно не менее трех десятков селищ и местонахождений с интересующей нас «гамаюно-иткульской» (исетской) керамикой, не учтенных в списке Г. В. Бельтиковой. В результате этих подсчетов набирается, как минимум, 90 памятников, которые, с известной осторожностью, мы можем отнести к исетской культуре.

Одна их часть сосредоточена в горнолесной зоне Зауралья, между верховьями рек Тагила и Миасса, чересполосно с поселениями местных иткульских металлургов и пришлых гамаюнских коллективов, вторая – на примыкающей с востока лесной равнине. На последней территории ареал расселения исетских общин доходил почти до Нижнего Притоболья, *примерно до границ среднего и нижнего течений рек* Исети, Пышмы и Туры. Далее к востоку локализуются «родственные» им памятники так называемого «восточного варианта иткульской культуры» (ныне – юртоборские) (рис. 1), к юго-востоку – носиловские, баитовские, воробьевские и ранние гороховские. В верховьях Миасса (оз. Аргази) с ними соседствовали немногочисленные гафурийские общины.

Отдельные западные горно-уральские гетерогенные (исетские) коллективы с керамикой так называемого «второго иткульского типа» (рис. 4; 5), по-видимому, были второй составляющей ***Зауральского очага металлургии***. Как полагает Г. В. Бельтикова, первые поселения с такой посудой и следами металлургического производства появились даже раньше, чем укрепленные городки с керамикой «первого иткульского типа». Вероятно, с этим можно согласиться. Проживавшие в них общины, включавшие потомков аборигенов края и пришельцев с севера, характеризует хозяйство комплексного типа, сочетавшее производящие и присваивающие отрасли (охота, рыболовство, собирательство, домашние производства). На некоторых из этих поселений, в том числе ранних (Шаманиха, Мыс Толстик), судя по характерным остаткам (медные шлаки, капли цветного металла, пест, кирка) зафиксировано металлургическое производство полного цикла [*Бельтикова, 2005.* С. 180–181, табл. 6, рис. 6]. При отливке изделий исетское население, также как иткульские металлурги, обычно использовало «чистую» медь без добавок других металлов. Сплавы металлов у них были редки, так как для изготовления бронз был нужен металл, которого нет в Зауралье (олово, мышьяк, сурьма, серебро). Его можно было бы получить в виде слитков или импортного цветного металлического лома, но только после установления тесных обменных отношений с востоком и югом[2]. В основном же исетские коллективы, представлявшие крайнюю западную часть обширного гетерогенного сообщества, кроме охоты и рыболовства, занимались меднолитейным производством и «перепродажей» готовых изделий, полученных от местных металлургов с керамикой первого типа.

Об активной «торгово-посреднической» деятельности носителей исетской культуры свидетельствуют многочисленные находки исетской тальковой («гамаюно-иткульской», «иткульской второго типа») посуды за пределами Зауралья – в Волго-Камье, Северной и Восточной Башкирии, Притоболье, Прииртышье и даже в Барабе – на ананьинских, кара-абызских, карагай-аульских, карьковских, красноозерских, позднеирменских и других поселениях. Возможно, этим же, а также активизацией отношений с северными соседями, объясняется сходство исетской посуды с гребенчато-ямочной кульминской керамикой бассейна Конды и верховьев Тавды и отчасти – с ранней белоярской Среднего Приобья. Вероятно, через исетские племена к кочевникам южно-уральских степей попадали медные иткульские наконечники стрел, копировавшие савромато-сарматские формы, произведенные металлургами иткульских укрепленных центров.

От кого *исетские коллективы* (возможно, даже раньше иткульских) могли унаследовать навыки бронзолитейного производства, тем более, выплавки меди из руды, – сложный вопрос. Их гамаюнские предки, придя в верховья Исети, теоретически (от лозьвинских и атлымских коллективов) могли обладать основами бронзолитейного производства, но сразу же переориентировались на производство разнообразных каменных орудий, сырья для изготовления которых было достаточно в Зауралье. После этого для самих гамаюнских коллективов металлургическое и меднолитейное производство, даже в перспективе, отошло на второй план, и они практиковали его крайне редко [*Борзунов, 1992.* С. 66–69]. Более глубокими знаниями выплавки меди из руд и производства медных изделий могли обладать местные позднебронзовые коллективы – зауральские межовские и бархатовские. Открытие бархатовского поселка Палатки II (оно же – Пашня Комарова I; раскопки С. Н. Паниной 1978–1990 гг.) в верховьях Исети и находка обломка бархатовского сосуда на Иткульском III городище (Иткуль 20, разведка Г. В. Бельтиковой 1994 г.) подтверждает гипотезу о том,

[2] Вспомним известную находку в бассейне р. Ай на северо-востоке Башкирии сосуда раннего железного века (исетского типа) со следами плавки цветного металла с высоким содержанием олова [Крижевская, 1959].

что горнолесное Зауралье также входило в ареал расселения бархатовских племен. Хотя основные бархатовские и бархатовско-гамаюнские поселения находились в Притоболье и на р. Миасс [*Аношко, 2006*].

В отличие от посуды «первого иткульского типа», сформировавшейся в основном на основе позднебронзовых межовских комплексов горнолесного Зауралья, зауральская керамика «второго иткульского типа» (по нашей версии – исетская) – многокомпонентная, сочетающая элементы форм и декора разнородных туземных и пришлых этнических групп – гамаюнских, бархатовских и межовских. Ее принадлежность только к каким-то одним «позднебронзовым» древностям невозможна.

Судя по сходству исетской керамики с гамаюнской, бархатовской и отчасти – с межовской, ее генезис связан с глубокими местными зауральскими и пришлыми западносибирскими традициями. У всех этих групп населения имелся комплекс посуды, представленный невысокими горшками с дуговидными, отогнутыми наружу шейками, выпуклыми плечиками, резко зауженными придонными частями, а также круглыми и, как исключение, маленькими уплощенными днищами. Примесь талька в исетской посуде – чисто зауральская, в то время как наличие в декоре ямочного узора характерно только для населения Западной Сибири. Круглые, овальные, прямоугольные и треугольные ямки обычны для гамаюнской и даже бархатовской посуды. Поясок треугольных двойных ямок, выстроенных в шахматном порядке вершинами друг другу, зафиксирован на кульминских и бархатовских сосудах. Пояски одиночных треугольных вдавлений нередко встречаются на черкаскульской керамике. К межовскому, бархатовскому и более древнему – вплоть до неолита – местному наследию относятся взаимопроникающие заштрихованные (прежде всего – треугольные) орнаментальные зоны. Впрочем, широкие разнонаклонные заштрихованные ленты присутствуют также в вагильском и гамаюнском декоре. Мелкозубчатые штампы и выполненные ими «струйчатые» узоры являются местной «адаптацией» гамаюнского волнисто-прокатанного декора, наносившегося глиняными штампами. Характерные невысокие дуговидные шейки с утолщением изнутри, которые часто встречаются на гамаюнской и исетской посуде, являются отличительной чертой бархатовского керамического комплекса. Кстати, практически всего этого нет у посуды иткульской культуры («первого иткульского типа»).

В целом же возрождение древних неолитических и энеолитических традиций в орнаментике керамической посуды рубежа бронзового и железного веков было характерно не только для Зауралья, но и, как свидетельствует А. Я. Труфанов, для обширных территорий леса и лесостепи Западной Сибири. При этом своеобразным катализатором возрождения (раскрепощения) архаичных черт стало мигрировавшее с севера таежное население с «крестовой» керамикой [*1984.* С. 70].

Совпадение территорий распространения исетских памятников с общими зауральскими сегментами ареалов гамаюнской и бархатовской культур показывает место формирования исетских древностей. Кроме того, установленное Г. В. Бельтиковой появление памятников с керамикой «второго иткульского типа» – первоначально на севере, затем – в центре и, наконец, – на юге горнолесного Зауралья и на востоке – в Притоболье, коррелируется с этапами освоения урало-тобольских территорий гамаюнским населением.

Типы исетских поселений не так разнообразны. В основном это небольшие селища и стоянки по берегам рек и озер, а также производственные площадки для переплавки металла и отливки медных изделий на возвышенных местах. Это соответствует основным хозяйственным занятиям исетского населения. Для выделения укрепленных поселений исетской культуры данных пока недостаточно, хотя такие городища не исключены. Исетскую керамику нередко находят на городищах, хотя она здесь всегда присутствует в меньшинстве.

Хронология исетской культуры (около IX/VIII–III вв. до н. э.) в основном совпадает с иткульской (VIII/VII–III вв. до н. э.). Впрочем, первая формируется, по-видимому, раньше. Древнейшими памятниками с керамикой «второго иткульского типа», согласно Г. В. Бельтиковой, являются стоянки и производственные площадки на оз. Исетском (гора Шаманиха, мыс Толстик). К позднейшим объектам исетской культуры относятся металлургические комплексы памятника Палатки I в верховьях Исети и связанный с этим местом вышеупомянутый культовый комплекс. Между тем, об этом судить преждевременно, так как пока не опубликованы данные о соотношении типов иткульской посуды (точнее, иткульской и исетской), найденной при раскопках. Одним из самых поздних памятников с исетской, иткульской, гамаюнской посудой и медными иткульскими наконечниками стрел в Южном Зауралье можно считать городище Красный Камень VI–IV вв. до н. э. [*Борзунов, 1981*].

Судя по многочисленным случаям совместного залегания поздней гамаюнской, исетской, иткульской, а также гафурийской, воробьевской и гороховской керамики, одной из характерных черт развития этнокультурных процессов в Зауралье в VI–III вв. до н. э. является *формирование поселков со смешанным составом населения*. С одной стороны, это было следствием тесных культурно-хозяйственных (в первую очередь, товарообменных) связей зауральских и притобольских этносов, установившихся после временного периода размежевания и «дивергенции» культур в самом начале РЖВ. С другой стороны, это предопределено усилением давления со стороны продвигавшихся с востока раннесаргатских племен и связанной с этим вынужденной миграцией воробьевских и гороховских коллективов из низовьев Исети и Притоболья.

Вторая половина РЖВ в горнолесном Зауралье и ближайших равнинных лесных районах археологами практически не изучена. По этой причине исторические судьбы исетских коллективов, впрочем, как иткульских, не совсем ясны. После крушения Зауральского очага металлургии и переселения в эти районы части притобольских групп под давлением саргатских племен местные гетерогенные коллективы могли уйти на запад и север, либо просто «раствориться» в уральской тайге, мирно обитая вокруг многочисленных рек и озер, усилив присваивающий сектор своей экономики. По крайней мере, «ярких» памятников этого времени здесь мы пока не знаем, а редкие датируются уже ранним средневековьем – IV–VI вв. н. э. (городища Мелкое Озеро, Уфа VI, Иткульское I – поздние слои).

Юртоборская культура – гетерогенная культура аборигенов и пришельцев Нижнего (Тюменского и севера Курганского) Притоболья рубежа бронзового – начала железного века с комплексной системой хозяйства. В свое время, гребенчато-ямочную керамику лесных поселений РЖВ Среднего Зауралья и бассейна р. Иски, левого притока Тобола, определенную М. Ф. Косаревым как гамаюнскую [*1987.* С. 297–298. Рис. 116], я отнес ко второму иткульскому и кульминскому типам [*Бельтикова, Борзунов, Корякова, 1991.* С. 113–114], городища Андреевские № 5 и № 7 предложил считать, соответственно, гамаюнским и иткульским [*Борзунов, 1992.* С. 122–123], а также рекомендовал В. А. Заху и О. Ю. Зиминой рассматривать исследованные ими памятники с карагай-аульской посудой в рамках иткульской культуры. В свете новых данных, а именно разделения древностей РЖВ горнолесного Зауралья на иткульские и исетские, некоторые эти решений сейчас считаю неточными и даже неверными.

Гребенчато-ямочная посуда Нижнего Притоболья IX/VIII–VI вв. до н. э., сформировавшаяся под влиянием «гончарных» и орнаментальных традиций северных пришельцев, непосредственно наследующая бархатовскую, в действительности, была более близка керамике исетской культуры и абсолютно не похожа на «собственно» горно-уральскую иткульскую. Отчасти сходны у равнинных исетских и нижне-тобольских коллективов этого времени системы хозяйства. Между тем, как *культура иткульских металлургов горнолесного Зауралья в корне отлична от культуры племен Нижнего Притоболья рубежа бронзового и железного веков*.

В этой связи, *я предлагаю далее наименовать последнюю не «восточным вариантом иткульской культуры», а юртоборской культурой* – по названию дер. Юртобор (устье р. Тап, правого притока Тобола), в окрестностях которой тюменскими археологами исследован комплекс городищ и селищ с «иткульской второго типа», карагай-аульской и вак-куровской керамикой.

Окончательная характеристика данной культуры, представленная в монографическом исследовании О. Ю. Зиминой и В. А. Захом [2009], за некоторыми нюансами, пока не вызывает серьезных нареканий. Тем не менее, дополним ее некоторыми деталями.

О необходимости изменения названия культуры мы уже сказали. Кроме того, целесообразно изменить название первого ее этапа (конец VIII – первая половина VII в. до н. э.): с иткульского – на *исетский*. Другие замечания и коррективы – следующие.

Ареал культуры небольшой. Он охватывает участки юга Тюменского и севера Курганского Притоболья, разделенные пространством между устьями Туры и Исети, на котором юртоборские поселения пока не обнаружены [см.: *Зимина, Зах, 2009*. Рис. 2]. Западная граница притобольских общин проходила по низовьям Тавды, Туры, Пышмы и Исети, а не по средним течениям, как полагают ее исследователи.

Поселения и жилища. В Тюменском Притоболье, по сравнению с Зауральем, раскопано крайне мало памятников данного периода, а раскопы весьма невелики. По этой причине многие выводы носят предварительный характер, что сознают и сами тюменские исследователи.

Вместе с тем, на их стороне – прекрасно фиксирующиеся на поверхности остатки жилых объектов городищ и немногочисленных селищ, а также защитных линий. Это позволяет – даже без вскрытия – получить общее преставление о планировке и размерах юртоборских поселков, отчасти – о фортификациях, типах жилых и производственно-жилых построек. Последние, судя по многолетнему (с 1971 г.) опыту стационарного полевого исследования мной и моими коллегами остатков аналогичных сооружений в Сургутском Приобье, реконструированы С. А. Кухтериным [*Зимина, Зах, 2009.* Рис. 106] не совсем верно. Уважаемый мной инженер-судомоделист, не имеющий практики таких исследований, практически не читал литературы по данной проблематике, но знаком с результатами раскопок позднейших городков аборигенов Западной Сибири XVI – начала XVIII вв. и с их реконструкциями. По этой причине его рисунок сооружения 1 городища Карагай Аул 1 представляет собой, по сути дела, уменьшенный и сильно упрощенный однокамерный вариант ныне известных исторических городков Крайнего Севера – Надымского, Полуйского мысового и Бухта Находка [см.: *Кардаш, 2009*; *2011*; *2013*]. Юртоборским постройкам, на мой взгляд,

более близка описательная и графическая реконструкция однокамерных жилищ конца бронзового – начала железного века Среднего Приобья, представленных двумя основными типами. Первый: наземные сооружения каркасно-столбовой конструкции, усечено-пирамидальной формы с наклонными бревенчато-жердяными стенами, двух- и четырехскатной жердяной крышей. Второй тип: наземные бревенчатые сооружения с вертикальными самонесущими стенами и низкой двухскатной крышей. У обоих типов жилищ основание стен окружено невысокой (до 1 м) песчаной завалинкой, а снаружи оконтурено ямами-карьерами для забора грунта. Крыша, по-видимому, засыпалась песком и подзолом, прижималась пластами гумуса и лесной подстилки (подобие дерна). По периметру, вдоль стен помещения, размещались деревоземляные нары. Пол в помещениях – слабо углубленный или ровный, не углубленный; в зимних домах он частично покрывался деревом. В центре, под дымоходом, располагался наземный открытый либо слегка углубленный очаг-кострище, реже – два [Очерки культурогенеза…, 1994. С. 248–251, 279–280, 287, 290–295; *Морозов, Чемякин, 1997.* С. 28–30. Рис. 7, 8–10, 17; *Чемякин, 2008.* – С. 49–50, 53–55, 67–68, 75–76, 80–81. Рис. 50 – *1*].

Хозяйство. Судя по обширным незастроенным участкам в центре притобольских городищ, специально предусмотренным для защиты и содержания скота, разведение домашних животных – лошадей, крупного и мелкого рогатого скота – у юртоборских общин играло более заметную роль, чем у их западных соседей в равнинном лесном и горнолесном Зауралье. Правда, плохая сохранность костей в песчаных слоях, не позволяет с уверенностью говорить, с одной стороны, о видах промышляемых диких животных, с другой, – о реальном соотношении производящих и присваивающих отраслей экономики у жителей Притоболья.

В то же время притобольские территории, лишенные рудных источников, исключали у местного населения собственное производство цветного металла. Притобольские коллективы могли только переплавлять медь и бронзу, получаемые в процессе продуктообмена. Правда, выгодное пограничное положение р. Тобол – между Зауральем и Западной Сибирью, Степью и Тайгой, во все времена, начиная с неолита, благоприятно сказывалось на организации аборигенами края посреднических торгово-обменных операций. Система связей для приобретения изделий из цветного металла и, возможно, «перепродажи» зауральской меди на восток – в Прииртышье и Барабу – была построена главным образом на взаимодействии с исетскими племенами, от которых они получали зауральскую медь. Возможно, от того же населения на городище Вак-Кур 2 попал брусок каменного талька, из которого была выточена формочка для отливки подвески, возможно, предназначенной для конской упряжи [см.: Зимина, Зах, 2008. С. 171. Рис. 102 – *3*]. Прямые же контакты горно-уральских иткульских металлургов с притобольскими коллективами исключены из-за удаленности территорий их обитания.

Химический анализ малочисленного юртоборского металла пока не проведен, поэтому не известно: есть ли в нем олово. Если да, то каким образом и откуда олово попадало сюда (слитки, готовые изделия; копи Алтая, Средней Азии)? Если нет – все ли притобольские изделия были местного литейного производства или среди них есть импортные образцы? Что же касается предполагаемых «широтных» связей юртоборского населения, то им могла предшествовать система разнообразных контактов гамаюнского населения с красноозерскими и карьковскими коллективами Ишимо-Иртышья, а также позднебархатовскими бассейнов Исети, Миасса и Тобола. Об этом, в частности, свидетельствуют единичные находки посуды красноозерского облика на бархатовско-гамаюнских, раннегамаюнских памятниках (городища Миасское 1, Усть-Утяк 1, Зотинское IV, Гороховское, поселение Поспелово I) и Гороховском городище, а так называемой «гамаюно-иткульской» или «второго типа иткульской» с примесью талька (ныне – исетской) – на красноозерских памятниках Среднего Прииртышья и Северной Барабы (городища Инберень VI, Чича 1, поселение Новотроицкое 1 и др.). О последнем также говорят находки на городище Инберень VI литейных форм кельтов, напоминающих ананьинские.

Черная металлургия юртоборским общинам вряд ли была известна. Изделий из железа, в том числе импортных, на их поселениях пока не нашли.

Генезис юртоборских древностей. По представлениям тюменских археологов, накануне РЖВ, примерно с начала I тыс. до н. э. или чуть раньше, на территорию, заселенную носителями бархатовской культуры, начали проникать отдельные гамаюнские группы. Взаимодействие местных позднебронзовых и пришлых гамаюнских коллективов стало основой формирования «восточного варианта иткульской культуры» (с керамикой «второго иткульского типа»). Таким образом, «в генезисе восточного локального варианта иткульской культуры прослеживаются два компонента – местный, бархатовский и пришлый, гамаюнский» [*Зимина, Зах, 2009.* С. 143, 145, 196].

На наш взгляд, гамаюнские коллективы с тальковой посудой, орнаментированной крестовыми и волнисто-прокатанными узорами, проникли в Притоболье с запада – из горнолесного Зауралья и были сравнительно немногочисленными. При этом не только эти мигранты являлись носителями новых «северных» культурных традиций. Об этом свидетельствуют большие кольцевые городища и характерные северные жилища с песчаной обваловкой стен и внешними ямами-карьерами, необычные для гамаюнской культуры, но преобладавшие в юртоборской. Такие «северные» жилые постройки фиксируются в начале железного века по всей западносибирской лесостепи – от низовьев Исети и Тобола до Новосибирского Приобья. Эпицентр строительства этих объектов находился в западной части Обь-Иртышского междуречья и Сургутском Приобье. Это, а также находки северной «крестовой» керамики в Нижнем Притоболье, указывают на то, что в данный район с севера и северо-востока продвигались *какие-то иные таежные западносибирские коллективы – с гребенчато-ямочной керамикой и характерными «северными» жилищами*. Какие именно – белоярские, кульминские или другие – покажет время. Этот поток был частью миграции северных рыболовов-охотников, продвигавшихся из северной и средней тайги вверх по Иртышу и Тоболу, а также общего переселения коллективов Нижнего и Среднего Приобья начала I тыс. до н. э. на запад, юг и юго-восток.

Для исследования происхождения и развития юртоборской культуры большое значение, бесспорно, имеет анализ формы и декора ее керамической посуды. О гамаюнской и бархатовской составляющей, в этой связи, уже говорилось, и мы не будем касаться этой темы.

Заштрихованные меандры, единично встречающиеся на ранней юртоборской («иткульской второго типа») посуде, характерны для позднебронзовой сузгунской и зауральской позднечеркаскульской. Это предполагает еще один – пусть и незначительный – *сузгунский элемент* при формировании юртоборской культуры. На юртоборской посуде такие узоры могли появиться двумя путями. Во-первых, в результате прямых контактов между поздними бархатовскими и сузгунскими коллективами на р. Тобол, на границе южно-таежной и подтаежной подзон. Во-вторых, через коллективы с крестовой керамикой, постепенно продвигавшиеся к югу из пограничья Нижнего и Среднего Прииртышья и до этого сталкивавшиеся с позднесузгунскими и гетерогенными лучкинскими общинами. Аналогичным образом, «двумя возможными путями», сузгунский компонент, по мнению А. Я. Труфанова, мог проникнуть и в красноозерскую культуру Среднего Прииртышья: через «местные» позднеирменские или пришлые северные (с «крестовой» посудой) коллективы [*1994.* С. 72].

В качестве версии, можно предположить, что на бархатовской, межовской и позднечеркаскульской посуде поясок треугольных ямок, как и «жемчужин», также мог быть результатом взаимодействия лесостепных скотоводческих коллективов с южно-таежными западносибирскими.

Кстати, жемчужный декор, вообще не был характерен для зауральских иткульских и исетских древностей, а ямочный необычен только для иткульских. *Эти элементы присущи лесным и лесостепным керамическим комплексам Западной Сибири, в том числе, южно-таежным Тоболо-Иртышья*. Постепенное увеличение доли жемчужного орнамента на вак-куровской посуде («северном варианте» баитовской) лишний раз подтверждает усиления влияния северо-восточного населения в жизнедеятельности нижне-тобольских племен РЖВ. Более того, баитовский компонент, возможно, являлся следствием прямой инфильтрации населения из Тоболо-Ишимья. Он начал доминировать ближе к концу развития юртоборской культуры. Вначале это послужило причиной трансформации посуды карагай-аульского типа в вак-куровскую (VII– VI вв. до н. э.), а в конечном итоге привело к прекращению функционирования юртоборской культуры и вхождению потомков ее носителей в состав баитовского этноса [*Зимина, Зах, 2009.* С. 212–213].

Кроме того, на северо-восточные связи этих коллективов указывает упомянутая ранее находка практически целого журавлевского (раннего богочановского) сосуда на городище Карагай Аул 1.

С кульминской керамикой дело обстоит сложнее. Напомним, что последняя представлена горшечными круглодонными сосудами с раздутым туловом, невысокими отогнутыми наружу и чуть утолщенными изнутри шейками. В глине сосудов – примесь песка и шамота. Обычный декор – поясок круглых или треугольных ямок по основанию шейки, а также взаимопроникающие треугольные зоны, выполненные мелкозубчатой гребенкой. По всему облику эта посуда более сходна с исетской и ранней юртоборской («иткульской») посудой, чем даже с предшествующей лозьвинской и вагильской. Это могло быть как результатом миграции небольших коллективов из верховьев Тавды и бассейна Конды вниз по р. Тавде (путь, не освоенный гамаюнскими коллективами), происходившей в самом начале железного века, так и результатом взаимодействия кульминских коллективов с исетскими и юртоборскими с целью получения зауральского цветного металла.

О генезисе «кольцевых» притобольских укреплений. Ранее я высказал предположение об их формировании в результате развития гамаюнского оборонного зодчества [*Борзунов, Стоянов, 1981.* С. Рис. 1; *Борзунов, 1992.* С. 40]. Этим заключением отчасти воспользовались О. Ю. Зимина и В. А. Зах, объясняя генезис «иткульских» крепостей в Притоболье [*2009.* С. 195]. Сейчас это суждение я считаю только рабочей версией. Дело в том, что носителем *самой идеи городищ* являлось не столько гамаюнское, сколько местное притобольское и зауральское население. Сами пришельцы стали возводить мысовые укрепленные городки

вместо своих традиционных укрепленных жилищ только в Зауралье и, возможно, под влиянием туземного, в том числе бархатовского, населения.

Конечно, сходные с притобольскими кольцевыми поселками округлые и овального плана городища в глубине берега встречаются и в средней тайге. Это белоярское городища Барсова Гора III/1, III/7, Ермаково IV и др. [см.: *Чемякин, 2008.* Рис. 46]. Тем не менее, искать корни такого «градостроительства» в глубинных лесных территориях нет веских оснований.

По всей видимости, кольцевая система обороны, наиболее оптимальная в условиях равнин, зародилась в Притоболье задолго до миграции на юг таежных западносибирских охотников и рыболовов. Истоки ее следует искать еще в эпохе бронзы, когда население ташковской культуры начало возводить в этом районе оригинальные поселки с замкнутой расстановкой жилищ по кругу, овалу и трапеции со свободным пространством в центре. Согласно В. Т. Ковалевой, эта планировка появилась здесь в результате миграции на север части скотоводов-индоевропейцев из евразийских степей, которые стали основой ташковского этноса. Более того, Валентина Трофимовна и ее ученики до сих пор настаивают на том, что кольцевая планировка ташковских поселений не всегда (или вообще) не была связана с утилитарной защитной функцией, а являлась отражением представлений об индоевропейской модели Вселенной – мандале [*Ковалева, 1997*; *2005.* С. 103–105; *Ковалева, Рыжкова, 1999*. С. 216–219; *Ковалева, Рыжкова, Шаманаев, 2000.* С. 80–86 и сл.]. Вместе с тем, известно, что в это время в урало-казахстанских степях мигрировавшими с запада (из Юго-Восточной Европы и Анатолии) скотоводческими племенами в массе возводились обширные прямоугольные, кольцевые и овального плана укрепленные комплексы [*Зданович Г., 1997*; *Зданович Г., Батанина, 1995*; *Зданович Г., Зданович Д., 2005*; *Зданович Г., Малютина, 2004*], которые могли послужить прообразами ташковских объектов. В конце бронзового века в Нижнем Притоболье по кольцевому принципу, на руинах древнего ташковского поселения одной из бархатовских общин был построен аналогичный «круглоплановый» архитектурный ансамбль – Заводоуковское X [Очерки культурогенеза…, 1994. С. 167. Рис. 9 – *1*]. В то время как остальные бархатовские городища – Миасское I, Красногорское, Коловское, возможно, Усть-Утяк 1 – строились на мысах и имели напольные поперечные фортификации [*Аношко, 2006. С. 12–17*]. Этот вариант зарождения кольцевых притобольских укреплений в свое время рассматривала О. Ю. Зимина [*2005*].

Помимо круглоплановых юртоборских городищ, располагавшихся в глубинах речных террас, у юртоборских общин известно одно оригинальное вытянутое подпрямоугольное укрепление (Онуфриевский Борок 4), а также серия городищ с незамкнутые дуговидными системами, локализующимися у береговых склонов. Линии валов и рвов, ныне фиксирующиеся как незамкнутые, вероятно, являются следствием эрозии песчаного склона (Митюшкино 5, 6, Пламя Сибири 6, 7, 8), а также современного антропогенного воздействия (Караульный Яр 4, Рафайловский «городок»).

Кроме того, более точная съемка городища Карагай Аул 1 показала, что его укрепления в плане были не просто кольцевыми, а волнообразными [*Зимина, Зах, 2009*. Рис. 31]. Причину такого явления нам еще предстоит понять.

Оборонительные линии юртоборских поселений авторы раскопок реконструируют как стены бревенчатой конструкции, укрепленные в основании песком, взятым при прокопке неглубокого и узкого внешнего ровика. Более того, из-за их маломощности тюменские ученые считают, что применение термина «фортификация, оборонительная система» в данном случае условно [*Там же.* С. 150]. На мой взгляд, такое заключение неверно в принципе. Фортификация, с точки зрения мощности обороны и других характеристик, может быть какой угодно. Тем не менее, *по определению – это оборонительная система*, а не просто забор вокруг поля, ограда загона для скота, стенка теннисного корта и т. д. Неумение правильно сформулировать свою мысль привело тюменских аналитиков к одному из вариантов агностики.

Юртоборские городища были местами постоянной жизнедеятельности притобольского населения, а не простыми городищами-убежищами. Об этом свидетельствует вся обнаруженная на них система материальных остатков, а также почти полное отсутствие синхронных стационарных селищ. Хотя я не исключаю, что в теплое время года часть пастухов, охотников и рыболовов могла проживать за пределами укреплений – во временных легких постройках по берегам рек. Редкие селища возникают в финале развития юртоборской культуры, и только как «посады». Их строительство, по-видимому, было спровоцировано обычным ростом коллективов укрепленных поселков. В дальнейшем подобные и даже более совершенные и обширные городища, в том числе с кольцевой расстановкой жилищ, начинают возводиться лесостепными гороховскими и баитовскими племенами. В горнолесном Зауралье кольцевые иткульские укрепления единичны, значительно меньше по размерам и встречаются только на вершинах гор (Большегорское) либо на склонах холмов (Мурзинские I и II) в верховьях Исети и на оз. Исетском. В них нет места для обустройства загонов для скота. Основная их цель – охрана секретов металлургического производства и защита произведенного продукта.

Небольшая ремарка. Авторы раскопок юртоборских памятников выделяют относительно многочисленную категорию находок – глиняные и керамические *пряслица*. Они находят им аналоги, говорят о древности и широком распространении этих изделий, но не используют их при реконструкции хозяйственной деятельности местного населения. При анализе функции пряслиц О. В. Зимина и В. А. Зах ссылаются только на мнение Г. В. Бельтиковой, которая связывает их не только с ткачеством, но и с металлургическими культами [*Зимина, Зах,* 2009. С. 163; *Бельтикова, 2005*. С. 170]. Мне же хотелось обратить внимание исследователей на более широкое и вероятное назначение этих артефактов, а именно: как части прибора для добывания огня [*Сериков, 2005*].

4. Зауральские святилища и «клады». На территориях обозначенных выше культур зафиксирована особая группа изделий из цветного металла, представленная большим числом находок. Это – медные птицевидные (орнитоморфные) и древовидные (антропоморфные) идолы. От синхронных и более поздних культовых изделий других территорий их отличает нарочитая небрежность исполнения. Практически все эти предметы имеют дефекты литья либо сами являются литейным браком. Основная масса медных сакральных вещей найдена в горнолесном Зауралье, прежде всего, в ареале иткульских памятников или же на самих памятниках иткульской культуры. В ряде мест обнаружены формы для отливки этих изделий, изготовленные из каменного талька или глины [*Бельтикова, 1993б.* С. 60–61. Рис. 10; Екатеринбург…, 2002. С. 25. Рис. – *6*]. По всей вероятности, именно иткульское население было основным производителем этих «идолов» и «автором» данного культа. Впрочем, нельзя исключать, что часть таких предметов отливалась носителями гетерогенной исетской культуры. В то же время наличие активной посреднической торгово-обменной деятельности в среде исетского населения предполагает, что часть изделий из цветного металла, в том числе культового литья, находимого в ареале исетской культуры, могла быть изготовлена иткульскими металлургами.

На раскопанных поселениях гамаюнской и юртоборской культур таких «идолов» не найдено. При этом не является исключением даже известное гамаюнское Палкинское укрепленное жилище в верховьях Исети. Дело в том, что найденные на нем птицевидные и древовидные идолы входили в состав клада разновременных медных вещей (начала железного века и раннего средневековья) Екатеринбург…, 2002. С. 420–421], закопанных на данном памятнике в XIX в. русскими крестьянами из соседней деревни, собиравшими такие артефакты на продажу, либо задолго до этого – местным средневековым угорским населением – предками уральских манси. Это усиливает аргументы в пользу иткульской принадлежности основной массы сакральных зауральских изделий и святилищ.

На данный момент можно отметить некоторое различие ареалов распространения медных антропоморфных древовидных и орнитоморфных (птицевидных) изображений. Первых относительно немного. Они найдены в верховьях Уфы, Исети и на р. Адуй, а формы из каменного талька для их отливки обнаружены на Шигирском торфянике, озерах Щелкун и Аргази, а также в Кумысском р-не Челябинской обл. [Берс, 1960. Табл. II – *7*; *Бельтикова, 1993б.* С. 60–61. Рис. 10; Екатеринбург…, 2002. С. 25, 420; и др.]. Орнитоморфы – изделия и формы для их отливки – были распространены в верховьях Чусовой и Исети, а также на озерах Таватуй, Аять, Карасье, Иткуль, Тыгиш, Куяш (Огневское), реках Адуй, Полевой и Сысерть. По подсчетам Ю. П. Чемякина, таких артефактов выявлено более двухсот [*Чемякин, 2006б*; *Чемякин, Кузьминых, 2011.* С. 43–74. Табл. 7 – *1–16*]. Пока их не известно на Тагиле, Уфе, Багаряке, Миассе и некоторых других зауральских реках. Бронзовые древовидные антропоморфные идолы – визитная карточка иткульской культуры РЖВ горнолесного Зауралья. По всей видимости, генезис этих персонажей восходит к местному неолиту (всемирно известный деревянный Шигирский идол). Изображения птиц на культовых и бытовых изделиях – общая черта огромного массива финно-угорских и других таежных народов. Тем не менее, орнитоморные иткульские (а также, возможно, исетские) медные фигурки имеют довольно специфическую форму. Ближайшие аналоги им встречаются в Приуралье и таежном Приобье.

Что же касается большого количества иткульских птицевидных и нескольких древовидных идолов, обнаруженных «черными археологами» в Зауралье и Притоболье (фотографии находок «выложены» в интернете), то отношение к этим вещам у меня негативное и осторожное, как у автора предыдущей статьи[3]. Не буду повторять ее содержание, с которым в основном согласен, и обращу внимание читателей на группу предметов, якобы найденных в низовьях Исети. Наличие их в данном районе, конечно, не исключено, хотя существует большая вероятность мистификаций – подделок и неверного указания мест нахождения. Данная территория на рубеже бронзового и железного веков, а также в самом начале эпохи железа была населена общинами юртоборской, затем – баитовской, воробьевской, гороховской и иных культур. Между

[3] См. статью Ю.П. Чемякина в данном сборнике.

тем, на памятниках ни одной из них профессиональными археологами не найдены интересующие нас сакральные иткульские предметы. Более того, их вообще нет в равнинной части Зауралья и даже на предгорной р. Багаряк, насыщенной укреплениями иткульских металлургов, а также городищами с керамикой гамаюнского, исетского и иных типов. Основываясь на данных специалистов, можно заключить, что такие медные идолы притобольским населением не производились и, в лучшем случае, могли быть только импортными предметами, предназначенными для переплавки или обмена.

Как минимум, в пяти случаях (Камень Дыроватый на р. Чусовой, горы Азов на р. Полевой, Караульная на р. Сысерть, Адуй на одноименной реке, притоке р. Реж, памятник Скворцовская гора V на Шигирском озере-торфянике) мы можем говорить о наличии у иткульского и исетского населения культовых (сакральных, жертвенных) мест – постоянных и временных святилищ, на которых археологи в большом количестве находили медных орнитоморфных идолов. Безусловно, таких объектов было гораздо больше. Об этом свидетельствует большое количество самих металлических ритуальных предметов РЖВ, обнаруженных в разных местах горнолесного Зауралья. Не говоря уже о том, что иткульские и исетские металлурги проводили свои ритуалы непосредственно на своих «рабочих местах» – на вершинах скал и гор – при выплавке цветного металла или закладке нового глинобитного горна [*Берс, 2012.* С. 38; *Бельтикова, 1988.* С. 107]. Об отправлении тех или иных религиозных обрядов на высоких местах, прежде всего на одиночных скалах и своеобразных «каменных палатках», свидетельствуют культурные слои, насыщенные иткульской, исетской, гамаюнской и разнообразной средневековой керамикой, а также углем, шлаками, кальцинированными костями животных и птиц (мыс Еловый, горы Петрогром, Кырман, Исетские и Шарташские каменные палатки, Чертово городище, Лайское поселение и др.). Кроме того, в качестве версии, можно предположить, что сакральные места и жертвенники, особенно на горах в верховьях Исети и в пещерах на р. Чусовой, являлись не узко-культурными, а межплеменными святилищами, объединявшими на время праздников или других событий представителей разных этносов, потомков пришельцев и аборигенов края.

К немногочисленным ранее известным погребениям с иткульской и иткульско-гамаюнской (исетской) керамикой следует добавить недавно исследованную Н. М. Чаиркиной погребально-культовую площадку Скворцовская гора V с двумя захоронениями энеолита и, как минимум, тремя – РЖВ, расположенную на берегу всемирно известного Шигирского палеоозера [*Чаиркина, 2011*].

Юртоборских могильников и святилищ не известно.

Итог. На мой взгляд, иткульские и «иткульско-гамаюнские» древности разнородны и представляют собой остатки, как минимум, трех различных культурных образований:

- иткульской культуры, точнее культуры иткульских металлургов горнолесного Зауралья;
- культуры смешанного гамаюно-иткульского и иткульско-гамаюнского населения с керамикой «второго иткульского типа» горнолесного Зауралья, поселения которых располагались в горнолесных, равнинных лесных и отчасти лесостепных районах Зауралья;
- культуры населения лесного и лесостепного Притоболья с керамикой так называемого «второго иткульского», карагай-аульского и вак-куровского типов.

При этом особый этнос и культуру характеризуют памятники Зауралья и Нижнего Притоболья с гамаюнской керамикой, наследовавшие вагильские (северные гамаюнские) бассейнов Сосьвы, Лозьвы и верховьев Тавды (рис. 1).

Три первые культурные образования, не говоря уже о пришлой ***гамаюнской*** *культуре (X–V/IV вв. до н. э.), существенно различались по генезису, территориям распространения, типам памятников, орудийному и керамическому комплексу, основной хозяйственной деятельности их населения, по развитию и историческим судьбам.*

За первой культурой, безусловно, следует закрепить ее «историческое» наименование – ***иткульская*** (VIII/VII–III вв. до н. э.). В то же время объединять памятники с керамикой первого и второго «иткульских» типов в рамках одного культурного образования на данном этапе исследований уже ошибочно. Причем дело заключается не дефинициях: абсолютно разные культуры действительно существовали, но сейчас значатся под одним наименованием.

Проблема наличия двух (или даже трех) различных культурных образований с одним именем («иткульская культура») возникла не случайно, а вполне логично. При этом давно: в конце 1950-х – начале 1960-х гг., на этапе первичного разделения разнородных материалов и выделения первых культур РЖВ Зауралья. Она определена объективным фактором: наличием двух абсолютно разных по происхождению типов посуды на эпонимных Иткульских I и II городищах, исследованных К.В. Сальниковым и Н.П. Кипарисовой. Для своего времени она была приемлема. Сейчас же, с появлением массы новых источников, разделение культурных образований с керамикой двух иткульских типов стало неизбежным.

Это в какой-то степени напоминает недавнюю ситуацию размежевания культур со сходными, но все же различающимися, культурно-хозяйственными типами (КХТ), поселениями, жилищами, керамическими и орудийными комплексами, существовавшими в рамках ананьинской культурно-исторической области (АКИО) [*Кузьминых, 2006.* С. 230–236, карта 2].

Сложившаяся проблемная ситуация может сейчас успешно разрешена. Новые имена двум последним культурным образованиям могут присвоить авторы полевых исследований. Со своей стороны, могу предложить следующий вариант:

- ***исетская культура*** Зауралья и прилегающих равнинных районов Западной Сибири (IX/VIII–III вв. до н. э.);
- ***юртоборская культура*** Нижнего Притоболья (IX/VIII–VI вв. до н. э.) (табл. 1).

Таблица 1

Культуры Зауралья и Нижнего Притоболья рубежа бронзового и железного веков (РЖВ I)

№	Культура, датировка	Основа формирования (культура, тип памятников)		Дополнительные компоненты (культура, тип памятников)	
		Местная	Пришлая	Местный	Пришлый
1.	Гамаюнская (X–V/IV вв. до н. э.)	–	лозьвинская атлымская	–	–
2.	Иткульская (VIII/VII–III вв. до н. э.)	межовская	–	–	–
3.	Исетская (IX/VIII–III вв. до н. э.)	межовская, бархатовская	гамаюнская	–	–
4.	Юртоборская (IX/VIII–VI вв. до н. э.)	бархатовская	гамаюнская, обь-иртышские культуры гребенчато-ямочной керамики	–	сузгунский, кульминский?, журавлевский?, баитовский?

Не исключено, что два последние культурные образования какое-то время функционировали как своего рода варианты одной общности. При этом первая культура существовала гораздо дольше второй. Последняя вскоре несколько изменила свои приоритеты – преимущественно на восточные и южные связи – и трансформировалась (влилась) в баитовскую.

Значительная часть населения горно-уральских культур проживала чересполосно, вступала в межэтнические и фратриальные браки, а главное – выступала как единая культурно-хозяйственная система разделения труда. Последняя позволяла различным по происхождению этносам с разной хозяйственной специализацией *относительно мирно* уживаться на одних и тех же территориях. Со временем такое сосуществование культур привело к формированию первобытных полиэтнических коллективов, проживавших в одних поселках, в том числе укрепленных, а в конечном итоге – к полному растворению северных пришельцев в местной среде. Помимо этого, переселение с северо-востока и востока новых этнических групп и развитие комплексной экономики обусловило трансформацию одних этносов в другие, в первую очередь – в Нижнем Притоболье и низовьях Исети.

Источники и литература

Аношко О. М. Бархатовская культура позднего бронзового века Зауралья: Автореф. дис.… канд. ист. наук. – Тюмень, 2006. – 26 с.

Бельтикова Г. В. Поселения иткульской культуры: дипл. работа. – Свердловск, 1969. – Архив ПНИАЛ УрФУ (бывш. КА УрГУ). Ф. III. Д. 84.

Бельтикова Г. В. Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1977. – С. 119–133.

Бельтикова Г. В. О зауральской металлургии VII–III вв. до н. э. // ВАУ. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1981. – Вып. 15. – С. 118–126.

Бельтикова Г. В. Металлические наконечники стрел с иткульских памятников // Археологические исследования Севера Евразии. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1982. – С. 65–78.

Бельтикова Г. В. Иткульское I городище – место древнего металлургического производства // Проблемы урало-сибирской археологии. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1986. – С. 63–79.

Бельтикова Г. В. Памятник металлургии на острове Малый Вишневый // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. – С. 103–116.
Бельтикова Г. В. Развитие иткульского очага металлургии // ВАУ. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993а. – Вып. 21. – С. 93–106.
Бельтикова Г. В. Литейные формы иткульского очага металлургии (VII–III вв. до н. э.) // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993б. – С. 38–75.
Бельтикова Г. В., 1997. Зауральский (иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н. э.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1997. – 23 с.
Бельтикова Г. В. Большегорское городище // Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, «Екатеринбург», 1998а. – С. 93.
Бельтикова Г. В. Зауральский (иткульский) очаг медной металлургии // УИЭ. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, «Екатеринбург», 1998б. – С. 207.
Бельтикова Г. В. О формах контактов иткульского очага металлургии // Комплексные общества Центральной Азии в III–I тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. – Челябинск: Изд-во ЧГУ, 1999. – С. 300–301.
Бельтикова Г. В. Исетский куст Зауральского (иткульского) очага металлургии // Екатеринбург. Энциклопедия. – Екатеринбург: Изд-во «Академкнига», 2002а. – С. 254–255.
Бельтикова Г. В. Большегорское городище // Екатеринбург. Энциклопедия. – Екатеринбург: Изд-во «Академкнига», 2002б. – С. 61–62.
Бельтикова Г. В. Среда формирования и памятники Зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рождения В. Ф. Генинга). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 162–186.
Бельтикова Г. В. Иткульская культура // Челябинская область. Энциклопедия. – Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 2008. – Т. 2 (Д – И). – С. 650.
Бельтикова Г. В., Борзунов В. А., 2008. Багарякские городища // Челябинская область. Энциклопедия. – Челябинск: Изд-во «Каменный пояс». – Т. I (А – Г). – С. 250.
Бельтикова Г. В., Борзунов В. А., Корякова Л. Н. Некоторые проблемы археологии раннего железного века Зауралья и Западной Сибири // ВАУ. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. – Вып. 20. – С. 102–114.
Бельтикова Г. В., Викторова В. Д., Панина С. Н. Металлургические комплексы на острове Каменные Палатки // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. – С. 134–157.
Бельтикова Г. В., Стоянов В. Е. Городище Думной горы – место специализированного металлургического производства: Предварительное сообщение // Древние поселения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1984. – С. 130–145.
Берс Е. М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. – Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1954. – 84 с.
Берс Е. М. Памятники и керамика гамаюнской культуры // Из истории Урала. – Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1960. – С. 75–86.
Берс Е. М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. – Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1963. – 2-е изд., перераб. и доп. – 116 с.
Берс Е. М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей / Предисл.: Н. М. Чаиркина, С. Е. Чаиркин. – Екатеринбург: Изд. ООО «Грачёв и партнеры», 2012. – 52 с.
Борзунов В. А. Исследование городищ эпохи раннего железа на реках Багаряк и Синаре // АО 1976 г. – М.: Наука, 1977. – С. 131.
Борзунов В. А. Раскопки Зотинских городищ на р. Багаряк // АО 1977 г. – М.: Наука, 1978. – С. 157.
Борзунов В. А. Иткульско-гамаюнское городище Красный Камень // ВАУ. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1981. – Вып. 15. – С. 112–118.
Борзунов В. А. Гамаюнская культура (основные характеристики) // Археологические исследования Севера Евразии. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1982. – С. 78–112.
Борзунов В. А. Гамаюнская культура (лесное и лесостепное Зауралье на рубеже бронзового и железного веков): дис. … канд. ист. наук. – Свердловск, 1984. – Архив ПНИАЛ УрФУ. Ф. III. Д. 275. – 325 с.; Прилож. – Д. 275А. – 236 с.
Борзунов В. А. Сравнительный анализ зауральской и западносибирских культур крестовой керамики // Проблемы урало-сибирской археологии. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1986. – С. 47–63.
Борзунов В. А. Роль миграций в сложении и развитии культур крестовой керамики // Смены культур и миграции в Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1987. – С. 23–24.
Борзунов В. А., 1990. Генезис и развитие гамаюнской культуры // СА. – М.: Изд-во АН СССР. – № 1. – С.15–33.

Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 189 с.
Борзунов В. А. Исследования городища Серный Ключ на р. Уфе // Урал в прошлом и настоящем. – Екатеринбург: Изд-во НИСО УрО РАН; Изд-во «БКИ», 1998а. – Ч. I. – С. 16–21.
Борзунов В. А. Гамаюнская культура // УИЭ. – Екатеринбург: Изд-ва УрО РАН, «Екатеринбург», 1998б. – С. 140–141.
Борзунов В. А. Гамаюнская культура // Челябинская область. Энциклопедия. – Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 2008. – Т. 1 (А – Г), 2008. – С. 800–801.
Борзунов В. А., Викторова В. Д., Корякова Л. Н. Железный век (железа эпоха) // УИЭ. – Екатеринбург: Изд-ва УрО РАН, «Екатеринбург», 1998. – С. 199–201.
Борзунов В. А., Нохрина Т. И.. Березки II – поселение раннего железа в горно-лесном Зауралье // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. – Новосибирск: Наука, СО, 1981. – С. 52–62.
Борзунов В. А., Стоянов В. Е. Некоторые черты развития представлений о раннем железном веке Урала (к методике анализа памятников на примере гамаюнских городищ) // ВАУ. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1981. – С. 27–40.
Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Ранний железный век таежного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры. – Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Изд-во «Чароид», 2006. – С. 68– 108.
Борзунов В. А., Шорин А. Ф. Гафурийский тип памятников // Челябинская область. Энциклопедия. – Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 2004. – Т. I (А – Г). – С. 800–801.
*Васина Ю. В., Григорьев С. А.*Мегалитические сооружения на озере Тургояк в Южном Зауралье // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Мат-лы II региональн. науч.-практич. конф. – Челябинск: ООО «Рифей», 2004. – С. 30–33.
Викторова В. Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья (Опыт систематизации археологических памятников): Дис. … канд. ист. наук. – Свердловск, 1969. – Архив ПНИАЛ УрФУ. – Ф. III. Д. 89. – 225 с., рис. 1–117.
Викторова В. Д. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // ПХКПАПЗС. – Томск: Изд-во ТГУ, 1970. – С. 254–270.
Гаврилюк А. Г., Наумов А. М.. Иртяшские городища // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Мат-лы II Региональн. науч.-практич. конф. – Челябинск: Изд-во ООО «Рифей», 2004. – С. 35–40.
Григорьев С. А., Васина Ю. В., Ивасько Л. В., Котов В. Г. Мегалитические комплексы Урала: проблема датировки // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. – М.: Изд-во ИА РАН, 2008. – Т. I. – С. 204–206.
Григорьев С. А., Васина Ю. В., Савельев Н. С., Котов В. Г., Ивасько Л. В. Работы на о. Веры на оз. Тургояк [12] // АО 2006 г. М.: Наука, 2009.
Григорьев С. А., Ивасько Л. В., Котов В. Г. Работы на острове Веры на озере Тургояк [13] // АО 2007 г. М.: Наука, 2010.
Екатеринбург. Энциклопедия. – Екатеринбург: Изд-во «Академкнига», 2002. – 728 с.
Зах В.А., 2007. К вопросу о формировании баитовских комплексов в Притоболье // ВААЭ. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2007. – № 8. – С. 55–63.
Зах В. А., Зимина О. Ю. Памятники Нижнего Притоболья рубежа бронзового и железного веков (Юртоборовский микрорайон) // ВААЭ. – Тюмень: Изд-во ИПО СО РАН, 2001. – № 3. – С. 138–139.
Зах В. А., Зимина О. Ю. О дуальной организации древних обществ Западной Сибири (по археологическим материалам) // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2005. – Т. 1. – С. 112–119.
Зах В. А., Зимина О. Ю. Иткульская культура в Нижнем Притоболье // II САК. Тез. докладов. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд-во «Чароид», 2006. – С. 110–111.
Захожая Т. М. Лозьвинская культура таежной зоны Зауралья: основные характеристики // XIV УАС: Тез. докл. Челябинск: Изд-во «Рифей», 1999. – С. 74–76.
Зданович Г. Б. Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. М.: Наука, 1997. – № 2. – С. 47–62.
Зданович Г. Б., Генинг В. В. Оборонительные сооружения поселения Синташта // АО 1983 г. – М.: Наука, 1989. – С. 147–148.
Зданович Г. Б., Батанина И. М. «Страна городов» – укрепленные поселения эпохи бронзы XVIII – XVI вв. до н. э. на Южном Урале // Аркаим. Исследования, поиски, открытия. Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 1995. – С. 54–62.

Зданович Г. Б., Зданович Д. Г. Проблема освоения евразийских степей в эпоху бронзы и «Страна городов» Южного Урала // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга). – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. – С. 110–128.
Зданович Г.Б., Малютина Т.С., 2004. Поселение Берсуат // Челябинская область. Энциклопедия. Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 2004. – Т. I (А – Г). – С. 369.
Зимина О.Ю. Аналогии кольцевым городищам Тюменского Притоболья в системе памятников с круговой планировкой Урало-Сибирского региона // AB OVO: Проблемы генезиса культуры. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. – С. 71–84.
Зимина О. Ю. Баитовские комплексы в подтаежном Притоболье // Человек и Север: Антропология, археология, экология. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. – С.122–124.
Зимина О. Ю., Зах В. А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. – Новосибирск: Наука, 2009. – 232 с.
Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв.: История и материальная культура. – Екатеринбург; Нефтеюганск: Изд-во «Магеллан», 2009. – 360 с.
Кардаш О. В. Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследований). – Екатеринбург; Нефтеюганск: Изд-во АМБ, 2011. – 60 с.
Кардаш О. В. Обдорские городки конца XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. – Екатеринбург; Салехард: Изд-во «Магеллан», 2013. – Т. 2: Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. – 380 с.
Ковалева В. Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково II. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1997. – 131 с.
Ковалева В. Т. Генезис, датировка и этническая специфика ташковской культуры // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга). – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. – С. 102–109.
Ковалева В. Т., Рыжкова О. В. Поселения с кольцевой планировкой в Нижнем Притоболье (ташковская культура) // Комплексные общества Центральной Азии в III–I тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. – Челябинск: Изд-во ЧГУ, 1999. – С. 216–219.
Ковалева В. Т., Рыжкова О. В., Шаманаев А. В. Ташковская культура: поселение Андреевское озеро XIII. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. – 160 с.
Ковригин А. А. Гороховская культура // УИЭ. – Екатеринбург: Изд-ва УрО РАН, «Екатеринбург», 1998. – С. 157.
Кокшаров. С. Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конды // ВАУ. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. – Вып. 20. – С. 92–102.
Кокшаров С. Ф. Север Западной Сибири в эпоху раннего металла // Археологическое наследие Югры. – Ханты-Мансийск – Екатеринбург: Изд-во «Чароид», 2006. – С. 41–67.
Корякова Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. – 239 с.
Корякова Л. Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция на ранней и средней стадиях железного века): Дис. … докт. ист. наук в форме науч. докл. – Новосибирск, 1993. – 72 с.
Корякова Л. Н. Гаевский могильник в контексте эволюции саргатской культурной общности // Культура уральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование. – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1997. – С. 138–154.
Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 278 с.
Косарев М. Ф. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к железному // Эпоха бронзы лесной полосы СССР (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20-ти т). – М.: Наука, 1987. – С. 289–304.
Косинцев П. А. Особенности хозяйства восточного склона Урала в раннем железном веке // Проблемы урало-сибирской археологии. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1986. – С. 79–89.
Крижевская Л. Я. Сосуд ананьинского времени для выплавки металла // КСИИМК. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Вып. 77. – С. 109–111.
Крижевская Л. Я. Южно-Уральская экспедиция // АО 1966 г. – М.: Наука, 1967. – С. 110.
Кузьминых С. В. Финал бронзового и ранний железный век севера Европейской России // II САК. Доклады. – Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Изд-во «Чароид», 2006. – С. 226–240.
Матвеев А. В. К вопросу о хронологии бархатовской культуры // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. – Уфа: Изд-во «Восточный университет». – С. 72–83.
Матвеева Н. П. О соотношении гороховских и воробьевских памятников в Среднем Притоболье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1991. – С. 148–164.
Матвеева Н. П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. – Новосибирск: Наука, СО, 1993. – 176 с.

Матвеева Н. П. О гороховской культуре в Зауралье // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. – Уфа: Изд-во «Восточный университет», 1996. – С. 83–86.
Матвеева Н. П. О торговых связях Западной Сибири и Центральной Азии в раннем железном веке // РА. – М.: Наука, 1997. – № 2. – С. 63–77.
Матвеева Н. П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). – Новосибирск: Наука, СИФ РАН, 2000. – 339 с.
Могильников В. А. Гороховская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20-ти т.). – М.: Наука, 1992. – С. 283–291.
Мошкова М. Г. Савроматские памятники Северо-Восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. – М.: Наука, 1972. – С. 49–78.
Мошкова М. Г. Хозяйство, общественные отношения, связи сарматов с окружающим миром // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20-ти т.). – М.: Наука, 1989. – С. 202–214.
Обыденнов М. Ф., Шорин А. Ф. История изучения черкаскульской и межовской культур Урала эпохи поздней бронзы: Препринт. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. – 51 с.
Обыденнов М. Ф., Шорин А. Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1995. – 196 с.
Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. – Т. 1: Поселения и жилища. – Кн. I. – 485 с.
Пантелеева С. Е. Хроно-стратиграфия Павлинова городища (по результатам анализа керамики): Автореф. дис… канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2006. – 23 с.
Полосьмак Н. В. Культурная принадлежность гороховской группы памятников // КСИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1986. – Вып. 186. – С. 29–33.
Пшеничнюк А. Х. К вопросу о керамике кара-абызских поселений // АЭБ. – Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1964. – Т. 2. – С. 93–100.
Пшеничнюк А. Х. О периодизации кара-абызских памятников // УЗ ПГУ (Тр. IV УАС). – Пермь: Изд-во ПГУ, 1967. – № 148. – С. 156–170.
Пшеничнюк А. Х. Племена раннего железного века в Башкирии // АЭБ. – Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1971. – Т. IV. – С. 89–92.
Пшеничнюк А. Х. Кара-абызская культура: население Центральной Башкирии на рубеже н. э. // АЭБ. – Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1973. – Т. V. – С. 162–243.
Пшеничнюк А. Х. Новые Материалы с поселений Гафурийского района // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. – Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1983. – С. 77–103.
Сальников К. В. Три года работы на городище Чудаки // КСИИМК. – М.: Изд-во АН СССР, 1940. – Вып. 5. – С. 69–71.
Сальников К. В. Городище «Чудаки» Челябинской области: по раскопкам 1937 года // СА. – М.: Изд-во АН СССР, 1947. – Вып. IX. – С. 221–238.
Сальников К. В. Бронзовый век Южного Зауралья // МИА. – М.: АН СССР, 1951. – № 21. – С. 94–151.
Сальников К. В. Исетские древние поселения (По материалам обследования среднего течения реки Исети в 1940 году) // СА. – М.: Наука, 1956. – Вып. XXV. – С. 189–214.
Сальников К. В. В глубине веков. Свердловск: Свердоблгиз, 1959. – 2-е изд., испр. и доп. – 140 с.
Сальников К. В. Некоторые итоги и проблемы изучения Южного Урала // ВАУ. – Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1960. – Вып. 1. – С. 7–17.
Сальников К. В. Иткульская культура (К вопросу о «Зауральском ананьине») // Краеведческие записки ЧОКМ. – Челябинск: Челябгиз, 1962. – Вып. 1. – С. 21–46.
Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. – М.: Наука, 1967. – 406 с.
Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н. э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса) / Л. Н. Корякова, М. И. Дэйр, А. А. Ковригин, С. В. Шарапова, Н. А. Берсенева, С. Е. Пантелеева, Д. И. Ражев, П. Курто, Б. Хэнкс, Е. Г. Ефимова, А. А. Каздым, О.В. Микрюкова, А.О. Сахарова. – Екатеринбург; Сургут: Изд-во «Магеллан», 2009. – 298 с.
Сериков Ю. Б. К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рождения В. Ф. Генинга). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 93–101.
Стоколос В. С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. – М.: Наука, 1988. – 256 с.
Стоянов В. Е. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века // КСИА. – М.: Изд-во ИА АН СССР, 1969. – Вып. 119. – С. 52–61.

Стоянов В. Е. Классификация и периодизация западносибирских памятников раннего железного века // ПХКПАПЗС. – Томск: Изд-во ТГУ, 1970. – С. 238–253.
Стоянов В. Е. Могильники раннего железного века западносибирской лесостепи: к вопросу о локальных различиях // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 233–239.
Стоянов В.Е., 1975. Носиловское II поселение (О зауральских памятниках начала железного века) // ВАУ. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1975. – Вып. 13. – С. 115–136.
Стоянов В. Е. Некоторые черты социально-экономической организации древнего населения зауральско-западносибирской лесостепи (ранний железный век) // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. – Свердловск: УрГУ, 1977. – С. 152–159.
Стоянов В. Е. Хозяйство и социальные отношения населения лесостепи и степи // История Урала с древнейших времен до 1861 г. – М.: Наука, 1989. – С. 98–103.
Труфанов А. Я. Материалы к происхождению и развитию красноозерской культуры лесостепного Прииртышья // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1984. – С. 57–77.
Цембалюк С. И. Ареал баитовской культуры раннего железного века в Зауралье // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. – Иркутск; Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ, 2007. – С. 101–105.
Цембалюк С. И. Итоги и проблемы изучения баитовской культуры раннего железного века Зауралья // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. – М.: Изд-во ИА РАН, 2008. – Т. II. – С. 178–180.
Чаиркина Н. М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культовой площадки Скворцовская гора V). – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2011. – 224 с.
Чемякин Ю. П. Кульминский тип археологических памятников // Югория. Энциклопедия ХМАО. – Ханты-Мансийск: Изд-во «Сократ», 2005. – Т. 4 (доп.). А – Я.– С. 159.
Чемякин Ю. П. Случайная находка в окрестностях Коркино // Пятые Берсовские чтения. – Екатеринбург: Изд-во «КВАДРАТ», 2006. – С. 71–77.
Чемякин Ю. П., Кузьминых С. В. Металлические орнитоморфные изображения раннего железного века Восточной Европы, Урала и Западной Сибири (лесная и лесостепная зоны) // Тверской археологич. сб. – Тверь: Изд-во «Триада», 2011. – Вып. 8. – Т. II: Мат-лы IV Тверской археологич. конф. и 12-го заседания науч.-методич. семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / Под ред. Е. Н. Черных. – С. 43–74.
Шорин А. Ф. О роли межовской культуры Среднего Зауралья в формировании уральских культур раннего железного века // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. Уфа: Изд-во «Восточный университет», 1996. – С. 20–31.

Рис. 1. Ареалы памятников гамаюнской, иткульской, исетской и юртоборской культур:
1 – ареал памятников гамаюнской культуры; *2* – ареал памятников исетской культуры; *3* – ареал памятников иткульской культуры; *4* – ареал памятников юртоборской культуры; *5* – бархатовско-гамаюнские городища; *6* – находки гамаюнской керамики за границами основного гамаюнского ареала

Рис. 2. Керамика иткульской культуры Зауралья («первый иткульский тип»):
1, 3 – поселение Палатки I (верховья р. Исеть); *2, 5* – городище Зотинское II – 1-я площадка (р. Багаряк); – городище Красный Камень – Зотинское I (р. Багаряк); *7–9* – городище Серный Ключ (верховья р. Уфа); *10* – селище Аятское 1-е (оз. Аятское, верховья р. Реж).
1–3 – по Г. В. Бельтиковой; *4–9* – по В. А. Борзунову; *10* – реконструкция Е. М. Берс

Рис. 3. Керамика иткульской культуры Зауралья («смешанный тип»):
1 – поселение Чебаркуль IV (оз. Чебаркуль, верховья р. Миасс); *2* – городище Иткульское I – Большое Иткульское, Даутовское (оз. Иткуль, верховья р. Синара); *3–6, 8* – городище Серный Ключ (верховья р. Уфа); *7* – городище Красный Камень – Зотинское I (р. Багаряк); *9, 11, 12* – поселение Березки II (оз. Аргази, верховья р. Миасс); *10* – городище Зотинское IV – 1-я площадка (р. Багаряк).
1 – по Г. В. Бельтиковой; *2–12* – по В. А. Борзунову

Рис. 4. Керамика исетской культуры Зауралья и Притоболья («второй иткульский тип»):
1 – поселение Шувакиш I (оз. Шувакиш, исток р. Пышма); *2* – городище Дальнее Багарякское (р. Багаряк);
3 – поселение Вашты I (оз. Вашты, верховья Исети); *4* – поселение Шанаиха (верховья р. Исеть); *5* – поселение Выйка II (р. Выйка, верховья р. Тагил); *6, 8* – стоянка Черкаскуль I (оз. Черкаскуль, верховья р. Синара);
7, 9 – поселение Палатки I (верховья р. Исеть); *10* – городище Баитовское (р. Тобол).
1, 2, 4–6, 8 – по В. А. Борзунову; *3* – по С. Н. Погорелову; *7–9* – по Г. В. Бельтиковой; *10* – по С. В. Шараповой

Рис. 5. Керамика исетской культуры Зауралья («второй иткульский тип»):
1, 6–9 – городище Дальнее Багарякское (р. Багаряк); *2* – городище Красный Камень – Зотинское I (р. Багаряк);
3, 4 – городище Иткульское I – Даутовское, Большое Иткульское (оз. Иткуль, верховья р. Синары);
5 – городище Зотинское IV (р. Багаряк).
1–9 – по В. А. Борзунову

А. В. Расторопов
г. Самара
САО

ИССЛЕДОВАНИЕ КОМПЛЕКСА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В БАССЕЙНЕ КОНДЫ У СЕЛА СТАРЫЙ КАТЫШ[1]

Охранные исследования археологического комплекса у с. Старый Катыш проводились автором в 1983–1984 гг. в Кондинском р-не ХМАО у протоки Катыш (Катышинка) в среднем течении Конды. Группа памятников, включающая городище, селище и могильник, расположена на краю песчаной террасы высотой 7–8 м, сориентированной в направлении, близком к широтному (рис. 1). Основные исследования были сосредоточены на городище

Городище и селище. Городище имело форму эллипса размерами 34×18 м. Раскопами площадью 440 кв. м вскрыта большая часть городищенской площадки и разрезана оборонительная система. Раскопками не затронуты сильно залесенные участки, а также края террасы, поврежденные береговой и ветровой эрозией. С юга и востока городище имело естественные крутые склоны. С севера и запада площадку ограничивал дуговидный (полукольцевой) оборонительный ров. Он имел ширину 4–5 м и глубину до 1 м. Высота площадки памятника от дна рва составляет до 2 м.

Городище возникло на месте ***селища*** первой половины I тыс. до н.э., которое фиксируется в северо-западной части городища. Керамика селища залегала под культурным слоем городища и частично – в его слое. Средняя мощность культурного слоя городища – 0,5–0,7 м. Девять углистых пятен, фиксировавшихся на поверхности городищенской площадки, предположительно, можно связать с остатками жилых построек (рис. 2).

Пятно *сооружения № 1* – вероятно, от жилища периода существования селища. Оно было выявлено при исследовании рва у северо-западного склона городища. Объект – овальной формы, размерами 4,0×1,6 м. В нем обнаружена нижняя часть глиняного сосуда с плоским дном. Вся поверхность емкости, включая часть дна, орнаментирована горизонтальными рядами углубленных волнистых линий и рядами S-овидных отпечатков (рис. 4 – *18*).

Остатки других сооружений, по-видимому, относились ко времени функционирования городища. Из них объекты №№ 2–5, 8 и 9, вероятно, являлись остатками жилищ, а сооружения №№ 6 и 7 представляли собой какие-то постройки.

Сооружение № 2 обнаружено в западной части городища на глубине 0,5–0,6 м. Оно представлено овальным углистым пятном размером 2,2×1,8 м. Под ним, в материковом песке, зафиксировано углубление. Очертания пятна и углубления совпадали. Глубина понижения в материке – 0,65 м. На дне обнаружены развалы сосудов.

Угольное пятно *сооружения № 3* имело размеры 2,8×2,0 м. Кроме развала керамического сосуда и обломков от других емкостей, здесь было обнаружено лощило для заглаживания стенок сосудов, изготовленное из осколка керамики.

Пятно *сооружения № 4* имело размеры 2,8×1,5 м и достигало мощности 0,2 м. В нем залегали развалы пяти сосудов, два слитка бронзы и стеклянная (пастовая) бусина.

Сооружение № 5 – прямоугольной формы, размерами 3,0×2,8 м. В нем обнаружено десять развалов сосудов. Из вещевого материала найдены железный нож, лощило из фрагмента керамики, обломки трех неопределенных изделий из глины и одного – из кости.

Сооружения №№ 6 и 7 представляли собой углистые пятна овальной в плане формы.

Сооружение № 6 имело размеры 2,0×1,6 м.

Сооружение № 7 – размеры 1,7×1,2 м.

Сооружение № 8 – в виде пятна угля овальной формы – имело длину 3 м, ширину 2 м. В нем обнаружены два развала сосудов, глиняный тигель, фрагменты двух глиняных и трех костяных изделий. С юго-восточной стороны сооружения прослеживался выступ длиной и шириной 0,8 м. По всей вероятности, это остатки коридорообразного входа в жилище.

Сооружение № 9 располагалось восточнее сооружения № 8. Угольное пятно подпрямоугольной формы имело размеры 2,6×1,2 м. Развалы сосудов и скопления фрагментов керамики обнаружены в слое угля и под ним.

Глиняная посуда встречалась по всей площади памятника. Причем очень плотно она залегала на глубине от 0,2 до 0,6 м. По шейкам определено 984 сосуда. В статистической обработке задействовано 318 емкостей с полным орнаментальным полем. Черепки твердые. В зависимости от их размеров толщина стенок варьирует от 0,3 до 0,5 см. В глиняном тесте использовались шамот и раковина. Сосуды имеют коричневый цвет и хорошо заглажены с наружной стороны. Емкости горшковидные (83 %), чашевидные (15,7 %) и баночные (1,3%), разных размеров: от крупных (диаметр устья – 20–30 см) до миниатюрных (диаметр устья 4–5 см). Днища у всех сосудов овальные (рис. 4 – *4*). Обнаружены два низких поддона. Высота и максимальный диаметр сосудов примерно равны.

Горшковидная посуда имеет короткую вертикальную или слегка отогнутую шейку, плавно переходящую в тулово. Плечики сосудов слабовыпуклые. Максимальный диаметр находится на верхней трети их высоты. Перепад диаметров устья и тулова равен 1–2 см.

Чашевидные сосуды не профилированы. Они найдены как открытой, так и закрытой формы. Сосуды закрытой формы имеют плавное уменьшение диаметра с верхней трети их высоты.

Верхний край (венчик) чаще всего скошен внутрь сосуда, имеет желобок с нависающим карнизом. Он украшен почти у половины сосудов. Под ним почти обязателен поясок ямок (95,9 %). Они выдавлены изнутри у 56,7 % емкостей («жемчужины»), снаружи – у 22,3 %, или в поочередном сочетании друг с другом – у 16,9 %. Этот пояс не подчиняется общей композиции узора, являясь как бы самостоятельным по отношению к ней. Он наносился поверх ее, видимо как дань прежней традиции. Только им украшено 16,9 % сосудов. На подавляющем большинстве емкостей «жемчужины» приплюснуты (84,4 %). Композиция узора образована отдельными отпечатками штампов, образующих разреженные горизонтальные ряды. В ее построении участвуют 1–3 элемента, составляющих те или иные мотивы. Узор покрывает шейку и плечики и редко спускался ниже средней части тулова. В нем почти отсутствуют вертикальные мотивы. Гребенчатым штампом орнаментировано 35,4 % сосудов, в том числе отпечатками только его – 24,2 % (рис. 4 – *6, 9, 16, 17*). Ряды гребенки на сосудах могут быть разреженными (35 экз.) и уплотненными (9 экз.), паркетными (18 экз.) и прокатанными (14 экз.). Штампом «уточка» и ее модификацией («змейка») орнаментировано 17,3 % сосудов (рис. 4 – *7, 10, 11,14*) сосудов. Узором из рядов имитации шнура и вдавлений – 15 % (рис. 4 – *2*), отпечатками только шнура и шнуровидных скобок – 6,3 %, различными мелкими вдавлениями – 22 % (рис. 4 – 1–4, 7, 8, 12, 13) посуды. В небольшом количестве на сосудах встречаются узоры: нанесенные отступающей палочкой (4 экз.), волнистые линии (4 экз.), уголки (3 экз.) (рис. 4 – *12*). Керамические традиции на всем протяжении функционирования городища сохраняют консервативность в технологии, форме посуды и орнаментации.

Вещевой комплекс. *Орудия труда* представлены изделиями из глины (грузила, тигли, штамп для орнаментации посуды, лощила для заглаживания стенок сосудов), кости (тесло, проколки), железа (ножи). Грузила (3 экз.) – дисковидной формы, диаметром 5,0–5,5 см, имеют по центру желобок для привязывания к сетям. Одно из них орнаментировано по обеим сторонам отпечатками гребенчатого штампа и группами ямок, расположенных треугольником (рис. 3 – *16*). Находки бесформенных бронзовых слитков свидетельствуют о наличии местного бронзолитейного производства. С ним же связаны овальные тигли (6 экз.). Лощила изготовлены из фрагментов битой посуды. Штамп для орнаментации посуды – в форме сапожка, на подошве имеет неглубокие насечки, образующие ромбическую сетку. Обнаружен один фрагмент керамики, орнаментированный таким же штампом. Железные ножи представлены целым экземпляром и кончиком лезвия. Целый нож имеет слабо выделенный черенок с уступом со стороны лезвия. Проколки (5 экз.) изготовлены из ребер животных.

Из предметов вооружения обнаружены наконечники стрел: три бронзовых и пять костяных. Бронзовые наконечники – двухлопастные (1 экз.) и трехлопастные (2 экз.). Двухлопастной наконечник – иволистной формы, черешковый, в сечении ромбический. Длина пера – 9 см. Черешок обломан у основания пера (рис. 3 – *9*). Он обнаружен в нижней части культурного слоя, на глубине 0,65 м. Бронзовые двухлопастные наконечники были широко распространены у савроматов в VII–VI вв. до н. э. [Щит и меч…, 2008. С. 41]. В течении VI в. до н. э. у них происходит замена плоской стрелы на трехлопастную [*Смирнов, 1961.* С. 69]. В пределах VI–IV вв. до н. э. датируется Иртяшское II городище, в материалах которого имеется костяная матрица под бронзовый двухлопастной втульчатый наконечник стрелы листовидной формы [*Таиров, 2007.* С. 128].

Трехлопастной наконечник стрелы (рис. 3 – *7*) со скрытой втулкой имеет аналогии в кургане № 7 у с. Сара на востоке Оренбургской обл. Такие изделия датируются рубежом VI–V вв. до н. э. [*Смирнов, 1961.* С. 45, 48. Рис. 21б – *№ 13, 16*]. Наконечник с выступающей втулкой имеет длину 6 см и, по-видимому, подпиленные лопасти (рис. 3 – *8*). Оба этих типа массивных бронзовых наконечников зафиксированы на кулайских памятниках Сургутского Приобья (IV/III вв. до н. э. – III в. н. э.), Томско-Нарымского и Новосибирского Приобья, а первый из них также близок изделию из позднего белоярского селища (около середины I тыс. до н. э.) [*Чиндина, 1984.* Рис. 12; *Борзунов, Чемякин, 2006.* Рис. 5 – *22*; 15 – *37–41*; *Чемякин, 2008.* Рис. 58 – *22*; 79 – *37–41*].

Бронзовые трехлопастные наконечники стрел были распространены в IV–II вв. до н. э. В этот период происходит их замена железными. Во II в. до н. э. железные наконечники уже преобладают, а к началу I в. до н. э.

[1] Автор выражает глубокую признательность хранителю музейных коллекций I категории ТГИАМЗ (г. Тобольск) Л. Н. Сладковой за оказанную помощь при подготовке иллюстраций к данной работе.

полностью вытесняют бронзовые [Щит и меч…, 2008. С. 44]. Костяные наконечники стрел данного городища имели перо треугольного или трапециевидного сечения.

С защитным вооружением, вероятно, были связаны две бронзовые нашивные бляшки в форме полушариев (рис. 3 – *15–16*).

Святилище. Сакральный характер городища определяется находками *вещей культового назначения* и двух человеческих черепов в слое подсыпки белого песка, тесно прижатых висками друг к другу. Скорее всего, это ***жертвенные ритуальные захоронения***, совершенные при закладке городища. Для выравнивания его площадки в восточной части был подсыпан слой речного песка.

Две находки отражают поклонение медведю.

Поясная бляха из оловянистой бронзы прямоугольной формы, на лицевой стороне имеет три стилизованные головы медведей в жертвенной позе (рис. 3 – *11*). От остальной композиции узора на бляхе они отделены поперечным рубчатым валиком. Основной декор представлен тремя горизонтальными рядами жемчужин (по шесть в каждом), изображающими тело или шкуру зверя. Ряды жемчужин на бляхе разделены между собой рубчатыми валиками. С наружной стороны поверхность бляхи сильно затерта, а с обратной имеет четыре петельки для крепления. Подобные бляхи обнаружены в Абатском 3 могильнике V в. н. э., отнесенном к памятникам кашинского типа [*Матвеева, 1994.* С. 139. Рис. 66 – *4*; 69 – *7–10*], а также на городище Сартым-Урий XVIII и могильнике Чагорово IV в бассейне р. Большой Юган [*Чемякин, 2003.* С. 71. Ил. 14; 2008. Рис. 99 – *11–13, 27*]. Сходные предметы из таежного Приобья и Прикамья Ю. П. Чемякин датирует V–VI вв. н. э., а керамический комплекс городища определяет карымским этапом обь-иртышской КИО III/IV– начала VI вв. н. э. [*Чемякин, 2003.* С. 72–73].

Височная подвеска из бронзовой проволоки – в виде несомкнутого кольца в верхней части и спирали в нижней. Конец ее обломан (рис. 3 – *4*). Похожие височные украшения в форме знака вопроса – с конусовидной спиральной, гофрированной и гладкой цельнолитой трубицей – характерны для пьяноборского периода Прикамья и бассейна р. Белой (IV/III вв. до н. э. – II/III вв. н. э.) [*Агеев,1992.* С. 31–32. Табл. 1 – *8–13, 16–22, 27*. Рис. 1 – *9*; 9 – *5*; *1993.* Рис. 2 – *9*; 3 – *11, 12*], отчасти – для мазунинской культуры III–V вв. н. э. Прикамья. Мазунинские украшения имели загнутый конец у спирали, на нем была нанизана бусина [*Останина, 1983.* С. 72–79]. На нашем экземпляре, как на пьяноборских изделиях, кольцо не было обмотано проволокой.

Бронзовая полая объемная фигурка «плывущего» гуся с наклоненной вперед головой; на спине птицы имеется отросток со сквозным отверстием – для подвешивания (рис. 3 – *12*).

Голова медведя из необожженной глины, выполненная очень реалистично. Пасть зверя приоткрыта. Внизу она имеет два небольших отверстия для подставок (рис. 3 – *17*).

Две фигурки хищных птиц, отлитые из бронзы в технике плоского одностороннего литья. Они практически идентичны по форме и размерам, но имеют отличия в деталях (рис. 3 – *5, 6*). Крылья птиц широко раскинуты, как бы в полете. Головы птиц выполнены схематично. Судя по их контуру – это изображения соколов. Рельефные вертикальные полосы расположены в нижней части одной фигурки, а горизонтальные – у другой. Вертикальная рельефная полоса на туловище, возможно, изображает линию жизни, под ней – «маска-личина». Два рельефных овала в верхней части другой фигурки, вероятно, являются изображением внутренних органов. С обратной стороны отливок имеются петли для крепления. Фигурки птиц найдены поблизости друг от друга. Близкие изображения известны на памятниках кулайской культурно-исторической общности (КИО), в том числе на Барсовой горе близ г. Сургута [*Чиндина, 1984.* Рис. 36 – *5, 7*; *Чемякин, 2008.* Рис. 79 – *24*].

Фигура лося из бронзы, выполненная в технике плоского ажурного литья, не отличается реалистичностью. Пасть животного приоткрыта. Скелетное изображение туловища представляет собой прямоугольную рамку с неровными краями (рис. 3 – *10*). Фигурка была разломана на две части: голова и туловище лежали отдельно.

К группе предметов культового предназначения, возможно, относятся *три бронзовых плоских диска* толщиной 0,2–0,3 см с отверстием в центре. Один из них имеет овальную форму и неровно обрубленные края. Два других украшения – круглой формы с зубчатыми краями. На одной стороне у них процарапаны концентрические круги. На обратной стороне одного из них процарапана антропоморфная «маска-личина» (рис. 3 – *3*). Бронзовые бляхи среднеазиатского производства с концентрическим орнаментом и местными «графитти» являются довольно распространенной находкой на кулайских могильниках и святилищах Нижнего и Сургутского Приобья [*Чиндина, 1984.* Рис. 22 – *8, 16*; *Борзунов, Чемякин, 2006.* Рис. 14 – *1*; 17 – *4–10*; *Чемякин, 2008.* Рис. 80 – *4, 16*; 87 – *11–20, 26*; *Ширин, Яковлев, 2010.* Ил. 48–50, 54, 67, 68, 83–85; *Яковлев, 2011.* Ил. 32–36; *Карачаров, 2011.* Ил. 8–11].

Бронзовый перстень – колечко диаметром 2 см, шириной 0,6 см.

К предметам, связанным со временем прекращения постоянной жизнедеятельности на городище, когда последнее действовало только ***как святилище*** (начало – середина I тыс. н. э.), вероятно, относятся

спиральная подвеска и поясная бляха со стилизованными головами медведей. Не исключено также, что святилище действовало в городке со времени возникновения последнего. Предметы культового характера залегали на различных уровнях культурного слоя и концентрировались в центре восточной части городищенской площадки. Бронзовые фигурки птиц обнаружены почти на материке (гл. 79 и 75 см). Довольно глубоко были найдены орнаментированное глиняное грузило (гл. 68 см), фигурка гуся из бронзы (гл. 61 см) и бронзовые диски (гл. 56 см и 48 см). В то же время глубина обнаружения бронзовой отливки лося и глиняной головы медведя не превышает 40 см: примерно на одной глубине с предметами раннего средневековья. Изучение предметов бронзового литья привело В. Н. Чернецова к выводу, что плоское литье одновременно ажурному литью [*Чернецов, 1953.* С. 175]. По его мнению, все поделки плоского литья имеют культовый характер. Кроме того, когда есть какие-либо сведения об условиях их нахождения, они указывают на наличие в этом месте в прошлом святилищ, и очевидна их связь с самим литейным процессом [*Там же.* С. 177]. На городище Старый Катыш есть несомненные признаки местного бронзолитейного производства (тигли, слески бронзы). Святилище, видимо, было общим для обитателей городища. Судя по его небольшой площади укрепленного поселения, в нем постоянно проживало не более 30 человек. Скорее всего, это были близкие родственники: вожди-богатыри и мастера – специалисты по бронзовому литью. Присутствие последних здесь объяснялось особой социальной значимость данной категории населения.

Хронология городища. Верхняя граница функционирования укрепленного поселка может быть определена приблизительно II–I вв. до н. э. Дело в том, что к I в. до н. э. бронзовые наконечники стрел выходят из употребления.

Пастовая бусина темно-синего цвета – «битрапециевидная» в сечении, диаметром 0,8 см – была обнаружена в жилище № 4. Аналогичные бусы встречаются в памятниках саргатской культуры II–I вв. до н. э. [*Матвеева, 1985.* С. 85. Рис. 3].

Нижняя дата городища может быть определена примерно в рамках середины I тыс. до н. э.

Время существования селища на месте городища можно соотнести только с первой половиной I тыс. до н. э., то есть до момента основания городища.

Керамический комплекс городища может быть определен в качестве одного из локальных вариантов посуды кулайской КИО [ср.: *Борзунов, Чемякин, 2006.* Рис. 13, 14; *Чемякин, 2008.* Рис. 73–77].

Кроме того, на наш взгляд, он близок керамике памятников синдейского типа лесного Зауралья второй половины I тыс. до н. э., выделенного В. Д. Викторовой в бассейне р. Тавды [*Викторова , 1970.* С. 260–261].

С керамикой памятников синдейского типа соотносят материалы раннего железного века Ендырского VIII поселения, расположенного в 71 км к ЮВ от г. Нягань Октябрьского р-на ХМАО – Югры. Керамика синдейского типа раннего железного века на последнем памятнике представлена, как минимум, тремя сосудами, выделенным по шейкам [*Зыков, Кокшаров, 2006.* С. 124, 125. Рис. 4]. В жилище найдена бронзовая накладка с ушком, которая датируется III–II вв. до н. э. [*Там же.* С. 126]. С этим типом памятников соотносятся материалы исследований городища Няксимволь в верховьях Северной Сосьвы. Радиоуглеродные даты дают разброс от IV до I вв. до н. э. [*Стародумов, 2012.* С. 151]. Впрочем, находки с данного памятника можно также соотнести с кулайскими древностями Сургутского и всего Нижнего Приобья.

Для памятников синдейского типа характерно присутствие значительной доли посуды, украшенной различными вдавлениями, насечками, шнуровидными оттисками. Памятники синдейского типа, которые еще предстоит изучать, вероятно, существовали в рамках большой археологической общности, которая сложилась на территории таежного Обь-Иртышья к III в. до н. э. С этого времени ее население начинает выходить за пределы первоначального ареала обитания, проникая в тундру и лесостепь. Ее локальные особенности могут найти объяснение в генезисе местных культурных традиций различных районов таежного Приобья, участвовавших в сложении в середине I тыс. до н. э. общекультурных норм изготовления сосудов для всей лесной зоны Западной Сибири. Традиционно эту общность соотносят с кулайской, но она сама сложилась на местной основе и наследовала свои традиции последующим поколениям, также в пределах таежной зоны. Их изменение происходило постепенно, путем эволюции. Какие-то заметные инокультурные включения и трансформации наблюдались на пограничных, прежде всего, южных территориях ее ареала. Поэтому само выделение и существование кулайской КИО является, скорее, продуктом неравномерного изучения таежной зоны Обь-Иртышья, существованием огромных «белых пятен» на ее территории. Наиболее активно исследовался и вводился в научный оборот, археологический материал с территории Нарымского Приобья и, соответственно, оттуда выводились корни кулайской общности. После ввода в научный оборот материалов по Сургутскому Приобью, стало возможным и необходимым говорить уже о всей территории Среднего Приобья, как о «родине» кулайских культурных традиций. Вероятно, интеграция культурных традиций, стирание различий и становление общекультурных норм произошли вследствие социо-культурных трансформаций, которые происходили в таежном обществе в середине I тыс. до н. э. Они могли произойти вследствие усиления контактов между коллективами, и были связаны со становлением товарообменных отношений. Скорее

всего, с юга (государства Средней Азии) стал поступать запрос на пушнину, который выполнялся через посредников, степных кочевников. В ответ стала поступать медь с рудников, которые были под контролем кочевников, как например, Иткульский металургический очаг на Урале.

Могильник. Разведочной траншеей площадью 20 кв. м, заложенной на западной окраине села у протоки Катыш в 200 м к западу от городища, выявлены два захоронения, находившиеся в 2,5 м друг от друга (рис. 1). Остатки обоих захоронений обнаружены на глубине 40 см.

Погребение 1. Остатки умершего представлены только фрагментами черепа, двумя позвонками и обломком лопатки.

Погребение 2. От скелета покойного сохранились череп и кости ног. Данный умерший, как и погребенный в могиле 1, был ориентирован головой на восток. Он лежал на спине, длина его 145–150 см. Почти все вещи были обнаружены около черепа и явно связаны с головным убором. Там же лежал кусочек материи – от шапочки. Он сохранился в результате консервации ее окисью бронзы. Судя по бронзовым изделиям, украшавшим головной убор, погребение было женским. Умершая, вероятно, была завернута в бересту, кусочки которой сохранились рядом с изделия из бронзы.

В районе грудной клетки найдена *бронзовая полая рукоять кинжала*, которая завершалась объемным реалистичным изображением медведя, стоящим на четырех лапах (рис. 3 – *1*). По краям рукоять была декорирована ложновитым кантом. В полости рукояти обнаружены следы дерева. Клинок, на наш взгляд, был деревянным, ритуальным. Через бронзовые кольца, одно из которых было вдето в рукоять, предмет соединялся в ожерелье на шее погребенной.

У черепа с двух сторон обнаружены:

- *бронзовые трапециевидные подвески на цепочках* (по 3 экз.),
- *гроздевидные подвески из серебра* (рис. 3 – *2*) (по 2 экз.),
- *двухдисковые бляхи из бронзы* (рис. 3 – *13*) (по 1 экз.),
- *бронзовое височное кольцо с застежкой.* К кольцу прицеплена подвеска на маленьком колечке, из стержня с утолщением в центре в виде бусины (рис. 3 – *14*).

В степной и лесостепной Евразии в середине I тыс. н. э. получают распространение близкого типа украшения, но у них кольцо цельнолитое со стержнем. Близкие по форме цельнолитые височные кольца найдены на кулайских селищах и святилищах Сургутского Приобья [*Борзунов, Стефанова, 2001.* Рис. 2 – *1*; *Борзунов, Чемякин, 2006.* Рис. 17 – 13, 14].

Серебряные полушарные гроздевидные серьги и объемные изображения медведей характерны для харинской стадии конца V–VI вв. н. э. ломоватовской культуры [*Голдина, 1985.* С. 125. Рис. 16 – *8, 9*].

Двухдисковые бляхи-накладки в Прикамье появляются в пьяноборское время и бытуют вместе с двух- и четырехдисковыми перстнями [см.: *Агеев, 1992.* Табл. 8 – *6*; 13 – *8, 9, 11*]. Кроме того, двухдисковые бляхи обнаружены в погребении Перейминского могильника на Андреевском оз. В. Н. Чернецов считал их импортными и датировал могильник IV–V вв. н. э. [*Чернецов, 1957.* С. 170, 175, 176. Табл. XIII. Рис. 10; 11]. Позднее В. А. Могильников датировал этот могильник VII–VIII вв. н. э. [*1987.* С. 167]. Погребение относится, вероятно, к середине I тыс. н. э.

Для нахождения других захоронений и определения возможных границ могильника к северу и востоку от траншеи № 1 были заложены еще четыре разведочные траншеи (№№ 2–5) площадью 20 кв. м (рис. 1). К сожалению, результатов они не дали.

По словам местных жителей, в начале XX в. на «Шаманском бугре», расположенном на восточной окраине с. Старый Катыш, в 100 м к востоку от городища, находился **«шаманский амбар».** На том месте позднее была вырыта яма для хранения силоса. Вблизи от нее нами были заложены раскопы площадью 92 и 16 кв. м. Возможно, с данным амбаром был связан толстый слой коры и обломков предметов позднего облика, обнаруженный в раскопах.

В более раннее время там было небольшое **селище**. К нему относятся фрагменты пятнадцати горшковидных и двух чашевидных сосудов, орнаментированных по верхнему краю ямочно-жемчужным пояском. Только ямками украшено десять сосудов. Ямки в чередовании с жемчужинами зафиксированы на двух сосудах, а только жемчужины – на трех. Зона из ромбов отмечена на десяти сосудах. Штампы уголковый, полулунный и уточка встречены по одному разу, змейка выявлена на двух сосудах. Керамика относится к карымскому этапу обь-иртышской археологической общности середины I тыс. н. э. Можно предположить связь селища с существованием святилища на городище в середине I тыс. н. э. и выявленными захоронениями.

Литература

Агеев Б. Б. Пьяноборская культура. – Уфа: Изд-во БНЦ УрО РАН, 1992. – 140 с.

Агеев Б. Б. Хронология и периодизация пьяноборской культуры // Хронология памятников Южного Урала. – Уфа: Изд-во УНЦ РАН, 1993. – С. 62–70.

Борзунов В. А., Стефанова Н. К. Кулайский «поселок из одного двора» на Барсовой Горе и некоторые проблемы изучения кулайской общности // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут: РИО СурГПИ, 2001. – С. 96–109.

Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Ранний железный век таежного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры: Пленарный докл. II САК 24–30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. Ханты-Мансийск – Екатеринбург: Изд-во «Чароид». – С. 68–108.

Викторова В. Д. Этапы развития фигурно-штамповой орнаментации на сосудах памятников бассейна р.Тавды // ПХКПАПЗС .– Томск: Изд-во ТГУ, 1970. – С. 254–270.

Голдина Р. Д. Ломоватовская культура. – Иркутск: Изд-во ИрГУ, 1985. – 280 с.

Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Раскопки Ендырского VIII поселения в 2004 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – Вып. 3. – С. 114–134.

Карачаров К. Г. Комплекс предметов раннего железного века, найденный у городища Нивагальское 20 на р. Агане // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011.– Вып. 9. – С. 81–110.

Матвеева Н. П. К вопросу о хронологии саргатских могильников Среднего Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1985. – С. 69–81.

Матвеева Н. П. Ранний железный век Приишимья. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1994. – 151 с.

Останина Т. И. К вопросу о хронологии памятников мазунинской культуры // Этнические процессы на Урале и Западной Сибири в первобытную эпоху. – Ижевск: Изд-во УдмГУ, 1983. – С. 72–79.

Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов // МИА – М: Изд-во АН СССР, 1961. – № 101. – 160 с.

Стародумов Д. О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь I // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. – Ханты-Мансийск; Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 137–154.

Таиров А. Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 274 с.

Чемякин Ю. П. Городище Сартым-урий XVIII: предварительные итоги раскопок // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – Вып. 1. – С. 38–76.

Чемякин Ю. П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. – Сургут; Омск: Изд-во «Магеллан», 2008. – 224 с.

Чернецов В. Н. Усть-полуйское время в Приобье // МИА. – М: Изд-во АН СССР, 1953. – № 35: Древняя история Приобья. – С. 121–178.

Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в первом тысячелетии н. э. // МИА. – М: Изд-во АН СССР, 1957. – № 58: Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. – С. 136–245.

Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. – Томск: Изд-во ТГУ, 1984. – 256 с.

Ширин Ю. В., Яковлев Я. А. Мартиролог югорской археологии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – Вып. 8. – С. 21–62.

Щит и меч отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней / С. С. Агеев, Е. Т. Артемов, А. Э. Бедель, Д. В. Гаврилов, А. Б. Дюняшин, А. В. Жук, А. П. Зыков и др.; гл. ред. А. В. Сперанский. – Екатеринбург: ООО «Издательство «Раритет», 2008. – 466 с.

Яковлев Я. А. Мартиролог югорской археологии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – Вып. 9. – С. 10–81.

Рис. 1. Археологические памятники у с. Старый Катыш. Ситуационный план

Рис. 2. Городище Старый Катыш. План памятника

Рис. 3. Могильник и городище Старый Катыш. Вещевой комплекс: 1, 2, 13, 14 – могильник; 3–12, 15–18 – городище. *1, 3–16* – бронза; *2* – серебро; *17, 18* – глина

Рис. 4. Городище и селище Старый Катыш. Керамика: *1–17* – городище; *18* – селище

В. В. Мингалев
г. Пермь,
НИУ ВШЭ – Пермь
М. Л. Перескоков
г. Пермь,
ПГНИУ

РЕЗУЛЬТАТЫ ОХРАННЫХ РАСКОПОК МОКИНСКОГО МОГИЛЬНИКА III–VI ВВ. Н. Э. В ПЕРМСКОМ ПРИКАМЬЕ В 2013 Г.

1. История изучения Мокинского могильника. Памятник находится в окрестностях Перми – в 0,6 км к югу от дер. Мокино (Пермский р-н, Пермский край), в среднем течении р. Нижняя Мулянка, на невысоком (6–8 м) мысу надпойменной террасы реки. Некрополь занимает весь мыс, ориентированный в широтном направлении с небольшим отклонением к северу. Площадь распространения находок – около 2 га. Через памятник и основание мыса проходит автодорога «Баш-Култаево – Мокино». В центральной части могильника находится старый карьер, уничтоживший культурный слой на площади 0,3 га.

Первое упоминание о находках у дер. Мокино имеется в отчете А. В. Шмидта за 1924 г. В этом году Камской археологической экспедицией (КАЭ) ГАИМК были проведены исследования Среднего Прикамья, в ходе которых у данной деревни были найдены обломки керамических сосудов, кости животных и фрагмент человеческого черепа. Раскопки на памятнике не проводились, характер памятника не был определен [*Шмидт, 1928.* С. 284–285].

В. Ф. Генинг, осмотревший памятник в 1950 г., собрал здесь небольшую коллекцию керамической посуды. Тогда же памятник был определен как селище раннего железного века – начала средневековья и датирован VI в. до н. э. – VI в н. э. [*Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011.* С. 65].

В связи с началом мелиоративных работ в среднем течении р. Нижней Мулянки было принято решение о проведение раскопок на памятнике. Первые полномасштабные стационарные исследования проведены здесь в 1987 г. КАЭ ПГУ под руководством В. А. Оборина. В результате был выявлен могильник IV–V вв. н. э., который располагался на ананьинском селище V–IV вв. до н. э. Вскрыто 62 погребения, которые были отнесены к харинскому времени. У ряда погребений фиксировались внешние ровики, что позволило предположить наличие здесь распаханных курганов.

Памятник вызвал большой интерес у исследователей, так как относился к началу формирования харинского культурного феномена на территории Прикамья. Впоследствии раскопки были продолжены, и за 6 полевых сезонов (1987, 1990–1992, 1994, 1998 гг.) силами КАЭ ПГУ было исследовано 254 погребения. Что же касается селища, то его культурный слой был сильно поврежден средневековым некрополем и современной пахотой.

В ходе мониторинга 2012 г. на территории могильника были выявлены грабительские «вкопы». Угроза разрушения грабителями уникального комплекса раннего средневековья стала причиной возобновления исследования памятника. Новые раскопки Мокинского могильника начаты в 2013 г. сотрудником КАЭ ПГНИУ М. Л. Перескоковым.

2. Культурно-хронологические особенности Мокинского поселения-могильника по данным раскопок 1980-х – 1990-х гг. Масштабное изучение памятника КАЭ ПГУ позволило датировать его IX в. до н. э. – V в. н. э. В настоящее время на памятнике выделяется пять культурно-хронологических пластов, два из которых относятся к ананьинскому времени, три – к раннему средневековью. При выделении хронологических горизонтов на Мокинском поселении-могильнике, использовались работы В. Ю. Малашева [2000] и М. В. Кривошеева [2005] по позднесарматским материалам, И. О. Гавритухина – по поволжским гуннского времени [*1996.* С. 115–133], А. К. Амброза [*1980*] и М. Л. Перескокова [*2013*] – по пермским эпохи Великого переселения народов.

1. Раннеананьинский хронологический горизонт (IX–VIII вв. до н. э.). В раскопе 1987 г. было зафиксировано несколько фрагментов от бомбовидных керамических сосудов с уплощенным или заостренным дном и интенсивно орнаментированной шейкой [*Оборин, 1987.* С. 39–40]. В раннеананьинский период площадка памятника посещалась эпизиодически. Построек данного времени здесь пока не зафиксировано.

2. Позднеананьинский хронологический горизонт (V–IV вв. до н. э.). В данный период на мысу существовало позднеананьинское селище. В раскопе 1987 г. нами были выявлены остатки позднеананьинских построек, тогда как в раскопах других лет обнаружена только «воротничковая» керамика [*Оборин, 1987*].

3. Позднегляденовский хронологический горизонт (середина III – первая половина IV в.). В III в. н. э. территория заброшенного ананьинского селища стала использоваться в качестве могильника. При этом окрестности некрополя в период позднего железа были плотно заселены. Об этом свидетельствуют открытые здесь селища, в том числе Баш-Култаевское I и II, Мокинские II и III. Место для основания здесь некрополя привлекло аборигенов отсутствием больших деревьев, так как именно в районе могильника имеются известковые выходы. Расположение погребальных комплексов на участках, где имеются выходы известняка, обычно для лесных некрополей Пермского Прикамья раннего железного века и раннего средневековья. В качестве примера можно привести целый ряд могильников, например, Залазнинский, Верхне-Ирьякский, Верх-Саинский, Митинский, Чазевский I, Пыштайнский I–III. Кроме рационального объяснения факта взаимосвязи расположения могильников и известковых выходов, у местного населения, несомненно, было и сакральное.

Мокинский могильник начинает расширяться с восточной стороны – от стрелки к основанию мыса. Именно на данном выступе обнаружены самые ранние погребения. Погребальный инвентарь данного периода характеризуют пряжками с почковидным фасетированным щитком и язычком, который не выходит за край рамки и был слегка прогнут. Рамка – округлой формы, слегка уплощенная, без сильного расширения в передней части. Поясные накладки почковидной формы (вариант восьмеркообразной – половина), с фасетированным краем и кольцом без расширения. Подобную фасетировку В. Ю. Малашев выделяет как важный хронологический признак при датировке позднесарматских поясных гарнитур [*Кривошеев, 2005.* С. 101; *Малашев, 2000.* С. 195–196; *2008.* С. 52–53]. Большая часть обломков керамических сосудов, найденных в погребениях этой части памятника, не имеет орнаментации. Незначительная часть (менее 11%) орнаментированных сосудов украшена только по венчику и только оттисками гребенки и резным декором.

4. Тураево-кудашевский хронологический горизонт (вторая половина IV – первая половина V в.). Ко второй половине IV в. вся территория мыса была уже заполнена погребениями. Некрополь выходит на коренной берег и начинает расти в южном и юго-западном направлениях – вдоль края и вглубь террасы. Ориентация могил также меняется. Ранее они выкапывались по оси СЗ – ЮВ, сейчас – в направлении, близком к широтному. Для погребений этого времени характерна «полиобрядность». Встречаются захоронения, совершенные по обряду как ингумации, так и кремации. В могилах часто встречаются остатки клинкового оружия (железные мечи, крупные дольные ножи), детали конской упряжи (удила, подпружные пряжки), копья и предметы полихромного стиля.

«Хрономаркерами» данного периода на Мокинском могильнике являются *следующие предметы:*

- бронзовые трехсоставные пряжки со щитком в форме лунницы; они имеют округлую или овальную рамку с существенным утолщением в передней части, а также с язычком, прижатым к рамке и достающим до ее середины;
- калачевидные серебряные серьги так называемого «харинского типа», иногда декорированные зернью, а также каменными или стеклянными вставками-шатонами;
- небольшие серебряные и бронзовые наконечники ремней в виде коробочек без шляпок от штифтов, с расширением на конце;
- бронзовые наконечники с секировидным расширением, с фасетировкой и насечками по краям;
- бронзовые поясные накладки с кольцом для подвешивания; щиток у такой накладки имеет «секирообразную», полукруглую или подтрапецевидную форму;
- бронзовые полусферические накладки с креплением с помощью штифта.

Керамические сосуды орнаментируются чаще. Гребенчатый орнамент на них сменяет резным. На шейках нередко встречается шнуровой узор.

5. Раннехаринский хронологический горизонт (вторая половина V – первая половина VI в.). Могилы данного периода расположены в глубине террасы. Погребальный обряд этого периода во многом является развитием традиций предыдущего культурно-хронологического горизонта. Сохраняется «биобрядность». Появляются захоронения черепов.

«Хрономаркерами» данного периода на Мокинском могильнике являются *следующие предметы:*

- бронзовые трехсоставные пряжки с трапецевидными и подтреугольными щитками, которые имеют округлую или овальную рамку с утолщением в передней части, а также с язычком, выходящим за пределы рамки или охватывающим рамку до нижнего ее края;
- серебряные и бронзовые наконечники ремней в виде коробочек с четырьмя-пятью шляпками от штифтов, с расширением на конце;
- небольшие дольные ножи;
- крупные янтарные таблетковидные бусы;
- прямоугольные поясные накладки с закругленными углами и нарезкой по длинным сторонам.

Керамические сосуды орнаментируются чаще. Шнуровые узоры становятся более плотными и разнообразными. Увеличивается доля шнурового декора среди общей массы элементов орнамента. Венчики сосудов начинают украшаться защипами.

Вероятнее всего, в ходе дальнейших исследований будет выявлен еще один позднехаринский хронологический горизонт (вторая половина VI – VII в.), представленный пока отдельными погребениями (№№ 233 и 234) в восточной части могильника.

3. Предварительные результаты раскопок 2013 г. Научной целью раскопок 2013 г. стало изучение крайних погребальных рядов Тураево-Кудашевского хронологического горизонта.

В 2013 г. заложен раскоп площадь 140 кв. м, в котором выявлено 9 погребений, канавка, 19 столбовых и культовых ям. Все могилы были разрушены перекопами, в том числе погребение № 255 – четыре раза, № 257 – дважды. В большинстве ям зафиксированы погребальные конструкции: в виде деревянных настилов на дне и над костяком, а также вертикальных деревянных плах, установленных внутри могил.

Вскрытые погребения были выстроены в три ряда и продолжали ряды, зафиксированные в раскопе IV (1990 г.). Семь из девяти погребений по форме и глубине для данного могильника являются традиционными (табл. 1). Исключение – погребение № 263, но его большая глубина связана с норой барсука (?) и грабительским «вкопом», который уходит ниже дна погребения.

Таблица 1.

Погребения №№ 256, 258–262 Мокинского могильника (раскопки 2013 г.)

Номер	Размер (м)	Глубина (м)	Ориентировка	Находки
256	0,72×1,32	0,24–0,26	СВ–ЮЗ	–
258	1,30×2,70	0,31	З–В	Обломок железного ножа
259	1,48×2,32	0,25	З–В	Кресальный кремень
260	1,36×2,10	0,38–0,47	СВ–ЮЗ	–
261	0,86×1,88	0,33–0,42	СВ–ЮЗ	–
262	0,80×2,00	0,44	З–В	–
263	0,85×1,84	1,17	З–В	Обломки железного ножа; янтарная таблетковидная бусина;четырнадцатигранная стеклянная бусина синего (кобальтового) цвета

Погребения № 255 и № 257 отличаются от всех остальных на данном памятнике. Они расположены близко друг к другу: расстояние между ними около 0,35–0,50 м.

Погребение № 255 – подпрямоугольное (2,33×3,39 м), ориентировано в широтном направлении и заполнено коричнево-красной переотложенной материковой глиной. В могиле фиксируется четыре разновременных перекопа, но даже самый ранний из них не достигал ее дна. Глубина погребения от уровня фиксации – 1,03 м. На глубине –0,65 м по всем сторонам могильной ямы, вероятно, был сделан уступ, однако из-за грабительских вкопов он фиксировался не по всему периметру погребения. Размеры нижней части погребения – 1,88×3,05 м. Дно и стенки в нижней части погребальной камеры были выстланы кожей. На дне из плах был сделан «короб». Над остатками кожи фиксировался деревянный настил из плах, который снизу был скреплен тремя поперечными брусками. Между настилом и коробом фиксировался «зазор» шириной 3–5 см. Это позволяет предположить, что на данном настиле погребенного опустили в деревянный короб. В некоторых частях погребения прослежены остатки плах, также расположенные выше уровня дна могилы (на 20–26 см). Исходя из этого, можно утверждать, что после установки короб с умершим был перекрыт дополнительным настилом, который впоследствии был разрушен многочисленными грабительскими вкопами.

Костей погребенного не сохранилось, что не является редкостью для Мокинского могильника. Многие исследователи это связывают с обрядом «обезвреживания» покойника. Первые вкопы в погребения были совершены, несомненно, почти сразу после захоронения умершего [*Мингалев, 2006.* С. 402; *Коренюк, 2011.* С. 71]. При создании данного погребения было вынуто более 8,1 кубометров глины. Это намного больше среднего показателя для данного памятника. Обычно объем грунта, выкопанный при сооружении одной могилы, не превышал 1 кубометр. Сложная конструкция погребальной камеры и большие трудозатраты, затраченные на ее сооружение, указывают на высокий статус погребенного.

Погребальный инвентарь:

● три бронзовые трехсоставные пряжки, у каждой из которых имеется плотно прилегающий к рамке язычок, доходящий до середины рамки; передняя часть рамки сильно утолщена (рис. 1 – *1–3*); у одной пряжки язычок в сечении граненый (рис. 1 – *1*), у других – полукруглый (рис. 1 – *2, 3*); щиток сохранился только у одной пряжки (рис. 1 – *2*), и он имеет форму «лунницы» или «секиры»;

● три бронзовых наконечника ремня в виде небольшой пластины с расширяющимся завершением, зажимающей ремень с двух сторон (рис. 1 – *4–6*);

● полусферические поясные бронзовые накладки, крепившиеся с помощью штифта (рис. 1 – *7*);

● бронзовая накладка с кольцом для подвешивания (рис. 1 – *8*);

● бронзовое кольцо-перетяжка, обернутое кожаным ремешком (рис. 1 – *9*);

● серебряная умбоновидная накладка на ножны с имитацией зерни (рис. 1 – *10*;

● обломки меча в деревянных ножнах, покрашенных красной краской (рис. 1 –*11*);

● фрагменты железного ножа в деревянных ножнах;

● обломки железных удил;

● два костяных, треугольных в сечении наконечника стрелы (рис. 1 – *12, 13*);

● костяная игла (рис. 1 – *14*);

● амулет из кабаньего клыка;

● фрагменты не определимых железных и бронзовых вещей;

● большое количество обломков керамических сосудов позднего этапа гляденовской культуры (рис. 1 – *15–17*).

Погребение № 257 – подпрямоугольной формы, размерами 2,60×3,88 м, ориентировано по линии ЗСЗ–ВЮВ. Заполнение погребения – коричнево-красная переотложенная материковая глина. В погребении отмечено два разновременных перекопа. Ранний перекоп точно вписался в контуры погребения и разрушил практически все погребение, за исключением его восточной, южной и западной стенок. Он имел форму, близкую в овалу (2,6×3,5 м), и выступал за пределы могилы только с ее северной стороны. Поздним перекопом разрушена верхняя часть погребения. Кроме того, тот же перекоп практически полностью разрушил деревянный настил и дно могилы. Вероятно, этот перекоп являлся культовым и был совершен вскоре после захоронения покойного.

Глубина погребения составляла 1,80 м. Во всех углах ямы, за исключением северного, на ее дне расчищены остатки погребальных конструкций, аналогичных зафиксированным в погребении № 255. Костяка в погребении не зафиксировано, и найдена только кальцинированная трубчатая кость человека. Доски, на которых должен был опускаться в могилу покойный, были засыпаны белой золой. Возможно, данное погребение было совершено по обряду кремации с предварительным сожжением трупа «на стороне».

Погребальный инвентарь:

● бронзовая трехсоставная пряжка с плотно прилегающим к рамке язычком, не доходящим до середины рамки; передняя часть рамки утолщена (рис. 2 – *1*);

● обломки меча и окрашенных красной краской остатков деревянных ножен (рис. 2 – *2*)

● фрагменты железного ножа в деревянных ножнах;

● обломки удил;

● амулет из клыка хищника (медвежонка?);

● золотая пластина овальной формы (рис. 2 – *3*);

● предмет в виде деревянного стержня, обернутого листом бронзы, который закреплен гвоздиком и заклепкой со следами кожи (рукоять плети?) (рис. 2 – *4*);

● фрагменты не определенных железных и бронзовых вещей;

● большое количество обломков керамических сосудов позднего этапа гляденовской культуры (рис. 2 – *5–9*).

В непосредственной близости от погребения обнаружена небольшая «С-образная» в плане курганная (?) канавка, охватывавшая могилу с востока. Длина канавки – 2,3 м, ширина – 0,4 м, глубина от уровня фиксации – 0,15 м. В профиле углубление котловидной формы. По всей видимости, канавка была связана с погребением № 257. При сооружении данной могильной ямы было вынуто более 18,1 кубометра материковой глины.

Среди находок особый интерес представляет золотая пластина. По мнению М. Л. Перескокова, она является *нагубником,* то есть прототипом погребальных масок, которые получили наибольшее распространение в «развитом» средневековье.

Погребальный инвентарь, представленный в погребениях № 255 и № 257, относится к тураево-кудашевскому хронологическому горизонту (вторая половина IV – начало V в.). Для последнего характерно появление в Прикамье богатых воинских погребений, что связано с миграциями небольших групп тяжеловооруженных воинов Южного Приуралья, определить происхождение которых на современных материалах не представляется возможным.

Литература

Амброз А. К. Бирский могильник и проблема хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. – М.: Наука. 1980. – С. 1–56.

Гавритухин И. О. К изучению ременной гарнитуры Поволжья VI–VII вв. // Культура Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. – Самара, 1996. – С. 115–133.

Коренюк С. Н., Мельничук А. Ф., Перескоков М. Л. Погребальный обряд поздней части Мокинского могильника в Среднем Прикамье (по материалам раскопок 1994 г.) // Вест. ПУ. – Пермь: Изд-во ПГУ, 2011. – Сер. «История». – Вып. 1 (15). – С. 65–80.

Кривошеев М. В. Позднесарматская культура Южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации: Дис. … канд. ист. наук. – Волгоград, 2005. – 336 с.

Малашев В. Ю. Периодизация ременной гарнитуры позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. – Ростов-на-Дону: Изд. ООО «Терра», 2000. – С. 194–232.

Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время (МИА. – № 9). – М.: Изд-во РАН, 2008. – 365 с.

Мингалев В. В. «Некрофобия», как транскультурное явление в эпоху великого переселения народов // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов. Ижевск: Удм. ун-т, 2006. – С. 417–424.

Оборин В. А. Отчет об исследовании Мокинского могильника в Пермском районе Пермской области в 1987 г. – Пермь, 1987. – Архив ИА РАН. Р–1. Д. 12242. – 142 с.

Перескоков М. Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века (первая половина – середина I тыс. н. э.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Казань, 2013. – 28 с.

Шмидт А. В. Отчет о командировке в 1925 году в Уральскую область // Сб. МАЭ. – Л.: Изд-во АН СССР, 1928. – Т. VII . – С. 283–298.

Рис. 1. Мокинский могильник. Погребение № 255. Вещевой материал:
1–9 – бронза; *10* – серебро; *11* железо и дерево; *12–14* – кость; *15–17* – керамика

Рис. 2. Мокинский могильник. Погребение № 257. Вещевой материал:
1 – бронза; *2* – железо, кожа, дерево; *3* – золото; *4* – дерево, кожа, бронза; *5–7* – керамика

А. В. Гордиенко
г. Тюмень
ТГАКИиСТ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК ГОРОДИЩА АНДРЕЕВСКОЕ 4 В ТЮМЕНСКОМ ПРИТОБОЛЬЕ

Характеристика памятника и история его исследования. Городище Андреевское 4 находится в 22 км к ЮЮВ от г. Тюмень, 4,4 км к ЮВ от пос. Боровский Тюменского р-на, на южном берегу оз. Малое Андреевское, в 0,2 км от водоема. Укрепленная площадка относительно ровная, песчаная, высотой около 3 м от уровня воды в озере. Отличается овальной формой и имеет подтреугольный в плане «пристрой» с северной стороны. Окружена валом (ширина 3–7 м, высота до 1,3 м) и внешним рвом (ширина 2–7 м, глубина до 1,5 м). С западной и восточной сторон в оборонительной системе прослеживаются разрывы, отмечающие проходы на городищенскую площадку. На овальной площадке фиксируется 17 жилищных западин (размерами 3×3–7×4 м, глубиной – 0,3–0,5 м), расположенных по кругу; еще 3 находится в «пристрое». Поверхность памятника повреждена многочисленными ямами и котлованами военного полигона. С СВ к памятнику примыкает обширное городище Андреевское 6, датированное рубежом бронзового и железного веков [*Зимина, Зах, 2009*. Рис. 8].

Городище Андреевское 4 открыто в 1920-е гг. П. А. Россомахиным, директором ТюмОКМ [*Матвеев и др., 1995*. С. 70]. В 1968 г. сотрудник УАЭ УрГУ Л. В. Казимирова выполнила инструментальную съемку памятника [*Казимирова, 1972*]. В 1977 г. раскопки городища провела сотрудник той же экспедиции В. Ф. Кернер [*Кернер, 1977*].

В 2013 г. автором в западной части городища Андреевское 4 была раскопана одна западина, а также небольшой отрезок вала и рва. Площадь западины – 25–30 кв. м, глубина в грунте – 0,5–0,6 м. У западной стенки котлована жилища – очаг. Кроме того, прослежена трехкратная перестройка защитной системы.

Коллекция находок включает 1749 ед. Большую часть ее составляют фрагменты керамических сосудов (1416 ед.), а также костные остатки (310 ед.) и шлаки (23 ед.).

Индивидуальные находки представлены 23-мя предметами. В их числе:

- изделия из кости – нож (рис. 1 – *8*) и фрагменты неопределимых изделий;
- предметы из камня – четыре оселка (рис. 1 – *9–12*) и обломок неопределимого изделия;
- артефакты из керамики – кружок (рис. 1 – *13*) и фрагменты неопределимых изделий;
- два железных ножа (рис. 1 – *6–7*).

К датирующим находкам относятся антропоморфная бронзовая фигурка (рис. 1 – *5*) и четыре медных посеребренных бляхи-«подвески» (рис. 1 – *1–4*).

Керамический комплекс. По шейкам с венчиками выделено 63 сосуда, которые по орнаментации образуют шесть групп:

- декорированные только гребенкой – 20 шт. (рис. 2 – *2, 9*);
- гребенкой и фигурными штампами – 15 шт.: ромб – 7 шт. (рис. 2 – *4*), палочка, поставленная торцом – 7 шт. (рис. 2 – *1, 11*), подкова – 1 шт. (рис. 2 – *6*));
- гребенкой и шнуром – 11 шт. (рис. 2 – *5, 7*);
- насечкой по шейке внешнему срезу венчика – 10 шт. (рис. 2 – *3*);
- гладкой палочкой – 2 шт. (рис. 2 – *10*);
- неорнаментированные – 2 шт.

При этом на всех сосудах, кроме двух последних, обязателен поясок круглых ямок – типично западносибирский элемент декора.

Подчеркну, что керамический комплекс однородный, и, за исключением трех бакальских сосудов (рис. 2 – *8*), относится к юдинской культуре.

При производстве посуды в качестве примеси к глинному тесту использовался песок. Стенки сосудов заглаживались с обеих сторон.

По форме выделяются горшки (88%) и чаши (12%). Среди горшковидных преобладают емкости с длинной (42%) и короткой (38%) отогнутой шейкой; реже встречаются с прямой (8%), прогнутой (2%) и выгнутой (2%) шейкой. Венчики: скошенные внутрь (54%); прямые горизонтальные (30%); скругленные (2%); скошенные внутрь со скругленным карнизиком (8%); подрезанные снаружи, в том числе – сглаженный внутрь (2%), со скругленным карнизиком (2%), с прямоугольным карнизиком (2%). Венчик орнаментирован у 89% сосудов; у двух сосудов орнамент на нем неопределим. Срез венчика орнаментирован сверху

(67%), снаружи (16%), изнутри и снаружи (4%), сверху и снаружи (2%). Ямочно-жемчужная зона отмечена у 92% сосудов. Она представлена пояском округлых ямок (60%), неровных наколов (20%), жемчужин (12%). Орнамент преимущественно располагался на шейке и плечиках, на тулово сосуда спускался редко. Основным элементом орнамента являлся горизонтальный поясок оттисков, чередование которых создавало декор. Гребенка чаще всего наносилась в виде прямых и наклонных оттисков. Из ее оттисков составлялись горизонтальные зигзаги (одинарные, двойные, тройные, четверные, «сложные»), пояски из слитных горизонтальных оттисков (от одного до шести рядов), горизонтальная елочка (в один-три ряда), «гребенчатая уточка» (рис. 2 – *9*), «лесенка» (рис. 2 – *5*). Шнур чаще всего наносился в виде сдвоенных полос в один-три ряда, в виде трех и пяти одинарных полос. Ромбы изображались в виде горизонтальной полосы и треугольника вершиной вниз, один раз – в шахматном порядке. Оттиски палочки торцом наносились в один и два ряда, в виде наклонных линий, горизонтальной елочки. Гладкой палочкой наносились вертикальные и наклонные оттиски, а также горизонтальные линии.

Вещевой комплекс. *Фигурка антропоморфная бронзовая* (рис. 1 – *5*). Представляет изображение стоящего человека в фас, с расставленными ногами и сложенными на животе руками. Нижняя часть изделия, ниже пояса человека, не проработанная, прямоугольная. На уровне живота обозначена округлая выпуклость, которую оконтуривают руки, соединенные в одну плоскость с плечами и грудиной. Кисти трехпалые, отделены от рук желобком. Голова оконтурена желобчатыми косами (?). Лицо овальное, линия носа переходит в лобную часть и брови. Глаза и рот миндалевидные, в округлых углублениях. Оборотная сторона плоская, округловогнутая на уровне спины (уровень живота с внешней стороны), с треугольной петлей для крепления.

Подобные сплошные литые и прорезные фигурки широко представлены в материалах средневековых культур Западной Сибири – релкинской, потчевашской и усть-ишимской, а также на памятниках кучиминского и кинтусовского этапов таежного Приобья [*Чернецов, 1957*. Рис. 5; *Могильников, 1987*. Табл. LXXVIII – *60*; LXXXII – *1–5*; XCVII – *1–21*; *Карачаров, 1993*. Рис. 3 – *21–22*; *Зыков и др., 1994*. С. 81, 82, 132, 133. №№ 62–64, 62а, 64а; *Кокшаров и др., 2012*. С. 341–342. Ил. 1; *Борзунов, Чемякин, 2013*. С. 110]. Появление их относится к VIII–IX вв., а наибольшее распространение приходится на IX–XI вв.

Бляхи-подвески. Все они обнаружены на кромке исследованной жилищной западины, на глубине 15–20 см от современной поверхности. Артефакты были сложены друг на друга стопкой и завернуты в бересту, рассыпавшуюся в процессе извлечения. Исходя из этого, а также стратиграфических наблюдений, можно сделать вывод, что эти предметы были оставлены на городище уже после завершения его функционирования.

Все бляхи изготовлены из листов меди толщиной 0,5 мм. Изделия круглые, диаметром от 10 до 11 см, слегка выпуклые, покрыты серебряным напылением. Для использования изделий в качестве подвесок к краю каждого диска была прикреплена медная петля. Она изготовлена из согнутой пополам прямоугольной (в одном случае – с ромбовидным концами) пластинки, скрепленной сквозной медной заклепкой. Изнутри каждого диска, в 1 см от кромки по кругу диаметром 8–9 см чеканом нанесены вдавления, образующие мелкие «перлы» с лицевой стороны. Снаружи в центре двух блях процарапаны, скорее всего, железным ножом, изображения-«графитти».

- Изображение № 1 – на 2/3 длины внутреннего поля процарапана ромбовидная личина из ломаных линий с двумя треугольными глазами и ромбовидным ртом; снизу к личине примыкают две трехпалые ноги (рис. 1 – *3*);
- Изображение № 2 – на 3/4 длины внутреннего поля нанесена «двухчастная» антропо-орнитоморфная фигура. Личина расположена в центре диска и состоит из двух полуовалов, разделенных вытянутым трапециевидным «носом», начинающимся от самого верха (головы) «антропоморфа». Ромбами обозначены его глаза и рот, с краев подчеркнутые парными короткими линиями (татуировки?). К нижней части личины примыкает непропорционально маленькое ромбовидное туловище. На голове личины двумя симметрическими линиями изображено подобие головного убора. На нем и поверх него в геральдической позе изображена хищная (?) птица с прямоугольным туловищем, распластанными крыльями (в каждом обозначено по семь перьев), выделенным глазом и острым клювом. Голова птицы показана в профиль и повернута влево. По оси симметрии от головы птицы по шее и туловищу нанесена вертикальная полоса, заканчивавшаяся внизу шестиугольной фигурой. Нижняя часть туловища «зооморфа» заканчивается хвостом из шести перьев. С боков в нижней части туловища обозначены трехпалые лапы (рис. 1 – *4*).

К этому описанию следует добавить, что оба изображения близки двум «каноническим» образам воинов-божеств-духов в шлемах, известных в нижнеобской мелкой пластике с конца эпохи бронзы (белоярский период), широко представленных в раннем железном веке (кулайская культурно-историческая общность) и средневековье. Более того, островерхие и круглоголовые лесные божества-гиганты *менквы* до сих пор вырезаются из дерева уграми Среднего и Нижнего Приобья и встречаются на их таежных

капищах. В нашем случае – изображение № 1 – это стилизованное изображение воина-божества-духа в островерхом шлеме, а изображение № 2 – в шлеме сфероконическом или круглом с длинным наносником. При этом изображение птицы на голове «антропоморфа», скорее всего, является не украшением шлема, а частью традиционной многофигурной композиции с хищной птицей наверху. Более того, второе изображение отчасти перекликается с известными плоскими ажурными бронзовыми отливками Пермского Прикамья VII–VIII вв., изображающими женское божество с птичьими крыльями с хищной птицей наверху [ср.: *Оборин, 1976*. С. 28, 190. Ил. № 64].

Территориально наиболее близкой находкой подобных предметов является также бляха, обнаруженная на Андреевском озере, на городище Дуванское I [*Морозов*, *1982*. С. 126, 128. Рис. 1,Г – *7*]. Данный предмет упоминается без определенной датировки, среди материалов I тыс. н. э. Две подобные бляхи происходят из «Загородного сада» в г. Тюмени, на одной из которых нанесены антропоморфные изображения. Они опубликованы В. Н. Чернецовым без конкретной датировки, но рассматриваются в контексте событий конца I тыс. н. э. [*Чернецов, 1957*. С. 243–244]. По 5 целых и разрубленных (лицевые покрытия) блях обнаружены на Пылаевском могильнике X–XII вв. [*Кутаков, Старков, 1997*. С. 137–138]. Исходя из приведенных аналогий и условий обнаружения блях-подвесок, они могут быть датированы от VII до XIII вв. Между тем, данные изделия были не отлиты (как большинство украшений и культовых предметов I тыс.), а вырезаны из листовой меди. Вследствие этого, более убедительной для них будет дата XII–XIII вв.

Хронология и культурная принадлежность памятника. Таким образом, на основании датирующих предметов и особенностей керамического комплекса, период функционирования городища может быть определен X–XII вв. и отнесен к юдинской археологической культуре X–XIII вв. [*Викторова, 1968*; *Могильников, 1987*. С. 168–176; *Викторова, Морозов, 1993*. С. 189–190].

Сравнительный анализ молчановско-андрюшинской и юдинской керамики. Хотелось бы подробнее проанализировать орнаментацию керамического комплекса юдинской культуры X–XII вв. из раскопок городища Андреевское 4, в сравнении с предшествующей молчановско-андрюшинской керамикой VI–IX вв. из раскопок городищ Антонова Старица 1, Пламя Сибири 6 и 7.

Орнаментация юдинской керамики продолжает молчановско-андрюшинские традиции, для которых характерны одинаковые группы керамики: 1) гребенчатая; 2) гребенчато-шнуровая; 3) гребенчато-фигурно-штампованная, 4) гребенчато-шнуро-фигурно-штампованная; 5) декорированная гладкой палочкой (как вариант – насечкой по венчику); 6) только с ямочно-жемчужной зоной; 7) неорнаментированные.

Исключение составляет группа гребенчато-шнуро-фигурно-штампованной керамики, которой нет на городище Андреевское 4. По-видимому, в юдинской керамике произошло разделение этой «симбиозной» группы молчановско-андрюшинской посуды на юдинскую гребенчато-шнуровую и гребенчато-фигурно-штампованную. Возможно, это является следствием этнокультурных изменений, происходивших в начале II тыс. н. э.

Главное отличие орнаментации юдинской керамики от молчановско-андрюшинской заключается в преобладании иного вида фигурного штампа. Для молчановско-андрюшинской керамики «культуро-определяющим» является оттиск в виде «уголка». Последний на посуде Нижнего Притоболья является инокультурным признаком, привнесенным с севера Западной Сибири. Это, в свою очередь, является результатом доминирования в процессе генезиса молчановско-андрюшинской культуры пришлого таежного населения с керамикой зеленогорского типа.

В молчановско-андрюшинском декоре представлены оттиски фигурных штампов в виде «ромба», «подковы», «оттиска торцом палочки», «треугольника», «круга», «змейки», «уточки», «креста», «решетчатого овала», «арки» и «скобы». В юдинском орнаментальном комплексе продолжили свое развитие только штампы в виде «ромба», «подковы» и «оттиска, нанесенного торцом палочки». Объяснить это можно тем, что оттиски в виде «подковы» и «оттиска, нанесенного торцом палочки» являются местным развитием фигурных штампов. При этом, если штамп «подкова» иногда встречается на Севере Западной Сибири (в частности, в зеленогорской посуде), то оттиски «торцом палочки» являются полностью местным изобретением. Именно поэтому они и получили развитие в юдинской культуре.

Отдельно хотелось бы остановиться на фигурном штампе в виде «ромба», который также представлен в юдинской керамике. В Нижнем Притоболье самая ранняя посуда, украшенная ромбическим штампом, зафиксирована нами на сосудах II–III в. н. э. из раскопок поселения Айгинское VIII (40 км к востоку от Тюмени). В этой коллекции такой орнамент составляет 35% всех узоров [*Гордиенко, 2013*. С. 54]. В это время такой декор являлся инокультурным, привнесенным с севера – из таежного Приобья, в результате миграции позднекулайских (ярсалинских) коллективов. Более мощная «волна» переселений охватила южно-таежное Тоболо-Иртышье в карымский период. Результатом ее явилось формирование в III/IV–VI вв. н. э. на кромке тайги гетерогенных поселений с керамикой, сочетающей местные позднесаргатские и пришлые карымские

элементы орнамента [*Борзунов, Чемякин, 2012а*. С. 187–188, *2012б*. С. 247–248, 252; *2013*. С. 107–112. Рис. 4]. В частности, ромбический присутствует на 23-х (26%) из 87-ми сосудов Козловского могильника, расположенного на Андреевском озере (20 км к ЮВ от г. Тюмени) и датированного III–V вв. н. э. [*Матвеева, 2012*. С. 70–74]. Среди наших находок выделяется горшок, орнаментированный типично карымскими и зеленогорскими треугольными фестонами, изображенными с помощью ромбического штампа (рис. 2 – *4*). Аналог такой композиции известен не только на посуде таежного Приобья карымского этапа III/IV– начала VI в. [*Борзунов, Чемякин, 2012а*. Ил. 9 – *1, 2, 5, 8*], но и в материалах синхронного прииртышского могильника Усть-Тара VII с ямочно-фигурно-штампованной южно-карымской посудой [*Борзунов, Чемякин, 2013*. Рис. 4 – *7*].

В VI–IX вв. ромбический штамп прослеживается на 10% молчановско-андрюшинской керамики городищ Антонова Старица 1, Пламя Сибири 6 и 7 (30 км к востоку от г. Тюмени) [*Гордиенко, 2013а*. С. 176].

В материалах X–XII вв. городища Андреевское 4 оттиск в виде ромба зафиксирован на 7-ми (11%) из 63-х сосудов.

Приведенные выше процентные характеристики не являются абсолютным показателем удельного веса посуды с «ромбическим» декором в керамических комплексах разных периодов, т. к. каждый такой хронологический отрезок представлен пока только единичными памятниками.

Эти данные призваны лишь проиллюстрировать факт существования в Нижнем Притоболье устойчивой традиции украшения керамики с использованием фигурно-штампованного ромба на протяжении тысячи лет (II–XII вв.): от финала раннего железного века до «развитого» средневековья. По этой причине данный элемент орнамента, со временем став «местным», занял свое законное место в орнаментике юдинской керамики. Возможно, что за этим стоит постоянное присутствие в регионе представителей или потомков северо-таежных этнокультурных групп, украшавших свою посуду оттиском в виде «ромба».

Итог. Таким образом, в орнаментации керамики молчановско-андрюшинской культуры VI–IX вв. и юдинской X–XII вв. прослеживается генетическая преемственность. На юдинской посуде отсутствует более ранний (молчановско-андрюшинский) элемент орнамента – оттиск в виде «уголка». Вместо него употребляются «местные» фигурно-штампованные узоры – «ромб», «подкова», «оттиск, нанесенный торцом палочки». Это является показателем событий этнокультурного характера. В VI–IX вв. в молчановско-андрюшинской культуре доминировало пришлое с севера зеленогорское население. К X в. инокультурное влияние исчезает. Преобладающую роль начинает играть местное население, которое развивало предшествующие орнаментальные традиции в трансформированном виде.

Источники и литература

Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники таёжного Приобья: основные характеристики // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 155–216.

Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымское общество таёжного Приобья: некоторые аспекты его генезиса, развития и взаимодействия с соседями // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 217–261.

Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники и общество таежного Приобья: основные характеристики // Археология севера России: от эпохи железа до Российской империи: Мат-лы Всерос. науч.-практич. конф. (Сургут. 1–4 октября 2013 г.). – Екатеринбург; Сургут: Изд-во «Магеллан», 2013. – С. 102–124.

Викторова В. Д. Памятники лесного Зауралья в X–XIII вв. // УЗ ПГУ. Пермь: Изд-во ПГУ, 1968. № 191. – С. 240–256.

Викторова В. Д., Морозов В. М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники Урало-Казахстанских степей. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. – С. 173–192.

Гордиенко А. В. Нижнее Притоболье в начале I тыс. н.э. (по материалам раскопок поселения Айгинское VIII) // ВААЭ. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. – № 1 (20). – С. 47–57.

Гордиенко А. В. Молчановско-андрюшинская культура лесного Зауралья // Культуры и народы Северной и Центальной Азии в контексте междисциплинарного изучения: Сб. МАЭ им. В. М. Флоринского. – Томск: Изд-во ТГУ, 2013а. – Вып. 3. – С. 173–183.

Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Терехова Л. М., Федорова Н. В. Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 160 с.

Казимирова Л. В. Отчет о работе на южном берегу Андреевского озера (разведка на участках XIX–XXI), проведенной летом 1969 г. – Свердловск, 1972. – Архив ИА РАН. Р-1. № 4092. – 126 с.

Карачаров К. Г. Хронология раннесредневековых могильников Сургутского Приобья // Хронология памятников Южного Урала. – Уфа: Изд-во УНЦ РАН, 1993. – С. 110–118.
Кернер В. Ф. Отчет о раскопках городища IV в Тюменском районе Тюменской области о разведке археологических памятников в Варненском районе Челябинской области в 1977 г. – Свердловск, 1977. –Архив ИА РАН. Р-1. № 6760. – 65 с.
Кокшаров С. Ф., Зимин А. Н., Казанцева А. И., Мотус А. И. Археологические раскопки на поселении Ендырское VII в Октябрьском районе ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 340–342.
Кутаков Ю. М., Старков А. В. Пылаевский грунтовый могильник (Предварительная публикация) // ОАИСУ. – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1997. – Вып. 1. – С. 130–147.
Матвеев А. В., Матвеева Н. П., Панфилов А. Н., Буслова М. А., Зах В. А., Могильников В. А. Археологическое наследие Тюменской области: Памятники лесостепи и подтаежной полосы. – Новосибирск: Наука. СИФ РАН, 1995. – 240 с.
Матвеева Н. П. Козловский могильник эпохи Великого переселения народов. – Тюмень: Изд-во ТГУ, 2012. – 178 с.
Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20-ти т.). – М.: Наука, 1987. – С. 163–235.
Морозов В. М. Средневековые поселения и жилища на р. Дуван // Археологические исследования Севера Евразии (ВАУ. – Вып 16). – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1982. – С. 125–141.
Оборин В. А. Древнее искусство народов Прикамья: Пермский звериный стиль. – Пермь: Пермское кн. изд-во, 1976. – 190 с.
Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. Обзор и классификация материала // МИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – № 58. – С. 136–245.

Рис. 1. Городище Андреевское 4. Вещевой комплекс:
1–4 – бляхи медные, посеребренные; *5* – фигурка антропоморфная бронзовая; *6, 7* – ножи железные; *8* – нож костяной; *9–12* – оселки каменные; *13* – изделие глиняное

Рис. 2. Городище Андреевское 4. Керамические сосуды

А. В. Расторопов
г. Самара
САО

ОХРАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОШЁЛЕВСКОГО ГОРОДИЩА В НИЖНЕМ ПРИИРТЫШЬЕ[1]

Общая характеристика памятника. Городище находится в 2 км к югу от с. Осинник Уватского р-на Тюменской обл. Памятник расположен на останце правой коренной террасы р. Иртыш, выше по течению от с. Демьянское (рис. 1). Холм вытянутой овальной формы, размерами около 280×90 м, ориентирован меридиональном направлении. Остатков оборонительных сооружений на нем не зафиксировано. По местному хантыйскому преданию данное возвышение называлось *Кошель ваш* – городок Кошеля, прежнего владельца здешних мест [*Миллер, 1941*. С. 241]. По другой хантыйской легенде, услышанной в с. Осинник, на горе, где расположено городище, по ночам горит зеленый свет: в память о царевне, которая бросилась вниз с горы, когда городок был окружен врагами.

Охранные исследования Кошелёвского городища проведены автором в 1982 г. Материалы исследований хранятся в фондах Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (ТГИАМЗ) и частично опубликованы [*Расторопов, 1985*; *1986*].

Раскопом площадью 216 кв. м исследован северо-западный участок оконечности останца, который разрушался карьером по добыче песка. В ходе аварийных работ в северо-западной части раскопа выявлен котлован средневековой производственной постройки, частично разрушенной карьером. Ширина котлована по северной стенке раскопа – 10 м. Длина в пределах раскопа –13 м, с учетом разрушенной части, она могла достигать 15 м. Котлован углублялся в материковый песок с глубины 0,6 м. Резкое понижение материка по профилю северной стенки раскопа прослежено с запада – на глубину 1,6 м. С востока котлован понижался уступом: первоначально на глубину 0,8 м, затем еще на 1,2 м. Культурный слой в пределах котлована достигал мощности 2,6 м. Здесь была обнаружена подавляющая часть археологического материала.

За пределами углубления, ближе к эскарпированному склону, количество находок резко падало, и толщина культурного слоя не превышала 0,6 м.

Металлургические объекты (горны). Несколько сооружений (№№ 1–3, 6, 7), открытых в пределах раскопа, можно соотнести с металлургическими горнами. Следами производства железа являются многочисленные железные шлаки, крицы, глиняные сопла и тигли, которые залегали в котловане и частично – за его пределами.

С черной металлургией, возможно, связаны находки бронзовых согнутых пластин шириной 3–4 см с остатками дерева внутри них, а также с отверстиями и следами клепки. По-видимому, это *оковки деревянных ведер* для воды, так как при выплавке железа происходит большой расход воды. Основная часть пластин выявлена за пределами котлована – у эскарпированного склона.

Шлаки залегали в котловане и вблизи его, преимущественно на глубине до 1 м (рис. 2 – *4*).

Глиняные сопла – 8 экз. (рис. 2 – *3*). Из них 7 экз. найдено в котловане постройки, на глубине от 0,97 до 1,90 м.

Железные крицы обнаружены в пределах пяти сооружений (№№ 1–5).

Сооружения №№ 1–3 располагались в пределах котлована производственной постройки, на глубине от 2,4 до 2,6 м. Их границы фиксируются по кускам глиняной обмазки и золисто-углистым пятнам.

Сооружение № 1 представлено пятном овальной формы, размерами 3,0×1,2 м. В нем зафиксированы три куска крицы.

Сооружение № 2 – длиной 3,1 м, шириной до 1,3 м, имело в плане грушевидную форму. В нем обнаружены куски железной крицы.

В этих сооружениях глиняная обмазка залегала слегка выпуклым сводом. В разрезе отмечены два тонких слоя обожженной глины с прослойкой угля и золы между ними. В других сооружениях глиняная обмазка лежала отдельными кусками.

Сооружение № 3 – овальной в плане формы (1,6×0,8 м), с остатками железной крицы.

За пределами котлована постройки крицы обнаружены в сооружениях № 6 и № 7.

Сооружение № 7 фиксируется на материковой поверхности, на глубине 0,6 м, по отдельным фрагментам глиняной обмазки. Углисто-зольное пятно – округлое, размерами 1,6×1,8 м. В нем, по краям, под крупными фрагментами глиняной обмазки найдены два куска крицы. Они являлись частями одной полушаровидной

[1]Автор выражает глубокую признательность хранителю музейных коллекций I категории ТГИАМЗ (г. Тобольск) Л. Н. Сладковой за оказанную помощь при подготовке иллюстраций к данной работе.

формы, диаметром 25 см, высотой 8 см. Такая форма, вероятно, сформировалась на дне крупного глиняного тигля-горшка в процессе варки железа. На краю сооружения, перпендикулярно к нему, лежало глиняное сопло.

Крицы, обнаруженные в трех других глинобитных горнах (№№ 1–3) имели бесформенные очертания. Наряду с крупными кусками встречались мелкие, дробленые.

Сооружение № 6 представляло собой горн «ямного типа». После расчистки его остатков на уровне материка (гл. 0,62 м) появилось темное овальное пятно размерами 1,7×1,3 м. Дно ямы зафиксировано на глубине 1,48 м. Таким образом, ее глубина – 0,86 м. Северная и восточная стенки углубления имели уступы. На уступе восточной стенки лежал бесформенный кусок крицы с бороздками. На краю ямы обнаружено глиняное сопло. Яма была заполнена песком с угольками, в котором встречались фрагменты керамики и кости животных. После разрушения горн, вероятно, использовался как яма для хозяйственных отходов. Впрочем, не исключено, что эти остатки были связаны с процессом производства черного металла.

Таким образом, четыре из пяти исследованных нами сооружений Кошелёвского городища, в которых найдены железные крицы, являются остатками глинобитных металлургических горнов наземного типа, а одно – горном «ямного типа».

В свое время еще один металлургический комплекс по выплавке железа был исследован археологами ПНИАЛ УрГУ на Рачевском археологическом комплексе, расположенном на территории Уватского р-на, вблизи с. Демьянское. Он находился на противоположном мысу от известного Рачевского городища, представлявшего собой укрепленный поселенческий объект. На Рачевской производственной площадке были выявлены сыродутные печи двух типов: углубленные в землю и наземные [*Терехова, 1986*. С. 122]. Углубленные горны признаны более ранними и датированы XII в., а наземные – поздними, XIV– XV вв. Кузница размещалась в сооружении № 3, где найдены шлаки, крицы и сопла, но кузнечных инструментов не обнаружено. Даты наземных горнов определены по предметам, распространенных в XIV–XVвв. [*Зыков, 1986*. С. 128]. Вопрос о возможном существовании средневекового святилища на производственной площадке Рачевского комплекса не рассматривался.

Бронзолитейные комплексы. Кроме того, на исследованной части Кошёлевского городища, вероятно, производилась плавка цветного металла и отливка из него изделий.

За пределами котлована производственной постройки, на уровне материка расчищена ***яма*** размерами 2,8×2,7 м, углубленная в грунт уступами на 1,97 м. В забутовке ямы вместе с костями животных и фрагментами керамической посуды найдена ложечка для разлива металла в формы – *глиняная орнаментированная льячка* с втулкой, на которую насаживалась деревянная ручка. Узор в виде «елочка» нанесен на нее гребенчатым штампом (рис. 2 – *13*). По данным уральских археологов, аналогичные по материалу, форме и декору льячки, начинают применяться на западе таежного Приобья с кинтусовского этапа (X – начало XII вв.) [*Федорова и др., 1991*. С. 140. Рис. 3А – *51*].

Кроме того, в пределах котлована постройки обнаружены семь *рюмковидных (стакановидных) ошлакованных глиняных тиглей*. Подобные изделия известны на памятниках потчевашской культуры Среднего Прииртышья второй половины I тыс. н. э. На поселениях обь-иртышской КИО такие тигли появились на карымском этапе (III/IV– начало VI в.) и существовали вплоть до начала II тыс. н. э. [*Федорова и др., 1991*. С. 133. Рис. 2Б – *15, 16*; *Чемякин, 2008*. Рис. 99 – *25*].

К другим находкам относится *пластина из цветного металла* с неровно обрубленными краями, серебристого цвета. Возможно, она входила в состав лома и была предназначена для последующей переплавки и отливки новых изделий.

С ней, возможно, связан *сосудик с двумя отверстиями* для подвешивания (рис. 2 – *12*).

Лапчатая подвеска, длиной 4 см, отлитая из «белой» бронзы, по-видимому, с высоким содержанием олова (рис. 2 – *2*). Она имела отверстие для подвешивания и затертую поверхность. По ребрам украшена пуансонами. Лапчатые подвески получают распространение в Прикамье в третьей четверти I тыс. н. э., на урьинской стадии ломатовской культуры [*Голдина, 1985*. Рис. 16 – *129*]. В Западной Сибири их появление связано, скорее всего, с миграцией населения Прикамья в таежное Приобье, в начале II тыс. н. э. Хотя нельзя приуменьшать значение торговых связей, которые усилились в это время между Приуральем и Западной Сибирью. В XI–XIII вв. украшения с из белой оловянистой бронзы получают широкое распространение в таежном Приобье.

Керамика. По обломкам шеек с венчиками удалось выделить 894 сосуда. Из них 144 реконструированы до узнаваемости формы и полной композиции узора. Все сосуды лепные, имели закругленное дно.

Большая часть керамики (80%) была сосредоточена в пределах производственного котлована и распределялась в нем по глубине залегания неравномерно. До глубины 0,4 м от современной поверхности на всей площади раскопа обломков посуды в культурном слое встречалось мало, с глубины от 0,4 м до 0,8 м – довольно много. С глубины 1,0 м до 1,6 м вновь фиксируется уменьшение количества фрагментов сосудов

в культурном горизонте. Наибольшей насыщенностью керамикой отличался культурный слой на глубине от 1,8 до 2,2 м.

Из 144 сосудов с полным орнаментальным полем по форме выделено 88 горшковидных, 45 чашевидных и 11 миниатюрных.

В том числе обнаружено *10 чашевидных сосудов особого типа* (рис. 3 – *8*). Они – невысокие, толстостенные (5–6 мм), овальной формы, орнаментированы только пояском ямок или «жемчужин». Стенки высотой 5–6 см плавно переходили в овальное дно. Вероятно, эта группа посуды была производственного назначения и связана с металлургией. Такого же типа керамика обнаружена на Рачевском городище [*Терехова, 1986*. С. 119. Рис. 2 – *12*].

У одной из миниатюрных емкостей, полностью орнаментированной, в верхней суженной части имелись два сквозных отверстия для подвешивания. Видимо, это *светильник*.

Горшковидные сосуды имели короткую, вертикальную или слегка отогнутую наружу шейку. По характеру перехода шейки в тулово они делятся на два подтипа: с резким и плавным переходом (14 и 74 экз.). Чашевидные сосуды имели слабо профилированные стенки – в верхней части они вертикальные или слегка загнутые внутрь. У обеих групп горшковидной посуды различие размеров высоты сосудов и их максимальных диаметров был незначительным. Высота горшковидных сосудов была больше максимального диаметра, у чашевидных – меньше его. Толщина стенок сосудов 3–5 мм. Венчики сосудов плоские (33%), скошенный внутрь (32%), скошенный наружу (7,6%), округлые (19,4%), приостренные (6,2%) и с защипами – 2 экз.

По степени орнаментированности, разнообразию элементов и мотивов узора чашевидные сосуды уступают горшковидным. Почти все сосуды (94%), как горшковидные, так и чашевидные, орнаментированы под верхним краем – на шейках под венчиком – пояском ямок, иногда в сочетании с жемчужинами. Только жемчужинами без ямок украшено 5% сосудов. Этот поясок не связан с общей композицией узора и наносился поверх ее: по-видимому, как дань прежней традиции орнаментации ямочными узорами. При нанесении декора наиболее употребим гребенчатый штамп. Им украшено 90% сосудов. Примерно 50% из них – в сочетании с фигурными штампами. Из 46 чашевидных сосудов фигурными штампами украшено 16, то есть меньше трети. Уголками украшено 31,2% сосудов, ромбами – 10,5% , полулунными отпечатками – 7%, треугольными ямками – 6%, имитацией шнура – 5%. Орнаментации подвергался и верхний край сосудов. Он орнаментирован у 480 из 894 сосудов.

У горшковидных сосудов можно выделить два варианта орнаментальных традиций, обладающих определенной спецификой в построении узора.

Для одного из них характерно употребление фигурных штампов. Большое значение имеют вертикальные мотивы по шейке или тулову сосуда, завершающие узор (рис. 3 – *1, 4–6, 7–10, 13*). На шейках сосудов они представлены наклонными рядами полулунных вдавлений, из горизонтальных рядов отпечатков уголкового и гребенчатого штампов. На плечиках встречаются узоры, представленные треугольными фестонами, на тулове – наклонными или прямыми лентами из уголкового и полулунного штампов. При вертикальном завершении узора он у 39% сосудов спускался ниже их средней части. Подобные орнаментальные мотивы присутствуют и на некоторых чашевидных сосудах. Распространен мотив, когда отпечатки одного ряда уголковых, полулунных штампов входят в промежутки другого ряда. Особенностью этой посуды является наличие на некоторых сосудах, рельефного валика на шейке сосуда, прямоугольного в сечении.

У горшковидных сосудов второго варианта орнаментальных традиций узор не спускался ниже плечиков. В построении его композиции участвовало не более трех элементов, образующих в общей сложности не более пяти орнаментальных поясов. На них отсутствуют вертикальные мотивы (рис. 3 – *11, 12, 14, 15*).

Отпечатки фигурных штампов в верхних горизонтах культурного слоя теряют свою четкость. Посуда обоих комплексов орнаментальных традиций сосуществует друг с другом на всей глубине культурного слоя.

Общими особенностями являются: стремление придать узору линейную направленность и использование в качестве разделителя орнаментальных зон наряду с отпечатками вертикально или наклонно поставленного гребенчатого штампа двух или трехрядных поясков, выполненных техникой «протащенной гребенки». Общими орнаментальными мотивами являются елочка и зигзаг. Также совпадает набор фигурных штампов.

Горшки с первым вариантом орнаментальных традиций больше представлены в нижних горизонтах культурного слоя, а со вторым – в верхних.

Керамический комплекс Кошелёвского городища, если сравнивать его с материалами Сургутского Приобья по культурно-хронологической схеме А. П. Зыкова, связан с традициями нижнеобской археологической культуры обь-иртышской КИО, начиная с *релкинского* по *кинтусовский* этапы. С более ранними ее этапами теснее связана посуда с первым вариантом орнаментальных традиций: вертикальное завершение узора из прямых или наклонных лент отпечатков уголкового, полулунного штампов, или он завершается треугольными фестонами из них [*Зыков, 2012*. Рис. 34 – *6, 10*; 35 – *1, 2, 5, 7*; 51 – *1, 2, 5, 7*]. Керамика этого варианта более пышно орнаментирована, а штампы имеют более четкие отпечатки, чем у посуды второго

варианта. У него при дальнейшем изучении и сопоставлении с другими керамическими комплексами могут быть свои определены свои особенности.

Необходимо также отметить, что в верхних горизонтах культурного слоя найдено несколько фрагментов керамики вожпайского типа, датируемой концом IX – X вв. [*Чемякин, Карачаров, 2002.* С. 56–57].

Для Нижнего Прииртышья эпохи средневековья, по моему мнению, нужны свои культурно-хронологические колонки, как это было сделано для Сургутского Приобья по материалам Барсовой Горы. К сожалению, из-за недостатка источников их пока нет.

Вещевой комплекс. В котловане производственной постройки обнаружены различные предметы, представляющие интерес для культурно-хронологического определения материалов исследования городища.

Изделия из бронзы. *Бронзовое круглое височное кольцо* – четырехгранное в сечении, диаметром 3 см, имеет несомкнутые заостренные концы. Височные кольца круглой формы были распространены у населения потчевашской и усть-ишимской культур, но они были круглого сечения.

Бронзовая поясная накладка – квадратной формы, размерами 2,5×2,5 см, с узкой прямоугольной прорезью. Украшена двумя рядами пуансонов, а по коротким краям – косыми насечками (рис. 2 – *1*). Эволюция в их развитии прослеживается в уменьшении размеров. Предмет обнаружен на глубине 1,0 м и может быть хронологическим маркером для определения времени формирования культурного слоя. Подобные поясные накладки были распространены во второй половине VIII – IX вв. [*Могильников, 1987.* С. 347. Табл. XCIX – *2, 3*].

Изделия из железа. В пределах котлована обнаружены железные предметы, служившие орудиями труда, охоты, бытовыми предметами и оружием.

Железные ножи (4 экз.): три целых и фрагмент лезвия. Два из них – крупных размеров, длиной 17 и 18 см. Один из них имел уступ со стороны лезвия и отверстие для крепления пластин к плоской рукояти. Второй нож имел выгнутую спинку и насадную рукоять на узкий черешок (рис. 2 – *20*). Третий нож, длиной 10,5 см, имел уступ со стороны спинки и насадную рукоять на узкий черешок.

Железный крючок – массивный, четырехгранный, S-образной формы (рис. 2 – *19*). Вероятно, использовался для подвешивания ведра или котла над очагом.

Железный пробойник. Имел вид четырехгранного стержня длиной 12 см, толщиной 1,0 см. Один конец у него острый и другой – ударный – плоский.

Железная игла – четырехгранная с выемкой на одном конце и зазубриной на острие. Выемка, видимо, служила для привязывания нитей.

Фрагмент *железного тесла-кельта* для обработки дерева.

Железная дужка – с двумя отверстиями для клепки, вероятно, от ведра. Изготовлена из пластины шириной 1,3 см.

Железное калачевидное кресало с одним обломанным концом (рис. 2 – *18*). Такие изделия в XI–XIII вв. в Западной Сибири являлись предметами русского импорта или подражанием ему местных мастеров [*Могильников, 1987*. С. 214. Табл. XCII – *10*].

Железные пряжки (2 экз.). Одна из них имела прямоугольную рамку с язычком, другая – овально-прямоугольную.

Железные наконечники стрел (5 экз.). Четыре из них – плоские, двухлопастные, один – трехгранный, бронебойный, длиной 7 см (рис. 2 – *21*). Плоские наконечники стрел имели листовидную форму и овальное сечение. У одного из них черешок обломан у основания пера, другой имеет уступ при переходе от пера к черешку. Плоские наконечники стрел получают распространение в памятниках Прииртышья с конца I тыс. н. э. Граненые наконечники стрел в таежном Прииртышье становятся известны также с конца I тыс. н.э. Эволюция этого вида наконечников стрел, в связи с совершенствованием доспехов, приводит к увеличению их веса и длины. Бронебойные наконечники стрел длиной 13–15 см являются наиболее поздними и существуют до конца средневековья (XVI–XVII вв.) [*Соловьев,1987.* С. 45–47].

Изделия из глины. *Стилизованные фигурки лошадок из глины* (5 экз.) – представлены только обломками. Они обнаружены на различных глубинах: от 8 до 183 см. Снизу каждая из них имела отверстия для подставок, имитации ног (рис. 2 – *10, 11*). Прообразами их могут быть реалистичные фигуры лошадей, в том числе со всадниками, обнаруженные на городище Потчеваш [*Мошинская,1953*. С. 210–211. Табл. XII, XIII].

На том же памятнике были найдены *глиняные орнаментированные изделия со сквозными отверстиями*, которые В. И. Мошинская приняла за бусы [*1953.* С. 215. Табл. XLI]. Похожие предметы обнаружены на Кошелёвском городище (рис. 2 – *5–8*). Весьма сомнительно рассматривать их однозначно как бусы. Эти изделия слишком громоздки для них и являются штучным индивидуальным товаром для производства. Вероятнее всего, они являлись предметами, которые имели, в первую очередь, культовую, обрядовую смысловую нагрузку.

Глиняные орнаментированные, сильно стилизованные антромоморфные фигурки (2 экз.): одна целая (рис. 2 – *9*), вторая – обломок. На городище Жилье обнаружена глиняная реалистичная человеческая фигура, которая трактуется как изображение человека, сидящего в меховой одежде-парке в полусогнутой форме

и вытянутыми ногами [*Чернецов, 1957.* С. 178–178. Рис. 11, 12]. Как будто он греется у очага. Аналогичные фигурки встречаются и на других памятниках Обь-Иртышья. Вопрос об их предназначении решается неоднозначно. Комплексное исследование этих предметов, привело к выводам о том, что это были, скорее всего, игральные или сакральные фигурки. Хотя было отмечено, что эти версии требуют дополнительных подтверждений [*Погодин, Приступа, 2013*. С. 173]. Версия о них, как об игральных фигурках, на наш взгляд, маловероятна. Скорее всего, эти изделия отражали культ огня, как источник тепла.

Глиняные грузила (2 экз.) – цилиндрические со сквозным отверстием, длиной 2,5 и 3,0 см, диаметром 1,5 и 2,0 см.

Глиняные пряслица (5 экз.). Представлены обломками. Два из них в сечении плоские, три – овальные. Одно пряслице украшено сложным солярным (?) декором (рис. 2 – *14*).

Шар из обожженной глины с гладкой поверхностью, неясного предназначения (рис. 2 – *15*).

Лощила из черепков со сточенными краями. Использовались в керамическом производстве для заглаживания стенок сформованных сосудов.

Изделия из кости. Из кости изготовлены ряд предметов и заготовки для них, в том числе некоторые орудия труда.

Тесловидные орудия из кости лося (4 экз.) – служили клиньями для раскалывания стволов деревьев.

Костяной нож – сильно заполированный, с отверстием для подвешивания, служил для чистки рыбы.

Костяной гарпун с одним зубцом, длиной 13 см.

Костяная пластина изогнута почти под прямым углом, с отверстиями на концах. Вероятно, связана с оленьей упряжью.

Костяные проколки – традиционный тип орудий труда.

Пластины-накладки с отверстием (4 экз.): вероятно, нашивались на колчан. Одна из них покрыта узором в виде ромбической сетки (рис. 2 – *16*).

Наконечники стрел (21 экз.) – различных форм и размеров. Среди них выделяется круглый в сечении наконечник, по всей длине имеющий рифление нарезкой.

Изделие из камня.

Точильный брусок из сланца, сильно сработанный.

Хронология и типология памятника. Самая ранняя – вожпайская – керамика памятника датируется концом IX – X вв.

По железному калачевидному кресалу и лапчатой подвеске из оловянистой бронзы верхняя граница существования *производственного комплекса* определяется от XI до начала XIII в. Скорее всего, поселок появился в этом месте в домонгольское время, но не позднее IX в.

После этого мысовая площадка городища, видимо, в течение какого-то времени являлась *святилищем*. В пользу этого свидетельствуют:

- скопления крупных костей животных, включая черепа, скорее всего, жертвенных животных, обнаруженные у подножия эскарпированного склона;
- железные бронебойные наконечники стрел, которые стояли в вертикальном положении при снятии верхнего горизонта культурного слоя;
- *бронзовый цельнолитой перстень* с изображением мифического крылатого грифона, выгравированным на овальном щитке (рис. 2 – *22*). Он обнаружен на глубине 8 см.

Недалеко от эскарпированного склона, под слоем тонкого дерна, обнаружен целый скелет лошади, лежавший на боку. Лошадь западносибирской породы – «вогулка», небольшого роста, с короткой шеей и непропорционально большой головой. Ее захоронение, несомненно, являлось *ритуальным*.

К золотоордынскому периоду относится фрагмент поливного сосуда темно-синего и белого цвета, изготовленного на кашинной основе, который обнаружен недалеко от захоронения лошади. Вероятно, после завершения функционирования производственного комплекса, но не позднее, чем с золотоордынской эпохи, на мысу городища существовало святилище. О сакральном характере городища свидетельствует дошедший до нас хантыйский народный фольклор.

Литература

Голдина Р. Д. Ломоватовская культура. – Иркутск: Изд-во ИрГУ, 1985. – 280 с.

Зыков А. П. Металлургия и металлообработка на памятниках Рачевского комплекса // Проблемы урало-сибирской археологии. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1986. – С. 123–130.

Зыков А. П. Барсова гора. Очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. – Екатеринбург: Изд-во «Уральский рабочий», 2012. – 230 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – Т. 2. – 219 с.

Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. – С. 163–265.
Мошинская В. И. Городище и курганы Потчеваш (к вопросу о потчевашской культуре) // МИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – № 35: Древняя история Приобья. – С. 106–120.
Погодин А. А., Приступа О. И. Комплексное изучение средневековой глиняной пластики из собраний музея природы и человека // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи. Мат-лы Всерос. науч. археол. конф. (Сургут 1–4 октября 2013г.). – Екатеринбург; Сургут: Изд-во «Магеллан», 2013. – С. 171–175.
Расторопов А. В. Исследования в Кондинском районе Тюменской области // АО 1983 г. – М.: Наука, 1985. – С. 237–238.
Расторопов А. В. Культурно-хронологический комплекс Кошелевского городища, как источник по этнокультурной истории таежного Прииртышья в средние века // Источники по истории и культуре Башкирии: Тез. докл. – Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1986. – С. 92–96.
Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: эпоха средневековья. Новосибирск: Наука, СО, 1987. – 193 с.
Терехова Л. М. Рачевский археологический комплекс // Проблемы урало-сибирской археологии. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1986. – С. 114–123.
Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. – Вып. 20. – С. 126–145.
Чемякин Ю. П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. – Сургут; Омск: Изд-во «Магеллан», 2008. – 224 с.
Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в первом тысячелетии н. э. // МИА – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – № 58: Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. – С. 136–245.
Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (Материалы к атласу). – Екатеринбург: Изд-во «Тезис», 2002. – 2-е изд., испр. и доп. – С. 5–74.

Рис. 1. Кошелёвское городище. План памятника

Рис. 2. Кошелёвское городище. Вещевой комплекс: *1, 2, 22* – бронза; *3, 5–15* – глина; *17* – кость; *18–21* – железо

Рис. 3. Кошелёвское городище. Керамика

М. Л. Перескоков
г. Пермь
ПГНИУ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИША КАШАН I В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН В 2013 Г.

История исследования и характеристика памятника. Городище Кашан I, расположено в 1 км к востоку от с. Шуран Лаишевского р-на Республики Татарстан, на коренной террасе высокого (90 м) правого берега р. Камы (рис. 1). Площадка памятника – трапециевидной в плане формы (1800×300–950 м), понижается с СВ на ЮЗ. С востока городище ограничено Рыжным оврагом, с юга – краем террасы Камы, с СЗ – оврагом Гремячий ключ. С напольной стороны городища и вдоль реки (юго-западная часть побережья) прослеживаются вал и заросший лесом внешний ров.

Памятник известен с начала XIX в. [*Шпилевский, 1877.* С. 64, 348, 550]. В 1865 г. на городище был случайно обнаружен клад монет и впоследствии найдено еще несколько кладов вещей [*Пономарев, 1893.* С. 127, 128; *Калинин, Халиков, 1954.* С. 95]. В середине – конце XIX в. Кашан I осматривали Н. А. Толмачев (1850 г.) и П. А. Пономарев (1879 г.). Последний, вслед за С. М. Шпилевским, отождествлял этот памятник с историческим городом Кашаном и датировал его второй половиной XIV в. [*Пономарев, 1893.* С. 138].

А. П. Смирнов отнес возникновение городища к домонгольскому времени, а его расцвет – к XIII–XIV вв. [*1951.* С. 270].

В 1948 г. Н. Ф. Калинин вскрыл на памятнике шурфами 48 кв. м. и датировал его XII–XIV вв. Исследователь полагал, что городище Кашан I когда-то являлось ремесленно-торговым посадом и экономическим центром «Кашанского княжества». В то время как расположенное поблизости – в 2,5 км к СВ – городище Кашан II он считал военной крепостью, контролировавшей движение судов по Каме [*Калинин, Халиков, 1954.* С. 94, 96]. Данная точка зрения была развита Р. Г. Фахрутдиновым, который наметил границы этого «княжества» [*Фахрутдинов, 1975.* С. 63].

В 1990 и 1991 гг. памятник осмотрел К. А. Руденко. В 1994 г. вал с напольной стороны исследовал А. М. Губайдуллин.

В 1995–1997 гг. К. А. Руденко провел раскопки городища, в результате которых было вскрыто 200 кв. м. площади культурного слоя. Тогда же была проведена сплошная разведка площади городища с фиксацией подъемного материала по секторам. В 1995–1996 гг. на памятнике были изучены укрепления со стороны Камы, а также культурные отложения на городищенской площадке. В 1997–1998 гг. раскапывались остатки напольных фортификаций [*Руденко, 1999.* С. 111–126].

К настоящему времени остатки укреплений памятника сохранились только с напольной стороны и у берегового обрыва. В обоих случаях – это один вал и ров перед ним. Ширина напольного вала – 12 м, высота – 353–377 см, считая от его подошвы на городищенской площадке. Сохранившаяся насыпь неровная, прерывается по гребню четырьмя ложбинами, расположенными через промежутки длиной около 9 м. Глубина самой большой – 1,5 м, остальных – 0,5–0,6 м. Ров перед валом – шириной 12 м, глубиной свыше 3 м. Стенки рва крутые (до 70°), дно практически плоское, шириной в нижней части до 2,5 м [*Руденко, 1999.* С. 111–126].

Н. Ф. Калинин отмечал в остатках напольных укреплений два проезда шириной 4 м [*Калинин, Халиков, 1954.* С. 94]. Сейчас от них сохранился только один, причем расширенный бульдозером. Восточная часть укреплений полностью разрушена при прокладке продуктопровода.

Со стороны Камы укрепления лучше всего прослеживаются в юго-западной части, где К. А. Руденко был разбит ***раскоп I***. Они состоят из валов, возведенных вдоль кромки берега в широтном направлении, повторяя изгиб террасы. Насыпи имеют высоту со стороны площадки до 2 м, со стороны реки – до 4 м. Ширина вала в среднем – 10–12 м. Небольшой валок прослеживается в юго-западной части городища – в 12 м к северу от первого вала. Первый вал в пяти местах имеет «разрывы» шириной 3–5 м на всю ширину вала, которые выходят к краю террасы [*Руденко, 1999.* С. 112].

Охранные археологические работы 2013 г. проведены в соответствие с техническим заданием и разделом об обеспечения сохранности объектов культурного наследия (ОКН) в проекте реконструкции магистрального нефтепровода (МН) «Альметьевск-Горький 3» и включали два этапа. *Первый этап* предусматривал раскопки на участке планируемого строительства новой ветки МН. *Второй этап* – проведение археологического мониторинга при демонтаже реконструируемой трубы.

Раскоп общей площадью 2160 кв. м был разбит в северо-восточной части памятника к ЮЗ от действующей ветки МН.

Стратиграфическая ситуация раскопа проста. Сверху залегал темно-коричневый перемешанный суглинок – пахотный слой, мощность которого на разных участках составляла от 0,18 до 0,7 м (слой № 1). В слое встречались находки вещей и керамики. Ниже следовал материк – плотная красная глина (слой № 2).

Исследованные объекты. При раскопках 2013 г. изучено 14 сооружений и 22 ямы (рис. 1).

Сооружение № 1. Сектор III. Представляет собой остатки наземной постройки, размерами 4,5×3,5 м, со слабо углубленным полом. Постройка в плане подпрямоугольная, с выступом в западной части, который отмечал вход в помещение. У северной стенки, ближе к входу, расчищена глинобитная вымостка. Она прилегала к западной стенке очага – типа *чувала*, который находился в средней части помещения, вдоль северной стенки. Очаг имел обкладку из камней, выложенных в форме прямоугольника. Большое количество больших кусков глиняной обмазки, вероятно, относилось к остаткам трубы-дымохода. В юго-восточном углу постройки зафиксирована яма-кладовка. Котлован постройки был заполнен светло-коричневым суглинком, насыщенным углем и обожженной глиной (слой 3). Здесь же найден значительный и разнообразный вещевой комплекс, включающий бронзовые и железные предметы (обломки котлов, замки, ключи, наконечники стрел, грузики), янтарную бусину и керамику.

Сооружение № 2. Сектора VI, XXXII. Объект округлый, диаметром около 3,0 м, в профиле – колоколовидный. Заполнен светло-коричневым суглинком, насыщенным углем и обожженной глиной (слой 3). В нижней части сооружения прослеживались остатки деревянного пола. В заполнении объекта найдены обломки керамической посуды.

Сооружение № 3. Сектор VII. Объект округлой в плане формы, диаметром 1,8 м, в профиле – колоколовидный. Заполнен светло-коричневым суглинком, насыщенным углем и обожженной глиной (слой 3). В центре сооружения найдены обломки двух жерновов и ручки от жернова. Сооружение, вероятно, можно интерпретировать как небольшое хозяйственное помещение, в котором находилась ручная мельница.

Объект № 4. Сектора VII, XXX. По всем характеристикам данный объект аналогичен предыдущему сооружению. В центре сооружения найдены обломки двух жерновов и ручки от жернова.

Объект № 5. Сектор XIII. Представлял собой остатки хозяйственной ямы со входом, размерами 5,0×2,0 м, и с остатками перекрытия. При разборе углубления обнаружены *два погребения*, совершенные в специально оборудованном подбое. Умершие были захоронены вытянуто, на спинах, ориентированы в широтном направлении, лицами на юг. В сооружении найдены железные предметы и керамика.

Объект № 6. Сектора XVI–XVII, XXIX. Представляет собой наземную постройку, слабо углубленную в землю, размерами 6,0×4,5 м. Объект имел подпрямоугольную форму и выступ в западной части, который являлся входом. Остатков очага и хозяйственных ям в помещении не зафиксировано. Котлован постройки был заполнен светло-коричневым суглинком, насыщенным углем и обожженной глиной (слой 3). Находки представлены изделиями из железа и керамикой.

Объект № 7. Сектора XVIII–XIX, XXVIII. Наземная, слабо углубленная подпрямоугольная постройка, размерами 4,5×3,0 м, с выступом-входом в южной части. По всем остальным характеристикам и находкам аналогична предыдущей.

Объект № 8. Сектора XVIII, XXVII. Объект округлой в плане формы, диаметром около 3,0 м, в профиле – колоколовидный. Заполнен светло-коричневым суглинком, насыщенным углем и обожженной глиной (слой 3). В заполнении сооружения найдены фрагменты керамики.

Объект № 9. Сектора XVIII–XIX, XXVII. Наземная, слабо углубленная подпрямоугольная постройка, размерами 4,5×4,0 м, с выступом-входом в северной части. По всем остальным характеристикам аналогична объектам №№ 6 и 7. Находки: вещи из железа, бронзы и керамика.

Объект № 10. Сектор XX. Аналогичен объектам №№ 3 и 4. Диаметр углубления – 2 м. Находки – те же.

Объект № 11. Сектор XXI. Аналогичен объектам №№ 2 и 8. Диаметр около 2 м. В заполнении сооружения найдены фрагменты керамики.

Объект № 12. Сектор XX. Объект округлый, диаметром около 3,0 м, в профиле – колоколовидный. Заполнен светло-коричневым суглинком, насыщенным углем и обожженной глиной (слой 3). На дне ямы зафиксированы сложенные в кучу *остатки человеческих костяков*. Люди были расчленены, вероятно, вскоре после смерти. Останки относились предположительно к пяти индивидам. После захоронения в яме был разведен огонь, о чем говорят следы обугленности на верхних частях костей, а также остатки прокаленной глины и угля. В яме найден железные топор и нож, бронзовое кольцо и обломки глиняной посуды.

Объект № 13. Сектор XXIII. Аналогичен объектам №№ 3, 4, 10. Диаметр углубления – 1,8 м. Находки – те же.

Объект № 14. Сектор XXV Представляет собой наземную слабо углубленную подпрямоугольную (3,0×3,0 м) постройку с двумя выступами на СЗ. Один из выступов остался от входа в помещение. Второй, расположенный в углу, представлял собой остатки очага-чувала. Постройка заполнена слоем светло-коричневого суглинка, насыщенного углем, обожженной глиной (слой 3). В заполнении котлована постройки найдены вещи из железа и керамика.

Кроме того, в раскопе 2013 г. были исследованы 22 ямы, большинство из которых имели хозяйственное назначение. Объекты были заполнены в основном светло-коричневым суглинком, насыщенным углем и обожженной глиной (слой 3). Находки из них представлены обломками керамической посуды, изделиями из железа и бронзы.

Иной характер имеют *ямы №№ 15–17*, заполнение которых состояло из стерильной материковой глины, окантованной темным сильно гумусированым суглинком. Эти углубления – естественного происхождения, являются остатками «выворотней» от корневой системы упавших деревьев.

Археологический надзор 2013 г. Согласно техническому заданию и разделу об охране ОКН в проекте реконструкции нефтепровода, археологический надзор необходимо было провести на площади 1890 кв. м (рис. 1).В связи с тем, что при демонтаже трубы, в соответствии с проектной документацией, был снят плодородный слой на всей площади отвода на глубину 0,30 м, для проведения археологического надзора («археологического наблюдения») был выбран участок отвода вдоль юго-западной границы отвода. Он был наименее подвержен антропогенным разрушениям и являлся наиболее перспективным для обнаружения археологических объектов. Последние на данном участке могли быть разрушены при демонтаже трубы, так как мощность плодородного слоя здесь была невелика, а остатки древних сооружений залегали уже с глубины 20 см от поверхности. Остальная часть отвода была сильно разрушена при строительстве нефтепровода, ЛЭП и прокладке кабеля связи. В центральной части участка фиксировалась впадина, которая отмечалась при раскопках 2013 г. В этом месте, вследствие естественных процессов сползания почвы, плодородный слой был более мощный (до 0,6 м), поэтому древние объекты не были разрушены при снятии плодородного слоя.

Исследованные объекты. При проведении археологического надзора в 2013 г. было выявлено и исследовано 8 сооружений и 3 ямы.

Сооружение № 1 (15). Сектора 18–19. Объект представлял собой наземную подпрямоугольную в плане (4,4×2,6 м) постройку со слабо углубленным полом и выступом-входом в западной части. На дне последнего прослежены ступеньки. У северной стенки котлована, ближе к входу постройки, обнаружена яма от опорного столба кровли. У южной стенки располагался очаг-чувал, сложенный из обожженной глины, но без обкладки из камней. Основная часть больших кусков глиняной обмазки, вероятно, принадлежала остаткам трубы-дымохода. В восточном углу помещения постройки зафиксирована яма-кладовка. Котлован объекта был заполнен светло-коричневым суглинком, насыщенным углем и обожженной глиной (слой 3). В нем было найдено много фрагментов керамики, а также обломков бронзовых и железные предметов – котлов, замков, ключей, наконечников стрел.

Сооружение № 2 (16). Сектор 18. Объект представлял собой остатки наземной постройки пятиугольной в плане формы (3,60×3,65 м) со слабо углубленным котлованом и выступом-входом в северной части. В углу котлована, у его восточной стенки, зафиксирован очаг типа чувала. Постройка была заполнена слоем светло-коричневого суглинка, насыщенного углем и обожженной глиной (слой 3), в котором найдена керамика.

Сооружение № 3 (17). Сектор 16. Представляет собой наземную постройку, слегка углубленную в грунт. Она – в плане прямоугольная, размером 5,8×4,0 м, с выступом в южной части, который являлся входом. В юго-западном углу помещения зафиксированы остатки печи-чувала, выложенной из прямоугольных камней. Котлован постройки был заполнен светло-коричневым суглинком, насыщенного углем и обожженной глиной (слой 3). В нем найдены изделия из железа, бронзы и керамика. В центре постройки расчищено *скопление человеческих костей.* Кости залегали в сильно перемешанном слое, содержащем большое количество угля и обожженной глиняной обмазки. При этом кости лежали хаотично и у погребенных прослеживались следы расчленения тел. Останки принадлежали трем индивидам, вероятно, членам одной семьи, один из которых – ребенок не старше 12 лет. Такое могло произойти, если останки людей были брошены в постройку или были убиты в ней. Само сооружение после этого было сожжено, а останки людей завалило обломками дымоходной трубы, стен и крыши.

Сооружение № 4 (18). Сектора 13–14. Наземная подпрямоугольная в плане (4,6×3,3 м) постройка, слегка углубленная в землю (рис. 2), с выступом-входом в западной части. В северо-восточном углу помещения, рядом с входом, располагалась печь типа чувала. Котлован постройки был заполнен светло-коричневым суглинком, насыщенного углем и обожженной глиной (слой 3). В восточном углу помещения находилась яма-кладовка, стенки которой были укреплены деревянными столбами. В северо-западном углу прослежены остатки деревянных столбиков, которые могли укреплять нижнюю земляную часть стены или быть остатками полатей. Два более массивных столба зафиксированы по краям дверного проема, они, вероятно, служили опорами крыши. В заполнении постройки найдены обломки керамической посуды, изделия из железа (обломки ножниц, ножа, дверной петли, скобы. гвозди), а также керамическое пряслице, обломок глиняной фигурки животного (собака?) и янтарная бусина (рис. 2). В заполнении постройки зафиксированы *остатки двух умерших*, один из которых был ребенком не старше 12 лет. Кости рассредоточены по помещению, но больше всего их было в центре постройки, ближе к южной стенке. Кости происходят из слоя завала сгоревшего дома, аналогичного предыдущей постройке.

Сооружение № 5 (19). Сектор 12. Объект аморфной или восьмеркообразной формы, размерами 5,2×2,4 м. При разборке, в западной части сооружения зафиксирована округлая яма диаметром 1,4 м. В профиле углубление колоколовидной формы, заполнено светло-коричневым суглинком, насыщенным углем и обожженной глиной (слой 3). В центре сооружения найдены обломки двух жерновов. Сооружение, вероятно, можно интерпретировать как летнюю кухню, в которой имелась ручная мельница.

Сооружение № 6 (20). Сектор 5. Наземная, слабо углубленная подпрямоугольная постройка, размерами 5,9×3,2 м, с выступом-входом в северо-восточной части. В углах помещения, близ входа зафиксированы два очага-чувала, сложенные из обожженной глины. Котлован постройки был заполнен светло-коричневым суглинком, насыщенным углем и обожженной глиной (слой 3). В заполнении постройки найдены изделия из железа и керамика. В западном углу дома обнаружен *череп ребенка*.

Сооружение № 7 (21). Сектор 5. Постройка, аналогичная предыдущей, размерами 4,2×3,3 м с выступом-входом в южной части. Чувал находился у западной стены. Котлован постройки заполнен светло-коричневым суглинком, насыщенным углем и обожженной глиной (слой 3). Здесь же обнаружены железные изделия и керамика, а около северной стенки – *обломки черепа ребенка*.

Сооружение № 8 (22). Сектор 6. Представляет собой наземную постройку, слабо углубленную в землю, размерами 3,4×3,4 м. Постройка имеет подпрямоугольную форму. С южной стороны к дому прилегает подпрямоугольная яма, которая осталась от входа. Следов очага и хозяйственных ям в постройке не зафиксировано. Постройка заполнена слоем светло-коричневого суглинка, насыщенного углем, обожженной глиной (слой 3). Находки: обломки железных вещей и керамика.

Помимо этого исследованы три хозяйственные ямы, заполненные светло-коричневым суглинком, насыщенным углем и обожженной глиной (слой 3). В заполнении ям найдены вещи из железа, бронзы и керамика.

Керамика и вещевой комплекс. В целом в ходе работ 2013 г. найдено большое количество обломков керамики и разнообразных предметов.

Керамика в основном круговая. Преобладают фрагменты красно-коричневого цвета, меньше черепков красного цвета, обломков буро-коричневого и светло-коричневого цвета значительно меньше. Посуда красно-коричневого и красного цвета, как правило, отличается хорошим обжигом. Бурая и светло-коричневая посуда – только плохого обжига. Встречается также керамика типа *«джукетау»*. По форме среди круговой посуды красно-оранжевого цвета преобладают части горшковидных сосудов, иногда с небольшими ручками, крепившихся на плечиках и на шейке под венчиком. Шейки емкостей украшены линейным орнаментом, плечики и стенки – наклонными оттисками гребенчатого штампа, прочерченной или штампованной волны.

Лепная керамика представлена единичными не орнаментированными обломками, в глиняном тесте которых прослеживается примесь раковины.

Кроме того, найдены немногочисленные обломки керамики эпохи бронзы и раннего железного века (ананьинского времени).

Предметный комплекс. Среди изделий из железа преобладают предметы быта: железные ножи, скобы, гвозди, замки, ключи, а также большое количество частей ручек от котлов. Из вооружения найден железный топор и наконечники стрел.

Среди бронзовых вещей чаще всего встречались обломки котлов. К единичным находкам относятся бронзовые височные кольца из витой проволоки, котловидная подвеска с ушками, несколько стеклянных и янтарных бусин.

Также стоить отметить найденные в большом количестве бронзовые и железные гирьки для взвешивания и бронзовые чашечки весов, что свидетельствует о развитых торговых отношениях жителей городка.

Итог. В целом, материальная культура городища представляет собой целостный комплекс, отражающий жизнь и хозяйственный уклад Волжской Булгарии домонгольского времени и подтверждающий датировку памятника XI–XII вв., предложенную К. А. Руденко [*1999*]. Единичные находками представлены эпоха бронзы и начало железного века.

Литература

Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. – Казань: Таткнигоиздат, 1954. – 128 с.

Пономарев П. А. Данные о городах Камско-Волжской Булгарии. III Булгарский город Кашан // Изв. ОАИЭ при Казанском университете. – Казань, 1893. – Т. XI. – Вып. 2. – С. 111–138.

Руденко К. А. Итоги исследования городища Кашан I в Татарстане: к вопросу о формировании Булгарских городов и протогородов // Новые исследования по средневековой истории Поволжья и Приуралья. – Ижевск–Глазов, 1999. – С. 111–134.

Смирнов А. П. Волжские булгары. – М.: Изд-во ГИМ, 1951. – 259 с.

Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. – Казань: Изд-во Таткнигоиздат, 1975.

Шпилевский С. М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. – Казань: Университетская типогр., 1877. – 620 с.

Рис. 1. Городище Кашан I. План памятника (*1*) и участка проведения работ 2013 г. (*2*).
1 – по К. А. Руденко, 1999 г.; *2* – по М. Л. Перескокову, 2013 г.

Рис. 2. Городище Кашан I. Раскоп 2013 г. Постройка № 4 (18) и материал из нее:
1 – план постройки; *2, 3* – реконструкция постройки; *4* – обломок ножниц; *5* – фрагмент скобы; *6* – фрагмент ножа; *7* – обломок фигурки животного; *8* – бусина; *9* – обломок дверной петли; *10* – пряслице; *11–22* – круговая керамическая посуда. *4–6, 9* – железо; *8* – янтарь; *7, 10–22* – глина, керамика

Ю. А. Подосёнова
г. Пермь
ПГГПУ

ФИЛИГРАННЫЕ ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ С ТЕРРИТОРИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ, РЕСПУБЛИКИ КОМИ, ПЕРМСКОГО И УДМУРТСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ: ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ

На археологических памятниках Европейского Северо-Востока, Приуралья и Западной Сибири, датируемых X–XIV вв., нередкой находкой являются филигранные ювелирные изделия. Последние представлены разными категориями (височные украшения, очелья, подвески, обкладки ножен) и декорированы элементами из тонкой проволоки или маленькими металлическими шариками.

В последнее десятилетие в научных кругах особо остро обсуждается вопрос о локализации мест производства данных изделий. Одни исследователи считают, что эти предметы были изготовлены в Волжской Болгарии. Другие специалисты связывают их с Пермским Предуральем либо с мастерскими, возникшими на других территориях под влиянием булгарской ювелирной традиции. При определении места изготовления украшений в основном применяется метод поиска аналогий их форме и орнаментации. Вместе с тем, на наш взгляд, не меньшее значение имеет сравнительный анализ технологии производства украшений. Именно технологические особенности помогают сузить круг аналогий, соотнести приемы изготовления тех или иных видов украшений с конкретными ювелирными центрами или локальными территориями, и как следствие, решить вопрос о месте производства изделий.

В нашем исследовании представлены результаты технологического анализа филиграни ювелирных изделий, происходящих из археологических памятников Пермского Предуралья эпохи средневековья. Этот материал, возможно, сыграет роль программы при изучении технологических особенностей филиграни средневековых изделий с территорий Западной Сибири, Республики Коми, Пермского и Удмуртского Предуралья. Необходимо отметить, что основой наших заключений по технологии производства украшений явились не только данные, полученные при визуальном изучении филигранных изделий, но и результаты экспериментальной работы автора и других исследователей.

Зернь – это декорирование ювелирных изделий с помощью маленьких металлических шариков, напаянных на какую-либо металлическую основу. Исследуя зернь, необходимо определить способ ее изготовления.

В археологической литературе можно выделить ряд исследований, посвященных тем или иным аспектам технологии изготовления зерни в древности и средневековье (работы Н. В. Жилиной, А. И. Минжулина). Специалисты отмечают, что с древнейших времен до наших дней технология изготовления зерни индивидуальным методом не претерпела существенных изменений [*Минжулин, 1990.* С. 235], и можно выделить несколько основных способов ее производства.

Первый способ заключался в разбивании струи расплавленного металла через фильтр в воду [*Жилина, 2010.* С. 27; *Рыбаков, 1948*. С. 336]. Для зерни изготовленной по данному способу характерно наличие следующих признаков: широкий разброс диаметров гранул, преобладание зерни в составе технической присыпки; неопределенно-неправильная форма гранул; отсутствие гранул с плоским основанием [*Жилина, 2010.* С. 30].

Второй способ заключался в оплавлении или расплавлении индивидуальных заготовок для каждой гранулы. В качестве заготовок могли выступать прямые отрезки проволоки, колечки, спирали, отрезки штампованной филиграни с миниатюрными отпечатанными зернами и т. д. [*Жилина, 2001.* С. 74]. В данном способе разными были приемы оплавления или расплавления индивидуальных заготовок. Заготовки из штампованной проволоки с нужным количеством отштампованных зерен могли припаиваться на изделие целиком, а затем уже оплавляться [*Жилина, 2010.* С. 34]. Ровные кусочки металла могли расплавляться в порошке древесного угля. При этом их размер рассчитывался таким образом, чтобы в результате жидкостного поверхностного натяжения они сплавлялись при нагреве в шарики [*Минжулин, 1990.* С. 236]. Для гранул, изготовленных этим способом, выделяются следующие характерные признаки:

- наличие гранул с плоским основанием;
- наличие гранул определенной формы, позволяющей узнать форму заготовки;
- стандартность зерни по размеру.

Зернь ювелирных изделий Пермского Предуралья по технологическим характеристикам можно поделить на две группы.

В первой группе изделий гранулы зерни имеют пористую поверхность, на которой часто наблюдаются неровности, вызванные формой первоначальной заготовки для гранул. Сама же форма гранул – правильная,

и, несмотря на неровности, сопоставима со сферической (рис. 1 – *А, В*). В редких случаях пирамидку из зерни могла завершать гранула с плоским основанием или вытянутой формы.

Вторая группа изделий. Параллельно с зернью правильной сферической формы наблюдаются и уплощенные гранулы (рис. 1 – *Б*). Стандартный размер уплощенных гранул, читаемая форма заготовки гранул и следы перереза проволочки, просматривающиеся сквозь оплавленную поверхность, свидетельствуют об использовании штампованных заготовок для гранул (рис. 1 – *Г, Д*). На многих уплощенных гранулах зерни видны микросследы от инструмента, которым они подшлифовывались после припаивания на фон (рис. 1 – *Е*).

Наблюдаемые технологические особенности зерни ювелирных изделий Пермского Предуралья свидетельствуют о втором способе изготовления зерни – путем оплавления или расплавления индивидуальных заготовок для каждой гранулы.

В работах некоторых авторов можно встретить предположение о том, что на изделия с зернью могли напаиваться готовые зерненные треугольники, заранее отлитые в специальных формах. Между тем, на изделиях с зернью, рассмотренных нами и датируемых разными периодами, цельных литых треугольников из зерни не встречено. Вероятнее всего, часто встречающийся залив припоя между отдельными шариками привел исследователей к данному предположению (рис. 1 – *Ж*).

Проволочная филигрань – это декорирование ювелирных изделий элементами, выполненными из тонкой проволоки. Исследователи отмечают, что определение способов изготовления филиграни часто является сложной задачей, так как последующие технологические процессы (уплощение, пайка и др.) в значительной мере скрывают ее фактуру [*Жилина, 2001.* С. 74].

Процесс определения способа филиграни становится более легким если:

- проволочка для филигранного декора имеет большой диаметр сечения (0,7−1,2 мм);
- изделие имеет брак при пайке филигранного декора к основе (недопаивание некоторых элементов, позволяющее рассмотреть филигранную деталь со всех сторон; разрыв филигранного элемента, при котором можно посмотреть его сечение);
- изделие имеет брак при изготовлении исходных элементов (например, следы от неровного отверстия в волочильной доске, отражающиеся на проволоке, из которой в последующем выполнялся филигранный декор);
- предмет имеет фрагментированное состояние.

Филигрань в виде штампованной проволочки в декорировании ювелирных изделий применялась повсеместно и практически на протяжении всего средневековья (рис. 2 – *А*). В работах по ювелирным изделиям Пермского Предуралья можно встретить другие названия данного вида филиграни: *рубчатая проволока*, *рубленая проволока*, *псевдоскань*.

Штампованную проволоку получали путем накладывания штампа с прямыми насечками на проволоку или проходило круговое штампование проволоки. Н. В. Жилиной были охарактеризованы признаки штампованной проволоки, встречающейся на украшениях Древней Руси. Данные признаки зафиксированы и на ювелирных изделиях Пермского Предуралья [*Жилина, 2010.* С. 45].

Отличительным признаком – индикатором штампованной проволоки – является наличие экваториального надреза, разделяющего отштампованное зерно на две половинки. Экваториальный надрез довольно часто встречается в штампованной проволоке средневековых ювелирных изделий Пермского Предуралья (рис. 1 – *А, Б*).

Одним из признаков штампованной проволоки является след сбоя штампующего инструмента, выражающийся в наличии неотштампованных участков или следов наложения штампов друг на друга (так называемый «учащенный след») (рис. 2 – *В*).

На концах отштампованной проволоки, а также на случайных разрывах, фиксируется только одна проволочная заготовка круглого или прямоугольного сечения (рис. 2 – *Б*).

При сгибании штампованной проволоки внешний край отдельно отштампованных зерен растягивается, а внутренний – сжимается (рис. 1 – *Г*).

Параллельно со штампованной проволокой в декорировании ювелирных изделий на территории Пермского Предуралья используется *филигрань в виде сканной и торсированной проволоки*. Атрибутирование данных видов филигранной проволоки на ювелирных изделиях является одной из самых трудных, но, тем не менее, преодолимых задач (при наблюдении и знании характерных признаков).

Под понятием *«сканная»* понимается витая, скрученная из двух и более заготовок, проволока. Под названием *«торсированная»* понимается проволока, скрученная вокруг своей оси. Для определения вида филиграни – «скань» или «торсирование» – необходимо подтверждение или опровержение приема витья.

Фиксация приема витья проводится на основании индикаторных или косвенных признаков. Индикаторным признаком витья является наличие микрощелей между витками отдельных проволочек. Микрощели фиксируются при увеличении, как на объемной сканной проволочке, так и на уплощенной, а также, как при слабом, так и при плотном витье (рис. 1 – *И*). Отличительным признаком приема витья является фиксация двух проволочных заготовок на конце филигранной проволоки, в местах случайного разрыва. Вместе с тем, такая фиксация может проводиться не на всех ювелирных изделиях. Кроме того, витки могут определяться по каким-либо порокам проволоки (рис. 1 – *И*). Например, след от неровного отверстия в волочильной доске, присутствующий на определенном промежутке проволоки, будет фиксироваться через виток.

Для приема торсирования в изготовлении ювелирных изделий Пермского Предуралья применялась граненая проволока, имеющая в сечении квадратную или прямоугольную форму. Торсированной округлой в сечении проволоки в ювелирных изделиях Пермского Предуралья пока не зафиксировано. Это и понятно: торсированная округлая проволока не обладает при визуальном наблюдении таким декоративным эффектом, как скань или торсированная граненая проволока. Лишь только при пристальном и сосредоточенном внимании, нередко при помощи увеличительных приборов, мы можем рассмотреть ее минимальный декоративный эффект.

Торсированная граненая проволока также имеет свои характерные признаки. Необходимо отметить, что без применения увеличительных приборов, она практически неотличима от витой проволоки из двух нитей (скани). При торсировании витки в проволоке продолжают, переходят друг в друга, а не чередуются через один. На концах или местах случайного разрыва прослеживается один конец проволоки с читаемым квадратным или прямоугольным сечением. Нередко в витке торсированной граненой филиграни наблюдается две плоскости (рис. 2 – *Д, Е*).

Часто в ювелирных изделиях Пермского Предуралья применялась *уплощенная филигрань*, при которой сканная или торсированная проволока проходила процесс уплощения. В связи с тем, что фактура витья в результате уплощения бывает сильно сглажена, определение морфологии уплощенной филиграни также является одной из самых трудных, и, порой, непреодолимых, задач. Здесь необходимо наблюдать, как следы витков и их углы на широкой плоскости, так и на торцевой стороне филигранной уплощенной проволоки. Так, на экспериментальных образцах заметно, что в сканной уплощенной филиграни вершины витков чередуются друг за другом. В то время как в торсированной граненой филиграни вершины витков идут не сразу друг за другом, а после некоторого промежутка. Между тем, если витье или торсирование являются плотными, такое различие можно и не уловить.

Необходимо отметить, что в определении видового приема филиграни может применяться и способ достраивания или моделирования следующего витка, предложенный Н. В. Жилиной. Суть его заключается в том, что при фиксировании углов наклона витков, можно графически достроить шаг витка, проходящего по обратной стороне детали, который будет симметричен видимому. Достроенный шаг приведет либо в начало витка, расположенного через один от видимого – если проволочки две, либо приведет в начало витка, следующего за первым, так как проволока одна [*Жилина, 2010.* С. 41]. Исследователь отмечает, что результаты данного метода являются предположительными, хотя результаты последующего анализа при помощи увеличительных приборов зачастую совпадают.

Первоначально скань и торсированная проволока использовались в тех ювелирных изделиях, где раньше применялась штампованная проволока. Они служили для прикрытия мест спаивания отдельных конструктивных деталей ювелирных изделий. Позднее, филигранная проволока разных видов не только маскировала места соединения отдельных деталей в сборных украшениях, но использовалась как отдельный декорирующий элемент.

В филиграни ювелирных изделий Пермского Предуралья, датируемых X–XIV вв., кроме скани, торсированной и рубчатой проволоки, использовалась еще и *гладь* – некрученая уплощенная проволока различных сечений. Чаще всего гладь располагали между рядами филигранных проволочек (рис. 2 – *Ж*).

Для изготовления штампованной проволоки, глади, сканного или торсированного декора ювелиры Пермского Предуралья использовали проволоку разных сечений – в зависимости от размера изделия и задумки мастера по его декорированию. В основном применялась проволока круглого сечения от 0,7–1,2 мм. При использовании филигранных элементов, мастер должен был знать не только свойства металла (например, витье проволоки требовало постоянного обжига для предотвращения обрыва проволочек, натяжение проволоки должно сохраняться равномерно), но и соотносить исходные размеры проволоки с получаемыми. Дело в том, что скручиваясь, проволока укорачивается, поэтому при получении гладкой скани необходимого размера надо было брать объемную скань из проволочек меньшего диаметра. Толщина же плющения зависела от сечения проволоки и т. д.

Вся филигрань ювелирных изделий Пермского Предуралья является фоновой – то есть ее элементы напаивались на фон-основу изделия.

Только в двух случаях было установлено *декорирование филигранью с применением подкладочной технологии*. В первом случае зернь из золота была напаяна на основу из золота, а затем уже – на основу изделия (ножны из Редикарского могильника) (рис. 1 – *З*). Во втором случае, скань из золота была напаяна на основу из золота с вставкой из камня, а затем – на основу изделия (подвеска из Редикарского клада) (рис. 1 – *И*). Между тем, данные изделия – единичные, и аналогий им нет. Возможно, это свидетельство освоения нового способа декорирования ювелирных изделий или нестандартный подход мастера к декорированию изделий. В последнем случае филигрань на основе могла быть вырезана из другого, импортного, изделия и припаяна на местную основу.

В качестве материала для производства филигранных изделий Пермского Предуралья X–XIV вв. применялся сплав на основе меди с высоким содержанием серебра или сплав на основе серебра, при этом фон таких изделий был обычно позолочен.

Представленные результаты технологического анализа свидетельствуют не только об использовании разных филигранных техник при изготовлении ювелирных изделий, но и также о технологических особенностях отдельных филигранных техник. Последнее может свидетельствовать о продукции разных ювелирных школ и даже конкретных ювелиров-мастеров (при сопоставлении результатов внешних аналогий).

В представленном исследовании мы намеренно не касались аспекта историко-культурной интерпретации результатов технологического анализа. Последний только начинает применяться к изучению средневековых филигранных изделий Пермского Предуралья, и все они требуют повторного технологического анализа.

Кроме того, очевиден потенциал применения такого метода для ювелирных изделий других территорий, в том числе – Удмуртии, Европейского Северо-Востока и Западной Сибири.

Литература

Жилина Н. В. Шапка Мономаха. Историко-культурное и технологическое исследование. – М.: Наука, 2001. – 247 с.
Жилина Н. В. Зернь и скань Древней Руси. – М.: Изд-во ИА РАН, 2010. – 260 с.
Минжулин А. И. Технология зерни // СА. – М.: Наука, 1990. – № 4. – С. 231–240.
Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. – М.: Наука, 1948. – 805 с.

Рис. 1. Технологические особенности гранул зерни:
А – пористая поверхность гранул, правильная сферическая форма гранул, регулярный размер зерни; *Б* – уплощенная зернь; *В* – сферическая зернь; *Г* – читаемый след обреза заготовки; *Д* – читаемая первоначальная форма заготовки; *Е* – следы обработки зерни; *Ж* – излишек припоя между гранулами зерни; *З* – подкладка для зерни на фрагменте обкладки ножен; *И* – подкладка под скань на фрагменте филигранной подвески.
А, – Редикарский могильник; *Б–Д, Ж* – Бояновский могильник; *Е* – Рождественский археологический комплекс; *З, И* – Редикарский клад

Рис. 2. Технологические особенности проволочной филиграни:
А – экваториальный надрез на штампованной проволоке; *Б* – экваториальный надрез и разрыв штампованной проволоки, где читается одна проволочная заготовка круглого сечения; *В* – непроштампованный фрагмент проволоки; *Г* – штампованная проволока при изгибе; *Д* – торцы торсированной уплощенной и сканной уплощенной проволоки; *Е* – торсированная проволока на ювелирном изделии; *Ж* – гладь на грушевидной привеске височного украшения.
А – Редикарский могильник; *Б* – Рождественский могильник; *В–Е* – Бояновский могильник; *Ж* – Пермское Предуралье, сборы

А. Н. Сарапулов
г. Пермь
ПГГПУ

КЛАССИФИКАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ НАКОНЕЧНИКОВ ПАХОТНЫХ ОРУДИЙ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Известные классификации. Первую классификацию наконечников пахотных орудий Прикамья разработал Ф. А. Теплоухов [*1892.* С. 12–16]. Он выделил 10 групп наконечников, за основу приняв такие особенности, как форма лопасти и ее углов, соотношение лопасти и трубицы и др.

Следует отметить, что не все группы наконечников, выделенные этим исследователем, существовали одновременно. Более того, на наш взгляд, данные группы не имеют принципиальных отличий и могут быть отнесены к одному или нескольким типам.

Классификации наконечников пахотных орудий из археологических материалов Восточной Европы разрабатывались В. И. Довженком [*1952.* С. 115–159], В. П. Левашовой [*1956.* С. 19–93] и А. В. Чернецовым [*1972.* С. 135–148]. Для выделения *классификационных признаков* большую роль сыграли работы А. В. Кирьянова [*1959.* С. 306–362]. Предложенные классификации отличаются лишь некоторыми деталями. Все древние наконечники по принадлежности к тем или иным пахотным орудиям подразделяют на ральники (рабочие наконечники рал), сошники (наконечники сох) и лемехи (наконечники плугов). По признаку соотношения ширины лопасти и втулки (трубицы) среди ральников выделяются узколопастные и широколопастные А. В. Чернецов называл первые орудия – «ральниками без плечиков», вторые – «ральниками с плечиками». Сошники подразделяются на симметричные и асимметричные. Среди симметричных сошников иногда выделяют группы по размерам орудий. Лемехи обычно типологически делятся на симметричные и асимметричные.

Наиболее разработанной и, без сомнения, лучшей в отечественной науке является классификация Ю. А. Краснова [*1978.* С. 98–114]. Основой ее является функциональный принцип, который определяет тип орудия; процедура выделения следующих категорий (отделов, групп) орудий основывается на критериях абсолютных и относительных размеров наконечников. Вместе с тем, по мнению ряда исследователей, данная классификация также не лишена недостатков. Последние, в частности, обозначены в работах В. Я. Конецкого [*2000.* С. 239–261], А. В. Чернецова [*1976.* С. 35] и Л. А. Вязова [*2008.* С. 320–342].

Проанализировав методику Ю. А. Краснова и критические замечания относительно его классификации, попытаюсь высказать относительно ее свои соображения.

• Самым важным и положительным, на наш взгляд, в данной классификации является то, что типология орудий построена на принципе их функции. Очевидно, что такая категория источников, как наконечники пахотных орудий, должна давать информацию, прежде всего, о том, как выглядело пахотное орудие, и каков был механизм его работы.

• Методику Ю. А. Краснова можно применять – и особенно успешно – при классификации наконечников, обнаруженных в разных регионах, на достаточно удаленных друг от друга территориях. В этом случае анализируются изделия, действительно отличающиеся в культурном, хронологическом и функциональном отношении.

• Совершенно справедливым у Ю. А. Краснова является разделение наконечников на отделы и группы.

• В то же время, на наш взгляд, одним из недостатков метода Ю. А. Краснова является чрезмерное увлечение использованием числовых соотношений, что приводит к стиранию различий и в размерах, и в формах между наконечниками. В результате наконечники разного внешнего вида относятся к одному типу, а подобные по форме могут быть отнесены к разным типам. Только выделенные группы и подгруппы мы можем соотносить к категориям пахотных орудий, в то время как типы уже не имеют функциональной специфики. Различия наконечников, образующих типы, скорее всего, имеют какие-то хронологические, территориальные или технологические особенности.

Новая классификация. Учитывая все эти факторы, за основу классификации можно принять метод Ю. А. Краснова, но с некоторыми изменениями.

Исходя из принципа функциональности, важнейшими критериями классификации представляются те, которые позволяют разделить всю совокупность наконечников *по категориям пахотных орудий* (рала, сохи и плуги).

Вслед за Ю. А. Красновым, в качестве критериев для такого разделения использована корреляция отношений общей длины наконечника к его наибольшей ширине (L/d2) и средней ширины втулки (трубицы) (d1) (L/d2 к d1). На основе этого выделены *группы*.

Деление на *подгруппы* произведено по признаку размера плечиков по отношению к ширине лопасти (d2–d1 к d2). От размера плечиков может зависеть расположение наконечника относительно обрабатываемой поверхности (угол наклона). Для классификации выбраны такие же таксономические единицы, которые использовал Ю. А. Краснов.

ОТДЕЛ. Наконечники втульчатые (с трубицей). Все исследованные наконечники по характеру соединения («скрепления») с деревянной частью пахотных орудий относятся к втульчатым. Они скрепляются с деревянной рабочей частью пахотного орудия при помощи втулки (трубицы), образованной загибами концов железного листа, из которого выкован наконечник.

ГРУППА I. Наконечники рала (ральники). Все наконечники, использованные в нашей классификации, являются ральниками, то есть составляют одну группу, что нашло отражение в диаграмме рассеяния: все объекты образовали более или менее однородное «облако» (рис. 1). Средняя ширина втулки (трубицы) (d1) таких наконечников составляет 81 мм, при отношении общей длины к наибольшей ширине (L/d2) – 1,3. Поперечное сечение втулки (трубицы) у них, как правило, овальное. Относительная ширина втулки (трубицы) и лопасти различна. Рабочий конец заостренный, умеренно заостренный или округлый. Все наконечники симметричны, за исключением отдельных экземпляров, асимметричность которых была непреднамеренной.

Подгруппа 1 (рис. 3). «Роговые» ральники (5 экз.) Наиболее яркую и не вызывающую никаких сомнений подгруппу таких изделий образуют так называемые «роговые» ральники. На диаграмме рассеяния они резко отделяются от основного массива наконечников (рис. 2). Данные ральники сильно отличаются от всех других предуральских форм. Они имеют овальную в сечении и небольшую по длине втулку (трубицу), относятся к ралам с горизонтальным или близким к горизонтальному положением полоза. «Рога» в данном случае являются более прогрессивным конструктивным элементом: по ним при пахоте сползала земля, а, кроме того, один из краев, подогнутый в сторону сильнее, чем другой, мог подрезать пласт земли. По-видимому, происхождение ральников этой подгруппы связано с генезисом широколопастных ральников подгруппы 2 – с ярко выраженными «плечиками», образующими с втулкой (трубицей) прямой угол. Ральники *подгруппы 1* напоминают по виду наконечники *сох-курашимок*, известных с XVI в. Учитывая это можно предположить, что такие ральники появились незадолго до массового проникновения русского населения в Предуралье.

Подгруппа 2 (рис. 4). Оставшуюся часть наконечников (94 экз.) пока можно отнести к одной подгруппе, поскольку на диаграмме они образуют «облако» точек с непрерывно меняющимися абсолютными размерами «плечиков», а значит, любое более дробное деление будет произвольным и будет отражать лишь фантазию исследователя, а не реальные подгруппы в массиве наконечников (рис. 2). В эту подгруппу попали наконечники с разной выраженностью «плечиков» относительно ширины лопасти. «Плечики» этих наконечников образованы путем разрубания железной пластины-заготовки орудия. Изделия имеют следующие размеры: общая длина наконечника (L) – 124–242 мм, ширина лопасти (d2) – 70–180 мм, ширина трубицы (d1) – 60–110 мм. Все наконечники имеют овальную в сечении втулку (трубицу), разную форму заострения лопасти, на многих из них присутствует наварка. Эти ральники могли принадлежать к *однорукояточным прямогрядильным ралам со стойкой между грядилем и полозом*. В этнографических материалах Прикамья такие рала не зафиксированы. Реконструировать основные технологические особенности орудия позволил анализ количественных и качественных характеристик самих наконечников. Он показал, что для средневекового населения были характерны рала с горизонтальным положением полоза либо с положением полоза, близким к горизонтальному. Положение полоза, скорее всего, могло регулироваться еще и конструкцией самого рала.

Распространение и сравнительный анализ пашенных орудий. Ральники с плечиками известны в Восточной Европе с черняховского времени (III–V вв.). Их находки отмечены и на территории Центральной Европы (Польша, Венгрия). В Среднем Поволжье, судя по археологическим материалам, ральники появляются в IV в. – с приходом сюда именьковского населения из юго-западных областей Восточной Европы. Со второй половины I тыс. н. э. ральники распространяются на славянской и древнерусской территориях (Княжа Гора, городище Новотроицкое, Екимауцы, Городск и др.) [Древняя Русь…, 1985. С. 235; *Вязов, 2008.* С. 334–338]. Один ральник известен на территории Волжской Булгарии [*Марданшина, 2008.* С. 57]. В X – начала XI в. широколопастные ральники появляются в бассейне р. Чепцы [*Генинг, Стоянов, 1961.* С. 90]. С XI–XII вв. они распространяются в Среднем и Верхнем Прикамье.

Последние данные свидетельствуют о том, что в Пермском Предуралье пашенная форма обработки земли распространилась в конце XI – XII в., в русле общих изменений материальной и духовной культуры. Известные нам наконечники пахотных орудий и их фрагменты большей частью являются случайными находками. Они обнаружены вне связи с известными археологическими комплексами, что затрудняет их датировку.

Более или менее точную хронологию можно установить только для артефактов, обнаруженных при раскопках поселенческих слоев на археологических памятниках Приуралья.

● Так, один ральник был найден на Лаврятском городище. Учитывая, что материалы этого укрепленного поселения датируются не позднее начала XI в. (хронология самого городища: VIII – начало XI в.), этот ральник можно считать самым ранним из известных в Пермском Предуралье [*Белавин, 2011*. С. 83].

● Семь целых ральников и один обломок залегали в верхних слоях городища Анюшкар. По мнению авторов раскопок, верхние слои этого памятника датируются XII – началом XV в. [*Оборин, Ленц, 2008*. С. 11].

● Пять наконечников пахотных орудий зафиксированы в верхних слоях Рождественского городища, относящихся, согласно большинству радиоуглеродных анализов, к XII–XIII вв. Впрочем, на памятнике известны редкие находки начала XIV в.

мОдин целый наконечник найден на Чашкинском II селище. Еще один сломанный наконечник и фрагмент третьего обнаружены в периферийной части того же селища – на поселении каменного века Чашкинское озеро VI, но в культурном слое эпохи средневековья. По материалам раскопок это селище датируется IX–XIII вв. [*Головчанский и др., 2011*. С. 49–64).

● Один наконечник найден на Рачевском городище. Авторами раскопок – В. П. Мокрушиным и Н. Б. Крыласовой – памятник датируется XII–XIV вв. [*Мокрушин, Кудрявцев, 1997*. С. 48–51].

● Два наконечника найдены на известном Купросском городище. Один из них обнаружен в раскопе А. М. Белавина (1996 г.), другой – в раскопе А. Н. Сарапулова (2010 г.). По материалам и радиоуглеродному датированию органических остатков культурный слой на городище Купрос определен IX–XII вв. [*Белавин, Оборин, Сарапулов, 2012*. С. 50].

Кроме того, имеется серия ральников, найденных в «закрытых» погребальных комплексах.

● Пять из них происходят из погребений Антыбарского могильника. В могилах, помимо ральников, найдены железные ножи и наконечники стрел, фрагменты глиняной посуды, бронзовые украшения (подвески-колокольчики, накладка на ремень). Данные материалы можно датировать XII–XIII вв. [*Ленц, 1984*; *1987*; *1988*; *1989*].

● Один ральник обнаружен в погребении № 43 могильника Телячий Брод. Из датирующих вещей в могиле был найден железный наконечник стрелы – типа треугольного срезня с упором. Подобные изделия были распространены в IX–XIV вв. В целом же погребение принадлежит к поздней части могильника XII–XIV вв.

В процессе исследования, совместно с Д. В. Шмуратко, проведен статистический анализ земледельческого инвентаря, обнаруженного в средневековых могильниках Пермского Предуралья. В выборку вошли материалы 648 погребений. Анализ проводился по четырем хронологическим группам: V–VI, VII–IX, X–XI и XII–XIV вв. В материалах группы V–VI вв. земледельческих орудий не обнаружено. Выборки VII–IX и X–XI вв. показали наличие мотыг. В самом позднем комплексе – XII–XIV вв. – мотыг уже нет, но имеются ральники, свидетельствующие о зарождении пашенного земледелия. Полученная статистическая модель подтверждает и наглядно показывает, что окончательный переход к пашенному земледелию в интересующем нас регионе происходит не ранее XII в. [*Сарапулов, Шмуратко, 2006*. С. 151–154].

Итог. Таким образом, из 99-ти имеющихся в нашем распоряжении наконечников пахотных орудий 25 (около 26%) имеют четкую датировку. Эти выводы по датировке можно распространить и на более поздние железные наконечники. Я имею в виду материалы родановской археологической культуры, точнее ее рождественского (по В. А. Оборину) этапа.

Этнографами на территории Пермского Предуралья такие наконечники не зафиксированы. По-видимому, это свидетельствует о том, что в результате массового проникновения сюда в XV–XVI вв. русского населения, традиционные пахотные орудия с железными ральниками выходят из употребления. Их заменяет более удобная для лесных почв обыкновенная русская соха.

Источники и литература

Белавин А. М. Лаврятское городище (по раскопкам 1992 г.) // Тр. КАЭ. – Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2011. – Вып. VII. – С. 69–86.

Белавин А. М., Оборин В. А., Сарапулов А. Н. Купросское городище: итоги полевых исследований // Тр. ИЯИТККПН. – Пермь Изд-во ПГГПУ, 2012. – Вып. IX: Историческое и культурное наследие села Купрос. – С. 4–79.

Вязов В. Л. Происхождение пахотных орудий именьковской культуры // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. – Самара: Изд-во «Глагол», 2008. – С. 320–342.

Генинг В. Ф., Стоянов В. Е. Итоги археологического исследования Удмуртии (Камско-Вятское междуречье) // ВАУ. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1961. – Вып. 1. – С. 46–51.

Головчанский Г. П., Мельничук А. Ф., Рублев А. В., Скорнякова С. В. Чашкинское II поселение – крупнейший неопределенный памятник родановской культуры в Верхнем Прикамье // Вест. ПУ. – Пермь: Изд-во ПГУ, 2011. – Сер. «История». – Вып. 1 (15). – С. 49–64.

Довженок В. И. К истории земледелия у восточных славян в I тыс. до н. э. и в эпоху Киевской Руси // Мат-лы по истории земледелия СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 1. – С. 115–159.

Древняя Русь: Город, замок, село / Ред. Б. А. Колчин. – М.: Наука, 1985. – 430 с.

Кирьянов А. В. История земледелия Новгородской земли X–XV вв. // МИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – № 65. – С. 306–362.

Конецкий В. Я. Некоторые вопросы изучения древнейших пахотных орудий Новгородской земли // Новгород и Новгородская Земля. История и археология: Мат-лы науч. конф. (Новгород, 25–27 января 2000 г.). – Великий Новгород: Изд-во «Новгород», 2000. – Вып. 14. – С. 239–261.

Краснов Ю. А. Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий (по археологическим материалам Восточной Европы) // СА. – М.: Изд-во АН СССР, 1978. – № 4. – С. 98–114.

Левашова В. П. Сельское хозяйство // Тр. ГИМ. – М.: Культпросветиздат, 1956. – Вып. 32. – С. 19–93.

Ленц Г. Т. Отчет о раскопках Антыбарского могильника в Чусовском районе Пермской области в 1983 году. – Пермь, 1984. – Архив МАЭ ПГГПУ.

Ленц Г. Т. Отчет о полевых исследованиях Антыбарского могильника в Чусовском районе Пермской области в 1986 году. – Пермь, 1987. – Архив МАЭ ПГГПУ.

Ленц Г. Т. Отчет о полевых исследованиях Антыбарского могильника в Чусовском районе Пермской области в 1987 году. – Пермь, 1988. – Архив МАЭ ПГГПУ.

Ленц Г. Т. Отчет о полевых исследованиях Антыбарского могильника в Чусовском районе Пермской области в 1988 году. – Пермь, 1989. – Архив МАЭ ПГГПУ.

Марданшина Е. М. Земледельческие орудия волжских булгар X–XIV вв. (к проблеме своеобразия земледелия). – Дис. … канд. ист. наук. – Казань, 2008. – 171 с.

Мокрушин В. П., Кудрявцев Ю. А. К истории торгового пути в далеком прошлом // Пути сообщения, коммуникации, научные достижения народов Евразии: Мат-лы Междунар. науч.-практич. конф. – Березники, 1997. – С. 48–51.

Оборин В. А., Ленц Г. Т. Городище Анюшкар (по раскопкам 1951–1955, 1989–1991 гг.) // Вест. МАЭ ПП. – Пермь: Изд-во ПГПУ, 2008. – Вып. 2. – С. 10–15.

Сарапулов А. Н., Шмуратко Д. В. Статистический анализ земледельческого инвентаря средневековых погребальных памятников Пермского Предуралья // Музей и наследие коми-пермяков в пространстве Пермского края. – Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2006. – С. 151–154.

Теплоухов Ф. А. Земледельческие орудия Пермской Чуди. – Пермь: Типогр. Наследников Каменского, 1892. – 54 с.

Чернецов А. В. О периодизации ранней истории восточнославянских пахотных орудий // СА. – М.: Изд-во АН СССР, 1972. – № 3. – С. 135–148.

Чернецов А. В. Классификация и хронология наконечников древнерусских пахотных орудий // КСИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1976. – Вып. 146. – С. 32–35.

Рис. 1. Выделение групп наконечников пахотных орудий (по методу Ю. А. Краснова)

Рис. 2. Выделение подгрупп наконечников пахотных орудий

Рис. 3. «Роговые» ральники Пермского Предуралья (отдел I, группа I, подгруппа 1)

Рис. 4. Ральники Пермского Предуралья (отдел I, группа I, подгруппа 2)

В. А. Беркович, К. А. Егоров
г. Москва
ООО «Археологические изыскания в строительстве»

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ПОТОМКАХ ХАНА КУЧУМА (по результатам охранных исследований в историческом центре Москвы)

Большое значение средневекового надгробия как исторического источника осознано давно. Сбор и изучение лапидарных надписей Москвы, начатые более 250 лет назад [*Беляев, 1996*. С. 13], и в наше время продолжают привлекать к себе внимание историков, лингвистов, археологов, музееведов, архитекторов и представителей других специальностей.

Всплеск строительной активности в Москве, сопровождавшийся расширением поля деятельности спасательной археологии, привел к значительному увеличению количества найденных надгробий и стимулировал создание их свода [Русское средневековое надгробие…, 2006]. Особый интерес вызывают памятники, связанные с известными историческими персонажами.

Летом 2011 г. во дворе дома № 5 по Большому Златоустинскому переулку, соединяющему улицы Мясницкую и Маросейку, в коммуникационной траншее найдены фрагменты шести надгробий, двух саркофагов и двух крышек от саркофагов XVI–XVIII вв. In situ памятники не были зафиксированы. Артефакты были извлечены и переданы археологам сотрудниками строительной организации.

До 1933 г. на этом месте находился мужской Златоустовский монастырь [*Паламарчук, 1992*. С. 181]. Эта старомосковская обитель имела длинную и достаточно драматическую историю. Время основания монастыря неизвестно. Первое упоминание о нем относится к 1412 г. Оно связано с погребением архидьякона Иоакима [*Там же*. С. 179]. Монастырь неоднократно страдал от пожаров, разорений и даже одного наводнения: 1571 г. – пожар в нашествие Девлет-Гирея, 1611 г. – польское разорение, 1660 г. и 1737 – пожары, 1812 г. – французское разграбление, 1821 г. – наводнение [*Денисов, 1908*. С. 412]. В 1933 г. обитель была разрушена, а на ее территории построены жилые дома и детский сад [*Паламарчук, 1992*. С. 181].

Кроме собора Иоанна Златоуста (1482, 1663 гг.), в монастыре в разное время были возведены следующие церкви: апостола Тимофея (конец XV в.), Покрова Пресвятой Богородицы (до 1660 г.), Благовещения Пресвятой Богородицы (1713 г.), Живоначальной Троицы (1759 г.), свв. Захарии и Елизаветы (1742 г.) [*Денисов, 1908*. С. 411–413; *Паламарчук, 1992*. С. 181, 182].

Среди обнаруженных в 2011 г. надгробий одно заслуживает особого внимания. Это закладная белокаменная плита, предназначавшаяся для размещения над могилой в стене храма (Рис. 1 – *1*).

Прямоугольный (74×68,5×12–12,5 см) по форме камень полностью лишен орнамента. Его единственное украшение – девятистрочная надпись, выполненная вязью в технике *обронной* резьбы, при которой фон углублялся, а надпись оставалась в плоскости камня.

Несмотря на то, что надгробие серьезно пострадало (около четверти плиты было утрачено, а оставшаяся часть разбита на три фрагмента), надпись удалось прочитать практически полностью.

Высота строк – 5–4,2 см, междустрочий – 2,3–2,1 см. Строки размечены графьей. Лигатуры: стк. 1 – днь в слове «дн҃ь»; стк. 2 – ив в слове «сибиⷭ҇ско[го]»; стк. 3 – чю и ча в слове «кꙋчю҃мовича»; стк. 4 – ир и ин в слове «ирина», ав и ино в словосочетании «а҃ во "но(цех)»; стк. 5 – ир и ан в слове «и҃ранд[а]»; стк. 6 - анна в слове «манна», пр, ст, ав и ан в слове «престав"ли҃»; стк. 7 – ан в слове «мл҃нцы», др в слове «а"дреи», др в слове «а"дреѣ(евич)»; стк. 8 – да в словосочетании «да кнѧ³», др в слове «а"дреѣеви"», ив слове «сибиⷭ҇ско(ва)»; стк. 9 – ти в слове «дети», др в слове «а"дреѧ», чю и ча в слове «кꙋчюмовича». Обозначения года и дня смерти в стр. 1, 5 и 6 выделены точками, кроме того, в годах смерти опущен знак ҂з҃.

Надпись:

[... ок]тѧ^брѧ въ .е҃і дн҃ь
[преставися раба божи]ѧ сибиⷭ҇ског[о]
царевича князя Андр]еѧ кꙋчю҃мовича
[… княгин]ѧ ирина федоро^вна а҃ во "но
[цех схимниц]а и҃ранд[а] .р҃к҃л.г҃. се"тѧ^брѧ
[...]дн .р҃к҃л.г҃. манна в҃ .г҃^н преставли҃
[ра]бы бж҃іи" мл҃нцы кнѧ³ а"дреи а"дреѣ
[е]ви" да кнѧ³ федоⷭ҇ а"дреѣеви" сибиⷭ҇ско
[го царе]вча дети кн҃ѧ а"дреѧ кꙋчюмовича

Перевод:

…октября в ● 15 ● день
преставилась раба Божия Сибирского
царевича князя Андрея Кучюмовича
…княгиня Ирина Федоровна, а во ино-
кинях схимница Ираида ● 1620-го ● сентября
…день ● 1621-го ● мая в ● 3 ● день преставились
рабы Божие младенцы князь Андрей Андре-
евич и князь Федор Андреевич Сибирско-
го царевича дети князя Андрея Кучумовича

Как следует из надписи, здесь были похоронены умершие в разное время члены семьи сибирского царевича Андрея Кучумовича. Это два не вышедших из младенческого возраста сына: князь Андрей Андреевич (ум. в сентябре 1620 г.) и князь Федор Андреевич (ум. 3 мая 1621), а также их мать – княгиня Ирина Федоровна (ум. 15 октября), принявшая схиму под именем Ираиды.

Ключевым персонажем в надписи является сибирский царевич Абдул-Хаир (Андрей Кучумович) – сын сибирского хана Кучума от восьмой жены Чепшан. Его точный год рождения не установлен (предположительно – 1575 г.). В 1591 г. в ходе битвы у оз. Чили-Куль молодой царевич был взят в плен воеводой князем Кольцовым-Мосальским [*Соловьев, 1989*. С. 271]. Он не был единственным среди Кучумовичей московским пленником. В 1581 г. был пленен племянник Кучума султан Мухаммад-Кул, а в 1598 г. в русский полон попали сразу пять сыновей, восемь дочерей и восемь ханских жен [*Маслюженко, Рябинина, 2011*. С. 76; *Рахимзянов, 2011*. С. 79].

Следует отметить, что Кучумовичи в России находились на особом положении, «практически полностью сохраняя свой статус и пользуясь всеми привилегиями» [*Маслюженко, Рябинина, 2011*. С. 92]. Дальнейшая их судьба сложилась по-разному. Одни вернулись в Сибирь, другие расселились у родственников в российских городах, третьи пошли на службу к русскому царю. К последним относился и царевич Абдул-Хаир.

Характер его службы в некоторой степени освещает эпизод с письмами. В 1597 г., в ответ на свое письмо, Кучум получил два схожих послания из Москвы – от царя Федора Ивановича и царевича Абдул-Хаира. Сын сообщал отцу, что «*Государь несмотря на наши грубости и неправды, меня пожаловал, казнь смертную отдал и пожаловал меня (городы) и волостьми*», также он предлагал Кучуму либо переехать в Москву, либо подчиниться царской власти в своем юрте [Собрание Государственных грамот…, 1819. С. 131, 132]. «Судя по многочисленным текстуальным сходствам в письмах, похоже, что Абдул-Хаир писал под диктовку официальных лиц Посольского приказа» [*Рахимзянов, 2011*. С. 80].

Абдул-Хаир первым из Кучумовичей принял решение креститься (1599 г.) и получил имя Андрея (возможно, в честь апостола Андрея Первозванного). Затем он женился на дочери своего крестного отца – княжне Ирине Федоровне Ноготковой-Оболенской. Ее имя значится в 4-й строке надгробной надписи после титула и имени мужа.

В этой семье было несколько детей. Умершие в младенчестве с разницей в девять месяцев князья Андрей и Федор по источникам не прослежены. Об их существовании нам стало известно только из содержания надгробной надписи. Мать пережила их более чем на 30 лет. Вероятно, плита сменила предыдущее надгробие ранее умерших детей.

Не исключено, что выбор для этих погребений кладбища Златоустовского монастыря был продиктован близостью к нему усадьбы царевича. В Переписи дворов, проведенной в год смерти князя Андрея Андреевича (1620 г.), рядом с улицей Покровкой «*в переулке за кирпичным рядом*» значится двор «*Сибирского царевича Ондрэя Кучюмова*» [Переписи московских дворов…, 1896. С. 23]. Указанная площадь усадьбы (21,5×17,75 саж; 46,44×38,34 м = 1780,5 кв. м) превышала площади большинства соседних участков. Для сравнения приведем размеры других дворов: Неудачи Плещеева – 1260,8 кв. м, Федора Мотова – 1073,0 кв. м, Гаврилы Львова – 1348,3 кв. м, подьячего Юрия Власьева – 335,9 кв. м [Переписи московских дворов…, 1896. С. 23].

Год смерти самого Андрея Кучумовича нам не известен, однако в Росписном списке г. Москвы 1638 года в разделе «*Вдовы*» значится «*княгиня Ирина Сибирсково царевича*» [Росписной список…, 1911. С. 59]. Сдвинуть хронологические рамки до восьми лет позволяют Писцовые книги 1627 – 1628 гг., в которых упоминается *село Кучки* (совр. с. Кучки, Троице-Сергиевский р-н, Московская обл.), числившееся «*за вдовою Ориною Сибирскаго царевича за Андреевою женою Кучумовою*» [*Добронравов, 1895*. С. 499]. Таким образом, скончался царевич между 1620 и 1628 гг. в возрастном диапазоне от 45 до 53 лет.

Известно, что практически все умершие в России некрещеные родственники Андрея Кучумовича были похоронены в городе Касимове [*Беляков, 2004*. С. 155]. Многим из них там принадлежали поместья. Не был исключением и царевич Андрей. В документах Печатного приказа отмечены его мещерские и переяславские владения [Документы Печатного приказа…, 1994. С. 419], вероятно, относившиеся к тем самым «*волостям*», которыми, как писал царевич отцу, его пожаловал государь.

Место захоронения самого Андрея Кучумовича, по имеющимся в распоряжении авторов статьи источникам, не установлено. Он умер в то время, когда, как мы выяснили, в Москве у стены храма в Златоустовском монастыре существовал участок с могилами двух его сыновей. Следует отметить, что эта обитель, наравне с московским Новоспасским монастырем, неоднократно становилась местом погребения крещеных Чингизидов и их потомков. Материальные подтверждения этому были найдены в той же коммуникационной траншее.

Кроме двух упомянутых детей, у царевича были еще один сын и дочь Евдокия (? – 1669 г.) [*Добронравов, 1895*. С. 500]. Известен золотошвейный покров с изображением митрополита Филиппа (1650 г.), изготовленный в мастерской Евдокии Андреевны Сибирской (по мужу – Стрешневой) [*Беляков, 2011*. С. 37].

Ее муж, боярин Василий Иванович Стрешнев (? – 1661 г.), был крупным чиновником и землевладельцем. Он неоднократно вел дипломатические переговоры и стоял во главе нескольких приказов [*Половцев, 1909*. С. 572–575]. Именно Василию Ивановичу передала во владение свои вотчины в 1651 г. схимница Ираида (княгиня Ирина Федоровна) [*Добронравов, 1895*. С. 499].

Один из найденных в 2011 г. саркофагов принадлежал дочери Василия и Евдокии Стрешневых (Рис. 1 – *2*). Это антропоморфный саркофаг небольшого размера. На его крышке сохранился фрагмент семистрочной резной надписи.

Высота строк – 6,5–6,7 см, междустрочий – 3–3,3 см. Строки размечены графьей. Лигатуры: стк. 3 – ст в слове «[пр]ествави»; стк. 4 – лнц в слове «млнцъ»; стк. 5 – ин в слове «боярина», ав в словосочетании «боярина ва[силия]»; стк. 6 – ив и ан в слове «иванович[а]»; стк. 7 – стр в слове «стрешнева». В стк. 4 в слове «млнцъ» титло заменено горизонтальной мачтой выносной буквы д.

Надпись:	*Перевод:*
[лет]а ҂зрнд го	лета 1646-го
мартa в҃ аї де[нь]	марта в 11 день
[пр]ествави [раба Божия]	преставилась раба Божия
млнцъ е[в]д[окия?]	младенец Евдокия(?)
боярина ва[силия]	дочь боярина Василия
до҃ иванович[а]	Ивановича
стрешнева	Стрешнева

От имени боярской дочери сохранились только две буквы е и д. Возможно, что девочку, как и ее мать, звали Евдокией. Имя же ее отца удалось восстановить совершенно точно, что и позволило нам определить принадлежность саркофага умершей в младенчестве внучке царевича Андрея Кучумовича.

Саркофаг на несколько лет «старше» надгробия княгини Ирины Федоровны с детьми. Его отношение к семейному участку Кучумовичей не доказано, но весьма вероятно. Самого боярина Стрешнева в день смерти дочери в Москве не было. Он возглавлял посольство в Польшу и 10 марта 1646 г. был на приеме у короля Владислава [*Половцев, 1909*. С. 575]. Вряд ли Василий Иванович мог участвовать в подготовке и проведении похорон умершей 11 марта дочери.

К более позднему времени (конец XVII – начало XVIII в.) относится еще одно закладное надгробие возможного потомка хана Кучума (Рис. 1 – *3*). Это квадратная (71×71 см) плита, по периметру украшенная горельефным растительным орнаментом в стиле барокко. Обронная надпись в семь строк сохранилась практически полностью.

Высота строк – 3,4–4 см, междустрочий – 2–2,2 см. Лигатуры: стк. 1 – ду в слове «го҃»; стк. 2 – ап и ам в словосочетании «на па́мятѫ», ты в слове «святы», лч и нк в слове «лїчнко[в]»; стк. 3 – ниа в слове «порфїриа», пр и ав в слове «пр[ест]ави»; стк. 4 – ан в слове «іоа́ннъ», як в слове «яко́левни(ча)»; стк. 5 – нк в слове «хи́кова», ниа в слове «жи́тиа»; стк. 6 – пр и ниа в слове «пре́ставле́ниа»; стк. 7 – мц в слове «мцъ». В надписи имеются следующие ошибочные написания: стк. 6 – в слове «пре́ставле́ниа» использована выносная д; стк. 7 – слово «а́ди».

Надпись:	*Перевод:*
[...] го҃ ноѧ́брѧ (клеймо) в [9 …]	… года ноября в 9
дни на па́мятѫ ст҃ы (клеймо) лїчнко[в Ониси]	день на память Святых мучеников Онисифора и Порфирия преставился раб Божий князь
ѳора і порфїриа пр[ест]ави ра҃ бжїи кнїз[ь]	
іоа́ннъ сн҃ъ кнїзь ю[рия] я́ко́левни	Иван сын князя Юрия Яковлевича Хилкова, а жизни его было
ча хи́кова а҃ жи́тиа е҃го было	
от рожде́ниа по пре́ставле́ниа	от рождения до смерти
ѳ҃ лѣ́тъ і а́ди мцъ і гї [д]не	9 лет, один месяц и 13 дней

Отец молодого князя, Юрий Яковлевич Хилков (1661–1729 гг.), происходил из древнего княжеского рода и в конце своей жизни занимал пост губернатора Новгородской губернии [Энциклопедический словарь, 1903. С. 199]. Вторым из трех своих браков он был женат на Домне Васильевне Касимовской [*Вельяминов-Зернов, 1866*. С. 419, 502] – правнучке еще одного сына хана Кучума – последнего сибирского царя Али. Ее отец, Василий Арсланович (1626–1679 гг.), был касимовским царевичем и первым православным правителем Касимовского царства [*Вельяминов-Зернов, 1866*. С. 61, 316]. Факт родства Домны Васильевны и князя Ивана Юрьевича нам установить не удалось, но полностью он не исключен.

Место обнаружения этих надгробий также представляет значительный интерес (Рис. 2). Как уже упоминалось, все части надгробных плит были найдены во дворе дома № 5 по Большому Златоустинскому переулку. Этот дом был построен в 1934 г. по проекту архитекторов Н. И. Арбузникова и Л. З. Чериковера

[*Романюк, 1988*. С. 98]. При этом центральная часть здания, вдоль которой проходила коммуникационная траншея, сооружена на месте четверика и алтарной части снесенного за год до того (в 1933 г.) собора Иоанна Златоуста. Сам храм был возведен в 1663 г. на месте одноименной церкви последней четверти XV в. [*Паламарчук, 1992*. С. 181].

В описании обители 1908 г. приведены сведения о четырех монастырских храмах. При этом только у собора Иоанна Златоуста среди различных достопримечательностей указаны *«на стенах надгробные надписи»* [*Денисов, 1908*. С. 413]. Надгробия, вмонтированные в плоскости соборных стен, с течением времени – после череды обновлений в храме, – вероятно, потеряли свою «самостоятельность». К началу XX в. они воспринимались только как надписи, хотя и погребального характера.

По нашему мнению, велика вероятность того, что обнаруженные в 2011 г. закладные надгробия располагались снаружи или внутри собора Иоанна Златоуста, в наиболее почетном для монастырских погребений месте. Также возможно, что именно для нового собора была изготовлена общая плита с именами двух сыновей и вдовы Андрея Кучумовича. Во время строительства собора (1660-е гг.) еще была жива Евдокия Стрешнева – дочь сибирского царевича и мать погребенной здесь же маленькой Евдокии.

В ходе изучения этой, сравнительно небольшой, коллекции памятников эпиграфики стало известно, как минимум, о четырех представителях рода Кучумовичей, захороненных на территории Златоустовского монастыря. Последнее позволяет с большой долей уверенности говорить о существовании на этом кладбище родового участка Сибирских князей.

В заключение отметим, что территория самой обители давно стала частью города. Здесь, как и везде, периодически ведутся земляные работы. Поэтому нельзя исключать возможности того, что когда-нибудь будут обнаружены следы погребения и самого сибирского царевича Абдул-Хаира.

Источники и литература

Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. – М.: Изд-во «МОДУС – ГРАФФИТИ», 1996. – 563 с.

Беляков А. В. Город Касимов XV–XVII вв. как сакральный центр Чингизидов в России // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История.– Тула: РИФ «Инфра», 2004. – Ч. 2. – С. 153–161.

Беляков А. В. Частная жизнь Чингизидов в России XVI–XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. – Казань: Изд-во «Ихлас», 2011. – Вып. 3. – С. 13–42.

Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб.: Типогр. ИАН, 1866. – Ч. 3. – 502 с.

Денисов Л. И. Православные монастыри Российской Империи. – М.: Изд. А. Д. Ступина, 1908. – 984 с.

Добронравов В. Г. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. – Владимир: Типо-литогр. В. Паркова, 1895. – Вып. 2. – 521 с.

Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). – М.: Наука, 1994. – 479 с.

Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А. Особенности повседневной жизни пленных Кучумовичей в Московском государстве осенью 1598 – зимой 1599 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. – Казань: Изд-во «Ихлас», 2011. – Вып. 3. – С. 75–93.

Паламарчук П. Г. Сорок сороков. – М.: АО «Книга и бизнес», 1992. – Т. 1. – 416 с.

Памятники архитектуры Москвы. Белый город. – М.: Изд-во «Искусство», 1989. – 380 с.

Переписи московских дворов XVII столетия. – М.: Городская типогр., 1896. – 120 с.

Половцев А. А. Русский биографический словарь. – СПб.: Типогр. товарищества «Общественная Польза», 1909. – Т. 19. – 608 с.

Рахимзянов Б. Р. Контакты Москвы с сибирскими Чингизидами во второй половине XVI в.: военное противостояние, почетный плен и легитимизация права на «высокую руку» // История, экономика и культура тюрко-татарских государств Западной Сибири: Мат-лы Междунар. конф. – Курган: Изд-во КурГУ, 2011. – С. 78–81.

Романюк С. К. Из истории московских переулков. – М.: Изд-во «Московский рабочий», 1988. – 304 с.

Росписной список города Москвы 1638 года. Под ред. И.С. Беляева // Тр. МО ИРВИО. – М.: Типогр. ИМУ, 1911. – Т. 1. – 313 с.

Русское средневековое надгробие XII–XVII века: материалы к своду / Отв. ред. и сост. Л. А. Беляев. – М.: Наука, 2006. – 359 с.

Собрание Государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел.– М.: Типогр. Селивановского, 1819. – Т. 2. – 612 с.

Соловьев С. М. Соч. История России с древнейших времен.– М.: Изд-во «Мысль», 1989. – Кн. IV. –752 с.

Энциклопедический словарь / Под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. – СПб.: Типогр. АО «Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон», 1903. – Т. XXXVII. – 478 с.

1

2

3

Рис. 1. Находки 2011 г. из Златоустовского монастыря:
1 – надгробие княгини Ирины Федоровны (схимницы Ираиды) с сыновьями, 1650-е гг.; *2* – крышка саркофага Евдокии Стрешневой, 1646 г.; *3* – надгробие князя Ивана Хилкова, конец XVII – начало XVIII в.
Фото К. А. Егорова; прорисовки С. М. Царёвой

1

2

3

Рис. 2. Московский Златоустовский монастырь:
1 – план владения монастыря [ЦАНТДМ. Мясницкая часть. № 202/224] (*А* – собор Иоанна Златоуста; *Б* – дом № 5 по Большому Златоустинскому переулку; *В* – место траншеи 2011 г.); *2* – литография середины XIX в. [Памятники архитектуры..., 1989. С. 231]; *3* – фотография 1882 г. [*Паламарчук, 1992*. С. 179].

Ю. А. Лихтер
г. Москва
ООО «Археологические изыскания в строительстве»

НОВЫЕ НАХОДКИ СТЕКЛА В МОСКВЕ (РАСКОПКИ 2013 ГОДА)

Летом 2013 г. в Москве, в Замоскворечье (ул. Садовническая улица, дом 57), исследовался участок исторической Нижней Садовнической слободы. Площадь раскопа составила 186 кв. м. Здесь были открыты отрезки пяти линий частоколов, два бревенчатых колодца, погреб и пять очажных ям. При разборке трех больших комплексов XVII – первой половины XVIII в. среди прочих материалов обнаружены «красные» рельефные изразцы, российские монеты XVII–XVIII вв., прусская монета XVIII в., каменное ядро, фрагмент чугунной гранаты, железные удила, серп и веретено.

Кроме того, значительную часть находок составили изделия из стекла. Они представлены фрагментами столовой и тарной посуды, а также осколками оконного стекла. Столовая посуда – это всевозможные сосуды для питья и сервировки стола. К тарной посуде относится большинство закрытых сосудов, изготовленных из простого «бутылочного» стекла: штофы, бутыли, флаконы. Цвет стекла обычно зеленоватый, разнообразных «бутылочных» оттенков. Основная часть материалов происходит из ям и сооружений, которые, по преимуществу, датируются XVIII в., но также есть комплексы XVII в. Отметим, что оконные стекла найдены главным образом в слоях XVIII в.

Столовая посуда. ***Посуда для питья.*** *Бокалы.* Конические узкие сосуды с толстым дном. Сохранились только их фрагменты – толстые донца, диаметром от 3,86 до 4,59 см. Толщина донца варьируется от 1,86 до 3,54 см. Стекло полупрозрачное, бутылочных оттенков. Осколки аналогичных бокалов, найденные в других местах, позволили реконструировать технику изготовления дна, а именно: его дополнительную заливку стеклом. Эти донца можно сопоставить с хорошо известными бокалами с коническим, слегка вогнутым туловом и толстым дном, обнаруженными в различных местах в культурных слоях Москвы. Эти предметы датируются концом XVII – первой половиной XVIII в. [*Беляев, 1994.* Табл. 102 – *1*]. В нашем случае рассматриваемые фрагменты происходят, преимущественно, из комплексов второй половины XVII в.

Стаканы. Отличаются от бокалов формой и размерами. Это высокие сосуды большого диаметра, с туловом цилиндрической или слабо конической формы и не очень толстыми донцами. Диаметры их венчиков колеблются от 5 до 8 см, а донышек – от 5,74 до 5,75 см. При раскопках найдены фрагменты как нижней части – с дном, так и верхней – с краем. На единичных осколках прослеживается декор. Стаканы аналогичной формы встречаются в Варшаве в слоях XVIII в. [*Ciepiela, 1977.* S. 53. Rys. 36]. Рассмотренные нами фрагменты также происходят из комплексов XVIII в.

Верхняя часть открытого сосуда конической формы с диаметром по краю 8 см. На наружной поверхности прослеживается выпуклый декор в виде неправильных геометрических фигур. Основа выдута в форму. Для декорирования использована техника *кракелажа*, при которой неостывший сосуд опускают в воду, отчего стекло растрескивается. После этого на основу еще раз набирают жидкое стекло и дополнительно выдувают. Известный нам сосуд с подобным декором, происходящий из Нидерландов, определен серединой XVII в. [*Ruempel, van Dongen, 1991.* Fig. 192 – *5*]. Вместе с тем, он найден в яме, по другим материалам датированной XVIII в.

Небольшой фрагмент верхней части стакана конической формы. Диаметр его по краю – 7 см. На наружной поверхности прослеживается плоский декор. От края идет полукруг из двух кривых линий, между которыми изображен зигзаг, повторяющий контур полукруга. Между внутренней границей полукруга и краем сосуда – три контурных овала, расположенных горизонтально, в шахматном порядке. Основа бесцветная. Декор – белый, нанесен шлифованием. Открытые сосуды со шлифованным узором датируются XVIII – началом XIX в. Они известны в Западной Европе [*Ruempel, van Dongen, 1991.* Fig. 240 – *5*], России [*Ашарина, 1998.* Рис. 6 – *43b*] и на Украине [*Рожанківський, 1959.* Рис. 15 – *д*]. Наш фрагмент происходит из слоя XVIII в.

Единичными экземплярами представлены открытые сосуды для питья других форм.

Чарка – округлый невысокий сосуд на широком сплошном поддоне конической формы. Основа выдута в форму, поддон навит. Высота сосуда – приблизительно 3,87 см, диаметр по краю – 6,0 см, диаметр дна – 3,34 см. Высота поддона – 0,89 см, диаметр поддона вверху – 3,34 см, внизу – 4,05 см. Аналогичные изделия известны в России, в частности, встречались при раскопках в Москве, а также в Западной Европе, где они датируются второй половиной XVII – первой половиной XVIII в. [*Ruempel, van Dongen, 1991.* Fig. 194 – *5*]. Наш фрагмент происходит из ямы XVIII в.

Рюмка. От нее сохранилась подножка полусферической формы, полая внутри. По строению она продолжает тулово. Диаметр внизу – 6,0 см, высота 1,1 см. Рюмка была выдута в форму, а затем для дополнительной формовки были использованы различные шаблоны. В качестве аналогии можно привести рюмку XVI в., изготовленную из черкасского (украинского) стекла [*Рожанківський, 1959.* Рис. 8 – *г*]. Наш обломок происходит из сооружения, датируемого первой четвертью XVIII в.

Кружки и кувшины. С этими формами предположительно может быть связана целая серия обломков, в первую очередь, ручек, донышек и горловин сосудов.

Две ручки – округлые, вертикальные, с защипом вверху. Первоначальную их высоту установить невозможно. Ширина изделий в верхней части – 1,62–1,70 см. Обе ручки вытянуты из одинарного жгута, затем прилеплены к основе. Найдены в слое XVIII в. Подобные изделия были обнаружены при раскопках в Киеве [*Шовкопляс, 1974.* Рис. 2 – *9*]. Они характерны для кружек XVII–XVIII вв. из черкасского стекла [*Рожанківський, 1959.* Рис. 7 – *г*]. Наши находки происходят из комплексов XVIII в.

Обломок стенки с выпуклым декором. Последний представляет собой два ряда повторяющихся горизонтальных кривых линий, соединяющихся верхними концами. При изготовлении сосуда на него были нанесены горизонтально полосы, которые затем в определенных местах были подтянуты вверх. Аналогичный тип узора обнаружен на кружке черкасского стекла, датирующейся XVIII в. [*Рожанківський, 1959.* Рис. 15 – *в*]. Наш фрагмент происходит из комплекса второй половины XVII в.

Нижняя часть «слабоконического» сосуда (вероятно, *стопы*) на волнистом поддоне. Диаметр его дна – 5,97 см, диаметр поддона – 6,76 см, высота – 0,76 см, ширина зигзагообразного кольца поддона – 1,19 см. Сосуд был выдут в форму. Затем на нижнюю часть поддона была наложена широкая полоса, которую дополнительно отформовали вручную, по-видимому, ножом. Как аналогию, можно указать стопу черкасского (украинского) стекла [*Рожанківський, 1959.* Рис. 7 – *в*], датирующуюся XVI–XVII вв. Наш артефакт найден в яме, не имеющей точной датировки.

По общей форме к данному сосуду близка еще одна *кружка*. К ее основе и поддону была добавлена вертикальная ручка, составленная из трех жгутов. Тулово сосуда «слабоконическое», дно вогнутое. Общая высота – 11,7 см; диаметр края – 7,9 см; диаметр дна – 6,89 см; диаметр поддона – 7,99 см. Как у предыдущего сосуда, на нижнюю часть поддона кружки была наложена широкая полоса, которую дополнительно отформовали вручную, по-видимому, ножом. При изготовлении ручки три соединенные вместе вытянутых жгута еще раз окунули в жидкое стекло и придали им необходимую форму. После этого сформированную ручку прилепили к тулову. Подобные кружки хорошо известны на Украине (черкасское стекло), где они датируются XVI–XVII вв. [*Рожанківський, 1959.* Рис. 7 – *г*]. Тем не менее, наш сосуд был найден в яме, датированной XVIII в.

Как кружкам, так и кувшинам, могут принадлежать фрагменты ручек, сформованных из трех жгутов: аналогично ручке охарактеризованной выше кружки. Почти все они – бутылочных оттенков, за исключением одной (№ 58), выполненной из непрозрачного двухслойного стекла. Внутренняя часть у нее – белая с легким желтоватым оттенком, а наружная – бирюзовая. Украинские кружки с подобными ручками датируются XVI–XVII вв., а кувшины, найденные в ходе раскопок на Украине и в Чехии, определены XVII–XVIII вв. [*Шовкопляс, 1974*. Рис. 2 – *17*; *Huml, 1995.* S. 40 – *№ 6*]. Наши фрагменты залегали в слоях конца XVII – начала XVIII в.

С еще большой долей условности, преимущественно по декору, к *кувшинам* могут быть отнесены другие осколки.

Верхняя (?) часть тулова кувшина, скорее всего эллипсоидного, с выпуклым декором. На стенку наложена широкая полоса с горизонтальными полосками. Под ней наложен небольшой выпуклый овал. Толщина стенки – 0,21 см. Основа выдута, полоса вытянута, затем на нее ножом нанесли рифление. Осколок происходит из ямы XVIII в.

Горло (?) кувшина, с наложенными двумя узкими рифлеными полосами. Толщина стенки – 0,16. Основа выдута, полоса вытянута, затем на нее ножом нанесли рифление. Происходит из ямы второй половины XVII в. В качестве условной аналогии этим фрагментам можно предложить кувшин черкасского (украинского производства), датированный XVIII в. [*Ашарина, 1998.* Рис. 3 – *4*)]

Обломок, по-видимому, верхней части тулова. Стекло сильно расстекловано, поэтому выглядит непрозрачным. На наружной поверхности сосуда нанесена плоская роспись, представляющая собой бордюр из горизонтальных завитков, расположенных между горизонтальными полосами. Верхняя полоса – красно-коричневого цвета, нижняя и завитки – желтого. Аналогией этому орнаменту может служить декор кувшина первой половины XVIII в. с похожей росписью в верхней части тулова [*Там же.* Рис. 3 – *13*]. Обломок происходит из ямы второй половины XVII в.

Обломок, возможно, горла кувшина. Цвет стекла – сине-фиолетовый, средний светлый. В нижней части обломка – две горизонтальные линии. Вверху, по-видимому, изображен цветок, от которого сохранились

только его элементы разных цветов: круг (желтый средний) и лист (оливковый сильный светлый). Аналогиями нашей находке могут служить кувшин, датируемый второй половиной XVIII в. [*Там же, 1998.* Рис. 13 – *14*] и стаканчик первой половины XVII в. [*Ruempel, van Dongen, 1991.* Fig. 193 – *2*]. Обломок происходит из слоя XVIII в.

Сосуды редких открытых и закрытых конструкций. Стенка из пурпурного прозрачного стекла. На наружной поверхности прослеживается выпуклый декор – прямая горизонтальная линия, к которой на небольшом расстоянии друг от друга примыкают вертикальные линии. Как возможная аналогия данному изделию, может быть указана *ваза* XVII в. [Glas aus…, 1977. № 11]. Обломок происходит из слоя XVIII в. (рис. 1 – *1, 2*).

Дно сосуда на поддоне. Один из них украшен вертикальными полосами венецианской филиграни. Поскольку верхняя часть не сохранилась, реконструировать ее можно лишь условно. Наиболее логично было бы предполагать форму открытой полусферической чаши. Между тем, нам не удалось найти подобных чаш с венецианской филигранью, так как открытые сосуды с такого рода декором, судя по литературным данным, цилиндрические или слабоконические. В нашем случае можно предположить *закрытую форму с расширенным внизу туловом*, происходящую из Венеции, датированную серединой XVIII в. [*Hettesh, 1960.* № 59]. Фрагмент найден в яме, относящейся ко второй половиной XVII в. (рис. 1 – *3, 4*).

Легче подыскать аналоги граненым осколкам, украшенным полосами с венецианской филигранью. Все они относятся к *штофам*, которые, как показывают исследования последних лет, встречаются в слоях XVII в. многих русских городов. Их происхождение, без всякого сомнения, западноевропейское [*Векслер, Лихтер, 2001.* С. 365–375]. Все они происходят из комплексов XVII в.

Фрагмент донца сосуда, имеющего в поперечном разрезе эллипс. Обычно таким формам соответствуют фляги. Они известны в Западной Европе, где они датируются XVI–XVIII вв.: г. Дельфт, Нидерланды, XVI в. [*Ruempel, van Dongen.* Fig. 138 – *1*], Швеция, 1705 г. [*Vavra, 1954.* № 230]. Обломок найден в яме XVIII в. (рис. 1 – *5, 6, 7*).

Нижняя часть сосуда, по-видимому, *штофа*, с дополнительными углублениями на гранях, отчего тулово является ребристым. В качестве аналога можно привести сосуд черкасского стекла, датированный XVI–XVIII вв. [*Рожанківський, 1959.* Рис. 7 – *б*]. Наш фрагмент найден в яме XVIII в. (рис.1 – *8, 9*).

Верхняя часть сосуда с узким горлом и ручкой – *бутыль с ручкой*. Аналог: сосуд из Германии или Нидерландов, датированный первой половиной XVII в. [*Ruempel, van Dongen, 1991.* Fig. 189 – *4*]. Артефакт происходит из ямы XVIII в. (рис. 1 – *10, 11*).

Тарная посуда более многочисленна, чем столовая. Включает штофы, бутыли и флаконы (аптечные или парфюмерные).

Штофы. Граненые сосуды с узким горлом различных «бутылочных» цветов, изготовленные из грубого стекла, широко представлены в культурных слоях конца XVII – начала XIX в. Использовались для разлива водки и расфасовки некоторых аптечных снадобий. В последнем случае – это небольшие штофы, высотой до 15 см. Аналоги нашим штофам можно найти во многих публикациях [*Рожанківський, 1959.* Рис. 36 – *XVIII в.*; *Ciepiela, 1977.* Rys. 84 – *XVIII в.*; Miller's Guide, 2004. P. 50. Fig. – *1750 г.*].

Простые бутыли. Темные бутыли для транспортировки хорошего виноградного вина начали производиться в Англии в конце XVII в. (рис. 2). Развитие их форм шло от бутылей с коротким горлом и луковичным туловом к высоким емкостям с длинным горлом и цилиндрическим туловом [*McNulty, 1995.* Fig. 1. – *конец XVII – начало XVIII в.*]. Происходят из комплексов XVIII в.

Флаконы – невысокие сосуды из тонкого стекла, с туловом полусферической формы и сильно вогнутым внутрь коническим дном. На край горла навита толстая стеклянная нить, закрывающая обрез края и иногда сужающая просвет горла. В Польше такие предметы датируются XVI–XVIII вв. [*Polskie szklo..., 1974.* Rys. 14]. Встречаются в комплексах XVIII в. и второй половины XVII в.

Оконные стекла. Все осколки прозрачные, светлых «бутылочных» оттенков. В тех случаях, когда можно определить форму оконниц, они – прямоугольные. Толщина стекол варьируется от 0,15 до 0,30 см. Все обломки происходят из комплексов XVIII в.

Подводя итог, можно заключить, что все найденные изделия из стекла в XVII–XVIII вв. являются импортом. Рассматриваемый комплекс характеризуется большим разнообразием форм сосудов, а также мест их производства. Несовпадение в некоторых случаях датировок по комплексам и аналогиям, может объясняться тем, что большинство «эталонных» вещей происходит из музейных собраний. Вероятно, в повседневной жизни горожан подобные сосуды бытовали значительно дольше, чем в поместьях и замков западноевропейских аристократов. Фрагменты, отложившиеся в культурном слое Замоскворечья, могут свидетельствовать о завершении бытования рассмотренных стеклянных изделий.

Литература

Ашарина Н. А. Русское стекло XVII – начала XX вв. – М.: Изд. ГИМ, 1998. – 255 с.

Беляев Л. А. Древние монастыри Москвы по данным археологии. – М.: Изд-во ИА РАН, 1994. – 310 с., 144 табл.

Векслер А. Г., Лихтер Ю. А. Об одном типе стеклянных находок из культурного слоя Москвы XVII в.: Тр. Конф. «Древние ремесленники Приуралья». – Ижевск: Изд-во УдмИИЯЛ УрО РАН, 2001. – С. 365–375.

Рожанківський В. Ф.. Українське художне скло. – Київ: Изд-во АН УССР, 1959. – 152 с.

Шовкопляс А. М. Некоторые гутные стеклянные изделия из Киева // Культура средневековой Руси. – Л.: Наука, ЛО, 1974. – С. 81–85.

Ciepiela S. Szklo osiemnastowiecne starej Warszawy. Warszawa: Zaklad Narodowy im. Ossolinskich., 1977. – 141 s.

Glas aus zwei Jahrtausenden. Bestaende der Galerie von 700 v. d. Zt bis 1975. – Staatliche Galerie Moritzburg Halle: Staatliche Galerie Moritzburg, 1977. – 98 s.

Hettesh K. Venetianishes Glas. – Praha: "Artia", 1960. – 47 s., 22 Zeich.

Huml V. Rudolfinska lekarna Matiase Borbonia na Konskem trhu. – Praha: Museum Hlavniho mesta Prahi 1995. – S. 37–42.

McNulty R. H. European Green Glass Bottles of the Seventeenth and Eighteenth Centuries: A Neglected Area of Study // Annales du 5 Congres International d'Etude Historique du Verre. Prage, 6–11 julet 1970. – Liege, 1972. – P. 145–152.

Miller's Glass Buyer's Guide. – London Octopus Publishing group Ltd, 2004. – 320 p.

Polskie szklo. – Vroclaw; Warszawa: Zaklad Narodowy im. Ossolinskich, 1974. – 177 s.

Ruempel A.P.E., van Dongen A.G.A. Museum Boymans – van Beuningen Rotterdam: Pre-industrial Utensils 1150–1800. – Amsterdam: "de Bataafsche Leew", 1991.

Vavra J. Das Glas und die Jahrtausende. – Prag: "Artia", 1954. – 406 s.

Рис. 1. Редкие формы стеклянных сосудов.
1 – Glas aus, 1977. № 11; *2* – Glas aus, 1977. № 6; *3* – *Hettesh, 1960.* № 59; *4* – *Hettesh, 1960.* № 51; *5* – *Ruempel, van Dongen, 1991.* Рис. 138 – *1*; 6 – *Vavra, 1954.* № 230; *7* – *Vavra, 1954.* № 34; *8* – *Рожанківський, 1959.* Рис. 7 – *б*; *9* – *Рожанківський, 1959.* № 35; *10* – *Ruempel, van Dongen, 1991.* № 189 – *4*; *11* – *Ruempel, van Dongen, 1991.* № 15

Рис. 2. Эволюция форм стеклянных бутылей.
1–15 – *McNulty, 1995.* Fig. 1.
Примечание: нумерация автора статьи

С. А. Мишин
г. Челябинск
ЮУрГУ (НИУ),
А. Ю. Никитин
г. Челябинск
ЮУрФ ИИА УрО РАН

ЧЕЛЯБИНСКИЕ БАНИ XVIII–XIX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Баня, являясь одним из компонентов двора, занимает особое положение среди элементов усадьбы. Дело в то, что она представляет собой не хозяйственное, а санитарно-гигиеническое сооружение. Исходя из функциональных особенностей, баня обладает следующими характерными элементами: печь (теплотехническое сооружение), полок, слив и ряд других.

За время проведения охранных археологических исследований культурного слоя г. Челябинска было выявлено восемь сооружений, которые были интерпретированы авторами раскопок как бани. В соответствии с морфологическими особенностями, данные сооружения подразделены нами на четыре варианта.

Первый вариант представлен тремя сооружениями, одно из которых исследовано частично.

Первое сооружение (рис. 1 – *1*) было обнаружено в 2005 г. на участке строительства административно-торгового здания на углу улиц Красная и Труда. Объект представлял собой прямоугольную яму размером 2,7×4,2 м, глубиной до 1,0 м. ориентированную по линии север – юг. В ее южной и западной части были зафиксированы стенки сруба из жердей диаметром 0,10–0,12 м. Жерди необработанные, покрытые корой и берестой. От южной стены бани сохранилось пять венцов. Щели между верхними венцами были протыканы мхом. Два верхних венца, длиной 2,5 м, уложены на нижний слой погребенной почвы, остальные – длиной 1,0 м – опущены в яму шириной 1,1 м, выбранную в материковом грунте. Сруб не доходил до дна на 0,2 м. Западная стена длиной 3,0 м была укреплена кольями, вбитыми вдоль нее. От нее сохранились три венца, причем нижний был короче других. Высота сохранившихся кольев совпадает с высотой южной стены. В придонной части ямы на поперечных лагах лежали две половые доски, ориентированные в меридиональном направлении. Таким образом, пол был приподнят над дном углубления (зафиксированным под ними) на высоту около 0,3 м. В северо-восточной части объекта зафиксирована каменная конструкция в виде прямоугольного (1,10×0,75 м) ящика без западной стенки, установленного по оси запад – восток). Его дно, шириной 0,4 м, образовано несколькими растрескавшимися плитами, а стенки – установленными на ребро камнями, вкопанными в материковый грунт. Сохранившаяся часть западной стенки ниже остальных на 0,3 м. На камнях были видны следы прокала и нагара.

Второе сооружение (рис. 1 – *2*) обнаружено в 2007 г на участке строительства здания на углу улиц Кирова и К. Маркса. Его остатки представляли собой подквадратную (3,2×3,3×1,1 м) яму, ориентированную по сторонам света, с длинным (1,5×1,1 м) входом с восточной стороны. По углам конструкции, за исключением юго-восточного угла, зафиксированы ямки от столбов диаметром около 30 см. В центральной части, у западной и южной стенок котлована, находились «промежуточные» ямки от столбов диаметром 14–20 см, причем у западной стенки столбы были сдвоенные. Еще две столбовые ямки были обнаружены в центральной части сооружения – по линии южной стенки входа. Дно котлована было выстелено досками, уложенными продольно на поперечных лагах. Под деревянным полом зафиксирована сливная яма (отстойник) размерами около 2,0×0,8 м, глубиной 0,6 м. Как и в первом случае, теплотехнический объект в данной постройке сложен из различных по размеру плит, блоков и кусков мелкозернистого гранита.

Третье сооружение (рис. 1 – *3*), раскопанное частично в 2005 г., находилось на участке строительства административно-торгового здания на углу улиц Красная и Труда. Первоначально в этом месте были расчищены две лаги, уложенные в широтном направлении на слой коричневой гумусированой супеси с примесью органики, перекрывавшей погребенную почву. Южная лага представляла собой колотую плаху или полубревно (бревно, расколотое вдоль), вторая – обычное бревно. На лагах, перпендикулярно им, лежали фрагменты двух бревен, уходящих в стенку котлована. Подбоем был расчищен западный край объекта. От него сохранились нижние два венца – из бревен диаметром 0,20–0,25 м, срубленных в обло (в чашу). Котлован объекта прорезал погребенную почву и заканчивался на уровне материка. Длина расчищенной стенки – 2,4 м, ширина расчищенной части объекта – 0,5–0,7 м. В юго-западном углу сруба находилась печь, представлявшая собой три гранитных плиты, поставленные на ребро, закрепленные снаружи колышками. В заполнении объекта зафиксировано большое количество обломков сгнивших досок и жердей.

Возможно, дерево, обнаруженное в заполнении объекта, – это остатки рухнувшей кровли. Кроме того, можно предположить, что зафиксированные ранее бревна и плаха являются остатками раскатанных стен постройки, не использованных по какой-то причине.

Таким образом, бани первого варианта представляли собой углубленные в землю постройки подквадратной формы с входом. Конструкция стен – каркасно-столбовая или срубная. В углу помещения, слева от входа находилась печь-каменка, за ней – полок, оформленный на материковом выступе. Пол состоял из досок, уложенных на поперечные лаги. Под полом устраивалась сливная яма. Данные объекты датируются серединой – концом XVIII в. Конструкция печи оформлена следующим образом: на дно подовой части был уложен гранитный плитняк, который был зафиксирован со стороны будущего топочного отверстия рядом небольших вертикально установленных гранитных плит. Дальнейшее формирование топочной части печи осуществлялось при помощи гранитных плит и блоков по всему периметру пода – в два ряда с укладкой на торцевой части камня. Заключительным этапом строительства печи стало возведение купольно-сводчатой конструкции над топочной камерой. Свод сложен из гранитного плитняка различной толщины [*Мишин, Никитин, 2009*. С. 126–131].

Второй вариант бань представлен ***одним сооружением*** (рис. 1 – *4*), обнаруженным в ходе проведения охранных работ на участке строительства на пересечении ул. Труда и ул. Пушкина. Общая длина объекта – 6,7 м, ширина – 3,6 м. Объект состоял из двух частей: основной – квадратного помещения с входом-выступом и пристроенной к нему округлой глубокой ямы. Основное помещение – размерами 3,6×3,6–3,7 м, глубиной 0,8–0,9 м. В центре восточной стенки расположен выступ-вход, размерами 1,0×0,9 м. Западная и северная стенки котлована практически отвесные. Вдоль южной отмечен небольшой уступ, шириной 0,3–0,5 м, высотой около 0,45 м.

В восточной части на дне помещения расчищен деревянный настил, размером 1,5×2,2 м. Ширина досок – 20–30 см, толщина 6–8 см. Шесть досок уложены вплотную друг к другу и ориентированы в меридиональном направлении. Деревянный настил размещен в небольшом углублении в полу (глубиной 10–12 см). В северо-западном углу расчищены остатки печи, состоящие из плоских каменных плит, покрытых золой с участками прокала. Плиты были уложены в основание размерами 0,6×0,7 м. Мелкие обломки каменных плит обнаружены у северной стенки котлована на деревянном настиле. В юго-западной части помещения обнаружены остатки полка: лежанки со ступенькой из досок на столбах. Под ступенькой зафиксировано углубление (до 15 см), служившее, вероятно, для стока воды.

Входная часть бани оформлена узким (шириной 1 м) выходом с материковым подъемом в 0,2 м. По сторонам выступа-выхода зафиксированы две крупные столбовые ямы. Опоры у входа поддерживали перекрытие бани и двери. Перед входом в основное помещение располагалась глубокая округлая яма диаметром 1,8 м, глубиной 1,15 м (от поверхности), которая использовалась в качестве сливной.

В целом баня представляла собой землянку, часть перекрытия которой опиралось на края котлована. У входа были установлены столбы, поддерживавшие двери и восточную стену объекта. Перед входом в самом помещении была выкопана глубокая сливная яма, перекрытая досками. По всей видимости, данное помещение использовалась как *помывочное*. Таким образом, все сооружение представляло собой более сложную конструкцию, по сравнению с первым вариантом бань. Появляется разделение на *парное* и *моечное* помещения. Отличается внутренняя планировка: полок и печь расположены напротив входа, хотя конструкция печи идентична. Данный объект датирован концом XVIII – началом XIX в.

Сооружение *бань-землянок*, по всей видимости, было обусловлено быстротой и дешевизной исполнения. Косвенным подтверждением этого является использование при их сооружении некачественной древесины. Последний факт отмечается исследователями и в других городах *[Рабинович, 1964* С. 206–208*, Хорошев, 1998.* С. 304].

Третий вариант представлен ***полуземным сооружением***. Объект выявлен при проведении охранных археологических работ на участке строительства на пересечении ул. К. Маркса и ул. Коммуны в 1997 г. (рис. 2 – *1*). От него сохранился котлован подквадратной формы, глубиной 0,15–0,2 м, на дне которого, вдоль стенок, были расчищены остатки нижнего венца сруба размерами 2,6×2,2 м. В северо-восточном углу сооружения обнаружен кирпичный *под* печи, вокруг которого зафиксировано большое количество мелких и средних размеров камней. Рядом с печью, главным образом – в юго-западном углу сруба, было обнаружено много обломков железа, тонких железных полос, а также железный инструмент – рашпиль, напильники, пробойник. На кирпичах пода печи и рядом с ним найдены куски металлизированного шлака сине-сизого цвета. Кроме того, здесь же найдены дощечки от стенок деревянной шайки и остатки трех веников. Интересна конструкция бревенчатого сооружения. Два диагональных угла – северо-западный и юго-восточный – имели вид заплота, то есть стены крепились в «забирку», а два других были срублены в обло.

Возможно, перед нами сооружение двойного назначения, которое являлось *баней и слесарно-кузнечной мастерской*.

Четвертый вариант представлен тремя сооружениями. ***Первый такой объект*** выявлен в 2005 г. на участке строительства административно-торгового здания на углу улиц Красная и Труда (рис. 2 – *2*). Сооружение представлено каменной кладкой прямоугольного плана размерами около 8,0×3,0 м. Последняя была сложена из одного слоя камней среднего и крупного размера. Конструкция покоилась на погребенной почве, без подсыпки; камни сложены всухую. В центральной части фундамента прослежена каменная перегородка, делившая помещение бани на две неравные части: западную (около 4,5×3,0 м) и восточную (около 3,0×3,0 м). В северной стенке восточной части обнаружены остатки настила. В юго-западном углу той же части находилась яма трапециевидной в плане формы (1,0×1,2 м), ориентированная в широтном направлении. Заполнение ямы: темно-серая сильно гумусированая супесь с включениями кирпичного боя. В западной части ямы отмечено скопление древесного угля (возможно, остатки печи). С юго-восточной стороны объекта находилась сливная яма диаметром 1,4 м, глубиной 0,6 м.

Второе сооружение находилось рядом с первым, на том же участке. Объект представлял собой каменную выкладку прямоугольной формы размером 7,4×3,5 м, ориентированную по оси запад – восток (рис. 2 – *3*). В центре конструкции фиксировались остатки каменной перегородки, делящей объект на две части, из которых западная чуть больше восточной. Конструкция сложена из необработанных камней средних и крупных размеров (гранит), уложенных в один – два слоя. Кладка выполнена всухую. Пустоты между крупными камнями заполнены каменным ломом, а также гумусированой супесью. Ширина кладки – 0,50–0,65 м. В северо-западной части помещения была расчищена небольшая (0,9×0,7 м) площадка, состоявшая из прокаленной глины оранжево-коричневого цвета и битого кирпича (основание печи). Кирпич хорошего обжига, закопчен с одной стороны. При этом попадался как стандартный кирпич, так и нестандартный – со скругленными углами. С востока глиняная площадка была ограничена стоявшей на ребре доской. С южной стороны к ней примыкал столб диаметром 0,15 м. К северо-западному углу сооружения примыкала сливная яма трапециевидной формы (2,1×2,6 м), ориентированная по оси север – юг. Глубина ямы – около 2 м. В дно ямы вкопана деревянная бочка, диаметром 0,5 м.

Третье сооружение было выявлено в 2003 г. на участке строительства ЧОКМ. Объект в плане прямоугольной формы, размерами 6,4×4,4 м, ориентирован по линии север – юг (рис. 2 – *4*); фиксировался в виде выкладки камней, уложенных в один слой без связующего раствора. Размеры основных камней – 18–65 см. В центральной части помещения находилась стенка-перемычка, сооруженная из камней. Таким образом, баня состояла из двух помещений. Половину второго занимала часть ямы с кирпичным боем, по-видимому, оставшаяся от разрушенной печи. Камни конструкции, скорее всего, являлись основанием деревянных (бревенчатых?) стен, и служили для выравнивания поверхности.

Все три данных объекта относились к сооружениям наземного типа. В качестве фундамента использовать каменная выкладка, которая служила для выравнивания поверхности почвы под возведение сруба. Сама конструкция была двухчастной. В первом помещении располагалась *печь-каменка*, которая сооружалась по другой технологии и из иных материалов. Такие печи возводились на своеобразной глиняной подушке, которая, в свою очередь, укреплялась деревянной опалубкой. Основная часть печи выкладывалась из кирпича. Такие кирпичные каменки использовались вплоть до наших дней [*Хошев*, *2006*. С. 26–34]. Второе помещение, по всей видимости, было *моечным отделением* либо предбанником. Слив зачастую был организован в виде сливной глубокой ямы, расположенной за пределами помещения, либо в виде ямы, находившейся под полом бани. Данные объекты датируется концом XIX – началом XX в.

Итог. Представленные выше сооружения, конечно, не воспроизводят в полной мере эволюцию челябинских бань, а лишь отображают возможные варианты конструкций.

В этнографической литературе охарактеризованы конструктивные особенности бань-мылен Традиционными в русском городском и сельском домостроении вплоть до XIX в. являлись деревенские (так называемые «черные») бани. Постройки данного типа представляли собой небольшой и невысокий сруб с крохотным оконцем, низенькой дверью, высоким порогом и островерхой крышей. Пазы между бревнами законопачивались мхом и замазывались снаружи глиной, перемешанной с рубленой соломой. Потолок сооружался из жердей или горбылей плоскостью книзу. Основное пространство в помещении занимала печь-каменка, сложенная из крупных валунов. На такую печь наваливали груду мелких булыжников – для нагрева воды в колоде и дополнительного обогрева помещения.

Бани-мыльни издавна совершенствовались. Первоначально перед ними сооружались площадки-вымостки. Позднее стал возводиться примитивный предбанник без крыши и двери, над которым иногда устраивался навес. Дальнейшее усовершенствование: закрытая со всех сторон пристройка с крышей и дверью. Наконец, появление «чистых» бань – двухкамерных срубов-пятистенков [*Блонквист, 1956*. С. 337–344].

Источники и литература

Блонквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // ВЭС. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 3 – 454.

Мишин С. А., Никитин А. Ю. Теплотехнические сооружения. К вопросу интерпретации одного типа хозяйственно-бытовой постройки XVIII–XIX вв. (по материалам археологического исследования г. Челябинска) // ЧГ. – Челябинск: Изд-ва ООО «Энциклопедия», «Два комсомольца», 2009. – Вып. 3. – С. 126–131.

Рабинович М. Г. О древней Москве: Очерки материальной культуры и быта горожан XI–XVI вв. – М.: Наука, 1964. –352 с.

Хорошев А. С. Бани в усадебной застройке Новгорода (по материалам Троицкого раскопа) // Историческая археология. Традиции и перспективы (к 80-летию со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина). – М.: Изд-во «Памятники исторической мысли», 1998. – С. 301–306.

Хошев Ю. М. Теория бань: Учебник. – М.: Изд-во «Книга и бизнес», 2006. – 232 с.

Рис. 1. Город Челябинск. Комплексы бань середины XVIII – начала XIX в.

Рис. 2. Город Челябинск. Комплексы бань второй половины XIX – начала XX в.

М. Ю. Баранов
г. Нефтеюганск
НПО «Северная археология – 1

КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС ПРИОБСКИХ ОСТЯКОВ XVII–XIX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСЕЛЕНИЯ «УРОЧИЩЕ БАЛА 1»)

В ходе полевых работ 2005–2012 гг. в среднем течении р. Оби, в Ханты-Мансийском р-не ХМАО – Югры, на Приобском месторождении нефти, в районе с. Селиярово, обследованы бывшие населенные пункты аборигенного населения, существовавшие в XVI–XIX вв. Данные поселения расположены в обской пойме, подтопляемой в паводок. Согласно существующим методикам выявления археологических объектов, такая территория относится к неперспективной зоне. Между тем, подобное расположение поселений было обусловлено сложившимся в XVI–XIX вв. хозяйственным комплексом, связанным с оседлым образом жизни, подводной повинностью, товарным рыболовством, промыслом дичи и мелкого зверя, собирательством. А. В. Головнев определяет данный комплекс как приречно-таежный промысловый, присущий хантам припойменных районов рек Оби и Иртыша [*1995.* С. 47].

В конце XVI в. в Селияровскую остяцкую волость Сургутского уезда входили юрты Чигамкины, Тукаскины, Сакалевы, Балины с общим количеством юрт 13 [*Туров, 2004.* С. 13]. Говор остяков Селияровской волости «несколько отличался» от языка соседей [Сибирь XVIII века…, 1996. С. 217–218]. Ясашные остяки Селияровской волости несли подводную повинность по дороге Самарово – Нарым [*Вершинин, 2004.* С. 62–63], а Балинские юрты являлись транзитным пунктом на зимнике Тобольск – Сургут – Березов.

С заселением Средней Оби в конце XVII в. выходцами с Русского Севера начались аккультурация, инкорпорация и крещение коренного населения [*Туров, 2004.* С. 24]. Происходили широкие заимствования в области материальной культуры. В середине XIX в. М. А. Кастрен писал, что хантыйские юрты на Средней Оби состоят из примитивных срубных построек с чувалами и глинобитными печами, с полами, покрытыми камышовыми рогожами. Кроме того, ученый упоминал небольшие чуланы для рыбы и уличные печи [*Кастрен, 1999.* С. 55–56]. В начале XX в. А. А. Дунин-Горкавич назвал это население *«лошадными»* или *«конными» остяками.* «… Они, сравнительно с другими, культурны, живут в бревенчатых избах, которые строят сами, держат лошадей повсеместно, а в некоторых юртах даже коров и овец; их женщины пекут хлеб, ткут холст, вышивают бисером и шерстью» [*Дунин-Горкавич, 1995.* С. 88]. «Избы здесь светлые, русского типа – с сенями, о двух и даже трех комнатах, имеют глинобитную русскую печь, да другую небольшую печь, в которую вмазан котел, и, кроме того, чувал» [*Там же.* С. 130]. Основными хозяйственными занятиями аборигенов были рыбная ловля и охота. Они также держали лошадей, практиковали «избенное оленеводство», а в XIX в. у них становится больше коров. Пушной промысел по значимости уступал рыболовству и служил в основном для уплаты ясака [*Кастрен, 1999.* С. 65; *Туров, 2004.* С. 33].

Сформировавшееся к XIX в. население Средней Оби есть результат этнической конвергенции, в которой участвовали выходцы с Русского Севера (русские, коми) и аборигены ханты. Подавляющая часть коренного населения аккультурирована, а затем инкорпорирована в состав русского населения.

Остатки Балинских Юрт. В ходе натурного обследования в 2006 г. обнаружено место расположения бывших Балинских юрт, получившее название «Урочище Бала 1». Памятник находится в 7,5 км к ВСВ от с. Селиярово, в обской пойме, на оконечности прибрежного вала, вдоль небольшой протоки, полностью пересыхающей в межень. Южнее расположено старичное озеро. На территории поселения выявлены две группы археологических объектов. В группу 1 входит одиннадцать оплывших овальных впадин со слабо выраженными обваловками. Группа 2 расположена в 0,2 км к востоку от первой и представлена остатками четырех десятков сооружений. В том числе: основаниями крупных прямоугольных построек, впадинами с обваловками, системами ям, канавами, участками поздней распашки. Граница распространения насыщенного органикой культурного слоя хорошо заметна по резкой смене растительности. «Жилая грива» покрыта крапивой, на прилегающих участках растут злаковые травы, а на затопляемой территории прослеживается типично пойменная растительность. Площадь групп 1 и 2 составляет до 110 тыс. кв. м. С поверхности памятника собран материал, датируемый XVI–XIX вв. [*Баранов, 2007*].

В 2012–2013 гг. по территории бывших Балинских юрт (поселение «Урочище Бала 1») были проложены грунтовая автодорога и высоковольтная линия. Вопиющим фактом нарушения законодательства об объектах культурного наследия (ОКН) явился широко организованный вывоз культурного слоя. Площадь разрушений составила до 15 тыс. кв. м, повреждено более 20 прекрасно выраженных в рельефе археологических объектов. В связи со значительными разрушениями культурного слоя между ООО «РН-Юганскнефтегаз» и НПО «Северная археология 1» достигнута договоренность о проведении археологических исследований памятника.

На наиболее поврежденной части поселения нами был заложен раскоп площадью 3 тыс. кв. м. Вскрытый культурный слой содержал большое количество остатков деревянных конструкций жилых и хозяйственных сооружений. Из-за расположения поселения в пойменном ландшафте его жители испытывали дефицит древесины. По этой причине обветшавшие постройки разбирались для повторного использования деревянных частей зданий, и в грунте оставались лишь нижние венцы сооружений. В ходе аварийно-спасательных работ исследованы остатки восемнадцати жилых и хозяйственных построек, элементы фундаментов, развалы печей. Выявлено четыре строительных горизонта.

Характеристика исследованных жилых построек.

I (ранний) строительный горизонт (середина XVIII в.).

Постройка № 1.10. Расчищено скопление обломков нетолстых бревен, комлевых частей стволов, треугольная конструкция из трех бревен, общий размер скопления 13,0×9,0 м. На одном комле вырезан крупный продольный шип, служивший, возможно, основанием угла постройки. Под ним найдена плаха с прямоугольным пазом на торце (стойка несущего каркаса?). В северном секторе обнаружен развал чувала, в слое залегали заготовки берестяной посуды и включения рыбьей чешуи. Скорее всего, это развал традиционной каркасной постройки.

Постройка № 1.11. К востоку от постройки 1.10. сохранился восточный сектор сруба, ориентированного по оси СВ–ЮЗ. Соединение выполнено «в чашку» в верхнем бревне. Размер восточной длинной стены – 7,4 м. Возможно, это не отдельное строение, а основание тамбура постройки 1.10.

Ниже *постройки 1.6* прослежен пол легкого наземного каркасного сооружения, размерами 2,9×2,9 м с выходом длиной 1,9 м, шириной 1,2 м, ориентированного в меридиональном направлении.

Постройка № 1.13. Восточная часть наземной неуглубленной постройки прямоугольной формы, ориентированной в широтном направлении. Ширина ее наземной части – 4,1 м, длина – до 4 м. В придонной части сооружения сохранился деревянный настил из тонких березовых бревнышек. Конструкция стен не ясна.

Постройка 1.5а. Ниже постройки 1.5 зафиксированы остатки ранней легкой каркасной постройки размером 4,2×3,3 м. В южной части жилого помещения прослежен развал чувала.

Постройка 15б. Крупная прямоугольная столбовая конструкция размером 9,8×11,0 м. В основании стен сохранились канавы с остатками вертикальных столбов диаметром до 40 см. Расстояние между столбами – 3,0–3,2 м. Возможно, это был холодный двор для скота или навес.

II строительный горизонт (конец XVIII – начало XIX в.).

Комплекс построек 1.6 расположен ниже постройки 1.5. Интерпретирован как жилая изба-связь из двух отапливаемых объемов, пространство между которыми перекрыто кровлей. Сооружение ориентировано по оси СЗ–ЮВ. Южное помещение представлено основанием сруба размером 4,8×4,2 м. В центре его расчищен развал обожженной печной глины. К восточной стене примыкала клеть шириной до 1,7 м, выполненная «в заплот». К северной стене южного помещения примыкало строение размерами 6,6×5,2 м – хозяйственный пристрой или крытый двор. При строительстве использовалась древесина с минимальной обработкой (крупные сучья, комлевые части деревьев).

Северное и среднее помещения сохранилось фрагментарно. Северное жилое помещение – срубной конструкции, размерами до 4,8×4,2 м. В его северо-западном углу находился развал чувала. Размеры среднего холодного помещения – 4,8×2,6 м.

Постройка № 1.1. Однокамерная срубная постройка, сложенная «в чашку» из бревен диаметром 16–20 см. Общие размеры сооружения – 9,5×8,4 м, ориентировка по оси СВ–ЮЗ. Стены сохранились фрагментарно, соединение сруба выполнено «в чашку». Под угол сруба в качестве фундамента заведены поперечные обрезки древесных стволов. В северном секторе постройки под основанием венцов прослежена глинистая подсыпка. По контуру постройки насыпана завалинка. В северо-восточном углу помещения обнаружен развал глинобитной печи размерами 3,6×3,0 м.

Постройка № 1.3. Сохранился угол крупной срубной постройки, сложенной «в чашку» из бревен диаметром до 20 см, ориентированной в направлении СЗ–ЮВ. Длина северо-восточного бревна – 4,2 м, юго-восточного – 3,8 м. В основании постройки прослежена пачка глинистого слоя. Западная часть постройки разрушена постройками 1.2 и 1.4.

III строительный горизонт (середина XIX в.).

Постройка № 1.2 – двухкамерная жилая срубная, размерами 5,9×5,2 м, ориентирована по оси СЗ–ЮВ. Южная камера сложена «в чашку» из бревен диаметром до 20 см. Северная собрана из продольных бревен, врезанных в вертикальные столбы в технике заплота. К северной стене примыкал тамбур. Под основанием постройки прослежена отсыпка из глинистого грунта. Остатков печи не зафиксировано, однако по составу находок постройку можно рассматривать как жилую. Внутри южной камеры располагался погреб размерами 2,5×2,3 м.

Постройка № 1.4. Однокамерное срубное хозяйственное помещение размерами 5,0×4,2 м, ориентированное по оси СЗ–ЮВ. Сохранился юго-восточный угол постройки, бревна врублены «в чашку». В остальных

местах основание сруба разрушено, однако размер восстанавливается по контуру канав, в которые были уложены бревна. В помещении печи не было.

Постройка № 1.5. Двухкамерное срубное жилое сооружение общими размерами 6,7×5,5 м, ориентированное по линии СЗ–ЮВ. Врубка «в лапу» сделана в нижнем бревне, выпусков нет. В центре восточной камеры постройки выявлен развал печи размерами 2,6×1,7 м, занимавший половину объема помещения. Зафиксирована переводина пола, на которой стояла внутренняя переборка в избе. К западной стене постройки примыкала клеть шириной до 2 м, где находился погреб с земляными стенками размерами 2,2×1,5 м. Кроме того, установлено, что жилые постройки 1.2 и 1.5, а также хозяйственная постройка 1.4, представляли собой единый комплекс.

Постройка № 1.12 – трехкамерная жилая срубная постройка, общими размерами 12,3×4,5 м, ориентирована по оси СВВ – ЮЗЗ. Сложена «в чашку», бревна диаметром до 20 см, вероятен дощатый пол. Западное помещение размером 4,9×4,5 м, среднее – 3,3×4,5 м, в нем вдоль северной стены обнаружен развал печи размером 2,6×1,8 м. Восточное помещение большего размера: 4,1×4,5 м. По внутреннему контуру постройки прослежена завалинка, а на удалении 1,5 м от северной стены постройки находилось основание заплотной стены.

Постройка 15а. Сохранилось основание наземного сооружения размером 4,0×2,0 м, расчищен срубный узел, выявлен настил из некрупных жердей. Из-за разрушений слоя автомобильной дорогой общая конструкция постройки не восстанавливается. Соотносится по времени с постройкой 1.12.

Постройка № 1.14. В прибрежной полосе вскрыт фундамент легкой дощатой постройки, состоящий из горизонтально уложенных обрезков четырех крупных бревен. С западной стороны зафиксирована приступка перед постройкой.

Постройка № 1.9. Основание крупной заплотной конструкции, состоящее из столбов с вертикальными пазами, в которые закладывались горизонтальные бревна. Размер строения: 21,0×9,0 м. В помещении обнаружены скопления заготовок неводных наплавов и грузил. Вероятно, это хозяйственно-производственная постройка (амбар) для хранения запасов и промыслового снаряжения.

IV (поздний) строительный горизонт (конец XIX – начало XIX в.).

Постройка № 1.7. В контур раскопа вошел угол срубной жилой постройки, по-видимому, с дощатым полом, ориентированной по линии ВСВ–ЗЮЗ. Размер ее длинной стены – до 12 м, длина короткой – 4,4 м. В восточной части постройки расчищен развал печи размером 3,6×1,4 м с включением крупноформатного кирпича. Внутри сруба выявлена рухнувшая засыпка потолка.

Постройка № 1.8 – двухкамерная срубная жилая, общими размерами 8,1×5,5 м, ориентирована по оси СЗ–ЮВ. Северная камера – размерами 4,3×5,5 м, южная – 3,8×5,5 м. Во втором помещении выявлен развал печной глины (2,9×1,9 м) с включениями разложившегося кирпича. Постройка была либо установлена на «стульях» либо выполнена из продольных бревен, врезанных в вертикальные столбы в технике заплота. Внутри постройки сохранились остатки засыпки потолка. Вдоль основания стен сооружена завалинка. К западной (длинной) стене дома пристроено крыльцо шириной до 1,5 м, опиравшееся на столбы.

Основание ворот, состоит из четырех попарно установленных вертикальных крупных столбов, врытых глубоко в землю. Ширина их проезжей части составляла 2,9 м. Расстояния между парами вертикальных столбов – порядка 1,5 м (юго-западный край) и 2,0 м (северо-восточный край). Основание ворот и постройка 1.8 существовали одновременно, составляя единый комплекс.

Напомню, что в старых деревнях Западной Сибири наиболее распространено асимметричное устройство ворот, установленных на трех массивных столбах с проезжей частью и одной калиткой. Позднее, под влиянием городского зодчества, возникает тип ворот с симметричной конструкцией, состоящей из проезжей части, обрамленной с обеих сторон калитками, одна из которых служила декоративным элементом [*Ащепков, 1950.* С. 113–115].

Постройка № 15. Однокамерная срубная жилая постройка, размерами 6,4×5,6 м, сложена «в чашку», ориентирована по оси СЗ–ЮВ. В центре постройки слабо углубленный Г-образный котлован (3,0×3,0 м), по контуру которого располагались спальные места – нары. На дне помещения отмечен настил из жердей. К восточному краю котлована примыкал развал печи размером 4,0×2,5 м с фрагментами кирпича плохого качества. Сруб был установлен на осыпанную глиной площадку. Под его углы и северную стену в качестве опор подведены обрезки крупных бревен. Вдоль стен здания прослежена завалинка.

Хозяйственные, производственные и иные сооружения. Кроме того, на площади раскопа обнаружено *пятнадцать хозяйственных ям прямоугольной формы*, размерами 2,0–3,0×1,5–2,0 м, глубиной 0,7–1,0 м. В придонном заполнении каждой из них залегала прослойка влажной щепы. Стенки углублений не укреплены. Лишь в некоторых ямах выявлен настил пола и обкладка стен доской. Ямы, предположительно, использовались в качестве погребов для хранения и засолки рыбы.

Выявлены развал кирпичной *уличной печи* и основание *уличного глинобитного очага* на жердевом каркасе, обмазанном глиной. В хантыйской этнографии подобные сооружения хорошо известны. Печи с вмазанным котлом назывались *«калташихами»*, очаги носят называние *«пуут кар»* – «место, дом котла».

Основания многочисленных вертикальных столбов можно интерпретировать как основания амбаров, заборов, всевозможных сушил и вешал. В ряде мест обнаружены скопления уплотненного навоза, занимающие ограниченную площадь, но следов построек не сохранилось. По-видимому, это остатки производственных построек, кровля которых крепилась на столбах. Крытые дворы и навесы зачастую устраивались в заезжих постоялых дворах [*Ащепков, 1950.* С. 24].

По воспоминаниям жителей с. Селиярово, прежде усадьбы обносились *оградой*, состоявшей из высоких столбов высотой до 2,5 м с пазами, куда вставлялись жерди, чтобы снег свободно выдувался ветром. Такая ограда называлась «заплотом», имела высокие сводчатые ворота. Рядом с воротами стояли столбы с кольцами для привязывания лошадей (*«привязи»*) [*Туров, 2004.* С. 54].

Общая характеристика строений и их анализ. Таким образом, в раскопе 2005–2012 гг. были выявлены традиционные каркасные постройки и сооружения нескольких типов и разновидностей:

- однокамерные срубные жилые, с серединным и угловым расположением печи;
- двухкамерные срубные жилые, с серединным и угловым расположением печи;
- трехчастные конструкции: изба + сени + изба;
- постройки хозяйственного назначения без печей;
- хозяйственные ямы для хранения и засолки рыбы;
- уличные очаги и печи.

Большинство построек было поставлено прямо на грунт. Изредка под стенами построек прослеживаются подкладки-опоры из обрезков крупных бревен, которые играли роль фундамента. Отмечены немногочисленные площадки, отсыпанные материковым грунтом под возводимый сруб. Иногда сруб окружала завалинка, насыпанная из материкового грунта. Рубка стен производилась одинаково: рубили «в чашку», с пазом и чашей в нижнем бревне. Вместе с тем, это был нерациональный прием, при котором вследствие гниения венец быстро разрушается [*Ащепков, 1950.* С. 63]. Часть домов была срублена на месте, о чем свидетельствуют отложения щепы в основании построек.

При строительстве жилищ, помимо срубных узлов, применяли заплотные конструкции. Основой последних служили столбы с вертикальными прямоугольными пазами, куда горизонтально закладывались плахи. Протяженность прогонов в заплотных стенах составляла до 3,5 м.

Полы в большинстве построек не прослежены. Единично зафиксированы деревянные вымостки невысокого качества на выходе из построек. Тем не менее, наличие пола не может служить определяющим признаком жилого дома. Известны многочисленные этнографические примеры из недалекого прошлого, когда жилые постройки, особенно промысловые, не имели полов. Отсутствие настилов в постройках с сохранившимися переводинами можно объяснить вторичным использованием досок пола из обветшавших построек.

В раскопе не зафиксировано ни одного дверного проема, что связано с тем, что постройки сохранились только в одном венце, а двери находились выше второго венца постройки. Находок, позволяющих судить о конструкции кровли, не выявлено.

Остатки отопительных сооружений представлены развалами печного слоя, обломками слабо обожженного кирпича и кусками обмазки. Каких-либо столбовых или срубных фундаментов у печей не выявлено. Размеры печей зависели от размеров построек. В больших домах размеры печей составляли 3,0×2,0 м, в малых – порядка 1,4–1,5×1,6–1,7 м. Ранние печи были глинобитные. Фрагменты рыхлого кирпича относятся к слоям XIX в.

При выявлении жилищ верным признаком служат остатки печей. Между тем, далеко не во всех постройках зафиксированы выразительные развалы печей, хотя комплекс находок свидетельствует о жилом характере постройки. Без сомнения, при разрушении постройки кирпич и часть глиняной массы использовались повторно, в связи с дефицитом качественной глины.

При сборе этнографической информации было установлено, что в свое время жители Балы использовали глину, привезенную с левобережья Оби.

Керамика и вещевой комплекс. В ходе раскопок в культурном слое найдены следующие категории предметов:

- керамика (6017 экз.): сероглиняная – 3521 фр., красноглиняная – 2496 фр.;
- фаянс (3256 экз.);
- керамические грузила (355 экз.);
- изделия из стекла (798 экз.);
- изделия из металлов (2601 экз.): из железа – 2205, меди – 138, бронзы – 133, латуни – 90, олова – 19, свинца – 16;
- изделия и обломки камня (287 экз.);
- наплава (поплавки) неводные из коры (108 экз.);
- изделия из дерева (16 экз.);
- изделия из бересты (664 фр.);

● изделия из ткани и шерсти (64 фр.);
● изделия из кожи (496 фр.),
● изделия из кости (6922 экз.).

Кроме того, обнаружены остеологические остатки (15961 ед.).

Данная коллекция артефактов датируется серединой XVIII – концом XIX в.

Промысловое снаряжение представлено оснасткой сетевых орудий лова, принадлежностями ручных луков, деталями шомпольных ружей, капканами и ножами.

Керамические сетевые грузила для неводов – дисковидной формы, крепились к нижней тетиве. С помощью кедрового корня они зашивались в берестяные футляры. Вес грузила подбирался в соответствии с типом сетевого орудия лова и размером наплавов. Больше всего (77,3 %) среди них изделий весом от 200 до 300 г., использовавшихся для малых неводов на небольших протоках и озерах и сорах.

Фрагменты наплавов (поплавков) для неводов в раскопе встречались на всех уровнях. Они изготовлены из коры *осокоря* – разновидности европейской ветлы – в виде плоских прямоугольных дощечек со скругленными краями. В меньшем количестве представлены малые наплава для ставных сетей.

Две железные пешни для разламывания льда.

Якорь-кошка малого речного судна.

Железные крючки рыболовных самоловов для промысла осетровых и налимов единичны.

Известно, что в XIX в. аборигенным населением использовались ставные, тягловые и плавные сети, деревянные и сетные ловушки, лучение. Наиболее распространенным сетевым орудием для лова рыбы был невод. Небольшие невода, длиной до 30 м, имелись почти в каждом хозяйстве.

К принадлежностям луков относятся стержневидные костяные наконечники стрел, железные вильчатые наконечники-срезни и наконечники на выдру, деревянная накладка (спинка) охотничьего лука, склеенного из двух пластин со следами обмотки полосами бересты. Есть упоминания, что клееные луки продавали самоеды, жившие на Оби. Охотились с ручными луками на утку и белку [*Шульц, 1924.* С. 184].

Найдены разнообразные детали шомпольных ружей и ружейные принадлежности: четыре ружейных ствола с ударно-капсюльными замками, замочная доска капсюльного ружья с курком, замок охотничьего ружья, огнивная полка кремневого ружья, железная антабка, две спусковые скобы, детали пороховниц, мерка для пороха, ружейные пули, литейная форма для отливки пуль, куски свинцовых полос для изготовления дроби, ружейные кремни.

В слоях конца XIX – начала XX в. обнаружены многочисленные фрагменты дуговых капканов.

В коллекции два десятка хозяйственных универсальных черешковых ножей, для них характерна прямая ручка, параллельная прямой спинке клинка. Лезвия многих орудий значительно сточены. На трех ножах сохранились рукоятки из бересты.

Один нож – боевой. Это колющее холодное оружие с коротким прямым массивным двулезвийным клинком с гардой.

Обнаружено большое количество точильных брусков прямоугольной формы с зашлифованными боковыми гранями, изготовленных из серого и светло-зеленого песчаника и сланцев.

Детали обозно-конского снаряжения свидетельствуют о широком использовании лошадей. В раскопе найдено следующее конское снаряжение: железные зимние подковы для упряжной лошади с заостренным наружным и зацепным шипами, трензельные удила, карабины для пристегивания поводьев, ременные разделители, стремя, петлеобразные копытные ножи для расчистки конских копыт перед ковкой, бронзовые поддужные колокольчики и бубенцы, а также жестяные бубенчики-*ширкунцы* большого диаметра.

В составе сбруи применялись декоративные элементы, отлитые из цветных сплавов, которые служили украшением и уберегали коней от сглаза. К ним относятся солярная («солнечная») бляха, декоративные «пуговицы» круглой формы из медного и бронзового листа, накладки на кожаные детали упряжи, бронзовые ременные кольца, ременные разделители, железные трензельные удила, железные карабины для пристегивания поводьев и одно стремя. Найдены фрагменты кожаных обшивок клешней конских хомутов, на некоторых из которых имеются парные круглые отверстия для крепления гужей, фрагменты ремней упряжи с бронзовыми нашивками, детали кожаных *сакв* (дорожных баулов), кожаные вьючные ремешки и кисточки, фрагменты войлочных попон, необходимых для укрывания лошадей при размещении их на отдых под открытым небом зимой.

Ремонт упряжи проводился на месте, о чем свидетельствуют два железных шорных шила. В верхних слоях конца XIX – начала XX в. обнаружены железные детали телег: поворотный круг, крюки, крепившие кузов, металлические скобки с отверстиями под болты, колесные чеки, обода колпаков тележных колес.

Инструменты. Обслуживание зимней дороги подразумевало перековку лошадей и ремонт подвижного состава. Вследствие этого, даже в небольшом поселении существовала потребность в наличии специально оборудованной кузницы. На памятнике Бала 1 найдены железные кузнечные ручные молоты, кузнечные зубила, гвоздильня для осаживания головок гвоздей, бородок, круговое каменное точило.

Многочисленны в сборах железные кованые гвозди, четырехгранные в сечении, различных размеров, предназначенные для прибивания крупных плах и досок, скрепления бревенчатых конструкций, а также корабельные, брусковые, тесовые гвозди, судовые скобы. Уровень выделки части изделий крайне невысокого качества, что может свидетельствовать о местном производстве.

В раскопе обнаружена железная фурнитура для деревянного строительства: воротные подставы и жиковины, навесы и жиковины оконных ставней, дверные задвижки, дверные петли, крюки, пробои и кольца и т. д.

Орудия по обработке древесины представлены топорами плотничными, дровосечными, столярными (потесами), теслом-пазником, фрагментами скобелей, двуручных, лучковых и маховых пил, спиральными и перовидными сверлами.

Для сбора плотов при сплаве леса использовался железный багор.

Сельскохозяйственные орудия единичны и найдены только в верхних слоях раскопа. К ним относятся косовища литовок, трехрожковые вилы и две землекопные лопаты.

Одежда и обувь. Коллекция текстильных изделий состоит из деталей кроя, фрагментов тканей и вязаных носков, опушек обуви, плетеных изделий домашнего, кустарного и фабричного производства. Найден фрагмент шерстяного пояса с оловянными нашивками, которые изготавливались аборигенами Западной Сибири. Костюм сибирского населения XIX в. в общих чертах повторял русский костюм с проявлением местных особенностей. В нем широко использовались фабричные ткани, что связано с торговлей текстилем по Сибирскому тракту [*Дунин-Горкавич, 1995.* С. 89, 130; *Глушкова, 2002*].

К металлическим деталям одежды относятся малые бронзовые сферические пуговицы – *«гирьки»* и уплощенно-шаровидные пуговицы с орнаментом из радиальных валиков, использовавшиеся до конца XVIII в. Первой половиной XIX в. датируются дисковидные бронзовые пуговицы с литой петлей и растительным орнаментом на лицевой стороне. Кроме того, обнаружены пуговицы с изображением двуглавого орла от мундиров негвардейских частей русской армии, Московского пехотного полка с императорской короной, а также мундирные офицерские пуговицы без рисунка на лицевой части второй половины XIX в. На оборотной стороне мундирных пуговиц выявлены клейма производителей: «Копейкинъ», «Копейкинъ Максим», «Бухъ».

На раскопе собраны детали от изношенных моделей обуви, а также обрезки от раскроя кожи. Большая часть обуви сшита в местных традициях. Это мягкая низкая обувь с однослойной подошвой. От некоторых изделий сохранились задники и подкладки под подошву из бересты. Обнаружены наборы деталей сапог-*бродней*, материалом для которых служила дубленая кожа с тиснением поверхности *«булгари»*, которое бытует с XVII в. Имеются образцы обуви промышленного пошива, изготовленной в городах Европейской России в середине XIX в. Для нее характерны толстые жесткие подошвы, имеющие двойной ряд мелких отверстий от деревянных шпеньков по всему краю.

Единично встречены фрагменты качественной обуви из тонкого войлока с кожаными вставками.

Многочисленны кожаные рукавицы-*вачеги:* короткие, цельнокроеные, подпрямоугольные, с закругленным передом, как правило, сильно изношенные.

Лезвия скобелей указывают на выделку местным населением сыромятной кожи (лосиных и оленьих шкур, камусов для подбивки лыж, аборигенной обуви).

Кухонная утварь многочисленна: печные железные ухваты-*рогачи*, сковородники-*чапельники*, сечки кухонные, чугунные пестики и печные детали. Примечательно, что не найдено частей колосниковых решеток. Это может свидетельствовать о примитивном устройстве печи – без камеры поддува. Обнаружены фрагменты литых чугунков различного объема и крупных котлов полусферической формы. У коренного населения Сибири котлы имели очень широкое распространение при приготовлении пищи в глинобитных очагах. Кроме того, котлы вмазывались в небольшие уличные печи – *«калташихи»*.

Посуда. В керамическом комплексе представлена ранняя местная грубая лепная керамика, привозная чернолощеная, мореная и серолощеная. Обе эти группы посуды бытовали в XVIII в. Серединой XVIII – XIX в. датируется сероглиняная и поливная керамика На некоторых сосудах вырезаны крупные буквы: вероятно инициалы владельцев. Далекий импорт представлен единичными фрагментами белоглиняной керамики из светло-жгущейся глины.

В слоях, датируемых второй половиной XIX в., обнаружены обломки фаянса, тогда как в нижних горизонтах фаянс практически отсутствует. Фарфоровая посуда представлена обломками чайных принадлежностей, фаянс – фрагментами столовых блюд, мелких закусочных тарелок, толстостенных супниц, образцами мелкой декоративной пластики. Большинство клейм принадлежит заводам Кузнецовского товарищества, работавшим в Риге, Московской, Владимирской, Тверской, Новгородской, Ярославской губерниях. Единичны находки фаянса с фабрик Иркутской губернии и Финляндии.

Найдены фрагменты стеклянных штофов разного размера с клеймами первой четверти XIX в., бутылок для выдержанного вина и больших бутылей, использовавшихся в торговых заведениях, а также пробки графинов, бутыльки аптекарские, ножки бокалов, рюмок и стопок. Немногочисленные осколки относятся к европейским керамическим кувшинчикам из белой глины с коричневой поливой.

Берестяная посуда представлена фрагментами цилиндрических туесов, коробок с низкими бортами, табакерок. На бересте сохранились выскобленные орнаменты, имеющие ближайшие аналогии в этнографических материалах, собранных среди хантов р. Обь [*Лукина, 1979*].

Бондарные изделия представлены клепками от кадушек, ведер и шаек, фрагментами днищ.

Найдены столовые приборы для сервировки стола: ложки чайные, вилки малые столовые с костяными рукоятками, столовые ножи. Обнаружены детали самоваров.

Торговлю и делопроизводство иллюстрируют железные навесные замки, внутренние сундучные замки, детали сундуков, ключи кованые, гири-разновесы, подсвечники.

Украшения представлены привозными бронзовыми перстнями и кольцами, серьгами, бусами и бисером, пользовавшимися повышенным спросом у аборигенного населения.

Оловянные литые ажурные накладки местного производства, основной орнаментальный мотив которых – розетки из ромбической и крестообразной сетки, крестовидные нашивки. Также в качестве украшений применялись подвески из бронзового листа, бронзовых пуговиц, монет, щитков перстней.

Предметы христианского культа: кресты нагрудные, выполненные в технике плоского двустороннего литья, фрагменты стеклянных кадил подвесных домашних лампадок, церковная бутылочка из Абалакской обители, что под г. Тобольском.

Принадлежности игр: детская миниатюрная игрушка, изображающая лодочку, игральная бита для игры в «бабки», залитая свинцом, часть керамической фигурки, изображающей женщину в платке.

Комплекс монет царского чекана укладывается в период с 1742 по 1916 гг. При этом основная часть денег отложилась в период с 1800 по 1850-е гг.

Итог. На основании анализа исторических источников, картографических материалов и полученной коллекции археологических остатков исследованный памятник интерпретирован как зимнее поселение аборигенного населения, функционировавшее как постоялый двор (почтовая станция). Последний располагался на зимнем пути Самаровского яма, который связывал Европейскую Россию и города Тобольского Севера.

Вещевой комплекс свидетельствует о высокой степени адаптации сложившейся хозяйственной структуры к местным природным условиям.

Среди находок выделяется ряд изделий и форм, характерных для коренного населения, однако, большая часть изделий типична для русского населения.

Наличие некоторых категорий изделий, являвшихся предметами далеко не первой необходимости, позволяет говорить о налаженных торговых связях и востребованности предметов роскоши при обслуживании постоялого двора. Материалы археологических исследований подтверждают данные письменных источников XVII–XIX вв. об активном привлечении аборигенного населения к подводной гоньбе и товарному рыболовству. Они позволяют проводить реконструкции хозяйственных структур и этнокультурных традиций населения края середины XVIII – конца XIX в., а также дают возможность проследить формирование опыта традиционного природопользования, возникшего в процессе освоения территорий Северо-Западной Сибири.

Источники и литература

Ащепков Е. Русское народное зодчество в Западной Сибири. – М.: Изд-во АА СССР, 1950. – 140 с.

Баранов М. Ю. Отчет о НИР: Археологическая разведка на Приобском месторождении нефти в Ханты-Мансийском районе ХМАО – Югра в 2006 г. – Нефтеюганск, 2007. – Архив НПО «Северная археология 1». Ф. науч. № 186. – С. 43.

Вершинин Е. В. Челобитные аборигенного населения Сургутского уезда (XVII в.) // Западная Сибирь: прошлое, настоящее и будущее. – Сургут: Изд-во «Диорит», 2004. – С. 53–64.

Глушкова Т. Н. Археологические ткани Западной Сибири. – Сургут: Изд-во СурГПИ, 2002. – 206 с.

Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1995. – 606 с.

Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. – М.: Изд-во «Либерея», 1995. – Т. 1: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. – 376 с.

Кастрен М. А. Соч. в двух томах. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – Т. 2: Путешествия в Сибирь (1845–1849). – 348 с.

Лукина Н. В. Альбом хантыйских орнаментов (восточная группа). – Томск: Изд-во ТГУ, 1979. – 238 с.

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера / История Сибири. Первоисточники. – Новосибирск: Изд-во «Сибирский хронограф», 1996. – 310 с.

Туров С. В. Отчет о НИР: Селиярово – русское село на Средней Оби: селитебная и этническая история, традиционный хозяйственный комплекс, архитектурное наследие. – Тюмень, 2004. – Архив НПО «Северная археология 1». Ф. науч. № 120. – С. 64.

Шульц Л. Р. Салымские остяки (из материалов к этнографии южных остяков) // Зап. ТОНИМК. – Тюмень: Гостипография, 1924. – Вып. 1. – С. 166–200.

Рис. 1. Поселение «Урочище Бала 1». Сводный план сооружений

Рис. 2. Поселение «Урочище Бала 1». Керамический и вещевой комплекс: *1* – сероглиняный сосуд с прочерченным знаком; *2, 3* – фрагменты днищ сосудов с прочерченными буквами; *4* – топор плотничный; *5* – клинок ножа; *6* – керамическое неводное грузило, зашитое в берестяной футляр; *7* – навесной замок с цилиндрическим механизмом; *8* – накладной внутренний сундучный механизм; *9* – сундучная накладка, закрывавшая замочную скважину; *10* – ручка сундучная; *11* – гвоздильня; *12* – наборный кожаный каблук; *13* – кадило лампады; *14–16* – костяные детали; *17* – крюк для колыбели; *18* – зимняя ледоходная подкова; *19* – ременные кольца упряжи; *20* – поддужный колокольчик; *21* – ременная пряжка конской упряжи; *22* – черпак; *23* – фрагмент оловянного блюда с растительным орнаментом; *24* – костяная рукоятка столового прибора; *25* – ружейная спусковая скоба; *26* – щипцы-форма для изготовления пуль («пулелейка»); *27* – часть створки литейной формы; *28* – оловянная ажурная накладка. *1–3, 6, 27* – керамика; *4, 5, 7–11, 18, 22, 26* – железо; *12* – кожа; *14–16, 24* – кость; *19–21* – бронза; *23, 28* – олово

А. Ю. Скоробогатова
г. Нижневартовск
ООО «НПО “Северная археология–1”»

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК НА ТЕРРИТОРИИ ОБЪЕКТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ «УСАДЬБА П. А. КАЙДАЛОВА», ПРОВЕДЕННЫХ В 2013 Г. В С. ЛАРЬЯК НИЖНЕВАРТОВСКОГО РАЙОНА ХМАО – ЮГРЫ

В полевом сезоне 2013 г. экспедиционным отрядом ООО «НПО “Северная археология – 1”» проведены археологические раскопки на территории объекта культурного наследия (ОКН) регионального значения «Усадьба П. А. Кайдалова в составе: дом П. А. Кайдалова, амбар» в с. Ларьяк Нижневартовского р-на ХМАО – Югры. Работы проводились в рамках мероприятий по реставрации и благоустройству усадьбы П. А. Кайдалова.

В ходе археологических раскопок был полностью исследован культурный слой на участках планируемых почвенных разрушений, прилегающих к дому и амбару. Частично или полностью изучены остатки сооружений, связанных с усадьбой П. А. Кайдалова, пять погребений, предположительно середины XVIII – начала XIX в., и 156 ям различного назначения всех периодов существования дома.

Постройки усадьбы. На территории раскопа выявлены и частично изучены остатки *трех погребов-летников*. Два котлована расположены рядом, между домом и амбаром. У одного вскрыта половина, у другого – четверть. Конструкции погребов аналогичны. Судя по исследованным участкам, погреба представляли собой подквадратные углубления размерами примерно 3×3 м, глубиной 0,8–0,9 м от уровня дневной поверхности. Внутренний каркас состоял из вертикальных столбов, установленных по углам и в центре стен, причем ямы под столбы расположены за пределами котлованов. Стены погребов укреплены досками, уложенными боком вплотную друг к другу. Способ крепления досок остался неясен, так как гвоздей в досках и столбах не зафиксировано. На дне котлованов прослежены остатки деревянного пола в виде прослойки древесного тлена. Крыша погреба была также деревянной, с земляной насыпью. Конструкцию крыши проследить не удалось. Входы в погреба расположены за пределами раскопа. В заполнении котлованов, на уровне пола найдены фрагменты столовой фаянсовой посуды фабрики Кузнецова, развал гончарного сосуда, целые и битые бутылочки от эссенций фабрики «Кёлеръ и К°». Все предметы датируются рубежом XIX–XX вв.

Третий котлован обнаружен к северу от амбара. Его восточная часть была уничтожена в результате осыпания берега. В раскопе прослежена западная часть котлована в виде подпрямоугольного пятна размерами 2,44×1,41 м. По конфигурации и остаткам прослеженных конструкций данный объект аналогичен первым двум котлованам, но он гораздо худшей сохранности. Артефактов в заполнении котлована не обнаружено, в связи с чем, датировка этого сооружения затруднена.

Изученные котлованы по конструктивным особенностям относятся к уличным погребам, которые до настоящего времени известны по всей территории России.

К востоку от погребов обнаружена канавка глубиной 0,12–0,15 м, шириной 0,3–0,4 м – *предположительно, от основания стены.* Углубление было заполнено древесной трухой. Вдоль его бортов прослеживались остатки плах, уложенных боком вплотную к стенам. В отдельных местах следы плах фиксировались и на дне канавки. Вдоль бортов углубления расчищены остатки колышков, установленных в ямках и вбитых в грунт на глубину до 0,4 м. В заполнении канавки найдены артефакты рубежа XIX–XX вв., в основном фрагменты фаянсовой и стеклянной посуды. Канавка перекрыта современным амбаром.

В раскопе зафиксированы *различные ямы*, связанные с усадьбой. Это ряд округлых однотипных углублений, расположенных вдоль южной и восточной стен: возможно, остатки ограды. Кроме того, выявлены ямы для складирования строительного мусора, связанные с перестройкой усадьбы, и другие хозяйственные ямы.

Подвал дома. Также был изучен культурный слой в подвале дома. После капитального ремонта 1916–1917 гг. в доме были кухня, столовая, рабочий кабинет П. А. Кайдалова, пять спален и *«остяцкая»* – гостевая комната, в которой останавливались остяки (ханты), приезжавшие на зимнюю ярмарку. Расчистка *подпола* проводилась следующим образом. Бытовой мусор и остатки разрушенных печей были вынесены за пределы дома и вывезены на свалку. Половицы в комнатах были размечены. Далее полы в комнатах по очереди разбирались, грунт выносился из подпола за пределы дома и просеивался на проволочном сите.

Подполье дома было заполнено серым рыхлым песком со щепой. Наибольшее количество артефактов найдено в заполнении подпола бывшего кабинета П. А. Кайдалова, кухни и столовой [*Игонина*, *2011*. С. 75–76]. В бывшей «остяцкой» найдены только предметы советского периода.

В подвале дома найдены различные артефакты рубежа XIX–XX вв. В том числе: пять медных монет, четыре из которых – российские, номиналом от 1/2 коп до 2 копеек периода 1903–1913 гг., и одна иностранная монета – «2 филлера», выпущенная Венгерским королевством в 1897 г. Здесь же обнаружена латунная мундирная пуговица с якорями. Форму с такими пуговицами с 1901 до 1917 г. носили учащиеся российских морских учебных заведений.

Могильник. Раскопками исследовано *пять захоронений* – четыре, совершенных в основном по православному обряду (№№ 2–5), и одно – по обряду обских угров (№ 1).

К православным погребениям относится одно женское (№ 5), два детских (№№ 2, 4) и одно с покойным не определенного возраста и пола (№ 3). Все умершие были уложены на спины, головами на ЮЗ.

Погребение № 5. Женщина лежала в деревянном гробу, перекрытом листами бересты, на спине, в вытянутом положении со скрещенными на груди руками. Костяк относительно хорошо сохранился. Расчищены остатки черепа, волосы русого цвета, фрагменты правой ключицы, ребра, кости рук, ног и таза. Ткань одежды не сохранилась, но на женщине был надет вышитый разноцветными бусинами элемент одежды, возможно, передник. В области шеи погребенной найден православный нательный крест из медного сплава.

Погребение № 2 – детское, обнаружено перед крыльцом дома. Погребенный находился в долбленой колоде длиной 1,2 м, покрытой берестой. Дно могилы расположено ниже уровня грунтовых вод, что затрудняло расчистку. Костяк не сохранился. Найдены остатки одежды из темного мягкого меха с коротким ворсом, почти полностью укрывавшей покойного. Кожаная основа одежды не сохранилась.

Погребение № 4 – также детское – находилось на краю береговой террасы к востоку от амбара. Покойный был уложен в деревянный гроб длиной 0,84 м. Костяк практически не сохранился. Удалось зафиксировать только зубы и остатки волос русого цвета. В области талии покойного лежал пояс из плотной тесьмы, завязанный узлом со свободными концами, доходящими до предполагаемых ступней. У голеней найдены фрагменты тонкой кожи, возможно, от остатков обуви. В ногах погребенного находилась берестяная коробочка, в которой сохранился тлен неясного происхождения.

Погребение № 3 изучено частично. Умерший лежал в долбленой колоде, перекрытой тонкой деревянной плахой. Костяк не сохранился. Удалось расчистить несколько зубов. В могиле обнаружены остатки вышитой одежды – предположительно, воротник. Его тканая основа не сохранилась. Вышивка состояла из 29 крупных бусин и многочисленного разноцветного бисера.

Захоронения, безусловно, христианские, но покрывала, сшитые из полос бересты, являются типичным признаком средневекового погребального обряда аборигенов края.

Погребение № 1 резко отличалось от остальных ориентацией могильной ямы и другими характеристиками. Покойный был уложен в берестяной короб, типа большой *куженьки*, длиной 1,71 м. Сам короб расчистить не удалось, так как из-за высокой влажности все слои бересты слиплись и были мягкими. Короб был накрыт берестяной *тиской*, сшитой из пяти поперечных полос. Подобный способ захоронения практиковался в XVIII–XX вв. у васюганских остяков. Обычай накрывать гроб берестой является традиционным для погребального обряда на Вахе [*Кулемзин, 1994.* С. 367] и на других территориях обитания обских угров. Покойный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на север. Сохранность костяка плохая. Удалось расчистить только верхнюю часть черепной коробки с остатками черных волос и зубы, а также фрагменты бедренных костей без эпифизов и часть голени. На талии погребенного прослежены остатки тканого пояса, изготовленного из крученых нитей растительного происхождения. Пояс был обмотан вокруг талии в несколько слоев. В районе коленей прослежены фрагменты сукна грубого плетения. Ткань практически полностью истлела. У бедер и – в основном – между бедренными костями найдено семь вильчатых железных наконечников стрел. Наконечники частично перекрывали друг друга и были ориентированы остриями вниз. На черешках некоторых из них сохранились остатки обмотки. У левой голени покойного лежал железный нож с деревянной рукояткой. Нож располагался вплотную к голени, рукояткой вверх (рис. 1).

Охарактеризованные выше наконечники стрел имеют широкую датировку. Они использовались для охоты на птиц северными народами, в том числе обскими уграми, до середины XX в. [*Кулемзин, Лукина, 2006.* С. 26].

Судя по расположению могил, можно предположить, что к моменту постройки дома внешние признаки захоронений успели исчезнуть, что дает возможность датировать их не позже рубежа XVIII–XIX вв.

Письменные документы, найденные в доме П. А. Кайдалова, представляют наибольший интерес. К ним относится, в первую очередь, визитка, обнаруженная в подполе рабочего кабинета Петра Акимовича. Она представляет собой прямоугольник плотной бумаги с надписью на лицевой стороне «Прохоръ Joакимовичъ Кайдаловъ», выполненной типографским способом. На оборотной стороне визитки прослеживается надпись: «на полстакана чая», выполненная от руки черными чернилами.

Из других находок следует упомянуть следующие документы.

- Предписание столоначальника Ларьякской инородческой управы от 1894 г.

- Фрагмент Императорской грамоты, представляющий собой треть листа, наклеенного на картон и разрезанного поперек текста. Из сохранившегося текста следует, что Грамота выдана от имени императрицы Александры за сбор средств для бедных детей в 1898 г.

- Часть газеты российских промышленников «Утро России» за 1911 г. (газета издавалась в Москве, в 1907–1918 гг.).

- Рекламный каталог книг, газет и журналов для заказа по почте.

В заполнении подпола кухни найден небольшой листок бумаги плохой сохранности с надписью «Мария Прохоровна Кайдалова», выполненной от руки черными чернилами.

Итог. Результаты раскопок подтвердили основные выводы исторического исследования, проведенного И. В. Игониной [*2011*]. В процессе археологических раскопок были исследованы ямы и остатки сооружений, связанных с усадьбой П. А. Кайдалова, 156 ям различного назначения всех периодов существования дома, а также пять погребений, предположительно, XVIII в. Коллекция артефактов насчитывает 190 единиц, в том числе это 12 предметов из погребений. Остальные исторические вещи найдены в заполнении погребов, подвала, у остатков стены и на придомовой территории. При этом в подвале найдена треть всех артефактов. Это различные письменные документы, в том числе и автографы обитателей дома. Собранная коллекция станет основой экспозиции музея с. Ларьяк, который планируется открыть в отреставрированном доме П. А. Кайдалова.

Литература

Игонина И. В. Дом Прохора Акимовича Кайдалова – объект культурного наследия. «Исторический центр с. Ларьяк (купеческая усадьба Кайдалова)» // Западная Сибирь: история и современность (Краеведческие зап. – Вып. XI). – Нижневартовск; Омск: Изд-во МБУ «БИС»; НГГУ, 2011. – С. 67–84.

Кулемзин В. М. Обряды перевода из реального мира в потусторонний у народов Западной Сибири в XVIII–XX вв. Ханты и манси // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1994. – Т. 2: Мир реальный и потусторонний. – С. 363–379.

Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. – Тюмень: Изд-во «Мандр. и К°», 2006. – 207 с.

Рис. 1. Усадьба П. И. Кайдалова. Могильник середины XVIII – начала XIX в. Погребение 1 (хантыйское)

Департамент культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Автономное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Центр охраны культурного наследия»

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

Департамент «Исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Общество с ограниченной ответственностью «Научно-производственное объединение «Северная археология-1»

Автономная некоммерческая организация «Институт археологии Севера»

VII научно-практическая конференция

«Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»

посвящённая 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга

14 – 16 мая 2014 г. Нефтеюганск

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель оргкомитета

Изосимов Юрий Александрович **–** и. о. первого заместителя директора Департамента культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Сопредседатель оргкомитета

Молодин Вячеслав Иванович – д.и.н., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН

Заместитель председателя оргкомитета

Соколков Александр Владимирович – директор Автономного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Центр охраны культурного наследия»

Почётный член оргкомитета

Овчинникова Бронислава Борисовна **–** к.и.н., профессор департамента «Исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Члены оргкомитета

Бочкарёв Дмитрий Викторович – директор Муниципального автономного учреждения Сургутского района «Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова гора»

Бугров Дмитрий Витальевич – к.и.н., проректор Уральского федерального университета, директор Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Визгалов Георгий Петрович – к.и.н., директор ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология-1»

Генинг Владимир Владимирович – к.и.н., советник генерального директора ООО «Археологические изыскания в строительстве»

Кардаш Олег Викторович – к.и.н., директор Автономной некоммерческой организации «Институт археологии Севера»

Кениг Александр Владимирович – к.и.н., ведущий научный сотрудник «Югорского научно-исследовательского Института информационных технологий»

Кизнер Юлия Ивановна – начальник отдела музеев, библиотек, выставочной деятельности и историко-культурного наследия Департамента культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Васильев Виталий Геннадьевич – директор ООО Научно-производственный центр «Югра-Митра»

Шатунов Николай Владимирович – директор ООО «Гиперборея»

Секретариат оргкомитета

Петелина Галина Геннадьевна – специалист по связям с общественностью Автономного учреждения «Центр охраны культурного наследия»

Рудковская Мария Алексеевна **–** заведующий Сектором форумов Автономной некоммерческой организации «Институт археологии Севера»

РЕГЛАМЕНТ КОНФЕРЕНЦИИ

13 мая

Заезд участников конференции, размещение в гостиницах.

14 мая

09:00 – Регистрация участников конференции
09:30 – Открытие конференции
10:00 – Пленарная сессия
11:40 – Кофе-пауза
12:00 – Пленарная сессия (продолжение)
13:40 – Обед
15:00 – Заседание секции «Научное освоение результатов охранных археологических исследований»
15:00 – Круглый стол «Проблемы охранной археологии, возможности, перспективы»
16:15 – Кофе-пауза
16:30 – Заседание секции «Научное освоение результатов охранных археологических исследований» (продолжение)
16:30 – Круглый стол «Проблемы охранной археологии, возможности, перспективы» (продолжение)
18:00 – Окончание работы
19:00 – Фуршет

15 мая

09:00–19:00 – Выездное заседание «Опыт реализации мероприятий по сохранению объектов культурного наследия (на примере памятников Нефтеюганского и Сургутского районов ХМАО – Югры)»

16 мая

09:30 – Заседание секции «Историография и методика охранных археологических исследований»
11:30 – Кофе-пауза
11:45 – Заседание секции «Историография и методика охранных археологических исследований» (продолжение)
13:30 – Обед
15:00 – Заседание секции «Научное освоение результатов охранных археологических исследований» (продолжение)
16:15 – Кофе-пауза
16:30 – Пленарная сессия: обсуждения, подведение итогов, принятие резолюции
18:00 – Окончание работы

Продолжительность пленарного доклада – 20 мин.; доклада на заседании секции – 15 мин. Порядок дискуссии определяется председателем секции.

14 мая

Место проведения: ***МБУК «Городская библиотека» – г. Нефтеюганск, 2А микрорайон, здание 8***

09:00	**Регистрация участников конференции**
09:30	**Открытие конференции**
Приветственное слово	
Изосимов Юрий Александрович, и. о. первого заместителя директора Департамента культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры	
Молодин Вячеслав Иванович, д.и.н., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН	
Бурчевский Виталий Анатольевич Глава города Нефтеюганска	
Соколков Александр Владимирович, директор Автономного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Центр охраны культурного наследия»	
Визгалов Георгий Петрович, к.и.н., директор ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология-1»	
Кардаш Олег Викторович, к.и.н., директор Автономной некоммерческой организации «Институт археологии Севера»	
Пленарная сессия Председатель: ***Молодин Вячеслав Иванович*** – д.и.н., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск)	
10:00 – 10:20	***Овчинникова Бронислава Борисовна*** – к.и.н., профессор департамента «Исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (г. Екатеринбург). **Археолог Владимир Фёдорович Генинг – 90 лет со дня рождения**
10:20 – 10:40	***Чижова Людмила Владимировна*** – к.и.н., доцент музеологии Российского Фонда культуры (г. Москва). **Об отце и учителе…**
10:40 – 11:00	***Молодин Вячеслав Иванович*** – д.и.н., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск). **В. Ф. Генинг и его свердловская школа. Разработка периодизации древних культур Прииртышья и их научная значимость**

11:00–11:20	***Ковалёва Валентина Трофимовна*** – к.и.н., доцент департамента «Исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (г. Екатеринбург). **Актуальность теоретического наследия В. Ф. Генинга**
11:20 – 11:40	***Макаров Леонид Дмитриевич*** – д.и.н., с.н.с. Института истории и культуры Приуралья Удмуртского государственного университета (г. Ижевск). **В. Ф. Генинг и история древнерусской Вятской земли**
	Фодор Иштван – профессор, член АН Татарстана (г. Будапешт, Венгрия). **В. Ф. Генинг и венгерская археология**
11:40 –12:00	**Кофе - пауза**
Пленарная сессия (продолжение)	
12:00 – 12:20	***Генинг Владимир Владимирович*** – к.и.н., советник генерального директора ООО «Археологические изыскания в строительстве» (г. Москва) **Вопросы периодизации первобытности в последних трудах В.Ф.Генинга**
12:20 – 12:40	***Векслер Александр Григорьевич*** – академик РААСН и ААН, профессор, заслуженный работник культуры РФ научный руководитель ООО «Археологические изыскания в строительстве» (г. Москва), ***Беркович Владимир Адольфович*** – заместитель генерального директора ООО «Археологические изыскания в строительстве» (г. Москва). **Спасательная археология Москвы на рубеже XX–XXI веков**
12:40 – 13:00	***Энговатова Ася Викторовна*** – к.и.н., заместитель директора Института археологии РАН (г. Москва). **Научно-исследовательские работы по сохранению объектов археологического наследия Института археологии РАН**
13:00 – 13:20	***Визгалов Георгий Петрович*** – к.и.н., директор ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология-1» (г. Нефтеюганск). **Аварийно-спасательные археологические исследования ООО «НПО "Северная археология-1"»**
13:20 – 13:40	***Зданович Геннадий Борисович*** – д.и.н., профессор Челябинского государственного университета (г. Челябинск) **Аркаим: Опыт создания и функционирования кластерного археологического заповедника**
13:40 – 15:00	**Обед**

Секция «Научное освоение результатов охранных археологических исследований»	
15:00 – 15:15	***Бородовский Андрей Павлович*** – д.и.н., ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск), ***Горохов Сергей Валерьевич*** – к.и.н., м.н.с. Лаборатории гуманитарных исследований НИЧ Новосибирского государственного университета **Научное освоение результатов охранных исследований по проектируемой трассе магистрального газопровода «Алтай» (Новосибирская область, Алтайский край, Республика Алтай)**
15:15 – 15:30	***Зырянова Светлана Юрьевна*** – заместитель директора Института гуманитарных наук и искусств по образованию Уральского федерального университета (г. Екатеринбург). **Результаты охранных археологических работ на поселении Шайдурихинское V в контексте изучения неолита Среднего Зауралья**
15:30 – 15:45	***Коренюк Сергей Николаевич*** – заместитель начальника Камской археологической экспедиции Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь). **Охранные исследования Залазнинского могильника финальной бронзы – начала раннего железа в Среднем Прикамье**
15:45 – 16:00	***Чемякин Юрий Петрович*** – к.и.н., доцент Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург). **Иткульские древности из грабительских раскопок**
16:00 – 16:15	***Борзунов Виктор Александрович*** – к.и.н., в.н.с. Уральского федерального университета (г. Екатеринбург) **Гамаюнские, иткульские и «гамаюно-иткульские» древности: история изучения и проблема интерпретации**
	Корьякин Андрей Сергеевич – археолог ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология-1» (г. Нижневартовск). **Керамический комплекс селища Угутское 29**
16:15 – 16:30	**Кофе - пауза**
Секция «Научное освоение результатов охранных археологических исследований» (продолжение)	
16:30 – 16:45	***Мингалёв Виталий Викторович*** – старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Национального исследовательского университета Высшая школа Экономики – Пермь (г. Пермь), ***Перескоков Михаил Львович*** – к.и.н., инженер НИЧ Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь). **Результаты охранных раскопок Мокинского могильника (III–VI вв. н.э.) в Пермском Прикамье в 2013 г.**

16:45 – 17:00	***Перескоков Михаил Львович*** – к.и.н., инженер НИЧ Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь). **Охранные работы Камской археологической экспедиции на городище Кашан I в Республике Татарстан в 2013 г.**
17:00 – 17:15	***Агаркова Анна Брониславовна*** – кандидат культурологии, заведующий Отделом археологии и этнографии Сургутского краеведческого музея (г. Сургут). **Краткие итоги археологического обследования низовий р. Мильтоньягун**
17:15 – 17:30	***Игонина Ирина Владимировна*** – учёный секретарь Нижневартовского краеведческого музея (г. Нижневартовск). ***Скоробогатова Анна Юрьевна*** – археолог ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология-1» (г. Нижневартовск). **Результаты археологических раскопок на территории объекта культурного наследия регионального значения «Усадьба П.А. Кайдалова», проведённых в 2013 г. в с. Ларьяк Нижневартовского района ХМАО – Югры**
17:30 – 17:45	***Катаева Наталья Андреевна*** – главный хранитель Нижневартовского краеведческого музея (г. Нижневартовск). **Кирьясский барк – объект культурного наследия**
17:45 – 18:00	***Гордиенко Алексей Владимирович*** – к.и.н., доцент Тюменской государственной академии культуры, искусств и социальных технологий» (г. Тюмень). **Предварительные итоги раскопок городища Андреевское 4**
	Пономарёва Татьяна Михайловна – археолог Автономной некоммерческой организации «Институт археологии Севера» (г. Нефтеюганск). **Керамика кинтусовского этапа из раскопок городища Стрелка**

Круглый стол «Проблемы охранной археологии, возможности, перспективы»
15:00 – 18:00
Председатель: ***Энговатова Ася Викторовна*** – к.и.н., заместитель директора Института археологии РАН (г. Москва).
Сопредседатель: ***Кардаш Олег Викторович*** – к.и.н., директор АНО «Институт археологи Севера» (г. Нефтеюганск)

Предлагаемые для обсуждения направления и вопросы круглого стола:

1. Проекты мероприятий по обеспечению сохранности объектов археологического наследия как документация, формирующая критерии качества и методики археологических исследований:
- обоснование стационарных археологических исследований;
- консервация и реставрация предметов как часть сохранения;
- естественнонаучные методы исследований в работах по сохранению;
- введение результатов исследований в общественный научный и культурный оборот.
2. Конкурсы и конкурсная документация на проведение работ по сохранению объектов археологического наследия, как основа качественного исполнения научно исследовательских работ:
- научная составляющая в критериях качества;
- профессиональная составляющая в критериях качества;
- техническая составляющая в критериях качества;
- критерии выбора и/или отказа организации от участия в конкурсах.
3. Взаимодействие археологических научно-исследовательских организаций в рамках профессионального сообщества и государственных органов, имеющих полномочия по охране и сохранению археологического наследия:
- получение разрешительных документов;
- контроль за работами по проектам;
- учет отчетной документации о работах по сохранению;
- рецензирование и критерии оценки отчетной документации.

15:00 – 15:15	***Кондрашёв Андрей Николаевич*** **–** руководитель Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (г. Ханты-Мансийск). **Государственная охрана объектов археологического наследия в Югре**
15:15 – 15:30	***Беспрозванный Евгений Мирович*** – генеральный директор ООО «АВ КОМ-Наследие» (г. Екатеринбург). **Критерий проведения Государственной историко-культурной экспертизы объектов археологического наследия**
15:30 – 15:45	***Чаиркин Сергей Евгеньевич*** – заместитель начальника Отдела археологии Государственного бюджетного учреждения культуры Свердловской области «Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области» (г. Екатеринбург). **Региональные аспекты федерального законодательства: из опыта работы по сохранению объектов археологического наследия Свердловской области**
15:45 – 16:00	***Погорелов Сергей Николаевич*** – заместитель начальника Отдела археологии «Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области» (г. Екатеринбург). **Проблемы выявления, изучения и сохранения объектов культурного наследия в Свердловской области (на примере «городской» и «торфяниковой» археологии)**

16:00 – 16:15	**Обсуждение, дискуссия**
16:15 – 16:30	**Кофе - пауза**
16:30 – 16:45	***Лызин Иван Павлович*** – ведущий инженер ОАО «Томский научно-исследовательский и проектный институт нефти и газа» (г. Томск), ***Марков Сергей Олегович*** – инженер I категории ОАО «Томский научно-исследовательский и проектный институт нефти и газа» (г. Томск). **Археологическое сопровождение проектных работ: опыт ОАО «ТомскНИПИнефть»**
16:45 – 17:00	***Карачаров Константин Геннадьевич*** – археолог, индивидуальный предприниматель (г. Екатеринбург). **Спасательные археологические полевые работы как вариант «чёрной археологии»**
17:00 – 17:15	***Руденко Константин Александрович*** – д.и.н., профессор Казанского государственного университета культуры и искусств (г. Казань). **Охранные археологические исследования в ТАССР – Республике Татарстан в 1950-1990-х гг.: научное и организационное значение для казанской археологии**
17:15 – 17:30	***Татаурова Лариса Вениаминовна*** – к.и.н., с.н.с., доцент Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (г. Омск). **Проблемы сохранения и исторической реконструкции объектов культурного наследия в границах современного населённого пункта (на примере Такмыкского острога)**
17:30 – 18:00	**Обсуждение, принятие решения**
19:00	**Фуршет**

15 мая

Выездное заседание
«Опыт реализации мероприятий по сохранению объектов культурного наследия (на примере памятников Нефтеюганского и Сургутского районов ХМАО - Югры)»

В ходе выездного заседания участники посетят ряд памятников Нефтеюганского и Сургутского районов ХМАО-Югры. Предполагается ознакомление с результатами исследовательских работ, методикой исследований, со спецификой разрушения памятников в результате природных, техногенных и антропогенных факторов, практикой охранных мероприятий и музеефикации объектов культурного наследия.

09:00	Отправление на автобусе из г. Нефтеюганска

09:30 – 10:00	Осмотр средневекового городища Окопас, Нефтеюганский район. ***Визгалов Георгий Петрович*** – к.и.н., директор ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология-1» (г. Нефтеюганск). **История открытия и изучения городища Окопас. Особенности планиграфии и фортификации памятника. Факторы разрушения объекта. Проблемы сохранения и музеефикации.** ***Богданова Алёна Анатольевна*** – археолог ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология-1» (г. Нефтеюганск). **Археологические исследования городища Окопас ООО «НПО "Северная археология-1"»**
10:30 – 11:00	Осмотр комплекса памятников Городского острова, Нефтеюганский район. ***Кардаш Олег Викторович*** – к.и.н., директор Автономной некоммерческой организации «Институт археологии Севера» (г. Нефтеюганск). **История изучения, методика исследования памятников Сырой Аган 1–7** ***Баранов Максим Юрьевич*** – археолог ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология-1» (г. Нефтеюганск). **Грунтовый могильник кулайской культуры Сырой Аган 13**
11:00 – 12:00	Поездка до пос. Барсово (Сургутский район)
12:00 – 13:00	**Обед**
13:00 – 15:00	Осмотр археологических памятников урочища «Барсова Гора» ***Бочкарёв Дмитрий Викторович*** – директор Муниципального автономного учреждения Сургутского района «Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова гора» (г. Сургут). **Урочище «Барсова Гора» – от неолита до Средневековья. Проблемы сохранения**
15:00 – 16:00	Поездка в пос. Сайгатино (Сургутский район)
16:00 – 17:00	Осмотр археологических памятников Сайгатинского урочища. Городище Кучиминское 14, могильник Сайгатинский 4 и другие. ***Карачаров Константин Геннадьевич*** – археолог, индивидуальный предприниматель (г. Екатеринбург). **История исследования. Проблемы сохранения и изучения объектов археологического наследия в условиях избыточной техногенной и антропогенной нагрузки, халатного и безответственного к ним отношения. Открытия и находки**
17:00 – 18:00	**Кофе – пауза, обсуждение**
18:00 – 19:00	**Возвращение в г. Нефтеюганск**

16 мая

Место проведения: ***МБУК «Городская библиотека» – г. Нефтеюганск, 2А микрорайон, здание 8***

Секция «Историография и методика охранных археологических исследований»	
9:30 – 9:45	***Цыбанков Александр Алексеевич*** – к.и.н., заведующий отделом охранно-спасательной археологии Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск), ***Славинский Вячеслав Сергеевич*** – к.и.н., с.н.с. Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск). **Всесезонные спасательные археологические раскопки на палеолитическом памятнике Афонтова гора 2 (г. Красноярск)**
9:45 – 10:00	***Вдовин Александр Сергеевич*** – к.и.н., заведующий кафедрой музееведения Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (г. Красноярск), ***Кузьминых Сергей Владимирович*** – к.и.н., с.н.с. Институт археологии РАН. **Археологические памятники Сибири в зоне хозяйственного освоения (конец XIX – начало XX в.)**
10:00 – 10:15	***Строгова Екатерина Алексеевна*** – к.и.н., научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов (г. Якутск). **Охранная археология в городе Якутске: первые шаги**
10:15 – 10:30	***Заика Александр Леонидович*** – к.и.н., доцент, заведующий музеем археологии и этнографии Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (г. Красноярск). **О проекте музея-заповедника «Шалаболинская писаница»**
10:30 – 10:45	***Петров Виталий Леонидович*** – аспирант Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Пермь). **Теоретические аспекты изучения культовых комплексов на средневековых поселениях в Пермском Предуралье**
10:45 – 11:00	***Гусенцова Татьяна Матвеевна*** – к.и.н., научный сотрудник Автономной некоммерческой организации «Научно-исследовательский институт культурного и природного наследия» (г. Санкт-Петербург). **Методы и результаты охранных исследований памятников эпохи камня в регионе Санкт-Петербурга**

11:00 – 11:15	***Лысенко Данил Николаевич*** – научный сотрудник ООО «Красноярская Геоархеология» (г. Красноярск). **Проблемы сохранения и перспективы исследований археологических памятников в городе Енисейске**
11:15 – 11:30	***Кениг Александр Владимирович*** – к.и.н., ведущий научный сотрудник Югорского научно-исследовательского института информационных технологий (г. Ханты-Мансийск). **Применение ГИС и средств ДЗЗ в сфере сохранения и охраны объектов археологического наследия**
11:30 – 11:45	**Кофе - пауза**
Секция «Историография и методика охранных археологических исследований» (продолжение)	
11:45 – 12:00	***Зайцева Ольга Викторовна*** – к.и.н., директор Центра междисциплинарных археологических исследований «Артефакт» Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск), ***Пушкарёв Андрей Александрович*** – м.н.с. Национального исследовательского Томского университета (г. Томск). **Наземная фотограмметрия в археологии: новые возможности высокоточной оперативной полевой фиксации.**
12:00 – 12:15	***Зайцева Ольга Викторовна*** – к.и.н., директор Центра междисциплинарных археологических исследований «Артефакт» Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск), ***Пушкарёв Андрей Александрович*** – м.н.с. Национального исследовательского Томского университета (г. Томск). **Применение магнитной разведки при определении границ и картографировании не выраженных в рельефе археологических объектов**
12:15 – 12:30	***Сурков Дмитрий Андреевич*** – старший научный сотрудник Отдела археологии «Музей Природы и Человека» (г. Ханты-Мансийск), ***Комова Наталья Геннадьевна*** – заведующий Отделом сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия автономного учреждения «Центр охраны культурного наследия» (г. Ханты-Мансийск). **К проблеме разрушения археологических памятников (опыт полевых исследований 2013 г.)**
12:30 – 12:45	***Собольникова Татьяна Николаевна*** – к.и.н., старший научный сотрудник Югорского научно-исследовательского института информационных технологий (г. Ханты-Мансийск). **Разработка мониторинга изменений ландшафтной ситуации на территории обьектов культурного наследия ХМАО-Югры**

12:45 – 13:00	***Крылосова Наталья Борисовна*** – д.и.н., Пермский научный центр УрО РАН, доцент Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Пермь), ***Белавин Андрей Михайлович*** – д.и.н., профессор, проректор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Пермь). **Комплекс мероприятий по охране Рождественского археологического комплекса в рамках программы противоаварийных исследований в Пермском крае**
13:00 – 13:15	***Балуева Юлия Валерьевна*** – научный сотрудник ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология -1» (г. Нефтеюганск). **Археологические исследования среднего течения р. Большой Юган в условиях интенсивного хозяйственного освоения**
13:15 – 13:30	***Коноваленко Марина Владимировна*** – научный сотрудник ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология -1» (г. Нефтеюганск). **Комплекс Кинтусовское 4 – научный потенциал и проблемы сохранения**
	Кардаш Олег Викторович – к.и.н., директор Автономной некоммерческой организации «Институт археологии Севера» (г. Нефтеюганск). **Консервации археологических объектов с мёрзлым культурным слоем, разрушающихся под воздействием окружающей среды: опыт сохранения Надымского и Пустозерского городищ**
13:30 – 15:00	**Обед**
Секция «Научное освоение результатов охранных археологических исследований»	
15:00 – 15:15	***Беркович Владимир Адольфович*** – заместитель генерального директора ООО «Археологические изыскания в строительстве» (г. Москва), ***Егоров Константин Александрович*** – начальник отдела натурных исследований ООО «Археологические изыскания в строительстве» (г. Москва). **Новые материалы о потомках хана Кучума (по результатам охранных исследований в историческом центре Москвы)**

15:15 – 15:30	***Мурыгин Александр Михайлович*** – к.и.н., с.н.с. Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар), ***Корманов Виктор Николаевич*** – заведующий Отделом археологии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар). **Новые археологические открытия в западном секторе Российской Арктики**
15:30 – 15:45	***Баранов Максим Юрьевич*** – археолог ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология-1» (г. Нефтеюганск) **Культурно-хозяйственный комплекс приобских остяков XVII–XIX вв. (по материалам исследования поселения Бала 1)**
15:45 – 16:00	***Самигулов Гаяз Хамитович*** – к.и.н., доцент Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). **Реконструкция укреплений Нового времени на примере Волковского редута Уйской пограничной линии**
16:00 – 16:15	***Лихтер Юлия Абрамовна*** – к.и.н., советник по науке ООО «Археологические изыскания в строительстве» (г. Москва). **Новые находки стекла в Москве (раскопки 2013 года)**
	Сарапулов Алексей Николаевич – старший преподаватель Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Пермь). **Классификация и хронология железных наконечников пахотных орудий Пермского Предуралья эпохи средневековья**
	Подосёнова Юлия Александровна – к.и.н., старший преподаватель кафедры древней и средневековой России Пермский государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Пермь). **Филигранные ювелирные изделия с территорий Западной Сибири, Республики Коми, Пермского и Удмурского Предуралья: особенности изучения**
16:15 – 16:30	**Кофе - пауза**
Пленарная сессия	
16:30 – 18:00	Подведение итогов Обсуждение и принятие резолюции

Департамент культуры Югры	Центр охраны культурного наследия	Институт археологии и этнографии СО РАН	Институт гуманитарных наук и искусств УрФУ	Северная археология-1	Институт археологии Севера

VII научно-практическая конференция «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа - Югры», посвященная 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.)

РЕЗОЛЮЦИЯ

14–16 мая 2014 года в г. Нефтеюганск состоялась VII научно-практическая конференция «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвященная 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга – археолога-основателя направления охранных археологических исследований на территории Урала и Западной Сибири. Конференция организована и проведена в рамках мероприятий, посвященных году культуры Российской Федерации, Департаментом культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, автономным учреждением «Центр охраны культурного наследия» (г. Ханты-Мансийск), Институтом археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск), Департаментом «Исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), ООО «НПО “Северная археология–1”» (г. Нефтеюганск) и АНО «Институт археологии Севера» (г. Нефтеюганск).

В работе конференции приняли участие 78 специалистов из 36 научных, культурных и учебных центров России – Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Ижевска, Перми, Сыктывкара, Челябинска, Екатеринбурга, Тюмени, Ханты-Мансийска, Нефтеюганска, Сургута, Нижневартовска, Омска, Томска, Новосибирска, Красноярска, Якутска. С докладами выступили академики, доктора наук, кандидаты, также аспиранты, научные сотрудники и специалисты-археологи, как состоявшиеся ученые, так и молодые начинающие исследователи. В составе участников также были музейные работники и представители органов государственной охраны памятников Российской Федерации.

В ходе конференции состоялись два пленарных заседания, работали две секции и Круглый стол «Проблемы охранной археологии, возможности, перспективы», участниками которого стали представители организаций, занимающихся деятельностью в области сохранения историко-культурного наследия из разных регионов России. Важным мероприятием конференции явилось выездное заседание-экскурсия «Опыт реализации мероприятий по сохранению объектов культурного наследия (на примере памятников Нефтеюганского и Сургутского районов ХМАО – Югры)». Специалисты познакомились с методикой и результатами работ НПО «Северная археология–1» на памятниках, подвергающихся разрушению в результате природных и антропогенных факторов.

Конференция отличалась глубиной раскрытия проблематики охранных археологических исследований на территории России. Выступающие обсуждали вопросы, связанные с деятельностью по сохранению археологического наследия, как практического, так и научного характера, актуальные в наши дни.

На современном этапе развития археологической науки в нашей стране охранные археологические исследования по объемам работ выходят на первое место. Следует отметить дистанцированность организаций разных форм собственности, проводящих археологические исследования, и исключение научного анализа и практики введения результатов раскопок, как в научный, так и в общественный культурный оборот. Учитывая ведущую роль академических и образовательных учреждений в становлении и развитии охранных исследований, как отдельного направления, следует особо выделить важность сохранения преемственности академической науки в охранных археологических исследованиях и достижения в результате научного и общественно значимого эффекта.

Одним из способов интеграции научного и практического направлений должно стать проведение регулярных совместных научных мероприятий в форме конференций, семинаров, круглых столов.

Вместе с тем, судя по представительному составу данной конференции, формат форума вышел за рамки регионального и узко-тематического уровня.

Предлагаем **рассмотреть вопрос о расширении формата следующего научного собрания до уровня Всероссийской научно-практической конференции с международным участием.**

Для расширения тематики конференции, в зависимости от актуальности проблем, предлагаем утвердить постоянное название конференции: «Археология Севера России» с изменяющимся подзаголовком, в соответствии с темой очередного форума.

Темы форумов посвятить истории развития охранной археологии, совершенствованию методов археологических исследований и проблемам введения в научный и общественный культурный оборот результатов охранных работ. Некоторые из таких конференций следует посвящать юбилеям археологов-исследователей, внесших значительный вклад в развитие археологии Севера России.

Считаем необходимым привлечь к участию в организации конференции и разработке тем для обсуждения Департамент образования и молодежной политики ХМАО – Югры, а также учреждений высшего образования ХМАО – Югры. В связи с этим, *предлагаем* повторить успешный опыт проведения Всероссийской конференции на базе ГБОУ ВПО «Сургутский государственный университет Ханты-Мансийского автономного округа – Югры».

В результате работы настоящей конференции был обозначен ряд проблем и наиболее острых вопросов в сфере современных охранных археологических исследований. Участниками отмечена проблема отсутствия взаимодействия и государственной поддержки в решении нормативных и научно-методических проблем охранных археологических исследований. Обозначено недостаточное развитие и отставание нормативно-правовой базы в условиях динамично развивающейся охранной археологии. В частности, отсутствие общероссийских регламентов, методических разработок, учитывающих региональную специфику археологического наследия. Частичное несоответствие методики археологических исследований современной технической оснащенности. Особо отметим, что развитие нормативно-правовой базы и приведение ее в соответствии с современными запросами невозможно без государственной поддержки, поскольку научно-теоретические разработки не входят в состав охранных исследований.

Предлагаем **на региональном уровне провести совместные рабочие совещания с представителями органов государственной власти по проблемам сохранения, изучения и использования археологического наследия региона и обсуждения региональных проблем сохранения. Считаем необходимым дальнейшее обсуждение региональных проблем на общероссийском уровне на базе Института археологии РАН, с участием специалистов научных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска и других субъектов РФ, а также с привлечением представителей уполномоченных региональных государственных органов охраны культурного наследия и специалистов Министерства культуры РФ.**

В ходе заседаний конференции и работы Круглого стола «Проблемы охранной археологии: возможности, перспективы» из обсуждаемых вопросов была выделена проблема координации действий между органами власти, научно-исследовательскими и научно-производственными организациями в деле сохранения объектов археологического наследия на Севере России. В том числе было озвучено, что при планировании государственных мероприятий по сохранению объектов археологического наследия нередки случаи включения в планы этих мероприятий археологических объектов, которым не грозит уничтожение, объектов археологического наследия, не являющихся таковыми, и, более того, исключение из действующих государственных программ финансирования работ по сохранению археологических памятников, представляющих особое научное значение и находящихся в аварийном состоянии. Основной причиной этого является недостаточная обоснованность решений из-за отсутствия коллегиальности их принятия.

Отмечая успешную деятельность Совета при Правительстве Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по вопросам сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО – Югры, *предлагаем* использовать такой опыт в субъектах Российской Федерации. Считаем, что к работе таких Советов необходимо привлечение специалистов из российских и региональных научных центров, а также экспертов, аттестованных Министерством культуры РФ.

В рамках конференции состоялось выездное заседание: «Опыт реализации мероприятий по сохранению объектов археологического наследия (на примере памятников Нефтеюганского и Сургутского районов ХМАО – Югры)». В процессе его работы посещались объекты, расположенные в зоне активного хозяйственного освоения в Нефтеюганском и Сургутском районах. В частности, был произведен осмотр комплекса археологиче-

ских памятников урочища Барсова Гора, получившего в 2012 г. статус достопримечательного места. Именно В. Ф. Генингу принадлежала идея создания на Барсовой Горе археологического заповедника. На сегодняшний день участниками конференции состояние объектов археологического наследия в урочище Барсова Гора определяется как аварийное. В условиях интенсивного развития и благоустройства пос. Барсово оптимальной формой сохранения следует считать максимальное стационарное изучение археологических памятников, расположенных на Барсовой Горе. На части территории урочища, не подверженной активному антропогенному воздействию, необходимо создать историко-культурный заповедник.

Предлагаем **провести рабочее совещание по проблеме сохранения объектов археологического наследия урочища Барсова гора с участием всех землепользователей и заинтересованных сторон на уровне Правительства Ханты – Мансийского автономного округа-Югры.**

В целях сохранения культурного наследия России участники конференции отметили о необходимости усиления борьбы с «черными археологами».

Рекомендуем ознакомить с настоящей Резолюцией конференции членов Совета при Правительстве Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по вопросам сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и принять к сведению рекомендации научного сообщества.

Резолюция принята 16.05.2014 г. в г. Нефтеюганске на заключительном пленарном заседании VII научно-практической конференции «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвященной 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга.

Подписи участников

И. о. первого заместителя директора Департамента культуры ХМАО – Югры, г. Ханты-Мансийск	*Изосимов Ю. А.*
Начальник отдела музеев, библиотек, выставочной деятельности и историко-культурного наследия Департамента культуры ХМАО – Югры, г. Ханты-Мансийск	*Кизнер Ю. И.*
Директор автономного учреждения ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия», г. Ханты-Мансийск	*Соколков А. В.*
Руководитель Службы государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО – Югры, г. Ханты-Мансийск	*Кондрашёв А. Н.*
Заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН, академик РАН, д. и. н., г. Новосибирск	*Молодин В. И.*
Заместитель директора Института археологии РАН, к. и. н., г. Москва	*Энговатова А. С.*
Заместитель директора Института истории материальной культуры РАН, к. и. н., г. Санкт-Петербург	*Соловьева Н. Ф.*
Заместитель директора Института истории и археологии УрО РАН, к. и. н., г. Екатеринбург	*Чаиркина Н. М.*
Заведующий Югорской лабораторией Института археологии и этнографии СО РАН, к. и. н., г. Ханты-Мансийск	*Кениг А. В.*
Директор АНО «Институт археологии Севера» к. и. н., г. Нефтеюганск	*Кардаш О. В.*
Директор ООО «НПО «Северная археология-1» к. и. н., г. Нефтеюганск	*Визгалов Г. П.*

Директор МАУ Сургутского района «Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора», г. Сургут	*Бочкарёв Д. В.*
Старший научный сотрудник АУ «Центр охраны культурного наследия», г. Ханты-Мансийск	*Васильев В. Г.*
Заместитель генерального директора ООО «Археологические изыскания в строительстве», г. Москва	*Беркович В. А.*
Профессор департамента «Исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, к. и. н., г. Екатеринбург	*Овчинникова Б. Б.*
Доцент музеологии Российского Фонда культуры к. и. н., г. Москва	*Чижова Л. В.*
Советник генерального директора ООО «Археологические изыскания в строительстве», к. и. н., г. Москва	*Генинг В. В.*
Профессор Челябинского государственного университета, д. и. н., г. Челябинск	*Зданович Г. Б.*
Доцент Уральского государственного педагогического университета, к. и. н., г. Екатеринбург	*Чемякин Ю. П.*
Профессор Казанского государственного университета культуры и искусств, д. и. н., г. Казань	*Руденко К. А.*
Заведующий Отделом охранно-спасательной археологии Института археологии и этнографии СО РАН, к. и. н., г. Новосибирск	*Цыбанков А. А.*
Ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, д. и. н., Новосибирск	*Бородовский А. П.*
Старший научный сотрудник Института истории и культуры Приуралья Удмуртского государственного университета, д. и. н., г. Ижевск	*Макаров Л. Д.*
Научный сотрудник АНО «Научно-исследовательский институт культурного и природного наследия», к. и. н., г. Санкт-Петербург	*Гусенцова Т. М.*
Советник по науке ООО «Археологические изыскания в строительстве», к. и. н., г. Москва	*Лихтер Ю. А.*
Научный сотрудник ООО «Красноярская Геоархеология», г. Красноярск	*Лысенко Д. Н.*
Старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми Научного центра УрО РАН, к. и. н., г. Сыктывкар	*Мурыгин А. М.*
Заведующий Музеем археологии и этнографии Красноярского государственного педагогического университета, к. и. н., г. Красноярск	*Заика А. Л.*
Доцент кафедры отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета, к. и. н., г. Красноярск	*Вдовин А. С.*
Доцент Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, Омского государственного университета, к. и. н., г. Омск	*Татаурова Л. В.*

Доцент Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, д. и. н., г. Пермь	*Крыласова Н. Б.*
Доцент Южно-Уральского государственного университета, к. и. н., г. Челябинск	*Самигулов Г. Х.*
Старший преподаватель Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Пермь	*Сарапулов А. Н.*
Старший преподаватель кафедры древней и средневековой России Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, к. и. н., г. Пермь	*Подосёнова Ю. А.*
Младший научный сотрудник Лаборатории палеоэкологии Института экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург	*Лобанова Т. В.*
Заместитель начальника Камской археологической экспедиции Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь	*Коренюк С. Н.*
Старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа Экономики – Пермь», г. Пермь	*Мингалёв В. В.*
Инженер НИЧ Пермского государственного национального исследовательского университета, к. и. н., г. Пермь	*Перескоков М. Л.*
Заместитель начальника Отдела археологии ГБУК Свердловской области «Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области», г. Екатеринбург	*Чаиркин С. Е.*
Заместитель начальника Отдела археологии ГБУК Свердловской области «Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области», г. Екатеринбург	*Погорелов С. Н.*
Научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов, к. и. н., г. Якутск	*Строгова Е. А.*
Аспирант Пермского государственного гуманитарно-Педагогического университета, г. Пермь	*Петров В. Л.*
Ведущий инженер ОАО «Томский научно-исследовательский и проектный институт нефти и газа», г. Томск	*Глызин И. П.*
Археолог, индивидуальный предприниматель г. Екатеринбург	*Карачаров К. Г.*
Директор Нижневартовского краеведческого музея, кандидат культурологи, г. Нижневартовск	*Ковалёва Л. Е.*
Учёный секретарь Нижневартовского краеведческого музея, г. Нижневартовск	*Игонина И. В.*
Главный хранитель Нижневартовского краеведческого музея, г. Нижневартовск	*Катаева Н. А.*
Генеральный директор ООО «АВ КОМ–Наследие», г. Екатеринбург	*Беспрозванный Е. М.*
Сотрудник ООО «АВ КОМ–Наследие», г. Екатеринбург	*Беспрозванный Г. Е.*

Старший научный сотрудник Отдела археологии Музея Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск	*Сурков Д. А.*
Заведующий Отделом сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия АУ «Центр охраны культурного наследия», г. Ханты-Мансийск	*Комова Н. Г.*
Специалист по связям с общественностью АУ «Центр охраны культурного наследия», г. Ханты-Мансийск	*Петелина Г. Г.*
Старший научный сотрудник Обско-Югорского института Прикладных исследований и разработок, к. и. н., г. Ханты-Мансийск	*Собольникова Т. Н.*
Доцент Института изобразительных искусств и музейных технологий Тюменской государственной академии культуры, искусств и социальных технологий, к. и. н., г. Тюмень	*Гордиенко А. В.*
Директор Центра коллективного пользования междисциплинарных археологических исследований «Артефакт» Томского государственного университета, к. и. н. г. Томск	*Зайцева О. В.*
Директор МБУК «Сургутский краеведческий музей», г. Сургут	*Селянина М. Ю.*
Научный сотрудник МБУК «Сургутский краеведческий музей», г. Сургут	*Агаркова А. Б.*
Научный сотрудник ООО «НПО «Северная археология-1», г. Тюмень	*Пархимович С. Г.*
Научный сотрудник ООО «НПО «Северная археология-1», г. Тюмень	*Пархимович С. Ю.*
Археолог ООО «НПО «Северная археология-1», г. Нефтеюганск	*Баранов М. Ю.*
Научный сотрудник ООО «НПО «Северная археология-1», г. Нефтеюганск	*Коноваленко М. В.*
Научный сотрудник ООО «НПО «Северная археология-1», г. Нефтеюганск	*Балуева Ю. В.*
Научный сотрудник ООО «НПО «Северная археология-1», г. Нефтеюганск	*Богданова А. А.*
Заведующий сектором научных форумов АНО «Институт археологии Севера», г. Нефтеюганск	*Рудковская М. А.*
Научный сотрудник ООО «НПО «Северная археология-1», г. Нефтеюганск	*Корьякин А. С.*
Научный сотрудник ООО «НПО «Северная археология-1», г. Нефтеюганск	*Скоробогатова А. Ю.*
Научный сотрудник АНО «Институт археологии Севера», г. Москва	*Смирнова М. А.*
Научный сотрудник АНО «Институт археологии Севера», г. Екатеринбург	*Пономарева Т. М.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АА – Академия архитектуры
АВКОМ – Аудиовизуальные коммуникации
авт. – автор (-ы)
автореф. – автореферат
АГАО – Алтайская государственная академия образования им. В. М. Шукшина
АИСТ – Археологические исследования в строительстве
АН – Академия наук
АНО – Автономная некоммерческая организация
АО – Археологические открытия; Акционерное общество *(в зависимости от контекста)*
археол. – археологический (-ая, -ое)
АС – Археологический съезд
АУ – Автономное учреждение
АЭ – Археологическая экспедиция
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии
АЭБ – Археология и этнография Башкирии
АЭМК – Археология и этнография Марийского края
АЭС – Атомная электрическая станция
АЮС – Археология Южной Сибири
БАН – Болгарская Академия наук
БГД ПИР – База геоинформационных данных проектно-изыскательских работ
БИС – Библиотечно-информационная система
БКИ – Банк культурной информации
БНЦ – Башкирский научный центр
БОИФН – Бюро Отделения историко-филологических наук
БУ – Бюджетное учреждение
БФ – Башкирский филиал
бывш. – бывший (-ая, -ое)
Бюлл. Бюллетень
В – восток
в., вв. – век, века
ВААЭ – Вестник антропологии, археологии и этнографии
ВАНПК – Всероссийская археологическая научно-практическая конференция
ВАС – Всероссийский археологический съезд
ВАТ – Вопросы археологии Татарстана
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВВП – Второй век подвижничества
Вест. – Вестник
вл. – владение
ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВНК – Восточная нефтяная компания
ВО – Восточное обозрение
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВСВ – восток-северо-восток
ВСЕГЕИ – Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А. П. Карпинского
Всерос. – Всероссийский (-ая)
ВСО РГО – Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества
ВТП – Вопросы теории и практики.
ВЦ – Вычислительный центр
в. н. с. – ведущий научный сотрудник
вып. – выпуск
ВЭС – Восточнославянский этнографический сборник
ВЮВ – восток-юго-восток
г. – город, год *(в зависимости от контекста)*
га – гектар (-ы)
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГАКК – Государственный архив Красноярского края
ГАПК – Государственный архив Пермского края
ГБУК СО – Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской обл.
гг. – города, года *(в зависимости от контекста)*
ГГЭ – Главная государственная экспертиза; «Главгосэкспертиза»
ГГЭГ – Геология, геоэкология, эволюционная география
ГИМ – Государственный исторический музей
ГИС – Географическая информационная система
гл. – глубина
ГМПК – Государственный музей Приенисейского края
ГМТР – Государственный музей Татарской Республики
ГО – Географическое общество; городской округ *(в зависимости от контекста)*
ГОМРТ – Государственный объединенный музей Республики Татарстан
гос. – государственный (-ая)
г. р. – год рождения
ГРМ – Государственный Русский Музей
ГСПА – Государственная социально-педагогическая академия
ГЭС – гидроэлектростанция
губ. – губернский (-ая, -ое), губерния *(в зависимости от контекста)*
ГУГКОИПИК – Главное управление государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры
д. – дело
д. г.-м. н. доктор геолого-минералогических наук
дер. деревня
дипл. – дипломная
д. и. н. – доктор исторических наук
дис. – диссертация
ДМ – Дополнительные материалы
докл. – доклад
докт. – доктор
док. ист. наук – доктор исторических наук
доп. – дополненное, дополнительное
ДСЦА – Древности Сибири и Центральной Азии
ДЦП – Долгосрочная целевая программа
ед. – единица (-цы)
ед. хр. – единица (-цы) хранения
ЕП – Енисейская провинция.
З – запад
Зап. – Записки
ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗЗСОРГО Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества
ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗСАЭС – Западно-Сибирское археолого-этнографическое совещание
ЗСАЭК – Западно-Сибирская археолого-этнографическая конференция
ЗСЗ – запад-северо-запад
ЗСПбМО – Записки Санкт-Петербургского Минералогического Общества
ЗУОЛЕ – Записки Уральского общества любителей естествознания
ИА – Институт археологии
ИАК – Императорская археологическая комиссия
ИАН – Императорская Академия наук
ИАС – Институт археологии Севера
ИАиЭ Институт археологии и этнографии
ИАЭТ – Институт археологии и этнографии
ИГИиПМНС – Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
ИД – Издательский дом
ИИ – Институт истории
ИИА – Институт истории и археологии
ИИС – Из истории Сибири
ИИМК – Институт истории материальной культуры
Изв. – Известия
изд. – издание, издано *(в зависимости от контекста)*
изд-во – издательство
ИКЗ – Историко-культурное зонирование
ИКИ – историко-культурные изыскания
ИКН – историко-культурное наследие
ИКУ – Императорский Казанский университет
ИКУ – Императорский Казанский университет
ил. – иллюстрация
ИМО – Императорское Минералогическое общество
ИМУ – Императорский Московский Университет
инв. – инвентарный
ИП – Индивидуальный предприниматель
ИПК – Издательско-полиграфическая компания
ИПЦ – Издательско-полиграфический центр
ИПОС – Институт проблем освоения Севера
ИРАО – Императорское Русское археологическое общество
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет
ИрГУ – Иркутский государственный университет
ИРГО – Императорское Русское географическое общество
ИРГО – Императорское Русское географическое общество
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет
ИрГУ – Иркутский государственный университет
испр. – исправленное
ИФС – Историко-филологический сборник
ИЭ – Институт этнографии
ИЭПС – Институт экологических проблем Севера
ИЭРЖ – Институт экологии растений и животных
ИЯИТККПН – Институт языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа
ИЯЛИ – Институт языка, истории и литературы
КА – Кабинет археологии
КазГПИ – Казанский государственный педагогический институт
КазГУ – Казанский государственный университет
КазГУКИ – Казанский государственный университет культуры и искусств
кал. л. н. – калиброванных лет назад
канд. ист. наук – кандидат исторических наук
КАЭ – Камская археологическая экспедиция; Куйбышевская археологическая экспедиция – *(в зависимости от контекста)*
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция
кВ – Киловольт
кв. м – квадратный метр
К(В)АЭ – Камская (Воткинская) археологическая экспедиция
к. г.-м. н. – кандидат геолого-минералогических наук
КГПИ – Красноярский государственный педагогический институт
КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет
КГУ – Красноярский государственный университет
КемГУ – Кемеровский государственный университет
к. и. н. – кандидат исторических наук
кн. – книжное

ККМ – Красноярский краевой краеведческий музей
КМ – Кабинет министров
км – километр
КНТ – Комиссия научного туризма
КНЦ – Коми Научный центр
КОИКМ – Куйбышевский областной историко-краеведческий музей
колл. – коллекция
КОКМ – Кировский областной краеведческий музей
Коми НЦ – Коми Научный центр
КрПВСО РГО – Красноярский подотдел Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества
КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
к. т. н. – кандидат технических наук
колл. – коллекция
КФ – Казанский филиал
КурГУ – Курганский государственный университет
л. – лист
ЛА – Лаборатория археологии
ЛАИ – Лаборатория археологических исследований
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛДТ – Лаборатория древних технологий
ЛИАЭ – Ленская историко-археологическая экспедиция
литогр. – литография
л. н. – лет назад
ЛУ – Лицензионный участок
ЛЭП – Линия электропередач
М. – Москва
МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
Мат-лы – Материалы
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
МАЭ ПП – Музей археологии и этнографии Пермского Приуралья
МБУ – Муниципальное бюджетное учреждение
МГА – Минусинский городской архив
МГУ – Московский государственный университет
Междунар. – Международный (-ая, -ое)
Межрегион. – Межрегиональная
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИАР – Материалы и исследования по археологии России
МИАЭИКК – Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края
МИ К(В)АЭ – Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции.
МК – Министерство культуры
МК (МКиТ) СО – Министерство культуры (Министерство культуры и туризма) Свердловской обл.
мкр. – микрорайон
МКЧ – Мартьяновские краеведческие чтения
МН – магистральный нефтепровод
МНПК – Международная научно-практическая конференция
МНС – Музей народов Сибири
МО ИРВИО – Московский отдел Императорского Русского Военно-Исторического общества
МПС – Министерство путей сообщения
МУГИ – Министерство по управлению государственным имуществом
МУГИСО – Министерство по управлению государственным имуществом Свердловской обл.
МЭ – Материалы по этнографии.
НА – Научный архив
науч.-практ. – научно-практическая
НАЦ – Научный археологический центр
НАО – Ненецкий автономный округ
НАЭ – Новостроечная археологическая экспедиция
НГГУ – Нижневартовский государственный гуманитарный университет
НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет
НГУ – Новосибирский государственный университет
НИИК – Научно-исследовательский институт культуры
НИИ КПН – Научно-исследовательский институт культурного и природного наследия
НИПИ – Научно-исследовательский и проектный институт
НИР – научно-исследовательская работа
НИСО – Научно-исследовательский отдел
НИУ – Национальный исследовательский университет
НИУ ВШЭ – Национально-исследовательский университет «Высшая школа экономики – Пермь»
НК – Нефтяная компания
НКМ – Ненецкий краеведческий музей, г. Нарьян-Мар
НМ – Национальный музей
НМУР – Национальный музей Удмуртской Республики
НОУ УНЦ – Негосударственное образовательное учреждение «Учебно-научный центр»
НПО – Научно-производственное объединение
НПС Нефтеперекачивающая станция
НПЦ – Научно-производственный центр
НПЦ ОИПИК СО – Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской обл.
НТГСПА – Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия
НТГПИ – Нижнетагильский государственный педагогический институт
НТМЗ – Нижнетагильский музей-заповедник.
НЦ – Научный центр
НЦАИ – Национальный центр археологических исследований
н. э. – наша эра, новая эра
ОАИСУ – Охранные археологические исследования на Среднем Урале
ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии
ОАО – Открытое акционерное общество
об. – оборот
обл. – область
о-в – остров
ОГИ – Общество горных инженеров
ОГУП – Областное государственное унитарное предприятие
оз. – озеро
ОЗ ИСПбУ – Общество землеведения при Императорском Санкт-Петербургском университете
ОИУ – Очерки истории Урала
ОКН – объект (-ы) культурного наследия
ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет
ОмГУ – Омский государственный университет
ООО – Общество с ограниченной ответственностью
оп. – опись
ОПИ – Отдел полевых исследований
ОСОКН – Обеспечение сохранности объектов культурного наследия
Отд. – Отдел
отдел. – отдельный
ОУИПИР – Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
ОФ – Омский филиал
п. – пункт
ПАЭАССТ – Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий
ПАЭ – Приленская археологическая экспедиция
ПАЭИКПК – Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края
ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПГНИУ – Пермский государственный национально-исследовательский университет
ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет
ПГУ – Пермский государственный университет
перераб. и доп. – переработанное и дополненное
ПНИАЛ – Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория
ПНЦ – Пермский научный центр
погр. – погребение
ПомГУ – Поморский государственный университет
пос. – поселок
пособ. – пособие
пп. – Подпункт; по порядку *(в зависимости от контекста)*
предисл. – предисловие
прилож. – приложение
ПС – Подстанция
ПТг. – Петроград
ПУ – Пермский университет (Пермский государственный университет)
ПФ – Пермский филиал
ПХКПАПЗС – Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири
р., рр. – река, реки
РА – Российская археология; Рукописный архив *(в зависимости от контекста)*
РАЕ – Российский археологический ежегодник
РАН – Российская Академия наук
РАО – Русское археологическое общество
РВК – районный военкомат (райвоенкомат)
РГ – Российская газета
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГИА – Российский государственный исторический архив
РГО – Русское географическое общество
РГПУ – Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
ред. – редактор, редакция *(в зависимости от контекста)*
РЖВ – ранний железный век
РИО – Редакционно-издательский отдел
РИЦ – Редакционно-издательский центр
РН – Роснефть
р-н – район
РОФ – Региональный общественный фонд
РС (Я) – Республика Саха (Якутия)
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая республика
РТ – Республика Татарстан
РФ – Российская Федерация
с. – село, страница *(в зависимости от контекста)*
СА – Советская археология
саж. – сажень
САК – Северный археологический конгресс
САДА – Сибирская автодорожная академия

САК – Северный археологический конгресс
САО – Самарское археологическое общество
сб. – сборник
СВ – северо-восток; Сибирские вопросы *(в зависимости от контекста)*
СВФУ – Северо-восточный федеральный университет (бывш. ЯГУ)
СЖС – Сибирская живая старина.
СЗ – северо-запад
СЗРИ – Свод законов Российской империи
сер. – серия
СИКН – Сохранение и изучение культурного наследия
СИКНАК – Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края
СИФ – Сибирская издательская фирма
СНиП – Свод нормативов и правил
СНК – Совет народных комиссаров
с. н. с. – старший научный сотрудник
СО – Сибирское отделение; Свердловская область *(в зависимости от контекста)*
СОКМ – Свердловский областной краеведческий музей
сост. – составитель, составлено *(в зависимости от контекста)*
соч. – сочинение (-я)
СП – Свод правил
СПб. – Санкт-Петербург
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СРО Свердловское региональное отделение
СРП Свод реставрационных правил
ССВ – северо-северо-восток
ССЗ – северо-северо-запад
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
ст. – столбец
стр. – строка
СурГПИ – Сургутский государственный педагогический институт
СФУ – Сибирский федеральный университет
т. – том, тома
ТАССР – Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
ТАЭ – Татарская археологическая экспедиция
ТГАКИиСТ – Тюменская государственная академия культуры, искусств и социальных технологий
ТГУ – Томский государственный университет
тез. – тезисы
ТГИАМЗ – Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
ТОНИМК – Тюменское общество научного изучения местного края
Том. ГУ – Томский государственный университет
тр. – труды
тыс. – тысячелетие, тысяча *(в зависимости от контекста)*
ТюмГУ – Тюменский государственный университет
ТюмОКМ Тюменский окружной краеведческий музей
УАС – Уральское археологическое совещание
УАЭ – Уральская археологическая экспедиция
УВД – Управление внутренних дел
УВШСиТП (ОВиШС) – Управление водяных и шоссейных сообщений и торговых портов (по Отделению водяных и шоссейных сообщений)
УдГУ – Удмуртский государственный университет
Удм. ун-т – Удмуртский университет
УЗ – Ученые записки
УИВ – Уральский исторический вестник
УИИЯЛ – Удмуртский Институт истории, языка и литературы
УИС – Университетский издательский консорциум
УИФ – Уральская издательская фирма
УИЭ – Уральская историческая энциклопедия
ум. – умер, умерший
УМЦ – Учебно-методический центр
УНЦ – Уральский научный центр
УОЛЕ – Уральское общество любителей естествознания (г. Екатеринбург)
Урал. – Уральский (-ая)
УрГПУ – Уральский государственный педагогический университет
УрГУ – Уральский государственный университет
УРК – Уральская родоведческая конференция
УрО – Уральское отделение
УрФУ – Уральский федеральный университет
УрФО – Уральский федеральный округ
учеб. – учебное
УЦАО – Уральский центр академического обслуживания
УЦИО – Уральского церковно-исторического общества.
уч. – участок
учеб. пос. – учебное пособие
ф. – фонд
ФАУ – Федеральное автономное учреждение
ФГОУ ВПО – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
ФЗ – Федеральный Закон
фр. – фрагмент (-ы)
ФСБ – Федеральная служба безопасности
Хакас. – Хакаское
ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ
ЦКП – Центр коллективного пользования
ЧГ – Челябинский гуманитарий
ЧГУ – Челябинский государственный университет
чл.-корр. – член-корреспондент
ЧОКМ – Челябинский областной краеведческий музей
ЭВМ – электро-вычислительная машина (-ы)
экз. – экземпляр
ЭРН – Энциклопедия российских немцев
ЭС – Этнографический сборник
ЮВ – юго-восток
ЮЗ – юго-запад
ЮЮЗ – юго-юго-запад
ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет
ЮУрФ – Южно-Уральский филиал
ЮЮВ – юго-юго-восток
ЯАССР – Якутская Автономная Советская социалистическая республика
ЯГУ – Якутский государственный университет
ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ
ЯНИИТ – Якутский научно-исследовательский институт туберкулеза
ЯНЦ – Якутский научный центр
ЯФ – Якутский филиал
BC, B.C. – Before Christ – до рождества Христова, до нашей эры
BAR – British Archaeological Reports
Cal. – calibrated – калиброванный (-ая, -ые)
CTU – Czech Technical University,
Eds – Editors
FCE – Faculty of Civil Engineering
ІА НАН УКРАЇНИ – Институт археологии Национальная академия наук Украины

Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований:
Материалы VII научно-практической конференции
«Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»,
посвященной 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга
(Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.).

Научное издание

Художественное оформление: Марина Горбунова
Верстка: Юлия Зайцева
Корректура: Мария Степанова

Издатель: ИП Горбунова М. Б., 620034, Екатеринбург, ул. Черепанова, 30, 234

Подписано в печать 2014 г. Формат 60x90/8
Усл. печ. л.43. Тираж экз. Заказ №

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленного оригинала-макета